ЕВРОПЕЙСКИЕ ДЕРЖАВЫ И ТУРЦИЯ
ВО ВРЕМЯ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

КОНСТАНТИНОПОЛЬ

ПРОЛИВЫ

по секретным документам б. министерства иностранных дел

Под редакцией Е. А. Адамова

Издание Литиздата НКИД
Москва — 1926

ЕВРОПЕЙСК
ВО ВРЕ

КОНСТАНТИНОПОЛЬ
И
ПРОЛИВЫ

по секретным документам б. министерства иностранных дел

Под редакцией Е. А. Адамова

II

Издание Литиздата НКИД
Москва — 1926

Ленинградский Гублит № 6303. Заказ № 2802. Тираж 1075 экз.

Тип. „Красной Газеты“ им. Володарского, Ленинград, Фонтанка, 57.

В дополнение к изложенному в предисловии к I тому настоящего издания надлежит отметить, что в группировке материала, включенного во II (заключительный) том, в целях облегчения пользования им, произведены небольшие изменения.

Важнейшим и освещенным наибольшим количеством документов является здесь весьма сложный вопрос о «дарданелльской операции», к которому относятся: а) внутренне связанные между собою разделы—I [«Общие соображения российского правительства по вопросу о завладении Проливами»], II [«Отношение российского правительства к дарданелльской операции»] и V [«Вопрос об использовании Бургаса, в качестве базы, русским флотом»]; б) объясняющие отношение к дарданелльской операции двух наиболее заинтересованных балканских государств разделы—III [«Отношение греческого правительства»...] и IV [«Отношение болгарского правительства»...]. Поместить переписку о Бургасе вслед за разделом IV (об «Отношении болгарского правительства»), отделивши ее, таким образом, от документов, относящихся непосредственно к политике российского правительства, мы сочли более удобным потому, что вопрос об использовании Бургаса является частностью «болгарского вопроса» в целом. Выделить же этот вопрос в самостоятельный раздел, не сливая включенные в него документы с документами, включенными в раздел IV, нас побудило соображение о том, что этот вопрос имел совершенно особое специальное значение для России (что и отразилось в создании особого «дела» в Министерстве Иностранных Дел). Значение это усугубляется тем обстоятельством, что российское правительство с давних пор (во всяком случае, уже в 1904 году) рассчитывало на использование болгарских портов для операций в направлении Проливов [1]), и, следовательно, разрешение этого вопроса являлось одним из пробных испытаний направленной к утверждению на Проливах политики российского правительства эпохи царствования Николая II.

Дипломатическая переписка, касающаяся дарданелльской операции, представляет интерес не только в виду исключительной важности этой операции, около которой создалась обширная политическая литература (не говоря о материалах следственной комиссии английского правительства), но и в виду позднейших событий, связанных с союзнической оккупацией Проливов. Британская политика в вопросе о Константинополе и Проливах вскры-

[1]) В «Записке по поводу отправления на Дальний Восток судов Черноморского флота 1904 г.» (секретный архив министра, досье «Проливы, II, 1911—1912 г.г.») говорится: «Морское министерство видит в балканских портах Черного моря наши естественные базы».

ПЕЧАТАНО ПО ПОРУЧЕНИЮ
НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА
ПО ИНОСТРАННЫМ ДЕЛАМ

Ленинградский Гублит № 6303. Заказ № 2802. Тираж 1075 экз.

Тип. „Красной Газеты“ им. Володарского, Ленинград, Фонтанка, 57.

В дополнение к изложенному в предисловии к I тому настоящего издания надлежит отметить, что в группировке материала, включенного во II (заключительный) том, в целях облегчения пользования им, произведены небольшие изменения.

Важнейшим и освещенным наибольшим количеством документов является здесь весьма сложный вопрос о «дарданелльской операции», к которому относятся: а) внутренне связанные между собою разделы—I [«Общие соображения российского правительства по вопросу о завладении Проливами»], II [«Отношение российского правительства к дарданелльской операции»] и V [«Вопрос об использовании Бургаса, в качестве базы, русским флотом»]; б) объясняющие отношение к дарданелльской операции двух наиболее заинтересованных балканских государств разделы—III [«Отношение греческого правительства»...] и IV [«Отношение болгарского правительства»...]. Поместить переписку о Бургасе вслед за разделом IV (об «Отношении болгарского правительства»), отделивши ее, таким образом, от документов, относящихся непосредственно к политике российского правительства, мы сочли более удобным потому, что вопрос об использовании Бургаса является частностью «болгарского вопроса» в целом. Выделить же этот вопрос в самостоятельный раздел, не сливая включенные в него документы с документами, включенными в раздел IV, нас побудило соображение о том, что этот вопрос имел совершенно особое специальное значение для России (что и отразилось в создании особого «дела» в Министерстве Иностранных Дел). Значение это усугубляется тем обстоятельством, что российское правительство с давних пор (во всяком случае, уже в 1904 году) рассчитывало на использование болгарских портов для операций в направлении Проливов [1]), и, следовательно, разрешение этого вопроса являлось одним из пробных испытаний направленной к утверждению на Проливах политики российского правительства эпохи царствования Николая II.

Дипломатическая переписка, касающаяся дарданелльской операции, представляет интерес не только в виду исключительной важности этой операции, около которой создалась обширная политическая литература (не говоря о материалах следственной комиссии английского правительства), но и в виду позднейших событий, связанных с союзнической оккупацией Проливов. Британская политика в вопросе о Константинополе и Проливах вскры-

[1]) В «Записке по поводу отправления на Дальний Восток судов Черноморского флота 1904 г.» (секретный архив министра, досье «Проливы, II, 1911—1912 г.г.») говорится: «Морское министерство видит в балканских портах Черного моря наши естественные базы».

вается, разумеется,—и это надо твердо помнить,—лишь отчасти и лишь косвенным образом, до тех пор, пока закрыты архивы Foreign Office. Это обстоятельство обусловило необходимость предпослать нашим документам статью (проф. Э. Д. Гримма), главным образом сопоставляющую наши документальные данные с данными, рассеянными в других, по преимуществу английских, литературных источниках и воссоздающую, насколько возможно, картину междусоюзнических отношений в данной сфере, с уяснением действительного направления, реальных целей и средств политики заинтересованных сторон.

Переписку по вопросам о перемирии и о сепаратном мире с Турцией мы объединили в хронологической последовательности, в виду тесной связи этих двух вопросов. Документы этого раздела (VI) развивают положения, установленные в сношениях между штабом верховного главнокомандующего и министром иностранных дел (через посредство директора дипломатической канцелярии при штабе верх. главноком.), известных нам по первому разделу первого тома. Реального значения и практических последствий постановка вопроса о перемирии и сепаратном мире с Турцией не получила, но она дала такой же повод к обнаружению различий в действительных позициях российского, французского и английского правительств по вопросу о судьбе Константинополя и Проливов, как и сношения по вопросу об оккупации и временном управлении Константинополя (VII), в которых обращает на себя внимание попытка установления «нейтральных зон» и общее расхождение между союзниками на почве противоречия интересов, взаимного недоверия и соперничества, несмотря на состоявшееся соглашение.

При неизбежной отрывочности материалов, касающихся постановки интересующей нас основной проблемы в связи с «пожеланиями» сепаратного мира между Россией и Германией (разд. VIII), мы не считали возможным ограничиться по этому вопросу документами, касающимися переговоров Протопопов—Варбург, выделенными в первый том (также разд. VIII) по указанным там же соображениям; публикуемые здесь документы выразительно свидетельствуют о том, в какой мере вопрос о Константинополе и Проливах стал вопросом о мире и о войне для правительства Николая II.

Наконец, последняя группа наших документов, относящаяся к проекту босфорской экспедиции 1917 г. (разд. IX), является, по существу и по времени, заключительной фазой борьбы за Константинополь и Проливы, представляя картину полного осуществления тех предвидений, которые читатель встречает впервые почти на первых страницах нашего собрания документов— в заявлениях ген. Алексеева, передаваемых Сазонову Кудашевым.

Считаем необходимым здесь же оговорить неточность, установленную нами при изучении подлинников документов, опубликованных в 1922 г. в сборнике «Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 г.г.», стр. 530, а также в «Livre Noir», v. II, p. 458 (ср. примечание первое на странице 14 первого тома настоящего издания). В записке Д. А. Нелидова, с дополнениями Н. А Базили, «Обзор последних переговоров по вопросу о Проливах», воспроизводится меморандум сэра Эд. Грэя, врученный А. П. Извольскому 14 октября н. ст. 1908 г., по тексту «копии», приложенной к упомя-

нутой записке, на английском языке. В этом тексте нами было обращено внимание на многоточия, в трех местах прерывающие текст. При ознакомлении с подлинником ответа сэра Эд. Грэя обнаружилось, что многоточия эти соответствуют пропускам слов и целых фраз, сокративших—с явным ущербом для его ясности и смысла—текст этого, первостепенной исторической важности, документа. В виду громадного значения в переговорах Извольского 1908—1911 г. (об открытии Проливов для русских военных судов) этого документа, на который мы ссылались в нашей вступительной статье к первому тому настоящего издания, мы считаем необходимым дать здесь же полный текст британского меморандума [1].

---

[1]) *Secret.* *Memorandum.*

His Majesty's Government agree that the opening of the Straits is fair and reasonable, and in principle they will not oppose it.

In the proposal made was that the Straits should be open on terms of perfect equality to all, the proposal would be one to which no exception could be taken.

The difficulty arises from the proposal to give Russia and the riverain Powers an exclusive, though limited, right. *His Majesty's Government cannot but feel that the time is very inopportune for securing general assent to such an arrangement.*

Feeling in England *has very much resented the action of Austria; it* would be greatly disappointed if Russia, after protesting against Austrian action, apparently used the occasion to secure an advantage for herself which had any appearance of prejudice to the position of Turkey, or altered the «status quo» to the disadvantage of others.

If, on the other hand, there is cordial co-operation between Russia and England to overcome present difficulties on disinterested lines, the good effect on public opinion here would be very marked and would predispose it to a change about the Straits in a sense favourable to Russia.

His Majesty's Government, however, agreeing in principle that some opening of the Straits is reasonable, cannot refuse to discuss the question.

They feel that a purely one-sided arrangement, which would give the Black Sea Powers in time of war the advantage of having the whole of the Black Sea as an inviolable harbour from which cruisers and commerce destroyers could issue and retire at will, free from pursuit by a belligerent, is not one for which public opinion in England is prepared or which it could be induced to accept.

Any arrangement, therefore, must be one which, while giving Russia and the riverain Powers egress at all times under some such limited conditions as Monsieur Isvolsky has indicated and securing them from menace or the establishment of foreign naval power in the Black Sea in time of peace, would yet contain such an element of reciprocity as would, in the eventuality of war, place belligerents on an equal footing with regard to the passage of the Straits.

His Majesty's Government would further observe that the consent of Turkey would be a necessary preliminary to any proposal. To put pressure upon Turkey at this moment to make an arrangement which she might regard, however unreasonably, as a menace to her interests would defeat what we believe is the joint object of England and Russia, viz.: to prevent the overthrow of the present Turkish Government, and the confusion and anarchy which would probably result.

14 October 1908.

Слова, набранные курсивом, заменены в министерской «копии», опубликованной в «Материалах», многоточиями.—Существенный интерес представляет пропущенная на третьем месте фраза, предусматривающая, при условии сердечного сотрудничества России и Англии, возможность благоприятного поворота в английском «общественном мнении». Очевидно, это и дало возможность впоследствии говорить об «обещании», заключавшемся в этом «отказе».

Необходимо также указать на существенное дополнение по одному из наименее разъясненных документами б. М. И. Д. вопросу — о политике С.-А. С. Штатов,—внесенное новейшим изданием «Допрос Колчака», под ред. К. А. Попова (Ленинград, 1925 г.). По показанию адм. Колчака, американский адм. Глэнон «совершенно секретно сообщил» Колчаку в Ленинграде в 1917 г., повидимому в июне месяце, что «в Америке существует предположение предпринять активные действия американского флота в Средиземном море против турок и Дарданелл». Приглашая Колчака в Америку для дачи «всех сведений по вопросу о десантных операциях в Босфоре» американскому правительству, американский адмирал просил русского адмирала «никому ничего не говорить и не сообщать об этом даже правительству, так как он будет просить командировать меня (Колчака) в Америку официально для сообщения сведений по минному делу и борьбе с подводными лодками». (О дальнейшем течении этого вопроса см. «Допрос Колчака», стр. 83, 92 и сл.).

Соображения о техническом удобстве пользования изданием побудили нас ввести во второй том арабскую, в отличие от римской (в первом томе), нумерацию документов, чем облегчается пользование указателями для нахождения документов в обоих томах.

При составлении предметного и личного указателей,—работа, выполненная Л. А. Телешевой и Ф. В. Кельиным, — имелось нами в виду, во-первых, ориентировать читателя с возможно большей экономией сил и времени в обширном и чрезвычайно сложном материале, требующем, при отсутствии подробного предметного указателя, больших аналитических навыков, и, во-вторых, дать (в личном указателе) в самой сжатой форме биографические сведения (в особенности о дипломатах эпохи мировой войны), собранные из огромного числа разнообразнейших источников неутомимыми розысками Ф. В. Кельина.

Условные знаки (курсив, обозначение пропущенных слов посредством многоточия, употребление прямых и круглых скобок) сохраняют значимость, указанную в пояснении к I тому.

Проф. Е. А. АДАМОВ.

Политическая обстановка военных операций для захвата Константинополя и Проливов, 1915—1917 гг.

I. „Дарданелльская операция“.

1. Вопрос о дарданелльской операции в Англии в первые месяцы войны.

Задолго до того, как в России в связи с войной возник вопрос о каких-либо операциях для захвата Константинополя и Проливов [1]), задолго даже до вступления Турции в войну, первый лорд адмиралтейства В. Черчилль поддержал перед сэром Э. Грэем сделанное Венизелосом 19/6 августа 1914 г., — т.-е. через неполных три недели после начала войны, — предложение предоставить все вооруженные силы Греции в распоряжение союзников для операций против Турции. Венизелос прибавил, что это предложение было сделано «в особенности (in a special sense) Великобритании, с интересами коей интересы Греции неразрывно связаны» [2]). Вопрос шел очевиднейшим образом об овладении Дарданеллами [3]), а смысл предложения Венизелоса ясно определяется более поздним (от 5 марта 1915 г.) письмом Венизелосу греческого консула в Лондоне, Ставриди, находившегося в постоянных сношениях с тогдашним канцлером казначейства Ллойд-Джорджем, в котором говорится: «Как Вы уже знаете, желание Франции и Англии заключается в том, чтобы Россия не стала всемогущей на Востоке. *И если Франция и Англия возьмут Константинополь, то их идея заключается в том, чтобы сделать город интернациональным.* Несомненно, что для нас это было бы в тысячу раз лучше, чем видеть его окончательно в руках России» [4]).

---

[1]) Вопрос был впервые поставлен перед Ставкой письмом Сазонова Янушкевичу от 21/8 декабря 1914 г., о чем будет сказано дальше.

[2]) W. Churchill «The World Crisis», London, 1922, т. I, стр. 485. Русский посланник в Афинах Демидов известил Сазонова 18/5 авг. об этом предложении.

[3]) Churchill, там же.

[4]) См. греческую Белую книгу (за время от октября 1915 г. по июнь 1916 г., Афины, 1921 г., часть II, № 3, стр. 21—22).—Письмо относится ко времени окончания переговоров России, Англии и Франции о Константинополе и Проливах, а потому особенно характерно. Настоящие—максимальные—желания греческих политиков, с королем Константином во главе, заключались в создании неовизантийской империи с Константинополем в качестве столицы.—Курсив повсюду, где нет особой оговорки, наш.

«После весьма напряженного (anxious) обсуждения» сэр Э. Грэй, однако, убедил кабинет, в который вопрос был, стало быть, внесен, отказаться от предложения Венизелоса, будто бы только потому, что выступление Греции на стороне Антанты могло бы повлечь за собой, так сказать автоматически, присоединение Болгарии к ее врагам [1]).

О напряженности интереса английского правительства и адмиралтейства к вопросам Ближнего Востока свидетельствует далее *одобренная Грэем* инструкция, данная Черчиллем 31/18 августа известному главе английского Балканского Комитета Н. Бекстону перед его агитационно-пропагандистской поездкой на Балканы. В ней энергично выдвигается первоклассное значение воссоздания балканского союза при участии Болгарии, Сербии, Черногории, Греции и Румынии, — союза, «достаточно сильного, чтобы сыграть действительную роль в судьбах Европы». В виду «нашего решения относительно Турции», т.-е. решения держав Антанты по возможности избежать войны с Турцией путем гарантирования ей «неприкосновенности и независимости», инструкция предусматривала, правда, непосредственно лишь союз названных государств *против Австрии;* однако, настойчивость, с которой в ней подчеркивается готовность Англии, «*совершенно не заинтересованной в балканских делах», поддержать «всякий шаг, который будет сделан для создания сильного единения христианских народов такого типа, как то, которое одержало победу в первой балканской войне», т.-е. в войне «христианских народов» с Турцией, — вскрывает истинный смысл всего этого шага. «Действуя совместно, в единении и с взаимной добросовестностью, балканские государства могут ныне сыграть решающую роль и приобрести выгоды, которые им никогда, быть может, снова не достанутся». Этим они обеспечат себя от эгоистических поползновений держав, в том числе, очевидно, и России, заинтересованных — в отличие, как заявляется в инструкции, от Англии — в делах Балканского полуострова [2]).

Как себе конкретно представляли в Англии возможность примирить интересы победителей 1913 г. и побежденной Болгарии, нас здесь не интересует. Нам важно только отдать себе отчет в той атмосфере, которая царила в Лондоне с самого начала войны по вопросу о Ближнем Востоке. Одним из центральных пунктов его для английских государственных деятелей оставался, — несмотря на постановление Комитета Имперской Обороны (Committee of Imperial Defense) 1903 г., что «исключение России из области Проливов не представляет для Великобритании *первостепенного* (primary) морского или военного интереса» [3]), — все тот же вопрос о Проливах и Константинополе. С этой стороны приобретает особое значение письмо Черчилля начальнику главного морского штаба сэру Ч. Дугласу от 1 сентября 1914 г. «Я сговорился вчера (т.-е. в день подписания им упомянутой инструкции Бекстону) с лордом Китченером», — читаем мы здесь [4]), —

[1]) Churchill, указ. соч. т. I, стр. 486.
[2]) Churchill, указ. соч. т. I, стр. 486—487.
[3]) Corbett «Official History of the War. Naval Operations», т. II, стр. 204.
[4]) Churchill, указ. соч., т. I, стр. 487 — 488.

«что два офицера адмиралтейства должны встретиться с двумя офицерами, назначенными директором департамента военных операций военного министерства, дабы изучить и составить *план захвата посредством греческой армии, надлежащей силы, Галлиполийского полуострова с целью допущения (to admitting) британского флота в Мраморное море*». Несмотря на то, что в это время Антанта еще держалась миролюбивой политики по отношению к Турции, и несмотря на то, что директор департамента военных операций ген. Каллуэлль 3 сентября высказал убеждение, что предположенная галлиполийская операция представляет чрезвычайные трудности и потребует высадки не менее шестидесяти-тысячного отряда, Черчилль, — на этот раз с одобрения Грэя, — послал 4 сентября главе английской морской миссии в Греции контр-адмиралу Марк Керру телеграмму, мотивированную близостью войны с Турцией, в которой предлагал ему обсудить, совместно с греками, вопрос о греческой операции для захвата Галлиполийского полуострова и о вхождении англо-греческого флота в Мраморное море с целью потопления турецко-германских судов. Такая операция даст возможность «овладеть всем положением», «в соединении с черноморским флотом русских и их военными силами». Последние слова должны были служить инструкцией Керру, как надлежало толковать самую операцию, переговоры о которой велись без осведомления о них России [1]). Само по себе такое предложение соответствовало желаниям как Венизелоса, так и короля Константина, решительно уклонявшихся от военной поддержки Сербии против Австрии, но весьма готовых воспользоваться возможностью проникнуть, с одобрения и при содействии Англии, а стало быть и Антанты, в Мраморное море и в Константинополь — нескрываемую цель греческого империализма. Опасения относительно Болгарии, издавна существовавшие в Афинах, однако, сыграли здесь свою роль, и 9 сентября Черчилль получил через Foreign Office сообщение Марк Керра, что Греция сможет выступить лишь в случае одновременного вступления Болгарии в войну с Турцией, т.-е. не может довольствоваться нейтралитетом Болгарии, которой она не верит [2]).

Замолкнувшее в виду этого, а также в виду тяжелого положения на французском фронте и других причин, на некоторое время дело о дарданелльской операции снова возникло в связи с наметившейся к концу октября опасностью нападения турецких войск на главную артерию Британской империи, Суэзский канал [3]). Последовавшее вслед затем 29 октября вступление Турции в войну приблизило эту опасность. В ноябре месяце в район канала были направлены первые австралийские и новозеландские отряды в подкрепление стянутому там флоту. Еще до их прибытия и высадки (1-го декабря) Черчилль обратился 25 ноября в War Council (высший воен-

---

[1]) Churchill, указ. соч. т. I, стр. 488—489. Такую же цель преследовало, несомненно, предложение, сделанное Черчиллем Грэю 9 сентября о переброске русских войск через Архангельск, Владивосток или Порт-Артур для захвата полуострова. Ср. там же стр. 490.

[2]) Там же стр. 489. Заметим, что тут же Марк Керр «упомянул, как о другом возможном объекте, о районе Александретты». См. об этом дальше.

[3]) Churchill, указ. соч., т. I, стр. 495.

рый совет, собиравшийся под председательством премьера Асквита) с запиской, в которой он доказывал, что «истинный метод защиты Египта заключается в нападении на Галлиполийский полуостров», но что это «весьма трудная операция, требующая значительных сил», а именно десанта в 60 тысяч человек, могущих быть отправленными в два приема к месту операции [1]. Но и эта мысль разбилась о невозможность,—при крайне напряженном состоянии англо-французского фронта, малой численности «новых армий», за организацию которых принялся Китченер, при остром недостатке боевых снарядов, с одной стороны, и неприспособленности наличных английских заводов к быстрому увеличению их производства, с другой стороны,—уделить на такого рода операцию потребную сумму вооруженных сил и технических средств [2].

Но уже в декабре 1914 года положение изменилось к лучшему. После удачного исхода напряженных боев около Ипра и на Изере (ноябрь) и перенесения центра тяжести германских наступательных действий в область Августова и Сувалкской губернии, положение английского участка западного фронта настолько укрепилось, что фельдмаршал Френч мог выдвинуть идею наступательных—при участии флота—действий по бельгийскому побережью для отнятия у германцев Зеебрюгге и других возможных стоянок их подводного флота. Турецкое движение на Египет могло казаться безнадежным либо, по крайней мере, надолго отсроченным. Повстанческое движение в Южной Африке удалось ликвидировать. А сверх того и, пожалуй, главным образом, уничтожение 2 декабря германской эскадры адмирала фон-Шпе у Фальклендских островов к северу от мыса Горна на южной оконечности Южной Америки освободило адмиралтейство и английское правительство, — в связи с последовавшим еще ранее уничтожением или обезврежением германских крейсеров, действовавших до того независимо от этой эскадры, — от гнетущей заботы за судьбу как военных транспортов, так и коммерческих судов, поддерживавших жизнь и промышленность английских островов.

Отсюда, естественно, возникал вопрос о формах дальнейшего использования основной боевой силы Великобритании, т.-е. ее флота. Положение на западном фронте уже приняло характер позиционной войны, не обещавшей, в виду технических ее особенностей, быстрых и решительных успехов. Положение на восточном фронте свидетельствовало о том, что, при всей своей, не столько действительной, сколько потенциальной, многочисленности, русские войска не в состоянии там, где они сталкиваются с могучей железнодорожной системой и техникой германского военного аппарата, оказать такое давление на Германию, которое выходило бы за пределы хотя бы и очень важных в отдельном конкретном случае (например, во время победоносного наступления германцев в августе—сентябре 1914 года во Франции)

[1] Там же, т. II, стр. 47.

[2] Попытка держав Антанты привлечь в это же время Грецию к оказанию Сербии активной помощи не увенчалась успехом. (Abbott «Greece and the Allies», London, 1922, стр. 21—22).

действий и приобрело бы решающее для войны значение. Черчилль свидетельствует, что в связи с этим и, в частности, в связи с положением на западном фронте возникла мысль о том, что раз обход германского фронта во Франции представляется невозможным, необходимо произвести более глубокий обход его, путем действий в Балтийском море или, — в виду слишком очевидной невозможности этого при сопротивлении Швеции, — путем действий в области Средиземного моря, т.-е. против Турции. Военно-политическая важность позиции, приобретенной Германией в Турции, тогда, повидимому, правда еще не учитывалась, и вопрос рассматривался, преимущественно, с точки зрения вовлечения в антигерманскую коалицию Италии и балканских стран. Тем не менее, и это представляло уже серьезный плюс, за который стоило бороться.

Вскоре выяснилось новое, исключительно важное, обстоятельство: Россией возбуждался вопрос о необходимости громадных денежных субсидий — по 500 миллионов рублей в месяц, — обусловленных как намечавшимся расстройством ее финансовой системы вообще, так, в частности, катастрофическим истощением ее боевого снаряжения (артиллерийских снарядов, ружей и т. д.) [1]), явившимся в свою очередь результатом непредвиденного никем из участников войны неслыханного расхода этого снаряжения на всех фронтах и «затяжного» характера самой войны [2]).

Как раз в связи с этими денежными и военно-техническими затруднениями, ставившими, казалось, самую возможность дальнейшего длительного участия России в войне под серьезное сомнение и приведшими в январе 1915 года к первому междусоюзническому финансовому совещанию в Париже, канцлер казначейства Ллойд-Джордж в последних числах декабря 1914 года, в записке, внесенной 1 января 1915 года в War Council, предостерегал Совет от оптимистического взгляда на военное положение, подчеркивал возраставшую ошибочность дальнейшей ставки на Россию, как на «первостепенный фактор» в борьбе с Германией, и настаивал на «необхо-

---

[1]) См. Lord Bertie «Diary 1914—1918» (Лондон, 2 т. 1924 г.), за 17/4 дек. 1914 г.: «Согласно Китченеру, русский верховный главнокомандующий известил французского главнокомандующего (Жоффра), а наш военный агент в России известил британское правительство, что, так как русские страдают от недостатка вооружения, им, быть может, придется отступить даже до Буга и держаться оборонительного образа действия, что позволило бы германцам занять Варшаву. Результатом этого было бы значительное усиление германских сил на западном театре войны для нападения на англо-французские позиции. Я спросил, имела ли бы такая атака какой-либо шанс на успех, ибо мне давали понять (во Франции), что Жоффр и Френч оба уверены, что они смогут удержать нынешние позиции. Китченер сказал, что ему известно, что такая уверенность существует, но он не считает ее обоснованной». (Разговор происходил в присутствии Асквита и Грэя). Ср. там же стр. 79 (от 19/6 дек. 1914 г.) и стр. 80 (от 21/8 дек.).

[2]) Один из наиболее опытных английских наблюдателей европейской жизни, H. Wickham Steed, признает, что он даже после марнских боев предполагал, что война кончится весной 1915 г. См. его книгу «Through thirty years, 1892—1922». A personal narrative, London 1924, 2 т., т. II, стр. 33).

димости активной операции на Балканском полуострове в целях присоединения Греции и Болгарии к делу союзников» [1]).

Препровождая записку Ллойд-Джорджа Асквиту для внесения ее в War Council, Черчилль писал: «Я желал, чтобы Галлиполи было занято одновременно с объявлением войны» [2]). Ставка на Россию уже отступала в сознании части членов английского кабинета на задний план перед новой ставкой на неиспользованные еще силы балканских государств: Румынии, Болгарии и Греции. Можно было вернуться к основным идеям инструкции Н. Бекстону. Трудность, — та же, что и прежде, — заключалась в том, как согласовать эту линию поведения с теми «некорректными», по мнению Черчилля, притязаниями России на Константинополь и Проливы, которые были предъявлены русским правительством после вступления в войну Турции [3]) и которые, хотя и в весьма неотчетливом виде, были признаны сэром Э. Грэем 14 ноября 1914 года, «в виду всепоглощающей (supreme) необходимости поддержать Россию среди ее несчастий и поражений» [4]). Ведь обходиться без помощи России, т.-е. без безумной траты русским правительством человеческих жизней и хозяйственных средств ради ведения войны до «победного конца», — траты, ради которой только и были интересны Франции и Англии «союз» или «соглашение» их с Россией, — и тогда, в самом начале 1915 года, и значительно позднее, вплоть до 1917 года, ни Англия, ни Франция не могли. Сознания же грядущего поражения в русских командующих слоях—правительственных и «общественных» — еще не было, или, точнее, не было сознания, что Россия фактически уже перестала быть в этой войне «первостепенным фактором» и превращалась в вспомогательную силу, не имевшую достаточного собственного веса, который ее союзникам придется в полном объеме учитывать при заключении мира.

Это затруднение фактически было устранено телеграммой английского представителя при русской Ставке ген. Вилльямса о разговоре с ним вер-

---

[1]) Churchill, ук. соч., т. II, стр. 92. В другом месте, давая характеристику Китченера, Черчилль подчеркивает, что, несмотря на крайне пессимистические и в основе своей правдивые сообщения полк. Нокса (см. Knox, «With the Russian army», т. I, стр. 174, 181, 183, 186 и особ. 216—222; см. также Williams, «The Emperor Nicolas II», стр. 19,—письмо его Китченеру от 20 дек. 1914 г.—и др.), не Китченер, а именно Ллойд-Джордж обратил внимание на катастрофическое состояние русских военных сил, приведшее весной 1915 г. к победоносному движению Макензена, к очищению не только Галиции, но и Варшавы, Брест-Литовска и т. д. В том же духе, что и Ллойд-Джордж, высказался секретарь War Office, полк. Hankey. Ср. там же.

[2]) Churchill, указ. соч., т. II, стр. 92—93.

[3]) Там же, стр. 197: «В начале войны поведение России было вполне корректно. Она присоединилась к Англии и Франции, уверяя Турцию, что территориальная неприкосновенность Оттоманской империи будет соблюдена при заключении мира. Но, как только Турция, отвергнув это честное (fair) предложение, выступила против нее, поведение России изменилось». Дальше идет речь об известном разговоре Николая II с Палеологом.

[4]) Там же. Оценку подлинных мотивов английского правительства см. в введении к т. I настоящего издания.

ховного главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича, состоявшемся 30/17 декабря 1914 года, о которой в Лондоне осведомились, повидимому, того же 1 января 1915 года, когда была заслушана в War Council записка Ллойд-Джорджа, или на следующий же день.

2. „Инициатива" вел. кн. Николая Николаевича.

Телеграмма ген. Виилльямса сообщала о том, что русский верх. главнокомандующий, подтверждая свое намерение строго придерживаться «первоначального» плана [1]) сосредоточения всех сил России, «хотя бы и в ущерб собственным интересам», против «главного» врага, т.-е. против Германии, и признав в связи с этим необходимым настолько оголить от войск Кавказ, что там оказывались возможными весьма тягостные не только для русских, но и для общесоюзных интересов последствия, — возбудил вопрос о том, не сочтет ли Англия возможным оттянуть возможно большие силы турок в другие области Оттоманской империи путем военных демонстраций в «наиболее уязвимых и чувствительных ее местах». О Константинополе и Проливах при этом не упоминалось вовсе, и главнокомандующий вообще подчеркнул, в беседе с директором дипломатической канцелярии при Ставке кн. Кудашевым, что «мы ничего у союзников не просим; хотим их успокоить насчет наших дальнейших военных действий» против Германии (см. телеграмму Кудашева Сазонову от 31/18 декабря 1914 г.).

Для характеристики настроения Ставки и ее взглядов на вопрос о захвате Проливов и Константинополя чрезвычайно показателен обмен взглядов между Сазоновым и Ставкой, предшествовавший этому разговору и вызванный желанием Сазонова поставить на очередь вопрос об обеспечении за Россией «главнейшего результата», которого после вступления Турции в войну можно было ожидать от войны в целом.

Впервые этот вопрос был поставлен Сазоновым, для которого англо-греческие переговоры не могли остаться тайной, 21/8 дек. 1914 г. в письме к начальнику штаба верх. главнокомандующего ген. Янушкевичу, в котором указывалось: 1) на первостепенную важность овладения обоими Проливами «с точки зрения общегосударственных интересов и огромных жертв», приносимых Россией вследствие войны, и 2) на невозможность рассчитывать добиться этого результата путем побед над Германией и Австрией, так как, «очевидно, турки добровольно не согласятся уйти из Константинополя», если не будут принуждены к этому силой.

Письмо ясно обнаруживает опасения Сазонова относительно степени реальности достаточно неопределенных дипломатических обещаний союзников и, в частности, заявления, сделанного ему Грэем через Бьюкенена 14/1 ноября. Недаром он через кн. Кудашева высказывал несколько позднее

---

[1]) «Первоначальный» план, т.-е. план, вытекавший из русско-французских военных конвенций, которых русская Ставка держалась чрезвычайно строго, обращен в английском переводе, — в том виде, как он напечатан у Черчилля (т. II, стр. 93),—в «нынешний» (present) план, что является или недоразумением, или... прискорбной передержкой.

генерал-квартирмейстеру Ставки Данилову свое убеждение, «что только то, он (Сазонов) считает крепко приобретенным, что добыто нами самими, нашею кровью, нашими усилиями» (см. письмо Кудашева Сазонову, написанное в Петрограде 25/12 янв. 1915 г.). Тут же, однако, выяснилось расхождение во взглядах на дело министерства ин. дел и верховного командования. Не предрешая в письме Янушкевичу момента операций, Сазонов высказывался, по соображениям политическим, за *самостоятельную операцию* русских военных сил, хотя бы и при участии Болгарии и даже Румынии (см. письмо его Янушкевичу от 29/16 дек. 1914 г.). Верховное же командование, исходя из более осторожной оценки военного положения на германо-австрийском фронте и строго руководствуясь «первоначальной программой» военных действий (см. памятную записку Кудашева Сазонову от 31/18 дек. 1914 г., записанную «со слов великого князя»), признавало самостоятельную операцию против Босфора и Дарданелл невозможной. Согласно с этим Янушкевич ответил Сазонову, что в данное время о самостоятельной операции речи быть не может, но что, если бы *после победы на западном фронте* «не удалось обеспечить обладания Константинополем и Проливами дипломатическим путем(!), то вопрос этот должен будет составить предмет *совершенно особой* военной операции», об объеме которой пока бесполезно говорить (см. письмо Янушкевича Сазонову от 25/12 дек. 1914 г.), — взгляд, подробнее развитый вслед затем генералом Даниловым в беседе с помощником кн. Кудашева Н. А. Базили (см. письмо его Сазонову от 28/15 дек. 1914 г.).

Сазонов, однако, на этом не успокоился. Учитывая, очевидно, нежелание высших военных кругов допустить вмешательство мин. ин. дел в планы военных операций, он уже 29/16 дек. в новом письме Янушкевичу вернулся к вопросу под тем предлогом, что «министерству необходимо знать, обязано ли оно подготовить для наступления нашей армии к Проливам условия, которые позволили бы избежать переправы по Черному морю (т.-е. обеспечили бы проход через Румынию и Болгарию), либо сократить по возможности таковую (т.-е. обеспечить высадку в Варне или Бургасе)?» Не считаясь далее со словами Янушкевича о необходимости отложить операцию до победы над Германией и исходя из основной мысли, подсказавшей ему его первое письмо, он рассуждает об операции, как о предстоящей в ближайшем будущем. Если же,—продолжает он,—в самом деле «боевая готовность нашего флота позволяет совершить сказанную операцию, не прибегая к помощи соседних государств, то мин-ству ин. дел не подобает вступать в какие либо переговоры по этому вопросу» (см. письмо Янушкевичу от 29/16 дек. 1914 г.).

На этот раз ответ ему был дан самим главнокомандующим, со слов которого кн. Кудашев записал мнение Ставки по возбужденному Сазоновым вопросу (см. памятную записку Кудашева от 31/18 дек.). Ответ был столь же решителен, сколь и неутешителен для министра. Вел. князь в самом деле категорически заявил, что «*одни мы захватить Проливы ни под каким видом не можем*» [1]). Мало того: он допускал существование таких условий, при

[1]) Подчеркнуто в подлиннике.

которых для достижения этой цели потребуется не только содействие второстепенных балканских государств, но и «военная помощь Англии и Франции». В виду этого, по мнению вел. князя, в данный момент «не следует в *политических* объяснениях с нашими союзниками итти дальше, чем мы уже пошли и (следует) довольствоваться пока тем, что уже получили от Англии и Франции», т.-е. известными их заявлениями относительно соблюдения наших интересов при разрешении вопроса о Проливах и Константинополе. «Дальнейшего он предполагал бы достигнуть путем сношений *только на военной почве, притом исключительно главнокомандующими между собой»,* при чем, однако, «вовсе не исключалось (будто бы) участие мин. ин. дел» и «*даже в некоторых случаях* его инициатива».

Сангвинические мечтания Сазонова о возможности разрешить вопрос о Константинополе и Проливах «самостоятельной русской операцией», — мечтания, отнюдь не соответствовавшие суждениям военных и морских специалистов об этом деле, изложенным во время совещания, состоявшегося 21/8 февр. 1914 г. под его же председательством,—разбились, таким образом, о решительное сопротивление Ставки, оценивавшей дело, по необходимости, прежде всего и главным образом с точки зрения реальных военных сил и возможностей России. Тяжелые поражения в Восточной Пруссии и неудачи в Польше, выяснившие такое техническое превосходство Германии, которого до войны, видимо, не ожидали не только в России, но и во Франции [1]), и опасения за боевое снаряжение русской армии [2]) обязывали Ставку к чрезвычайной осторожности. В частности, они же привели, накануне только что упомянутой беседы вел. князя с Кудашевым, к разговору его с Виллямсом, который тотчас был использован английским адмиралтейством для того, чтобы «в помощь России» приступить, несмотря даже на уклончивое отношение Китченера, к серьезным военным действиям против Проливов.

3. Первоначальный план дарданелльской операции.

По получении телеграммы Виллямса, Китченер имел продолжительную беседу с Черчиллем, которого он запросил, что мог бы предпринять английский флот в помощь России. В этой беседе участниками ее, «ясно видевшими далеко идущие последствия удачного нападения на Константинополь», «были упомянуты все возможные альтернативы на турецком театре»,

---

[1]) Так же мало ожидали не только в России и в Англии, но и во Франции головокружительного быстрого продвижения германских войск через Бельгию в северную Францию и победоносного их шествия почти до самого Парижа.

[2]) Недостаток снаряжения проявлялся в это время чрезвычайно остро и в Англии (см. Churchill, указ. соч. т. II, 273, 276, 298, 309—312, 332, 351, 406, 412—414) и даже во Франции (см., напр., Abbott, «Greeçe and the Allies». London, 1922, стр. 22) Относительно Франции см. Lavisse, «Histoire de France contemporaine, т. IX (La Grande Guerre), гл. VII, стр. 153 и сл., особ. стр. 157, а также Bertie «Diary», т. I, стр. 133; «Недостаток вооружения, в особенности артиллерийских снарядов, замедляет действия повсюду и, в частности, со стороны французов, которые всегда думали, что они имеют их достаточно. Расход их был невероятно велик и далеко превысил все калькуляции»

и, в частности, вспоминалось об их ноябрьских дискуссиях относительно возможности отправки десанта из Египта на Галлиполи. Черчилль настаивал на нежелательности, если в дальнейшем появится возможность «серьезного нападения на Константинополь», начать там теперь операции чисто демонстративного характера. Однако, Китченер, признавая важность этого аргумента, «постоянно и решительно возвращался к заявлению, что у него нет войск, без которых он мог бы обойтись (в Англии и Франции), и что он не может принять на себя ответственность за новое значительное расширение наших военных обязательств». «Мы не имеем войск для десанта, где бы то ни было», — писал он в тот же день, 2 января (20 дек.) Черчиллю в краткой, резюмировавшей его мнение, записке [1]). И в полном соответствии с этим он дал все в тот же день на обращение к нему вел. князя весьма уклончивый по существу ответ, в котором обещал, что «будут предприняты шаги для совершения демонстрации против турок», но вместе с тем высказал опасение, что «никакое действие, которое могло бы быть решено и осуществлено, не сможет серьезно отразиться на численности врага на Кавказе или вызвать его удаление оттуда».

Дальнейший ход событий, приведших к дарданелльской операции и определивших ее характер, представляется недостаточно ясным, так как политическая сторона обсуждения вопроса в Лондоне, как уже было указано, тщательно затушевывается в наиболее осведомленных по данному делу английских официальных и частных изданиях [2]). Ясно лишь одно, а именно, что вопрос рассматривался отнюдь не только с точки зрения чисто военной целесообразности, но не в меньшей степени с точки зрения политических целей, преследуемых Англией на Ближнем Востоке.

Среди этих целей, как уже сказано, обеспечение английских интересов в районе Проливов и Константинополя, несомненно, занимало особенно важное место. Об этом свидетельствуют хотя бы приведенные выше данные о переговорах с Грецией в августе и сентябре 1914 года. Тем не менее ряд причин привел к тому, что вопрос не был поставлен с полной отчетливостью. Этому содействовали как соображения внешнеполитические, — в частности опасения Грэя относительно впечатления, которое произведет в России укрепление Англии в этом именно районе [3]),—так и соображения военного характера,—в частности сомнения военных и морских специалистов в возможности направить при данных условиях против Дарданелл силы, обеспечивающие успех операции.

---

[1]) Churchill, т. II, стр. 93—94.

[2]) Примером этой осторожности может послужить одно характерное замечание Черчилля, лично наиболее заинтересованного в снятии с себя ответственности за операцию, а потому и дающего косвенно наибольший материал по вопросу. Воспроизводя часть записки, разосланной им в июне 1915 г. и содержавшей доводы в пользу привлечения Болгарии на сторону союзников путем обеспечения ей территориальных уступок со стороны Сербии и Греции, он говорит, что дальше «обсуждалась реакция, которую такая политика могла вызвать в Сербии и Греции, но это едва ли поддается опубликованию». (Churchill, т. II. стр. 425).

[3]) См. ниже, стр. 27.

Отсюда получился ряд колебаний и противоречий, отчасти впрочем лишь кажущихся, ибо основная цель английской политики в вопросе о военных операциях на Ближнем Востоке — воспользоваться силою своего флота, дабы укрепить там свое положение—проходит красной нитью через все решения английского правительства.

В этом смысле чрезвычайно любопытно, что с первых же дней выдвигалось наряду с дарданелльским направлением операции еще другое, а именно александреттское.

В приведенном у Черчилля письме к нему первого морского лорда адмирала Фишера, от 3 января [1]), последний, высказываясь против «бесплодного бомбардирования Дарданелл», развил план большой операции, которая должна была быть осуществлена частью английским флотом и десантом, частью силами Греции и Болгарии. Англии при этом предназначалась операция, именно, на Кайфу и Александретту, из коих последняя «должна была представить предмет *реальной* оккупации в виду ее чрезвычайной ценности, с точки зрения нефтяных полей сада Эдема (Месопотамии?), с которым она непосредственно соединена рельсовым путем [2]); этим мы выкинем оттуда германцев, ныне расположившихся в Александретте с огромной турецкой концессией, последним достижением архиврага Англии, Маршалл-фон-Биберштейна»; с этой целью надлежит «*под видом защиты Египта* заменить все индийские войска и 75.000 испытанных войск маршала Френча территориальными войсками из Англии и переслать их, запутав предварительно дело фиктивными сообщениями, непосредственно в залив Безику (около входа в Дарданеллы), с тем, чтобы направить их вместе с войсками, ныне находящимися в Египте, против Кайфы и Александретты». Одновременно с этим следовало организовать наступление Греции на Галлиполийский полуостров и Болгарии — на Константинополь. «*Все это вы сказали мне сами*» [3]), — продолжает адмирал и заканчивает тем, что в связи с этими последними операциями «адмирал Стерди форсирует одновременно Дарданеллы».

В связи с этим приобретает исключительный интерес нота, врученная Черчиллем около 15/2 января французскому морскому атташе, которой он сам придавал особое значение, ибо, раньше ее вручения, «озаботился, чтобы проект был *формально контрасигнирован премьером, лордом Китче-*

---

[1]) Churchill, т. II, стр. 95—96. Первый лорд адмиралтейства (Черчилль) является парламентским главой морского ведомства, первый морской лорд—его техническим главой.

[2]) Курсив подлинника. Вопрос о нефти приобрел решающее значение для боеспособности и развития английского флота в 1912 г. Тогда же под председательством Фишера была образована королевская комиссия on oil supply, по предложению которой последовало заключение англо-персидского нефтяного соглашения и контракта, отдавших все нефтяные источники Персии на 30 лет под контроль английского правительства. См. об этом весьма поучительный рассказ Черчилля, т. I, стр. 130—134, а также чрезвычайно интересную не только по этому вопросу книгу Девенпорт и Кук «Нефтяные тресты и англо-американские отношения» (рус. пер.), Москва, 1925, гл. I—III.

[3]) Курсив подлинника.

нером и сэром Э. Грэем, а также первым морским лордом и начальником (морского) штаба». Эта предосторожность соответствовала «делу большой важности, относительно которого представлялось существенным, чтобы впоследствии по поводу него не возникло недоразумения». Нота эта содержала два пункта. В первом говорилось, что «британское правительство находит нужным предпринять в близком будущем наступательные действия против Турции. Адмиралтейство вследствие этого решило осуществить нападение на дарданелльские форты и форсировать, если возможно, вход в Мраморное море». Операция предрешена, и адмиралтейство ограничилось в дальнейшем краткими данными технического характера и изъявлением надежды, «что эскадра французских линейных кораблей, вместе с французскими подводными лодками и авиационной базой Foudre, будет кооперировать (с английской эскадрой) под начальством французского контрадмирала».

Особенное значение имел, однако, второй пункт. «*Военное министерство*»,—говорилось в нем,—«*считает также нужным оккупировать в течение февраля Александретту и ее дистрикт,* с целью прервать турецкое железнодорожное сообщение в этом чрезвычайно важном стратегическом пункте. Если эта операция осуществится, представлялось бы подходящим (convenient), чтобы высадка в Александреттте и пребывание британских сил на суше охранялись британскими судами, для чего, вероятно, будут использованы некоторые из более старых судов, находящихся ныне в египетских водах». Значение этого пункта явствует из того, что еще до этого оказалось необходимым пересмотреть англо-французскую морскую конвенцию 1912 года, предусматривавшую вручение военного командования в Средиземном море французскому адмиралу. «После того, как французы уже согласились, чтобы области Дарданелл и Египта были обе изъяты из их высшего командования,.. представлялось весьма желательным не вторгаться дальше в его права», — говорит официальная история морской войны Corbett'a [1]). «Но,—читаем мы далее,—так как (английский) адмирал Peirse был ответственен за защиту Египта [2]), логика требовала, чтобы он включил в свою сферу все побережье от Мерсины (к западу от Александретты) до Эль-Ариша (пограничного пункта Египта и Турции) и, в частности, Александретту... Комбинированная (т.-е. морская и сухопутная) атака этого пункта представляла одну из альтернатив действий против Турции, *которую предлагал лорд Китченер. Весьма влиятельными кругами* (By very weighty opinion) *она рассматривалась даже, как более подходящий объект, чем Дарданеллы*».

С точки зрения целей, преследовавшихся русской Ставкой, операция против Александретты представлялась, в виду ее несомненного стратегического и политического значения, отнюдь не менее подходящей, чем весьма трудная и грозившая выдвинуть вопрос о Проливах и Константинополе операция дарданелльская. Тем не менее, в телеграмме, препровожденной Чер-

---

[1]) «Naval Operations», т. II, стр. 79.

[2]) См. выше стр. 9—10.

чиллем 19/6 января через Бьюкенена и Сазонова вел. князю, о ней не говорилось ни слова, а шла речь, — «в дополнение к более мелкой демонстрации», о которой телеграфировал Китченер 2 января/20 декабря, — лишь о «попытке форсировать проход через Дарданеллы морскими силами». Вслед затем говорилось о желательности содействия русских морских и сухопутных сил, однако, лишь к тому моменту, когда внешние форты будут разрушены, дабы неудача, если таковая последовала бы, не получила характера серьезного поражения. «Однако»,—продолжалось в телеграмме,—очевидно, с целью убедить Ставку в том, что дело идет не о чисто формальной отписке в ответ на пожелания великого князя, — «мы намерены довести дело до конца (press the matter to a conclusion)». В соответствии с чисто морским характером операции меморандум в дальнейшем ограничивался перечислением судового состава образуемой специальной эскадры, *совершенно не упоминая о десанте.*

Это последнее обстоятельство вполне соответствовало формальным решениям и мероприятиям английского правительства и, в частности, его морского ведомства, что представляет, если взять этот факт в отдельности и вне его связи с сопутствовавшими ему секретными планами властей, одну из тех кажущихся «таинственностей», которыми окружено посейчас все это дело.

Характер операции и состав потребного для нее флота формально определился следующими опубликованными у Черчилля документами. 3-го января 1915 года, т.-е. в день получения Черчиллем вышеупомянутого письма адм. Фишера, Черчилль запросил командовавшего дарданелльской эскадрой вице-адм. Кардена, «считает ли он форсирование Дарданелл одними судами осуществимой операцией», при условии участия в ней более старых линейных, а также и вспомогательных судов, при чем извещал, что правительство считается с возможностью тяжелых потерь, допустимых в виду важности могущих быть достигнутыми результатов [1]). 5-го января Карден ответил, что «не считает возможным форсировать Дарданеллы одним ударом Они могут быть форсированы длительными (extended) операциями при помощи значительного числа судов». 6-го января Черчилль ответил ему, что его взгляд встретил сочувствие высоких авторитетов, и предложил ему представить подробные соображения [2]). 11-го января эти соображения были представлены, при чем, согласно заданию, речь шла исключительно о морских операциях и высказывалось предположение, что они могут быть закончены в течение одного месяца [3]). Штаб адмиралтейства не только не имел возражений, но предложил увеличить требуемое Карденом количество судов только что законченным постройкой сверхдредноутом «Королева Елизавета» с его 15-дюймовыми орудиями. Военный совет в заседании 13 января одобрил операцию, хотя, — странное дело, отмечает сам Черчилль, — только на третьем месте, при чем из доступных нам данных не явствует, в чем заключалась

---

[1]) Churchill, т. II, стр. 97—98.
[2]) Там же, стр. 98 и 99.
[3]) Там же, стр. 101—102.

первая из одобренных операций (Александретта?); на втором же месте была поставлена ранее не упоминавшаяся и фактически не осуществленная операция против Катарро «для воздействия на Италию». Целью дарданелльской операции объявлялось пройти, по приведении в негодность фортов и очистке минных полей, к Константинополю и уничтожить «Гебен» [1]).

Если принять во внимание письмо адм. Фишера от 3 января и решительное осуждение им впоследствии чисто морских операций, без содействия сильного десантного отряда, против Дарданелл, то согласие старого, весьма влиятельного и независимого как по положению, так и по личному характеру адмирала на содержание меморандума великому князю становится понятным лишь при условии, что мероприятия против Дарданелл рассматривались им и, очевидно, не им одним, лишь как прикрытие истинных намерений правительства.

Это предположение косвенно подтверждается двумя документами, подписанными Черчиллем 20 января, т.-е. на другой день после отправки меморандума великому князю. Один из них представляет одобрение Фишером распоряжение по адмиралтейству. В нем устанавливается желательное время начала дарданелльских операций (15 февраля), но вместе с тем говорится, что «нежелательно концентрировать всю сумму линейных судов, потребных для дарданелльской операции, сразу. Остающийся флот должен быть распределен между Мальтой, Александрией и Александреттой, откуда он может быть легко сконцентрирован, как только будут одержаны успехи. *Как только начнется нападение на Дарданеллы, должно состояться занятие Александретты.* Таким путем, если мы не сможем открыть себе дорогу через Дарданеллы, мы сможем утверждать, что это была лишь демонстрация, цель которой заключалась в том, чтобы прикрыть занятие Александретты». Такая постановка важна для Востока. Начальнику морского штаба Джексону, в частности, поручается «контролировать и изучить *морскую часть* операции по занятию Александретты и согласовать свою работу, насколько понадобится, с военным министерством» [2]).

Второй, еще более любопытный и показательный, документ представляет письмо Черчилля Китченеру с знаменательной припиской в конце: «Я посылаю копию первому министру, чтобы держать его в курсе дела». Сообщив о том, что до начала бомбардировки дарданелльских фортов значительнейшая часть флота, по указанным выше мотивам, будет распределена в поименованных местах, он продолжает: «Весьма желательно также, *чтобы александреттская* операция была подготовлена по времени так, чтобы она *совершилась практически одновременно с нападением на Дарданеллы*... Можете ли вы это так устроить и сообщить *мне ваши александреттские сроки?* Мы предполагали открыть огонь по Дарданеллам 15 февраля» [3]).

---

[1]) Сокращенный протокол заседаний, там же, стр. 110—111; письмо Черчилля Асквиту о Катарро, стр. 112.

[2]) Churchill, I, стр. 120

[3]) Там же.

Указания как в первом, так и во втором из этих документов на необходимость занятия Александретты для могущего потребоваться маскирования неудачи дарданелльской операции, «*в соответствии с психологией народов Востока*», едва ли смогут при наличности вышеприведенного письма Фишера ввести в заблуждение даже самых доверчивых читателей.

Не является возражением и то обстоятельство, что на самом деле занятие Александретты не состоялось, ибо имеются серьезные основания утверждать, что это произошло не по доброй воле английского правительства, Китченера или Черчилля, а под давлением Франции, уже наметившей в качестве своей доли добычи при разделе Оттоманской империи, помимо Сирии, Киликию и, в частности, оценившей значение Александретты не хуже Англии [1]).

Операция против Александретты была задумана не для прикрытия дарданелльской операции, а имела бесспорно самостоятельное значение с точки зрения ближневосточных интересов Англии.

Все это, однако, отнюдь не значит, чтобы дарданелльская операция представляла первоначально только фикцию, маскировавшую единственно серьезную александреттскую операцию.

Такова была, правда, по всем данным первоначальная точка зрения Китченера, лорда Фишера и других влиятельных адмиралов. За это говорит, между прочим, то, что Китченер, по инициативе которого формально было выдвинуто александреттское дело, неразрывно связанное с значительной десантной операцией, вплоть до 9 февраля отказывал флоту в содействии каких-либо войск вне этого района, и только 16/3 февраля согласился дать их для поддержки дарданелльской операции.

Иную позицию занял с самого начала [2]) Черчилль, встретившийся в известной степени с Ллойд-Джорджем в стремлении втянуть в войну еще не использованные силы Греции и Болгарии, дабы заменить сухопутными их силами или силами одной Греции необходимый для осуществления дарданелльской операции английский десант, укрепиться в районе Проливов и, вместе с тем, предотвратить часть последствий грозившего, казалось, уже тогда полного крушения русской военной силы.

---

[1]) См. Bertie, «Diary», т. I, стр. 135 (от 28/15 марта 1915 г.): в ответ на упреки, сделанные Делькассэ в палате депутатов за его согласие отдать России Константинополь и Проливы, «Делькассэ указал, что Франция получит Александретту! Утверждают, что Грэй сказал Камбону, когда этот вопрос обсуждался между ними: «но вы не потребуете же, чтоб я признал, что Александретта составляет часть Сирии?» См. также «Раздел Азиатской Турции», изд. НКИД, Москва 1924 г. и Corbett, «Naval Operations», т. II, стр. 79.—В результате англо-французских переговоров надзор за береговой полосой от Мерсины до Эль-Ариша действительно был вверен английскому адмиралу, но вместе с тем канула в вечность столь необходимая «из-за психологии народов Востока» александреттская операция. Позднейшая (9 ноября 1915 г.) попытка Китченера снова вернуться к этому плану была тотчас отвергнута как адмиралтейством, так и вновь образованным 2 ноября War Committee. (См. Churchill, т. II, стр. 496).

[2]) См. выше стр. 8 и ниже стр. 24 и сл.

4. Отношение русских властей к проекту дарданелльской операции.

Впечатление, произведенное телеграммой Черчилля на Сазонова, было, правда, как и следовало ожидать по его предшествовавшим обращениям в Ставку, чрезвычайно тревожное.

Оно ясно отразилось в «строго доверительном» письме Сазонова лично Кудашеву от 21/8 января 1915 года. Сообщая о препровождении им английского ответа в Ставку, Сазонов вместе с тем высказывает здесь — для доклада великому князю — мнение, что «*предварительно ответа лорду Китченеру,* следовало бы тщательно взвесить, можем ли мы в настоящую минуту оказать англичанам просимую ими поддержку и, *в случае удачного оборота дела, сыграть в занятии Проливов подобающую России роль?*» Политические последствия единоличного успеха англичан в области Проливов настолько беспокоят Сазонова, что он возбуждает далее вопрос, «не лучше ли было бы просить наших союзников, в виду изменившегося в нашу пользу положения на Кавказе, *повременить еще с предположенными действиями против Дарданелл*», если бы только на поставленные им выше вопросы и, в частности очевидно, на вопрос о «подобающем России» участии в операции пришлось ответить отрицательно.

Опасения Сазонова не встретили, однако, отклика в Ставке, на которую не произвели никакого впечатления приведенные им чисто военные соображения—«рискованность задуманного предприятия и опасные последствия возможного его неуспеха», с одной стороны, и улучшение положения на Кавказском фронте после блестящих побед под Ардаганом и Саракамышем 21 и 22 декабря 1914 г. (3 и 4 января 1915 г.), с другой стороны. В самом деле на другой же день после доклада Кудашевым письма Сазонова (22/9 января) Янушкевичу и беседы последнего с Вилльямсом, т.-е. уже 23/10 января, Кудашев получил «для перевода на французский язык» проект ответа на телеграмму Китченера, «почти целиком написанный рукой великого князя». Вслед затем — все того же 23/10 января — ответ был вручен Вилльямсу и «дополнен и развит словесными разъяснениями» великого князя, сводившимися к двум основным положениям, а именно: во-первых, к тому, что верховное командование при всем желании «не может обещать» союзному флоту содействия «ни флотом, ни сухопутными войсками», и, во-вторых, к тому, что «с военной точки зрения *всякий* удар, нанесенный Турции», будет выгоден России потому, что облегчит положение не только на Кавказе, но и в Европе, «так как поражение турок, несомненно, определит ориентировку балканских государств в желательную для нас сторону» (см. письмо Кудашева Сазонову, помеченное «Петроград, 25/12 января 1915 г.», представляющее, очевидно, письменное изложение устного доклада Кудашева, поспешившего, в виду важности дела, отправиться лично в Петроград).

Ясно, что для «тщательного взвешивания» соображений Сазонова, при такой быстроте действий, времени не оставалось, и вопрос, несмотря на его

бесспорное политическое значение, был решен на основании чисто военных соображений. Этому, быть может, содействовало и то обстоятельство, что в Ставке отнеслись весьма скептически к успеху «английского предприятия», видимо рассчитанного на, хотя бы и систематические, действия одного лишь флота без всякого упоминания об участии в деле серьезного десанта. В этом именно смысле высказался в беседе с Кудашевым ген.-квартирмейстер, т.-е. глава оперативного отдела Ставки, ген. Данилов.

Указав на непрочность положения на Кавказе, несмотря на недавние победы, он заявил, что «лично» «безусловно» не верит в успех англичан, добавив, впрочем, что, «даже при условии успеха» англичан, «посылка нами каких-либо войск для десантной операции на Босфоре» невозможна. В то же время он успокаивал Кудашева, что, даже овладев Проливами, уничтожив турецкий флот и наведя страх на Константинополь, англичане не смогут овладеть им, ибо «никакой десант, который они могли бы выслать, не в состоянии был бы одолеть турецкую армию, которая не отдаст же без боя столицу»...

Между тем, из разговора Кудашева с Вилльямсом, предшествовавшего его разговору с Даниловым, в то же время явствовало, что, «читая между строк телеграмму Китченера», следовало прийти к выводу, что «вопрос о форсировании Дарданелл (английским) адмиралтейством уже решен», независимо от того, смогут ли русский флот и армия принять в этом деле участие, или нет.

Расхождение во взглядах между министерством иностранных дел и Ставкой было, таким образом, снова полное. Недаром Данилов просил Кудашева сказать Сазонову, «чтобы он *отнюдь не расхолаживал англичан*» [1]). Новая попытка Сазонова (см. телеграмму от 12 февраля/30 января 1915 г. Кудашеву) предотвратить операцию указанием на ее «чрезвычайную рискованность», — «ибо, в случае неуспеха, значение союзнического флота на Средиземном море может быть серьезно подорвано»,—привела лишь к тому, что в Ставке окончательно было признано необходимым избавиться от дальнейших советов Сазонова по данному вопросу [2]). Уже 14/1 февраля Кудашев в весьма лаконической форме в конце довольно длинного письма известил Сазонова, что Янушкевич ему «сообщил волю государя, *чтобы дело о завладении Проливами сосредоточилось в Ставке*, и что государь признает только одно решение этого вопроса: присоединение обоих Проливов». Можно сомневаться, что Николай II, принимая это решение в таком виде, знал настроения Ставки по данному вопросу и, в частности, мнение ген. Данилова, пояснившего в ранее упомянутой беседе с Кудашевым «самым внушительным образом», что *«завоевание Босфора потребует отдельной войны,*

---

[1]) Подчеркнуто в подлиннике.

[2]) См. недатированное письмо Янушкевича Сухомлинову (Красный Архив, т. II, стр. 79): «Визит (Николая II) кончился благополучно и милостиво. Указано, что весь вопрос о Проливах привести к одному знаменателю предварительно в Ставке, а то С. Д. (Сазонов) будет вести свою политику, как повел Барк в Париже, замышляя экспедицию трех союзных корпусов в Сербию... и это не спрося ни Вас, ни нас». О сербской экспедиции см. ниже.

а будет ли Россия способна вести эту отдельную войну и захочет ли,—в этом он глубоко сомневается».

Официально Сазонову «воля государя», впрочем, впервые стала известной в совещании по вопросу о Проливах, состоявшемся 19/6 февраля под председательством председателя совета министров Горемыкина, в котором последним был оглашен «совершенно секретный» рескрипт на его имя верховного главнокомандующего от 14/1 февраля,—рескрипт, копия которого, по заявленному 19/6 же февраля желанию Сазонова, мотивированному тем, что рескрипт «по своему предмету непосредственно касается деятельности вверенного ему ведомства», был ему препровожден... 24/11 февраля.

Сущность же рескрипта сводилась к тому, что в виду того, что вопрос о захвате Проливов касался не только министерства иностранных дел, но также и других ведомств, в частности военного и морского, решено, что «подготовительные работы всех ведомств должны вестись по определенному плану», согласно основным положениям, установление которых поручалось верховному главнокомандующему.

Все это вместе достаточно ясно показывает, что ни о какой русской «инициативе» в деле дарданелльской операции и речи быть не может. Ставка лишь согласилась с готовым английским планом.

5. Дальнейшая эволюция мысли о дарданелльской операции.— Сербская экспедиция Ллойд-Джорджа.

Ответ великого князя на сделанное ему сообщение был получен в Лондоне 26/13 января. В записке, при которой сэр Эдуард Грэй препроводил его Черчиллю, Грэй отметил, что «ответ великого князя показывает, что, хотя операция России не может помочь»—в этом, повидимому, в Лондоне до этого не были уверены—«она встречает полное ее сочувствие, и великий князь придает величайшее значение ее успеху. Этот факт может быть использован перед Оганьером (французским морским министром) с целью показать, что мы должны ее (операцию) продвинуть и что неудача в этом разочарует Россию и воздействует крайне неблагоприятно на военное положение, которым Франция и мы, именно теперь, особенно озабочены» [1])...

Само собой разумеется, что за этими соображениями, казавшимися полезными для воздействия на французские власти, неохотно согласившиеся в то время, когда значительная часть их территории была занята германскими войсками, тратить свои силы вне самой Франции, а потому, по обыкновению, ссылавшиеся на возможность несогласия России, скрывались иные мотивы, для выяснения которых надлежит вкратце остановиться на новой—третьей по счету—операции на Ближнем Востоке, возникшей опять-таки по инициативе Англии.

Телеграммой от 2 февраля/20 января 1915 г. министр финансов Барк, прибывший в Париж на англо-франко-русскую финансовую конференцию, на

---

[1]) Churchill, т. II, стр. 157.

которой должен был решиться основной и роковой для дальнейшего участия императорской России в войне вопрос о субсидировании России союзниками и, в частности, Англией, в размере 500 мил. руб. в месяц — 6 миллиардов зол. руб. в год [1]), известил, через русского посла в Париже Извольского, председателя совета министров Горемыкина о том, что «наряду с финансовыми вопросами *Ллойд-Джордж поставил на обсуждение вопрос о немедленной посылке на помощь Сербии объединенного корпуса,* в составе войск Англии, Франции и России. По мнению *англичан,* такая помощь побудит Грецию, Румынию и Болгарию примкнуть немедленно к нам. Считая с Сербией, такая армия, двинутая с юга против Австрии, составит *не меньше миллиона штыков* и сразу изменит все положение, облегчая наше движение на Силезию, оттягивая войска от французского фронта и *разрешая вопрос о Проливах».* Вопрос, сообщалось далее, был после этого рассмотрен в частном совещании у Рибо, как министра финансов Франции и участника междусоюзнического совещания, при участии председателя совета министров Вивиани, военного министра Милльерана и министра иностранных дел Делькассэ, при чем Милльеран «противился посылке французских и английских войск в Сербию, желая иметь возможно больше подкреплений здесь», т.-е. на французском фронте.

Вторая телеграмма Барка—Извольского от того же дня сообщала о беседе Барка с президентом республики Пуанкарэ, в которой последний особенно настойчиво интересовался вопросом о том, как могло случиться, что в России уже мог сказываться недостаток в винтовках, при чем для Франции «такое положение союзницы оказалось совершенно неожиданным» [2]), а вместе с тем признавал «предложение Ллойд-Джорджа о посылке объединенного корпуса союзников для побуждения Болгарии, Румынии и Греции к активному выступлению» «заслуживающим большого внимания».

Полная неосведомленность французского правительства о предложении Ллойд-Джорджа подчеркивалась также Делькассэ на следующий день в разговоре его с Извольским (см. телеграмму последнего от 3 февраля/21 янв.), при чем Делькассэ, указав на отрицательное отношение к делу Милльерана, «в принципе высказался скорее в пользу сказанного плана», при чем заявил, что для Франции трудно принять на себя «ответственность отказа», и спросил мнение Извольского. Несмотря на то, что в словах Делькассэ сквозило видимое желание, чтобы Россия взяла на себя «ответственность отказа», что ей облегчалось испытываемыми ею собственными затруднениями, Извольский, не предрешая мнения императорского правительства [3]), заявил от своего имени лично, что «высказанные Ллойд-Джорджем мнения имеют несомненный вес и что появление на Балканах французских, английских и особенно русских войск, действительно, может возыметь теперь решающее действие».

---

[1]) См. доклад Барка Николаю II, в Красном Архиве, вып. V, стр. 50—63.

[2]) См. выше, стр. 15.

[3]) И понимая, очевидно, нежелательность возложить «ответственность», от которой отказывалась Франция, на Россию.

Закулисная сторона дальнейших англо-французских переговоров по этому делу нам неизвестна [1]). В результате совет министров под председательством Пуанкарэ высказался 4 февр./22 янв. «в принципе» за принятие английского предложения, но снабдил свое согласие такими оговорками, которые исключали возможность отправки на Балканы крупного отряда и придавали всему делу характер меры «нравственного» воздействия на балканские государства (тел. Извольского Сазонову от 4 февр./22 янв.), а на другой день и в Ставке было решено послать в Сербию из России — один казачий полк...

Сообщение вел. князя о столь ничтожном участии русских военных сил в предположенной экспедиции, видимо, поразило союзников, вероятно, уже пришедших к неизвестному нам соглашению. В беседе с Извольским Делькассэ заявил 11 февраля/29 янв., что «во время своего пребывания в Лондоне он убедился, что английское правительство, в особенности лорд Китченер, очень настаивало на этой посылке», при чем по поводу сообщения вел. князя «в Лондоне было высказано предположение, что посылке более крупного русского отряда препятствует, вероятно, недостаток не в людях, а в предметах вооружения. Если это так, то недостаток этот может быть восполнен Англией и Францией». «Лорд Китченер,—продолжал Делькассэ, — убежден, что появление русских войск тотчас увлечет болгар и окажет решающее влияние на румын. Делькассэ склонен разделить это мнение, и, по его словам, Франция и Англия, действительно, могут помочь нам вооружить экспедиционный отряд». О желании союзников относительно увеличения русского отряда была, очевидно, извещена и Ставка, и в связи с этим здесь было решено дополнить казачий полк одной ополченской бригадой, при чем, однако, срок ее отправки не был точно указан. Это явствует из телеграммы Сазонова Кудашеву от того же числа, в которой он сообщал, что послы Франции и Англии довели до его сведения, что «вопрос о посылке их правительствами по одной дивизии в Салоники решен окончательно», и высказался, по соображениям политическим, за необходимость единовременной отправки с союзническими отрядами и ополченской бригады.

Вся затея с сербской экспедицией, встреченная в России без всякого энтузиазма, становится понятной лишь в связи с теми опасениями за возможность серьезного дальнейшего участия России в войне, которые были вызваны как в Лондоне, так и в Париже состоянием ее вооружения, которое в тот момент и в Лондоне и в Париже считалось более катастрофическим, чем оно было тогда на самом деле. Ллойд-Джордж и Черчилль, — характеризовавший Россию несколько позднее, но еще до макензеновского прорыва, в наброске письма к Грэю, как «силу надломленную, поскольку мы ей не придем на помощь, не имеющую другого выхода, как стать изменницей (по отношению к «союзникам»), и не могущей сделать и этого» [2]), — сошлись

---

[1]) В связи с ними, а также и с вопросом об Александретте состоялась поездка Делькассэ в Лондон, где он пробыл с 6 по 10 февраля (24—28 янв.).

[2]) Churchill. т. II, стр. 204 Письмо было написано 6 марта. Это не помешало г. Винстону Черчиллю полгода спустя — 15 октября 1915 г. — разослать членам

в мысли о необходимости бросить на чашу весов свежие силы балканских государств, не останавливаясь перед опасениями русских правящих кругов относительно видов Греции и Болгарии на область Проливов и на Константинополь. «В первую очередь, — говорит Корбетт в своей истории морской войны 1914—1918 г.г., — идея послать войска в восточную часть Средиземного моря преследовала цель спасти Сербию и во вторую очередь—*обеспечить флот у Дарданелл десантным отрядом*» [1]). Две дивизии, намеченные для этой цели Англией и Францией, были, очевидно, недостаточны ни для той, ни для другой цели, ни тем более для обеих вместе. Расчет мог заключаться и заключался лишь в «нравственном воздействии», в частности на Грецию, с которой Грэй начал неофициальные переговоры еще до первого выступления Ллойд-Джорджа перед союзниками, а именно 23/10 января.

6. Переговоры Англии с Грецией об участии в „операции“.— Первый протест Сазонова.

Положение Грэя было трудное. «Он пуще всего заботился о том, чтобы не вызвать греческого предприятия против Константинополя, дабы не оскорбить России», — говорит о нем равнодушный к этой заботе Черчилль [2]). А вместе с тем он понимал, что вопрос о привлечении на сторону союзников Болгарии, неразрешимый без улажения болгарского конфликта с Сербией и Грецией, имел очень большое значение для всего положения дел на Балканах.

Исходя из этих опасений, он предложил Греции около 23/10 янв. за активную помощь союзной с ней Сербии «весьма важные территориальные приобретения в Малой Азии», указав вместе с тем на то, что надлежало бы

великобританского кабинета памятную записку, в которой содержатся (Churchill, «World Crisis», т. II, 486—487) следующие примечательные строки: «Россия потеряла в этой войне более 4½ миллионов человек и потопила около миллиона германцев в собственной крови. В начале войны она принесла в жертву свои собственные войска в преждевременных (для нее) попытках помочь французам и нам самим (англичанам). Наши операции на западе оказались совершенно неспособными (have totally failed) снять с нее в течение последних пяти месяцев, когда она была подвергнута главному давлению врага, часть (производимого на нее) давления. Несмотря на ее совершенно несравнимые (absolute beyond comparison) затруднения (difficulties), недостатки (deficiencies) и потери (losses), она продолжает с чрезвычайным упорством и лойяльностью (most stubbornly and loyally) противостоять (to make head) общему врагу, и в ее готовности действовать так и впредь заключается надежда на успешный исход войны. Единственный большой выигрыш (prize) и вознаграждение (reward), которые Россия может приобрести, представляет Константинополь. Вернейшее средство восстановить ее вооружение, единственный путь подстегнуть ее усилия заключается в открытии Дарданелл и Босфора».

[1]) Corbett, т. II, стр. 124.

[2]) Churchill, т. I, стр. 493. Непосредственно эти слова относятся ко времени англо-греческих переговоров в августе 1914 г.—Важнее то, что они определяют сущность мотивов Грэя, как официального представителя английской политики, лишь весьма условно и, главное, односторонне. См. введ. в первый том настоящего издания.

заверить Болгарию, что если аспирации Сербии и Греции будут удовлетворены в других местах, она получит «удовлетворительные» компенсации в Македонии, и уговаривая Венизелоса, в отличие от предшествовавших его действий, не препятствовать уступкам Сербии, которой, в отличие от Греции, эта сторона дела,—т.-е. вопрос об уступках Болгарии,—главным образом касается [1]).

Воспользовавшись неофициальным характером сделанных Грэем предложений, Венизелос, однако, назвал их «нелепыми» и, видимо, добился этим более отчетливых сообщений об истинных намерениях английской политики, которые заставили его круто повернуть фронт и в двух меморандумах королю Константину от 24/11 и 30/17 янв. настаивать на немедленном вступлении Греции в войну, «в виду предоставленной нам божественным провидением возможности реализации самых смелых наших национальных идеалов» [2]), — идеалов, включавших в себя, как известно, создание неовизантийской империи с Константинополем, в качестве столицы.

Чрезвычайная стыдливость, проявляемая поныне послевоенными английскими правительствами, находящая себе полнейшую параллель в такой же стыдливости правительств французских (а, кстати сказать, и американских), в области опубликования предвоенного и военного материала, дипломатических и иных документов, лишает нас возможности разобраться во всех методах английской дипломатии этого времени и, в частности, в вопросе о том, какими путями английское правительство, — где нужно, действуя объединенно и официально, где нужно, предоставляя отдельным своим членам и даже своим дипломатическим представителям в отдельных странах действовать за свою собственную ответственность, — добивалось достижения тех задач, которые признавались им соответствующими интересам Британской империи. Этим, в частности, определяется неясность той роли, которую играли в делах английской политики разбираемого времени Ллойд-Джордж, Черчилль и иные, им подобные, государственные деятели, — действовали ли они, даже в весьма казалось бы ответственных случаях, если не по поручению, то с ведома прочих членов правительства, или они позволяли себе, т.-е. *могли себе позволить,* более или менее вольные отступления от принятой правительством, как таковым, официальной линии? В частности этот вопрос, естественно, возникает в связи с совершенно истерическими на первый взгляд перебоями в образе действий такого... сообразительного человека, как Венизелос.

В английской литературе о войне принято сваливать всю ответственность за разные неудачи английской политики на Ближнем Востоке то на Черчилля (дарданелльская операция), то на Ллойд-Джорджа. Последние, в свою очередь, не договаривают своих ответов до конца, ибо иначе они стали бы «политически невозможны», так как им пришлось бы выдать сокровеннейшие

---

[1]) Abbott, «Greece and the Allies», Лондон, 1922 г., стр. 22—23. Автор пользуется рядом неизданных доселе документов, что не мешает ему систематически извращать ход событий и их смысл путем умолчания о других, по общему правилу более важных, документах.

[2]) Abbott, указ. соч., стр. 23—25.

секреты британской политики, одно время направленные, главным образом, против России и косвенно против Франции, а вслед затем (после 1918/1919 г.) преимущественно, если не исключительно, в особенности поскольку речь идет о Европе и Б. Востоке, против Франции. Поэтому картина остается неясной и, без добровольного или вынужденного согласия английского и французского правительств на опубликование соответствующих документов, еще долгое время останется невыясненной.

Впрочем, эта неясность относится лишь к деталям. По существу же дела основные линии могут быть установлены с достаточной отчетливостью.

Сербская операция Ллойд-Джорджа и дарданелльская операция Черчилля одинаково ставили на первый план балканскую проблему, из-за которой формально вспыхнула мировая война и которая затем старательно замазывалась всеми тремя великими державами Антанты, дабы не допустить между ними острого конфликта, тлевшего под словесным «сердечным согласием» и всеми ими избегаемого, так как он неминуемо повлек бы за собой полную победу Германии.

То был конфликт между западными державами и Россией, неизбежный, как только вопрос о судьбах Оттоманской империи будет полностью и серьезно поставлен на разрешение, — конфликт по вопросу о том или ином виде «интернационализации» Константинополя и Проливов или о переходе их со всеми связанными с ними экономическими, военными и политическими интересами Англии и Франции под власть России [1]. Но дело этим не ограничивалось. Наряду с конфликтом Англии и Франции с Россией неизбежно должен был возникнуть и конфликт Англии с Францией. Времена после победы «западных демократий» над «германским милитаризмом» достаточно ясно проявили наличность этого конфликта, но надо быть очень близоруким, чтобы не видеть начальных этапов его уже в эпоху войны, в свою очередь, лишь продолжавших много десятилетий предшествующей конкуренции.

При оценке поразительно убогой по своим формам и результатам дипломатической деятельности всех трех держав Антанты на Балканском

---

[1]) По словам Берти (Diary, т. I, стр. 121), в первые же дни бомбардировки Дарданелльских фортов,—запись его относится к 26/13 февраля,—в Париже наблюдалось «возрастающее чувство подозрительности в отношении русских поползновений на Константинополь и желательности продвижения Англии и Франции (в этом вопросе Англии отводят первенствующее место) в Константинополь до России, с тем, чтобы московиты не имели развязанных рук в решении судьбы этого города и Проливов, Дарданелл и Босфора». В другом месте (т. I, стр. 132) он сообщает, что во французской палате депутатов наблюдались в марте 1915 г. «опасения», что Англия и Россия «распорядились насчет судьбы Константинополя за спиной Франции». О резко отрицательном отношении французских видных государственных и общественных деятелей, в том числе Клемансо, Бриана, Ганото, Буржуа и др., к передаче России Константинополя и Проливов, ср. тут же, т. I, стр. 128, 134—135, 139—141, 213—214, 236, 246, 263, 340 и др. К числу их относился и Бретейль, которого Извольский в 1912 г. рекомендовал Сазонову в качестве преемника Жоржа Луи на пост французского посла в Петербурге. См. также об этом в отделе, касающемся вопроса об организации временного управления Константинополем и окрестной областью.

полуострове, выходящей далеко за пределы настоящей книги и остро нуждающейся в особом исчерпывающем издании хотя бы тех материалов, которые содержатся в архиве б. русского министерства иностранных дел, необходимо иметь в виду, что ни в конститутивных актах русско-французского союза, направленного сначала как против Тройственного Союза, так и против Англии, но отнюдь не прямо против Турции, ни в основных актах об англо-русском соглашении 1907 г., ни даже в последующих заявлениях английского и французского правительств 1908 и след. годов по ближне-восточному вопросу, неизменно вызванных упорными настояниями русского правительства, не содержалось никакого сколько-нибудь отчетливого ответа на жгучий, с точки зрения русских властей, вопрос о Проливах, приобретший после русско-японской войны в русских правительственных кругах характер своего рода маниакальной идеи.

Каждая из трех держав Антанты имела на Ближнем Востоке свои собственные интересы; каждая имела здесь свою традиционную политику, свои методы действия и своих приверженцев среди местного населения. Центральные учреждения, ведавшие иностранной политикой этих держав, каждое, имели свои отделения-штабы, исходившие из этих традиционных интересов и передававшие прямо или косвенно — через подлежащих министров — свои основные настроения местным посланникам. Отсюда многочисленные недоразумения, неизбежно возникавшие, даже независимо от расхождения взглядов центральных правительств, между местными представителями их. О них повествует дипломатическая переписка времен существования Антанты, несмотря на то, что она, по профессиональным навыкам, настолько сдержана, что лишь подводит итоги тому, что, нередко, несомненно в более острых формах, совершалось в повседневной жизни. Было бы странно думать, что все эти черты политики держав Антанты внезапно оборвались с момента начала войны. Не следует забывать, в частности, что если дипломаты Франции, по крайней мере на Балканах (и гораздо меньше в Константинополе), привыкли сравнительно давно ориентироваться здесь на русскую политику, то для английских дипломатов самый факт русско-английского соглашения был гораздо менее привычным и не мог не внушать больше сомнений в своей прочности, а, стало быть, побуждал в особенной степени к охранению собственных, вдобавок более или менее давно приобретенных, обычно противорусских, связей с местными влиятельными в политическом отношении кругами.

Удельный вес отдельных держав Антанты в разных балканских государствах — мы оставляем здесь в стороне Турцию — был далеко не одинаков. Из трех традиционных держав-покровительниц Греции — Англии, Франции и России — две первые, хотя и сыграли некогда объективно меньшую роль в достижении признания независимости Греции султаном, чем Россия, по причинам географическим, экономическим и иным, несомненно, имели там, к неудовольствию России, первенствующее значение: их соревнование относительно влияния на Грецию сыграло не последнюю роль в истории Ближнего Востока во время и после войны. В Сербии Англия была непосред-

ственно чрезвычайно мало заинтересована [1]); Франция же заинтересовалась ею, да и то только с точки зрения займов и заказов Сербией французского вооружения, лишь с тех пор, как Сербия стала кредитоваться у нее для снабжения своей армии оружием и орудиями заводов Шнейдер-Крезо; это, однако, не приводило к конфликту интересов Франции с Россией, за политической ответственностью которой, ведь, и действовал в Сербии французский финансовый и промышленный капитал. Болгария же была еще с 80-х и, в особенности, с 90-х годов ареной борьбы не только русского и австрийского, но также русского и английского влияния: «гуманные» выступления лорда Лансдоуна в пользу Македонии, начавшиеся в 1903 г. и оборвавшиеся довольно неожиданно, когда русско-английские переговоры о соглашении обещали закончиться успешно, представляют лишь один из эпизодов этой англо-русской борьбы за влияние в той из балканских стран, которой, по общему мнению Европы, предстояла наиболее блестящая роль на полуострове. Практически, таким образом, традиционная разнородность, чтобы не сказать враждебность, английской и русской политики должны были сказаться с особенной силой именно в Болгарии и в Греции, — тем более, что Сербия уже участвовала в войне и подала даже формальный повод к ее началу.

Обе державы понимали более или менее смутно с самого начала войны значение будущего ее балканского театра. Обе считали, что наиболее желательное разрешение сложного положения, созданного на Балканах краткой, но роковой междусоюзнической войной 1913 г. и Букарестским миром, заключалось в воссоздании балканского союза, направленного, с точки зрения Сазонова, прежде всего, против Австрии, с точки зрения Англии, не только против Германии и Австрии, но и (а,пожалуй, и преимущественно) против Турции [2]), которой обе в то же время, несомненно зная о заключенном 2 авг. 1914 г. германо-турецком союзе [3]), обещали, пока что, в случае сохранения ею нейтралитета, обеспечение ее «целостности и независимости», что в выс-

---

[1]) Этому препятствовали и старые, сохранившиеся еще во время мировой войны, надежды влиятельных английских кругов отделить Австрию от Германии и найти в ней снова, как некогда, противовес против России.—О живучести этих тенденций в английских правящих кругах свидетельствует, помимо воли, Steed в своей упомянутой выше книге. Сам он, бывший от 1907—1912 г. представителем «Times» в Вене, пришел к заключению, что эти надежды совершенно неосновательны, что Австрия принуждена быть вассалом Германии и что интересы Англии требуют—ради победы Англии над Германией—«взрыва» Австрии через чехословаков и югославян. См. его книгу т. I, гл. VI—IX, т. II, стр. 41—55, 97—101, 123—163 и др.

[2]) А далее, с точки зрения Англии, и против России.

[3]) В отличие от Черчилля и др., Эббот признает, что уже 4 авг. 1914 г. король Константин, по собственной инициативе представивший английскому штабу план операций против Галлиполи, выработанный в греческом штабе, получил от Вильгельма II телеграмму, извещавшую о заключении германо-турецкого союзного договора, и сообщил содержание телеграммы главе английской морской миссии, вице-адмиралу Марк Керру (стр. 10 и 15—16). Заметим кстати, что в этой телеграмме Вильгельм II говорит, что «германские военные корабли, (т.-е. «Гебен» и «Бреслау») идут на соединение с турецким флотом, дабы действовать совместно с ним». Черчилль и об этом «ничего не знал» и даже не мог себе представить такой удивительной комбинации...

шей степени соответствовало в то же время и интересам Франции. Однако, каждая из них желала создания или воссоздания этого союза в собственную свою пользу, дабы сохранить за собой роль арбитра и руководителя. Обе вместе с тем утратили, в частности в Болгарии, заметную долю своего влияния и находились по отношению к ней в менее выгодных условиях, чем Германия и Австрия. Уже этим определялось расхождение их во взглядах на ближайшие шаги, необходимые в интересах «общего дела».

Другим моментом, предопределявшим глухую борьбу двух членов Антанты, в которой Франция принимала в основных вопросах участие на стороне Англии, а отнюдь не на стороне России, был вопрос о Константинополе и судьбах Оттоманской империи, который интересовал Францию больше, чем вопрос о самих Проливах, поскольку вопрос о Константинополе был отделим от вопроса о Проливах. Францию, опиравшуюся на франко-русский союз, в котором она привыкла с 1904—5 г.г. играть не вторую, а первую роль, обусловленную ее финансовой мощью, интересовал не столько вопрос о Проливах в узком смысле, т.-е. вопрос о праве России, ценном при известных условиях и для нее, беспрепятственно проводить через Проливы свои военные суда, сколько вопрос об ограждении Константинополя, с которым, как со столицей Оттоманской империи, были связаны огромные интересы французского финансового капитала, как от русского, так и от английского засилия. Англия могла отнестись более равнодушно к самому Константинополю, чем к Проливам; она, правда, признала в 1903 г., как мы видели, что вопрос о Проливах не принадлежал к числу вопросов, «первостепенно» задевающих ее интересы; но это отнюдь не значит, что она была готова смотреть равнодушным оком на водворение там России и на возможность свободного выхода ее флота из Черного моря, хотя бы для соединения... с французским...

Те самые факты, которые во время неожиданно для всей Европы победоносной войны балканского союза 1912/13 г. с Турцией заставили русские власти отнестись с волнением к возможности захвата Константинополя болгарами, эти самые факты лишний раз убедили англичан в том, что они, по известному выражению Сольсбери, участника Берлинского конгресса 1878 г., «поставили» во время этого конгресса «не на ту лошадь». Только лошадь, на которую следовало ставить, взамен разлагавшейся Турции, была, по мнению Англии, отнюдь не Россия, а Болгария и прочие освободившиеся или освобождавшиеся от турецкой власти народы Балкан, которые лучше турок могли исполнить роль враждебных России привратников Черного моря. На первом месте в этом отношении стояли до 1913 г. болгары, оказавшиеся, по общему мнению всей Европы, наиболее крепкой и способной к государственной жизни большого масштаба нацией полуострова и сумевшие, как доказала первая балканская война, развить такую военную мощь и энергию, которой не было основания предполагать ни у Сербии,—Сербии «сливницкого героя» Милана, его сына Александра, а также его преемника Петра Карагеоргиевича, в течение многих лет особенно остро и даже грубо бойкотированного именно Англией,—ни у Греции, войска которой с 1881 года прославились, преимущественно, поражениями.

Безумная по своей несдержанности политика Фердинанда болгарского, о мотивах и основаниях которой нам здесь нечего говорить, низвергла Болгарию в 1913 г. с занятого ею упорным трудом положения, возложив на нее ответственность за междусоюзническую войну, и, тем самым, естественно, обратила внимание тех английских политиков, которые интересовались народами Балкан преимущественно в качестве пушечного мяса как против Турции, так и против России, прежде всего на греков, как нацию, хотя и небольшую, но выдвинувшуюся после Букарестского мира — правда, не благодаря своим собственным силам, а благодаря удачно сложившимся для нее международным условиям — в ряды заметных морских держав в восточной части Средиземного моря. На нее поэтому и была в начале мировой войны поставлена ставка британской политики, для которой формальное постоянство в выборе союзников или, точнее, подкупленных так или иначе сотрудников издавна отступало на задний план перед ближайшей целесообразностью соответствующих ее действий, и которая вдобавок, в виду надвигавшейся по общему сознанию войны, а тем более после того, как война уже началась, не имела времени долго мешать свои карты, чтобы со всем спокойствием и считаясь с долгими сроками, обычно предоставленными государственным деятелям и дипломатам, взвесить положение и связанные с ним возможности. Да и кто же в начале войны допускал мысль о том, что она продлится более четырех лет? Сколько было тогда людей, которые думали, что она продлится долее нескольких недель или, в худшем случае, долее пары, другой месяцев [1])?

Эта тенденция английской политики сказалась не только в легкости, с которой некоторые английские государственные деятели такого беспокойно-талантливого типа, как Черчилль и Ллойд-Джордж, были готовы увлечься планами Венизелоса относительно захвата Галлиполийского полуострова, но и в уклончивом отношении более осторожного Э. Грэя к плану Сазонова, изложенному им впервые в телеграмме от 5 авг./23 июля 1914 г. Сазонов, приученный более долгими, чем английские, связями России с Балканами, длительным и весьма нелегким для старой царской власти опытом относительно устойчивости болгарской государственности, а, может быть, и суждением русских военных кругов о достоинствах болгарской армии, к высокой оценке значения Болгарии на Балканах, признал тогда необходимым поставить все дело войны на такую почву, которая создала бы возможность соучастия Болгарии в борьбе Антанты против Германии и Австро-Венгрии, а, буде понадобится, и против Турции.

Вот текст секретной телеграммы, отправленной русскому поверенному в делах Штрандтману в Белград и сообщенной русскому посланнику в Софии «исключительно для личного сведения»:

«Прошу расшифровать лично. Доверительно. Прошу вас сообщить Пашичу следующее: мы полагаем, что в настоящую минуту надо, откинув мелочные расчеты, действовать решительно и быстро. С этой точки зрения мы полагаем, что *содействие Болгарии, независимо от исхода войны, может*

---

[1]) См. выше стр. 11.

быть обеспечено только отдачей ей теперь же Иштиба и Кочан с территорией до Варадара (sic). *В случае же победоносной войны, Болгария получает так называвшуюся спорную территорию, предусматривавшуюся второй статьей тайного приложения сербо-болгарского договора 29 февраля 1912 г., от вершины Голема, севернее Кривой Паланки, до Охридского озера, со включением Струги.*

«Если бы Болгария затруднилась выступить с военными силами, то за добросовестное соблюдение нейтралитета она могла бы быть вознаграждена Кочанами и Иштибом с территорией до Варадара лишь после победоносной войны, в чем Сербия теперь же даст обязательство России, которая сообщит таковое Болгарии. Делая настоящее сообщение, выскажите Пашичу следующую нашу общую точку зрения: начиная войну, требующую напряжения всех своих сил, войну, которая вызвана защитой Сербии и которая с божьей помощью приведет к исполнению ее (Сербии) народных идеалов, Россия не сомневается, что сербское правительство без колебания пойдет навстречу ее заветному желанию восстановить братство всех славянских народов и, прежде всего, Сербии и Болгарии. Жертвы, которые придется для этого принести Сербии, несоизмеримы также с теми жертвами, которые несет Россия. Само собой разумеется, условия, сообщаемые ныне Пашичу, не должны быть нами *сразу* сообщены болгарам. Для нас необходимо лишь *быстрое и категорическое согласие сербского правительства предоставить России полномочия начать переговоры в указанных выше пределах. Какие-либо колебания в настоящий момент мы считали бы прямо пагубными*».

События последующего времени показали с полной убедительностью, что оценка положения, из которой исходил в данном случае Сазонов, — по каким бы мотивам он к ней ни пришел [1],—была правильна: только такими уступками Болгарии, какие он предлагал, можно было добиться ее участия в войне на стороне Антанты. Дальше того, что он предлагал предоставить болгарам в самые первые дни войны, строго говоря, не шли и гораздо более поздние притязания болгарских правящих кругов, поскольку речь шла о Сербии или, точнее, о Македонии [2]. Говорить же в это время, когда Турция официально еще не вошла в состав врагов Антанты, о Фракии и линии Энос—Мидия вообще не приходилось, да по отношению к сербскому правительству не было и надобности.

Потребность соглашения с Болгарией сознавали в это время и в самой Сербии, как явствует из телеграммы Штрандтмана от 2 августа (20 июля), в которой он сообщал Сазонову о желании Пашича, чтобы Россия взяла на себя функции примирительницы Сербии с Болгарией [3]. В те первые дни

---

[1]) См. выше стр. 32.

[2]) Так, уже после вступления Турции в войну болгарский премьер Радославов обуславливал присоединение Болгарии к Антанте немедленной передачей Болгарии территорий до Вардара (телеграмма Сазонова от 25/XI 1914 г. № 4170).

[3]) Сообщая «доверительно» о двух своих разговорах с Пашичем, в которых он его убеждал, «что ныне наступил, быть может, единственный момент, упустить который было бы преступно, чтобы предпринять в Софии шаги к привлечению активной помощи Болгарии» за «определенные» компенсации, Штрандтман

войны, когда Белград обстреливался австрийцами и сербская армия собиралась покинуть, а затем и покинула столицу королевства, а отношение Франции и, в особенности, Англии к начавшейся войне еще не определилось окончательно [1]), в Сербии были готовы на широкие уступки Болгарии, дабы не довести дела до полной собственной катастрофы.

Вскоре, однако, положение дел изменилось. В то время, как Сазонов, преследуя ту же цель обеспечения соучастия в войне Болгарии, старался подействовать на Грецию, убеждая и ее в необходимости сделать болгарам известные уступки, — на этот раз, однако, точно не формулированные [2]), — от Штрандтмана стали поступать неблагоприятные сведения, вызывавшие раздраженный отклик Сазонова [3]). Становилось ясно, что в Сербии начинают преобладать иные настроения, чем в первые дни, и что представляется необходимым прибегнуть к средству, весьма неприятному для русского правительства, все еще не привыкшего к мысли о преувеличенности ходячих в русских влиятельных кругах представлений о решающем значении «голоса России» для политики «славянских братьев», — а именно, к совместному воздействию трех держав Антанты на строптивых сербов и не менее строптивых греков. Однако, и тут идея Сазонова не встретила сочувствия: к концу августа выяснилось, что ни Грэй, ни Делькассэ не желали вступить на путь, рекомендованный Сазоновым [4]), а 1 сентября/19 августа Пашич категори-

---

далее говорит, что «Пашич отлично сознает всю сложность политической обстановки и необходимость уговора с Болгарией, но вместе с тем предвидит серьезные трудности в направлении этого вопроса со стороны сербского общественного мнения, а главным образом опасается чрезмерной требовательности болгар по этому последнему пункту. Он будет надеяться на нашу помощь и на наше умеряющее, если понадобится, воздействие в Софии. За разрешение пользоваться нашим посредничеством он приносит глубокую благодарность вашему высокопревосходительству».

[1]) О том, насколько сомнения в этом отношении были основательны, см., напр., поучительный рассказ Черчилля, т. I, стр. 261—262, а также назв. выше книгу Стида, т. II, в особенности, стр. 8, 11, 12, 14, 16, 31.

[2]) Об этом говорилось в телеграмме от 10 авг./28 июля Демидову.

[3]) «Поведение Сербии за последние дни вызывает в нас некоторое недоумение. Ежедневно к нам поступают всевозможные просьбы, которые мы стараемся посильно удовлетворить. Между тем со стороны Сербии мы не видим той же готовности удовлетворить разумные наши просьбы. Мечтая о Великой Сербии, Пашич высказывает очень мало желания итти на необходимые и умеренные жертвы, чтобы заручиться благожелательным нейтралитетом Болгарии». (Тел. Штрандтману от 12 авг./30 июля № 1847).

[4]) Телеграмма Сазонова Извольскому и Бенкендорфу от 28/15 авг. № 2224: «По доходящим до нас сведениям, сербское и греческое правительства высказывают совершенно неоправдываемый обстоятельствами оптимизм относительно положения, занимаемого турецким и болгарским правительствами. Вследствие этого ни то, ни другое не расположены к уступкам в пользу Болгарии... Во всяком случае, если греческое и сербское правительства рассчитывают на помощь трех держав, то они обязаны считаться и с нашими настояниями. Ввиду этого полагаем, что указания о желательных уступках в пользу Болгарии должны быть сделаны в Афинах и Нише в дружеской, но самой категорической форме, которая облегчит даже Пашичу и Венизелосу необходимые быстрые решения. Предста-

чески отказался от каких-либо уступок, покуда державы не гарантируют Сербии «сербско-хорватских земель с прилегающим к ним побережьем», что в данной стадии войны было явно невозможно, как по условиям положения на фронтах, так и вследствие опасности оттолкнуть Италию предоставлением Сербии Фиуме и Далмации. Ответственность за эту неудачу своей политики Сазонов возлагал, прежде всего, на Англию, как видно из его телеграммы Бенкендорфу от 6 сентября/24 августа № 3959, сообщенной одновременно к сведению русским представителям в Бордо, Константинополе, Афинах, Нише, Софии и Букаресте:

«Прошу вас вновь повторить Грэю, что мы настаиваем на том, чтобы в Афинах и Нише были преподаны решительные советы в смысле соглашения с Болгарией на почве компенсаций.

«Если Греция на это не пойдет, то мы не свяжем себя никаким обещанием начать враждебные действия против Болгарии, если бы последняя не оказала должного сопротивления Турции.

«Результатом этого может явиться воздержание Сербии от активных выступлений против Австрии [1]), что отразится на операциях нашей армии.

«*Считаю, что Англия, вследствие своей нерешительности, была бы в значительной степени ответственной за такой исход.*

«Наш образ действий объясняется тем, что, имея войну против Германии и Австрии, мы не можем не стремиться избегнуть столкновения с Турцией и Болгарией из-за безрассудства Греции [2]), *опирающейся на попустительство англичан.*

«Я высказался сегодня в этом смысле перед английским и французским послами».

Документально удастся установить мотивы политики сэра Э. Грэя лишь по опубликовании соответствующих английских данных, притом, разумеется, не типа «синей» и т. п. книг, этих профессиональных лжесвидетелей современной дипломатии. Стоит, однако, сопоставить его нежелание содействовать Сазонову в деле воссоздания балканского союза с одобренной им же инструкцией Черчилля Н. Бекстону от 31/18 августа [3]), в которой

вления эти должны быть сделаны вполне солидарно, без ссылки представителей той или иной державы, что он только поддерживает своего русского коллегу». Телеграмма Сазонова Бенкендорфу от 29/16 авг. № 2259: «Английский посол сообщил сущность инструкций, данных английским представителям в Сербии, Афинах и Софии... *Грэй полагает, что державы Тройственного Согласия должны ограничиться указанием на желательность компенсаций в пользу Болгарии, предоставив балканским государствам самим взаимными переговорами определить их размер. Между тем, из телеграммы Штрандтмана ясно, что Пашичу можно только навязать необходимость известных компенсаций, но рассчитывать на добровольные уступки совершенно невозможно.* По отношению к Греции Грэй снова хочет повторить обеспечения против нападения со стороны Болгарии, не отдавая себе отчета в том, что успокоенное подобными заверениями греческое правительство не будет расположено на уступки в пользу Болгарии»...

[1]) Такая тенденция Сербией, действительно, была проявлена.

[2]) Греция, в лице Венизелоса, оказывала и тогда, и позднее сильное влияние в смысле неуступчивости Сербии.

[3]) См. Churchill, т. I, стр. 486—487.

первенствующее место занимает как раз забота «незаинтересованной» в балканских делах Англии о воссоздании именно этого союза, кстати сказать, с присоединением к «славянским странам», — о которых Сазонов, по крайней мере, в телеграмме Штрандтману, в первую голову заботился, — Греции и Румынии, чтобы не оставалось сомнений в существе той «союзнической» услуги, которую Грэй оказал в данном случае России. Весьма основательно поэтому русский посланник в Софии Савинский заметил несколько позднее в беседе с Бекстоном, прибывшим в Софию и говорившим о необходимости добиться для Болгарии у ее соседей территориальных уступок, «что именно таковой была ваша (Сазонова) первоначальная мысль, *не нашедшая, однако, сочувствия у лондонского кабинета,* и что теперь, после заявлений, обмененных в Нише между Пашичем и тремя представителями (речь идет о заявлении Пашича от 1 сентября/19 августа), возвращение к вопросу о конкретных компенсациях гораздо труднее». (Тел. от 22/9 сентября) [1].

Следить за дальнейшим течением нудных переговоров держав Антанты с Болгарией—здесь нет ни возможности, ни надобности. Упомянуть же о скрывавшихся за ними англо-русских трениях необходимо, дабы выяснить истинный характер балканской политики Англии в начале 1915 года или, по крайней мере, одну из существенных ее сторон.

Черчилль, будучи вынужден считаться с «государственной тайной», окутывающей поныне во имя «государственных интересов» все зарождение дарданелльской операции, но заинтересованный в то же время лично в том, чтобы не оставаться в глазах современников и потомства в роли, не слишком выгодной для такого самолюбивого, честолюбивого и властолюбивого человека, — в роли талантливого, но пустого фантазера, виновного в неудаче «нелепой попытки» форсировать Дарданеллы без расчета на десантные операции, — приподнял край завесы не только над конкретным смыслом его собственного понимания дарданелльской операции, но, косвенно, и над мотивами, приведшими Китченера, после того, как александреттская операция окончательно сорвалась, вследствие несогласия на нее французов, к неожиданной готовности предоставить для этой цели десантные войска.

Говоря о тех соображениях, которыми он руководился, настаивая на необходимости дарданелльской операции и на возможности благополучного ее завершения, несмотря на повторные отказы Китченера поддержать ее силами сухопутной армии, Черчилль приводит их четыре. Здесь говорится о политических последствиях, которые должно было вызвать в Константинополе появление перед ним английского флота (речь идет о восстании весьма многочисленного не турецкого, в частности греческого и армянского, населения Константинополя, об анархии, о движении среди самих мусульман против младо-турок и других подобных вещах, на которые не без приятности, а, быть может, и не без всякого основания рассчитывали не одни

---

[1]) Телеграммы Савинского полны жалоб на английского посланника Айронсайда, «постоянно уклонявшегося от совместных выступлений» с Россией и Францией (тел. от 29/16 авг. Сазонову) и т. д.

только русские дипломаты!) [1]. Далее он говорит о «неминуемом» движении в таком случае болгар против Адрианополя, и в конце концов о том, что Россия сочла бы себя вынужденной, как бы ни было тяжело ее положение на германо-австрийском фронте, принять участие в водворении креста над храмом св. Софии, а, стало быть, помогла бы Англии довершить дело захвата Проливов и Константинополя (не имея в то же время достаточных сил, чтобы занять здесь соответствовавшее ее давнишним замыслам положение). Не эти соображения, однако, стоят на первом месте. Это место по необходимости отведено подлинному козырю Черчилля (и Ллойд-Джорджа), а именно Греции. Как Черчилль сам говорит, он полагал, что, «если и когда турецкие форты (на Дарданеллах) *начнут* падать (began to fall), греки к нам присоединятся, и *вся совокупность их войск будет с того времени в нашем распоряжении»* [2].

В этих словах содержится ключ к пониманию всей дарданелльской операции в этой ее фазе. Дарданелльская операция, давно лелеемая, если не всем английским кабинетом, то влиятельной его частью [3], заняла сначала, в виду сопротивления лорда Китченера и адмирала Фишера, одинаково оценивших как ее военно-техническую трудность, так и трудности военного положения Англии, вообще лишь третье место в списке предположенных на Ближнем Востоке операций [4]. Однако, и тогда уже поддерживавшие ее члены кабинета придавали ей, несомненно, огромное самостоятельное значение. Вопрос сводился практически лишь к тому, чтобы усилить флот десантом. В известной степени разрешение этой задачи было облегчено крушением александреттской операции. С этого момента ее сторонники, поддержанные вдобавок встречной инициативой Ллойд-Джорджа по вопросу о сербской экспедиции [5], могли опереться на тот факт, что, как ни как, лорд Китченер нашел «свободные» войска для Александретты, а раз они были свободны для Александретты, то они должны были оказаться свободными и для другой цели, — в частности для того, чтобы оказать «нравственное воздействие» на Грецию и вовлечь ее в операцию, которая отдаст «всю совокупность ее войск в наше распоряжение».

Разговор русского главковерха с генералом Вилльямсом играл во всем этом деле лишь объективно ничтожную роль. Он лишь облегчал английским политикам возможность предпринять всякие, с их точки зрения полезные для Англии, операции в любом месте Оттоманской империи [6].

---

[1]) О Делькассэ см. телеграмму Извольского Сазонову от 16/3 февр. 1915 г.

[2]) Churchill, т. II, стр. 179—180.

[3]) Не следует упускать из вида, что Черчилль во всем своем труде неоднократно и настойчиво подчеркивает полное с ним единодушие в этом вопросе премьера Асквита, со стороны которого, сколько известно, возражений не последовало... A bon entendeur salut, — говорят в таких случаях французы... Напомним, что Асквит, как и Грэй, принадлежал к империалистическому крылу либеральной партии...

[4]) См. выше стр. 19.

[5]) См. выше стр. 24 и сл.

[6]) В связи с этим не мешает напомнить, как тогда—в момент полной неизвестности исхода войны и проявления, никем не предвидевшейся в таком объеме,

Центр тяжести всей дарданелльской операции заключался отнюдь не в помощи России. Он заключался в овладении Ближним Востоком Англией независимо от России и, строго говоря, против России или, точнее, против установления ее владычества на Проливах.

Этим объясняется и внезапный перелом в настроении Венизелоса, последовавший непосредственно за признанием им полуофициального предложения Грэя 23/10 января «абсурдным». Уже на следующий день, 24/11 января, он, как мы видели, представил королю меморандум, в котором страстно доказывал, что Греции надлежит немедленно принять участие в войне и не только отказаться ради привлечения к делу Болгарии от противодействия сербским уступкам в Македонии, но и самой добровольно отказаться от Кавалы. Главным соображением в пользу такого неожиданного поворота выставлялось, помимо настоятельной необходимости прийти на помощь Сербии, вдруг почему-то сознанной Венизелосом, возможность получить в Малой Азии компенсации, которые «сделают ее (Грецию) более великой и могущественной, чем самые сангвинические греки могли мечтать за несколько лет до того» [1]). Еще более любопытен был следующий меморандум, представленный им королю 30/17 января, уже после того, как на сделанный в Букаресте, по желанию Константина, официальный запрос относительно готовности Румынии гарантировать Грецию, в случае несговорчивости Болгарии, от нападения последней, был получен уклончивый ответ. «У меня есть чувство (!), что уступки в Малой Азии, указываемые сэром Э. Грэем, могут, в особенности если мы согласимся на жертвы болгарам, принять такие размеры, что ими территория Греции будет удвоена». По его предположениям, Греции должна была быть предоставлена территория величиною не менее, чем в 125 тыс. кв. кил., с населением в 800 тысяч человек. Именно в связи с этим в меморандуме говорилось о «реализации самых смелых наших национальных идеалов» [2]). Как бы ни оценивать государственные дарования Венизелоса в общем, ясно, что поворот в его взглядах и размах его надежд не могут быть объяснены иначе, как новыми, в его глазах достаточно авторитетными, данными о намерениях английского правительства...

О шагах, предположенных Англией в Греции, Сазонов, правда, был извещен еще до выступления Венизелоса загадочной, на первый взгляд, телеграммой Савинского от 2 января/20 декабря, в которой сообщалось, что «английский посланник (Айронсайд), посвятив меня в свою переписку по

германской военной мощи—оценивалось Черчиллем, и, разумеется, не только им, значение и смысл захвата германских колониальных владений: «Нам, — говорит он (Churchill, указ. соч., т. I, стр. 283),—не следовало упускать времени при захвате залога ради ее (т.-е. Бельгии) освобождения».

[1]) См. краткое изложение меморандума у Abbott'a, стр. 23—24 со ссылкой на текст меморандума, напечатанного в Nea Hellas от 21 марта 1915 г.

[2]) См. Abbott (стр. 24—26). Текст опубликован также в Nea Hellas от 22 марта 1915 г. Весьма интересно, что Эббот признает ненужным воспроизвести содержавшиеся в меморандуме точные указания на расположение той территории «в западной части Малой Азии», приобретение которой Венизелос считал возможным.

следних дней с Лондоном и Афинами (!) о желательности скорейшего выступления Греции, сообщил мне, что, судя по телеграммам из Афин (!), на это выступление надеяться не приходится, и что есть указания на разговоры греков с турками (!). Айронсайд очень смущен этим обстоятельством и просил меня поддержать перед вами его (!) мысли о необходимости *во что бы то ни стало вывести греков из этого положения упорства, указав им, что высадка греков в Галлиполи имела бы решающее значение для прорыва Дарданелл и для быстрого исхода войны с Турцией*». Не может быть сомнения в том, что дело заключалось тут не в фантастических личных переговорах Айронсайда с «Афинами», на которые даже самый смелый и взбалмошный английский дипломат не решился бы без указаний из центра, а в желании Лондона подготовить Сазонова к «внезапно»—после провала александреттского дела—выяснившейся необходимости участия Греции в дарданелльской операции.

В дальнейшем вопрос был поставлен Сазонову врем. заместителем Бьюкенена О'Бейрном, о чем свидетельствует памятная записка великобританского посольства, врученная Сазонову 27/14 января с очевидной целью зафиксировать его ответ на сделанное ему из Англии предложение согласиться на участие греков в дарданелльской операции. Из нее видно, что «г. Сазонов сообщил,... что он не будет ставить никаких препятствий военной оккупации Галлиполи Грецией, *при условии, что французское и великобританское правительства примут меры к тому, чтобы Греция ни в чем не противодействовала русской политике и русским интересам в вопросе о Проливах*». «Посольству его (великобританского) величества *поручено заявить, что сэр Эд. Грэй согласен с условием, поставленным г. Сазоновым*»,—говорила записка в заключение.

Можно думать, что уступчивость Сазонова была обусловлена, главным образом, тяжелым положением русской армии вследствие германского наступления в районе Сувалкской и Курляндской губерний. Тем не менее, его оговорка, поддержанная Францией, возымела свое действие, весьма разочаровавшее греческое правительство.

Шаг, предпринятый представителями Англии, Франции и России в Афинах 14/1 февраля для побуждения Греции выступить *в помощь Сербии* в связи с отправкой *туда* двух союзных дивизий, достаточно будто бы гарантирующих ее против нападения со стороны Болгарии, — при чем никаких конкретных обещаний Греции не давалось, — в самом деле должен был подействовать на Венизелоса, как холодный душ. Он показывал, что от официозных и секретнейших сообщений лондонских друзей Греции до практического оформления дела, в соответствии «с самыми смелыми национальными ее идеалами», была дистанция огромного размера, непреодолимая, в частности, без согласия России, отнюдь не желавшей допустить греков в Константинополь, но готовой втянуть ее силы в борьбу с Австрией. В результате, Венизелос ответил отказом, покуда Антанте не удастся окончательно привлечь на свою сторону Румынию, назвав вступление Греции на указанных союзниками условиях в войну «актом безумия», как телеграфировал Демидов Сазонову того же 14/1 февраля. А хотя в Петрограде и сделали

вид, что очень недовольны,—об этом сообщал Драгумис Венизелосу 16/3 февраля, — Сазонов уже 19/6 февраля поручил Бенкендорфу и Извольскому выяснить, сохранили ли Лондон и Париж намерение послать по дивизии в Сербию, «несмотря на занятое в этом вопросе Грециею положение». Из их ответов явствовало, что «проект оставлен», но что Англия сделала в Париже предложение отправить обе дивизии на Лемнос, «чтобы в случае надобности высадить их на Галлиполийском полуострове», на что Франция соглашалась. (Телеграммы от 19/6 февраля).

7. Английский десант.—Впечатление во Франции.—Отражение в России.

Решающее заседание английского War Council по этому вопросу действительно состоялось 16/3 февраля. Тут именно было решено: 1) отправить ускоренным образом (в 9—10 дней) одну регулярную (29) дивизию на Лемнос; 2) принять «на случай надобности» подготовительные меры для переброски войск из Египта; 3) использовать все названные силы, вместе с морскими батальонами, уже находящимися на месте, «в случае надобности», для поддержки морского нападения на Дарданеллы; 4) поручить адмиралтейству приготовить необходимые транспортные средства как в Англии—для 29-й дивизии, так и в области Леванта—для войск, находившихся в Египте. *«Решения 16 февраля представляют основание военно-сухопутной атаки Дарданелл»,* — замечает по этому поводу Черчилль, прибавляя, однако, что условия применения сухопутных сил при этом не были точнее определены [1]).

Обсуждение вопроса о дальнейшем образе действий между Лондоном и Парижем имело, повидимому, довольно напряженный характер. Обеспокоенное еще раньше, в связи с вопросом об Александретте, энергичной инициативой, развитой англичанами на Ближнем Востоке, французское правительство, руки которого были связаны необходимостью напрячь все силы для защиты самой Франции, очевидно, опасалось создания на Востоке таких фактических условий властвования в пользу Англии, которые отнюдь не соответствовали его видам. Никто иной, как Черчилль, помог французам понять размеры предположенной операции: это, повидимому, одна из тех «индискретностей», в которых его поныне упрекают в Англии в связи с дарданелльским делом. В довольно сердитой, хотя и внешне сдержанной, форме высказал ему свое неудовольствие по этому поводу сам Китченер в записке от 20/7 февраля. «Французы, — писал он, — очень возбуждены большим количеством войск, которое, *как вы им сообщили,* будет пущено в дело. Я только что виделся с Грэем и *надеюсь, что на нас не будет навьючен* (hope we should not be saddled) французский

---

[1]) Churchill, т. II, стр. 180—181. Политический смысл этих решений заключался, очевидно, в том, чтобы вовлечь, несмотря на возражения России, Грецию в «английское предприятие», доказав греческому правительству степень серьезности намерений великобританского правительства вступить в решительную борьбу с Турцией за Проливы. См. об этом дальше.

контингент для Дарданелл» [1]). В этот же самый день Извольский сообщил о разговоре с Делькассэ, в котором последний высказал надежду, что «наш черноморский флот... предпримет действия против Босфора и что, в случае успеха, обе эскадры—русская и англо-французская—появятся *одновременно* перед Константинополем, что весьма важно как с военной, так и *в особенности с политической точки зрения*». Франция, действительно, «навьючила» англичан своим контингентом, что привело Китченера в такое раздражение, что он, уже отказавшись под разными предлогами от немедленной отправки 29 дивизии в заседании War Council 19/6 февраля,—вслед затем, когда факт участия французов в деле окончательно выяснился, послал своего адъютанта, даже не переговорив об этом предварительно с Черчиллем, к адмиралу Фишеру и в транспортный департамент адмиралтейства с сообщением, что 29 дивизия не будет отправлена, вследствие чего уже приготовленные транспорты были тут же освобождены для других надобностей и распущены без уведомления об этом Черчилля [2]).

Отражением упомянутых англо-французских недоразумений и французских опасений является, повидимому, также неожиданное и чрезвычайно быстрое изменение взглядов русской Ставки на возможность участия русских военных сил в начавшейся 19/6 февраля, путем бомбардировки внешних фортов, дарданелльской операции.

Еще 23/10 февраля Кудашев извещал Сазонова в чрезвычайно пессимистическом тоне о состоявшемся накануне в Ставке собеседовании ген. Данилова, адм. Ненюкова и его самого, в котором выяснилось, что «если в отношении нашего флота произошла некоторая перемена к лучшему,.. то в отношении сухопутных войск перемен к лучшему нет, *и никакой десантной операции мы и ныне не в состоянии сделать на Босфоре, даже если бы там появились наш и союзные флоты*». А уже на следующий день, 24/11 февр., т.-е. до получения в Ставке второй телеграммы Извольского от того же числа, переданной в Ставку лишь 25/12 февраля, в которой сообщалось о том, что «Делькассэ еще раз высказал мне надежду, что мы будем участвовать в операции против Проливов и Константинополя не только нашим черноморским флотом, но и сухопутными войсками» [3]), Кудашев, к своему крайнему удивлению, узнал, *что «ген. Данилов вдруг находит возможным*

---

[1]) Churchill, там же, стр. 182.—Упоминание о значительности английских сил, предназначенных к участию в дарданелльской операции, относится, очевидно, не к 29 дивизии, параллельно с которой должна была действовать одна из вновь образованных французских дивизий, а к отряду австралийских и новозеландских войск, который предполагалось отправить туда же из Египта, где они высадились 1 дек./18 ноября 1914 г. и оказались ненужными после ликвидации турецкого наступления на район Суэзского канала, выяснившейся уже к 4/5 февраля и законченной к 11 февр. (см. Corbett «Naval Operations», т. II, стр. 110—118).

[2]) Churchill, там же, стр. 182—183.

[3]) Уже после этого, 25/12 февраля, Грэй с своей стороны высказал Бенкендорфу надежду, «что, если удастся выполнить проект и если будет возможно попутно разбить турецкий флот, что очистит Черное море, императорское правительство сочтет возможным высадить русский военный десант достаточной силы, согласованно с союзными десантами».

посадить один из кавказских корпусов на транспорты и выслать его к Босфору на случай удачи прорыва Проливов». Вся обстановка дела едва ли допускает сомнение, что причину этого поворота следует искать отнюдь не в соображениях военного, а исключительно в соображениях политического характера.

В нашем распоряжении в настоящее время не имеется данных, которые позволили бы расшифровать тайну этого поворота до конца. Едва ли, однако, можно сомневаться в том, что разгадка заключается в приезде в Ставку все того же 24/11 февраля военного министра Сухомлинова, — приезде, предшествовавшем ошеломившей Кудашева новости об изменении взглядов Данилова. Само собой разумеется, что Сухомлинов узнал до своего выезда из Петрограда об указании Делькассэ (20/7 февраля) на политическую важность участия русских сухопутных сил в операции и что сообщение об этом, даже если ему не сопутствовало сообщение о каком-либо суждении по поводу него Николая II, должно было иметь существенное значение. В частности, в Ставке хорошо знали, с какой чрезвычайной напряженностью французское правительство следило всегда за тем, чтобы никакие силы, могущие быть употребленными против Германии, не отвлекались от «главной задачи» войны. Отступление от этого правила в данном случае приобретало тем более показательный и важный характер.

Тем не менее, вопрос об отправке русского отряда на Босфор был решен в утвердительном смысле лишь к 1 марта/16 февраля. Мучимый неизвестностью, чем кончится обсуждение «еще не решенного» вопроса об отправке к Босфору десанта «численностью не свыше одного корпуса, взятого с Кавказа», о котором его известил телеграммой от 24/11 февраля Кудашев, а, может быть, и полученными им сведениями о новых колебаниях Ставки, Сазонов, на которого наседали и Делькассэ (тел. Извольского от 27/14 февраля и позднее от 2 марта/17 февраля), и Бьюкенен (тел. Сазонова Кудашеву от 28/15 февраля), в отчаянии возбудил вопрос, не признает ли вел. князь возможным образовать десант «по крайней мере» из ополченских бригад, предназначавшихся для Сербии, при чем «обязывался высказать убеждение, что, если это только представляется допустимым для нас с военной точки зрения, необходимо, чтобы при вступлении союзнических войск в Константинополь участвовали и наши войска» (тел. заместителю Кудашева Муравьеву от 28/15 февраля) [1]. В ответ он получил успокоительное, хотя и чрезвычайно осторожно формулированное, сообщение из Ставки: «Будет сделано все, что возможно. Решено послать войска с Кавказа» (тел. Муравьева от 1 марта/16 февраля), — а вслед затем и сообщение о том, что «посадка всех войск... в количестве одного корпуса потребует от 15 до 20 дней» (тел. Муравьева от того же дня). Только после этого он известил Извольского для передачи Делькассэ о том, что «вопрос о составе морских и сухопутных сил, намеченных к участию в совместных действиях против Босфора и Констан-

---

[1]) Тот же вопрос он возбудил на следующий день одновременно перед Николаем II и вел. князем, ссылаясь на настояния Палеолога и Бьюкенена «от имени их правительств» (тел. Кудашеву от 1 марта/16 февраля).

тинополя, разрабатывается в подлежащих министерствах» и что вел. князь «повелел подготовить десант из числа войск, находящихся на Кавказе», обещая дать дополнительно «дальнейшие подробности» (телеграмма от 3 марта/18 февраля) [1].

Намеренная лаконичность и туманность этой телеграммы, позволявшей предполагать, что помимо уже подготовляемого десанта из кавказских войск имеются и еще какие-то более широкие возможности участия русских военных сил в «английском предприятии», являлась отнюдь не случайной. Она соответствовала новой попытке Англии вовлечь в дело Грецию и усилить при помощи этой вассальной державы позицию Англии на Проливах.

8. Новое обращение Англии к Греции.—Второй протест Сазонова.

В результате двух заседаний War Council 24/11 и 26/13 февраля Китченер признал, что, «если флот не сможет прорваться через Проливы без помощи армии», придется пересмотреть весь план операции, так как «результаты поражения будут на Востоке весьма серьезны», а потому «не может быть речи об отступлении».

В то же время, однако, он снова отказался отправить 29 дивизию против Дарданелл [2]. Руководился ли он при этом мыслью, что одной 29 дивизии для десантной операции будет мало и что следует озаботиться увеличением десантного отряда другими военными частями, а до того отложить продолжение операции, или перед нами один из случаев частых непоследовательностей и колебаний в его решениях, на которые жалуются Черчилль, Берти и др.,—сказать трудно. Как бы то ни было, Черчилль признал необходимым обратиться после этого к Асквиту, Ллойд-Джорджу и Бальфуру, вошедшему в состав War Council от консервативной партии, с весьма важным заявлением, воспроизводившим, по его же словам, те аргументы, которые им были приведены в заседании 26/13 февраля. В нашей печати оно до сих пор не было известно, а потому мы приводим его полностью. Текст этого документа, носящего в том виде, как он опубликован у Черчилля [3]), заглавие «оценка (appreciation)», т.-е. оценка положения, таков:

---

[1]) Состав русского экспедиционного отряда продолжал и впоследствии интересовать союзников (см. тел. Извольского 19/6 марта, тел. Сазонова Кудашеву 29/16 марта). Телеграммой от 31/18 марта Сазонов известил Китченера, по поручению вел. кн., через Бенкендорфа о том, что «численность сил, назначенных для действий против Константинополя, равняется одному корпусу в полном составе, под командой ген. Истомина», о чем из Лондона, однако, не сочли нужным сообщить в Париж, где были недовольны тем, что «сказанный (английский) штаб недостаточно держит французское правительство в курсе своих планов и предположений касательно дарданелльской операции» (тел. Извольского Сазонову 11 апр./29 марта). Высшее командование над всеми союзными силами было вручено сначала адмиралу де-Робеку, затем ген. Гамильтону (см. тел. Бенкендорфа 22/9 марта, тел. Кудашева Сазонову 28/15 марта и тел. Янушкевича Эбергарду от того же числа).

[2]) Churchill, т. II, стр. 183—184.

[3]) Там же, стр. 185—186.

«1. Россия. Мы не должны ожидать, что Россия в течение многих предстоящих месяцев сможет с успехом вторгнуться в Германию. Однако, хотя русское наступление парализовано [1]), мы можем рассчитывать на то, что она не только успешно выдержит оборону, но, действительно, свяжет и задержит весьма значительные германские силы на своем фронте. Нет основания предполагать, что Германия сможет в какой-либо срок перебросить на запад около 1 миллиона человек (нужных ей против России) [2]) и, во всяком случае, что германские силы, достаточно значительные, чтобы повлиять на положение, могут прибыть на запад ранее половины апреля [3]).

«2. Англо-французские линии на западе весьма сильны и не могут быть подвергнуты обходному движению. Наши позиции и силы во Франции несравненно более значительны, чем в начале войны, когда мы имели перед собой почти четыре пятых перворазрядных сил германской армии. Мы должны приветствовать всякое германское наступление самого крупного масштаба [4]).

«Шансы отражения его нами будут весьма сильны; и даже если их успех потребовал бы отступления до другой линии, более крупные потери германцев (чем наши собственные) представляли бы хорошую компенсацию. Исход дела на западе в течение ближайших трех месяцев [5])... не должен вызывать беспокойства. Во всяком случае, однако, на этот исход не могли бы оказать решительного влияния четыре или пять британских дивизий.

«3. Для нас решительным пунктом и единственным пунктом, где мы можем захватить и сохранить инициативу, является Балканский полуостров. При условии соответствующей кооперации сухопутных и морских сил и при наличных силах мы можем быть уверены, что займем Константинополь в конце марта и захватим в плен или уничтожим турецкие силы в Европе (за исключением находящихся в Адрианополе) [6]). Этот удар может быть нанесен раньше, чем решится судьба Сербии. Его успех мог бы иметь решающее влияние на все положение на Балканах. Он мог бы элиминировать Турцию, как военную силу.

«4. Следующие сухопутные силы (по меньшей мере) [6]) могут быть использованы немедленно:

---

[1]) На самом деле оно не было парализовано. Уже после этого последовало взятие Перемышля и т. д.

[2]) Вставки, заключенные в скобки, здесь и в других местах, наши.

[3]) К этому времени в War Council было принято ограничивать срок, на который строились расчеты и принимались решения, тремя месяцами. На самом деле успешные для германцев операции начались позднее, чем ожидал Черчилль, а именно в начале мая.

[4]) При условиях позиционной войны, установившихся на западном фронте вслед за окончанием т. н. победы на Марне, т.-е. за отказом германцев от полного разгрома французской армии и отступления их от первоначально занятой, угрожавшей Парижу, линии, все выгоды вплоть до 1918 г. были на стороне обороняющегося, тогда как наступающий при колоссальных потерях в лучшем случае достигал возможности продвижения лишь на несколько километров.

[5]) См. прим. 3.

[6]) Вставка Черчилля.

В Англии { 29 дивизия		
другая территориальная дивизия		36.000
Отправленный на Лемнос—королевск. морск. дивиз.		12.000
Из Египта: две австралийск. дивизии		39 000
Французская дивизия	(примерно)	20.000
Русская бригада	(примерно)	8.000
		115.000 [1])

«5. Все эти войска могут быть концентрированы в ближайшем соседстве Булаирского перешейка (на Галлиполийском полуострове) к 21 марта, если распоряжения последуют теперь же. Если морские операции к тому времени не приведут к успеху, они могут быть использованы для атаки Галлиполийского полуострова и для обеспечения продвижения флота. Как только Дарданеллы будут открыты, они могут либо: а) оперировать от Константинополя, дабы уничтожить всякие турецкие силы в Европе, либо б) если Болгария последует нашему приглашению занять территорию до линии Энос—Мидия, они смогут пройти через Болгарию на помощь Сербии, либо в) если Болгария всего лишь укрепится в доброжелательном нейтралитете, но Греция вступит в дело, они смогут продвинуться через Салоники на помощь Сербии».

Этот документ, опубликованный у Черчилля, повидимому, не полностью и, во всяком случае, не отражающий целиком его мысли, дополняется у него же другим еще менее полным, но не менее показательным, выражающим его протест против упорно-уклончивого отношения Китченера к отправке 29 дивизии и других войск против Дарданелл: «Я вынужден теперь,—писал Черчилль 27/14 февраля (повидимому, Асквиту и другим названным выше лицам), — запротоколировать мое мнение, что предусмотренные сухопутные силы, т.-е. две австралазийские дивизии, поддержанные девятью морскими батальонами и французской дивизией, *недостаточно значительны для предстоящего им дела* и что отсутствие каких-либо британских регулярных войск (т.-е. все той же 29 дивизии) подвергнет, если начнется бой, морские батальоны и австралийцев недозволительному риску. Даже если флот будет иметь успех, форсируя без поддержки проход, слабость сухопутных сил может принудить нас потерять значительную часть выгод, которые при иных условиях получились бы» [2]).

То, что по обыкновению, по соображениям высшей политики, не договорено в этом отрывке, становится ясным, если принять во внимание, что через два дня после этого выступления Черчилля Венизелос «спонтанно» и руководимый будто бы опасениями, «что Англия найдет нужную ей точку

[1]) Несколько иной характер имели соображения Китченера к 10 марта (см. Corbett, т. II, стр. 203). Он определял английские силы в 63.100 человек при 138 орудиях, французские—в 18.000 человек при 40 орудиях, русские—в 47.600 человек при 120 орудиях. Итого 128.700 человек при 298 орудиях, из коих на Англию и Францию приходилось 81.000 человек при 178 орудиях, на Францию и Россию—65.000 человек при 160 орудиях.

[2]) Churchill, т. II, стр. 186.

опоры для дарданелльской операции в Болгарии» [1]), предложил 1 марта/16 февраля отправить к Дарданеллам три греческие дивизии, при чем он утверждал, что предложение сделано с согласия короля Константина [2]). «Король был против этого предложения»,—рассказывал Венизелос впоследствии, когда дело разбилось.—«Я желал иметь с ним другой разговор по этому вопросу и принес с собой третий (после двух ранее нами упомянутых) меморандум [3]). Я просил его позволить мне прочитать его, ибо в нем были изложены полностью *все аргументы, которые, по моему мнению, говорили за кооперацию* (с Антантой). Я прочитал его. Я видел, что король был охвачен волнением. Волнение, с которым я говорил, было так глубоко, аргументы, к которым я прибегал, были так могущественны, что король, сильно подчинившийся им, сказал мне: «если так, хорошо, с божьей помощью». Иначе говоря, он согласился» [4]).

Расшифровать внутреннее содержание этой опереточно-трогательной сцены не слишком трудно. Первая бомбардировка дарданелльских, вдобавок внешних и наиболее слабых, фортов дала 19/6 февраля приличные, но мало благоприятные, с точки зрения скорых успехов флота, результаты [5]). Более благоприятные результаты дали последующие бомбардировки от 25/12 февраля до 2 марта/17 февраля [6]); однако, в связи с ними все более выяснялась острая необходимость в поддержке флота десантом. Китченер и английское военное ведомство вообще относились к делу с большой осторожностью и не давали войск для десанта, или давали их в недостаточном количестве, а, стало-быть, снова возник вопрос о таких десантных силах, которые, будучи объективно вполне зависимыми от Англии, могли бы разрешить задачу без пролития драгоценной английской крови.

Отсюда был только один шаг до нового обращения к Греции. И этот шаг, несомненно, был сделан, а цена за греческую кровь, которую предпола-

---

[1]) Насколько это не соответствовало действительности, видно из пункта 5 вышеприведенной «оценки положения» Черчилля, что, впрочем, само по себе не исключает возможности, что такой аргумент был применен по отношению к Венизелосу его английскими «официозными» друзьями и советниками.

[2]) Abbott, стр. 28 со ссылкой на дополнительный доклад комиссии английской палаты общин по дарданелльской операции.

[3]) «Этот меморандум,—замечает Эббот,—никогда не был опубликован и не может быть опубликован и теперь». Не заинтересуются ли им и не опубликуют ли его хотя бы французские исследователи этой эпохи... Возможно, что они найдут в нем интересные и для них вещи...V. J. Seligman, „The Victory of Venizelos". A study of greek politics, 1910—1918, Лондон, 1920, стр. 39, сообщает следующие любопытные данные об этом меморандуме, который, и по его словам, «никогда не может быть опубликован». В нем высказывалась мысль, что Англия нисколько не будет недовольна, если «более великая Греция» встанет в Малой Азии поперек дороги русскому наступлению. «Это именно указание — «suggestion» — король впоследствии довел до сведения царя, дабы дискредитировать в его глазах Венизелоса». Ясно, что этим дискредитировался отнюдь не один только Венизелос, а также и Англия.

[4]) Abbott, стр. 29.

[5]) Churchill, т. II, стр. 190—192.

[6]) Там же, стр. 193.

галось пролить вместо английской, была столь значительна, что сам Константин поколебался...

В чем заключалась на этот раз английская приманка, явствует совершенно недвусмысленно из чрезвычайно любопытной шифрованной телеграммы Венизелоса греческому посланнику в Петрограде Драгумису от 28/15 февраля, перехваченной и расшифрованной в министерстве иностранных дел [1]). Упомянув о беседе Драгумиса с советником английского посольства в России, состоявшейся 30/17 января, т.-е. во время предыдущих январских переговоров о сербской экспедиции, и касавшейся, очевидно, вопроса о Проливах, Венизелос поручил ему возобновить этот разговор с тем, чтобы внести в высказанное им (Драгумисом) «частным образом» мнение «поправку», которой ему надлежало руководствоваться и «во всех других беседах», которые он мог бы иметь по этому поводу, т.-е. и в беседах с Сазоновым. Согласно этой «поправке», *Греция, будучи заинтересована в том, чтобы державы Антанты приняли «в отношении будущей судьбы Константинополя принцип интернационализации»,* — как известно, к этому времени уже решительно устаревший, с точки зрения русского правительства [2]), — не должна «ни высказывать какие-либо притязания, ни давать возможности предполагать намерения, которые могли бы повредить его успеху». В дальнейшем принцип «интернационализации» толковался чрезвычайно широко и вместе с тем недвусмысленно. С одной стороны, речь шла об «интернационализации целого государства», при чем различался «вопрос *местной администрации*» Константинополя, которая могла бы быть и впредь предоставлена, под контролем держав, султанам, но должна была направляться и руководиться все теми же державами, и «*правительственный режим*» (régime gouvernemental), целью которого было бы «обеспечить крупные политические интересы, сосредоточенные на его (Константинополя) территории от *изолированного действия какой-либо одной державы*». В заключение указывалось на «сложность и чрезвычайную трудность найти практическую форму *для интернационализации целого государства*», на желательность подготовить проект разрешения этого вопроса и на подготовительные в этом отношении работы, предпринятые в Афинах, и, наконец, делался в форме упоминания об «аналогичных прецедентах на Крите» грубо-прозрачный намек на цели афинского правительства, очевидно, уже предвкушавшего появление греческого принца в роли верховного комиссара в «интернационализированном» Константинополе.

Сазонов, знавший уже раньше из телеграммы Демидова от 27/14 февр. о том, что в Афинах «ощущается более чем наблюдательный интерес» к дарданелльской операции, при чем «все заметнее становится желание так или иначе приобщить Грецию, на-ряду с Тройственным Согласием, к завер-

---

[1]) Отнюдь не исключена возможность, что выбранный шифр должен был облегчить возможность ее расшифрования, дабы этим путем вызвать со стороны России действия, коими определилось бы ее отношение к делу. Такие приемы практиковались.

[2]) См. т. I, стр. 167—170.

шению великого исторического дела» [1]), и разделявший недовольство «русского общественного мнения» речью Грэя в палате общин (25/12 февраля), воспользовался телеграммой Демидова и ответил ему,—сообщая свой ответ к сведению и руководству Извольскому и Бенкендорфу 2 марта/17 февр.,—ушатом холодной воды на головы греков и не только одних греков: «*ни при каких условиях мы не можем допустить участие греческих войск во вступлении союзных войск в Константинополь*». Как Извольский, так и Бенкендорф тотчас сообщили о ней Делькассэ и Грэю. Делькассэ, руководимый возобновившимся страхом перед английским (англо-греческим) засильем, сразу пошел навстречу желанию Сазонова и предлагал «напомнить» Греции, что, если она желает действовать сообща с союзниками, «ей следует выступить на помощь Сербии» и в то же время — быть может в ответ на вопрос Извольского,—заметил, что он «не имеет оснований думать, что лондонский кабинет поощряет желание греков послать свои войска на Галлиполи». Грэй же оказался более сдержанным. Упирая в особенности на то, что «адмиралтейство по техническим соображениям придает большое значение греческому флоту», и на важность форсирования Дарданелл для воздействия на все балканские государства, он заявил, что «*ставить препятствия Греции означало бы сильно замедлять события*», и, начав с указания на допустимость военных действий греков в Смирне, впоследствии заметил, что помимо участия греческих судов в области Дарданелл «греческие силы предполагают (кто?) употребить *также для оккупации Галлиполийского полуострова*». А когда Бенкендорф сказал, что ему представляется невозможным, чтобы Россия «когда-либо согласилась предоставить Греции *подобного рода залог*», Грэй парировал и это замечание, указав, как на возможный выход из положения, на порядок, уже примененный во время войны по отношению к германским тихоокеанским владениям, захват которых Японией или Англией признается временным, «*раздел же* должен совершиться при заключении мира и независимо от национальности оккупационных войск».

Упорство Грэя только усилило беспокойство Сазонова [2]), несмотря на то, что Венизелос, — надо полагать, по совету извне, ибо официально он о телеграмме Сазонова от 2 марта/17 февраля на имя Демидова последним не был извещен вплоть до 5 марта/20 февраля, когда состоялось второе заседание греческого совета министров по этому вопросу, а отчасти и вследствие сопротивления, оказанного греческим штабом его проекту, — понизил размер греческого десантного отряда от трех до одной дивизии и «категорически заверил (представителей держав Антанты), что никаких политиче-

---

[1]) См. также последующие телеграммы Демидова от 3 марта/18 февраля. В первой из них он сообщал о предстоявшем чрезвычайном совете под председательством короля для решения вопроса «об активном выступлении Греции против Турции, в виде безотлагательного содействия англо-французским силам произвол десанта значительного греческого отряда на Галлиполи».

[2]) Его разделяли как Извольский и Демидов, так и кн. Гр. Трубецкой, состоявший посланником в Сербии (см. тел. от 4 марта/19 февраля), и Савинский (тел. от 6 марта/21 февраля).

ских видов в Константинополе Греция не имеет и что греческие войска, вступившие в Оттоманскую столицу, тотчас ее покинут, ограничившись посещением храма Св. Софии (!!)»[1].

Насколько серьезное значение придавалось делу в Петрограде, явствует из того, что Сазонов заявил Бьюкенену 6 марта/21 февраля, когда тот, по поручению Грэя, поднял вопрос об участии греков в военных операциях против Турции, «что участие греческих морских и сухопутных сил в операциях у Проливов и в их районе поведет к бесконечным осложнениям *и повлечет за собой серьезные последствия»*, при чем сообщил, что царь «заявил *уже в самых решительных выражениях,* что он *ни при каких обстоятельствах* не даст своего согласия на какие-либо морские или сухопутные действия Греции в районе Проливов». С своей стороны, Россия соглашалась допустить греческие операции в районе Смирны, но обставляла это согласие четырьмя весьма тяжелыми для греческой «мегаломании», как выражался Савинский, условиями, а именно: 1) чтобы Греция сама предложила свое содействие, а не была к тому приглашена Антантой, 2) «чтобы Греции было дано ясно понять, что каковы бы ни были результаты операций в Проливах, *она не получит каких бы то ни было территориальных компенсаций ни в южной Фракии, ни вблизи Проливов»*, 3) чтобы военные действия ее были ограничены теми местностями, которые будут установлены начальниками союзных сил, и 4) *«чтобы греческая армия ни при каких обстоятельствах не вступала в Константинополь»*[2].

Еще раньше чем эти драконовские условия сделались известны в Лондоне, а следовательно и в Афинах, отставка Венизелоса стала (все того же 6 марта) совершившимся фактом, так как король отказался одобрить пред-

---

[1]) Телеграмма Демидова от 5 марта/20 февраля. В тот же день Венизелос обратился к греческим посланникам в Лондоне, Париже и Петрограде с памятной запиской, сообщенной Драгумисом Сазонову лишь 8 марта/23 февр., т.-е. уже после отставки Венизелоса, но до образования нового кабинета Гунариса (ср. Abbott, стр. 30—31 и, в частности, прим. к стр. 36). Текст заявления, представленного Драгумисом, совпадая отчасти буквально с текстом, данным—в выдержке—у Эббота, существенно расходится с последним, т. к. Эббот не упоминает вовсе о самой существенной стороне телеграммы, а именно об оговорке Венизелоса, что «не имея политических притязаний на Константинополь и Проливы, мы обладаем там столь крупными моральными и экономическими интересами, что не можем занять позицию незаинтересованности в их режиме», что практически совпадало с идеей «интернационализации» Константинополя.

[2]) «Вспоминая» о своей дипломатической деятельности в России, сэр Дж. Бьюкенен решительно ни одним словом не обмолвился об этих весьма знаменательных переговорах. См. его «Мемуары дипломата», гл. XVI, стр. 129 и сл. (русск. изд.). Зато он упоминает о том, что «в начале марта Сазонов говорил французскому послу и мне о возбуждении, которое вызывает в стране вопрос о Константинополе, и о необходимости его радикального решения. По его словам, царь чувствовал, что... он должен без замедления узнать у своих союзников, дают ли они определенное согласие на включение Константинополя в состав Российской империи в случае победы». Вслед затем он рассказывает о получении им 13 марта/28 февраля инструкции сообщить «лично царю» о согласии Англии на это его требование.

ложенную им операцию, очевидно, уже учтя степень решительности русского протеста, а также и то, что в виду новых успехов России, в особенности на австрийском фронте (уже намечалось взятие Перемышля, последовавшее недели через две, 19/6 марта) после того, как в январе германские войска, казалось, грозили перерезать варшавскую ж. д. к востоку от среднего Немана, Англия не решится настоять на своем. Известие об отставке Венизелоса, вызвавшее бурное неудовольствие Черчилля уступчивостью Грэя по отношению к России [1]), было встречено в русских правящих кругах с удовлетворением. «Временное невмешательство Греции для России выгодно», — написал Николай II на телеграмме Демидова от 6 марта/21 февраля об отставке Венизелоса, в которой он старался успокоить Петроград по поводу возможности германофильского поворота в политике Греции.

Сазонов, с своей стороны, счел необходимым использовать достигнутый им успех. Упомянув о том, что ему «из весьма секретного источника» стало известным, что «греческое правительство занято выработкою проекта будущего международного устройства Константинополя на началах, применявшихся на Крите» [2]), он поручил Демидову 7 марта/22 февраля *осведомить греческое правительство о том, что Россия «не может допустить, чтобы судьба Константинополя и Проливов была решена иначе, как в полном соответствии с жизненными стремлениями русского народа»,* и что Греция за свое участие в войне с Турцией будет «широко вознаграждена в Малой Азии, но отнюдь не в области, *безраздельное господство* над которой необходимо для обеспечения нашего права на выход к свободному морю».

Образованное вслед за отставкой Венизелоса новое греческое правительство, с своей стороны, окутало свою политику, при помощи обычной ссылки на угрожающую Грецию от Болгарии опасность, таинственным флером полуобещаний, обусловленных его заботой как о «неприкосновенности нашей (греческой) территории», в частности от нападения Болгарии, так и о защите «прав эллинизма» (см. памятн. записку Драгумиса от 14/1 марта).

В Петрограде отнеслись к кабинету Гунариса с полным недоверием, усиленным, между прочим, и дополнительными данными о враждебном отношении его к русским притязаниям на Константинополь [3]): упорство в этом отношении Греции заставляло предполагать, что она рассчитывает не столько на свои силы, сколько на сильную поддержку извне. Недаром новый министр иностранных дел Греции Зографос в первой же беседе с Деми-

---

[1]) См. упомянутый выше, стр. 26, набросок письма его Грэю, в котором содержатся и такие характерные слова: «Если Россия не позволит Греции помочь нам, я приложу все свои силы, чтобы помешать ей завладеть Константинополем».

[2]) Ср. выше, стр. 48.

[3]) См. перехваченную шифрованную телеграмму японского посла в Петрограде Мотоно от 19/6 марта о том, что японскому посольству в Риме стало известно о беседе Гунариса с секретарем японской миссии в Афинах, в которой Гунарис заявил, «что Англия и Франция дали свое согласие на то, чтобы Константинополь принадлежал России, и что Греция не может допустить этого».

довым (13 марта/28 февраля), будто бы «сначала несколько озадаченный» указанием Демидова на исключительность русского положения в Константинополе и Проливах, спросил Демидова, «*убежден ли я (Демидов) в сочувствии Англии нашему беспредельному господству в Константинополе и над Проливами,* и не предвидится ли по этому поводу затруднений со стороны Италии, Румынии и др. государств», а в связи с этим снова возбудил вопрос: «разрешено ли было бы греческим войскам при случае вступить с союзниками в Константинополе?» [1]).

Отсюда становится понятной бдительность, с которой следили в России за судьбою островов, расположенных около западного входа в Дарданеллы. Занятие Лемноса англичанами, совершившееся при содействии Венизелоса, уже отдавало в их руки этот остров с прекрасной Мудросской бухтой, но против этого было трудно возражать, хотя бы в виду важности Лемноса для всей дарданелльской операции (см. телеграмму Демидова от 14/1 марта). Иначе обстояло дело с намерением греческого правительства либо просто объявить об аннексии Имброса и Тенедоса, а также Кастеллорицо и Северного Эпира, — стратегическая важность двух первых из коих была признана еще до войны русскими морскими и военными авторитетами [2]), — (о таких намерениях сообщал Демидов в телеграмме от 29/16 марта, что тотчас вызвало категорический протест Сазонова 31/18 марта), либо добиться той же цели путем издания декрета об участии в выборах в новую палату депутатов (предшествующая была распущена в связи с отставкой Венизелоса) жителей названных территорий, что, по справедливому мнению представителей держав Антанты, заявленному ими греческому правительству, уже само по себе решит вопрос об аннексии (см. памятн. записка французского посольства Сазонову от 3 апр./21 марта). В результате повторных настояний трех представителей (см. телеграмму Демидова от 9 апреля/27 марта и Сазонова от 20/7 апреля) греческому правительству пришлось в конце концов пойти на формальные уступки, тем более, что на этот раз греческие притязания уже потому не могли встретить сочувствия и в Англии, что аннексия Северного Эпира должна была вызвать неудовольствие Италии, присоединение которой к Антанте представляло бо̀льший интерес, чем отношение к ней Греции (см. телеграмму Демидова от 14/1 апреля) [3]).

А, между тем, события в Дарданеллах приняли такой оборот, что вопрос об участии в них Греции приобретал для Англии снова усиленное значение.

---

[1]) «Европейские державы и Греция» № III, стр. 6. См. также телеграмму Демидова от 19/6 марта о его разговоре с Стрейтом, назначенным греческим посланником в Константинополь, в котором Стрейт снова «признался», что «предложение интернационализации (Константинополя) встретило бы сочувствие в Греции».

[2]) См. т. I, памятные зап. Базили и Немитца.

[3]) В конце концов и при обстановке, изменившейся вследствие русских поражений на австро-германском фронте, «жители островов Имброс и Тенедос, считаемых ими неразрывной частью королевства,.. избрали депутатов в греческий парламент» (см. тел. Демидова Сазонову от 18/5 июня 1915 г.).

9. Неудача у Дарданелл 18/5 марта. Возобновление переговоров с Грецией.

После ряда, казалось, многообещавших бомбардировок внешних, а затем и внутренних фортов — первые относятся ко времени от 25/12 февр. до 2 марта/17 февраля, вторые — ко времени от 2 марта/17 февраля до 12 марта/27 февраля — силами союзного англо-французского флота, Китченер, наконец (уже после отставки Венизелоса) согласился во время заседания War Council от 10 марта отправить 29 дивизию и другие войска для поддержки операции и принял 12 марта под свое начальство также и морской дивизион, а, стало быть, и общую ответственность за сухопутные операции, непосредственное руководство которыми вручалось ген. Гамильтону [1]. Вслед затем 18/5 марта состоялась долгожданная попытка форсировать линию внутренних фортов силами флота и кончилась неудачей при довольно тяжелых для флота потерях. После этого операции были фактически приостановлены до 25/12 апреля, когда совершилась, при очень тяжелых потерях и с недостаточными силами, высадка английских войск на южной и юго-западной оконечности Галлиполийского полуострова, не давшая серьезных результатов и скоро приведшая и здесь к переходу противников к позиционной войне [2].

Вскоре после того, как выяснились последствия неудачи 18/5 марта [3], английское правительство вернулось к мысли об обеспечении участия Греции в операции и произвело давление на Сазонова, дабы заставить его отказаться от непримиримой позиции, занятой им в начале марта до формального признания Англией и Францией русских притязаний. В связи с этим 4 апреля/22 марта Сазонов известил Демидова, что «великобританское правительство придает большое значение помощи греческого флота в прорыве через Дарданеллы», и что он «считает необходимым итти навстречу желанию нашего союзника», а потому поручает Демидову сообщить Гунарису, сославшись на заявление греческого кабинета об его желании продолжать политику Венизелоса, — что, очевидно, было признано удобным истолковать как «спонтанное» заявление Греции о желании примкнуть к Антанте [4], —

---

[1] Churchill, т. II, стр. 188 и 197.

[2] См. об этом ниже, стр. 76.

[3] Из рассказа Черчилля и приведенных у него документов явствует, что мысль о возможности и целесообразности новых попыток форсировать проход через Дарданеллы была оставлена не сразу. Преемник адм. Кардена, сложившего командование как раз накануне 18/5 марта по «внезапной болезни», адм. де-Робек, сначала высказывавшийся за продолжение операции, 23/10 марта после свидания с прибывшим на место ген. Гамильтоном отказался от этой мысли и известил адмиралтейство о том, что совместные действия флота и десанта могут начаться не ранее 14/1 апреля, а 24/11 марта ген. Гамильтон перенес свою главную квартиру в Александрию. Ср. Churchill, т. II, стр. 232 и сл., 241 — 251. См. также тел. Сазонова Кудашеву от 22/9 марта.

[4] См. выше, стр. 50.

«что и союзники, со своей стороны, попрежнему готовы предоставить Греции за ее участие в войне с Турцией земельные приращения в Айдинском вилайете», т.-е. в смирнской области. Заявление, которое должно было быть сделано совместно представителями держав Антанты, по одобрению Сазоновым редакции его, предложенной Англией и Францией (см. телеграмму Сазонова Демидову от 8 апреля/26 марта), было сделано лишь 12 апреля/30 марта.

Сущность его, как при данных условиях и следовало ожидать, была настолько неопределенна, что не могла произвести желательного Англии впечатления. Она сводилась к самым общим указаниям на территориальные приобретения в Смирне и части ее хинтерланда, да и то при непременном условии немедленного вступления Греции в войну (см. телеграмму Демидова от 12 апреля/30 марта) [1]), т.-е. к предложению, уже отвергнутому в виду его неопределенности даже Венизелосом [2]), — характерный признак беспомощности дипломатической «работы» держав Антанты на Ближнем Востоке, обусловленной внутренним расхождением их интересов.

На что рассчитывал английский кабинет, повторяя такое предложение после выяснившейся окончательно коллизии греческих и русских намерений, да притом при ухудшившемся положении в Дарданеллах, сказать трудно. Во всяком случае, неудивительно, что новые, довольно продолжительные, переговоры, в которых принял участие бывший верховный комиссар Крита принц Георгий греческий, не привели и на этот раз ни к какому результату.

Еще до вручения Гунарису заявления Антанты, Демидов уже мог, ссылаясь на осведомленные источники, сообщить Сазонову, что греческое правительство готово встать на сторону Антанты и даже будто бы взять на себя инициативу в этом деле «при весьма определенных условиях, среди коих, по всей вероятности, поставлены будут требования допущения греческой дивизии, а, быть может, лишь представителей греческой армии, совместно с союзниками, в Константинополь, а также твердых гарантий и компенсаций» (тел. от 9 апреля/27 марта).

Ответ, данный Гунарисом Демидову и его коллегам 14/1 апреля и изложенный в памятной записке от 17/4 апреля, врученной Сазонову Драгумисом, действительно свидетельствовал о желании греческого правительства извлечь все возможные выгоды из создавшегося для него благоприятного положения. Подтвердив желание Греции принять участие в действиях против Турции, так как операции союзников (т.-е. именно дарданелльская операция!) «ведутся в *естественной сфере ее национальных интересов*», греческий кабинет указывал далее два альтернативных предварительных условия для отказа его от нейтралитета: для этого требовалось либо присоединение Болгарии к Антанте, что, «не будучи неосуществимым, не зависит, однако, от воли держав», либо «*формальное обязательство*» *держав*, «*обеспечивающее ей (Греции) все выгоды полной солидарности со своими союзниками, т.-е. гарантирующее ей в течение войны и определенного периода, за ней*

---

[1]) Ср. Abbott, стр. 34—35.

[2]) См. стр. 27—28.

следующего, неприкосновенность ее континентальной и островной территории, включая Северный Эпир».

Речь шла, таким образом, о договоре союзного характера, делавшем Грецию равноправным членом противогерманской коалиции, исключавшем возможность каких-либо дальнейших разговоров об уступке ею части своей территории Болгарии, поскольку она сама не взяла бы на себя инициативу предложить такую уступку, а, с другой стороны, включавшем в ее территорию, наряду с Северным Эпиром, видимо, и острова, оспаривавшиеся у нее Россией. В дальнейшем содержание этого акта, «*долженствующего установить принципиальное соглашение*», определялось еще шире. В нем должны были быть указаны: 1) «территориальные уступки, которые будут сделаны Греции в Малой Азии», 2) «территориальные и другие компенсации, которые державы были бы расположены ей предоставить для охраны прав и интересов эллинизма» [1]), а также 3) «льготы (facilités) финансовые и льготы в отношении военного снабжения, которые они (державы) пожелали бы ей обеспечить, чтобы дать ей возможность реально выполнить те обязательства, которые она на себя примет».

За такой договор Греция соглашалась «принять на себя твердое обязательство сотрудничать (!)» с державами,... «как скоро они будут готовы, комбинируя свои силы с греческими (т.-е. выставляя от себя достаточные отряды), предпринять против Турции военные действия, *окончательной целью которых было бы уничтожение Турецкой империи»,* а не только благополучное окончание дарданелльской операции, ибо успех этой операции мог бы сам по себе привести к ускоренному миру с Турцией без *уничтожения* Турецкой империи, что могло бы и не дать желательных для Греции результатов,—т.-е принять на себя обязательство за военные действия против Турции, фактически выходившие за пределы возможного в то время для Антанты. При этом специально оговаривалось, во-первых, что «различные частности нашего (греческого) военного соучастия», т.-е. все то, что могло придать упомянутому «твердому обязательству» реальный характер, должны быть оформлены специальной военной конвенцией в дополнение к ранее указанному «принципиальному» договору [2]), а, во-вторых, что «в случае, если Болга-

---

[1]) На просьбу пояснить, в чем заключаются эти компенсации, Демидову было дано устное разъяснение, «что это требование имеет в виду религиозные и школьные привилегии греков, остающихся за пределами греческой территории», из чего он сделал заключение, что, «вероятно, этот намек касается прав патриархата», издавна игравшего роль главного форпоста Греции в пределах Оттоманской империи (тел. Демидова от 14/1 апреля). О «религиозных и школьных» интересах разных наций в Константинополе см. дальше в отделе о проектах организации временного управления Константинополем.

[2]) Несколько дней спустя по желанию греческого ген. штаба это требование было—с обычной ссылкой на двусмысленное поведение Болгарии—пояснено в том смысле, что державы должны быть готовы отрядить против Турции такие силы, которые вместе с греческими равнялись бы соединенным силам Болгарии и Турции (считая, что греки могли выставить ок. 250 тыс. человек, это значило, что державы должны были выставить никак не меньшее число—см. телеграмму Демидова Сазонову от 18/5 апр.), и что, сверх того, сфера греческих действий должна

рия будет продолжать оставаться нейтральной, сфера действий греческой армии не может быть вынесена за пределы *европейской Турции»*, т.-е. как раз за пределы района, примыкающего к Галлиполийскому полуострову и Мраморному морю.

Несмотря на всю свою чрезвычайность, даже эти условия Гунариса еще не исчерпывали всей совокупности греческих чаяний. Из телеграммы Демидова от 14/1 апреля Сазонов уже знал, что принц Георгий греческий, непосредственно перед этим прибывший из Парижа,—при чем на него, по его словам, была возложена президентом республики Пуанкарэ или, «по крайней мере», председателем совета министров Брианом, «с которым он близок», «официальная миссия», «с целью вывести Грецию из нейтралитета», — сказал «под секретом» французскому посланнику в Афинах, что, вернувшись в ближайшее время в Париж, он «приложит все усилия, чтобы там восторжествовала *идея интернационализации Константинополя, как существеннейшего условия соответствующего участия Греции в войне»,* и вместе с тем «намекнул на *моральное (!) удовлетворение, которое... должно быть дано Греции в вопросе о вступлении греческих войск в турецкую столицу».*

Однако, и этим еще не ограничивались надежды, поскольку их выразителем являлся принц Георгий, как показала телеграмма Бенкендорфа Сазонову от 17/4 апреля. Сообщая о миссии принца Георгия в Париже, — которую на этот раз возложили на него в Афинах, — великобританский посланник в Греции Эллиот известил Грэя, передавшего об этом сейчас же Бенкендорфу, что *«в число условий греческого соучастия входит интернационализация Константинополя, вступление короля во главе греческих войск в Константинополь, уступка Кипра».*

Вся картина дипломатической деятельности принца и весьма решительное ответное указание Грэя Эллиоту «о желательности рассеять всякие сомнения относительно судьбы, ожидающей эти предложения», из коих *«ни одно... никоим образом не может быть принято* (даже!) *в соображение»,* не оставляют сомнения в истинном смысле всего этого эпизода. Очевидно, мы имеем тут дело с правильно рассчитанным шагом французского правительства, упорно отстаивавшего точку зрения первостепенного значения военных операций против Германии и весьма неохотно решившегося принять более крупное участие в дарданелльской операции и то лишь для того, чтобы не допустить чрезмерного укрепления Англии на Ближнем Востоке,— шагом, рассчитанным на то, чтобы парализовать охоту Англии к дальнейшему расширению операции. Равномерное с Англией участие в ней потребовало бы непосильного для Франции, по мнению Жоффра, напряжения ее военных сил, а потому представлялось целесообразным побудить греческое правительство выдвинуть условия, нежелательные как для России (интернационализация Константинополя и т. д.), так и для Англии (уступка Кипра,

---

была быть ограничена районом к западу от Галлиполийского полуострова, при чем державам предоставлялось, если они того пожелают, получить поддержку Греции и на самом полуострове при том, однако, условии, что они первые произведут десант. Ср. Abbott, ук. соч., стр. 36.

а также размеры требуемой от Антанты военной помощи!). Какую роль сыграла эта политика Франции, вполне сообразная с ее общим положением в данное время, не только в рассуждениях принца Георгия, но, может быть, и в более ранних заявлениях Гунариса, об этом поведают со временем французские и греческие архивы. Во всяком случае, цель была достигнута [1]).

Вопрос об уступке Кипра, несомненно, не играл для английской политики решающей роли: о возможности прельстить этой уступкой Грецию, как известно (см. «Европ. державы и Греция» и Churchill «World Crisis»), в Англии говорили. Центр же тяжести для нее заключался в другом: в намечавшемся, повидимому, влиянии Франции на греческую политику, которое грозило перемешать все карты, в чрезмерных, с точки зрения Англии, требованиях в смысле количества войск, на которые рассчитывала в помощь себе Греция, и в ее оппозиции против обеспечения участия Болгарии в войне уступкой греческих территорий. Привлечение же Болгарии к войне сильно интересовало в это время английское правительство, относившееся к нему, в связи с его ставкой на Грецию, до русского протеста в начале марта и до срыва атаки 18/5 марта, значительно более хладнокровно, — чтобы не сказать больше,—чем русское правительство [2]).

В сношениях с русским правительством Грэй, разумеется, выдвигал другие мотивы, дававшие ему возможность подчеркнуть, что он отказывается от сделанных Грецией предложений, вследствие неумеренности ее требований и их несоответствующего русским интересам содержания, намекая в то же время на то, что несообразные предложения принца Георгия были приняты в Париже раньше даже, чем они стали известны в Лондоне и в Петрограде (см. памятную записку Бьюкенена Сазонову от 18/5 апреля) [3]). Указанием на то, что одним из этих условий была «интернационализация Константинополя», другим — «уступка Кипра Греции», он подчеркивал, как бы, однородность интересов России и Англии в отклонении греческих условий, что давало ему в то же время возможность указать, что «принц... считает существенным, *чтобы Константинополь был занят силами Англии, Франции и Греции до того момента, когда русские войска будут в состоянии вступить в него, так как он опасается, что последние не допустят туда других союзников, если они войдут первыми*» (см. там же). Такая неожиданная откровенность Грэя, недавно еще, в пределах возможности, всемерно покрывавшего греков именно перед Россией своим заступничеством, свидетельствовала помимо его воли о том, что нечто в греческой политике его начало сильно беспокоить. Это «нечто» никак не могло заключаться в уча-

---

[1]) Против этой оценки политики Франции не может служить возражением то обстоятельство, что позднее, в сентябре 1915 г., французское правительство решило отправить в район Дарданелл, сверх уже имевшихся там к этому времени двух дивизий, еще четыре дивизии, вручив командование всеми ими генералу Саррайлю, устраненному в июле Жоффром от руководства операциями в верденском секторе франко-германского фронта.

[2]) См. об этом выше, стр. 33—36.

[3]) См. телеграмму Бенкендорфа от 26/13 апр. о разговоре его с Никольсоном, постоянным (не парламентским) помощником Грэя.

стии греческих войск в захвате Константинополя и во вступлении в него короля Константина, а, очевидно, лишь в опасении, что Греция, а с нею вместе и Константинополь, и Кипр, расположенный как в ближайшем соседстве с Александреттой, так и в недалеком расстоянии от Суэзского канала, могут подпасть под влияние не ее самой, а Франции, многовекового ее соперника в Средиземном море.

Отнюдь не отказываясь от более далеких целей, в которых ее — как показали значительно более поздние события — не без основания подозревал Грэй, французская политика в это время стремилась лишь к тому, чтобы избавить себя в данный момент от чрезмерных успехов Англии на Бл. Востоке. Благополучно возбудив подозрения России против Греции [1]), французская власть признала свое дело сделанным и ни минуты не задумалась над тем, чтобы выкинуть за борт принца Георгия. 19/6 апреля Палеолог, по поручению Делькассэ, осведомил Сазонова о весьма отрицательном взгляде последнего на предложение кабинета Гунариса. Сущность его сообщения сводилась к тому, что: 1) нецелесообразно гарантировать Греции на длительное время неприкосновенность ее территории, ибо это исключает возможность привлечь к участию в войне Болгарию, с которой в это время также велись переговоры [2]), 2) невозможно «объявить теперь же, что уничтожение Оттоманской империи является конечной целью войны, в которой Греция приняла бы участие» [3]), 3) невозможно «допустить, чтобы Греция одна определила как территорию, где может быть использована ее армия, так и условия открытия ею действий»: тут речь идет о «специальной военной конвенции», предположенной Гунарисом (см. пам. записка французского посла от 19/6 апреля).

В виду позиции Англии и Франции, определявшейся там и тут противоположными интересами, Сазонову оставалось только — к удовольствию той и другой, которые своими «уступками» приобретали новые права на «благодарность России», — ломиться в открытые двери и взять на себя одиум в отклонении греческой помощи, вдобавок незадолго до самых тяжелых поражений, понесенных русскими армиями до 1917 г.

20/7 апреля Сазонов ответил на французскую памятную записку своей собственной, в которой осведомлял Делькассэ, что он «счастлив», что их мнения о заявлении Гунариса совпадают, а «сверх того» высказал свое убеждение, что не может быть речи о переговорах между союзниками и Грецией

---

[1]) Вопрос о возможном «участии (греческих) войск во вступлении в Константинополь», о котором он получил сведения от русского военного агента в Греции, встревожил, между прочим, и вел. кн. Николая Николаевича, по приказанию которого Кудашев сообщил 16/3 апр. Сазонову, что вел. князь «считает с военной точки зрения (!) крайне желательным избежать совместного с греческими военными силами вступления в Константинополь».

[2]) См. дальше, стр. 59 и сл.

[3]) «Теперь же»—обыкновенная отговорка Франции (и Англии) от всяких решений по вопросу о Проливах, а тем более о Константинополе (начиная с 1908 г.). В расчеты Франции «уничтожение Оттоманской империи», с существованием которой для ее финансовых кругов были связаны огромные интересы, вообще не входило.

по вопросу о «территориальных компенсациях для охраны прав и интересов эллинизма». Вслед затем он известил Извольского и Бенкендорфа телеграммой от 21/8 апреля о том, что «ни одно из вожделений греческого правительства», формулированных принцем Георгием, «не может, вопреки создавшемуся у принца убеждению, рассчитывать на сочувствие императорского правительства», а дальше заявлял: 1) что судьба Константинополя «окончательно решена союзниками, и никаких изменений в этом отношении не может последовать», 2) что «вступление эллинского отряда, и тем более во главе его короля Константина, недопустимо» и 3) что уступка Кипра Греции нежелательна не только с точки зрения Англии, но и с точки зрения России, так как она «обеспечила бы Греции преобладающее положение в восточной части Средиземного моря (!)».

Эти заявления Сазонова не встретили возражений ни в Париже, ни в Лондоне, и тем самым вопрос об участии Греции в дарданелльской операции еще раз отпал.

10. Вопрос о вступлении в войну Болгарии в апреле 1915 г.

По мере того, как возрастали затруднения на пути осуществления дарданелльской операции, а виды на привлечение к ней Греции становились, в связи с сопротивлением России, все менее благоприятными, английский кабинет стал усиленно интересоваться вопросом о дальнейшем направлении болгарской политики.

Уклончивая позиция, занятая Грэем в августе 1914 г. по отношению к попытке Сазонова привлечь Болгарию на сторону Антанты путем обеспечения ей серьезных компенсаций со стороны Сербии, Греции и Румынии и обещания ей восточной Фракии до линии Энос—Мидия, объяснялась отчасти нежеланием Грэя содействовать воссозданию балканского союза под эгидой России, отчасти тем значением, которое придавалось в Лондоне участию Греции в дарданелльской операции [1]). Отношение же решающих кругов Греции к Болгарии и к каким-либо уступкам в ее пользу в области Эгейского и Мраморного морей, вытекавшее из старой вражды к опасному конкуренту и из опасений, как бы Болгария не встала поперек дороги осуществлению эллинских «национальных идеалов», было настолько отрицательное, что рассчитывать на возможность его преодоления было чрезвычайно трудно. А в то же время Греция, с первых же дней упомянутого выше [2]) выступления Сазонова в пользу Болгарии, всеми силами старалась удержать и сербское правительство от уступок, что вполне совпадало с преобладавшими в среде последнего настроениями. Всем этим вместе предрешалось отношение держав к Болгарии, приведшее между прочим уже во время войны — в феврале 1915 г. — к заключению Болгарией займа не в Париже, а в Берлине.

Когда поэтому после неудачи 18/5 марта в Лондоне признали необходимым произвести попытку привлечь Болгарию к сотрудничеству с Антан-

[1]) См. также H. W. Steed, указ. соч., т. II, стр. 51—52.

[2]) См. стр. 33—37.

той — об этом свидетельствует памятная записка Бьюкенена Сазонову от 8 апреля/26 марта, — положение дел здесь успело принять неблагоприятный оборот, оставлявший уже потому мало надежд на удачный исход новой ставки сэра Э. Грэя, что параллельно с нею продолжались попытки увлечь и Грецию в орбиту «союзных держав» [1].

С самого момента своего освобождения от турецкого владычества Болгария стала той из стран Балканского полуострова, в которой происходила наиболее напряженная борьба держав за преобладающее над ней влияние. В 80-х годах это была борьба между Россией, с одной стороны, и Австрией и Англией, к которым вскоре примкнула и Италия, с другой стороны [2]; Германия и Франция стояли в общем в стороне, во всяком случае не играли первенствующей роли. Первым внешним проявлением поворота в германской политике явился отказ ее в 1890 г. от возобновления русско-германского секретного договора 18 июня 1887 г., т. наз. «Rückversicherungsvertrag», одним из основных положений которого являлось признание Германией «законности преобладающего и решающего влияния России в Болгарии и Восточной Румелии». С превращением более ранних железнодорожных концессий Германии в обширную багдадскую концессию (1899 г.) в России поняли, что Германия, силою вещей и опираясь на мощность своей торговли и промышленности и на быстрый рост своего финансового капитала, окончательно вступает на путь борьбы за политическое влияние на Оттоманскую империю, а вместе с тем и за влияние на Болгарию. С появлением на арене борьбы Германии естественно усилился и противоборствующий ей интерес к болгарским делам Франции.

В то же время совершался быстрый рост удельного веса Болгарии на Балканском полуострове, по сравнению как с Сербией, так и с Румынией. Рост болгарской армии лишь подчеркивал этот важный, при неустойчивом равновесии сил двух главных комбинаций великих держав, факт, на время отодвинутый назад поражением Болгарии в союзнической войне 1913 г.

Напряженная игра держав в Софии, отнюдь не ограничивавшаяся часто менявшимися в своем составе министерствами, отразилась на всем характере политической жизни болгарского общества, постоянно осложняя острую внутреннюю борьбу многочисленных болгарских партий примесью внешнеполитических соображений и влияний, глубоко отравлявших развитие политической жизни страны. Жгучему интересу болгарского общества к международной борьбе существенно содействовал и тот факт, что вследствие пересмотра Сан-Стефанского договора на Берлинском конгрессе 1878 г. — пере-

---

[1]) См. выше, стр. 53 и сл. Положение дел в Болгарии было настолько сложно, что даже если бы у держав Антанты к этому времени существовали точные данные об обязательствах короля Фердинанда и правительства Радославова по отношению к Германии и Австрии, это не лишало бы их само по себе оснований рассчитывать на иной оборот в отношении Болгарии к войне.

[2]) Внешним выражением дружественной группировки этих трех держав по болгарским делам явились два секретных их соглашения от 12 февр.-24 марта и от 12-16 дек. 1887 г., недавно опубликованные Прибрамом. (Pribram «Die Geheimverträge Oesterreich-Ungarns», 1879—1914, 2 т.).

смотра, приведшего к своего рода «разделу» Болгарии,—основным вопросом национальной жизни Болгарии оставался вопрос о слиянии разных частей болгарского народа в одно государственное целое, иначе говоря, вопрос, неразрешимый без того или иного перелома в общем международном положении, так как Болгария сама по себе, очевидно, не располагала достаточными для этого силами. Наученная горьким опытом 1878 и след. годов считаться с борьбой держав в качестве *решающего* фактора ее собственного национального развития, болгарская политика привыкла приглядываться к соотношению сил великих держав и лавировать между ними, выискивая удобный момент для собственных действий.

События 1908—09 и 1912—13 г.г., с их болезненным для Болгарии окончанием, свидетельствовали, как будто, о том, что державы Антанты не решаются перед лицом категорического протеста Тройственного Союза, в частности же Германии, настоять на таком разрешении существенного для дальнейшего развития Сербии вопроса о предоставлении ей выхода к Адриатическому морю, который ослабил бы ее тягу в сторону Македонии и далее к Салоникам. Именно это обстоятельство, снова и по необходимости направившее усиленное внимание Сербии в сторону спорной между нею и Болгарией Македонии, и привело к союзнической войне и к Букарестскому миру, фактически лишившему Болгарию, кроме македонских областей, также и другого, высоко ценимого ею, приобретения, а именно Адрианополя, снова отошедшего к Турции. Как бы ни судить о политике Фердинанда, возложившей одиум союзнической войны формально на Болгарию, в самой Болгарии, естественно, не могли примириться ни с ее исходом, ни с тем жестким непониманием ее (Болгарии) прав и осуждением ее борьбы за них, которые посыпались на нее больше всего как раз из стран Антанты. В частности, впечатление от полного одобрения Россией предательского, с болгарской точки зрения, удара Румынии в тыл, — одобрения, нашедшего себе выражение в даровании королю Карлу румынскому русского фельдмаршалского жезла и в принятии Николаем II звания шефа того именно румынского полка, который первый вступил в 1913 г. на болгарскую территорию, а вслед затем в свидании Николая II с Карлом в Констанце, — было чрезвычайно тяжело. Создавалось впечатление, что Россия, в степени зависимости политики которой от Англии и Франции не отдавали себе отчета и которую готовы были (не без содействия представителей прочих держав Антанты) считать ответственной за балканскую политику Антанты в целом, охотно выкинула за борт Болгарию для того, чтобы не допустить чрезмерного ее усиления, способного угрожать самому Константинополю, о захвате которого масса не только болгарского народа, но и болгарской интеллигенции, несомненно, не думала [1]).

---

[1]) См. об этом, между прочим, брошюру В. Вълчева «Целата истина по погрома и новите опасности за България», София, 1913. Это, однако, отнюдь не исключает того, что не только король Фердинанд, но и некоторые военные и партийно-политические круги (Гр. Начевич и др.) мечтали завладеть «Царьградом». Этим манили Фердинанда в 1912—13 г.г. из Вены и из Берлина.

Вместе с тем, не следует забывать, что естественные условия хозяйственной жизни связывали Болгарию чем дальше, тем больше с срединными империями, тогда как ее связь с Францией и Англией, и в особенности с Россией, была в этом отношении весьма слаба. А это, как и блестящее развитие Германии в довоенные годы, в свою очередь влекло за собой усиленный интерес к культурной жизни Германии и Австрии, в высших учебных заведениях которых число болгарских студентов росло с каждым годом.

С другой стороны, однако, имелись налицо и два условия, не благоприятствовавшие решительному повороту Болгарии в момент возникновения войны в сторону Германии и Австрии. Они заключались в явном стремлении Австрии к овладению через Сербию Македонией и Салониками, т.-е. господствующим положением на Балканах, с одной стороны, и в не менее явном стремлении Германии занять первенствующее положение в одряхлевшей Оттоманской империи,—из чего вытекала желательность для нее сохранить за Турцией не только Константинополь, но и значительную часть Фракии, — с другой стороны. Вступать в орбиту германской политики значило, таким образом, отказаться на более или менее продолжительное время как от достижения первенствующего положения на Балканах, так даже и от осуществления «национальных идеалов» в их целом.

В результате вполне понятно, что Болгария заняла в начале войны выжидательное положение. Вывести Болгарию из этого положения могли только совершенно конкретные и сразу ощутимые выгоды или такое течение войны, которое убедило бы ее правителей в неминуемой победе одной из сторон.

В Европе плохо учитывали всю совокупность условий, определявших законность, с болгарской точки зрения, такого поведения Болгарии, как не учитывали в первое время и будущей продолжительности войны, о которой смутно догадывались лишь единицы, а также и значения, которое должно было в будущем выпасть на долю балканского театра военных действий. Ближе всего к пониманию важности участия Болгарии в войне были, повидимому, в России, где были заинтересованы в том, чтобы отвлечь возможно большие силы Австрии от русского на сербский фронт и обезопасить себя от не исключенного еще удара Румынии по Южной России [1]). Однако, попытка Сазонова добиться этого результата потерпела, как мы видели, крушение, главным образом, вследствие сопротивления Грэя и поддержанного им косвенно упрямства Сербии и Греции.

Вступление Турции в войну сразу осложнило дело и привело к новым переговорам — на этот раз по инициативе болгарского посланника в России

[1]) Впервые австро-румынский «оборонительный» союзный договор против России был заключен 30/17 окт. 1883 г. и был в тот же день дополнен соответствующим договором с Германией, а позднее, 15/3 мая 1888 г., и с Италией. Продолженный на таких же началах, т.-е. при соучастии в нем Германии и Италии, 25/13 июля 1892 г. до сент. 1896 г., а вслед затем 17/4 апр. 1902 г. до 25/12 июля 1908 г., он был возобновлен австро-румынским актом 5 фев./23 янв. 1913 г., к которому примкнула 26/13 февраля того же года Германия, а 5 марта/20 фев.—Италия. Ликвидирован объявлением Румынией войны против Австрии и Германии, последовавшим 27/14 авг. 1916 г. (См. Pribram, ук., соч., т. I, стр. 260 прим. I).

Маджарова — между Россией и Болгарией, в которой с самого начала, еще со времени объявления русской мобилизации, царило убеждение, что этот акт имеет «двоякое значение: ответного на австрийское выступление и нашего (русского) желания раз навсегда покончить с вопросом о Проливах и Константинополе» (тел. русского посланника в Софии Савинского Сазонову от 31/18 июля 1914 г.). Известие о русско-турецкой войне вызвало поэтому в Софии большое возбуждение. Наиболее влиятельные оппозиционные партии (демократы, народняки, радикалы) высказались открыто за присоединение Болгарии к Антанте; к тому же склонялись и «руссофобские» круги, один из представителей которых, б. помощник главнокомандующего в войне 1913 г. Савов, формулировал болгарские условия, сводившиеся к тому, что Россия *гарантирует* Болгарии: 1) «Македонию, согласно договора 1912 г., и границу Мидия—Энос, 2) безопасность тыла со стороны Румынии, 3) безопасность черноморских берегов и 4) свободу командования над болгарскими войсками» (тел. Савинского Сазонову от 1 ноября/19 окт.).

«Воспользовавшись последним свиданием с Маджаровым, который сам заговорил о возможности совместного с нами выступления», Сазонов, уже осведомленный Савинским о настроении в Софии, высказался в том смысле, что «содействие Болгарии нам в войне с Турцией обеспечивает ей наше согласие *(но не гарантию?)* на приобретение Фракии по линию Энос—Мидия; содействие нам же на *австрийском фронте в районе действий сербских войск* обеспечило бы Болгарии в случае победоносной войны компенсации на базе договора 1912 г.», а к сведению Савинского добавил к этому, что «безопасность болгарского побережья могла бы быть достигнута разрешением нашему флоту пользоваться Бургасом, как базой для действий против Турции» (тел. Сазонова от 4 ноября/22 октября) [1]).

«Пробный шар», пущенный болгарским правительством, таким образом, не возымел успеха. Готовность Болгарии, — добросовестная в одних кругах, фиктивная в других, наиболее в данный момент ответственных, — выступить плечем к плечу с Россией против Турции при условии *гарантирования* Болгарии компенсаций не столько за счет Турции, сколько за счет Сербии, столкнулась с стремлением России использовать болгар на более важном для нее с военной точки зрения, чем турецкий, австрийском фронте, а сверх того, несомненно, с ее нежеланием допустить удар всех болгарских сил на Турцию, т.-е. на район не только Адрианополя, но и Константинополя, который в России так же мало желали отдать в руки болгар, как позднее в руки греков [2]). О вожделениях болгарского правительства в этом

---

[1]) К этому времени в Петрограде уже были получены сведения о воздействии агитационной поездки Н. Бекстона в Болгарию на некоторые круги болгарского общества, возбудившие опасения, что Болгария может оказаться в орбите английской игры за преобладание на Балканском полуострове.

[2]) Весьма любопытные данные о русско-болгарских «недоразумениях» по вопросу о Константинополе, а, стало быть, и о Проливах в 1912—1913 годах содержат воспоминания Неклюдова. Рассказав о константинопольских надеждах царя Фердинанда и близких к нему кругов, Неклюдов говорит: «Я знал, с другой стороны, что среди нас (русских),—или, по крайней мере, среди нашего ген. штаба,—имело силу положение о запретной зоне (a prohibited area) около Проливов,

вопросе несколько позднее открыто заявил первый болгарский посланник в Соединенных Штатах Америки Панаретов. «Вопрос о Константинополе,— говорил он, согласно донесению от 14/1 декабря 1914 г. русского посла в Вашингтоне, бывшего до того весьма неудачным посланником России в Софии, Бахметева,—весьма трудный. Болгарии он (Константинополь) не нужен, так как в нем может держаться только великая держава, и если бы Болгария этого и желала и вся Европа согласилась, то Россия не дозволила бы этого ни нам, ни Греции. Россия сама хочет взять Константинополь, но, вместе с тем, «немыслимо» [1]), чтобы Англия и Франция согласились на это, так что *единственное разрешение,* ежели он будет отнят у турок,—*сделать его свободным городом под европейским контролем»,* т.-е. произвести ту же операцию «интернационализации» Константинополя, о которой, как о наилучшем для нее исходе, мечтала и Греция.

Не стоило бы говорить об упрощенной на первый взгляд редакции вопроса о привлечении к участию в войне Болгарии путем открытого подкупа видных ее государственных деятелей, о которой сообщил Извольский Сазонову телеграммой от 7 янв. 1915 г./25 дек. 1914 г., если бы не то обстоятельство, что эта мысль, исходившая из «финансовых кругов», «хорошо знакомых с положением дел в Болгарии», была пущена в обращение вскоре после выступления Ллойд-Джорджа за сербо-балканскую операцию союзников, и если бы она не характеризовала с большой яркостью отношение финансового капитала, а вместе с тем и государственных людей Антанты к вопросу о покупке пушечного мяса на европейском или ином государственном рынке (см., кроме упомянутой тел. Извольского, ответную «сочувственную» телеграмму Сазонова Извольскому 9 янв./27 дек., тел. Извольского Сазонову от 15/2 янв. 1915 г., Бенкендорфа (Барка) Сазонову от 8 февр./26 янв., тел. Барка Сазонову от 14/1 февраля, тел. Сазонова Извольского от 23/10 февр., тел. Извольского Сазонову от 24/11 февр.).

Новые переговоры держав с Сербией и Грецией об уступках Болгарии, сопутствовавшие этому «прожекту» и вызванные к жизни, как и он, предложением Ллойд-Джорджа о сербской операции, снова окончились безрезультатно. Стоит лишь отметить усиленное внимание к ним Италии [2]), также все еще колебавшейся между нейтралитетом и присоединением к Антанте и подстрекавшей, во имя своих собственных видов на превращение Адриатического моря в итальянское mare clausum, Болгарию против Сербии. Об этом свидетельствует, например, дышащий большой наивностью рассказ болгарского посланника в Петрограде Маджарова о беседе с ним итальянского посла Карлотти 13 февр./31 нваря 1915 г. Говоря об опасениях Ита-

---

в пределах коей притязания какой бы то ни было иной державы не были бы нами допущены; болгары были об этом предупреждены с 1909 г.». См. «Материалы по истории русско-французских отношений», стр. 293 и сл.

[1]) Кавычки подлинника.

[2]) Роль Италии в балканском вопросе, в особенности за время войны, обусловленная двумя ее домогательствами—полным господством в Адриатическом море и в Албании (эти две цели следует до известной степени различать)—хорошо обрисована Steed'ом в назв. его соч. т. II, стр. 55 и сл., 62—69, 124—128 и др.

лии, вызванных возможным «значительным усилением Сербии на Адриатическом море», Карлотти лукаво заявил, что итальянцы «желали бы, чтобы мы (болгары) и там выступили соперниками Сербии» и что, «ради соблюдения равновесия на Адриатическом море, Италия готова содействовать Болгарии приблизиться к нему». Весьма характерно, что и такой несомненный «руссофил», как Маджаров, хотя и, видимо, несколько озадаченный этой перспективой, все же, со своей стороны, «поддержал мысль, что в интересах Италии способствовать *созданию Великой Болгарии*» (вплоть до Адриатического моря и во всяком случае в ущерб сербам), разумеется, именно потому, что «только при этом условии можно сохранить экономическое и политическое равновесие на Балканском полуострове». Менее откровенен был Карлотти в вопросе о Константинополе и Проливах, зато итальянский премьер Соннино несколько позднее мог его порадовать телеграммой итальянского посланника в Софии (2 марта/17 февраля) о том, что там «действия у Дарданелл произвели глубокое впечатление, так как затрагивают жизненные интересы Болгарии и решение восточного вопроса». 3 марта/18 февраля, во время решающего момента переговоров Англии и прочих держав Антанты с Грецией, уже приведших к категорическому протесту Сазонова против греческого десанта на Галлиполийском полуострове, Венизелос сообщил Эллиоту со слов греческого посланника в Софии, что «Радославов защищал перед ним мысль о сближении Болгарии с Грециею и Румынией *против русской опасности на почве вопроса о Константинополе и Проливах*» (см. тел. Демидова Сазонову, 3 марта/18 февраля).

Успешный до 18/5 марта ход дарданелльской операции, несомненно, произвел в балканских столицах немалое впечатление [1]). Однако, в Лондоне лучше, чем где-либо, знали, насколько мало обеспечен ее исход без поддержки сухопутной армии. Этим объясняется усиленный интерес, проявленный там к Болгарии, в связи с намечавшимся — вследствие несогласия России — провалом надежд на греческий десант. Особенно характерна в этом отношении трехчасовая беседа Ллойд-Джорджа с болгарским посланником Хаджемишевым, о которой последний сообщал Радославову шифрованной телеграммой от 4 марта/19 февраля, ставшей вслед затем достоянием и русского мин. ин. дел.

Говоря с напускной уверенностью о громадных силах — «даже 500 тысяч солдат», — которые Тройственное Согласие «через шесть недель» будет в состоянии отправить в Турцию, «если сочтет это необходимым», а также о несомненном присоединении к нему Италии, о том, что «через три недели» начнется бомбардировка Смирны греками, и, наконец, о том, что и Румыния последует примеру Греции, Ллойд-Джордж в то же время убеждал своего собеседника в необходимости немедленного вступления в войну Болгарии. За это Согласие «гарантирует ей: 1) Македонию в пределах договора 1912 г. вплоть до Битоля и Охриды, 2) утраченную в 1913 г. часть Добруджи и 3) Фракию до линии Энос—Мидия». Единственный пункт,

---

[1]) О Софии см., напр., телегр. Соннино, от 6 марта/21 февр., Савинского от 9 марта/24 февр. и Диаманди 10 марта/25 февраля.

в котором Ллойд-Джордж оказался несговорчивым, это — вопрос, касавшийся уступок Греции. Опасаясь возможной отставки Венизелоса, в случае возбуждения перед Грециею вопроса об отказе от Кавалы, Ллойд-Джордж ограничился тут довольно туманными фразами о том, что «Тройственное Согласие, разумеется, не дало Греции обязательства не настаивать на уступке Кавалы (!), но эта местность могла бы отойти к Болгарии, если бы вопрос о Битоли был решен в пользу Греции и если бы ей за Кавалу была обещана Смирна с окрестностями». Действовать же болгарская стотысячная армия должна была «в восточной Фракии» [1]).

Падение кабинета Венизелоса через три дня после этой беседы еще сильнее запутало положение, тем более, что первое впечатление от бомбардировки дарданелльских фортов улеглось (тел. Савинского от 9 марта/24 февраля), и такое видное в болгарской армии лицо, как ген. Савов, пришел к заключению, что «англо-французы встретили неожиданные затруднения при форсировании прохода через Дарданеллы», в то время, как германцы «изыщут средства» для соединения своего с Турцией, для чего воспользуются более удобным путем через Румынию и *Болгарию* (шифрован. телегр. Соннино Карлотти от 11 марта/26 февраля). В то же время предложения Ллойд-Джорджа не получили официального подкрепления со стороны представителей Антанты, а Россия загадочно молчала (тел. Трубецкого от 7 марта/22 февраля, Савинского от 17/4 марта), либо ожидая инициативы Болгарии, чтобы продиктовать ей свои условия, либо вообще отклоняя участие ее в походе на Константинополь.

При таких условиях и крайне любопытный разговор английского ген. Пэджета, бывшего в Софии 16/3—17/4 марта, с королем Фердинандом, о содержании которого Трубецкой узнал «доверительно» от сербского престолонаследника, знавшего о нем в свою очередь от самого Пэджета, не мог иметь достаточно веского делового значения для решительного поворота в болгарской политике. Как известно, король Фердинанд в течение этого разговора заявил, что «линия Энос—Мидия не настолько интересует *сама по себе Болгарию, чтобы она из-за этого* пошла на войну с Турцией». Была ли после этого речь о Кавале, о Македонии и Добрудже,— неизвестно. Во всяком случае, «генерал сказал: а Константинополь? — Ну что же Константинополь, мы туда придем, чтобы уйти, — возразил король. — Отчего, — спросил Пэджет, — может так случиться, что вы там и останетесь. *Мы с Францией можем не всегда остаться союзниками России, и тогда для нас будет лучше, чтобы в Константинополе были вы.* Король ответил на это театральным жестом» (тел. Трубецкого Сазонову «лично» 1 апр./19 марта).

[1]) Следует обратить внимание на то, что Ллойд-Джордж счел нужным упомянуть о том, что «английский посланник в Софии больше не пользуется полным доверием кабинета и что английское правительство полагает, что он не мог занять надлежащего положения перед болгарским», в силу чего английское правительство было бы готово его отозвать. Слова Ллойд-Джорджа содержали, таким образом, открытое дезавуирование в лице посланника принятой до того, равнодушной к Болгарии политики, на которую жаловались и Савинский, и сам Сазонов.

11. Вопрос об оккупации Бургаса.—Протест Англии.—Англо-русские трения.

Молчание Петрограда, однако, отнюдь не означало, чтобы там перестали интересоваться вопросом об отношении Болгарии к войне.

На другой же день после того, как окончательно было решено направить русский десант к Босфору, а именно 2 марта/17 февраля, верх. главнокомандующий «весьма секретно» предложил Сазонову «употребить все безусловно возможные средства, дабы *заставить* Болгарию дать... свое согласие» на использование русским флотом болгарской гавани Бургаса для операций по погрузке углем. Так, по крайней мере, определялась ближайшая задача Сазонова.

Вечером того же дня вопрос был обсужден тремя министрами, считавшимися, согласно рескрипту 14/1 февраля, ближайшим образом причастными к делу, т.-е. Сазоновым, ген. Сухомлиновым и адм. Григоровичем. При этом выяснилось, что Сазонов считал обращение к Болгарии за соответствующим разрешением крайне нежелательным, «так как Болгария наверное потребует себе крупных компенсаций». Сверх того, «переговоры были бы длительны и сделались бы вскоре известными неприятелю, что обнаружило бы ему наши планы и затянуло (бы) операцию». *«Поэтому является предпочтительным овладеть Бургасом, даже без разрешения Болгарии, а прийти туда с флотом, протралить рейд и на нем расположиться»*. Обладание Бургасом, как постоянной угольной стоянкой, было признано чрезвычайно желательным. «Все же завладеть им, путем открытого насилия, настолько *невыгодно в политическом отношении,* что было бы желательно, по возможности, обойтись без него». Однако, другие возможные стоянки представляли при ближайшем рассмотрении также весьма серьезные затруднения, и в результате совещание сделало попытку спихнуть с себя решение вопроса, — «что́ предпочтительнее, *занять ли силой Бургас и тем вызвать осложнения с Болгарией»,* или же занять один из прочих пунктов (Зунгулдак или Эрегли на малоазиатском, Инаду на европейском побережьи) — на... командующего черноморским флотом (см. записку Григоровича от 3 марта/18 февраля).

4 марта/19 февраля командующий флотом адм. Эбергард весьма резонно ответил, что «суждение о том, какому способу занятия Бургаса должно отдать предпочтение, принадлежит правительству, от которого зависит также решение нарушить нейтралитет Болгарии»; со своей же стороны он, как военный, интересовался лишь вопросом о том, «допускаются ли военные действия против Болгарии, в случае сопротивления силою *против нашего базирования в ее порте»,* а, вместе с тем, самым решительным образом отвергал три указанные Григоровичем, помимо Бургаса, пункта стоянки, хотя и признавал даже за Бургасом известные неудобства.

Сазонов, недавно еще настаивавший на «самостоятельной русской операции» против Босфора, затем всячески умолявший о том, чтобы русские войска во что бы то ни стало приняли участие в начатой англичанами операции, оказался в весьма затруднительном, чтобы не сказать более, поло-

жении, как только силою вещей был поставлен на очередь конкретный вопрос, неизбежно связанный с осуществлением его мечты об увенчании здания войны водворением креста на храме св. Софии.

В его «всеподданнейшей записке» от 5 марта/20 февраля отразилась вся безнадежность позиции России по отношению к Болгарии [1]). С одной стороны, «испрошение (этот, особо обидный для Николая II, термин был, несомненно, применен сознательно) от болгарского правительства согласия на использование Бургаса, как базы для нашего флота, представляется затруднительным, ибо наше достоинство не позволяет нам подвергнуться возможности получения от Болгарии даже уклончивого ответа, под предлогом необходимости для нее придерживаться и впредь нейтралитета». С другой же стороны, «занятие Бургаса без предварительного уговора (каковой Сазонов, едва ли только в виду несогласия одной Болгарии, считал, очевидно, невозможным) связано с серьезными последствиями, потому что будет истолковано болгарским правительством, как посягательство на его независимость», а в этом отношении российское правительство уже имело возможность на горьком опыте 80-х и 90-х годов убедиться в большой щепетильности не только правительства, но и общественного мнения Болгарии. В результате вопрос о Бургасе устранялся, и высказывалось мнение, что «было бы предпочтительнее, чтобы адм. Эбергард нашел возможным грузиться углем в портах Анатолии». Записка Сазонова и дополнительный к ней «пифийский оракул», каковым представляется изумительная по своей бюрократической талантливости «отписка» адм. Григоровича от того же числа, исторгла от Николая II надпись: «согласен».

Вынужденная считаться с «государевой волей», которую она же непосредственно перед этим выдвинула против вмешательства Сазонова в дело о захвате Босфора, Ставка, однако, на этом не успокоилась. По поручению Янушкевича, Кудашев тотчас запросил Сазонова, «каков срок, *допущенный болгарскими правилами нейтралитета* для стоянки в болгарских портах военных судов воюющих держав». «Это необходимо знать, — пояснял Кудашев, — на случай, если малые наши суда, вследствие бури, принуждены будут спрятаться в Бургасе»; вместе с тем, он высказывал надежду, что удастся добиться под благовидными предлогами от Болгарии продления этого срока сверх нормального (со времени второй гаагской конференции 1907 г.), 24-х часового. Ставка, пользовавшаяся советами адм. Ненюкова, явно предпочитала Бургас Зунгулдаку, Эрегли и Инаде.

Раньше еще, чем удалось обдумать неясные и даже двусмысленные ответы Савинского на вопрос о действовавших в Болгарии положениях насчет нейтралитета (тел. Сазонова ему и его Сазонову от 7 марта/22 февр. и заключение по тому же вопросу юрисконсультской части мин. ин. дел от того же числа), из Ставки последовало подтверждение этого ее мнения. *«Примиряясь с невозможностью пользоваться Бургасом, как базой для на-*

---

[1]) Напомним, что на следующий день, 6 марта/21 февраля, Сазонов фактически окончательно отклонил своими четырьмя условиями участие Греции в дарданелльской операции. См. выше, стр. 50.

шего военного флота», верх. главнокомандующий в личной беседе с Кудашевым заявил, что «считает необходимым, по крайней мере, обеспечить за нашими судами возможность грузиться в названном порте углем, что вполне возможно в виду предусмотренного международным правом 24-часового срока стоянки в нейтральном порте судов воюющих держав». А потому желательно безотлагательно предупредить болгарское правительство о том, «что мы намерены воспользоваться предоставленным нам несомненным правом и *рассчитываем на корректное отношение к нам болгар.* Всякая их отговорка, — говорилось вслед затем, —напр., ссылка на существование минного заграждения и на отсутствие лоцманов для ввода судна в порт, будет сочтена нами за недружелюбный акт, который будет нами учтен *впоследствии»* (!). Вслед затем,—со слов вел. князя,—подчеркивалось, что вопросу о пользовании Бургасом придается «для успешного действия нашего флота у Босфора» «решающее значение», другие же порты и стоянки, — в частности, особо рекомендованный Сазоновым в его всеподданнейшей записке от 5 марта/20 февраля Зунгулдак, — решительно отвергались (тел. Кудашева Сазонову от 8 марта/23 февраля).

А, между тем, вскоре после этого была получена отчаянная телеграмма Савинского от 13 марта/28 февраля, в которой он, ссылаясь на взбудоражившую его телеграмму Сазонова от 7 марта/22 февраля о правилах болгарского нейтралитета «относительно стоянки военных судов в болгарских портах», предлагал Сазонову «не дипломатический акт перед правительством для получения его согласия, а личное обращение государя императора к королю и *народу болгарскому* телеграммой с возвещением, что нужды и интересы славянства потребовали принятия такой-то меры (захвата какого-либо, — какого же он сам не знал, — болгарского порта), которая не может не вселить в сердце *всех* болгар и у их государя сердечного отклика,— что вся будущность Болгарии решается в эту минуту и что Россия, верная своим заветам и традициям, позаботится о младшей сестре, которая должна отнестись к ней в этот решительный момент с полным доверием».

Как видно из многочисленных предшествовавших телеграмм Савинского, он отлично понимал, что нет реальной возможности побудить руководящие круги Болгарии, если не вступить в войну на стороне Антанты, то хотя бы держаться фактически, а не на словах только, благожелательного нейтралитета, не дав им сразу, вместо словесных гарантий, реальные «залоги». В этом отношении его взгляды совпадали с взглядами Сазонова в самом начале войны. Если он поэтому в данный момент, важность которого, разумеется, определялась не только вопросом о Бургасе или ином болгарском порте, но и возраставшими, казалось, успехами дарданелльской операции, которая, вот-вот, должна была вступить в решительную фазу, предлагал — к этому сводится смысл его телеграммы, если очистить ее от словесного налета—*апеллировать через голову короля и правительства к болгарскому народу* («открытое обращение в такой форме увлечет весь народ; ни король, ни правительство не будут в состоянии противостоять»), то это, само по себе, свидетельствовало о трудности положения дела Антанты, и, в частности, России в Болгарии. Насколько сам Савинский понимал риско-

ванность этого приема — либо пан, либо пропал! — видно из того, что он тут же рекомендовал подготовить такое выступление воззванием экзарха, т.-е. главы болгарской церкви как в пределах царства болгарского, так и во всех областях (Турции, Македонии), где жили болгары православного вероисповедания.

Было ли учтено симптоматическое значение этих суждений в Петрограде, мы не знаем. По существу же, предложение Савинского, по мнению товарища мин. ин. дел Нератова, «не требовало движения». Это мнение встретило 4 марта/19 февраля полное одобрение Николая II.

В связи с этим и с поездкой Николая II в Ставку весь вопрос получил новый оборот. 19/6 марта — на другой день после роковой для дарданелльской операции неудачи англо-французского флота, о которой в Ставке еще не знали — ген. Янушкевич обратился к Сазонову с «совершенно секретным» письмом, возложившим на Сазонова во имя «государевой воли», — воспоследовавшей за докладом вел. князя о мнении адм. Эбергарда относительно «невозможности выполнить эту операцию (десантную экспедицию у Босфора), не базируясь на Бургас», — весьма трудную дипломатическую задачу. Николаю II, в самом деле, «благоугодно было указать на необходимость вновь обсудить вопрос о Бургасе». Он нашел «крайне желательным поставить вопрос нашим союзникам, что, так как они признают необходимым наше одновременное содействие в овладении Босфором и Константинополем, то как бы они посмотрели на занятие нами Бургаса, как промежуточной базы для флота и десанта *даже вопреки согласию* (= несогласию?!) Болгарии («но без всякого вооруженного с нею столкновения», — гласило примечание). *В этом отношении мы могли бы действовать лишь в согласии с нашими союзниками, т.-е при совместном дипломатическом выступлении*» (перед болгарским правительством, — мысль, надо полагать, внушенная Николаю II и Ставке самим же Сазоновым). «Скорейшее выяснение точки зрения союзных правительств на этот вопрос» признавалось вместе с тем крайне необходимым, «дабы не задержать развивающегося успеха союзников» (!).

Зная, в отличие от Ставки, о неудаче 18/5 марта, Сазонов поручил Кудашеву, присланному в Петроград с предписанием устно поддержать поручение Ставки, высказать надежду, что последние неудачи союзников не отзовутся на переговорах с Болгарией о Бургасе, «если бы наши союзники согласились на таковые переговоры», в чем Сазонов, очевидно, был далеко не уверен после того, как он противился своим вмешательством участию греков в дарданелльской операции (тел. Кудашева Янушкевичу от 20/7 марта).

Опасения Сазонова полностью оправдались. Уже 23/10 марта он поручил Кудашеву телеграммой передать Янушкевичу текст памятной записки, полученной им от Бьюкенена в ответ на возбужденный им — согласно «государевой воле», но против собственного убеждения [1]) — вопрос об отношении

---

[1]) Это подтверждается, весьма любопытной для внутренней русской жизни этого времени шифрованной телеграммой Бьюкенена Грэю от 24/11 марта, в которой Бьюкенен уведомлял Грэя о том, что Сазонов «очень рад, что ваше превосхо-

английского правительства к занятию Бургаса. Как и следовало ожидать, сэр Э. Грэй полагал, что *«занятие Бургаса без согласия Болгарии было бы, в особенности в настоящее время (после 18/5 марта!), весьма серьезной политической ошибкой, которая даже может повести к гибельным последствиям»,* в виду чего Грэй поручил Бьюкенену «повторить» Сазонову все возражения английского правительства против такого образа действий, — возражения, имевшие до этого времени, очевидно, устный характер, а ныне повторенные, едва ли без содействия Сазонова [1]), в более ответственной письменной форме.

Результат оправдал ожидания Сазонова. Уже 24/11 марта Янушкевич известил Сазонова о том, что вел. князь «вполне согласен с мнением сэра Э. Грэя», а 28/15 марта Бьюкенен мог сообщить Грэю о получении им русской памятной записки, подтверждавшей, что вел. князь «всецело разделяет наши (английские) возражения политического характера против занятия Бургаса без согласия на то Болгарии».

Ни в России, ни в Англии, видимо, не отдавали себе отчета в значении для Болгарии событий этих недель, — сначала успеха, а затем неудачи дарданелльской операции. О нем можно судить, помимо предшествующих данных, на основании длиннейшего, добросовестнейшего, «ученейшего» и весьма наивного «секретного донесения» Маджарова своему правительству от 27/14 марта, видимо ставшего достоянием русского правительства через посредство организованной при ген. штабе военной контр-разведки, на которую со свойственной военным властям в военное время энергией были возложены весьма разнородные функции [2]). В нем Маджаров, ссылаясь на шифрованную телеграмму, полученную им «9 марта 1915 г.» (надо полагать, старого стиля, т.-е. 22 марта н. ст.) заявлял, что ныне *«понял, что болгарское правительство решило не оказывать Тройственному Соглашению, а особенно России, даже той помощи, которую Греция и до настоящего времени* (т.-е., очевидно, после падения Венизелоса) *оказывает Франции и Англии, не оскорбляя этим ни Германии, ни Австро-Венгрии, ни Турции и не считая этого за нарушение нейтралитета».* Мало того, эта телеграмма дала ему «серьезный повод предполагать, что Вы (Радославов и его правительство) *решили не соблюдать до конца нейтралитета», иначе говоря, решили встать на сторону Германии, Австро-Венгрии и Турции.*

Ни в России, ни, в особенности, в Англии, однако, и тогда не поняли, что весы болгарской политики склонялись в сторону срединных империй.

В Англии нарастало убеждение, что дарданелльская операция, подвергшаяся тяжелой неудаче 18/5 марта, осуждена, без содействия болгар, на полный неуспех. 3 апр./21 марта Демидов извещал Сазонова о том, что английский военный агент объяснял трем дипломатическим представителям

дительство столь решительно высказались по поводу насильственного нарушения болгарского нейтралитета, т а к к а к э т о у с и л и л о е г о п о з и ц и ю в о т к а з е н а п р о с ь б у в о е н н ы х в л а с т е й о з а н я т и и (Б у р г а с а)».

[1]) Ср. предыд. примечание.

[2]) На это указывает факт нахождения при этом донесении препроводительного письма ген. Беляева от 13 апр./30 марта.

Антанты в Афинах, что «из всех планов десанта высадка в (находившемся в руках болгар) Дедеагаче представляет самые благоприятные условия и позволит избежать десанта на Галлиполийском полуострове, который натолкнулся бы на грозную по своей организации оборону». «Вследствие этого, он высказал убеждение, что, по его мнению, следует обратиться к Болгарии за разрешением на пропуск 150 т. англо-французов (аналогичное разрешение только что было признано Грэем невозможным для пользования русскими Бургасом), число которых может быть доведено до 250 т. человек, для совместных действий с русскими войсками, которые высадятся со своей стороны» (где?!!). Пораженный тем, что «положение было представлено нам крайне серьезным с военной точки зрения», Демидов, говоря от имени всех трех представителей держав Антанты, был склонен думать, что Тройственное Согласие должно было бы действовать в Софии с наибольшей твердостью, заявив, в случае надобности, о своем решении считать отказ или предложение неприемлемых условий за акт недружелюбный. Непосредственно за этим пробным шаром, пущенным из Афин, Грэй предложил Сазонову «пригласить болгарское правительство высказаться окончательно, согласно ли оно присоединиться к союзным державам на условиях получения Македонии в границах 1912 г. со включением Монастыря, а также Фракии до линии Энос — Мидия». Извещая Извольского и Делькассэ 7 апр./25 марта о том, что он согласился на это предложение, Сазонов, однако, указал в то же время на необходимость заявить болгарскому правительству, что оно может рассчитывать на благожелательное отношение союзников только в том случае, если им немедленно будут приняты меры к прекращению действий болгарских четников, усилившихся перед этим в Македонии.

Дальнейшее течение переговоров отличается некоторыми весьма любопытными странностями, смысл которых может быть вскрыт лишь предположительно. Одна из них заключается в том, что, по словам английского посла в Париже, переданным Делькассэ французскому посланнику в Софии Панафье, а последним Савинскому, (см. тел. Савинского от 16/3 апр.), Сазонов говорил Бьюкенену 10—11 апр. (28—29 марта) о «проектируемых им угрожающих мерах против Болгарии» в связи с поведением последней в валандовском инциденте, который связывался с действиями четников, но произошел недели за две до того,—инциденте, который в свое время было решено оставить без внимания, который, по свидетельству Савинского, «уже забыт» и, по его же словам, вдобавок падал на ответственность австрийских эмиссаров, а не болгарского правительства. Если же принять во внимание, что английское правительство в памятной записке об обращении к Болгарии, врученной Сазонову 8 апр./26 марта, высказывалось в том смысле, что оно считает уместным, делая сообщение по предмету болгарского сотрудничества, «не упирать на (упомянутый) четнический набег», то настойчивость Сазонова в этом вопросе заставляет думать, что его, — в свое время так настаивавшего на необходимости добиться путем крупных и реальных компенсаций присоединения Болгарии к Антанте,—на этот раз английская инициатива побуждала к заведомо неприятным для болгарского правитель-

ства мероприятиям Насколько серьезны были эти мероприятия, явствует из шифрованной телеграммы Грэя Бьюкенену от 9 апр./27 марта, в которой последнему поручалось уведомить Сазонова о том, что английское правительство «*твердо держится своей точки зрения о том, что не следует нарушать болгарский нейтралитет*». А так как нейтралитет Болгарии мог быть нарушен союзниками лишь захватом одного из ее портов, т.-е. Варны, Бургаса или Дедеагача, то, поскольку вопрос был возбужден Сазоновым, речь могла итти лишь о первых двух и, в частности, по всему вероятию о Бургасе, наиболее близком к Константинополю. Новая перемена фронта Сазонова объясняется, повидимому, тем, что он к этому времени уже знал из телеграммы Савинского от 2 апр./20 марта о том, что зять Радославова «открыто говорил, что Болгария не протестовала бы, если бы Россия высадила свои войска в Бургасе, а Англия и Франция — в Дедеагаче». Сверх того, 9 апр./27 марта, т.-е. в тот самый день, когда Грэй послал названную телеграмму, Савинский, телеграфируя о своем долгом разговоре с Радославовым, сообщал, что последний «дал ему понять, что был бы рад, если бы болгарам форсировали руку, если бы правительство было поставлено перед совершившимися фактами [1])». Воспользовавшись намеком, Савинский «спросил его, во-первых, что бы ответило болгарское правительство, если бы ему теперь был поставлен союзниками категорический вопрос—да или нет? на это он сказал, что он ответил бы: да; во-вторых, я спросил, верны ли... слова его зятя... и соответствуют ли они истине? На это он ответил: *не нужно двух десантов, довольно одного выхода* (sic!); *так как мы уверены, что он не будет нам враждебен,* то мы его и примем охотно и тогда решим детали». Не указывало ли это, в особенности в устах руссофоба Радославова, на то, что в Болгарии готовы примириться с десантом. . в Дедеагаче? И не поэтому ли Никольсон несколько дней спустя так настаивал перед Бенкендорфом на том, что «английское правительство было бы решительно против проекта нарушающей нейтралитет высадки наших войск в Бургасе, даже если бы эта крайняя мера принудила болгарское правительство к выступлению», при чем сослался на слова Грэя, что «английское правительство было бы поставлено в противоречие с принятой им позицией по отношению к нарушению бельгийского нейтралитета, что он считает невозможным». При всей трогательности этой заботы о соблюдении норм международного права, она — в особенности после занятия англичанами Лемноса — едва ли могла произвести на Сазонова слишком убедительное впечатление...

Чем бы ни было вызвано внезапное изменение во взглядах Сазонова на занятие Бургаса [2]), — настоянием ли Ставки и Николая II, резолюция которого на телеграмме Бенкендорфа (14/1 апреля) констатирует, что «Бургас нужен, как последний наш этап к Босфору, а вовсе не для десанта», желанием ли получить в виде Бургаса своего рода «залог» дальнейшего образа действий болгарского правительства на случай участия болгар в походе на Константинополь, стремлением ли затруднить новую англо-болгар-

---

[1]) См. также тел. Извольского Сазонову от 12 апр./30 марта на ту же тему.

[2]) См. выше, прим. 1 на стр. 70.

скую комбинацию в области Проливов путем возбуждения вопроса о Бургасе в виде «угрожающей меры» против болгарского правительства, — во всяком случае происходили длительные пререкания по этому делу между русским и английским кабинетами, инициатива которых, несомненно, принадлежит Сазонову.

В полном соответствии с этим находился и текст обращения трех держав к болгарскому правительству, составленный Сазоновым и предложенный им Лондону и Парижу 9 апреля/27 марта [1]). Этот текст не удовлетворил даже Делькассэ, согласившегося, в отличие от Грэя, что следует «ныне же серьезно предостеречь Болгарию против дальнейшего потворства покушениям македонских банд», но находившего, что предложенная Сазоновым редакция отчасти излишне обидна для болгарского правительства, отчасти недостаточно тверда, а, главное, высказавшегося за то, чтобы в основу обращения было положено предложение тех конкретных компенсаций, которые были намечены Грэем и заменены Сазоновым совершенно туманной фразой. На этом последнем настаивал и Асквит (см. телеграмму Извольского от 10 апреля/28 марта и от 12 апреля/30 марта). Несмотря на то, что Николай II «склонялся к мнению Делькассэ» (см. его пометку на телеграмме Извольского от 10 апреля/28 марта) и на то, что Грэй считал «необходимым... прибавить, что, в случае активного выступления болгарского правительства, три державы примут в соображение национальные стремления Болгарии», окончательный текст обращения, препровожденный Савинскому 14/1 апреля, ограничивался сверх приведенной выше угрожающей части ничего не значащим заявлением, что, «если королевское правительство готово действовать совместно с союзниками, последние намерены изыскать средства для удовлетворения его пожеланий и употребить свое влияние и свои усилия, чтобы обеспечить их осуществление» [2]), т.-е., по справедливому замечанию

---

[1]) Проект обращения в телегр. Сазонова от этого числа № 1625 Извольскому и Бенкендорфу: «Союзные державы располагают неопровержимыми доказательствами, что австрийские агенты стараются увлечь Болгарию на путь, противоречащий ее жизненным интересам и традициям ее прошлого. Сеть их интриг простирается на всю страну; в течение последних дней этими агентами был организован набег вооруженных банд на Македонию в соучастии с худшими македонскими элементами. Болгарский народ подвергается опасности быть без его ведома и против его воли ввергнутым в конфликт, последствия которого для него могут быть столь же гибельными, как катастрофа 1913 г.—Стремящиеся обеспечить после нынешнего тревожного времени долгий период мира, союзные державы считают своим долгом предупредить королевское правительство насчет опасностей, которым подвергает зигзагообразная (tortueuse) его политика страну. Отдавшись на службу двух центральных империй, оно не может дать Болгарии выгод, которые ей могут обеспечить только союзники. Если королевское правительство будет упорствовать в своем состоянии соумышленничества с врагами Тройственного Согласия и будет продолжать допускать (tolérer) их козни,—союзники признают себя свободными от обещаний, которые они сочли нужным ему сделать (речь идет о предложениях, сделанных Болгарии 9 дек./26 нояб. 1914 г.) и возложить на него ответственность за события, которые могли бы быть последствием сего».

[2]) Текст совпадает с приведенным в предыдущем примечании с добавлением к нему в конце слов: «Болгарское правительство однако, может быть уверено,

Савинского, был еще менее категоричен, чем даже то сообщение, которое было безрезультатно сделано болгарскому правительству 9 декабря/26 ноября 1914 г. (см. телеграмму Савинского от 16/3 апреля 1915 г.).

Впечатление, произведенное этим на Савинского, чрезвычайно показательно.

Совершенно сбитый с толку, Савинский невольно пришел к заключению, что Сазонов стремится к разрыву с Болгарией. Он не мог сомневаться в том, что Сазонов отлично понимал явную неудовлетворительность нового обращения, которое «не только обречено на полнейший провал, но.. оттолкнет от нас даже самых преданных нам друзей», среди которых «вызовет недоумение и горчайшее разочарование». В то же время лично он был убежден, что «разрыв с Болгарией был бы теперь несвоевременным», ибо, по его мнению, население ее «с каждым днем более и более высказывается за присоединение к Согласию», и даже «самые крайние элементы, вроде македонцев, готовы итти на уступки, отказываясь теперь (под влиянием ли не сорвавшейся еще дарданелльской операции, под влиянием ли указаний из английского посольства?) [1] от всяких территориальных изменений до окончания войны». Признавая, что, «конечно, императорскому правительству это виднее» и что он высказывает свои соображения «исключительно с местной точки зрения, не зная общего политического положения», Савинский, однако, считает «нравственной обязанностью» необычно решительным тоном повторить, что *«сообщение... оттолкнет от нас всю Болгарию; если мы хотим этого, то результат обеспечен»*. В конечном итоге обращение к Болгарии, предложенное Грэем, не было сделано, и вопрос возник вскоре вновь, но при значительно ухудшившихся для Антанты условиях [2]. Не может подлежать сомнению, что Сазонов решился на принятый им образ действий лишь в силу весьма веских в его глазах соображений, вытекавших как раз из того «общего политического положения», влияние которого на его политику подозревал и Савинский. Как в марте, по отношению к грекам, так месяц спустя по отношению к болгарам, он стремился саботажем

что союзники не желают быть вынужденными принять враждебную Болгарии позицию и что они взирают благожелательно на законные притязания народа болгарского. Если королевское правительство и т. д.», как выше на стр. 74.

[1] Следует также иметь в виду весьма тесную связь, существовавшую издавна у дворца с частью македонских революционных организаций.

[2] Следует заметить, что в результате позднейших переговоров Сазонов был вынужден отказаться от вышеприведенной редакции, переработать ее коренным образом (несмотря на его слова, что «новая редакция.... отличается весьма мало от предыдущей»), выбросить из нее некоторые особенно обидные выражения и, главное, включить в нее конкретные указания на предлагаемые Болгарии компенсации, а именно восточную Фракию до линии Энос—Мидия и Македонию до линии Эгри-Паланка—Кепрюлю—Охрида (последнее после войны и при условии получения Сербией предполагаемых для нее державами компенсаций). Препровождая новый проект на рассмотрение держав 24/11 апр., он, однако, высказался в том смысле, что «сообщение, дабы произвести весь свой эффект, надлежало бы сделать после того, как присоединение Италии к Тройственному Согласию станет известным болгарскому правительству» (пам. записка его, врученная Палеологу и Бьюкенену, и приложенный к ней проект сообщения).

английской инициативы спасти Константинополь и Проливы от захвата их ближайшими балканскими соседями, являвшимися орудиями в руках Англии, стремившейся создать такие объективные условия, которые привели бы к интернационализации этого района [1]). Перед этой целью, которая представлялась ему первенствующей, всякие соображения военного характера отступали на задний план.

12. Высадка на Галлиполийском полуострове.—Новые переговоры с Болгарией и с Грецией и их неудача.

Дальнейшее развитие дела находилось под влиянием двух событий: неудачи англо-французской попытки овладеть Галлиполийским полуостровом и успешных действий германо-австрийских войск в Галиции и в районе Ковенской и Курляндской губерний.

Англо-французская десантная операция началась 25/12 апреля, и в первые же дни (25/12—28/15 апреля) продвижение англичан внутрь полуострова (французы действовали на азиатской стороне с целью задержать там части турецких сил) разбилось об отчаянное сопротивление турок, руководимых германскими офицерами под общим начальством Лимана фон-Сандерса, и о недостаток собственных резервов. Контр-атака турок (1 мая/18 апр.—3 мая/20 апр.) и новое наступление союзников (6 мая/23 апр.—8 мая/25 апреля) равным образом не привели к серьезным результатам, и на полуострове установились те же условия позиционной войны, что и на западном фронте. За это время англичане потеряли около 15 тыс. человек убитыми и ранеными, французы около 4 тыс. человек, из общего состава десанта около 60 тыс. человек.

Прорыв армии Макензена на Дунайце совершился 1 мая/18 апреля и отбросил русские войска до Сана, приведя вместе с тем к очищению ими северной Венгрии, законченному к 6 мая/23 апреля—9 мая/26 апреля [2]). Вместе с тем, выяснилось колоссальное превосходство германо-австрийских войск артиллерийским снаряжением при полном истощении не только артиллерийских снарядов, но и запаса винтовок в русской армии [3]). 24/11 мая началось русское отступление из Галиции: 3 июня/21 мая пал Перемышль, 22/9 июня—Львов. А параллельно с этим германо-австрийское наступление ширилось и охватило вскоре весь фронт от Карпат до Балтийского моря.

---

[1]) В телеграмме от 28/15 апр. Савинский, познакомившийся только к этому времени со всем ходом переговоров, констатировал, что «здесь (т.-е. в Софии) имеются указания, что даже (!) Англия не примирилась бы вполне с нашим будущим господством на Проливах», при чем высказал довольно фантастическую мысль, что «чем больше будет у нас помощников (!!) при взятии Константинополя, тем нам будет легче справиться с претензиями каждого из них (!!)». В связи с этим он снова настаивал на желательности привлечения болгар, действуя на них указанием на греческую конкуренцию.

[2]) В Ковенской и Курляндской губерниях 27/14 апр. началось наступление армии Лауенбурга, дошедшей вскоре до Митавы.

[3]) Германским штабом оно было окончательно установлено к 3 июня/21 мая.

Впечатление от обоих этих фактов было чрезвычайно сильно. Достаточно сказать, что, в связи с ним и с опасениями за состояние снаряжения английской армии, в Лондоне наступил 14/1 мая острый правительственный кризис, приведший через неделю к коренной реорганизации кабинета Асквита путем включения в него ряда представителей консервативной партии, при чем Черчилль, на которого возлагалась влиятельными кругами главная ответственность за дарданелльскую операцию, лишился должности первого лорда адмиралтейства.

Само собою разумеется, что торжество германо-австро-турецких войск, весь размер которого по отношению к России в первые дни не поддавался еще полному учету, но которому, разумеется, с первых же дней как по отношению к Дарданеллам, так и по отношению к русскому фронту германская дипломатия и печать позаботились придать широчайшее значение, произвело в рядах колеблющихся нейтральных не менее крупное впечатление, чем в рядах самих союзников. Особенно оно было на руку тем кругам, в частности в Греции и Болгарии, которые и раньше склонялись на сторону срединных империй.

Что касается дарданелльской операции, то оборвать ее теперь же в Англии сочли невозможным, несмотря на всю оппозицию, которую она встречала чем дальше, тем больше, как авантюра не только безнадежная, но и вредная. Решающим соображением послужило, повидимому, опасение рокового для престижа союзников как на Ближнем Востоке, так и среди мусульманского мира вообще впечатления, которое мог бы произвести отказ Англии от ее продолжения. Но раз был признано необходимым продолжать начатое дело, хотя и с сильно подорванной верой в благополучное его завершение, вопрос об усилении десантного отряда иными сухопутными войсками приобретал, очевидно, усиленное значение. При этом особенно возрастала важность участия в деле Болгарии, ибо на Россию при данных условиях не приходилось рассчитывать, а участие греческих войск могло повлечь за собой опасность перехода Болгарии на сторону врагов, — опасность, выросшую и без того, в связи с общим положением дел.

а) Вопрос об участии России.—Загадочный эпизод.

Что касается участия России, то уже 13 мая/30 апреля до Сазонова дошли сведения о возможной переброске на западный фронт намеченного для отправки в Константинополь экспедиционного корпуса, в силу чего он поручил Кудашеву обратить внимание начальника штаба на крайнюю нежелательность с «*политической точки зрения*» отвлечения корпуса «от прямого его назначения», признавая «невозможным, чтобы Царьград, составляющий самое ценное приобретение, которое нам может дать настоящая война, был завоеван исключительно трудами наших союзников, помимо нашего участия». На следующий день Кудашев его, правда, успокоил, что, хотя «намеченный первоначально для Константинополя корпус, действительно, направлен в Галицию, но он уже заменен в Одессе другим», но когда

Сазонов 15/2 мая пожелал узнать, состоит ли последний «из перворазрядных войсковых частей», он получил в тот же день неприятное известие, что «отряд состоит из 3 бригад ополченцев, гвардейского экипажа, 2 морских батальонов, 1 казачьего полка», при чем к этому «следует прибавить 1 кавказскую дивизию», всего около 40 тыс. человек (см. также телеграмму Сазонова Кудашеву от 29/16 мая и весьма пессимистическое письмо к нему Кудашева от 3 июня/21 мая).

«Перворазрядные войска», таким образом, были заменены далеко не перворазрядной, внутренне ничем не спаянной группой разных частей, в которой численно играли большую роль ополченские части, боевое значение которых расценивалось весьма невысоко. Положение на австро-германском фронте не позволяло «мариновать», по выражению Кудашева, войска, собранные в Одессе для будущего десанта у Босфора, и они были использованы на самом важном, т.-е. западном, фронте.

А, между тем, 30/17 мая как раз Ставка внезапно выдвинула загадочное предположение об отправке к Дарданеллам русского отряда силою «до 6.000 человек»... из Владивостока.

При рассмотрении этого предположения, прежде всего, обращает на себя внимание именно то обстоятельство, что мысль о нем возникла в Ставке и притом в такое время, когда трудность положения на австро-германском фронте уже выяснилась с полной определенностью (см. телеграмму великого князя от 30/17 мая Николаю II). Для Николая II вопрос оказался «совершенно новым» и вызвал в нем недоумение. «Не знаю,—телеграфировал он 31/18 мая, — какую пользу принесет участие столь малого отряда в операциях с союзниками у Дарданелл. Напротив, всякое усиление нашего десантного корпуса в Черном море, по-моему, крайне необходимо». В виду этого он признал нужным обсудить вопрос в Петрограде, в частности, с Сазоновым. Дополнительные соображения вел. князя не отличались особой убедительностью. В них говорилось о том, что «посылка намеченного отряда имеет безусловно *моральное значение* в смысле участия в занятии Константинополя одновременно с союзниками, так как босфорский десант возможен лишь после проникновения союзного флота в этот пролив через Мраморное море», а далее указывалось на то, что в виду затяжки в действиях союзников отряд поспеет во-время к месту своего назначения. Об усилении же десантного корпуса в районе Черного моря не говорилось вовсе (см. тел. великого князя Николаю II от 1 июня/19 мая).

Вторая странность этого эпизода заключается в отношении к нему Сазонова, а вслед затем и Китченера. В всеподданнейшем докладе, представленном им Николаю II и сообщенном вместе с тем через Кудашева в Ставку (см. тел. его от 2 июня/20 мая), Сазонов высказался в том смысле, что «*с политической точки зрения*... посылка наших войск к Дарданеллам может соответствовать нашим интересам при условии, что отряд не будет слишком незначителен, ибо иначе намеченная цель не была бы достигнута», а в то же время особенно напирал на необходимость оставить в силе обещание, ранее данное союзникам, относительно черноморского десантного корпуса. Это, очевидно, усилило сомнения Николая II в целесообразности такой сложной

операции, как переправка войск кружным морским путем с Дальнего Востока к входу в Дарданеллы. Однако, во время ближайшего его «визита» в Ставку он по обыкновению дал себя переубедить, и 12 июня/30 мая Янушкевич мог известить Сазонова о согласии его на предложение Ставки, а вместе с тем указал и срок, к которому «по климатическим условиям» могла состояться отправка отряда из Владивостока, а именно 14/1 июля: иначе говоря, высадка отряда у Дарданелл едва ли могла бы совершиться раньше конца августа нов. ст.

О намерении Ставки Сазонов, согласно указанию вел. князя, довел до сведения союзников и, в частности, Англии. И тут мы сталкиваемся с третьей странностью. Она заключается не столько в том, что помощник генерала Вилльямса сообщил Кудашеву, «что лорд Китченер очень недоволен посылкою нашего отряда», так как «провести 4.500 чел. с лошадьми, пушками, обозами причинит англичанам массу хлопот, а пользы делу не принесет»,— сколько в отношении к этому сообщению ген. Данилова. Данилов,—сообщил Кудашев Сазонову письмом от 22/9 июня, — тот самый Данилов, который еще в феврале отнесся так отрицательно ко всякой мысли об отправке каких-либо военных или морских сил к Босфору и к мысли о занятии Константинополя, покуда война с Германией не будет благополучно окончена,— теперь при явно ухудшившихся в последнем отношении условиях, отнесся к сообщению Кудашева о взгляде Сазонова «с необычайной горячностью. Он мне сказал, что, *как русский человек, не может допустить мысли, что при взятии Константинополя не будет русских войск и что, если англичанам наш отряд и причинит хлопоты, то это не беда, этим стесняться не надо, так как они попросту не желают, чтобы мы вошли в Константинополь вместе с ними*». «Это вопрос политический, а не военный,—заметил он,—и в нем и верховный главнокомандующий, и начальник штаба, и я чувствуем одинаково». Мало того: когда Кудашев снова упомянул о взгляде Сазонова на нежелательность отправки слишком слабого отряда, Данилов возразил: «так пусть С. Д. Сазонов так категорически скажет. *Если он возьмет на себя объяснить России допустимость взятия Константинополя без всякого участия наших войск, то это его дело. Но мы (военные) не хотим, чтобы нам было поставлено в упрек,* что мы не могли уделить даже 4.000 человек для этой операции». На возражение же, что принять «символическое» участие в занятии Константинополя Россия могла бы и путем отправки к Босфору десантного отряда из Одессы, Данилов ответил «очень основательным», по мнению Кудашева, доводом, что по его (Данилова) расчетам, *«взятие Константинополя может состояться и без завладения Босфором»,* тогда как одесский десант «может быть высажен *только* [1]*) на Босфоре»,* «а потому, если мы хотим участвовать в церемониале взятия города, то наши войска должны прибыть с юга».

И, наконец, четвертая и величайшая странность! Из ответного письма Сазонова от 25/12 июня Кудашев должен был убедиться, что, в отличие от

---

[1]) Подчеркнуто в подлиннике.

Данилова, в котором внезапно заговорило сердце «русского человека», Сазонов, наоборот, внезапно уверовал, что *«завоевание Константинополя произойдет, главным образом, в интересах России (!!!),—поэтому мы не можем брать на себя ответственность за малейшее стеснение деятельности союзников в этом направлении (!!)»*, а потому, раз Китченер против отправки преположенного отряда, то ему, Сазонову, «кажется безусловно желательным отказаться от таковой посылки», ибо «с политической точки зрения в интересах преследуемой сообща цели необходимо избегать всего, что могло бы хотя бы преходяще бросить тень на добрые отношения между союзниками и вызвать у них подозрение, что мы желаем без особых усилий разделить лавры, доставшиеся им ценой стольких жертв».

Две недели спустя, 7 июля/24 июня, Янушкевич в краткой телеграмме известил Сазонова о том, что накануне Николай II одобрил предположение вел. князя «об отмене отправки нашего экспедиционного отряда в Дарданеллы, в виду встреченных затруднений технического характера», а 9 июля/26 июня Сазонов известил об этом столь же лаконически, через Извольского и Бенкендорфа, Париж и Лондон.

Недостаточность находящегося в нашем распоряжении материала не позволяет вскрыть истинный смысл всех тех бутафорских фраз, которыми обменялись по поводу этого проекта Ставка и Сазонов. Совершенно ясно лишь то, что нельзя придумать лучшего примера правильности известного изречения, что язык дан человеку, чтобы... скрывать свои мысли. Пытаясь проникнуть за кулисы этой буффонады, можно лишь высказать некоторые, более или менее правдоподобные, предположения и сделать некоторые сопоставления.

Что касается мотивов Ставки, то, прежде всего, напрашивается мысль, что перемена ею фронта и проявленный ген. Даниловым страх перед «упреком», который может быть сделан «Россией» «военным», находились в тесной связи с пошатнувшимся ее авторитетом после галицийского прорыва, с одной стороны, и с воздействием на нее, с другой стороны, общественных кругов, влиятельных в государственной думе, созыв которой, несомненно, предстоял. С этой точки зрения могло представляться желательным подогреть доверие к Ставке и к ее умению внимательно блюсти такой «основной интерес России», как приобретение Константинополя. А так как военное положение фактически исключало возможность серьезной самостоятельной операции, то приходилось ограничиваться «символическим» жестом. Вдобавок это давало возможность свести на-нет вопрос об одесском десанте, что и составило сразу предмет опасений Сазонова, и освободить целый корпус для операций на австро-германском фронте, составлявшем по-прежнему предмет первенствующей заботы Ставки.

Быть может, однако, не следует упускать из виду и другое обстоятельство, а именно попытки, исходившие из Германии, как раз в связи с ее громадными успехами на русском фронте, зондировать почву насчет возможности сепаратного мира с Россией. К 27/14 мая относится второе из писем М. А. Васильчиковой на имя Николая II, написанное в Берлине на основании повторных ее бесед с германским статс-секретарем по иностранным де-

лам фон-Яговым[1]). Говоря о сильно увеличившемся стремлении к миру с Россией при острой ненависти к Англии, она, в частности, сообщала, со слов фон-Ягова, что «Россия выиграет гораздо больше, если она заключит благоприятный мир с Германией, *даже в вопросе о Дарданеллах*, который, признает Германия, представляет вопрос первостепенной важности для России... *Англия стремится добиться преобладающего влияния в Константинополе и, несмотря на все ее обещания, она никогда не позволит России захватить этот город или сохранит его за собой, если последняя его займет*».

Как бы ни оценивать степень любезно-верной преданности русских правящих кругов союзникам и степень их готовности не обращать внимания на «здоровый эгоизм», проявлявшийся последними за время войны, едва ли можно допустить, чтобы мысль о сепаратном мире никогда не приходила в голову людей, ответственных за судьбы России, ее династии и ее командующих слоев, и чтобы эта мысль не служила предметом обсуждений, хотя бы и неофициальных, наисекретнейших и оставивших след лишь в памяти их участников и уж, конечно, не в виде каких-либо протоколов, формальных записок и т. п. Круг лиц, ближе осведомленных о разных шагах Германии в этом направлении, был, несомненно, чрезвычайно ограничен, но, тем не менее, общие сведения о них просачивались разными путями еще во время войны в более широкие круги, чему, надо полагать, содействовали и германские власти, в интересы которых входило вызывать в среде врагов неуверенность друг в друге[2]). Весьма естественно, что к числу лиц, наиболее заинтересованных в том, чтобы быть в курсе этих дел, и в то же время располагавших через контр-разведку исключительными средствами получать нужные им сведения, принадлежали «военные люди» в Ставке. Не позволительно ли поставить, в виду этого, в некоторую связь неожиданную телеграмму вел. князя 30/17 мая и недоуменный ответ Николая II от 31/18 мая с письмом Васильчиковой от 27/14 мая, в котором, кстати сказать, содержались, между прочим, весьма нелестные германские отзывы о вел. князе, который «за последнее время делает ошибку за ошибкой и... совсем не жалеет солдат»?

Краткость срока, протекшая между указанными тремя датами, едва ли может служить возражением против этого. В таком случае можно было бы допустить, что предложение вел. князя было направлено против рекомендуемого Васильчиковой сепаратного мира, ибо должно было подкрепить как раз в том пункте, относительно которого фон-Ягов указывал на полное рас-

---

[1]) Уже в первом письме от 10 марта/25 февраля М. А. Васильчикова сообщала,—на основании разговоров «с двумя немцами и одним австрийцем—все трое более или менее влиятельные лица», но «не дипломаты»,—о желательности для срединных империй сепаратного мира и о том, что на ее вопрос: «А Дарданеллы?» ей ответили: «Стоит русскому царю пожелать, и п р о х о д будет свободен».

[2]) Бетман-Гольвег, «Betrachtungen zum Weltkrieg», т. I, стр. 99—101, свидетельствует о том, что ни одна из попыток, сделанных в течение 1915—16 г.г. германским правительством вовлечь русские власти в переговоры о сепаратном мире, не встретила практически никакого отклика. Но из этого, разумеется, не следует, чтобы вопрос в Петрограде вовсе не обсуждался.

хождение английских и русских интересов, военное сотрудничество двух держав. Ведь, видеть в 5—6-тысячном отряде средство для воспрепятствования Англии прочно завладеть Константинополем, а, стало быть, акт, намеренно враждебный по отношению к Англии, очевидно, нельзя. Некоторым подтверждением такой догадки может, пожалуй, служить и последующее поведение Сазонова. Та явно лживая и явно нарочитая елейность, с которой он писал Кудашеву о необходимости «избегать всего, что могло бы хотя бы преходяще бросить тень на добрые отношения между союзниками», заставляет думать, что в Петрограде в этом вопросе совесть не у всех была чиста и что представлялось желательным парализовать уже возникшие в Лондоне или Париже подозрения. Участвовал ли сам Сазонов в обсуждении письма Васильчиковой, дошли ли об этом сведения на запад и происходили ли на эту тему беседы у Сазонова с Бьюкененом и Палеологом, мы не знаем, но весь характер его письма Кудашеву свидетельствует о том, что Сазонов считал на этот раз нужным проявить особую предупредительность по отношению к союзникам. Формальный повод к нравоучительному тону его суждений о союзниках дала ему сама Ставка или, точнее, отношение к ее предположению Китченера, которому опять хотели «навьючить» союзный отряд.

Допуская возможность обоих этих объяснений занимающего нас факта, отнюдь не исключающих друг друга, следует заметить, что во всем этом деле нашло себе выражение ослабление удельного веса военной мощи России в борьбе с срединными империями, а, стало быть, и ослабление ее политического веса в антигерманском союзе. Во Франции и в Англии ожидали, что Россия исполнит роль гигантского «парового катка» (steamroller), который должен пройтись тяжеловесной массой своих многомиллионных армий по восточной Германии, уничтожая на своем пути до самого Берлина всякое сопротивление. Эта роль оказалась ей непосильной. Мало того: не было оснований рассчитывать, что и в будущем, когда русские войска снова будут снабжены достаточным количеством орудий, винтовок, снарядов и т. д., они смогут сыграть роль тарана, пробивающего стены германской твердыни. Не оказались, правда, на предположенной высоте и соединенные силы Франции, Англии и Бельгии на западном фронте. Ошиблись в расчетах друг на друга не только союзники, но и Россия. Однако, западный фронт союзников все же укрепился настолько, что здесь трудно было ожидать глубокого прорыва. На востоке, наоборот, прорыв стал совершившимся фактом, и трудно было сказать, удастся ли его остановить и предотвратить грозившую всей русской армии полную катастрофу, а если удастся, то с какими потерями и на какой, отдаленной от германской границы, линии. Отсюда тревога правительственных и иных руководящих народной жизнью кругов России; отсюда надежда Германии на возможность переговоров о сепаратном мире; отсюда, наконец, изменение во взаимоотношениях держав Антанты. Утрачивая веру в собственную мощь, русские власти начинают в возрастающей степени сознавать зависимость благополучного исхода войны от военной силы союзников и от той помощи, которую они смогут и пожелают оказать России в «затянувшейся» грозной войне. Россия фактически

утрачивает положение равноправного члена Антанты: обратившись еще раньше в силу своих фискальных затруднений к финансовому патронату Англии и Франции, она под влиянием тяжелых поражений постепенно попадает и в военном отношении в положение их клиента. При таких условиях Ставка признает не только возможным, но и политически целесообразным принять «символическое» участие в дарданелльской операции, напоминая тем самым о русских интересах в области Проливов; Сазонов же, учитывая впечатление, которое неизбежно произведет это предложение в Англии, в докторальном тоне проповедует Ставке необходимость полагаться на добрую волю союзников, не прибегая к раздражающим их жестам. Ожидания Сазонова оправдались: в Англии, где, несомненно, о письме Васильчиковой узнали, увидели в предположении Ставки новый знак недоверия к английским намерениям, — недоверия, с которым сталкивались уже не раз, как мы видели, именно в вопросе о дарданелльской операции, а, быть может, и признак успеха противоанглийского, германского влияния и сочли нужным проявить свое недовольство. В результате же Ставке пришлось отказаться от ее плана.

Этим эпизодом ограничился вопрос об участии России в дарданелльской операции, ответственность за которую в Англии поныне старательно возлагают именно на Россию. Тем более возрастало значение Болгарии.

б) Вопрос о Греции.

В то же время, однако, представлялось нежелательным оттолкнуть и Грецию, несмотря ни на подозрения насчет «германофильства» Константина, ни на неблагоприятные Антанте сведения о стараниях греческого генерального штаба убедить сербов в необходимости подготовиться к совместному против Болгарии действию, если только и как только последняя приступит к мобилизации. Так как это само по себе грозило весьма нежелательными последствиями — оттягиванием сербских сил от австрийской границы, если не прямым столкновением враждебных балканских государств, — то Сазонов охотно согласился на предложение Грэя не только довести до сведения греческого кабинета о «крайне отрицательном» отношении двух держав «ко всякому выступлению эллинского правительства, способному вызвать трения его с Болгарией», но и пригрозить ему потерей их «сочувствия и благоволения» (телеграмма Демидову от 27/14 апреля и отв. телегр. Демидова от 29/16 апреля).

Уклонение Франции от участия в этом выступлении двух других держав, сильно обеспокоившем Зографоса, и тот факт, что, — когда, вслед затем, последний обратился 1 мая/18 апреля в Лондон, Париж и Петроград с предложением предоставить союзникам греческий флот с тем, однако, чтобы греческая армия осталась целиком в распоряжении правительства, на случай болгарского нападения (см. тел. Демидова 4 мая/21 апреля), — ответ, по взаимному согласию союзников, был дан ему никем иным, как Делькассэ, показывает, что франко-греческие связи, уже обнаружившиеся во

время предшествовавших переговоров, не оборвались. В то же время, однако, ответ, который Делькассэ был уполномочен своими коллегами в Лондоне и в Петрограде дать греческому посланнику, не мог удовлетворить греческое правительство, ибо содержал согласие трех держав принять сотрудничество Греции в том случае, если оно не будет обставлено никакими условиями. Ответ Зографоса от 5 мая/22 апреля был, по обыкновению, уклончив: в нем указывалось, что Греции раньше, чем принять решение, необходимо увериться, что неприкосновенность ее территории будет уважаться как во время войны, так и в будущем мирном договоре (это снова исключало уступку ею Болгарии Кавалы), что ей будут предоставлены все необходимые денежные и военные средства и что размер территории, которую она приобретет по окончании войны в Малой Азии, будет приблизительно соответствовать тому, на что рассчитывал в свое время Венизелос. «Раздраженный» этими, не слишком скромными, пожеланиями, Делькассэ 7 мая/24 апреля повторил, что Греция должна сделать свое предложение сотрудничества, не выдвигая условий, а ограничиваясь выражением «надежды, что она будет пользоваться благом (beneficiera) *полной солидарности с ее союзниками,* — откуда вытекает гарантия ее территориальной неприкосновенности», — и «вручая полное покровительство своим жизненным интересам трем державам Согласия».

Горячая поддержка, оказанная принцем Георгием, находившимся в Париже, этой несколько туманной и загадочной формулировке, позволяет думать, что устно ему было дано такое ее истолкование, которое, по его мнению, соответствовало интересам Греции. В частности, следует обратить внимание на слова о «полной солидарности с союзниками», на которой Делькассэ советовал грекам строить свои надежды [1]). Дело в том, что когда, несколько месяцев спустя, удалось убедить Пашича согласиться на известные уступки Болгарии за обещанные Сербии по окончании войны огромные приращения на западе и когда Грэй признал необходимым, в виду недовольства среди сербов, «дать г. Пашичу окончательную гарантию насчет территорий, которые Сербия получит в результате победоносной войны», он не только предлагал точно их перечислить, но «сверх того желал, в качестве залога нашей добросовестности, пригласить Сербию сделаться участницей союза 5 сентября» (1914 года), на основании которого державы «согласились, что, когда наступит время обсуждения условий мира, ни одна из союзных держав не поставит каких-либо условий мира, без предварительного согласия каждого из других союзников». В этом, вместе с отказом от сепаратного мира, заключалось все содержание договора, в котором участвовали позднее, кроме трех держав Антанты, лишь Япония и Италия. Предложение Грэя встретило возражения со стороны Италии, и Грэй счел нужным обратиться через посла в Риме к барону Соннино с необычайно настойчивой телеграммой, дабы убедить его в необходимости такого чрезвычайного

---

[1]) Заметим, что об этом говорилось уже в меморандуме Драгумиса от 17/4 апр. См. выше, стр. 54.

шага, о чем он известил и Сазонова (пам. зап. Бьюкенена от 2 августа/20 июля). «Возражения барона Соннино против какого-либо подобного заявления мне вполне известны», — говорилось здесь, — «но я чувствую себя вынужденным обратиться к нему с личным призывом пересмотреть его отношение к делу. Я уже лично обязался насчет приобретения Сербией Боснии и Герцеговины и широкого доступа к Адриатическому морю в Далмации. Сдержанность в вопросе точного определения этих территорий не может сделать это обязательство менее связывающим, оно может лишь сделать его воздействие на сербское общественное мнение менее сильным. Барон Соннино, повидимому, опасается впечатления на итальянское общественное мнение, если он даст свое согласие на вышеприведенные пункты, но ему надлежало бы принять во внимание, что полное согласие Италии на окончательное обязательство (pledge) перед Сербией будет иметь неоценимое значение в деле приобретения приверженности славян, над которыми ей вскоре предстоит властвовать. Оппозиционное поведение со стороны Италии в этом деле ставит ее в неблаговидное положение. Ее, ныне признанные, притязания в Истрии и Далмации уже затруднили нашу задачу на Балканах; они и теперь подвергают нас риску возможной неудачи на Дарданеллах со всеми последствиями, которые явились бы результатом такой неудачи». Горячность тона, столь мало свойственна обычным дипломатическим актам, исходившим от Грэя, разумеется, объясняется, прежде всего, тревогой за все положение на Балканском полуострове и необходимостью преодолеть сопротивление Италии против предоставления Сербии Фиуме, Спалато, Рагузы, Катарро и Сан-Джованни ди Медуа, в качестве действительно «широкого доступа к Адриатическому морю».

Наряду с этим, однако, обращает на себя внимание значение, которое он придавал своему предложению «пригласить Сербию сделаться участницей союза 5 сентября», в качестве «залога нашей добросовестности» и «окончательного обязательства перед Сербией». Ясно, что формальному участию в этом союзе приписывалось особое значение. В связи с этим следует признать вероятным, что слова Делькассэ об установлении «полной солидарности» Греции с *«союзниками»* имели смысл, выходивший за пределы моральных гарантий и «покровительства» греческим интересам, а должны были дать Греции, путем включения ее в число союзников, формальный «залог добросовестности» держав Антанты.

Из этого, однако, не следует, чтобы в Париже решили теперь же исключить всякую возможность о переговорах по части уступки Кавалы Болгарии. Когда Константин, не убежденный советами принца Георгия, поручил последнему 10 мая/27 апреля добиться свидания с Пуанкарэ и получить от него необходимые Греции точные заверения, он указывал ему, что «существо дела заключается в том, чтобы державы Антанты дали нам торжественное обещание, что они сами будут уважать и заставлять других уважать до восстановления мира (т.-е. до заключения мирного договора) нашу территориальную неприкосновенность и что они не допустят никакого ущерба для нее в будущем мирном договоре», и предлагал ему обратить внимание Пуанкарэ на то, «что Греция в праве поражаться, что дружествен-

ные державы, готовые принять ее в качестве союзницы [1]), уклоняются от того, чтобы ясно договориться с нею». Но того, чего добивался Константин, а именно ясного и точного ответа со стороны держав, Пуанкарэ не мог ему дать. С одной стороны, он спросил принца (как сообщил последний Константину 11 мая/28 апреля): «как можете вы вообразить, что мы можем распорядиться какой-либо частью территории союзного государства без его согласия», — из чего логически вытекало, что Греция будет вольна отказаться от уступки Кавалы в любой момент и, в частности, при заключении мирного договора, — а с другой стороны, он заявил, что державы не могут дать требуемого обязательства, дабы болгары, убедившись, что Кавала для них потеряна, не встали на сторону врагов [2]). В результате Зографос известил 13 мая/30 апреля державы Антанты, что Греция вынуждена отказаться от вступления в войну, но сохранит, по-прежнему, благожелательный им нейтралитет.

в) Переговоры с Болгарией.

Формальная инициатива переговоров Болгарии с Антантой, начавшихся уже 27/14 апреля, т.-е. тотчас после высадки на Галлиполийском полуострове, принадлежала Болгарии в лице ее посланника в Лондоне, осведомившегося у Грэя об ответе держав на предшествовавший запрос его правительства, какие точные предложения они готовы ему сделать, так как без таковых оно не будет в состоянии в будущем к ним присоединиться. Заявив, что без совещания с союзниками он не в состоянии дать ответа, Грэй в дальнейшем разговоре признал, что «уступка Кавалы может оказаться не невозможной», несмотря на то, что «Грецию в таком случае придется компенсировать в районе Смирны, т.-е. за счет Великобритании», имеющей лишь в этом районе Малой Азии железнодорожные интересы. В общем же он настаивал на том, что инициатива по вопросу о сотрудничестве должна исходить от болгарского правительства, которое должно убедить союзников в искренности своих желаний (пам. зап. Бьюкенена Сазонову 29/16 апреля).

Официального обращения болгарского правительства за этим, правда, не последовало, однако, 7 мая/24 апреля Бьюкенен мог известить Сазонова памятной запиской о разговоре, состоявшемся 4 мая/21 апреля между британским военным атташе в Софии и военным министром Фичевым, который считался и позднее сторонником сотрудничества с Антантой. Фичев, указав на эту свою точку зрения, высказанную и в совете министров, настаивал, что «для того, чтобы после тяжелых жертв и разочарований, причиненных Болгарии последними войнами, вызвать энтузиазм, необходимо дать нации определенный объект борьбы. Предыдущие войны велись *во Фракии ради Македонии,* но если такая кампания (т.-е. новая война ради Македонии во Фракии, а не в Сербии) должна быть повторена, они (нация) должны получить окончательные заверения (definite assurance), что на этот раз нацио-

---

[1]) См. Abbott, стр. 38. До этого в официальной переписке шла речь о сотрудничестве, о том, что Греция соединит свою судьбу с державами и т. п.

[2]) См. там же, стр. 39.

нальные пожелания будут достигнуты». Отсюда вытекало требование гарантии державами линии Энос—Мидия во Фракии, линии 1912 года в Македонии и части Добруджи.

Лишний раз, таким образом, союзные державы встретились с изначальными и неизменными требованиями не только болгарского двора, но и болгарского общественного мнения, неустранимость которых признал Сазонов еще в начале августа 1914 г. Если Кавала в числе их не была упомянута, то не потому, что в Болгарии были готовы отказаться от гавани, которая имела для нее большое экономическое и стратегическое значение, а потому, что вопрос о ней уже считался поставленным на благоприятную почву первой беседой с Грэем. На этот раз, однако, Грэй решил не дожидаться, пока союзные правительства согласуют свой дальнейший образ действий, а поручил,— без ведома Сазонова, который узнал об этом из телеграммы Савинского 11 мая/28 апр. и вслед затем из памятной записки Бьюкенена от 12 мая/29 апр., — британскому посланнику в Софии, пресловутому Айронсайду, «*неофициально*» уведомить Радославова, что «во всех дискуссиях с другими государствами (речь шла о Греции и Румынии) относительно возможного их участия в войне, мы заботливо избегали связывать себя какими-либо условиями, которые воспрепятствовали бы нам поддержать законные болгарские пожелания», но что «чем больше уходит времени без каких-либо дружественных указаний (indication) со стороны Болгарии, тем труднее будет держать для нее дверь открытой». «Это *неофициальное* сообщение *исторгло* (elicited) у премьер-министра обещание, что Болгария присоединится к союзникам, если они обеспечат ей как спорную, так и бесспорную зону в Македонии (первая включает Куманово, Ускюб и Дибру), вместе с Кавалой, Сересом и Драмой. Если Болгария этого не получит, она останется нейтральной» [1]).

«Неофициальное» сообщение Айронсайда Радославову, состоявшееся, повидимому, 9 мая/26 апр., повергло бедного Савинского, не привыкшего и раньше к тому, чтобы его держали в курсе дела [2]), в полное недоумение, тем более, что Айронсайд поставил о нем в известность как его самого, так, повидимому, и французского посланника Панафье, только дня через два после того, как оно состоялось. При этом он доставил себе дешевое удовольствие добавить, «в виде объяснения» своего поведения, мало корректного, с точки зрения «союза» и прежней его практики в Болгарии, где предоставлялась первенствующая роль России, «что Англия форсирует Дарданеллы в интересах России, что цель этой тяжелой операции предоставить нам Константинополь и что для уменьшения жертв нужно скорейшее выступление Болгарии» (см. тел. Савинского от 11 мая/28 апр.).

Сэр Эдуард Грэй отплатил, таким образом, Сазонову за его мартовскую победу над его проектом вступить, опираясь на греческую армию, в

---

[1]) Вслед затем высказывается сомнение в возможности гарантировать Болгарии сверх бесспорной, также и спорную зону.

[2]) См. выше, стр. 69 и 75.

Константинополь; отплатил и за саботаж его предыдущей попытки привлечь Болгарию на сторону Антанты, — отплатил в полном сознании, что с событиями в Галиции наступила та катастрофа русской армии, которую Ллойд-Джордж и Черчилль предсказывали с начала года, и что Сазонову на этот раз придется капитулировать. Об этом свидительствует конец памятной записки, врученной Сазонову 14/1 мая, в которой сообщалось о том, что Грэй ответил несколько уклончиво на запрос болгарского посланника в Лондоне относительно судьбы спорной зоны в Македонии, как подлежащей совместному обсуждению союзных держав, а также относительно готовности их гарантировать Болгарию, в случае ее присоединения к союзникам, против нападения со стороны Греции и Румынии. «Сэр Эдуард Грэй, — говорилось здесь, — был бы рад узнать взгляды г. Сазонова: он предполагает, что будет невозможно дать какое-либо обещание насчет спорной зоны и что, пожалуй, несвоевременно торопить болгарское правительство *в момент, когда русские войска отступают в Галиции*. «Настоящий момент неблагоприятен для переговоров (с Болгарией), принимая во внимание отступление русских войск в Галиции», — повторяет новая памятная записка от 15/2 мая. Вслед затем Сазонов извещается о мнении весьма видного болгарского деятеля Геннадиева относительно необходимости для Болгарии «иметь Кавалу, хотя она и не рассчитывает получить спорную зону», а вместе с тем о том, что «в виду того факта, что всякая железнодорожная линия от Софии до Кавалы может быть проведена лишь через Серес и Драму» (из коих обладание в особенности Сересом стратегически угрожало греческим Салоникам), — «обладание этими последними пунктами также включается в обладание Кавалой». 19/6 мая последовало новое давление Грэя. В этот день Сазонову по поручению Грэя опять была предъявлена памятная записка, в которой сообщалось о том, что Грэй получил из Софии телеграмму, «настаивающую на желательности сделать Болгарии окончательное письменное предложение», и потому предлагает дать соответственные инструкции посланникам трех держав. «Выбор момента... мог бы быть предоставлен сэру Г. Бакс-Айронсайду, как предлагал г. Геннадиев», при чем «было бы, однако, желательно (но, стало быть, не необходимо), чтобы французский и русский посланники получили инструкции присоединиться к действию, предпринятому посланником его (великобританского) величества». Содержание предложенного Грэем сообщения определялось при этом так: «В обмен на сотрудничество Болгарии против Турции, союзные державы соглашаются на немедленную оккупацию и владение Болгарией Фракией до линии Энос—Мидия. Союзные державы гарантируют Болгарии по окончании войны часть Македонии между нынешними границами Греции и Болгарии и линией Эгри-Паланка—Сопот—Охрида, включая город Эгри-Паланка, т.-е. т. наз. бесспорную зону». В тот же день 19/6 мая Сазонов с некоторыми формальными, по существу, оговорками принял эту программу действий и препроводил ее Савинскому, отказавшись, вместе с тем, поневоле, поскольку и инициатива выступления, и форма его свидетельствовали о первенстве Великобритании, от многолетних притязаний России на своего рода права первородства в Болгарии (тел. Сазонова Савинскому от назв. числа).

Тем временем, переговоры союзников с Болгарией, — отчасти благодаря им самим, отчасти независимо от них, — стали известны в Сербии и в Греции. Пашич, опираясь на обсуждение дела совещанием, в котором участвовали король Петр с престолонаследником, нынешним королем Александром, совет министров и другие выдающиеся государственные и общественные деятели Сербии, известил 28/15 мая посланников Антанты о своем отрицательном отношении к их предположениям относительно уступок македонских территорий Сербии ради вовлечения Болгарии в войну против срединных империй. Он настаивал на том, что это решение имеет окончательный характер и что никакое иное сербское правительство не отступит от него, о чем свидетельствует тот факт, что нынешний кабинет включает в себя представителей всех политических партий Сербии.

Греческое правительство пошло еще дальше. Тем же числом, что сообщение Пашича, был помечен торжественный протест его перед державами Антанты против их образа действий. Последний казался кабинету Гунариса безусловно «противоречащим принципам справедливости и свободы, провозглашенным державами Антанты», а потому ему представлялось «абсолютно невозможным (для них) ограбить (dépouiller) нейтральное государство, вдобавок государство, благожелательный нейтралитет коего был столь постоянно полезен союзникам, с тем, чтобы купить за счет его территорий помощь народа, который до сих пор сделал все, что он мог, для того, чтобы помочь врагам Антанты». «В силу какого права и на каком основании могут они изувечить нашу страну?.. Все это дело представляет невообразимое оскорбление (наших прав): оно доказывает, что наши опасения были обоснованы и наше требование гарантий было абсолютно необходимо» [1]).

При таких условиях неудивительно, что выступление представителей Антанты в Софии, последовавшее 29/16 мая, не имело успеха.

Ответ на предложение трех держав заставил себя ждать до 15/2 июня. За это время Савинский мог донести Сазонову о разных сомнениях, возбужденных этим предложением в болгарском обществе. Они касались обязательства для Болгарии выступить «со всеми вооруженными силами» без гарантирования Болгарии от нападения на нее со стороны Румынии и Греции, получения Болгарией компенсаций лишь при условии территориального расширения Сербии, ограничения размера компенсаций «бесспорной» зоной Македонии (тел. Савинского от 3 июня/21 мая, № 308), — наконец, опасения, как бы болгар не заставили продолжать войну с Турцией и после падения Константинополя, т.-е. в Малой Азии и даже на Кавказе (тел. его же от того же дня № 309 и ответн. тел. Сазонова от 5 июня/23 мая). Но центр тяжести заключался, несомненно, не в этом, а в огромном впечатлении, произведенном русскими поражениями, которые вместе с положением дел на западном фронте и на Дарданеллах усиливали ожидание конечной победы Германии. На этом фоне яростные возражения Сербии и Греции против ожидаемых от них уступок в пользу Болгарии получали естественно усиленное значение (см. шифр. телегр. Грэя Бьюкенену 27/14 июня).

---

[1]) Abbott, указ. соч., стр. 41. Записка была вручена Сазонову 31/18 мая.

Неудовлетворительность болгарского ответа, в котором высказывалось пожелание уточнения сообщения Антанты по ряду вопросов, заставила английский кабинет обратить свои взоры на Румынию, а поскольку речь шла о Дарданеллах, снова и на Грецию, хотя переговоры с Болгарией и не были оборваны [1]). После свидания ответственнейших английских и французских министров, состоявшегося в первых числах июля в Калэ, Бенкендорф телеграфировал 3 июля/20 июня, что там «сошлись во мнении, что в настоящий момент имеется больше шансов заставить Румынию вступить в войну, чем Болгарию, и что немедленные шаги должны быть предприняты не в Софии, а в Бухаресте... Скептицизм по отношению к Болгарии заметно усилился за последнее время», а потому, «предлагаемые Болгарии условия, еще более определенные чем те, которые были уже сделаны, имея мало шансов быть полезными, представляли бы весьма серьезные неудобства, вследствие впечатления, которое они произвели бы в Сербии и Греции». О том же говорила и памятная записка, врученная Бьюкененом Сазонову того же 3 июля/20 июня.

Несколько дней спустя — 8 июля/25 июня — Демидов уже извещал Сазонова о том, что ему «доподлинно известно», что, в связи с весьма вероятным возвращением к власти Венизелоса, английское правительство снова собирается поднять «со свойственной ему настойчивостью», вопрос о присоединении Греции к союзным державам.

Прибавив к этому совершенно справедливо, что «затяжка военных операций у Дарданелл и мало надежный исход переговоров с Болгарией придает несколько бо́льшую цену греческому выступлению», он испрашивал указаний насчет «допускаемого (Сазоновым) при создавшихся условиях предела греческого содействия и формы его проявления», т.-е., в частности, о допустимости участия греков в дарданелльской операции сухопутными войсками.

Вскоре, однако, по неподдающимся сейчас выяснению причинам, тайна которых пока погребена в лондонских и парижских архивах, снова наступил поворот в сторону Болгарии. В то время, как английское правительство не затруднилось прибегнуть по отношению к Греции к такому крутому приему, как захват острова Митилены (Лесбоса) «в качестве базы для операции против Дарданелл», о чем сэр Фр. Эллиот известил 25/12 июля греческое правительство (см. тел. Демидова Сазонову от 27/14 июля), оно же решило

---

[1]) Об этом свидетельствуют, напр. пам. зап. английского посольства Сазонову от 20/7 июня, содержащая резюме решений, к которым пришло совещание посланников трех держав в Софии, и вторая памятная записка того же посольства от того же дня, в которой Грэй уже предлагал свой «уточненный ответ», контрпроект Сазонова в форме такой же памятной записки посольствам Франции, Англии и Италии от 21/8 июня с согласием на включение Сереса и Драмы в район уступаемой Болгарии Кавалы, его же памятная записка посольствам трех держав от 29/16 июня, в которой он соглашался с Грэем относительно неудобства уточнить предложения, сделанные Болгарии, дабы не произвести в Сербии и Греции неблагоприятного впечатления, но настаивал на «сомнительности» сотрудничества Греции и нецелесообразности сообщать ей о результатах переговоров в Софии, его же памятная записка тем же от 10 июля/27 июня, в которой он констатирует, что «он никогда не имел в виду прибегнуть к силе оружия с тем, чтобы заставить Сербию или Грецию уступить Македонию Болгарии» и т. д., и т. д.

сделать новую попытку воздействия на Болгарию путем предоставления ей за немедленное объявление войны Турции: 1) оккупации части «бесспорной» зоны Македонии с тем, что вопрос об остальной части этой зоны, а также и о «спорной» зоне будет решен при заключении мира, 2) Фракии до линии Энос—Мидия и 3) Сереса. Сверх того, оно предлагало обещать Болгарии рассмотреть в благоприятном для нее смысле вопрос о Кавале, при условии отказа ее от Салоник, Кастории и Водены. Этот бесконечный торг с переторжками возбуждал, повидимому, в Петрограде, чем дольше он длился, тем меньше доверия к возможности достигнуть им каких-либо результатов, а сверх того, руководящее положение, занятое Англией в деле переговоров с Болгарией, и нажим, который она предлагала предпринять преимущественно на Сербию и лишь во вторую очередь на Грецию, естественно должны были действовать раздражающим образом на русские правящие круги. В связи с этим английский кабинет счел нужным прибегнуть к столь мало «конституционному» средству, как к личной телеграмме Георга V Николаю II от 28/15 июля, в которой Георг настаивал на том, что немедленное сотрудничество Болгарии имело бы величайшее значение для обеспечения успеха операций в Дарданеллах и что «нужно приложить все усилия, чтобы его гарантировать», а вместе с тем выражал «искреннюю надежду», что Николай «найдет возможным уполномочить свое правительство согласиться на предложенные шаги в Нише и Софии и пошлет соответственное письмо сербскому престолонаследнику в сознании, что «чрезвычайно важно для нашего дела, чтобы союзные силы, оперирующие в районе Проливов, были бы способны закончить эту операцию в наикратчайший срок». В ответной телеграмме от 30/17 июля Николай II «вполне признал» необходимость участия Болгарии, но выразил сомнение в том, что его письмо принцу Александру «могло иметь какой-либо результат». Не желая, чтобы на него и Россию в Сербии возложили неприятную ответственность за уступки, которые «уже раньше» вызвали «сопротивление сербов», поддержанное в свое время самой же Англией, он выразил весьма естественное желание, чтобы одновременно с ним обратились в Ниш как сам Георг, так и Виктор-Эммануил и Пуанкарэ.

Тем не менее, письмо в Сербию было отправлено, — правда, с заметным запозданием и притом, по совету российского посланника кн. Трубецкого, не на имя принца Александра, а на имя короля Петра сербского (10 авг./28 июля), а до этого 3 августа/21 июля состоялось очередное выступление союзных держав — Англии, России, Франции и Италии — в Софии. Единственным результатом были новые сомнения болгарского правительства, воспользовавшегося тем фактом, что одна из участвовавших в выступлении держав, а именно Италия, к тому времени сама еще не объявила войны Турции, против которой предлагали выступить Болгарии (см. шифр. тел. великобритан. посл. в Софии О'Бейрна Грэю от 5 авг./23 июля), и что, сверх того, еще неизвестно, подчинятся ли Сербия и Греция требуемым Антантой с их стороны уступкам (тел. Савинского от 4 авг./22 июля). А в то же время одновременные с софийским выступлением Антанты выступления ее в Сербии и Греции привели в Нише к длительным переговорам с Сербией, к которым Пашич считал себя, по его собственному заявлению, вынужден-

ным, в виду полной зависимости Сербии от Антанты [1]), а в Афинах — 12 авг./30 июля к решительному протесту правительства против того насилия, которое собираются совершить державы Антанты над нею. Зная об этих затруднениях союзных держав, Радославов, давно уже вместе с королем Фердинандом поставивший свою ставку на срединные империи, спокойно мог заверить Савинского в том, «что свой ответ на наши предложения он ставит в зависимость от исхода переговоров в Афинах, и особенно в Нише, и ранее, чем этот исход выяснится, ответа не последует» (тел. Савинского Сазонову 12 авг./30 июля).

Тем временем, новая попытка английских десантных сил овладеть Галлиполийским полуостровом, предпринятая 6 авг./24 июля, едва ли не с намерением оказать решающее воздействие на балканские государства, однако снова без достаточного расчета сил, привела к новому—далеко не единственному и, пожалуй, даже не наиболее крупному, но наиболее важному по своим последствиям — поражению. Чрезвычайно кровопролитные бои 6 — 10 авг. (24—28 июля), 15/2—16/3 авг. и 21/8 авг. стоили десантному отряду, общая численность которого достигла к этому времени приблизительно 120 т. человек, около 45 т. человек убитыми и ранеными, побудили ген. Гамильтона требовать подкреплений в 50 т. человек и фактически решили судьбу дарданелльской операции [2]).

6 сент./24 авг. в Плессе был заключен союзный договор Болгарии с Германией и Австрией. 10 сент./28 авг. Радославов открыто заявил об этом факте. 15/2 сент., когда вопрос уже был окончательно и бесповоротно решен, Антанта сделала еще одно, и последнее, — нелепое при данных условиях — предложение, дабы привлечь Болгарию на свою сторону. 21/8 сентября была объявлена мобилизация Болгарии, а 4 окт./21 сент. Савинский предъявил болгарскому правительству безнадежный русский ультиматум, за которым последовало вступление Болгарии в войну на стороне Германии, Австрии и Турции.

Еще до этого определилось крушение последних надежд Антанты на Грецию, несмотря на то, что 3 авг./21 июля Венизелос, вследствие благоприятных в общем результате выборов в новую палату [3]), снова стал во главе греческого правительства. Отношение его к уступкам в пользу Болгарии было всегда по меньшей мере столь же враждебное и неуступчивое, как и отношение Пашича. Получив извещение от Пашича об условном согласии на уступки, на которых настояла Антанта, Венизелос тотчас 31/18 авг. опротестовал такое решение Сербии, как противоречащее смыслу греко-сербского союза, а именно территориальному равновесию на Балканском полуострове и взаимной гарантии владений. Однако, поведение Болга-

---

[1]) Ответ был дан лишь 1 сент./19 авг. и содержал обычные оговорки относительно обеспечения Сербии хорватских земель, части Баната и «самоопределения» словенцев, т.-е. поглощения Далмации, на более или менее значительную часть которой претендовала Италия, будущим велико-сербским государством.

[2]) Churchill, т. II, стр. 452.

[3]) В 1910 г. он собрал 146 голосов из 182, при выборах 1915 г. лишь 185 из 314.

рии и сведения о концентрации германо-австрийских войск на северной границе Сербии предвещали предстоящий удар по Балканскому полуострову. Взволнованные этой перспективой и, в частности, тем, что «при таких условиях союзникам придется очистить Галлиполи, потерпев громадный нравственный урон», представители Антанты в Афинах «зондировали почву относительно положения, которое в таком случае займет Греция». При этом выяснилось, что для отказа Греции от нейтралитета потребовалось бы создание оборонительного союза Румынии, Греции и Сербии против Болгарии (тел. Демидова Сазонову от 15/2 сент.) или посылка союзниками в дополнение к 150 т. греческой армии, которая могла бы быть двинута на север для поддержки сербов или, «дабы покончить с турками, для похода на Константинополь», еще 150 т. «европейских, а не колониальных войск» (две тел. его же от 22/9 сент.). Уже 24/11 сент. был получен телеграфный ответ, что требуемый союзный отряд будет послан, а вслед затем и известие о том, что головная часть отряда уже посажена на суда и направляется в Салоники. Быстрота действий союзников, не соответствовавшая взглядам короля, привела к формальному протесту Венизелоса от 1 окт./18 сент., а так как союзники не обратили на него внимания и начали высадку своих войск в Салониках на следующий день, 2 окт./19 сент., то в Греции наступил новый правительственный кризис, и Венизелос подал в отставку. Новый кабинет Заимиса известил державы, что Греция остается нейтральной [1]).

Салоникская операция служила началом новой главы в борьбе союзников за Балканский полуостров. Дарданелльская же операция была тем самым прервана. После нескольких колебаний английского кабинета 12 дек./29 нояб. было принято окончательное решение очистить Галлиполийский полуостров. Ночью с 19/6 на 20/7 дек. и с 7 на 8 янв. (25—26 дек.) последние английские войска были посажены на суда. «Английское предприятие» пришло к бесславному концу. Широко распространенное убеждение, что «раз ввязавшись в него, Англия ни за что от него не откажется, а доведет его до благополучного окончания», не оправдалось.

II. Вопрос о перемирии или мире с Турцией и вопрос об организации временного управления Константинополем.

(1915 г.).

1. Вопрос о перемирии или мире с Турцией.

Предположения о возможности сепаратного мира держав Антанты с Турцией возникали за время войны не раз. Наиболее серьезный характер они имели весной 1915 г. в связи с дарданелльской операцией и весной 1916 г. в связи с взятием русскими войсками Эрзерума и Трапезонда и продвижением их как в Малой Азии, так в Курдистане и в Месопотамии, — иначе говоря, в такие моменты, когда влиятельные правительственные и оппозиционные круги тогдашней Оттоманской империи имели основание сомне-

[1]) См. «Европейские державы и Греция». М. 1922.

ваться в возможности поддержать ее существование в прежнем ее виде и объеме.

Дарданелльская операция должна была произвести в Турции огромное впечатление и возбудить естественное желание парализовать англо-русское единение, степень глубины которого едва ли не преувеличивали именно в Турции, в частности по вопросу о Проливах.

Характерной чертой рассуждений тех из представителей держав Антанты, которые были готовы вступить в переговоры с турками, является надежда на переворот в Константинополе, с одной стороны, и на возможность содействовать как перевороту, так и миру путем излюбленного средства европейской дипломатии на всем Востоке, а именно путем системы подкупов, с другой стороны (см. тел. Извольского Сазонову от 25/12 февр., Сазонова Бенкендорфу от 27/14 февр.).

Более интересной, однако, чем сведения этого рода, является «программа действий союзных правительств», выработанная Сазоновым совместно с Палеологом и Бьюкененом, «на случай обращения Порты с просьбой о мире под влиянием прорыва союзного флота через Дарданеллы» (тел. Сазонова Извольскому и Бенкендорфу от 28/15 февр.). Чрезвычайно показательно в ней прежде всего первое ее положение, согласно которому союзные правительства ответят, *«что они не заключат отдельного мира с Турцией, пока Австро-Венгрия и Германия не положат оружия»*, в силу чего речь может итти только о перемирии. Мотивы держав, на первый взгляд, мало понятны: почему, в самом деле, нельзя было согласиться на формальное и окончательное закрепление выхода Турции из стана врагов?

Ответ подсказывается частью условиями перемирия, частью соотношением интересов держав в данный момент.

Основной особенностью предположительного перемирия является то, что оно рассчитано лишь на район Проливов и Константинополя: лишь *«в случае надобности может быть заключено отдельное перемирие и для других театров военных действий»*, т.-е. для Закавказья, района Персидского залива, Египта, Сирии с Киликией, а также Малой Азии со Смирной. Условия основного дарданелльско-константинопольского перемирия при этом чрезвычайно тяжелы. Среди них фигурируют наряду с разоружением турецких батарей, уцелевших на Дарданеллах и на Босфоре, и с удалением мин из пределов двух Проливов, не только «немедленная сдача германских судов» (военных и коммерческих) и «немедленная выдача» всех германцев, находящихся на турецкой службе, но и «согласие Порты на стоянку союзных эскадр перед Константинополем», а также «сдача тех укрепленных пунктов, занятие коих начальниками союзных эскадр (подчиненных, как мы видели, формально английскому командованию) [1]) было бы сочтено необходимым для безопасности их эскадр и для поддержания порядка в Константинополе».

Совершенно ясно, что принятие таких условий было бы равносильно полной капитуляции центрального оттоманского правительства, которое с этого момента очутилось бы как бы в плену и было бы вынуждено пойти на

---

[1]) Ср. выше, прим. 1 на стр. 44.

какие угодно условия дальнейших «перемирий», предписанных ему в других местах союзниками.

Тем самым «союзные правительства», а, в первую очередь, английское— в районе Персидского залива и соседней с Египтом Сирии, и русское — в районе, прилегавшем к *Закавказью,* сохраняли за собою право устанавливать выгодные для них faits accomplis, которые затем можно было закрепить в условиях перемирий. В наихудшем положении оказалась бы в таком случае Франция, нигде не имевшая смежных с Турцией границ, а, стало быть, и войск, которые могли бы продвинуться в турецкие области и приобрести если не окончательное господство в этих областях, то ценные «залоги» для будущих переговоров. Именно потому Делькассэ, как сообщал Извольский 1 марта/16 февраля, отнесся с особой осторожностью к «программе действий», выработанной в Петрограде, и признал необходимым *«заранее сговориться» как относительно «дальнейшей судьбы азиатских владений Турции»,* так и относительно «совместной оккупации» Константинополя и его окрестностей, которая могла бы оказаться необходимой в том случае, «когда союзники подойдут к Константинополю и не найдут там турецкого правительства», о намерении которого перебраться, в случае надобности, в Малую Азию уже было известно [1]).

Последним вопросом Делькассэ затронул, несомненно совершенно сознательно и намеренно, самый слабый, с точки зрения России, пункт «программы действий», уклонившись вместе с тем весьма ловко, ссылкой на возможность бегства турецкого правительства, от прямого указания на неизбежность или хотя бы возможность коллизии английских и русских интересов. А, между тем, все данные для таковой содержались в самой «программе», освященной Сазоновым. Уничтожение всех средств обороны Константинополя как со стороны Дарданелл, так и со стороны Босфора, вместе с пребыванием союзной, т.-е. прежде всего английской, эскадры у Константинополя было по существу дела равносильным установлению английского господства во всем районе Проливов. Покуда длилась война с Германией, Англия, разумеется, была не менее Франции заинтересована в сохранении дружеских отношений с Россией. Но, именно в виду опасения, что, добившись Константинополя, Россия может подвергнуться искушению считать основную цель войны для себя достигнутой и ослабить свою энергию в борьбе с Германией, Франция не желала заключать теперь же мир с Турцией и обусловила в дальнейшем свое согласие на водворение России в районе Проливов таким исходом всей войны в целом, который обеспечил бы ей по меньшей мере равноценные результаты в других местах, а пока что ставила вопрос о «временной» оккупации этого района на ближайшую очередь.

Опасность создавшегося, таким образом, положения поняли как Николай II, признавший тот пункт «программы», в котором говорилось о согласии Порты на стоянку союзных эскадр перед Константинополем, чем обеспечивалось практически господство над Константинополем англичан, «лишним», так и Ставка, не увлекавшаяся, в отличие от Сазонова, возмож-

---

[1]) См. также тел. Извольского Сазонову от 4 марта/19 февр.

ностью создавать выгодные для России faits accomplis в Малой Азии, а мечтавшая лишь о скорейшем выводе с Кавказа возможно большей части расположенных там войск на австро-германский фронт: телеграммой от 2 марта/17 февр. Янушкевич известил Сазонова о «повелении» вел. князя, напомнившем мин. ин. дел о том, что «по закону, заключение перемирия входит в круг прав верховного главнокомандующего». Центр тяжести забот вел. князя, однако, по-прежнему заключался в чисто военной задаче—снять с Кавказа возможно большую часть из тех 150 батальонов, которые были связаны там участием в войне с Турцией. Для того, чтобы направить их «*по соглашению с союзниками на Балканский полуостров* или на западный фронт, нужна достаточная гарантия», а именно: 1) включение в число укрепленных мест, которые должны быть сданы турками, Чаталджинских позиций, командующих с севера над всем районом Константинополя и Босфора вообще, и обезоружение Адрианополя — основного форпоста Константинополя — с севера, 2) *распространение перемирия на малоазиатский фронт «с обезоружением верков Эрзерума» и отходом турецких войск к юго-западу от этой крепости* [1]).

Нельзя сомневаться в том, что Сазонов и сам понимал важность всех этих оговорок. Его ответная телеграмма Янушкевичу от 3 марта/18 февр. намекает на то, что выработка пресловутой «программы действий» произошла под влиянием настойчивых пожеланий союзников. По его словам, его согласие на «программу» было вызвано «*желанием избегнуть разногласий между нами и нашими союзниками, озабоченными не заключать отдельного мира с Турцией, ибо*» — такова была, очевидно, сущность аргументации «союзников» — «*таковой до победы над Германией не будет прочным*». В то же время он успокаивал Ставку, указывая на то, что «*намеченные в общих чертах пункты перемирия столь тяжки, что турки добровольно не согласятся принять их*», и что пожелания Ставки относительно Чаталджи и дополнительного перемирия касательно «малоазиатского фронта» (и Сирии) покрываются предположительными условиями перемирия [2]).

Практически вопрос о перемирии или мире с Турцией остался, поскольку речь касалась России, в том положении, которое было предрешено соглашением Сазонова с Палеологом и Бьюкененом. Делькассэ, разумеется, согласился с «программой» Сазонова, хотя и заявил, что она «не исключает, в случае надобности, введения в перемирие еще других условий, сообразно с обстоятельствами» (см. тел. Извольского Сазонову от 4 марта/19 февр.). Грэй воздержался от ответа. Западные державы практически подтвердили свое намерение уклониться от немедленной передачи России «ключей к ее дому» и воспользовались, в лице Франции, случаем поставить на оче-

---

[1]) См. телеграмму вел. князя Николаю II от того же 2 марта/17 февр. Центр тяжести ее заключается в заявлении, «что нам совместно с союзниками следует настаивать на заключении мира с Турцией, так как только подобное решение даст возможность без риска все освободившиеся силы наши и союзников направить против Австрии и Германии».

[2]) См. также две телеграммы Сазонова Извольскому и Бенкендорфу от 1 марта/16 февраля.

редь вопрос о разделе Азиатской Турции, с одной стороны, и вопрос об организации совместного оккупационного управления Константинополем, с другой стороны. Последнее было равносильно «временной» интернационализации Константинополя, соответствовавшей истинным намерениям как Англии и Франции, так и трех балканских государств — Румынии, Болгарии и Греции, — так, наконец, Италии и Соединенных Штатов, уже начавших проявлять живой интерес к эксплоатации естественных богатств Оттоманской империи [1]).

2. Вопрос об организации „временного" управления Константинополем.

На формальную почву дипломатических переговоров между тремя державами Антанты вопрос об организации «временного» управления Константинополем был поставлен 12 марта/27 февраля 1915 г. памятной запиской Палеолога Сазонову. Тот факт, что вручение ее совпало по времени как раз с вручением Сазонову памятной записки великобританского посольства, констатировавшей признание Грэем, при известных условиях, русских требований [2]), очевидно, не был случайным. Принципиальному признанию прав России тем самым противополагался «в ожидании момента заключения мира, который сделает возможным установление окончательного режима», *план временного управления, построенный на принципе соблюдения «интересов каждой из держав Тройственного Согласия»*.

Этот вопрос, несомненно, беспокоил Сазонова еще раньше в связи со всем характером русского участия в дарданелльской операции и возникавшим отсюда крайне неблагоприятным для России соотношением сил на Ближнем Востоке. Об этом свидетельствует выработанный им, по соглашению с генеральным и морским штабами, «проект временного, на первых порах, занятия Константинополя» союзными отрядами, представленный им 7 марта/22 февр., через Кудашева, на утверждение верх. главнокомандующего и одобренный последним (тел. Кудашева Сазонову от 8 марта/23 февр.). Да и независимо от этого, и даже если бы он забыл о нем за множеством

---

[1]) Желание Соединенных Штатов подчеркнуть свою заинтересованность в Константинополе проявилось в их предложении, сделанном «в интересах безопасности нейтральных», об установлении в таких важных кварталах, как Пера, Стамбул и Скутари «нейтральных зон» (см. шифр. тел. посла С. Шт. в Лондоне послу их в Петрограде от 13 марта/28 февраля, памятн. зап. последнего Сазонову от 15/2 марта, шифр. тел. Грэя Бьюкенену от 16/3 марта, пам. зап. Бьюкенена Сазонову от 17/4 марта). Предложение было отвергнуто верх. главнокомандующим, как «неосуществимое с точки зрения военных требований» (см. пам. зап. Сазонова Бьюкенену и Палеологу от 20/7 марта, тел. его Извольскому и Бенкендорфу от 21/8 марта, шифр. тел. Бьюкенена Грэю от 21/8 марта, тел. Извольского Сазонову от 23/10 марта и тел. посла С. Шт. в Петрограде статс-секретарю по иностр. делам Брайану от 29/16 марта). Об американском предположении 1917 г. приступить к новой операции в Дарданеллах см. выше, стр. 6.

[2]) См. т. I, стр. 274—275 и т. II, стр. 50, в частности прим. 2.

дел, ему напомнили бы о нем сведения о быстроте действий агентства Рейтер, — решившего «тотчас же после занятия Константинополя союзниками», открыть там отделение «для обслуживания местной и соседней печати» и признавшего, что «возможность кооперации нашего (русского) агентства для распространения исключительно (?) русских известий» в этом районе «допустима» (!) (ср. тел. Бенкендорфа Сазонову от 5 марта/20 февр., ответную тел. Нелидова от 11 марта/26 февр.), — а также тревожные по тону указания русского финансового агента в Париже Рафаловича и самого Извольского (см. тел. Извольского от 10 марта/25 февр. за № 130 и 131) на необходимость подготовиться к определению роли России в Константинополе «не только с военной и с административной, но и с финансовой стороны». Однако, ни общая политическая обстановка, ни отсутствие ответа на его «программу действий» не могли располагать его к ускоренному выступлению. Ему представлялось, повидимому, более целесообразным выждать инициативу со стороны союзников, дабы не скомпрометировать своего собственного положения такими пожеланиями, которые были бы ими отвергнуты.

Памятная записка Палеолога исходила из необходимости регулировать заранее порядок управления Константинополем, занятие которого «потребует столь важных и специальных политических, административных и финансовых мероприятий, что в деле их разрешения нельзя положиться на усмотрение военного начальника одной национальности, каковы бы ни были его личные достоинства». Этим устранялась единоличная военная власть представителя как России, так и Англии, на долю которой по ходу вещей выпало, пока что, высшее командование во время самой операции в Дарданеллах и во время военного занятия Константинополя.

Сославшись далее, как мы видели, на то, что впредь до общего мира предстоит создать временное управление, памятная записка далее признает необходимым «*допустить с этой целью все три державы на равных основаниях к участию во временном управлении Константинополем и территориями, на которые распространится их оккупация*». Конкретно это должно было выразиться в назначении каждой из держав по одному верховному гражданскому комиссару, в качестве их представителей, которым надлежит действовать «по соглашению с военным командованием».

Комиссары должны были «прежде всего» «озаботиться восстановлением в их довоенных должностях чиновников, советников министерств и офицеров своей национальности, поставленных во главе государственных учреждений, как-то: оттоманского долга (с немедленным включением одного русского представителя), оттоманского банка, таможни, жандармерии и т. п.». Далее французское правительство желало «восстановить и обеспечить» все «крупные интересы», связанные с помещением Францией в Турции 3-миллиардного капитала, т.-е. восстановить в правах владения заинтересованных лиц и держателей оттоманских бумаг, «а также предписать секвестр имущества подданных неприятельских держав».

Вопрос же об организации самого управления Константинополем оставлялся в тени, потому ли что он интересовал правительство республики куда меньше, чем вопрос об интересах французских капиталистов, или по-

тому, что таким путем сохранялась возможность удержать действующую систему турецкого управления без замены ее русской, впредь до установления окончательной судьбы Константинополя мирным договором.

Ответ Сазонова на французское предложение был дан в виде памятной же записки на имя как Палеолога, так и Бьюкенена на следующий день, 13 марта/28 февр. Он имел весьма уклончивый, чтобы не сказать больше, характер. С одной стороны, он внес в обсуждение новый момент, предложив, в точном соответствии с одобренным вел. князем проектом [1]), план разграничения зон военной оккупации Константинополя [2]). С другой стороны, он предлагал, в отличие от Делькассэ, «чтобы военная власть в *городе Константинополе* была временно вверена *старшему в чине из командующих оккупационными армиями трех союзников», с* тем, чтобы при нем был учрежден *временный совет,* состоящий из комиссаров трех союзных держав, которому было бы поручено гражданское управление городом. Этому же совету должна была быть вверена «*под верховным руководством военного коменданта*» (commandant militaire) «охрана многочисленных религиозных, национальных, финансовых, экономических и др. интересов, имеющихся в Константинополе». Надеясь на принятие этого предложения «*в принципе», Сазонов,* наконец, выражал готовность «приступить к обмену мнений *о подробностях* проектируемой временной организации», оговорившись, что эта организация, «разумеется, ни в чем не предрешит окончательную судьбу города Константинополя, которая будет решена согласно обязательствам союзников».

Роль, отводимая в ответе Сазонова военному коменданту города Константинополя, не оставляет сомнений в том, что он имел при этом в виду отнюдь не англичанина или француза, а русского. Иначе, разумеется, для него предложение Делькассэ оказалось бы более приемлемым, чем предоставление высшей власти в городе англичанину. На это же указывает и та квалификация, которая должна была обеспечить тому или иному из военноначальников первенствующее место, т.-е. «старшинство в чине» [3]), а не реальная величина подлежащего отряда или положение, занимаемое данным лицом в командовании всей операцией. Именно поэтому также в записке Сазонова шла речь лишь о городе Константинополе; ведь было бы явно нелепо возбуждать вопрос о передаче всего высшего командования русскому генералу только потому, что он «старший в чине». Вне же города план разграничения зон военной оккупации предоставлял России «оба берега Босфора от Черного моря до Ортакейя и Кускунджука включительно».

---

[1]) См. выше, стр. 97.

[2]) Делькассэ признал 21/8 марта «соглашение на этой основе.... легко осуществимым», но передал при этом содержание предложения Сазонова весьма неточно, отнеся к русской зоне помимо Стамбула лишь «европейский берег Босфора».

[3]) Этим объясняется и чрезвычайно странная, на первый взгляд, мысль о назначении командующим русским отрядом глубокого старика генерала от кавалерии, барона Каульбарса, бывшего в 1882—83 г.г. военным министром в Болгарии. Зато по части старшинства в чине—он родился в 1837 г. и уже отпраздновал давно пятидесятилетие в офицерских чинах—с ним не мог конкурировать и сам Жоффр.

Не менее показательно было и то обстоятельство, что Сазонов избрал для своего сообщения форму единовременного обращения как к Франции, так и к Англии, что избавило его от необходимости сослаться на инициативу Делькассэ в деле, которому в России хотели придать характер, прежде всего, русский, а также откликнуться на заботы Делькассэ насчет финансовых интересов французского капитала. Вместо этого, он, в свою очередь, говорил в первую голову о религиозных, далее о национальных и лишь на третьем и четвертом месте о финансовых и экономических интересах, «имеющихся в Константинополе».

Если Сазонов рассчитывал на то, что ему удастся провести таким путем — чуть ли не под сурдинку — основные пожелания русского правительства и создать этим своего рода fait accompli, то он, надо полагать, надеялся лишь на то, что союзные правительства признают во имя важности помощи, оказываемой им Россией, необходимым считаться и в данном случае, как незадолго до того в вопросе об участии греческой армии в дарданелльской операции, с ее «моральными правами», хотя бы и не поддержанными в данном случае достаточно внушительной военной силой.

В таком случае ответ, данный ему Делькассэ 21/8 марта, — три дня после первой тяжелой неудачи англо-французской эскадры на Дарданеллах— должен был его жестоко разочаровать, показав ему воочию, что в вопросе о Константинополе он встретит, несмотря на все «обязательства союзников», со стороны Франции не менее упорное сопротивление, чем со стороны Англии.

Его мысль о «подчинении верховных комиссаров генералу, принадлежащему к той или другой союзной [1]) национальности», была решительно отвергнута, как противоречащая «самому принципу» первого предложения Делькассэ, а именно «*соблюдению равенства между тремя державами в течение всего периода с момента оккупации до заключения мирного договора*». Отвергнута была мимоходом и мысль о выделении города Константинополя в особую административную единицу, так как «занятие Константинополя выдвигает сразу принципиальные вопросы», с которыми «теснейшим образом связано *уважение к французским правам и интересам, которые Россия обязалась ставить на первое место*». Различение Константинополя, как города, имеющего в будущем быть преобразованным «в провинциальный город Российской империи», и как столицы — «местопребывания администрации, деятельность которой распространяется на всю Оттоманскую империю», центра государственной и экономической жизни всей Турции,—различение, из которого, как будто, исходил Сазонов, решительно и не без основания отклоняется: фактически господство России над Константинополем предоставило бы ей своего рода «ипотеку на все предприятия в Оттоманской империи». А это отнюдь не входило в намерения ее союзниц, когда они признавали ее права на город Константинополь, ибо это повлекло бы за собой ущерб для союзников и особенно для Франции, которая обладает интересами «первостепенной важности во всех этих предприятиях». Покуда «судьба Оттоман-

---

[1]) Этим фактически устранялась возможность подчинения их генералу, принадлежавшему к какой-либо иной национальности,—быть может, греческому.

ской империи» не будет решена будущим мирным договором, Константинополь остается ее столицей, а потому и управление им должно быть организовано применительно к его нынешнему положению, как столицы, а не согласно его будущему положению, как одного из городов Российской империи.

Из этого основного «принципа» делались весьма важные практические выводы. Первый из них, и наиболее общий, заключался в том, что «подданные трех держав будут пользоваться всеми теми правами, которые они имели при турецком владычестве, или будут всецело в них восстановлены, если они их лишились в результате военных событий». Это было равносильно не только восстановлению нарушенных хозяйственных интересов граждан Франции и ее многочисленных protégés, но и воссозданию режима капитуляций, отмененного турецким правительством (кстати сказать, к неудовольствию не только держав Антанты, но и держав Тройственного Союза и, в частности, не вышедшей еще из него Италии).

Из этого, в свою очередь, вытекало: 1) что «администрация государственного оттоманского долга», в которой французы играли первенствующую роль, «должна будет функционировать до заключения мира в том виде, как она сейчас организована», чем заранее совершенно парализовалась всякая возможность для русского правительства установить свой финансовый контроль над Константинополем, соответственно его видам и интересам [1]), 2) что «французские религиозные, школьные, больничные и др. учреждения, закрытые в начале войны турками, должны быть немедленно восстановлены во всех своих имущественных правах, движимых и недвижимых, и допущены к деятельности на прежних условиях» [2]), 3) что «специальным постановлением» должна быть признана «действительность контрактов, заключенных между французским правительством и теми или иными французскими обществами, с одной стороны, и оттоманским правительством и теми или иными властями империи (!), с другой стороны»,—при чем, в частности, оговаривалась действительность крайне неприятных для русского правительства железнодорожных концессий в районе восточной Анатолии [3]). Все эти достаточно тяжелые требования расширялись потенциально до бесконечности дополнительным требованием, что «эти же принципы применяются *к обществам и учреждениям фактически французским, хотя бы носящим турецкое имя и имеющим турецкое правление*», и что при секвестре имущества, предположенном для германских и австро-венгерских обществ, из него должны быть

---

[1]) В связи с этим следует отметить, что допущение в состав совета Dette publique ottomane одного русского делегата обусловливалось «обязательством России взять на себя долю государственного долга (весьма большую), соответствующую доходам, получаемым администрацией долга с Константинополя и его окрестностей».

[2]) Речь шла о многочисленных религиозных, школьных и благотворительных организациях католической церкви, на покровительство коим на Востоке по-прежнему претендовало французское правительство, несмотря на отделение церкви от государства.

[3]) См. об этом «Раздел Азиатской Турции», стр. 33 и сл.

изъяты «общества, турецкие по имени, но фактически французские». Вместе с последующим указанием на необходимость предоставить французам же «наблюдение над секвестром», наложенным на оттоманские общества в будущей французской зоне, а также в отношении Багдадской железной дороги, все это открывало очевиднейшим образом дверь фиктивному или вынужденному переводу всяких ценностей на французских держателей, что отдало бы громаднейшую часть существовавших в Турции предприятий в руки французского капитала.

Вся важность волеизъявления Делькассэ определялась отнюдь не только его отклонением устройства временного управления Константинополя, предположенного Сазоновым. Не менее, если не более, серьезна была другая сторона дела, которой определялся заранее будущий характер тех «выгод», которые могли выпасть на долю России в связи с будущим миром и реальным осуществлением приобретенных Россией дипломатическим путем «прав» на Константинополь и Проливы. Несмотря на все рассуждения об экономической необходимости Проливов и Константинополя для южной России и ее хлебного экспорта, а, стало быть, и для финансово-экономической жизни всей России, значение вопроса о Проливах в сознании русских правительственных сфер, несомненно, этим не ограничивалось. Речь шла в конечном итоге о приобретении господствующего положения на Ближнем Востоке, а обладание Проливами расценивалось не только как обеспечение «ключей к собственному дому», но и как шаг к приобретению решающего влияния и на Балканском полуострове, и в Малой Азии от Эгейского моря до персидской границы, и даже за нею, поскольку в самой Персии русская власть стремилась на юг и сталкивалась с конкуренцией Англии. Раз признав французские притязания, — а многие из них относились, в частности, к Константинополю и его району, — очевидно, нечего было и думать о том, чтобы Франция отказалась от них добровольно или безвозмездно в будущем при окончательном определении «судьбы Оттоманской империи». Русская доля в турецком наследстве, таким образом, обременялась тяжелыми сервитутами в пользу Франции, а косвенно, тем самым, и в пользу Англии. Ведь, не могло быть сомнений в том, что нельзя будет отказать Англии в аналогичных уступках во всем, что будет касаться ее. Права, приобретенные Россией относительно Константинополя, имели, таким образом, все шансы превратиться в nudum ius римского права, — в голое, практически неосуществимое, право.

Когда впоследствии русский посланник в Сербии кн. Г. Н. Трубецкой, предназначенный к занятию должности русского «генерального комиссара» в Константинополе (см. тел. Сазонова ему от 12 апр./30 марта, шифр. тел. Бьюкенена Грэю от того же числа, письмо Сазонова Трубецкому от 13 апр./31 марта, тел. Трубецкого Сазонову от того же числа) познакомился с основанным в существенных чертах на указанных Делькассэ началах проектом временного управления Константинополем, он пришел к самым печальным выводам о положении, ожидающем при таких условиях представителя России.

В обстоятельной телеграмме на имя Сазонова от 20/7 апреля он признал необходимым «прежде всего отметить одно обстоятельство, могущее

послужить поводом самых серьезных осложнений». «Равенство прав (трех комиссаров) приведет, несомненно, к положению, при коем *русский представитель будет постоянно в меньшинстве и всем будут править союзники, объединенные интересами одинаковых финансовых выгод, зачастую вразрез с нашими видами*». Это не только поставит в данное время русского представителя «в крайне трудное и, быть может, невозможное положение», но наложит печать и на все «переходное состояние» от турецкого к будущему русскому режиму, ибо «по существу» переходное состояние «должно быть *подготовительным к окончательному, которое по необходимости должно будет воспринять многие черты временного положения*». Из этого он делал вывод, что властью, подготовляющей окончательное положение, должна быть именно русская власть. «Союзники имеют бесспорное основание требовать полного обеспечения своих экономических и некоторых других интересов, но не более того. *Признавать же в принципе равные с нами их права, а на практике решение дел двумя их голосами против русского, это значило бы подготовлять утверждение не России, а западных держав в Константинополе*». По его мнению, «русский представитель должен один представлять на месте суверенную власть, заменившую турецкую. Англичанин же и француз должны при нем представлять соответствующие интересы». (См. также его же тел. от 21/8 апр., 25/12 апр. № 474 и № 475).

По существу своему все эти соображения, несомненно, соответствовали вполне и взглядам Сазонова. Если он отступился от них, то причина, очевидно, заключалась в решительном нежелании союзников связать себя теперь же более чем теоретически декларациями и пойти по тому пути, который Трубецкой, плохо осведомленный относительно всего хода переговоров по вопросу о районе Проливов и о дарданелльской операции, считал единственно нормальным, т.-е. по пути утверждения не союзников, а России в Константинополе.

Давление, произведенное на Сазонова, было, повидимому, очень сильно, ибо уже через три дня после заявления Делькассэ, т.-е. 24/11 марта, он капитулировал и притом полностью, признав без всяких оговорок не только принцип «соблюдения равенства между тремя державами в течение всего периода времени с момента оккупации до заключения мирного договора», но и все последствия, вытекавшие из него с французской точки зрения (см. пам. зап. его Палеологу) [1]. Единственный пункт, по которому он полагал необходимым «прийти к соглашению», касался вопроса, прямо не поставленного в сообщении Делькассэ, а именно вопроса «относительно общего характера судебной организации, в обязанность которой входила бы временная защита иностранных интересов в Константинополе *впредь до полной отмены капитуляций мирным договором,* безотносительно к возможности

---

[1]) См. также тел. Извольского Сазонову от 26/13 марта, дававшую в форме, свидетельствующей о том, что Извольский не был вполне в курсе дела, некоторые дополнительные данные о намерениях французского правительства касательно охраны французских финансовых интересов. (Более подробные данные о финансово-экономической стороне проблемы дает записка Рафаловича от 21/8 апр.).

применения законов военного времени». Довольно неопределенная формулировка этого пункта заставляет думать, что Сазонова испугала возможность, что при установлении «окончательного режима» союзные державы пожелают, опираясь на положение дел в эпоху «переходного времени», сохранить за собою права, вытекавшие из капитуляций, — возможность, не исключенная ни формулировкой подлежащей части сообщения Делькассэ, ни также предшествовавшими междусоюзническими соглашениями, в которых отмена капитуляций не была формально оговорена, очевидно, потому, что тогда об этом казалось излишним особо упоминать.

Ответ Делькассэ (см. пам. зап. франц. посла Сазонову от 3 апреля/21 марта), не менее туманный, нежели запрос Сазонова, в этом отношении был удовлетворителен, поскольку в нем также говорилось о предстоящей отмене капитуляций. В остальном же он ограничивался сообщением, что, по его мнению, было бы достаточно «для временного ограждения иностранных интересов» «установить, в необходимых пределах, над туземными и смешанными трибуналами правомочный контроль, применимый при всяком положении дела (justifié en tout état de cause), соответствующий Гаагским постановлениям и обеспеченный военной оккупацией», притом опять «на все переходное время». Успокоенный по вопросу о капитуляциях. Сазонов счел возможным сделать еще один шаг вперед. В памятной записке, врученной на этот раз одновременно Палеологу и Бьюкенену (8 апреля/26 марта), в которой заключалась, между прочим, и ссылка на только что упомянутую, памятную записку французского посольства, он, с одной стороны, признал необходимость «учреждения контроля над туземными трибуналами, суду которых подлежат *только дела между турецкими подданными»,* с другой стороны, однако, полагал, «что было бы, пожалуй, своевременно, *с момента оккупации* изъять иностранцев из-под оттоманской юрисдикции... и *перенести все смешанные процессы между турками и иностранцами в консульские трибуналы,* по национальности заинтересованного иностранного лица».

«Пользуясь случаем», Сазонов в то же время развил довольно широкую программу конкретизации форм проявления административной деятельности верховных комиссаров. Это, очевидно, не соответствовало французским (и, надо полагать, английским) видам, клонившимся к сохранению всей действующей системы суда и управления с введением в нее лишь самых необходимых, преимущественно контрольных, видоизменений. Союзники стремились, таким образом, не касаться, по возможности, существующего положения и не затруднять возвращения Константинополя под турецкую власть (ведь, он должен был стать достоянием России лишь при условии удовлетворения их собственных интересов в других местах). На это указывала и довольно неожиданная ссылка Делькассэ на соответствие его предположений относительно контроля над судебными учреждениями с Гаагскими постановлениями. Он имел при этом, очевидно, в виду ст. 43 положения о законах и обычаях сухопутной войны, приложенного к конвенции того же наименования от 18/5 октября 1907 г.: «с фактическим переходом власти из рук законного правительства к занявшему территорию неприятелю, последний

обязан принять все зависящие от него меры к тому, чтобы, насколько возможно, восстановить и обеспечить общественный порядок и общественную жизнь, *уважая существующие в стране законы, буде к тому не встретится неодолимого препятствия*». Делькассэ, таким образом, как бы исключал вопрос о занятии Константинополя на основании перемирия с Турцией, в котором могли быть предусмотрены какие угодно условия, и становился исключительно на точку зрения насильственного занятия города, проявляя намерение толковать пределы полномочий союзников на все время до заключения мирного договора применительно к приведенной статье. Сазонов, наоборот, старался внести в управление городом возможно большие изменения и затруднить возвращение к прежнему положению, подчеркивая не столько *временный*, сколько *переходный* характер создавшегося положения, хотя бы это и было, как, например, в вопросе о передаче смешанных дел в консульские суды, сопряжено с некоторыми опасностями для будущих переговоров относительно характера окончательного режима [1]).

Пожелания его, если не считать пункта о том, что «конфликты в области компетенции военных и гражданских властей (поставленных союзниками) будут немедленно доводиться до сведения союзных правительств и ими разрешаться», сводились к трем предположениям. Во-первых, он предлагал *учреждение при верховных комиссарах пяти департаментов* (внутренних дел, юстиции, финансов, народного просвещения и вакуфов), с подчинением их совету верховных комиссаров и с назначением их начальников «из числа иностранцев, служивших в Турции, или туземцев, внушающих необходимое доверие», при чем под туземцами подразумевались, очевидно, не одни только турки, а также армяне и т. д. Во-вторых, им предусматривалась *реорганизация муниципального совета «на основе справедливого представительства христиан»*, с подчинением его совету верховных комиссаров. Третье предложение касалось финансовой стороны управления и гласило: «налоги и пошлины будут взиматься, *по мере возможности*, сообразно с действующими правилами раскладки и распределения. Дефицит временного управления будет пополнен союзными державами, которые создадут для этой цели запасный фонд». Основной смысл всех трех предложений Сазонова находился, таким образом, в полном соответствии с вышеуказанной его целью: по совокупности они представляли меры, направленные к более или менее глубокому изменению турецкого режима.

В соответствии с этим производилась и дальнейшая работа по выработке «временного положения об управлении Константинополем и прилегающими к нему областями», происходившая, вслед за упомянутой запиской Сазонова, как в Петрограде, так и в Париже и Лондоне. Материал, относящийся к процессу разработки и обсуждения проекта этого положения, представляется, к сожалению, по независящим, разумеется, от редакции настоящего издания причинам, далеко не полным.

---

[1]) Как трудно было добиться согласия всех заинтересованных держав на отмену режима капитуляций, Сазонов должен был знать по опыту с полосой отчуждения К.-В. Ж. Д.

Из телеграммы Сазонова Извольскому от 26/13 авг. явствует, что «последние *письменные* сообщения французского и великобританского правительств от 29 июня и 6 июля», которым, видимо, предшествовало устное обсуждение проекта, — вероятнее всего в Петрограде при участии самого Сазонова, — расходились между собою «в некоторых основных пунктах, при чем мы в существенных частях склоняемся на сторону французов». В виду этого, Сазонов для ускорения дела предложил перенести обсуждение вопроса в Париж, при участии Делькассэ (в качестве председателя), Извольского и английского посла лорда Берти, кстати сказать, решительного противника водворения России в Константинополе [1]), при чем он упоминает о предстоящем препровождении Извольскому «последнего» (по времени, но не окончательного) русского проекта (см. также шифр. тел. Бьюкенена Грэю от 28/15 авг., тел. Грэя Бьюконену от 30/17 авг. и отв. телегр. Бьюкенена от 31/18 авг.). Делькассэ на это предложение согласился (тел. Извольского Сазонову от 4 сент./22 авг.), но в Лондоне с ответом не торопились: еще месяц спустя, 30/17 сент., английский посол «не получил инструкций об обсуждении сего дела в Париже», да и в самом Париже дело задерживалось «другими более спешными заботами» (тел. Извольского Сазонову). И там и тут, да и в Петрограде никто уже не мог серьезно сомневаться в том, что дарданелльская операция приказала долго жить, а присоединение Болгарии к врагам Антанты было равносильно тому, что вопрос о захвате союзниками Константинополя, а тем более об организации в нем временного управления откладывался в долгий ящик.

При таких условиях утрачивают значительную долю интереса и те разногласия, о которых упоминал Сазонов в своей телеграмме Извольскому. Любопытно лишь то, что, как видно из его же телеграммы Извольскому от 13 сент./31 авг., английский проект, встретивший в этом вопросе единодушное несогласие как Франции, так и России, предусматривал «*контроль главнокомандующего» (т.-е. генерала Гамильтона) над верховными комиссарами и всей гражданской администрацией.* Русский же и французский проекты вовсе элиминировали высшую военную власть из области гражданского управления, которое вручалось совету трех верховных комиссаров, как непосредственно (в области указной деятельности, назначения высших должностных лиц и общего руководства их работой), так и через посредство подчиненных им от 3 до 6 директоров департаментов, из коих, согласно русским предположениям, департаменты внутренних дел и юстиции должны были быть вверены русским, департаменты финансов и народного просвещения—французам, департаменты же торговли и таможен—англичанам. Во что вылилось бы практически все это дело по указанной выше причине, невозможно предугадать [2]).

---

[1]) Ср. многоч. места его «дневника», напр. т. I, стр. 78, 85, 119, 121, 128 и т. д.

[2]) См. интересную статью M. Pernot «Constantinople sous le contrôle interallié» в «Revue des deux mondes» за 1922 г. кн. от 15 янв., стр. 276—314. Дополнения в кн. от. 1 февр.

III. Последний этап.

После долгого перерыва мысль о насильственном захвате Константинополя возникла снова и притом на этот раз в России, можно сказать, накануне февральской (мартовской) революции 1917 г.

6 марта/21 февр. 1917 г. преемник Штюрмера по званию министра иностранных дел Н. Н. Покровский представил Николаю II «весьма секретную» всеподданнейшую записку, в которой подробно развивал мысль о необходимости приступить к организации русской военно-морской экспедиции для завладения Константинополем и Проливами. «Нисколько не преуменьшая» политического значения дипломатических соглашений, состоявшихся ранней весною 1915 г. по этому вопросу между Россией и ее союзницами, он подчеркивал, что «тем не менее, было бы ошибочно думать, что мы только ими осуществим наши главные стремления и при каких бы то ни было обстоятельствах получим все то, что в них предусмотрено». Не выдвигая на первый план своего более чем справедливого недоверия к намерениям союзных держав, он указывал в подтверждение своей мысли лишь на то соображение, что обязательства союзников по данному вопросу являются «*в сущности лишь векселем, выданным нам Великобританией, Францией и Италией, но платеж по нему должен быть произведен третьим лицом — Турцией,* которая в соглашении не участвовала и, в зависимости от обстановки на интересующем ее театре войны, может отказаться удовлетворить наши требования». Поэтому, именно, он настаивал на том, «что состояние географической карты войны к моменту открытия мирных переговоров», а отнюдь не обещания союзников, «будет иметь решающее значение», т.-е. повторял в иной форме мысли, высказанные Сазоновым в декабре 1914 г. Логический вывод из этого, несомненно, напрашивался сам собой. То была «*необходимость, ко времени заключения мира, овладеть Проливами* или же, во всяком случае, настолько к ним приблизиться, чтобы при решении этого вопроса быть в силах оказать должное давление на Турцию. Без этого мы едва ли когда-нибудь получим Константинополь и Проливы, и *самое соглашение о них превратится в простой клочек бумаги*».

Гораздо более странным, чем весь этот ход рассуждений, который вполне отвечал основным взглядам правительственных и руководящих общественных кругов, является то обстоятельство, что за неделю до революции Н. Н. Покровский был так далек от понимания чрезвычайной трудности внутреннего и внешнего положения России, что мог думать, будто «настоящая политическая обстановка представляется исключительно благоприятной для разрешения наших вековых задач». Высказывая такую мысль он, правда, имел в виду недавнее опубликование соглашения о Проливах и Константинополе, формально обязывавшее союзников не препятствовать утверждению России в этой области, но сам же понимал, что «ни наши теперешние союзники, ни противники никогда не забудут и не простят, что мы хотели Царьграда и Проливов». «Причины, сыгравшие роль при выступлении Болгарии, и более чем сдержанное отношение нашей старой союзницы Франции к во-

просу о предоставлении нам Константинополя должны послужить нам уроком и предостеречь от опасных в этом деле иллюзий».

Боясь иллюзий касательно отношения союзников к выполнению «нашей политической программы», «на выполнении которой зиждется будущее политическое значение России на Ближнем Востоке», Н. Н. Покровский сам впал в неменьшую иллюзию о возможности успеха самостоятельной русской операции для реализации «векселя», выданного союзниками на Турцию или, вернее, не только на Турцию, но и на срединные империи с Болгарией. Ссылаясь на мнение «сведущих лиц», «специалистов», он предлагал целый план операции, указывал на место желательного десанта (район устья реки Сакарии в Малой Азии), определял предположительно его размеры (200 — 250 т. человек), срок, к которому надлежало бы и было бы возможно «снарядить и оборудовать» подобную экспедицию, и т. д. По иронии судьбы таким сроком ему представлялся... октябрь 1917 г., «когда может наступить решительный перелом в ведении военных операций у наших союзников»...

Гораздо более трезво, чем министерство иностранных дел, отнеслась к вопросу и на этот раз Ставка. В Ставке, правда, еще летом 1916 г. было решено приступить к «планомерной подготовке... десантной операции», о чем 1 авг. ген. Алексеевым «преподаны были штабу черноморского флота директивы» [1]). В них не только было подтверждено «сделанное еще в начале войны распоряжение о том, что в Черном море всегда должны быть готовы транспортные средства для перевозки одной дивизии», но, сверх того, было указано на необходимость настолько увеличить эти средства, чтобы обеспечить возможность «перевозки еще двух дивизий», что должно было потребовать сверх 19 больших пароходов, уже выделенных для этой цели в начале войны, еще 90 пароходов «из общего числа имеющихся в нашем распоряжении на Черном море 148 пароходов» (см. письмо дир. диплом. канц. при Ставке Н. А. Базили мин. иностр. дел П. Н. Милюкову от 5 апр./23 марта 1917 г.). Однако, из этого отнюдь не следовало, что в Ставке носились реально с мыслью о необходимости, или хотя бы о возможности, в ближайшем будущем экспедиции против Константинополя. Как видно из письма Базили Покровскому от 11 марта/26 февр., начальник штаба ген. Алексеев не возражал, конечно, против желательности завладения Константинополем вообще, но в то же время не только отверг военный план Покровского, как не соответствующий реальным условиям, но и всякую возможность экспедиции до «поражения нашего главного и сильного врага», т.-е. Германии. В связи с этим он напомнил, что «в разговорах с С. Д. Сазоновым, так и особенно с Б. В. Штюрмером он высказывал определенное мнение, *что объявлять urbi et orbi о предоставлении нам Константинополя и Проли-*

---

[1]) Из показаний Колчака («Допрос Колчака», Ленингр. 1925 г., стр. 28, 29, 31, 33) явствует, что решение Ставки относится к июлю 1916 г., после чего Колчак был назначен командующим черноморским флотом с возложением на него подготовки «босфорской операции», при чем «работа по подготовке.... должна была окончиться по плану в марте или апреле месяце» (1917 г.).

вов не следует». В отличие от мнения Штюрмера, *«будто оглашение признания нашими союзниками наших прав на Проливы необходимо для успокоения общественного мнения России»,* — Алексеев не придавал этой точке зрения, которая, «к сожалению,... возобладала», того значения, которое приписывали ей не только правительственные, но и влиятельные круги государственной думы и государственного совета, серьезно воображавшие, что надежда на водворение креста на св. Софии и на приобретение «ключей к русскому дому» окрылит народные массы и даст возможность «довести войну до победного конца».

Наиболее рьяным представителем этой точки зрения, как известно, был преемник Н. Н. Покровского по должности министра иностранных дел П. Н. Милюков, настаивавший во время приезда в Ставку, в конце марта, не менее энергично, чем его предшественник, на неотложности экспедиции и получивший там заверения, что подготовка ее осуществляется. Тем временем, однако, расстройство как хозяйственной жизни вообще, так и железнодорожной сети, резко бросавшееся в глаза уже в 1916 г., прогрессировало столь быстро, что коллега Милюкова по временному правительству, военный и морской министр А. И. Гучков должен был признать фантастичность планов Милюкова. Склонный уже в декабре 1914 г. к весьма пессимистическим взглядам на возможность благополучного для России исхода войны и способный к менее доктринерскому восприятию реальных жизненных впечатлений, чем какое свойственно Милюкову, он признал изъятие более чем половины черноморских судов из области хозяйственного грузооборота настолько вредным и опасным, что распорядился телеграммой от 1 апр./19 марта начальнику морского штаба о приостановке подготовительных работ «по оборудованию транспортных средств для предположенной десантной операции с целью захвата Проливов». Вслед затем, соответствующие указания были даны 3 апр./21 марта и ген. Алексеевым штабу черноморского флота.

Сообщая Милюкову 5 апр./23 марта об этих распоряжениях, «коренным образом расстраивающих» предшествовавшие предположения, Базили признал их, «с точки зрения осуществления наших целей на Проливах», «весьма прискорбными» и, «зная, какое значение вы (Милюков) придаете босфорской экспедиции», приводил ряд, кстати сказать мало убедительных, соображений в пользу возможности пересмотра решения Гучкова после личных переговоров с ним Милюкова.

Последующие письма Базили от 21/8 и 24/11 апр. показывают, что, с одной стороны, военная сторона дела осталась в том же положении, которое было предрешено распоряжением Гучкова, и даже ухудшилась, поскольку все яснее обнаруживалась воля народа к миру, а, с другой стороны, мысль так или иначе завладеть если не самим Константинополем и Проливами, то «военным контролем» над Проливами, хотя бы путем заключения сепаратного мира с Турцией и «оставления за ней суверенитета над Константинополем и его районом», продолжала занимать людей, не осознавших еще всей значительности уже происшедшего и все еще нараставшего революционного перелома в жизни народов России: еще 20/7 сент. 1917 г. Нератов поручал посланнику в Афинах Демидову принять меры к тому, чтобы,

«по крайней мере в субсидируемых миссией органах» греческой печати, образ действий временного правительства не истолковывался в смысле отказа России от Константинополя.

Заключение.

Вопрос о Константинополе и Проливах сыграл роковую роль в судьбах дореволюционной России. В нем, как в узле, сосредоточилась после японского разгрома и потери надежд на первоклассную роль на Дальнем Востоке активность российской внешней политики. Вместе с финансовыми нуждами русского государственного казначейства, обусловленными необходимостью ликвидации военных и внутренних последствий русско-японской войны, реорганизацией и усилением армии, поддержкой, прямой и косвенной, крупного землевладения и крупного движимого капитала, он с полной необходимостью затягивал все туже узлы той цепи, которая связывала старую Россию с Англией и Францией и практически подчиняла русскую внешнюю политику в наиболее важном для нее вопросе ее союзникам.

Ни Англия, ни Франция никогда не желали перехода Константинополя и Проливов в русские руки. Они лишь пользовались этим миражем как приманкой, на которую, по их расчетам, Россия, выражаясь вульгарно, должна была клюнуть. Англия готовилась систематически к борьбе с Германией, Франция охотно была готова содействовать ей в этом, при благоприятных, разумеется, условиях. Ни для той, ни для другой эта борьба не была возможна без участия тех «тонн человеческого мяса» [1]), которые могла бросить на Германию Россия. В то же время основная линия политических трений между Россией и Германией проходила уже с 80-х, но в особенности с конца 90-х г.г. прошлого века через Ближний Восток вообще, через Константинополь и Проливы в частности: в других отношениях, наоборот, Романовых и Гогенцоллернов скорее сближали однородность их монархических интересов и раздел Польши с его последствиями. Главным, если не единственным, средством вовлечь Россию в орбиту антигерманской политики только и мог быть для Англии и Франции, помимо золотых цепей займов и кредита вообще, призрак обладания Константинополем и Проливами.

Так же мало, однако, как Германия могла или желала отказаться от своих «интересов» в районе «исторических задач» России, так же мало желали отказаться от своих там интересов Англия и «наша старая союзница», по выражению Н. Н. Покровского, Франция. Если им сравнительно мало стоило давать туманные обещания Извольскому и Сазонову считаться с русскими стремлениями в этой области, то как они, так и русские власти отлично понимали, что дело примет гораздо более серьезный оборот, когда придется вложить в общие места дипломатической переписки конкретное деловое содержание. Ни в Англии, ни во Франции не было, конечно, таких наивных людей, которые могли серьезно думать, что Россия добровольно удо-

---

[1]) Выражение принадлежит Saxon Mills'y „David Lloyd George, War Minister", Лондон, 1924 г., стр. 250.

вольствуется, в качестве результата войны, применением к Проливам режима Суэзского канала или той или иной формой интернационализации Константинополя. Об этом, конечно, хорошо знал сэр Эд. Грэй, когда он в самом начале войны, но уже после загадочных «ошибок» английского флота, резко изменивших, вследствие появления в Константинополе «Гебена», положение на Черном море к невыгоде России, мешал Сазонову привлечь Болгарию на сторону Антанты и воссоздать под эгидой России балканский блок; знали Грэй и Черчилль, когда они вслед затем отправили Н. Бекстона на Балканы, дабы воссоздать этот блок под эгидой Англии; знали они же и другие члены английского кабинета, когда они готовили дарданелльскую операцию, дабы войти, опираясь на греческую армию, в Константинополь, и т. д. и т. д.

Их действия привели, правда, не только к катастрофическим для старой России, но и к весьма тяжелым для них самих и для Франции последствиям, ибо, несомненно, не мало содействовали продлению войны и весьма опасному обороту ее — в особенности для Англии, стремившейся к knock out'у (сокрушению) Германии. Отвергать, однако, на основании этих, непредвиденных их авторами, результатов английской политики на Ближнем Востоке тот *факт,* что политика эта диктовалась именно желанием воспрепятствовать водворению России в Константинополе, как противоположная политика Сазонова, по мере возможности, диктовалась стремлением сорвать попытки Англии, а вслед затем и Франции создать в Константинополе благоприятные для них «совершившиеся факты», не приходится. Для выяснения всего этого мы уже теперь располагаем достаточными данными, и не подлежит сомнению, что количество их будет возрастать по мере того, как будут раскрываться не одни только наши архивы.

Речь здесь идет, разумеется, не о «виновности» тех или иных отдельных лиц, как бы ответственно ни было занимавшееся ими положение. Речь идет о том глубоком антагонизме интересов империалистической политики европейских держав, который делал их всех, несмотря даже на временные «сердечные соглашения» и «союзы», «друг для друга волками», по определению старого английского философа Гоббса.

Эта «волчья» психология, вытекавшая из самой природы империализма, сделавшего войну совершенно неизбежной, проявлялась не только «великими державами». Эгоистическая близорукость политики, в которой принято обвинять все балканские государства, в особенности в области их собственных взаимоотношений, представляет лишь совершеннейший сколок с политики великих держав, боровшихся яко бы за «святость договоров» и «за права малых наций» на достойное существование [1]). Пашич, Венизелос, Радославов, Братиано отличаются от своих великодержавных коллег лишь меньшим масштабом своих вожделений да примесью большего лукавства в их действиях — неизбежным спутником слабого, вынужденного «ориентироваться» на волю сильных и на соотношение их интересов, дабы урвать для себя возможно более крупный и лакомый кусок.

---

[1]) Так определил цели войны «либеральный империалист» Асквит 5 авг. 1914 г. в своей речи в палате общин. Малые нации, о которых здесь шла речь, — Бельгия и Сербия.

Когда началась война, каждое из балканских государств рассчитывало извлечь из нее возможно большую пользу для себя, отнюдь при этом не отказываясь ни от одного из ранее сделанных приобретений, хотя бы впереди рисовалась возможность обширных новых приращений, в особенности покуда последние не будут еще фактически получены и притом получены полностью. Но та же погоня за «совершившимися фактами» характеризует Сазонова, Покровского и Милюкова, Грэя и Черчилля, Делькассэ и Бриана.

По своему объективному значению в истории империалистической войны дарданелльская операция не представляет первоклассного факта. Зато она заслуживает большого внимания с точки зрения реальной оценки мотивов и образа действий участвовавших в войне держав. В ее дипломатической истории уже сказываются все существенные черты политики великих и малых держав, приведшей к Версальскому и прочим мирам, заключенным в 1919-20 г.г. в разных предместьях Парижа.

Проф. Э. Д. Гримм.

ДОКУМЕНТЫ.

I.

Общие соображения царского правительства по вопросу о завладении Проливами,

8/21 декабря 1914 г.—19 февраля/4 марта 1915 г.

№ 1.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов начальнику штаба верховного главнокомандующего ген. Н. Н. Янушкевичу.

Письмо [1].

№ 863. 8/21 декабря 1914 г.

Строго секретно.

Милостивый государь,

Николай Николаевич,

С точки зрения общегосударственных интересов и огромных жертв, которые мы несем в настоящей европейской войне, я полагаю, что таковая никоим образом не должна закончиться без овладения Россиею обоими Проливами, т.-е. без обеспечения ей верного свободного выхода к Средиземному морю. Я не считаю, однако, чтобы победы, которые господь позволит нам одержать над Австриею и Германиею, позволили нам разрешить одновременно и восточный вопрос в желательном для нас смысле. Тут вновь придется прибегнуть к силе, ибо, очевидно, турки добровольно не согласятся уйти из Константинополя. Одним дипломатическим воздействием этого нельзя будет достигнуть. В виду этого, позволяю себе просить ваше высокопревосходительство не отказать в сообщении мне, — в целях ориентировки министерства в этом важном вопросе, — к каким военным операциям решено прибегнуть для фактического проникновения к Проливам и захвата их вместе с прилегающею областью, — безотносительно к времени осуществления сказанных мер.

В ожидании любезного ответа вашего высокопревосходительства возможно безотлагательно, прошу Вас, милостивый государь, принять и проч.

---

[1]) Печатается с рукописной копии, имеющейся в деле; подпись отсутствует.

№ 2.

Начальник штаба верховного главнокомандующего ген. Н. Н. Янушкевич российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Письмо [1]).

№ 1064. 12/25 декабря 1914 г.

Секретно.

Милостивый государь

Сергей Дмитриевич,

Вследствие письма вашего высокопревосходительства от 8-го декабря сего года за № 863, имею честь по повелению верховного главнокомандующего уведомить Вас, что при нынешней обстановке [2]), требующей сосредоточения всех наших усилий на главном театре военных действий, вопрос о выделении особых сил для овладения Проливами не может быть поднят ранее достижения нами решительного успеха над нашими западными противниками.

Если бы, после достижения такового успеха, нам не удалось обеспечить себе обладания Константинополем и Проливами дипломатическим путем, то вопрос этот должен будет составить предмет совершенно особой военной операции, определить объем которой в настоящее время представляется весьма затруднительным.

Прошу Вас принять и проч.

Янушкевич.

№ 3.

Вице-директор дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего Н. А. Базили российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Письмо.

14/27 декабря 1914 г.

Глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич,

Настроение на Ставке в значительной мере менее пессимистическое, чем я ожидал. Из продолжительных бесед с Даниловым, а также из разговоров с Янушкевичем и другими лицами я вынес впечатление, что военное положение оценивается здесь более благоприятным образом, чем в Петрограде.

---

[1]) Печатается с рукописной копии, имеющейся в деле.

[2]) В ноябре 1914 г. Германией была предпринята наступательная операция на восточном фронте, приведшая к поражению 1-й и 2-й русских армий при Влоцлавске и Лодзи. Русские войска 6 декабря очистили Лодзь и 15-го Лович, отступив на линию рек Бзура—Равка—Нида—Дунаец.

Наш фронт идет по рекам Бзуре, Равке и Дунайцу. Штаб предполагает, что далее этой линии нам отойти не придется. Дух войск считается здесь удовлетворительным. Санитарное состояние армии хорошее. Новый контингент в 800.000 человек готов и покроет наши потери. Офицеров достаточно.

Против нас в недавних боях было 42 австрийские дивизии и 21½ германских корпусов, т.-е. около 85 дивизий. Понесенные противником потери очень значительны. По имеющимся у нас данным, в германских ротах насчитывается не более 100 человек, несмотря на повторное их укомплектование, в некоторых же ротах осталось всего 30 человек.

Больным местом нашим является недостаток в артиллерийских снарядах и в ружьях. Недостаток этот, однако, не таков, чтобы ставить нашу армию в критическое положение. Он лишь заставляет нас перейти к обороне и временно отказаться от широкого наступления, для которого требуется неизмеримо большее количество боевых средств. По всей армии дано распоряжение всемерно беречь снаряды. Это, впрочем, не означает, чтобы мы отказывались в ближайшее время от частных наступательных операций. Немцы будут оставаться и теперь под угрозою наших контр-ударов. Обратная переброска ими сил на западный фронт, если бы она состоялась, не может поэтому принять сколько-нибудь значительных размеров.

Повидимому, трудно рассчитывать, чтобы мы собственными силами могли выработать достаточное количество снарядов и ружей, чтобы скоро вновь перейти в широкое наступление. Янушкевич и Данилов поэтому сочувственно отнеслись к мысли использовать обращение лорда Китченера [1]), чтобы в ответе ему указать на всю желательность, с точки зрения общего дела союзников, их помощи нам боевыми припасами. Выдвигается вопрос, не выгоднее ли Англии и Франции уделить нам часть своего производства или своих заказов и этим поддержать наше наступление, чем, работая только на себя, рассчитывать только на собственное движение вперед и примириться с остановкою нашего наступления. Начальник штаба уже говорил по этому предмету с Лагишем и с Вилльямсом. На-днях он будет иметь свидание с каким-то канадским офицером, предлагающим свое посредство для военных поставок. Здесь считали бы очень полезным, чтобы Вы со своей стороны воздействовали на французского и английского послов, указав на всю важность содействия нам в деле пополнения наших военных запасов. Как только таковых у нас будет достаточное количество, наша армия вновь сможет перейти в решительное наступление и задаться целью перенести войну на германскую территорию. В этом, по словам Ю. Н. Данилова, заключается в настоящее время коренной вопрос, от которого зависит вся разработка наших будущих планов действий.

---

[1]) Кудашев, повидимому, говорит об обращении Китченера к верховному русскому командованию от 9/22 декабря 1914 г. Китченер запрашивал о том, насколько отвечают действительности полученные им сведения о переходе русских армий на восточном фронте от наступления к обороне, что, по его словам, могло бы оказать влияние на положение дел на западном театре войны (памятная записка великобрит. посольства в Петрограде от 22 декабря 1914 г.).

Ответ на обращение Китченера, который Вы получите в копии со следующим фельдъегерем, надеюсь, Вас удовлетворит. Данилов вполне оценил значение поддержания между нами и нашими союзниками атмосферы доверия. Предложение воспользоваться этим обращением для выражения собственных наших пожеланий должно укрепить штаб в сознании пользы более тесных сношений с союзниками. Янушкевич, однако, не без основания заметил, что, если союзники наши требуют от нас сообщения наших военных предположений, то сами они не делятся с нами своими планами.

Согласно указаниям Вашим и А. А. Нератова, я подробно развил Янушкевичу и Данилову соображения о необходимости выяснения ныне же вопроса, можем ли мы рассчитывать самостоятельно осуществить операцию завладения Проливами, когда к тому настанет время, или же для того необходимо содействие других государств и, следовательно, требуется дипломатическая подготовка. Письмо Ваше от 8-го декабря, опередившее меня здесь на два дня, совершенно не было понято Янушкевичем и Даниловым. Посланный Вам ответ является простою отпискою. Как только состоится новое обращение Ваше к начальнику штаба с более точным выражением выдвигаемого Вами вопроса, Вам будет сообщено заключение верховной команды по сему предмету. Пока могу лишь сказать, что без содействия Болгарии, а также, по всему вероятию, и Румынии нам не обойтись. Позволю себе в следующем письме подробнее изложить сущность моих бесед здесь по этому предмету.

Остаюсь с глубоким уважением почтительно преданный Вам

Н. Базили.

№ 4.

Вице-директор дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего Н. А. Базили российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Письмо [1]).

Ставка, 15/28 декабря 1914 г.

Глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич,

Как я имел честь писать Вам в последнем письме, я имел несколько бесед с генерал-квартирмейстером по возбужденному Вами вопросу о способах осуществления нами операции захвата Проливов, когда для того наступит время. Позволю себе изложить Вам мысли, высказанные по сему предмету Ю. Н. Даниловым, в качестве личного его мнения.

Производство высадки на турецком берегу по близости Босфора при настоящих условиях надлежит признать невозможным. Когда шла речь о подобной операции, то имелось в виду выполнить ее неожиданно для Турции. При мобилизованном же ее состоянии и приведении побережья к северу и к югу от пролива в укрепленное положение—операция эта становится не-

[1]) Печатается с рукописной копии, имеющейся в деле.

осуществимою. Десантная операция могла бы быть направлена на малоазиатский берег несколько дальше от Босфора. Если сама по себе такая операция не может быть признана невыполнимою, на ней, по мнению генерал-квартирмейстера, нельзя основывать расчетов на успех. При высадке на территорию враждебного государства необходимо сразу выгрузить значительные силы. слабые же транспортные средства, которыми мы ныне располагаем в Черном море, не позволяют нам с первым эшелоном перевести более одного корпуса, а от высадки одного эшелона до высадки другого пройдет никак не менее недели. Количество перевозочных средств, могущих быть использованными нами в Черном море, в настоящее время особенно ограничено в виду того, что значительная часть судов Добровольного флота осталась вне Черного моря, и в нем весьма мало иностранных судов. Мобилизованное состояние турецкой армии и нынешнее расположение составляющих ее частей позволило бы Турции довольно быстро сосредоточить значительные силы против тех войск, которые мы могли бы высадить на малоазиатском берегу. Войска эти рисковали бы быть выброшенными турками в море. Опасность такого исхода была бы особенно значительна в период собирания нашей десантной армии на неприятельском берегу. Затем путь к Проливам из глубины Малой Азии весьма затруднителен для наступления армии, вследствие характера местности и бездорожья. Наконец, занятие азиатского берега Босфора еще не знаменует собою овладение им, которое должно быть завершено на европейском берегу.

По всем этим причинам рассчитывать на самостоятельное осуществление нами операции захвата Проливов, по мнению Ю. Н. Данилова, нельзя. Содействие Болгарии нам для этого совершенно необходимо. Лишь высадка на болгарском берегу в обеспеченных условиях может привести к успеху. Болгарская армия должна будет служить нам заслоном, пока мы не соберем на ее территории достаточных сил для движения на чаталджинские позиции. Так как морские сообщения между Одессою и болгарскими портами сравнительно менее угрожаемы со стороны Босфора, чем путь между нашим побережьем и западною частью малоазиатского, то десантная операция в Болгарию сопряжена с относительно меньшим риском, чем высадка на малоазиатское побережье. Однако, если мы не достигнем безусловного морского господства на Черном море и не сможем обезопасить себя от «Гебена», — а удастся ли нам это, пока неизвестно, — то необходимо предусмотреть еще и другую альтернативу, а именно прохождение нашей армии сухим путем через Румынию. Договориться с последнею, по мнению ген.-квартирмейстера, желательно во всяком случае. Даже в случае высадки нашей армии в Болгарии может оказаться полезным установление связи с ее тылом через Румынию.

Тут выдвигается вопрос, какой из этих двух альтернатив — высадке на болгарское побережье или проведению наших войск через Румынию — надлежит дать предпочтение с чисто военной точки зрения, т.-е. безотносительно к трудностям привлечения на нашу сторону не только Болгарии, но и Румынии. Одним из основных условий всякой военной операции является ее безопасность. Этому условию, конечно, более полно отвечает путь через

Румынию. Десант же на болгарскую территорию давал бы этой операции большую свободу и, может быть, несколько ускорил бы ее производство. Первое операционное направление — через Румынию — могло бы быть признано основным, второе — десант на болгарскую территорию — дополнительным.

Для овладения чаталджинской позицией необходимо будет содействие флота, без которого овладение сильной с фронта чаталджинской позицией весьма затруднительно. Последнее выразится в обстреле с фланга турецкой оборонительной линии и, может быть, в производстве в тылу ее высадок под прикрытием огня наших судов. После завладения Босфором или одновременно с этой операцией придется завоевать Галлиполийский полуостров. Операция эта также потребует поддержки флота. Со стороны Мраморного моря содействие нашей армии окажет черноморский флот. Действия против Галлиполийского полуострова могли бы быть существенным образом облегчены флотом, находящимся в Ксеросском заливе. Ю. Н. Данилов поэтому весьма приветствует наше намерение приобрести аргентинские дредноуты [1]). Содействие их окажется необходимым и для блокирования Дарданелл во время наших операций, которые нам, быть может, придется вести без помощи наших союзников.

Для занятия Проливов, по мнению Ю. Н. Данилова, требуется от 8 — 10 корпусов. Указываемая иногда минимальная цифра в 6 корпусов представляется ему недостаточной. Ген.-квартирмейстер категорически утверждает, что, до окончания военных действий на западном фронте нашем, мы не сможем отвлечь от него 8 — 10 корпусов для операций против Проливов. А. А. Нератов выдвигал вопрос, нельзя ли надеяться на постепенное возрастание нашей армии и, следовательно, на то, что к концу войны на западном фронте появится избыток сил, могущий быть использованным для действий против Проливов. Ю. Н. Данилов с уверенностью заявляет, что мы, в лучшем случае, закончим войну с нынешним числом организационных единиц,

---

[1]) Речь идет об аргентинских дредноутах «Ривадавия» и «Морено», строившихся—первый на верфях «Fore River Co» в Кинслее, а второй в «N.-York Shipbuild. Co». Спущенные на воду в 1911 г., оба дредноута были заранее предназначены к продаже. Об одном из них («Ривадавия») весною 1914 г. велись переговоры с Турцией, стремившейся покупкой его завершить создание сильной эскадры на Черном море из 4 современных судов. Известие о намерениях Турции вызвало сильную тревогу в Петербурге, так как русские черноморские дредноуты были еще не закончены постройкой, и вынудило морское ведомство поднять вопрос о покупке южно-американских (чилийских и аргентинских) судов для России, а также о переводе в Черное море дивизии балтийских кораблей типа «Гангут». Начавшаяся мировая война, однако, коренным образом изменила положение вещей, так как строившиеся на английских верфях турецкие и южно-американские дредноуты были реквизированы Англией. Во время дарданелльской операции, весной 1915 г., бразильское правительство предложило России купить принадлежащие ему сравнительно устаревшие суда «Сао-Паоло» и «Минас-Джераэс», но эта покупка не могла состояться, в виду исключительно плохого состояния, в котором находились означенные дредноуты. Русский средиземноморский отряд был создан в 1916 г. из четырех судов, купленных у Японии, но участия в операциях против Проливов не принимал.

об увеличении же их нельзя думать. Мы до сих пор не могли даже восстановить 13-й и 15-й корпуса [1]). С течением же времени значительная часть военного материала придет в негодность, и израсходуется офицерский и унтер-офицерский персонал, так что даже укомплектование существующих войсковых частей сделается все более затруднительным. Готовый ныне контингент в 800.000 чел. восполнит понесенные потери, следующий контингент покроет расход в людях предстоящих месяцев. Ю. Н. Данилов думает, что, даже в случае заключения нами сепаратного мира с Австрией, нам невозможно будет отвлечь с западного фронта достаточные силы для операции против Проливов, тем более, что может к тому времени потребоваться усиление наших войск на Кавказе. Операция наша против Проливов рисуется ген.-квартирмейстеру лишь в виде отдельной кампании после конца борьбы с Германией. Если это так, то наше завладение Проливами мыслимо лишь в случае достижения решительного успеха над Германиею, после которого она не может явиться помехою отвлечению наших сил для действий против Турции.

По вопросу о способах осуществления операции завладения Проливами я беседовал также с А. В. Немитцем. Он вполне присоединяется ко всем вышеуказанным мыслям.

Остаюсь и проч.

Н. Базили.

P. S. Настоящее письмо было прочитано Ю. Н. Даниловым и вполне им одобрено.

№ 5.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов начальнику штаба верховного главнокомандующего ген. Н. Н. Янушкевичу.

Письмо [2]).

№ 902. 16/29 декабря 1914 г.

Милостивый государь Николай Николаевич,

Я имел честь получить письмо вашего высокопревосходительства от 12 сего месяца, № 1067 [3]) и вновь обращаюсь к Вам с просьбою не отказать сообщить мне некоторые данные, могущие более подробно осветить интересующий министерство иностранных дел вопрос. Я считаю своим долгом беспокоить ваше высокопревосходительство, не взирая на то, что все внимание Ваше поглощено событиями, происходящими на западном фронте, ибо вверенному мне министерству необходимо знать, обязано ли оно подготовить

---

[1]) 13-й и 15-й армейские корпуса входили в состав 2-й армии ген. Самсонова и были уничтожены в сражении при Сольдау—Танненберг 28—31 августа 1914 г. 15-й корпус был восстановлен в 1915 г. и позднее состоял в 10-й армии, 13-й восстановлен в 1916 г.

[2]) Печатается с рукописной копии, имеющейся в деле; подпись отсутствует.

[3]) В подлиннике, повидимому, ошибка в номере, и имеется в виду письмо ген. Янушкевича от 12/25 декабря 1914 г. за № 1064 (см. стр. 116).

для наступления нашей армии к Проливам условия, которые позволили бы избежать переправы по Черному морю, либо сократить, по возможности, таковую. Если же боевая готовность нашего флота позволяет совершить сказанную операцию, не прибегая к помощи соседних государств, то министерству иностранных дел не подобает вступать в какие бы то ни было переговоры по этому вопросу. Преждевременное начатие переговоров может оказаться, с точки зрения интересов России, столь же невыгодным, как и отсутствие дипломатической подготовки, ибо нельзя поручиться за немедленный успех этих переговоров.

Примите и проч.

№ 6.

Памятная записка директора дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего кн. Н. А. Кудашева.

По поводу письма г. министра иностранных дел г. начальнику штаба верховного главнокомандующего великий князь заметил:

Министр желает знать, что мы можем сделать для завладения Проливами? — Все зависит от обстановки. В настоящее время a priori теоретически ничего определенного сказать нельзя. Все будет зависеть от политической обстановки к тому времени, когда какие-либо акты будут возможны по отношению к Проливам. При ясно определенном взаимоотношении балканских государств только возможно будет сказать: нужна ли нам военная помощь Англии и Франции (так как о них, главным образом, идет речь). Примеры: 1) Болгария и Греция в войне с Турциею, а Румыния и Италия с Австрией; мы тогда можем справиться с Турцией без помощи Франции и Англии. 2) Мы заключили сепаратный мир с Австрией, а балканские государства остаются нейтральными; тогда мы можем направить все силы на Германию, уделив достаточное количество войск для захвата самостоятельно Проливов.

Одни мы захватить Проливы не можем ни под каким видом.

Великий князь заявил, что он не дипломат, а говорит как солдат: ему кажется, что не следует в политических объяснениях с нашими союзниками итти дальше, чем мы уже пошли, и довольствоваться пока тем, что уже получили от Англии и Франции, т.-е. известных их заявлений относительно соблюдения наших интересов при разрешении вопроса о Проливах и о Константинополе [1]). Дальнейшего он предполагал бы достигнуть путем сношений только на военной почве, притом исключительно главнокомандующими между собою. Великий князь желал бы знать, насколько такой способ объяснений, — вовсе, впрочем, не исключающий участия министерства иностранных дел, даже в некоторых случаях его инициативы, — представляется министру иностранных дел целесообразным и желательным.

Ставка.

Записано со слов великого князя 18-го декабря 1914 г.

Кн. Н. Кудашев.

[1]) См. т. I, «Переговоры с Англией и Францией».

№ 7.

Директор дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего кн. Н. А. Кудашев российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Письмо.

1/14 февраля 1915 г.

Совершенно частное.

Глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич,

Нехорошие известия принес нам сегодняшний день. Мы не только уходим из Восточной Пруссии, но, кажется, бежим [1]). Я решительно не понимаю, чем объяснить такое неумение у нас предвидеть события. Под Леценом мы уже три месяца окопались, укрепились, говорят, не хуже немцев, и вдруг все бросили и стремительно удираем. Зачем же было «огород городить»?!

На-днях мне Данилов говорил, что надо ожидать неприятных вестей из Восточной Пруссии; я его тогда спросил, почему же нельзя предупредить события. На это он ответил так: «Это всегдашняя участь обороняющегося; почему мы не наступаем — Вы знаете. Обороняясь же, мы предоставляем противнику инициативу. Где он ее проявит, мы сказать не можем, а превосходство его в путях сообщения дает ему возможность всегда быстрее сосредоточить свои силы на том или другом пункте, где и оказаться сильнее нас». Не знаю только, думал ли он тогда (разговор я с ним имел в пятницу вечером), что удар немцев окажется уж таким действительным.

Насколько известно, немцы идут в обход правого фланга нашей X армии (от Вержболова) и левого (у Серпена). У Лыка они действуют менее энергично. На восточном их фронте идет чуть ли не 6 корпусов, а если сосчитать всю линию вдоль восточно-прусской границы, то наберется 10 корпусов! Пока их крайний восточный (левый) фланг загибает на юг, но, в сущности, им все пути открыты, и они легко могут снова подойти к Ковно и до Гродно. Как бы оптимистично ни смотреть на дело, положение серьезное. и едва ли при таких условиях можно рассчитывать на выступление новых союзников...

Ген. Янушкевич мне сказал, что вопрос об отозвании Поклевского государем решен [2]). При этом он делал такие инсинуации по поводу Поклев-

[1]) Имеется в виду наступление, предпринятое германскими войсками в Восточной Пруссии 24 января/6 февраля 1915 г. (См. т. I, прим. 2, на стр. 258).

[2]) Приводим текст письма Николая II Сазонову от 25 января/7 февраля 1915 г., опубликованного у Лемке «250 дней в царской Ставке», стр. 587: «Сергей Дмитриевич, — Сегодня мне представлялся флигель-адъютант Веселкин, который доложил мне весьма прискорбные подробности о деятельности посланника в Румынии Поклевского-Козелл. Они оба—товарищи по лицею, и поэтому о предвзятости или о пристрастии не может быть и речи. Из всего сказанного мне для меня совершенно очевидно, что при настоящих условиях военного времени Поклевский не может быть долее терпим на занимаемом им месте. Я на-

ского, что я только руками разводил. Я постарался защитить Поклевского, указывая, по каким простым логическим причинам не могу допустить (даже не упоминая о личном моем знакомстве с ним) действий, будто прямо направленных против его отечества. На это генерал ответил: «Если бы только один Веселкин это говорил, то я бы склонен был признать, что тут или неверная оценка, или личные счеты. Но меня предупреждали дважды, притом чины Вашего же министерства, в декабре 1913 г. и в марте 1914 г., что Поклевский человек ненадежный и «опасный» (он только не сказал слова предатель). Я мог только ограничиться замечанием, что, несмотря на всю дружбу и родство с Веселкиным, только сожалею, что он, подобно стольким морякам, любит вмешиваться в политику и не в свои дела...

Кроме решения государя о Поклевском, генерал Янушкевич мне еще сообщил волю государя: чтобы дело о завладении Проливами сосредоточилось в Ставке и что государь признает только одно решение этого вопроса: присоединение обоих Проливов.

Так как Проливы еще в руках турок (или германцев), то, конечно, взятие их — дело пока военных; но он заблуждается, если думает, что такой крупный вопрос может быть решен одной только силою. Дай только бог, чтобы *была* сила!

Прошу Вас верить чувствам глубокого моего уважения и преданности.

Н. Кудашев.

№ 8.

Верховный главнокомандующий вел. кн. Николай Николаевич председателю российского совета министров И. Л. Горемыкину.

Рескрипт [1]).

№ 1468. 1/14 февраля 1915 г.

Совершенно секретно.

Иван Логгинович.

Министр иностранных дел возбудил вопрос о необходимости закончить настоящую войну с Турцией нашим утверждением в Проливах [2]).

На этот вопрос, по моему повелению, был послан ответ [3]), сущность которого сводилась к тому, что, если задача по утверждению в Проливах не будет разрешена дипломатическим путем, то для осуществления ее силой

хожу необходимым, чтобы он был немедленно отозван. На его место мог быть временно командирован Шебеко, если Вы находите, что пост посланника не должен теперь оставаться вакантным. Верховный главнокомандующий настаивает, с своей стороны, на отозвании Поклевского, считая его деятельность в Румынии вредной России. Уверен, что Вы исполните мою волю тотчас же. Николай». См. т. I, прим. 1, на стр. 208, а также ср. «Красный Архив», т. II и III: «Переписка В. А. Сухомлинова с Н. Н. Янушкевичем».

[1]) Печатается с копии, имеющейся в деле.

[2]) См. стр. 115.

[3]) См. стр. 116

необходимы весьма значительные силы и средства, которые возможно будет выделить лишь после окончания войны с нашими западными соседями.

При этом было указано на необходимость обширной политической подготовки, которая давала бы нам возможность произвести беспрепятственно высадку в одном из болгарских портов и пользоваться через Румынию железнодорожной сетью для снабжения высадившейся и наступающей на Босфор армии всем необходимым.

Одновременно с сим морской министр обратился с заявлением о желательности теперь же приступить к усилению наших транспортных средств и разработке положения, регулирующего взаимоотношения между сухопутными и морскими начальниками в предположенной десантной экспедиции.

Из указанной переписки я вывел заключение, что в некоторых министерствах заняты вопросом о Проливах, при чем у меня явилось опасение в том, чтобы работы эти не приняли характер разрозненности, в особенности в отношении подготовки соответственных сухопутных и морских сил и средств.

Изложенное привело меня к решению испросить, во время последнего пребывания государя императора на Ставке [1]), высочайшее разрешение представить на благоусмотрение государя императора возбужденный вопрос о Проливах и доложить его императорскому величеству мой на это взгляд.

Изложив с разрешения его императорского величества все касающееся этого вопроса, я просил государя императора, не благоугодно ли будет его величеству дать мне соответственные директивы.

Государь император изволил мне высказать, что вопрос об утверждении на Проливах и в Константинополе должен быть разработан, так как его императорскому величеству благоугодно, если бог в этом поможет, чтобы Проливы, т.-е. Босфор и Дарданеллы, стали достоянием России.

Вместе с тем государю императору благоугодно было высказать, что подготовительные работы всех министерств должны вестись по определенному плану, основные положения коего должны быть установлены верховным главнокомандующим.

О таковой высочайшей воле его императорское величество дал мне указание сообщить вашему высокопревосходительству, дабы Вы изволили оповестить о сем всех подлежащих г.г. министров.

Что касается министров военного и морского, то я, вместе с сим, сообщу им особо о последовавшем высочайшем повелении.

Глубоко Вас уважающий

Николай.

---

[1]) Николай II был в Ставке 23—25 января (5—7 февраля) 1915 г.

№ 9.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов председателю совета министров И. Л. Горемыкину.

Письмо [1]).

№ 179. 19 февраля/4 марта 1915 г.

Милостивый государь,

Иван Логгинович.

На состоявшемся у вашего высокопревосходительства 9 февраля с. г. совещании по вопросу о Проливах Вы изволили прочесть рескрипт по сему предмету, данный на имя Ваше верховным главнокомандующим.

В виду того, что означенное письмо по своему предмету непосредственно касается деятельности вверенного мне ведомства, я был бы весьма признателен вашему высокопревосходительству за сообщение мне копии его [2]).

Примите и пр.

№ 10.

Памятная записка, составленная в российском министерстве иностранных дел.

8 февраля 1915 года у министра иностранных дел состоялось частное совещание, на котором генерал-адъютант Куропаткин ознакомил со своими предположениями по вопросу о Проливах С. Д. Сазонова, посла в Константинополе М. Н. Гирса, товарища министра иностранных дел Нератова, начальника канцелярии министра барона Шиллинга, советника II политического отдела, Гулькевича, советника III политического отдела Клемма и помощника начальника канцелярии Базили.

Обрисовав историческое развитие вопроса о Проливах и значение его для нас в военном, экономическом и политическом отношениях, генерал-адъютант Куропаткин высказался за безусловную необходимость воспользоваться настоящей войной для решительного осуществления целей наших на Босфоре и Дарданеллах. Решение этого вопроса, по мнению А. Н. Куропаткина, должно состоять в занятии нами: 1) европейского берега Босфора, Мраморного моря и Дарданелл до линии Энос—Мидия, 2) омывающего эти воды азиатского берега до линии, идущей по реке Сакарии до Левке и оттуда через Баликесри до Митиленского залива и 3) островов, прилегающих к Дарданелльскому проливу. На Босфоре надлежало бы соорудить первоклассную крепость, использовав для этой цели чаталджинскую позицию и естествен-

---

[1]) Печатается с черновика, имеющегося в деле.

[2]) Копия рескрипта верховного главнокомандующего была препровождена Сазонову Горемыкиным 24 февраля/9 марта 1915 г., при сопроводительном письме за № 1936.

ную оборонительную линию, идущую от Хинкиара до Еникиой. Редюитом этой крепости явились бы укрепления у верхнего Босфора, расположенные от Киреч-Бурну и от Бейкоса до берега Черного моря. Галлиполийский полуостров надлежало бы укрепить, использовав Булаирскую позицию. Предусматриваемый генералом Куропаткиным расход войск на оборону этой территории определяется им в 4 корпуса. Трата войск эта компенсируется, по его мнению, возможностью ослабить в случае занятия Проливов силы, расположенные в одесском военном округе. Что же касается города Константинополя, то в случае, если присоединение его признано будет связанным с чрезмерными трудностями и невыгодами, генерал Куропаткин полагал бы возможным образование из него вольного города. Независимо от того или иного решения вопроса о судьбе Константинополя, он считает выгодным для нас устройство там порто-франко.

Посол М. Н. Гирс возражал против предложения об образовании из Константинополя вольного города, указав на то, что в нем не найдется элементов, могущих обеспечить самостоятельное управление его, при условии согласия с нашими интересами.

II.

Отношение российского правительства к дарданелльской операции.

18/31 декабря 1914 г.—26 июня/9 июля 1915 г.

№ 11.

Памятная записка директора дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего кн. Н. А. Кудашева российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Великим князем было сказано генералу Вилльямсу приблизительно следующее:

С самого начала войны мы преследовали общую с союзниками цель, иногда в ущерб собственным нашим интересам, считая, что чем интенсивнее мы это будем делать, тем полнее достигнем успеха в общем деле.

В настоящее время великий князь придерживается того же самого образа действия, что̀ бы ни происходило на Кавказе; доказательством этого может служить тот факт, что сибирский корпус, только что подходящий к Варшаве, легко мог бы быть послан на Кавказ, но его туда не посылают, так как он нужен на западном фронте, чтобы не отходить от первоначальной программы.

Еще до начала войны с Турцией мы предвидели неуспех на кавказском театре военных действий. Тем не менее мы взяли с Кавказа большую часть войск для главной цели, общей с союзниками.

Итак, великий князь будет продолжать прежний образ действий и считать кавказский театр второстепенным.

С другой стороны, с точки зрения *общих* интересов всех союзников, великий князь считает, что если будет большой успех у турок на Кавказе, то моральные его последствия будут иметь большое значение: подъем духа одного из наших врагов поднимет дух и остальных, а это отразится на общем деле. Эту моральную сторону следует иметь в виду нашим союзникам. Если они с этим согласны, то желательно их воздействие на Турцию в наиболее

уязвимых и чувствительных ее местах. У Турции таких мест много, где воздействие на нее может широко компенсировать ее успехи на Кавказе, даже заставить ее забыть о ее успехах, обратив подъем духа в панику.

Итак, если мысль эту союзники сочтут правильною, то великий князь вполне уверен, что они предпримут такие действия, которыми это будет достигнуто; великий князь далек от мысли указать, что делать и как делать, и каким образом достигнуть успеха.

Если союзники считают, что это не так, что в интересах общего дела безопасно оставить турок использовать свою победу на Кавказе, то пусть не предпринимают ничего.

Передавая мне об этих указаниях генералу Вилльямсу, великий князь прибавил, что, давая их для сообщения лорду Китченеру и, чрез маркиза Лагиша, генералу Жоффру, его императорское высочество исходил из следующего: *мы ничего у союзников и ни о чем не просим; хотим их успокоить* насчет наших дальнейших военных действий [1]).

Ставка.

Записано со слов великого князя 18/31 декабря 1914 г.

Кн. Н. Кудашев.

№ 12.

Памятная записка великобританского посольства в Петрограде российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову [2]).

Совершенно секретно.

Следующее сообщение было послано через посольство его величества первым лордом адмиралтейства его императорскому высочеству великому князю верховному главнокомандующему:

«Сообщение вашего императорского высочества было препровождено через лорда Китченера в адмиралтейство. Содержащаяся в этом сообщении просьба предпринять морскую операцию против Турции с целью облегчить положение России на Кавказе было подвергнуто адмиралтейством внимательному и тщательному рассмотрению. В настоящее время оно пришло к заключению, что в добавление к второстепенной демонстрации, о которой лорд Китченер телеграфирует вашему императорскому высочеству [3]), общие интересы союзного дела требуют серьезного усилия, чтобы сломить турецкое

[1]) Настоящий документ печатается нами в данной связи, в виду того, что разговор б. вел. князя с ген. Вилльямсом положен в основу английской версии о возникновении дарданелльской операции (Callwell „The Dardanelles“, London, 1919, p.p. 7—8; J. H. Williams „The Emperor Nicolas II, as I knew him“, London, 1922, p.p. 23—25; W. Churchill „The World crisis“, 1915, London, 1923, p.p. 92 and s.s.).

[2]) Перев. с англ.

[3]) Телеграмма Китченера ген. Вилльямсу от 2 января 1915 г., см. стр. 16.

сопротивление. В соответствии с этим адмиралтейство решило попытаться, путем морской операции, форсировать проход через Дарданеллы. Предполагается, что эти операции, — которые будут, как надеется адмиралтейство, походить на способ, примененный германцами при последовательном уничтожении внешнего кольца Антверпенских фортов, — займут 3 или 4 недели для своего выполнения.

В целях проведения в жизнь этого плана, адмиралтейство концентрирует в Средиземном море флот, который должен состоять из следующих единиц:

12 линейных кораблей (2 из которых должны принадлежать к типу дредноутов),

3 легких крейсеров,

16 истребителей,

4 подводных лодок,

1 базы для гидропланов

и более значительного числа минных тралеров и других вспомогательных судов.

Ожидают, что атака начнется в первых числах второй половины февраля, когда концентрация этого флота будет закончена.

Адмиралтейство также предложило участвовать в этой операции французской флотилии и французской эскадре линейных кораблей.

Чрезвычайно нежелательно распространение каких-либо сведений о полных размерах этой операции, так как невозможно предсказать степень сопротивления, которая будет оказана турецкими фортами, и существеннейшим образом важно, чтобы все это было сохранено в абсолютной тайне.

При составлении плана этих операций адмиралтейством были в достаточной степени предусмотрены как возможные потери в судовом составе, так и силы, необходимые для уничтожения германо-турецкого флота, в случае если атакующий флот достигнет Мраморного моря.

В заключение адмиралтейство выражает надежду, что российское правительство окажет мощное содействие в предполагаемой атаке, предприняв в подходящий момент морскую операцию у устья Босфора и имея на-готове войска, чтобы использовать всякий достигнутый успех. Адмиралтейство придерживается того мнения, что было бы, вероятно, предпочтительнее отнести операции русских сил к моменту, следующему за разрушением внешних дарданелльских фортов. Этим путем всякая начальная неудача при атаке не примет вида серьезного поражения союзных сил. Однако, адмиралтейство желает подчеркнуть чрезвычайную желательность для него содействия русского флота в надлежащий момент».

20 января 1915 г.

№ 13.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов директору дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего кн. Н. А. Кудашеву.

Письмо [1]).

№ 12. 8/21 января 1915 г.

Строго доверительно. Лично.

М. Г.

Князь Николай Александрович,

По просьбе великобританского посла, я пересылаю с сегодняшним фельдъегерем весьма доверительное письмо на имя генерала Вилльямса, которому лорд Китченер поручает предупредить верховного главнокомандующего о предположенных военных действиях союзного флота против Дарданелл. Эти предположения, повидимому, вызваны недавней просьбой великого князя к союзникам несколько облегчить наше положение на Кавказе отвлечением турок в другую сторону. С этой целью англичане намерены сделать в половине февраля решительную попытку прорваться в Мраморное море и желали бы, чтобы и мы одновременно напали на турок со стороны Босфора. Все это, разумеется, должно храниться в строжайшей тайне.

Однако, рискованность задуманного предприятия и опасные последствия возможного его неуспеха заставляют меня просить Вас доложить его императорскому высочеству, что, по моему мнению, предварительно ответа лорду Китченеру следовало бы тщательно взвесить, можем ли мы в настоящую минуту оказать англичанам просимую ими поддержку и, в случае удачного оборота дела, сыграть в занятии Проливов подобающую России роль? Если бы на эти вопросы пришлось ответить отрицательно, то не лучше ли было бы просить наших союзников, в виду изменившегося в нашу пользу положения на Кавказе, повременить еще с предположенными действиями против Дарданелл?

Об отзыве на этот счет августейшего верховного главнокомандующего я буду ожидать от Вас уведомления.

Примите и проч...

Сазонов.

[1]) Печатается с черновика, имеющегося в деле.

№ 14.

Директор дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего кн. Н. А. Кудашев российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Письмо.

Петроград, 12/25 января 1915 г.

Милостивый государь Сергей Дмитриевич,

Строго доверительное письмо вашего высокопревосходительства от 8-го сего января за № 12/п. было мною получено 9-го и в тот же день доложено начальнику штаба верховного главнокомандующего, дабы генерал от инфантерии Янушкевич был подготовлен к разговору с генералом Вилльямсом, которому я одновременно передал полученное с тем же фельдъегерем весьма секретное письмо от великобританского посла касательно предположенных военных действий союзного флота против Дарданелл.

На другой же день я получил от начальника штаба, для перевода на французский язык, проект ответа великого князя на телеграмму лорда Китченера. Проект этот написан целиком, за исключением последней фразы, рукою его императорского высочества. Копию с перевода этого ответа имею честь представить при сем на благоусмотрение Ваше. Этот ответ был в моем присутствии передан генералом Янушкевичем генералу Вилльямсу и вошедшим затем в вагон, где мы находились, великим князем дополнен и развит словесными разъяснениями. Разъяснения эти сводятся к следующему: мы рады были бы оказать союзному флоту содействие, но обещать его не можем ни флотом, ни сухопутными войсками; с чисто военной точки зрения, всякий удар, нанесенный Турции, для нас выгоден, так как не только облегчит наше военное положение на Кавказе, в настоящее время вполне, впрочем, благополучное, но и в Европе, так как поражение турок, несомненно, определит ориентировку балканских государств в желательную для нас сторону [1]).

Генерал Вилльямс, который впоследствии прочел мне свое письмо сэру Джорджу Бьюкенену, в коем он излагает услышанное им от великого князя и препровождает упомянутый выше ответ, понял его императорское высочество так: верховный главнокомандующий находит для военной обстановки предположенное форсирование выгодным, но не может ему способствовать. Таким образом, доносит генерал, великобританскому адмиралтейству придется решить: может ли оно предпринять это дело теперь же, без всякого содействия России, или же отложить его до мая, когда русская эскадра будет в состоянии с своей стороны напасть на турок с севера. При этом генерал Вилльямс заметил мне: «По моему личному впечатлению и читая между

---

[1]) Содержание этой беседы изложено в мемуарах ген. Вилльямса «The Emderor Nicolas II as I knew him», p. p. 36—39.

строк телеграмму лорда Китченера [1]), дело о форсировании Дарданелл нашим адмиралтейством уже решено. Но, быть может, заявления великого князя и заставят его изменить или отложить».

Перед отъездом в Петроград я зашел к генерал-квартирмейстеру, который посвящен в это дело и от которого я надеялся услышать дальнейшие развития мысли, изложенной в ответной записке великого князя.

Генерал от инфантерии Данилов, действительно, высказался подробнее и определеннее, нежели великий князь. Он начал с того, что наше положение на Кавказе, после блестящих побед под Саракамышем, Караурганом и других [2]), теперь прекрасно, но не прочно. Потери наши там громадны, и пополнить их неоткуда. Между тем, имеются сведения, что турки уже подтягивают подкрепления к нашей границе: 12-ая дивизия, предназначавшаяся для действий против англичан на Шат-эль-Арабе, направлена ныне на север; 2-ой и 5-ый корпуса (адрианопольский и смирнский), будто, тоже подготовляются к перевозке на наш фронт. При таких условиях месяца через полтора—два наша кавказская армия будет в том же критическом положении, в котором она находилась до наших побед. Надеяться на повторение совершенных нашими кавказскими войсками подвигов можно, но рассчитывать на это не следует, и катастрофу на Кавказе необходимо по возможности предупредить. В виду этого всякая серьезная диверсия, совершенная нашими союзниками и направленная против Турции, только может быть нами приветствуема. Он подтвердил мне невозможность, даже при условии успеха английского предприятия, в каковой успех он лично безусловно не верит посылки нами каких-либо войск для десантной операции на Босфоре. Он усмехнулся, когда я сказал, что в ответе великого князя упоминается минимум для десанта в два корпуса: меньше как о четырех корпусах даже и говорить не стоит. Тем не менее он считает, что одна попытка англичан завладеть Дарданеллами уже принесет свою пользу. «*А потому,* — прибавил он, — *скажите Сергею Дмитриевичу, чтобы он отнюдь не «расхолаживал» англичан.* Пользу предприятие их принесет несомненно, удастся ли оно или нет». На это я ему напомнил слова вашего высокопревосходительства, переданные ему после моей первой поездки в Петроград: что только то Вы считаете крепко приобретенным, что добыто нами самими, нашею кровью, нашими усилиями. Согласившись с этим, генерал Данилов прибавил, что мы и не думаем чужими руками жар загребать, что, впрочем, нам и не придется, так как англичане, если бы им и удалось овладеть Проливами, уничтожить турецкий флот и навести страх на столицу Оттоманской империи, то и тогда не смогут овладеть этою столицею: никакой десант, который они могли бы выслать, не в состоянии был бы одолеть турецкую армию, которая не отдаст же без боя столицу. Если принять во внимание это обстоятельство, то, по мнению генерала Данилова, мы ничем не рискуем, поощряя англичан к осуществлению их предположения. Что касается до общего вопроса завладения нами Босфора, то это не может быть сделано нами «между прочим». Он самым внушительным образом

[1]) См. стр. 16.

[2]) См. т. I, прим. 2 на стр. 293.

пояснил: завоевание Босфора потребует отдельной войны, а будет ли Россия способна вести эту отдельную войну и захочет ли, в этом он глубоко сомневается.

Резюмируя все услышанное мною от высших руководителей нашими военными действиями на Ставке, можно сказать: 1) завладение Проливами союзным флотом считается трудно осуществимым, почти невозможным; 2) попытка такового завладения для нас полезна и, с военной точки зрения, даже очень желательна; 3) даже в случае неудачи она принесет нам пользу; 4) в случае удачи опасности не представляет, а пользу принесет еще большую; 5) содействие наше этому предприятию в настоящее время ничем выразиться не может. В мае может помочь наш черноморский флот, усиленный новыми единицами; 6) десант сколько-нибудь значительный мы сможем послать, только когда определится несомненная и окончательная наша победа над германцами.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностью имею честь быть, милостивый государь,

вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою

Кн. Н. Кудашев.

№ 15.

Проект ответа верховного главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича великобританскому военному министру лорду Г. Китченеру [1]).

Обращение наше к союзникам, имевшее в виду операцию против Турции, имело своей целью отвлечение турецких сил с кавказского фронта в момент, когда по всему фронту кавказской армии началось сражение с превосходными силами [противника]. Эта битва могла привести к нашему поражению. Действительно, стремясь всеми нашими силами содействовать союзникам, мы решили ни в коем случае не ослаблять наших войск, оперирующих против германцев и австрийцев. Мы рассматривали также операцию союзников против Турции, как мощное средство добиться важного морального эффекта.

Осуществляя это обращение, мы не давали никаких указаний и не делали никаких предложений относительно способа выполнения, так как мы не имели возможности непосредственно способствовать приведению в исполнение плана операции против Турции.

Наш флот, — в виду незаконченной постройки дредноутов, недостаточного количества быстроходных миноносцев и отсутствия подводных лодок усовершенствованного типа, — является только равным по силе турецкому флоту, и то только в том случае, если все корабли собраны вместе [2]). Отсут-

---

[1]) Перев. с фр.; в подлиннике дата отсутствует.

[2]) Крейсеру дредноуту «Гебен», вооруженному 10—11 дюйм. орудиями, черноморский флот мог противопоставить дивизию из 5 линейных кораблей с общим всоружением в 16—12-ти дюйм., 4—10 дюйм. и 16—8 дюйм. орудий. Это преимущество в вооружении, однако, достигалось только в том случае, если весь черноморский флот находился в море, каждая же единица его в отдельности значительно

ствие одной или двух боевых единиц неминуемо делает его более слабым, чем оттоманский флот. Конструкция наших кораблей такова, что они не могут иметь на борту угля больше, чем на 4 дня пути. Снабжение углем в море невозможно, в виду дурной погоды и волнения, господствующих на Черном море почти всю зиму. Наиболее близкая база, которую мы имели бы, находится в 24-х часах пути от входа в Босфор. Таковы те причины, по которым мы не можем предоставить нашу помощь союзным флотам, как бы сильно ни было наше желание сделать это.

Сила батарей, защищающих Босфор, принимая в соображение число и калибр их орудий, по сравнению с орудиями нашего флота, дает мало надежды на наш успех.

Десантная операция русских войск, — что могло бы составить наиболее действительную помощь союзному флоту после форсирования Дарданелл, — не может иметь места, так как она могла бы осуществиться только за счет сил, находящихся на главном театре войны, ослабляя их, по крайней мере, на два армейских корпуса.

Такова ясная и правдивая картина нашего положения. Мы спешим ее обрисовать для того, чтобы наши союзники приняли ее в соображение в момент выбора средств и определения характера операции против Турции, чтобы придать последней наибольшую силу при данных обстоятельствах.

Нельзя надеяться на разгром Турции успехами на кавказском театре войны. Даже взятие Эрзерума не повлекло бы за собой его.

Усиление нашей черноморской эскадры присоединением дредноута «Императрица Мария», подводных лодок усовершенствованного типа и миноносцев, несомненно, изменило бы положение вещей, сделав наш флот более способным предпринять активные операции. Но это может наступить только в мае месяце.

В заключение верховный главнокомандующий считает своим долгом заметить, что, по его мнению, та или другая военная операция, направленная против Турции, должна иметь важные последствия для общего дела. Действи-

---

уступала «Гебену» как в отношении вооружения, так и бронирования. Наиболее современные из черноморских броненосцев «Евстафий» и «Иоанн Златоуст», законченные постройкой в 1910 г., по своей конструкции представляли улучшенный тип «Кн. Потемкина» («Пантелеймон») и относились к броненосцам до-цусимского периода. В противоположность этому, «Гебен» являлся одним из наиболее современных судов германского флота и принадлежал к типу крейсеров-дредноутов «Мольтке», боеспособность которых была доказана в сражениях при Доггер-Банке и Хорн-Рифе. Исключительная быстроходность «Гебена» (27 узлов по сравнению с 16—17 узлами черноморских броненосцев) давала ему большие оперативные преимущества над русским флотом. Из турецких крейсеров «Меджидиэ» и «Гамидиэ», несомненно, уступали по своему вооружению 2 крейсерам черноморской эскадры «Память Меркурия» и «Кагул», но крейсер «Бреслау» превосходил последние в отношении своей быстроходности. Что касается минного флота, как подводного, так и надводного, то здесь преимущество черноморского флота над турецким было безусловным. Со вступлением в июне 1915 г. в строй первого черноморского дредноута «Императрица Мария» соотношение сил резко изменилось в пользу России, тем более, что к этому времени, вследствие аварий, «Гебен» уже утратил часть своей боеспособности. (См. прим. 1 на стр. 144).

тельно, она отразится на нашем главном противнике — Германии, она свяжет Турцию, делая ее неспособной к какому бы то ни было активному действию, и будет, несомненно, иметь решающее влияние на позицию государств Балканского полуострова.

№ 16.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 29. 20 января/2 февраля 1915 г.

Министр финансов [1]) просит передать Горемыкину: — «Ежедневные расходы союзников составляют теперь для каждого от 40 до 50 мил. франков. Я заявил, что мы должны считаться с необходимостью открытия кредита на войну в размере 500 мил. рублей в месяц, всего 6 миллиардов на год, из них $^1/_6$ часть, в размере 1 миллиарда рублей, необходима в виде кредитов за границею. Наряду с этим я категорически заявил, что мы не можем высылать золота; должны охранять наши золотые запасы. Очень трудно будет найти формулу такого единения наших интересов, чтобы мы получили надлежащие кредиты за границей, не ослабляя наших золотых запасов, в особенности в виду требований, предъявляемых английскому и французскому рынкам со стороны Бельгии, Сербии и Румынии. Завтра продолжение совещания. Наряду с финансовыми вопросами Ллойд-Джордж поставил на обсуждение вопрос о немедленной посылке на помощь Сербии объединенного корпуса, в составе войск Англии, Франции и России. По мнению англичан, такая активная помощь побудит Грецию, Румынию и Болгарию примкнуть немедленно к нам. Считая с Сербией, такая армия, двинутая с юга против Австрии, составит не меньше миллиона штыков и сразу изменит все положение, облегчая наше движение на Силезию, оттягивая войска от французского фронта и разрешая вопрос о Проливах. Это предложение было немедленно рассмотрено в частном совещании у Рибо, при участии Вивиани, Милльерана и Делькассэ. Милльеран противится посылке французских и английских войск в Сербию, желая иметь возможно большие подкрепления здесь. Вопрос подвергнется дальнейшему обсуждению в совете министров в четверг. Подписал Барк».

Извольский.

---

[1]) О поездке министра финансов Барка за границу в январе 1915 г. см. доклад его, опубликованный в «Красном Архиве» т. V, 1924 г., стр. 50—69.

№ 17.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 30. 20 января/2 февраля 1915 г.

Тайный советник Барк просит передать Горемыкину: — «Президент республики принял меня сегодня вечером и долго говорил со мной о трех вопросах, которые его заботят: 1) от великого князя Николая Николаевича получена телеграмма, сообщающая о большом недостатке ружей, при чем великий князь указывает, что отсутствие в этом деле помощи Франции фатально для России и приводит его лично в отчаяние. Повидимому, 5 миллионов ружей, которые должны были быть в наличности, в действительности не оказались. Для Франции такое положение союзницы оказалось совершенно неожиданным, и президент ожидает подробных данных о количестве действительной потребности в ружьях. 2) Президента смущают различные выступления и заявления графа Витте и нахождение его во главе комитета финансов. 3) Предложение Ллойд-Джорджа о посылке объединенного корпуса союзников на Балканы, для побуждения Болгарии, Румынии и Греции к активному выступлению, признается президентом заслуживающим большого внимания. Первый вопрос чрезвычайно заботит президента, который несколько раз к нему возвращался, освещая его с разных точек зрения».

Извольский.

№ 18.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 32. 21 января/3 февраля 1915 г.

Копия в Лондон.

Из вчерашней телеграммы тайного советника Барка на имя председателя совета министров Вам уже известно о сделанном здесь Ллойд-Джорджем предложении о посылке на помощь Сербии русских, английских и французских войск. По этому поводу Делькассэ только что сказал мне, что, хотя до сих пор французскому правительству об этом плане ничего не известно ни от французского посла в Лондоне, ни от здешнего английского посла, он считает предложение Ллойд-Джорджа вполне официальным и что предложение это будет обсуждаться завтра утром в совете министров, под председательством президента республики. Лично Делькассэ в принципе высказался скорее в пользу сказанного плана. Главные возражения исходят от военного министра, Мильерана; во время пребывания последнего в Лондоне было усло-

влено, что Англия доставит на здешний театр, до 20 февраля нов. стиля, 4 новые дивизии, которые предназначены для занятия определенного участка фронта. Мильеран не допускает, чтобы какая-либо часть этих войск была взята для посылки на Балканы; он высказывается также против отвлечения хотя бы одной французской дивизии. Делькассэ думает, что Англия могла бы спешно сформировать еще одну дивизию, сверх вышеупомянутых четырех, и не видит особенных препятствий к посылке одной французской дивизии из вновь формированных; он высказал мнение, что для Франции трудно принять на себя ответственность отказа, и спросил моего мнения. Я ответил, что не имею никаких указаний о взгляде императорского правительства на этот вопрос, но что, по моему личному мнению, высказанные Ллойд-Джорджем соображения имеют несомненный вес и что появление на Балканах французских, английских и, особенно, русских войск, действительно, может возыметь теперь решающее действие. Отвечая таким образом, я руководствовался, между прочим, тем, что в одной из Ваших телеграмм — от 3 декабря, № 4302 [1]) — была упомянута возможность посылки русского отряда на Балканский полуостров. Позволяю себе поэтому надеяться, что мой ответ будет Вами одобрен, и прошу дальнейших указаний по настоящему вопросу.

Извольский.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II: «Из России будет послан в Сербию один казачий полк». Ставка, 23-го января 1915 года.

№ 19.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 34. 22 января/4 февраля 1915 г.

Копия в Лондон.

Состоявшийся сегодня под председательством президента республики совет министров высказался в принципе за принятие английского предложения о посылке соединенных войск на Балканский полуостров, под условием, однако, что английская дивизия будет взята не из числа четырех дивизий, обещанных Франции 20 февраля нов. стиля. Франция готова, с своей стороны, послать одну дивизию из вновь формируемых. Президент республики, с которым я только что беседовал, лично весьма сочувствует этому плану.

---

[1]) В телеграмме от 3/16 декабря 1914 г. № 4302 посланнику в Бухаресте Поклевскому Сазонов указывал на желательность выступления Болгарии против Турции. Выступление это, однако, по мнению Сазонова, было бы своевременным «только, когда русские войска высадятся на Балканском полуострове». Поэтому ближайшей задачей союзной политики на Балканах является воссоздание балканского блока.

Он высказал мне опасение, что после того, как на Балканы будет послан союзнический контингент, союзникам будут предъявляться требования о дальнейшем его усилении. По мнению президента республики, появление на Балканах союзных войск должно произвести, главным образом, нравственное впечатление, и Франция ни в каком случае не будет иметь возможности взять со своего фронта более одной дивизии. Министр иностранных дел высказался в том же смысле. Он будет телеграфировать о вышеизложенном Палеологу.

Извольский.

№ 20.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [1]).

№ 72. 23 января/5 февраля 1915 г.

Ссылаюсь на телеграмму Извольского № 32.

Лично. Эта телеграмма меня удивляет. Согласно строго доверительным сведениям, речь идет о проекте весьма секретном, отличном [от данного], более значительном и предположенном на весну. Возможно, что в Париже произошло недоразумение. Делькассэ приедет сюда в будущий понедельник. Не могли бы Вы отложить всякий ответ до того момента, пока вопрос этот не будет выяснен во время пребывания Делькассэ.

Бенкендорф.

№ 21.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов директору дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего кн. Н. А. Кудашеву.

Телеграмма.

№ 29.

29 января/11 февраля 1915 г.

(6 ч. 20 м. веч.).

Благоволите передать генералу Янушкевичу для доклада его императорскому высочеству верховному главнокомандующему:

Французский и великобританский послы сообщили мне сегодня, что вопрос о посылке их правительствами по одной дивизии в Салоники решен окончательно. Я считаю крайне нежелательным с политической точки зрения, чтобы наши союзники оказали без нас Сербии помощь, которой приписывают, главным образом, нравственное значение.

---

[1]) Перев. с фр.

Считаю поэтому полезным, чтобы намеченная для посылки в Сербию ополченская бригада прибыла туда, по возможности, одновременно с союзническими войсками.

Прошу срочного ответа [1]).

Сазонов.

№ 22.

Великобританский статс-секретарь по иностранным делам сэр Эд. Грэй послу в Петрограде сэру Дж. Бьюкенену.

Шифрованная телеграмма [2]).

12 февраля 1915 г.

Лично и секретно.

Телеграмма первого лорда адмиралтейства по поводу Дарданелл. Здешний российский посол был уведомлен об этом через NN и очень желал бы, чтобы г. Сазонов узнал об этом. Я уполномочиваю Вас заявить г. Сазонову, что будет предпринята серьезная попытка форсировать Проливы, что верховный главнокомандующий был извещен несколько времени тому назад и было заявлено пожелание о сотрудничестве русских морских и сухопутных сил. Вы можете сообщить г. Сазонову, что атака будет произведена, приблизительно, через две недели. Вы можете добавить, что невозможно сделать что-либо больше.

№ 23.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов директору дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего кн. Н. А. Кудашеву.

Телеграмма.

№ 30. 30 января/12 февраля 1915 г.

Великобританский посол сообщил мне строго доверительно, что попытка союзников прорваться через Дарданеллы, о коей Черчилль упоминал в частной телеграмме на имя верховного главнокомандующего, будет произведена, приблизительно, через неделю. Лично я считаю операцию чрезвычайно рискованною, ибо, в случае неуспеха, значение союзнического флота в Средиземном море может быть серьезно подорвано.

Сазонов.

---

[1]) В ответ на эту телеграмму Сазонову было сообщено из Ставки о полученном согласии Николая II на посылку в Сербию ополченской бригады и одного казачьего полка (телегр. Кудашева от 30 января/12 февраля 1915 г. № 59 и телегр. вел. кн. Николая Николаевича от 31 января/13 февраля 1915 г. № 61).

[2]) Перев. с англ.

№ 24.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 67. 3/16 февраля 1915 г.

Копия в Лондон.

Получил Ваши телеграммы №№ 592 [1]) и 608 [2]).

Содержание первой было сообщено мною Делькассэ вчера. Вторая получена мною лишь сегодня, уже после заседания совета министров. Я тотчас ознакомил с нею Делькассэ и употребил все старания к убеждению его в невозможности более откладывать выступление в Нише и Софии; он ответил мне, что лично готов с Вами согласиться, но просит меня предварительно представить Вам следующие соображения: из телеграммы князя Трубецкого [3]) ясно, что на заявление трех держав Пашич ответит требованием более точных обещаний насчет Далматинского побережья; это, несомненно, тотчас будет известно Италии, которая сейчас переживает критический момент. Завтра открывается итальянский парламент, и следует ожидать новых попыток со стороны нейтралистов. С другой стороны, итальянское правительство принимает меры, повидимому, указывающие на близость активного выступления — запрещение эмиграции и т. п. В такую минуту известия о переговорах с Сербией о Далмации могут произвести в Риме крайне нежелательное впечатление. Но в виде еще более веского аргумента Делькассэ сообщил мне весьма доверительно, что на-днях, может быть уже завтра или послезавтра, следует ожидать открытия активных действий со стороны союзного англо-французского флота с целью прорваться через Дарданеллы [4]). Если эта попытка удастся, она может вызвать в Константинополе переворот и произвести решительное воздействие на все балканские государства, в том числе

---

[1]) Телеграмма Сазонова от 1/14 февраля 1915 г. о переговорах с турецкой либеральной партией. (См. т. I, стр. 240).

[2]) Телеграмма Сазонова от 2/15 февраля 1915 г. о желательности не откладывать долее выступление держав Согласия в Нише и Софии, в виду проявленной Пашичем «готовности итти на уступки Болгарии».

[3]) Извольский, вероятно, имеет в виду телеграмму Трубецкого за № 137 от 31 января/13 февраля 1915 г., передающую содержание беседы приехавшего в Ниш далматинского политического деятеля Супило с Пашичем. В ответ на указание Супило на необходимость уступок со стороны Сербии в Македонии, Пашич, будто бы, заявил, что он «готов разделить эту точку зрения», но что для этого необходимо осуществление двух условий: 1) прекращения Болгарией двойственной политики и 2) перемены в настроении сербских общественных и политических кругов, требующих более определенных обещаний относительно будущих земельных приращений Сербии, в частности на Далматинском побережьи.

[4]) Операции союзного флота в Дарданеллах начались 6/19 февраля 1915 г.

и на Болгарию. Делькассэ полагает поэтому, что предлагаемые Вами шаги в Нише и Софии должны быть отложены, по крайней мере, до выяснения результатов сказанной операции.

Извольский.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II: «Последнее соображение Делькассэ мне кажется верным». Царское Село, 6 февраля 1915 г.

№ 25.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [1]).

№ 103. 4/17 февраля 1915 г.

Копия Париж.

Получил Вашу телеграмму № 608 и из Парижа № 67.

Немедленно передал Грэю содержание первой. Он, несомненно, имеет в виду соображение, изложенное Делькассэ относительно морских операций. Но здесь не надеятся на быстрый результат. Речь идет о двух или трех неделях. Мне было бы крайне необходимо знать компетентное мнение русских военных кругов относительно результатов германского наступления на севере [2]). Вчерашние известия произвели мало впечатления. Я еще не знаю о впечатлении, произведенном во Франции известиями, опубликованными сегодня утром.

Бенкендорф.

№ 26.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послам в Париже и Лондоне А. П. Извольскому и гр. А. К. Бенкендорфу.

Телеграмма.

№ 659. 6/19 февраля 1915 г. (8 ч. веч).

Ссылаюсь на телеграмму Демидова № 53 [3]).

Благоволите выяснить, сохранило ли правительство, при котором Вы аккредитованы, намерение послать дивизию в помощь Сербии, несмотря на занятое в этом вопросе Грециею положение, и, в утвердительном случае, к какому сроку приурочена была бы высадка отряда в Салониках.

Сазонов.

---

[1]) Перев. с фр.

[2]) См. прим. 1 на стр. 123.

[3]) В телеграмме за № 53 от 1/14 февраля 1915 г. Демидов сообщает о шаге, предпринятом посланниками Франции и Англии в Афинах, в связи с посылкой в Сербию французской и английской дивизии. На указание посланников, что эти

№ 27.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 79. 6/19 февраля 1915 г.

Копия в Лондон.

Получил Ваш № 659.

Маржери сказал мне, что французское правительство отнюдь не отказалось от намерения послать дивизию на Балканский полуостров. Со стороны Англии здесь сделано предложение высадить союзные войска не в Салониках, а на острове Лемносе [1]), дабы комбинировать их действия с предстоящей операцией англо-французского флота в Дарданеллах. Предложение это ныне здесь рассматривается. По словам Маржери, здесь уже несколько дней тому назад ожидалось начало этой операции, и сегодня запросили в Лондоне сведений о том, когда именно к ней будет приступлено.

Извольский.

№ 28.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [2]).

№ 113. 6/19 февраля 1915 г.

Получил Ваш № 659.

Я спросил Грэя, отсутствуют ли, несмотря на ответ греческого правительства, какие-нибудь серьезные возражения против проекта посылки союзных дивизий на помощь Сербии в Салоники. Грэй мне ответил, что проект отпал. Никольсон меня уже предупредил, что высадка в Салониках не представляется более возможной, и в виду того, что в настоящий момент нельзя вовлечь Грецию в войну, возможные результаты военной экспедиции не урав-

---

дивизии могли бы оказать содействие греческой армии и обеспечить Грецию от нападения со стороны Болгарии, Венизелос заметил, что для выступления Греции безусловно необходимо привлечение Румынии и что вмешательство греческого правительства в войну на предложенных союзниками условиях было бы «актом безумия».

[1]) В феврале 1915 года остров Лемнос был занят союзным десантом в качестве базы, необходимой для операции против Проливов, при чем великобританское правительство заявило, что эта оккупация не нарушает нейтралитет афинского правительства, так как Порта не согласилась с постановлением лондонской конференции 1914 г. о передаче Лемноса Греции. (См. также т. I, прим. 2, на стр. 178 и письмо Демидова от 1/14 марта 1915 г.).

[2]) Перев. с фр.

новесят очевидный риск и затруднения. Камбон и Грэй поставили меня в известность относительно крайне секретного проекта о посылке англо-французских дивизий на Лемнос, чтобы, в случае надобности, высадить их на Галлиполийском полуострове. Английское и французское правительства находятся в телеграфных сношениях по этому поводу. Грэй сказал нам, что сегодня утром в совете министров было решено отсрочить решение этого вопроса, приблизительно, на неделю, чтобы иметь время уяснить себе вероятные результаты бомбардировки Дарданелл, которая должна была со всей силой начаться сегодня утром.

Бенкендорф.

№ 29.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 80. 7/20 февраля 1915 г.

Делькассэ подтвердил мне, что по почину Англии здесь обсуждается план высадки союзных войск на остров Лемнос с целью комбинировать их действия с операцией англо-французской эскадры, состоящей из 16 броненосцев, против Дарданелл. По полученным сведениям, операция эта началась вчера с обстрела, повидимому успешного, входных фортов. Здесь полагают, что форсирование пролива будет развиваться довольно медленно и займет не менее трех или даже четырех недель. Делькассэ высказал мне надежду, что наш черноморский флот, имеющий, вследствие аварии «Гебена» [1]), преимущество над турецким, с своей стороны предпримет действия против Босфора и что, в случае успеха, обе эскадры — русская и англо-французская — появятся одновременно перед Константинополем, что весьма важно как с военной, так и, в особенности, с политической точки зрения.

Извольский.

---

[1]) 5/18 ноября 1914 г., возвращаясь в Севастополь из крейсерства у турецких берегов, черноморский флот в 25 мил. от Херсонесского маяка повстречался с германо-турецкими крейсерами «Гебен» и «Бреслау». Густой туман позволил флоту подойти на близкое расстояние к неприятелю, не ожидавшему нападения. Произошел бой, продолжавшийся 14 минут и сопровождавшийся для «Гебена» повреждениями и потерями в личном составе. Пользуясь своей быстроходностью, германо-турецкие крейсера отступили к Босфору. Ночная атака их минными судами успеха не имела. Полученные «Гебеном» повреждения не помешали ему через несколько недель снова выйти в море. 13/26 декабря «Гебен» попал на русское минное заграждение в 10 мил. от входа в Босфор и получил 2 пробоины. На этот раз повреждение представлялось весьма значительным и вывело крейсер из строя на 3 месяца. Новый выход «Гебена» произошел 21 марта/3 апреля 1915 г. и должен был маскировать операции турецких судов у Одессы, закончившиеся гибелью крейсера «Меджидиэ» на минном заграждении.

№ 30.

Директор дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего кн. Н. А. Кудашев российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Письмо.

№ 334. 10/23 февраля 1915 г.

Секретно.

Милостивый государь Сергей Дмитриевич,

Вчера вечером я был приглашен генералом Даниловым присутствовать на собеседовании, которое он имел с адмиралом Ненюковым и целью которого было выяснение того, что мы в силах сделать в случае, если бы черноморскому и англо-французскому флотам удалось, прорвавшись через Проливы, подойти к столице Турции.

Все то, что я слышал от генерала Данилова, вполне совпадает с тем отзывом штаба верховного главнокомандующего, о котором я имел честь докладывать вашему высокопревосходительству и устно и письменно (мое донесение 12 января с./г.) [1]). Если в отношении нашего флота с тех пор произошла некоторая перемена к лучшему (удостоверены аварии, понесенные «Гебеном»), то в отношении сухопутных войск перемен к лучшему нет, и никакой десантной операции мы и ныне не в состоянии сделать на Босфоре, даже если бы там появились наш и союзные флоты. (Я не говорю, конечно, о симулированной посадке на транспорты ополченцев, проектируемой адмиралом Эбергардом).

Изложенное наводит на серьезные размышления. В случае — пока еще гадательного — прорыва Проливов мы окажемся лицом к лицу со следующим положением. Константинополь будет, правда, под выстрелами трех эскадр, но завладеть им ни мы, ни союзники наши не будем в состоянии. Наступит момент, когда надо будет использовать то, несомненно большое, нравственное впечатление, которое произведет появление военных судов союзников у стен Константинополя. Сделать это придется спешно, пока не обнаружится наше бессилие завладеть берегами Босфора и городом. Я не сомневаюсь в том, что наши союзники, памятуя свои обещания, тут же предложат нам осуществить наши намерения на Босфоре. Но так как мы не сможем этого сделать, а использовать успех, который будет добыт Англией и Францией, вероятно, большими жертвами, можно будет с тем большею выгодою, чем скорее будут предприняты последующие действия, — то самым естественным домогательством наших союзников явится заключение мира с Турцией, с приобретением соответственных экономических и иных выгод, упразднением германского влияния и т. д. Между тем, какими бы жертвами для Турции этот мир ни был обусловлен, совершенно ясно, что пожертво-

---

[1]) См. стр. 132.

вать своею столицею, содержащей многочисленные мусульманские святыни, турки под одним давлением флота никогда не захотят и не смогут.

Таким образом разрешения вопроса о Проливах «в согласии с нашими интересами», как понимаем это разрешение все мы, дорожащие историческими заветами нашей родины, не последует. С этим неумолимым фактом надо не только считаться, но, по моему глубокому убеждению, надо с ним примириться, подготовляя к нему постепенно и наше общественное мнение. Ничто так не опасно, как закрывать глаза перед действительностью и обольщать себя неосуществимыми мечтаниями, как бы дороги они ни были для нас. Завладение же нами Константинополем не только теперь, когда столько внешних обстоятельств для нас сложилось благоприятно, но и на долгое время останется мечтою, так как оно не соответствует ни нашей нравственной, ни нашей военной мощи.

Высказываясь так определенно в вопросе, в котором мое чувство расходится с выводами рассудка, — которому, однако, в политике всегда следует давать предпочтение, — прошу Вас верить, что я не делаю это под тяжелым впечатлением неблагоприятных вестей, получаемых за последнее время с театра войны [1]), а на основании прочно создавшегося у меня убеждения.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою.

Кн. Н. Кудашев.

№ 31.

Директор дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего кн. Н. А. Кудашев российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Письмо.

11/24 февраля 1915 г.

Глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич,

Я думал ограничиться письмом от вчерашнего числа и не писать более ничего о Проливах, в виду Вашего телеграфного распоряжения явиться в Петроград [2]). Но я только что узнал об одном факте, проверить который я еще не мог (так как ген. Янушкевич сегодня поглощен работою и визитом военного министра) [3]), но который находится в противоречии с исходным пунктом моего вчерашнего официального письма: в штабе мне сказали, что

---

[1]) См. прим. 1 на стр. 123.

[2]) Имеется в виду телеграмма Сазонова за № 1775 от 10/23 февраля 1915 г., предлагающая Кудашеву приехать в Петроград, передав временное руководство делами дипломатической канцелярии Муравьеву. Кудашев приехал в Петроград 13/26 февраля 1915 г.

[3]) Военный министр Сухомлинов посетил Ставку 11/24 февраля 1915 г.

ген. Данилов вдруг находит возможным посадить один из кавказских корпусов на транспорты и выслать его к Босфору на случай удачи прорыва Проливов. Если это верно, то, конечно, картина может измениться, и затруднительность нашего положения ко времени подхода эскадры к Константинополю несколько уменьшится. Конечно, одним корпусом взять и задержать Константинополь нельзя, но наличие десанта значительно усилит впечатление на турок от появления эскадры и даст возможность союзникам, заключая мир с турками, взять и удержать какой-нибудь залог исполнения их обязательств. Это поставит нас в более достойное положение по отношению к нашим союзникам. Но сущность разрешения вопроса о Проливах посылка этого корпуса не изменит и не поколеблет моего убеждения в том, что мы ни духовно, ни материально не подготовлены к завладению Проливами. Когда я говорю «духовно» или нравственно неготовыми, то я разумею следующее: утвердиться в Константинополе, как некие крестоносцы, для провозглашения торжества православия, совершенно немыслимо в виду наших славянских симпатий и течений, антипатии к грекам, да и едва ли достаточного авторитета морального нашей церковной иерархии в глазах греческих иерархов. Взять же на себя роль, которую Англия так блестяще выполнила в Египте, нам совершенно не по силам. Что же случилось бы, если бы мы волею судеб завладели Константинополем, Проливами и пр.? Между прочим, мы восстановили бы применением наших отсталых методов управления и, особенно, взглядами на инородцев все местное население, да, кроме того, и Болгарию, и Грецию, имеющих определенные взгляды на Проливы и, особенно, на Константинополь, и... Румынию, которую мы стараемся вовлечь в свою орбиту и которую едва-ли к ней привлекут толки о нашем намерении утвердиться на Босфоре, что для нее означает полную закупорку в Черном море.

Как только мне удастся увидать начальника штаба, я осведомлюсь у него относительно кавказского корпуса и Вам протелеграфирую. Заодно условлюсь с ним о дне моего отъезда в Петроград.

Прошу Вас, глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич, верить чувствам искреннего моего уважения и преданности.

Н. Кудашев.

№ 32.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 88. 11/24 февраля 1915 г.

По полученным из Лондона сведениям, англо-французская эскадра должна была возобновить сегодня обстрел фортов при входе в Дарданеллы [1]).

[1]) Обстрел Дарданелл союзной эскадрой, начавшийся 6/19 февраля 1915 г. и приостановленный в связи с неблагоприятной погодой, возобновился 12/25 февраля.

Делькассэ сказал мне, что здесь заканчивается разработка плана посылки французской дивизии, которая будет кооперировать с союзною эскадрой. Он еще раз высказал мне надежду, что мы будем участвовать в операциях против Проливов и Константинополя не только нашим черноморским флотом, но и сухопутными войсками [1]).

Извольский

№ 33.

Директор дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего кн. Н. А. Кудашев российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 83. 11/24 февраля 1915 г.

Лично.

Прошу расшифровать лично.

Ссылаюсь на мое частное письмо от 11 февраля.

Обсуждается, но еще окончательно не решено о посылке, в случае крайней надобности, десанта на Босфор, численностью не свыше одного корпуса, взятого с Кавказа.

Кудашев.

№ 34.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [2]).

№ 125. 12/25 февраля 1915 г.

Копия Париж.

Сегодня утром я заметил Грэю, что вопрос о союзных военных отрядах, которые должны оперировать на Балканах, представляется мне недостаточно выясненным. Он мне ответил, что придерживается того же мнения и что, поскольку это касается Англии, считает десант в Салониках во всяком случае отложенным; что в отношении Дарданелл адмиралтейство ограничивается посылкой отряда в несколько тысяч человек морской пехоты, что 30.000 человек египетских войск будут предоставлены в распоряжение адмирала Кардена [3]) и что решение по вопросу о посылке из Англии английской дивизии будет принято, когда того потребуют обстоятельства, а в данный

---

[1]) На подлиннике пометка карандашем: «Эта телеграмма была передана в Ставку 12 февраля 1915 г., за № 38».

[2]) Перев. с фр.

[3]) См. т. I, прим. 3 на стр. 247.

момент нужно форсировать Дарданеллы с моря. Но он надеется, что, если удастся выполнить проект и если будет возможно попутно разбить турецкий флот, — что очистит Черное море, — императорское правительство сочтет возможным высадить русский военный десант достаточной силы, согласованно с союзными десантами.

Бенкендорф.

№ 35.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 100. 14/27 февраля 1915 г.

Копия в Лондон.

Делькассэ сказал мне, что, по последним сведениям, союзная эскадра разрушила входные форты Дарданелл и приступила, при помощи специальных судов, к вылавливанию мин. Французский сухопутный отряд в указанном мною вчера составе [1]) будет посажен на суда в Марселе 2-го марта нового стиля. Английский отряд будет гораздо значительнее, нежели предполагалось, ибо оказывается возможным послать войска из Египта. Англо-французская армия достигнет численности около 80 или 85 тысяч человек и, поддержанная флотом, представит весьма внушительную силу. Французский посланник в Софии телеграфирует, что, по полученным там сведениям, положение в Константинополе становится критическим, отношения между германскими генералами и Энвер-пашею обостряются, и турецкое население открыто желает прибытия англо-французского флота. В город доставлено около 600 раненых. Делькассэ еще раз высказал мне, что он твердо надеется на соответствующие действия нашего флота и наших сухопутных войск.

Извольский.

---

[1]) В телеграмме от 13/26 февраля 1915 г. за № 99 Извольский сообщает, что французский отряд, предназначенный для действий против Проливов, будет состоять приблизительно из 20.000 человек, с полевой и горной артиллерией. В памятной записке французского посольства в Петрограде от 27 февраля 1915 г. отряд определяется в 2 бригады пехоты, с полевой и горной артиллерией, и 1 полк кавалерии.

№ 36.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов директору дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего кн. Н. А. Кудашеву.

Телеграмма.

№ 845. 15/28 февраля 1915 г.

Благоволите безотлагательно доложить начальнику штаба верховного главнокомандующего:

Английский посол передал мне сейчас нижеследующую памятную записку: «Первый лорд адмиралтейства просит, чтобы следующее сообщение было доведено до сведения верховного главнокомандующего: — Атака Дарданелл продолжается удовлетворительно. Хотя самая трудная часть дела впереди, мы имеем основание полагать, что операции кончатся ранее, чем мы предполагали. Мы думаем поэтому, что русский черноморский флот в Севастополе должен был бы быть подготовлен к появлению у входа в Босфор, когда наступит решительный момент. Мы не преминем сообщить своевременно русскому флоту о наступлении этого момента. Было бы также желательно, чтобы были сделаны приготовления к посадке на суда всех русских войск, которыми можно располагать».

Сазонов.

№ 37.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов и. д. директора дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего В. Н. Муравьеву.

Телеграмма.

№ 861. 15/28 февраля 1915 г.

Не признает ли верховный главнокомандующий, в случае прорыва союзников через Дарданеллы, возможным направить для следования за нашим флотом через Босфор, по крайней мере, ополченские бригады, предназначавшиеся его императорским высочеством для Сербии [1]). Обязуюсь [?] высказать убеждение, что, — если это только представляется допустимым для нас с военной точки зрения, — необходимо, чтобы при вступлении союзнических войск в Константинополь участвовали и наши войска.

Сазонов.

---

[1]) См. т. I, прим. 1, на стр. 200.

№ 38.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов директору дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего кн. Н. А. Кудашеву.

Телеграмма.

№ 45. 16 февраля/1 марта 1915 г.

Прошу безотлагательно доложить начальнику штаба верховного главнокомандующего:

Мною сегодня представлена его императорскому величеству следующая всеподданнейшая записка:

«Более скорый прорыв французскими и великобританскими военными силами через Дарданеллы, чем можно было предполагать, побуждает меня всеподданнейше доложить вашему императорскому величеству, не выжидая завтрашнего моего доклада, нижеследующее:

Французский и великобританский послы, от имени своих правительств, настаивают на том, чтобы наши флот и войска приняли участие в занятии Константинополя. Союзниками направляется в Турцию десант, общею численностью в 80.000—85.000 человек. Они рассчитывают взять босфорские укрепления с тыла и этим облегчить наше проникновение в пролив, но считают нежелательным, чтобы историческое событие изгнания турок из Царьграда осуществилось без нашего в нем участия. Полагая, что верховный главнокомандующий не сочтет возможным в настоящую минуту уделить для взятия Константинополя число войск, соответствующее силам наших союзников, я решаюсь всеподданнейше ходатайствовать о высочайшем вашего императорского величества соизволении на безотлагательное отправление в Одессу тех частей, которые должны были быть направлены в Сербию, т.-е. 53-го казачьего полка и того числа ополченских дружин, которые могут быть выделены без ущерба для наших операций на западе. Немедленная посылка этих войск в Сербию затрудняется ныне чрезвычайно неблагоприятными санитарными и продовольственными условиями в королевстве. Некоторое замедление в исполнении просьбы сербского престолонаследника найдет себе объяснение в том обстоятельстве, что занятие Константинополя служит общим для всех союзников целям.

Во избежание потери времени передаю содержание настоящего всеподданнейшего моего доклада начальнику штаба верховного главнокомандующего для представления его императорскому высочеству.

Если вашему императорскому величеству благоугодно будет одобрить в принципе излагаемые соображения, осмеливаюсь ходатайствовать о всемилостивейшем сообщении высочайших указаний верховному главнокомандующему».

Сазонов.

№ 39.

И. д. директора дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего В. Н. Муравьев российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 92. 16 февраля/1 марта 1915 г.

Лично.

Прошу расшифровать лично.

Получил Ваши телеграммы № 845 [1]) и № 861 [2]).

Начальник штаба сообщил мне, что будет сделано все, что возможно. Решено послать войска с Кавказа. Черноморскому флоту вчера дано распоряжение быть готовым итти к Босфору, а также подготовить транспортные средства для перевозки войск.

Муравьев.

№ 40.

И. д. директора дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего В. Н. Муравьев российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 94. 16 февраля/1 марта 1915 г.

Лично.

Прошу расшифровать лично.

Ссылаюсь на свой № 92.

Согласно данным черноморскому флоту распоряжениям, посадка войск, сосредоточиваемых в Батуме, может начаться на-днях. Посадка всех войск, предположенных к отправлению на случай надобности, в количестве одного корпуса, потребует от 15-ти до 20-ти дней.

Муравьев.

№ 41.

И. д. директора дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего В. Н. Муравьев российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 96. 16 февраля/1 марта 1915 г.

Начальник штаба просит передать вашему высокопревосходительству, что верховный главнокомандующий повелел подготовить достаточное число

---

[1]) См. стр. 150.

[2]) См. стр 150.

войск на Кавказе для совместных действий с союзниками в Проливах, в случае прорыва Дарданелл. Что касается отряда, предназначенного для отправления в Сербию, верховный главнокомандующий сохраняет за ним таковое его назначение.

Муравьев.

№ 42.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 108. 17 февраля/2 марта 1915 г.

Копия в Лондон.

Продолжение моего № 107 [1]).

Здешнее общественное мнение, утомленное затяжным характером войны, с увлечением относится к предприятию англо-французских сил против Дарданелл и Константинополя и ожидает от них чрезвычайных последствий. При этом, отсутствие сведений о нашем участии в сказанном предприятии отодвигает как бы нашу роль и наши интересы на задний план. В печати и публике, главным образом, обсуждаются различные международные комбинации для Константинополя и Проливов. Если окажется, что англо-французские силы сыграют при форсировании Проливов и падении турецкого владычества в Константинополе главную роль, то настроение это может еще усилиться. При том громадном влиянии, которое имеет здесь общественное мнение и печать, обстоятельство это заслуживает самого серьезного внимания.

Извольский.

№ 43.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послу в Париже А. П. Извольскому.

Телеграмма.

№ 912. 18 февраля/3 марта 1915 г.
(7 ч. 56 м. веч.).

Сообщается в Лондон.

Лично.

Прошу расшифровать лично.

Ваша телеграмма № 106 [2]) получена.

Вопрос о составе морских и сухопутных сил, намеченных к участию в совместных действиях против Босфора и Константинополя, срочно разраба-

---

[1]) См. т. I, стр. 245.

[2]) См. дальше № 257.

тывается в подлежащих министерствах. Верховный главнокомандующий повелел подготовить десант из числа войск, находящихся на Кавказе. Дальнейшие подробности будут Вам сообщены дополнительно.

Предупредите Делькассэ, что сведения эти совершенно секретны.

Сазонов.

№ 44.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов директору дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего кн. Н. А. Кудашеву.

Телеграмма.

№ 954. 20 февраля/5 марта 1915 г.
(7 ч. 20 м. веч.).

Благоволите безотлагательно передать начальнику штаба для доклада верховному главнокомандующему:

Английский посол только что передал мне следующую памятную записку:

Великобританское посольство получило нижеследующую телеграмму от первого лорда адмиралтейства верховному главнокомандующему:

«Великобританскому адмиралу, командующему в Дарданеллах, даны указания войти в непосредственные сношения с черноморским флотом через «Аскольда» [1]) за четыре дня до того времени, к которому он предполагает войти в Мраморное море.

Великобританское правительство самым серьезным образом надеется, что русский флот, когда наступит этот момент, тотчас же придет ко входу

---

[1]) Крейсер «Аскольд», входивший до мировой войны в состав русской тихоокеанской эскадры, принимал участие в преследовании германского крейсера «Эмден». После этого он был направлен в европейские воды и крейсировал у берегов Сирии, где в ноябре 1914 г. захватил и уничтожил несколько германских пароходов. В декабре им были обстреляны турецкие войска у Эль-Ариша в Египте и произведено «обследование побережья». Позднее он был предоставлен в распоряжение российского министра финансов Барка, ездившего за границу. В феврале 1915 г. морским министерством был поднят вопрос о прикомандировании крейсера к англо-французской средиземноморской эскадре для «установления связи между этой эскадрой и черноморским флотом» (письмо адм. Григоровича Сазонову от 10/23 февраля 1915 г., № 1871/114). Предложение это было встречено сочувственно союзными морскими кругами, при чем крейсер решено было включить в состав французского отряда адм. Дартижа дю-Фурнэ, оперировавшего у сирийского побережья. Николай II, однако, воспротивился этому решению, указав, «что «Аскольд» должен быть в эскадре, прорывающейся через Дарданеллы» (письмо адм. Григоровича Сазонову от 19 февраля/4 марта 1915 г. № 2347). В силу этого, крейсер был прикомандирован к эскадре адм. Кардена и отличился 25 апреля/8 мая 1915 г. при высадке французского десанта на азиатском берегу Проливов (дело архива б. министерства иностранных дел «Присоединение «Аскольда» к союзной эскадре, действующей против Дарданелл»).

в Босфор и начнет, в соответствии с английской морской атакой Мраморного моря, систематичную с дальнего расстояния бомбардировку внешних фортов Босфора.

Великобританское правительство придает первостепенное значение совместным действиям русского флота с союзным флотом.

Сведения относительно военных передвижений будут сообщены в дополнительной телеграмме. Первый лорд адмиралтейства будет время от времени посылать телеграфные донесения касательно морских операций, которые ныне продолжаются удовлетворительно».

Конец великобританского сообщения.

Сазонов.

№ 45.

Директор дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего кн. Н. А. Кудашев российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 99. 21 февраля/6 марта 1915 г.

Ваша телеграмма № 962 [1]) получена.

Имеющаяся в виду посылка в Сербию нашего отряда временно отсрочена. 53-й казачий полк, согласно желанию вашего высокопревосходительства, получает известное Вам иное назначение.

Кудашев.

№ 46.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов директору дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего кн. Н. А. Кудашеву.

Телеграмма.

№ 1000. 23 февраля/8 марта 1915 г.
(4 ч. дня).

Благоволите безотлагательно довести до сведения начальника штаба для доклада верховному главнокомандующему нижеследующее:

Английский посол передал мне памятную записку, содержащую следующую телеграмму первого лорда адмиралтейства верховному главнокомандующему:

---

[1]) Телеграммой от 20 февраля/5 марта 1915 г. за № 962 Сазонов передал в Ставку текст телеграммы Трубецкого от того же числа за № 240, в которой Трубецкой излагает просьбу сербского правительства «отсрочить прибытие казачьего полка до принятия необходимых санитарных мер и обеспечения фуража».

«В случае удачного форсирования Дарданелл 40.000 английских войск из Англии и Египта будут готовы к высадке в Константинополе во всякое время после 5/18 марта.

Вероятно, к тому времени там также будет в распоряжении французская дивизия в 18.000 человек.

Вышеизложенные сведения могут быть использованы русскими военными властями для их приготовлений, однако, при этом следует помнить, что морские операции могут быть задержаны дурной погодой или ускорены турецким развалом».

Сазонов.

№ 47.

Директор дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего кн. Н. А. Кудашев российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 106. 24 февраля/9 марта 1915 г.

Начальник штаба просит уведомить, на кого англичане предполагают возложить верховное командование над оперирующими в Проливах сухопутными и морскими своими силами: на адмирала Кардена или на старшего генерала?

Кудашев.

№ 48.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов директору дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего кн. Н. А. Кудашеву.

Телеграмма.

№ 1053. 25 февраля/10 марта 1915 г.
(1 ч. 50 м. дня).

Весьма срочная.

Благоволите безотлагательно передать начальнику штаба для доклада верховному главнокомандующему следующую записку, только что переданную великобританским послом:

«Первый лорд адмиралтейства просит передать следующее его императорскому высочеству великому князю верховному главнокомандующему:

«В проливах Дарданелл достигнуты хорошие результаты. Главные форты все повреждены. Наши военные приготовления приурочены к тому, чтобы быть готовыми к 5/18 марта или к любому после сего дню. Через три дня будут сообщены новые сведения. Вместе с тем мы хотели бы получить сведения о том, что делает русский флот в Зунгулдаке и когда он смо-

жет начать совместно с нами соединенную атаку Босфора, в случае входа нашего флота в Мраморное море, а также когда можно будет рассчитывать на корпус русской армии».

Сазонов.

№ 49.

Директор дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего кн. Н. А. Кудашев российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 109. 25 февраля/10 марта 1915 г.

Получил Вашу телеграмму № 1053. Верховный главнокомандующий велел передать великобританскому послу для сообщения первому лорду адмиралтейства:

«Русский флот бомбардировал Зунгулдак [1]) с целью воспрепятствовать снабжению углем анатолийских железных дорог, каковая цель достигнута; занимать Зунгулдак десантом не предполагается. 27 февраля/12 марта флот начнет демонстративные действия вблизи Босфора и будет готов начать совместные действия с английским флотом против Босфора. Если радио-связь между русским и английским адмиралами не наладится, то нужно предупредить адмирала Эбергарда за три дня до появления союзного флота перед Принцевыми островами. О времени готовности десантного корпуса будет сообщено дополнительно».

Вместе с тем верховный главнокомандующий выразил свое удовольствие по поводу установления непосредственной связи между верховным командованием сухопутными и морскими силами русским и английским.

Кудашев.

---

[1]) Зунгулдак находится вблизи гераклейских угольных копей, первичная концессия на разработку которых была предоставлена французской компании «Société française d'Heraclée» в 1896 г. вместе с концессией на сооружение порта в Зунгулдаке и постройку местной железнодорожной линии. Часть копей незадолго до мировой войны была перепродана бельгийскому синдикату и германской компании под контролем «Deutsche Bank». Последней в 1916 г. перешли и бельгийские копи, а также была предоставлена концессия на сооружение железной дороги от угольного района к Болу. Турецкое правительство во время мировой войны взяло на себя контроль над французским обществом «Société d'Heraclée» и сооружение порта в Зунгулдаке, а в 1917 г. образовалась особая группа германских финансистов, с представителями «Deutsche Bank» во главе, для эксплоатации французских копей. Зунгулдак был обстрелян черноморским флотом 22 февраля/7 марта 1915 г. вместе с Гераклеей, Килимли и Козлу. По официальным сведениям, в результате бомбардировки были приведены к молчанию батареи, защищавшие вход в порт, и уничтожены сооружения для добычи угля, пристани и пакгаузы. В самом порту были потоплены 8 пароходов и 1 парусник. Обстрел Зунгулдака был произведен вследствие пожелания, выраженного английским правительством (телеграммы Кудашева от 10/23 февраля 1915 г. за № 36 и от 12/25 февраля 1915 г. за № 81, из дела архива б. министерства иностранных дел «Действия нашего флота против Зунгулдака»).

№ 50.

Директор дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего кн. Н. А. Кудашев российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 110. 26 февраля/11 марта 1915 г.

Начальник штаба верховного главнокомандующего просит сообщить лорду Черчиллю для передачи адмиралу Кардену инструкции, полученные адмиралом Эбергардом:

«Первый период операции: во время действий союзного флота у Дарданелл, черноморский флот производит демонстрации вблизи Босфора — только морские операции. Второй период: при подходе союзного флота к Принцевым островам, черноморский флот приступает к серьезной атаке босфорских укреплений. Главная квартира полагает, [что], без содействия союзного флота, черноморскому флоту будет не под силу прорваться к Константинополю. Третий период: после уничтожения турецкого флота и соединения союзного флота с черноморским, высадка десанта по совместно выработанному плану. Преподанные инструкции не препятствуют адмиралу Эбергарду выполнять пожелания адмирала Кардена, если таковые будут ему переданы».

Кудашев.

№ 51.

Российский посланник в Сербии кн. Г. Н. Трубецкой министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 280. 28 февраля/13 марта 1915 г.

Срочная.

Личная.

Виделся с капитаном Смирновым [1]), проезжавшим из Дарданелл обратно в Россию. По его словам, турецкие артиллерийские снаряды очень низкого качества, вследствие чего даже при попадании приносят сравнительно (незначительный) ущерб. Лично он полагает, что, вследствие этого, мы могли бы начать бомбардировку Босфора, не дожидаясь прохода союзной эскадры в Мраморное море, каковой, по его словам, может состояться через две, три недели. Сообщение между союзной эскадрой и Россией установлено по беспроволочному телеграфу на «Аскольде» морским шифром. Позволяю себе высказать сомнение, насколько последнее обеспечивает тайну, что особенно важно, вследствие легкости перехватывания радио-телеграмм.

Трубецкой.

---

[1]) О миссии кап. Смирнова, см. т. I, прим. 1 на стр. 241.

№ 52.

Товарищ министра иностранных дел России А. А. Нератов [1]) директору дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего кн. Н. А. Кудашеву.

Телеграмма.

№ 1154. 2/15 марта 1915 г.

Благоволите передать министру следующую памятную записку, только что переданную мне великобританским послом: «Первый лорд адмиралтейства просит передать нижеследующее верховному главнокомандующему: Во-первых, от 13 марта/28 февраля: Туман, мешающий обстрелу с дальнего расстояния, задержал действия в Дарданеллах. Встречены затруднения от действий вражеских движущихся гаубиц, но траление мин продолжается удовлетворительно, и, как только возможно будет, атака будет возобновлена.

С большим удовлетворением узнал, что русский флот ныне будет сторожить выход из Босфора, дабы воспрепятствовать бегству турецких и германских судов в нейтральные порты Черного моря, и что русский флот будет готов атаковать форты, как только Дарданеллы будут форсированы».

Продолжение памятной записки следует.

Нератов.

№ 53.

Товарищ министра иностранных дел России А. А. Нератов директору дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего кн. Н. А. Кудашеву.

Телеграмма.

№ 1155. 2/15 марта 1915 г.

Продолжение телеграммы № 1154.

Во-вторых, от 1/14 марта: Мы были очень довольны узнать о предположенных приготовлениях русского флота. Великобританский флот страдает от недостатка истребителей и малых судов, так как все наши флотилии или заняты с подьодными лодками дома или же втянуты в действия против Дарданелл. Французские флотилии, равным образом, заняты в Адриатическом море и других местах. Помощь отличных греческих флотилий была бы поэтому в высшей степени важна в настоящее время и защитила бы нас действительным

[1]) 1/14 марта 1915 г. Сазонов был вызван для всеподданнейшего доклада в Ставку, где пробыл до 3/16 марта. Управление министерством было возложено на товарища министра Нератова.

образом от опасности австрийских и германских подводных лодок [1]). Продолжение и даже успех нападения может в значительной степени зависеть от их участия или воздержания. Первый лорд адмиралтейства надеется, что ныне, за столь удовлетворительным разрешением политических вопросов, связанных с Константинополем и Проливами, важное с морской точки зрения привлечение немедленного участия греческого флота будет вполне сознано, и ничего не будет сделано или сказано, что могло бы препятствовать присоединению Греции к нам». Конец сообщения.

Нератов.

№ 54.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 149. 6/19 марта 1915 г.

Копия в Лондон.

Дарданеллы. — Делькассэ сказал мне, что численность французского десантного отряда будет, вероятно, увеличена всего на одну дивизию. Головные части уже прибывают на место. Он присовокупил, что ему было бы весьма желательно быть осведомленным о численности и предположенных действиях нашего экспедиционного корпуса, дабы установить подробности кооперации между силами всех трех союзников. Он запросил об этом Палеолога, но до сих пор не имеет ответа.

Извольский.

№ 55.

Начальник штаба верховного главнокомандующего ген. Н. Н. Янушкевич российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 124. 8/21 марта 1915 г.

Срочно.

Прошу расшифровать лично.

Несмотря на донесение нашего посланника в Букаресте [2]), отвергающее возможность пропуска через Румынию военной контрабанды, продолжают поступать в весьма большом числе вполне достоверные сведения о провозе

---

[1]) См. «Отношение греческого правительства к вопросу о Константинополе и Проливах» стр. 184 и сл.

[2]) Повидимому, имеется в виду телеграмма Поклевского от 3/16 марта 1915 г. № 156, см. т. I, стр. 374.

через Румынию массовых военных грузов — 50 вагонов с минами заграждения, части подводных лодок, боевые запасы. В виду предстоящих действий нашего флота в районе Босфора, настоятельно необходимо принять все меры к действительному прекращению пропуска Румынией военной контрабанды, о чем верховный главнокомандующий повелел срочно сообщить вашему высокопревосходительству. От решительности выступления по этому вопросу зависит успех всей морской операции.

Янушкевич.

№ 56.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов директору дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего кн. Н. А. Кудашеву.

Телеграмма.

№ 71. 9/22 марта 1915 г.

Начальнику штаба.

Благоволите безотлагательно передать нижеследующий текст памятной записки, только что переданной мне великобританским послом для доклада верховному главнокомандующему:

«Первый лорд адмиралтейства просит передать нижеследующее сообщение его императорскому высочеству, великому князю главнокомандующему:

Результат нападения на Проливы внутри Мраморного моря был тот, что действительный господствующий огонь был установлен судами по вражеским крепостям и движущимся орудиям, которые к четырем часам пополудни были все приведены к молчанию. Когда, однако, соединенные союзные силы начали очищать от мин линию минного неподвижного заграждения около Кефеза, произошла потеря трех броненосцев, вследствие пущенных плавучих мин «леона», которые были спущены утром врагом и которые к тому времени пошли вниз по течению [1]). Было решено адмиралом Мэ, что операции будут приостановлены, пока он сможет справиться с этой опасностью. Он, однако, в скором времени возобновит генеральную атаку. Приготовления делаются в виду дальнейших потерь судов, которые можно ожидать при этих обстоятельствах». Конец.

Сазонов.

---

[1]) По турецким сведениям союзные суда, погибшие во время морской атаки 5/18 марта, взорвались не на плавучих минах типа «Léon», пущенных по течению с форта Чанак, а на минах заграждения типа «Rémis», поставленных турецким заградителем «Nousret» 23 февраля/8 марта в бухте Эрен-Кей. Гибель 3 линейных кораблей и повреждение крейсера-дредноута «Inflexible» в водной полосе, считавшейся союзным командованием свободной от мин и безопасной для маневрирования, произвели чрезвычайное впечатление на руководителей операции и побудили их прекратить атаку, в предположении, что турки располагают в районе Проливов непредвиденными способами обороны (см. W. Churchill: «The World Crisis, 1915», London, 1923, c. XI, p. 225 & s.s.).

№ 57.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [1]).

№ 160. 9/22 марта 1915 г.

Министерство иностранных дел передает записку общества «Compagnie générale des eaux pour l'étranger», находящегося в Париже, указывающую, в предвидении военных действий против Константинополя, на важные французские интересы, которыми обладает это общество в константинопольском водопроводе и в водокачке, находящейся около Деркосского озера, близ Черного моря, с водопроводом в 50 километров Карабурнского пляжа, где кирпичная труба указывает ее местонахождение кораблям. Общество полагает, что если бы причины военного характера вынудили союзников лишить Константинополь воды, этот результат легко мог бы быть достигнут, не бомбардируя и не разрушая водокачку; достаточно было бы снять несколько важных частей машин или водопровода на протяжении нескольких метров, чтобы прекратить всякую подачу воды. Водопровод мог бы быть затем быстро восстановлен, если бы обстоятельства этого потребовали.

Извольский.

№ 58.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [2]).

№ 197. 9/22 марта 1915 г.

Получил Вашу телеграмму № 1031 [3]).

Никольсон передал мне меморандум по этому поводу. Высшее командование сухопутными и морскими английскими силами не сосредоточено в одних руках. Вследствие болезни адмирала Кардена [4]), вице-адмирал де-Ро-

---

[1]) Перев. с фр.

[2]) Перев. с фр.

[3]) За № 1031 Сазоновым была передана 24 февраля/9 марта в Лондон телеграмма Кудашева № 106 от того же числа (см. стр. 156).

[4]) Адм. Карден, командующий соединенным союзным флотом у Дарданелл, в начале марта 1915 г. обратился в адмиралтейство с просьбой разрешить ему длительный отпуск по болезни, при чем в качестве своего преемника указал на адм. де-Робека, занимавшего до войны пост командующего разведочной флотилией у восточного побережья Англии. Адм. де-Робек, смущенный размерами неудачи 5/18 марта, обратился 10/23 марта в адмиралтейство с телеграммой, в которой указывал на невозможность дальнейших операций флота без содействия сухопутных войск. Заявление адм. де-Робека оказало влияние на решение, принятое английским военным советом о нежелательности возобновления морской атаки Дарданелл.

бек, до прибытия генерала Гамильтона, руководит операциями против Дарданелл До выздоровления адмирала Кардена, сообщения нашего генерального штаба, в случае надобности, должны направляться на имя де-Робека. Так как французская дивизия под командой генерала д'Амада подчинена генералу Гамильтону, меморандум выражает надежду, что командующий русскими силами, когда он будет действовать совместно с англо-французским корпусом, будет подчиняться инструкциям генерала Гамильтона, как «старшего генерала».

Бенкендорф.

№ 59.

Директор дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего кн. Н. А. Кудашев российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Письмо [1]).

№ 389. 15/28 марта 1915 г.

Ссылаясь на телеграмму вашего высокопревосходительства от 9 марта № 1335 [2]) касательно подчинения начальствующих военноначальников союзных войск, действующих на Проливах, имею честь донести, что адмиралу Эбергарду предписано сообразоваться с пожеланиями командующего союзным флотом и спрашивать указания его относительно таковых пожеланий. Так как командующим флотом является английский адмирал, то, быть может, ваше высокопревосходительство признаете желательным о переданной нашему адмиралу инструкции, в копии при сем прилагаемой, довести до сведения великобританского правительства.

Кудашев.

№ 60.

Начальник штаба верховного главнокомандующего ген. Н. Н. Янушкевич командующему морскими силами Черного моря адм. А. А. Эбергарду.

Телеграмма.

15/28 марта 1915 г. [3]).

Так как решающая часть общей операции против Проливов исполняется союзным флотом, оперирующим против Дарданелл, верховный главнокомандующий повелевает Вам войти в тесную связь с командующим союзным флотом и руководствоваться в Ваших действиях против Босфора его пожеланиями, кои Вам необходимо у него испросить.

Янушкевич

---

[1]) Печатается с копии, имеющейся в деле.

[2]) Телеграммой за № 1335 Сазонов передал Кудашеву текст телеграммы Бенкендорфа от 9/22 марта 1915 г. за № 197 для сообщения ее верховному главнокомандующему.

[3]) В подлиннике номер отсутствует.

№ 61.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов директору дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего кн. Н. А. Кудашеву.

Телеграмма.

№ 1425. 16/29 марта 1915 г.

Весьма доверительно.

Лорд Китченер просит, если возможно, сообщить ему: 1) численность и состав сил, назначенных для действий против Константинополя, 2) имя командующего этими силами, 3) время их отправления и 4) место предположенной высадки.

Ответ будет передан мною в Лондон с соблюдением всех гарантий сохранения тайны.

Сазонов.

№ 62.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послу в Лондоне гр. А. К. Бенкендорфу.

Телеграмма.

№ 1443. 16/29 марта 1915 г.
(8 ч. 10 м. веч.).

Срочная.

Ссылаюсь на Вашу телеграмму № 197 [1]).

Лично. Прошу расшифровать лично.

Весьма секретно. Верховным главнокомандующим повелено адмиралу Эбергарду войти в тесную связь с английским адмиралом, командующим союзным флотом в Дарданеллах, испрашивать у английского адмирала его пожелания и руководствоваться таковыми в действиях против Босфора.

О вышеизложенном благоволите срочно довести до сведения великобританского правительства.

Сазонов.

№ 63.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послу в Лондоне гр. А. К. Бенкендорфу.

Телеграмма.

№ 1466. 18/31 марта 1915 г.

Срочная.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 1443.

По поручению верховного главнокомандующего: Благоволите срочно довести до сведения Китченера в ответ на поставленные им через Бьюкенена вопросы:

---

[1]) См. стр. 162.

Численность сил, назначенных для действий против Константинополя, равняется одному корпусу в полном составе, под командой генерала Истомина. Время и место высадки должно быть определено по соглашению между адмиралом Эбергардом и адмиралом, командующим англо-французским флотом, коему будет подчинен наш адмирал. Последнему будет подчинен генерал Истомин до тех пор, пока обеспечение безопасности наших сухопутных сил будет лежать на флоте [1]).

Сазонов.

№ 64.

Греческий посланник в Петрограде И. Драгумис министру иностранных дел Х. Зографосу.

Шифрованная телеграмма [2]).

18/31 марта 1915 г.

Бомбардировка Босфора [3]) носила характер демонстрации и авантюры. Тем не менее, судя по тому, что здесь говорят, высадка войск не замедлит осуществиться.

№ 65.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов директору дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего кн. Н. А. Кудашеву и командующему морскими силами Черного моря адм. А. А. Эбергарду.

Телеграмма.

№ 1563. 25 марта/7 апреля 1915 г.

Английский посол передал телеграмму адмирала де-Робека, командующего союзным флотом у Дарданелл, на имя

1) адмирала Эбергарда,

2) вашего высокопревосходительства,

следующего содержания: «Прошу, чтобы Ваша эскадра была готова к 12-му апреля по новому стилю. Я предупрежу Вас за два дня. Наши наступательные действия теперь начинаются, но так как в наш план входит и высадка войск, дурная погода может вызвать задержку в последнюю минуту. Я буду держать Вас в курсе обо всем».

Только для адмирала Эбергарда:

Благоволите телеграфировать о получении настоящей телеграммы.

Сазонов

---

[1]) Эта телеграмма передает сведения, полученные от Кудашева из Ставки (телеграмма Кудашева от 17/30 марта 1915 г., № 154).

[2]) Перев. с фр.

[3]) 15/28 марта 1915 г.

№ 66.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 209. 29 марта/11 апреля 1915 г.

Копия в Лондон.

Делькассэ сообщил мне следующие сведения о дарданелльской экспедиции: французский экспедиционный отряд, численностью около 20.000 человек, под начальством генерала д'Амада, высадился в Египте и сосредоточен близ Александрии, где он будет ожидать дальнейших распоряжений. Другая дивизия формируется в Бизерте, но будет посажена на суда лишь в случае надобности и в зависимости от хода операций. Английский отряд, также сосредоточенный в Египте, состоит из 30.000 человек. Совместные действия англо-французских морских и сухопутных сил против Дарданелл и Константинополя могут начаться не ранее, как дней через 10. Делькассэ крайне сожалеет, что ему до сих пор ничего не известно о численности, составе и плане действий нашего сухопутного отряда, предназначенного для операции против Босфора и Константинополя. По его мнению, необходимо ныне же выработать план согласованных действий русских и англо-французских морских и сухопутных сил, дабы принудить турок к одновременной обороне на обоих фронтах. Все вышеизложенное было подтверждено нашему военному агенту французским военным министром. Г. Мильеран присовокупил, что, так как общее руководство морскими и сухопутными операциями (предоставлено) английскому адмиралтейству, которому подчинен как начальник французского морского отряда, так и генерал д'Амад, — переговоры о согласовании действий русских и англо-французских сил должны происходить в Лондоне с английским генеральным штабом, который вырабатывает весь план операции. По доходящим до меня сведениям, здесь несколько недовольны тем, что сказанный штаб недостаточно держит французское правительство в курсе своих планов и предположений касательно дарданелльской операции.

Извольский.

№ 67.

Российский посланник в Сербии кн. Г. Н. Трубецкой министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 402. 1/14 апреля 1915 г.

Дополнение моей телеграммы № 400 [1]).

Узнал от французских военных врачей, только что прибывших с Лемноса, что, по словам французского адмирала, операции союзников в лучшем, трудно предвидимом, случае закончатся в начале июня нового стиля. В виду

[1]) См. дальше, № 310.

плохих стоянок у Лемноса, часть французских войск послана в Александрию, где, повидимому, имеется в виду предварительно их сосредоточить. Адмирал высказывал предположение, что, если наши новые броненосцы в Черном море будут скоро готовы, мы ранее союзников войдем в Константинополь.

Трубецкой.

№ 68.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов директору дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего кн. Н. А. Кудашеву.

Телеграмма.

№ 1743. 5/18 апреля 1915 г.
(1 ч. 15 м. дня).

Весьма срочно.

Адмирал Робек просит передать адмиралу Эбергарду:

«Дабы воспрепятствовать отправке подкреплений из Константинополя к Дарданеллам, прошу Вас произвести большую демонстративную посадку войск на транспорты и распространить сведения, что они должны быть отправлены в Турцию немедленно. Благоволите, пожалуйста, уведомить о времени получения этой телеграммы».

Сазонов.

№ 69.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов директору дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего кн. Н. А. Кудашеву.

Телеграмма.

7/20 апреля 1915 г. [1])

Весьма срочно.

Адмирал Робек просит сообщить адмиралу Эбергарду: «Надеюсь начать операции утром 10/23 апреля. Прошу Вас в соответствии с этим согласовать Ваши действия». Не откажите уведомить о времени получения адмиралом Эбергардом этой телеграммы.

Сазонов.

№ 70.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 236. 10/23 апреля 1915 г.

По сведениям, полученным нашим морским агентом в здешнем морском генеральном штабе, английский адмирал Робек телеграфировал, что он закон-

---

[1]) В подлиннике номер отсутствует.

чил ныне все приготовления для возобновления операций против Дарданелл и ожидает лишь благоприятных климатических условий, а также что он находится в сношениях по беспроволочному телеграфу с адмиралом Эбергардом, с целью комбинировать действия англо-французских и русских сил [1]).

Извольский.

№ 71.

Причисленный к итальянскому посольству в Константинополе Б. С. Серафимов министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 197. 12/25 апреля 1915 г.

Через Дедеагач.

Копия в Севастополь.

Снаряды наших кораблей при бомбардировке 12-го апреля доходили до Сары-Еры и Бейкоса. Разрушений в окрестных селениях не наблюдалось, кроме местечка Акбаба на азиатской стороне. Сильно пострадал форт Маджар-кале. Потонули слегка минный заградитель и один пароход. Выведена из строя миноноска старого типа.

Серафимов.

№ 72.

Начальник штаба командующего морскими силами Черного моря в.-адм. Н. Н. Маньковский морскому министру адм. И. К. Григоровичу.

Телеграмма.

№ 637. 20 апреля/3 мая 1915 г.

Командующий флотом телеграфирует: Сегодня флот энергично бомбардировал в течение нескольких часов укрепления Босфора—Фенер, Карибдже, Фильбурну, Буюк-Лиман, верхний и нижний Канак, также Килия и Эльмас. Огонь велся из крупных и 6″ пушек, батареи отвечали орудийным огнем, Маджар — мортирным, но без всякого результата. На Эльмасе был виден большой взрыв и пожар. Стрельба наших судов по меткости и разрушительности попаданий была отличная. Турецкие суда при нашем приближении поспешно скрылись в пролив. «Память Меркурия» на рассвете уничтожил большой груженый пароход «Кузлу», команда которого сбежала на берег до подхода крейсера, а также осмотрел Килимли, Зунгулдак, Эрегли и берег далее до Босфора. Не нашел судов, кроме большого парусника под персид-

---

[1]) Операции союзного флота у Дарданелл возобновились 12/25 апреля. В тот же день русский черноморский флот обстрелял укрепления на верхнем Босфоре.

ским флагом с 1.000 т. угля, который уничтожил. Другое наше судно уничтожило сегодня ночью парусное судно у болгарских берегов, сняв с него команду [1]).

Маньковский.

№ 73.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 290. 24 апреля/7 мая 1915 г.

Утром 6-го мая н. с. союзные войска начали атаку высоты Аши-баба. Для этой цели ночью были перевезены с северного участка у Габа-Тепе два австралийских полка. Атака в общем была удачна, и войска продвинулись вперед по всей линии от 900 до 1.400 метров. Сильный ветер мешал наблюдениям за стрельбой с кораблей. Адмирал Эбергард сообщил, что, вследствие шторма, принужден приостановить бомбардировку укреплений Босфора.

Извольский.

№ 74.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов директору дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего кн. Н. А. Кудашеву.

Телеграмма.

№ 2226. 30 апреля/13 мая 1915 г.

Благоволите проверить, насколько соответствуют истине дошедшие до меня сведения о возможном направлении на западный фронт намеченного для отправки в Константинополь экспедиционного корпуса [2]). Если бы это изве-

---

[1]) Следующий по времени обстрел Босфора произошел 27 апреля/10 мая 1915 г. и сопровождался боем с крейсером «Гебен».

[2]) 5-й кавказский корпус, предназначавшийся для десанта на Босфоре, в связи с неудачами русских войск в Галиции был в начале мая отправлен на линию р. Сана. 24-го мая/6 июня английский военный агент в России Нокс имел по этому поводу беседу с начальником генерального штаба ген. Михневичем, который обещал ему заменить 5-й корпус другим. Несмотря на это обещание, Нокс через 2 дня отправил в Англию следующую телеграмму: «Необходимо отдать себе ясный отчет в том, что со стороны России нельзя, повидимому, ожидать никакой помощи в деле форсирования прохода в Черное море. Корпус, который, как говорят, формируется в Одессе, будет брошен на боевую линию западного фронта прежде, чем русские решатся посадить его на суда для операции против Босфора... Великому князю предстоит еще задача на западном фронте, которая потребует каждого человека, способного носить оружие, до тех пор, пока не будет решительной перемены на западном театре войны» (A. Knox «With the Russian Army», v. I, p. 286).

стие не было лишено основания, обратите внимание начальника штаба на крайнюю нежелательность, с политической точки зрения, отвлечения упомянутой воинской части от прямого ее назначения: по поручению верховного главнокомандующего 18 минувшего марта я поставил в известность лорда Китченера [1]) о тех силах, на помощь коих со стороны Босфора наши союзники могли рассчитывать, решившись на прорыв через Дарданеллы. Лишение наших союзников этой помощи могло бы осложнить их задачу, ибо позволило бы туркам сосредоточить против них всю свою силу. Между тем, благополучный исход предпринятых союзниками военных действий имеет, по моему мнению, такое значение, что влияние его должно сказаться и на других театрах войны. Помимо этого, считаю невозможным, чтобы Царьград, составляющий самое ценное приобретение, которое нам может дать настоящая война, был завоеван исключительно трудами наших союзников, помимо нашего участия

Сазонов.

№ 75.

Директор дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего кн. Н. А. Кудашев российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 237. 1/14 мая 1915 г.

Ваша телеграмма № 2226 получена.

Намеченный первоначально для Константинополя корпус, действительно, направлен в Галицию, но он уже заменен в Одессе другим. Таким образом, обещанные десантные войска готовы, когда потребуется.

Кудашев.

№ 76.

Директор дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего кн. Н. А. Кудашев российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Письмо.

1/14 мая 1915 г.

Лично.

Глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич!

При сем прилагаю текст военной конвенции [2]), выработанный на Ставке начальником штаба и Рополло. Поведение последнего здесь очень комменти-

---

[1]) См. телеграмму Сазонова Бенкендорфу от 18/31 марта 1915 г., № 1466, стр. 164.

[2]) Военная конвенция между Россией и Италией, подписанная в Ставке 3/16 мая 1915 г., являлась дополнением к общей военной конвенции между Италией

руется, он всех поразил своею нервностью и озабоченностью. Объяснения, данные ему Янушкевичем о нашем положении, о которых я Вам вчера протелеграфировал [1]), по моему, очень убедительны. (Убедительнее, конечно, были бы факты, но таковых в нашу пользу было мало). Но не подлежит сомнению, что если итальянцы так трясутся за успешную первоначальную свою концентрацию, то при обстановке настоящего момента она могла бы произойти с наименьшею опасностью, ибо, с одной стороны, атаки французов задерживают германцев, находящихся на западном фронте, а действия против нас (увы, для нас неблагоприятные) не дают австро-германцам возможности отвлечь что-либо с нашего фронта. По этим причинам итальянцам выгодно выступить теперь; для нас же уже не имеет такого значения их выступление сегодня, а не через неделю, ибо помочь армии Р. Дмитриева итальянцы уже не могут.

Что касается нашего положения, то оно, кажется, слава богу, опять улучшилось. Отступление Р.-Дмитриева произошло примерно хорошо, и на Сане он, вероятно, удержится [2]). Во всем винят Драгомирова, который дошел до невероятного нервного утомления [3]). Его сменили, заменив ген. Савичем, приятелем Данилова. Потери наши в людях огромны, — говорят, до 150.000 человек. 10-ый и 3-ий кавказский корпуса почти что уничто-

---

и державами Согласия, заключенной в Париже и предусматривавшей условия военного сотрудничества союзников. Статьей 4 конвенция устанавливала, что «главной целью итальянской армии и сосредоточенных в Галиции русских сил» должно быть «поражение находящегося на общем австро-венгерском театре действий врага», для достижения чего русское и итальянское командования взаимно обязались «сосредоточить на этом фронте возможный максимум своих сил», оставив на прочих фронтах только силы, необходимые для обеспечения стратегического положения. Сербия и Черногория должны были оказать содействие этой цели, при чем предусматривалось наступление сербской армии в сторону Люблян. (Текст конвенции опубликован в изд. Центрархива «Царская Россия в мировой войне», 1926 г., стр. 294).

[1]) В телеграмме от 30 апреля/13 мая 1915 г. за № 235 Кудашев приводит успокоительные заверения, данные ген. Янушкевичем Рополло относительно положения на русском фронте. Отступление русской армии, по словам Янушкевича, не может стать опасным для Италии, так как австро-германцы оставят полностью свои войска на восточном фронте, чтобы развить достигнутый успех.

[2]) Верховное русское командование в марте—апреле 1915 г. предприняло широкую наступательную операцию по форсированию Карпат, ставившую своей задачей захват Венгрии. Операция эта выполнялась 2 корпусами 3-ей армии ген. Радко-Дмитриева (XII и XXIX) и 4 корпусами 8-ой армии ген. Брусилова (VIII, XVII, XXVIII и VII). Наступление это было приостановлено 5/18 апреля 1915 г. 19 апреля/2 мая началось выполнение контр-операции, предпринятой фельд. ф.-Фалькенгайном, при чем ген. Макензену почти тотчас же удалось прорвать центр русской 3-ей армии. Особенно пострадали IX и X-ый корпуса. Контр-атаки, предпринятые ген. Радко-Дмитриевым у Ясло (III кавк. корп.) и Кросно (XXI корп.), успеха не имели, после чего противник, сломив сопротивление XXIV корп., переправился через р. Сан у г. Ярослава.

[3]) Ген. В. Драгомиров был назначен в марте 1915 г. начальником штаба юго-западного фронта вместо ген. Алексеева. В связи с галицийской неудачей 1915 г. он был отстранен от занимаемой им должности и заменен командиром IV-го сибирского корпуса ген. Савичем.

жены. Но не было ни паник, ни позорных сдач. Орудий и снаряжений потеряно очень мало. Р.-Дмитриев сознается в следующей ошибке: когда обнаружена была колоссальная сила артиллерии наступавших германцев, то он не приказал во время отступить и этим подставил под убийственный расстрел свои войска; он также плохо выбрал направление контр-атаки и опять подставил под обстрел тяжелых орудий наши войска, пущенные в атаку. Драгомирова винят в том, что он плохо вообще сгруппировал наши силы: войска наши из-под Перемышля он рассыпал по всему фронту, нигде ничего серьезно не подкрепив и собрав все на границах Буковины, откуда их никуда двинуть быстро нельзя. Впрочем, повторяю, на Сане мы теперь сидим крепко; наступление германцев продолжается, но уже не стремительно, а осторожно. Армия Дмитриева получает подкрепление отовсюду. Между прочим, кавказский корпус Истомина, бывший в Одессе, *уже во Львове* [1]. Но в Одессу уже прибывают другие войска, так что обещанный нами англичанам корпус для десанта всегда был и будет наготове, когда потребуется.

Сегодня очень всех взволновало известие, полученное Лагишем, о министерском кризисе в Риме [2]. Неужели это способно все повернуть назад?! Это было бы фатально, т. к. *только образованием коалиции*, в которой участвовало бы, по возможности, больше государств, *возможно осилить Германию.* А потому я глубоко убежден, что всякие жертвы дешевы для создания коалиции, особенно когда жертвы берутся за счет еще незавоеванных неприятельских земель.

Прошу Вас, глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич, верить чувствам глубокого моего уважения и преданности.

Н. Кудашев.

Давая мне для снятия копии текст военной конвенции, нач. штаба просил, чтобы я переслал Вам этот текст исключительно для *Вашего личного* сведения.

---

[1]) См. прим. 2 на стр. 169.

[2]) 30-го апреля/13 мая 1915 г. итальянский совет министров, находя, что внешняя политика правительства, направленная к разрыву с Тройственным Союзом и объявлению войны Австрии, не пользуется единодушным одобрением партий, решил подать в отставку. 1/14 мая об этом было объявлено официально, при чем произошел ряд манифестаций в честь председателя совета министров Саландры. 3/16 было сообщено, что кабинет остается у власти. 7/20 палата депутатов приняла законопроект, предоставляющий правительству чрезвычайные полномочия на случай войны.

№ 77.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов директору дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего кн. Н. А. Кудашеву.

Телеграмма.

№ 2252. 2/15 мая 1915 г.

Ваша телеграмма № 237 получена.

Благоволите выяснить и телеграфировать срочно, составлен ли новый экспедиционный корпус из перворазрядных войсковых частей или ополчения: в последнем случае наш десант был бы поставлен в невыгодное положение в сравнении с союзниками, что, по политическим соображениям, представляется необходимым избежать.

Сазонов.

№ 78.

Директор дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего кн. Н. А. Кудашев российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 241. 2/15 мая 1915 г.

Получил Ваш № 2252.

Экспедиционный отряд состоит из 3 бригад ополченцев, гвардейского экипажа, 2 морских баталионов, 1 казачьего полка. К этому следует прибавить 1 кавказскую дивизию. В общем, численность отряда равняется, таким образом, около 40.000 человек. Генерал Данилов просил меня еще раз напомнить вашему высокопревосходительству, что всякий отряд, меньший, чем из 6 — 8 корпусов и без тяжелой артиллерии, может служить только символом нашего участия во взятии Константинополя и что десант может быть послан тогда, когда союзники подойдут к Константинополю и турецкий флот будет уничтожен. Последние же известия, полученные от Китченера, указывают, что этот момент еще не скоро настанет.

Кудашев.

№ 79.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов директору дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего кн. Н. А. Кудашеву.

Телеграмма.

16/29 мая 1915 г. [1]).

Ссылаюсь на мою телеграмму № 2252.

Благоволите доложить августейшему верховному главнокомандующему, что я позволяю себе ходатайствовать перед его императорским высочеством

---

[1]) В подлиннике номер отсутствует.

обратить особое внимание на снаряжение ополченских бригад, направляемых к Проливам, и на тщательное оборудование обоза и санитарной части, чтобы иметь возможность выдержать сравнение с союзным десантом.

Сазонов.

№ 80.

Верховный главнокомандующий вел. кн. Николай Николаевич императору Николаю II.

Телеграмма.

№ 736. 17/30 мая 1915 г.
(4 ч. 46 м. дня) [1]).

Всеподданнейше доношу: Признавая крайне желательным участие в операциях союзного экспедиционного отряда, действующего в районе Дарданелл, наших войск, мною отдано распоряжение о скорейшей подготовке и сосредоточении во Владивостоке 40-го сибирского стрелкового полка, с запасным батальоном, одной 6-орудийной батареи, с запасным взводом, и одной полусотни казаков. Вместе с тем, если ваше императорское величество одобрите мое предположение, я имею в виду поручить обратиться к министру иностранных дел с просьбой войти в соответствующее сношение с правительствами союзных держав для предупреждения их о намеченной посылке наших войск.

Генерал-адъютант Николай.

№ 81.

Император Николай II верховному главнокомандующему вел. кн. Николаю Николаевичу.

Телеграмма.

№ 2090. 18/31 мая 1915 г.
(1 ч. дня).

Вопрос, затронутый в телеграмме № 736, для меня совершенно новый. Он требует обсуждения здесь. Не знаю, какую пользу принесет участие столь малого отряда в операциях с союзниками у Дарданелл. Напротив, всякое усилие [2]) нашего десантного корпуса в Черном море, по моему, крайне необходимо. Переговорю с министром иностранных дел.

Николай.

---

[1]) На подлиннике имеется пометка: «Получена в Царском Селе в 5 час. 57 мин. дня».

[2]) Усиление?

№ 82.

Верховный главнокомандующий вел. кн. Николай Николаевич императору Николаю II.

Телеграмма.

№ 763 19 мая/1 июня 1915 г. (8 ч. 5 мин. утра). [1]).

Позволяю себе представить вашему величеству мои всеподданнейшие объяснения причин, побудивших меня остановиться на мысли участия нашего в дарданелльской операции. Посылка намеченного отряда имеет, безусловно, моральное значение в смысле участия в занятии Константинополя одновременно с союзниками, так как босфорский десант возможен лишь после проникновения союзного флота в этот пролив чрез Мраморное море. Затяжка в действиях союзников была учтена при расчете возможности своевременной подачи этого отряда из Владивостока. Предполагалось уменьшить число лошадей до крайней необходимости, пересмотрев штат обозов. Перевозочные средства и условия дальней перевозки учтены военно-морским управлением моего штаба.

Генерал-адъютант Николай.

№ 83.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов директору дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего кн. Н. А. Кудашеву.

Телеграмма.

№ 2583. 20 мая/2 июня 1915 г.

Благоволите доложить августейшему верховному главнокомандующему:

Поспешаю доложить вашему императорскому высочеству, что в исполнение высочайших указаний всеподданнейше представляю его императорскому величеству нижеследующие соображения:

С политической точки зрения считаю, что посылка наших войск к Дарданеллам может соответствовать нашим интересам, при условии, что отряд не будет слишком незначителен, ибо иначе намеченная цель не была бы достигнута. При этом предполагаю, что остается в силе данное нами союзникам обещание поддержать их со стороны Босфора, согласно решению его императорского высочества верховного главнокомандующего, объявленному

---

[1]) На подлиннике имеется пометка: «Получена в Царском Селе в 9 час. 35 мин. утра».

через великобританского посла лорду Китченеру 18 марта сего года [1]. Обеспечение такого нашего содействия было бы тем более важно, что появление союзников перед Царьградом могло бы состояться ранее того срока, когда наши воинские части могли бы подойти из Владивостока к Дарданеллам.

Сазонов.

№ 84.

Директор дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего кн. Н. А. Кудашев российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Письмо.

21 мая/3 июня 1915 г.

Глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич,

Я Вам только что послал телеграмму [2]) весьма неутешительного свойства. Собственно говоря, ее дополнять нечем: благодаря своему превосходству в артиллерии и, главное, в снарядах, германцам удалось, правда ценою значительных жертв, овладеть более чем половиною укреплений Перемышля, при чем самый город нами уже очищен [3]). За нами сохранились еще несколько фортов, но теперь ясно, что нам и эти форты придется отдать. Конечно, все это делается с *боя,* нет ни паники, ни позора, но... все же поражение! Стрый тоже взят германцами [4]). Не знаю, удастся ли нам удержать Львов [5]). При таком положении вещей на главном театре военных действий даже странно говорить о Константинополе, десанте и т. д. Тем не менее, я вчера вечером доложил начальнику штаба о сделанном нами шаге в Софии [6]), который, при благоприятном исходе переговоров с Болгариею,

---

[1]) См. телеграмму Сазонова Бенкендорфу от 18/31 марта 1915 г. № 1466 (стр. 164).

[2]) Телеграмма от 21 мая/3 июня 1915 г. за № 262 о неизбежности эвакуации русскими войсками Перемышля.

[3]) Перемышль был очищен русскими войсками 21 мая/3 июня 1915 г.

[4]) Стрый был взят германцами 18/31 мая 1915 г.

[5]) Львов был очищен русскими войсками 9/22 июня 1915 г.

[6]) Имеется в виду предложенное Грэем выступление посланников Англии, Франции, России и Италии в Софии 16/29 мая 1915 г. В случае вступления Болгарии в войну против Турции, державы согласны были: a) уступить ей восточную Фракию до линии Энос—Мидия; b) обеспечить ей владение Македонией в границах 1912 г. с городами Эгри-Паланка, Кепрюлю, Охрида и Монастырь, при условии получения Сербией соответствующих компенсаций в Боснии и Герцеговине и на Адриатическом побережьи, а также при условии, что Болгария не вступит в указанную местность до заключения мира; c) содействовать уступке греческим правительством Кавалы, взамен чего Греция должна была получить территориальные приобретения в Малой Азии, и d) способствовать переговорам между Румынией и Болгарией для разрешения вопроса о Добрудже. Кроме того, державы соглашались предоставить Болгарии финансовую помощь (исходящие и входящие телеграммы архива б. министерства иностранных дел за 1915 г.).

легко может поставить на очередь нашу военную кооперацию с последней. Генерал Янушкевич мне сказал на это, что *если* только Болгария выступила бы, то наш десантный корпус, конечно, был бы готов присоединиться к болгарским войскам; при этом корпус будет состоять если не из «x», то из «y», а если не «y», то «z». Этим он хотел сказать, что в Одессе наготове всегда будет находиться столько войска, сколько мы обещали для англичан. Но что до той поры, когда эти войска фактически выступят, ими будут пользоваться по мере надобности, заменяя забираемые части новыми. Совершенно ясно, что в критические минуты нет никакой возможности «замариновывать» войска, необходимые на опасных местах; их берут и заменяют другими. Все это — пол-беды. Беда же в том, что с голыми руками никакие войска драться не могут, а у нас прямо «голод» снарядный! Не знаю, успеет ли комиссия, образованная Сухомлиновым [1]), что-нибудь сделать. Дай-то бог! Янушкевич говорит, что Литвинов-Фалинский обещал, что через 6 недель Путиловский завод увеличит на 80% свою производительность. Он сожалеет о том, что великий князь Сергей Михайлович не покидает свой пост: великий князь много сделал для обучения офицеров, но в вопросах технических, повидимому, слаб и слушается недостойных советчиков. Прошу прощения за более чем минорный тон настоящего письма и прошу Вас, глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич, верить чувствам искреннего моего уважения и преданности.

Н. Кудашев.

№ 85.

Начальник штаба верховного главнокомандующего ген. Н. Н. Янушкевич российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 1108 [2]). 30 мая/12 июня 1915 г.

Считая с общей точки зрения желательным участие наших войск в операциях союзного десантного корпуса со стороны Дарданелл, имеющим чрезвычайно важное значение, верховный главнокомандующий, с доклада государю императору, повелел назначить для перевозки в Дарданеллы отряд, который будет состоять из одного 4-баталионного полка, одной батареи в 6 орудий и казачьей полусотни, всего общей численностью до 6.000 человек. К возможно лучшему обеспечению отряда всем необходимым приняты особые меры. По климатическим условиям отправка означенного отряда из Владивостока к Дарданеллам будет произведена не раньше 1 июля. В соответствии с сим, верховный главнокомандующий поручил мне просить ваше высокопревосходительство войти в сношения с правительствами союзных держав о включении нашего отряда в состав экспедиционного корпуса.

Янушкевич.

---

[1]) Комиссия по обеспечению действующей армии боевым снаряжением.
[2]) В подлиннике: № 11108.

№ 86.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послам в Париже и Лондоне А. П. Извольскому и гр. А. К. Бенкендорфу.

Телеграмма.

№ 2791. 1/14 июня 1915 г.

Верховный главнокомандующий, с высочайшего разрешения, назначил в помощь союзным войскам в военных действиях со стороны Дарданелл отряд из 4-баталионного полка, одной батареи в 6 орудий и казачьей полусотни, всего общей численностью до 6.000 человек. Отправка частей морем из Владивостока последует 1 июля.

Благоволите войти в сношения с правительством, при коем Вы акредитованы, в целях включения указанного отряда в состав экспедиционного корпуса.

Сазонов.

№ 87.

Директор дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего кн. Н. А. Кудашев российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Письмо.

9/22 июня 1915 г.

Личное.

Глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич,

Хотя сегодняшние известия с театра войны как будто и лучше, никакого настоящего поворота или перелома они не знаменуют. Дальнейшее отступление будет продолжаться, так как, даже в случаях временного успеха, мы за неимением снарядов и винтовок не сможем использовать такой успех. Из вопросов дипломатических здесь более всего еще озабочены положением Румынии [1]). Все еще надеются на ее помощь. Еще сегодня утром генерал Да-

---

[1]) 18 апреля/1 мая 1915 г. Братиано, заявив Поклевскому, что, в связи с выступлением Италии на стороне держав Согласия, в ближайшем будущем возможно выступление Румынии против Австрии, формулировал следующие пожелания румынского правительства территориального характера: Буковина по р. Пруту, вся Трансильвания и Банат по р. Тиссе. Момент вступления Румынии в войну мог быть определен военной конвенцией и должен был приблизительно совпасть со сроком, обусловленным Италией (15/28 мая 1915 г.). То же заявление Братиано повторил французскому посланнику в Букаресте. Одновременно с этим румынский посланник в Петрограде Диаманди имел аналогичную беседу с Сазоновым, указавшим ему на невозможность соглашения, поскольку речь шла о границах в Буковине по Пруту и в Банате по Тиссе. Последовавшие за этим неудачи

нилов меня спрашивал, какой результат дала телеграмма генерала Янушкевича № 285 от 7-го июня [1]), в которой высказывалась необходимость примириться с требованиями Румынии при условии ее выступления не позже, как через пять недель после сделанного нам Братиано предложения. Мне лично (редактировавшему эту телеграмму) кажется, что мы со своими уступками опоздали. Но кто знает. Быть может, нет. Лишь бы нам не оказаться по отношению к Румынии в положении Германии по отношению к Италии в момент объявления последней войны Австрии [2]).

Сегодня я имел с генералом Даниловым разговор и по другому предмету: о посылке нашего отряда из Владивостока к Дарданеллам. Заговорил я с ним об этом по просьбе помощника английского генерала Вилльямса, капитана Маккоу. Дело, оказывается, в том, что лорд Китченер очень недоволен посылкою нашего отряда. Провезти 4.500 человек с лошадьми, пушками, обозами причинит англичанам массу хлопот, а пользы делу не принесет. Я предупредил о таком отношении к вопросу генерала Данилова. Последний отнесся к нему с необычной горячностью. Он мне сказал, что, как русский человек, не может допустить мысли, что при взятии Константинополя не будет русских войск, и что, если англичанам наш отряд и причинит хлопоты, то это не беда, этим стесняться не надо, так как они попросту не желают, чтобы мы вошли в Константинополь вместе с ними. «Это — вопрос политический, а не военный, — заметил он, — и в нем и верховный главнокомандующий, и начальник штаба, и я чувствуем одинаково». Тогда я сослался на Вашу телеграмму от 20-го мая [3]), в которой Вы довели до сведения великого князя Ваши соображения в этом вопросе. Из этой телеграммы я вынес впечатление, что Вы не сочувствуете посылке слишком слабого отряда. На это генерал Данилов возразил: «Так пусть С. Д. Сазонов

русских войск вынудили Сазонова к большей уступчивости. В своем ответе румынскому правительству от 1/14 мая Сазонов соглашался предоставить Румынии «все территории Австрии с преобладающим румынским населением», но выражал надежду, что Румыния откажется от северной Буковины и Баната. Позднее, под давлением Делькассэ, Сазонов пошел на дальнейшие уступки, согласившись предоставить Румынии сначала Буковину с Черновицами (10/23 июня), а затем Банат (27 июня/10 июля), при условии выступления Румынии через 5 недель после подписания конвенции, предоставления Сербии Сирмии, Землина и части земель между Савой и Дунаем и неукрепления румынами части Баната против Белграда. Переговоры затянулись на все лето и к окончательному результату не привели. (Исходящие и входящие телеграммы архива б. мин. ин. дел за 1915 г.).

[1]) В телеграмме от 7/20 июня 1915 г. за № 285 ген. Янушкевич подчеркивает чрезвычайную важность привлечения Румынии на сторону держав Согласия. Вследствие этого он предлагает Сазонову принять «все политические условия, поставленные Братиано», обязав Румынию выступить не позже, как через 5 недель.

[2]) Повидимому, имеется в виду последнее предложение центральных держав Италии, сделанное германским послом Бюловым итальянскому министру иностранных дел Джолитти. Австрия готова была уступить Италии, кроме Трентино, часть территории до р. Изонцо и город Градиску, а также соглашалась на автономию Триеста (см. также т. I, прим. 1 на стр. 308).

[3]) См. стр. 175.

так категорически скажет. Если он возьмет на себя объяснить России допустимость взятия Константинополя без всякого участия наших войск, то это его дело. Но мы (военные) не хотим, чтобы нам было поставлено в упрек, что мы не могли уделить даже 4.000 человек для этой операции». В заключение он мне сказал, что отказывается понять мои возражения. Я ответил, что только хотел его предупредить о тех трудностях и трениях, которые мы встретим по этому поводу в сношениях с англичанами.

Как мне кажется, мы все воодушевлены одними и теми же чувствами в этом вопросе и все бы желали, чтобы Константинополь был взят иключительно или преимущественно нашими собственными силами. (С этим легко примирились бы и англичане). Но, за невозможностью удовлетворить это чувство, мы находим различный к нему «дериватив»: Данилов примиряется с мыслью «символического» участия нашего, в виде четырех с половиной тысячного отряда. Лично же мне скорее неприятно навязывать России в этом деле роль мухи на рогах вола, которая может сказать: «и я пахала». Я предпочел бы полное неучастие в этом наших войск и тем более, если *такое* участие будет достигнуто ценою кислых разговоров и трений с союзниками.

От генерала Данилова я, между прочим, осведомился об очень основательном его доводе, который он привел, возражая на высказанную англичанами мысль, что, если мы желаем «символически» участвовать во взятии Константинополя, почему мы не ограничимся посылкой отряда из Одессы. Оказывается, что, по расчетам генерала Данилова, взятие Константинополя может состояться и *без завладения Босфором*. Укрепления на Босфоре теперь уже, вероятно, не те, что были тому шесть месяцев, и теперь его форсировать с юга может оказаться очень не легким, к тому же и ненужным. Но так как наш десант из Одессы может быть высажен *только* на Босфоре, то ясно, что взятие города Константинополя состоится до прибытия нашего одесского корпуса, а потому, если мы хотим участвовать в церемониале взятия города, то наши войска должны прибыть с юга...

Прошу Вас, глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич, принять уверения в глубоком моем почтении и преданности.

Н. Кудашев.

№ 88.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов директору дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего кн. Н. А. Кудашеву.

Письмо [1]).

№ 670. 12/25 июня 1915 г.

В письме Вашем от 9 с. м. Вы сообщили о Вашей беседе с генералом Даниловым касательно неудовольствия, испытываемого Китченером посылкою нашего отряда к Дарданеллам. По этому поводу считаю полезным озна-

[1]) Печатается с копии, имеющейся в деле.

комить Вас с моим взглядом на указанную посылку наших войск, дабы Вы могли руководствоваться им в дальнейших Ваших разговорах по этому вопросу.

С самого начала возникновения предположения о прорыве через Проливы, я считал недопустимым занятие союзниками Константинополя, без участия в таковом русских войск. В виду того, что военные соображения не позволяли уделить на эту операцию необходимые военные силы, приходилось довольствоваться посылкою одного корпуса, задачу которого союзники должны были облегчить действиями, направленными против Босфора со стороны Мраморного моря. Если при таких условиях главная тяжесть операций на этом театре войны падала на союзников, то все же почти одновременное появление под стенами Царьграда наших частей позволяло считать взятие бывшей оттоманской столицы результатом общих усилий всех союзников.

Когда была выдвинута мысль о посылке к Дарданеллам отряда столь незначительного, что никакого влияния на исход действий он не мог бы иметь, то я немедленно счел долгом высказать, что посылка его допустима лишь постольку, поскольку ею не умаляется данное нами первому лорду адмиралтейства обещание держать в его распоряжении определенное количество войск. Если же лорд Китченер находит, что посылкою незначительного отряда мы только осложним задачу союзников в Дарданеллах, то мне кажется безусловно желательным отказаться от таковой посылки. Завоевание Константинополя произойдет, главным образом, в интересах России, поэтому мы не можем брать на себя ответственность за малейшее стеснение деятельности союзников в этом направлении. Если бы по ходу событий не оказалось бы возможным отдалить взятие Константинополя до той поры, когда мы смогли бы осуществить его исключительно собственными силами, то достоинству России соответствовало бы гораздо более воздержание от какого бы то ни было участия в операции, нежели посылка количественно ничтожной, по сравнению с союзническими силами, части войск. С политической точки зрения, в интересах преследуемой сообща цели, необходимо избегать всего, что могло бы, хотя бы преходяще, бросить тень на добрые отношения между союзниками и вызвать у них подозрение, что мы желаем без особых усилий разделить лавры, доставшиеся нам [1]) ценой стольких жертв.

Сазонов.

№ 89.

Российский посол в Токио Н. А. Малевский-Малевич министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 210 — 21 июня/4 июля 1915 г.

Французский посол весьма доверительно сообщил мне, что пароход французской почты «Атлантик» выходит после завтра из Иокога[мы]—

[1]) Им?

Токио во Владивосток, взяв отряд в 1000 человек для перевозки в Порт-Саид. Морской агент протелеграфировал командующему сибирской флотилией о времени прибытия парохода во Владивосток.

Малевский-Малевич.

№ 90.

Начальник штаба верховного главнокомандующего ген. Н. Н. Янушкевич российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 1835. 24 июня/7 июля 1915 г.

Дополнение № 1108 [1]) *и 1688* [2]).

Имею честь сообщить вашему высокопревосходительству, что 23 сего июня высочайше одобрено предположение верховного главнокомандующего об отмене отправки нашего экспедиционного отряда в Дарданеллы, в виду встреченных затруднений технического характера. Прошу об этом поставить в известность правительства Франции и Великобритании.

Янушкевич.

№ 91.

Начальник военно-морского управления при штабе верховного главнокомандующего адм. Д. В. Ненюков российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 554. 24 июня/7 июля 1915 г.

Экспедиция из Владивостока отменена.

Ненюков.

№ 92.

Начальник морского генерального штаба адм. А. И. Русин российскому морскому агенту в Японии и Китае кап. 2-го ранга А. Н. Воскресенскому.

Телеграмма.

№ 5055. 24 июня/7 июля 1915 г.

Передайте послу: отправка войск из Владивостока отменена. Благоволите сообщить французским властям, распорядившимся посылкой «Атлантик». Произведенные расходы будут приняты на себя русским правительством.

Русин.

---

[1]) См. стр. 177.

[2]) Телеграммой от 18 июня/1 июля 1915 г. за № 1688 ген. Янушкевич просит Сазонова дать ему ответ на телеграмму № 1108.

№ 93.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послам в Париже и Лондоне А. П. Извольскому и гр. А. К. Бенкендорфу.

Телеграмма.

№ 3284. 26 июня/9 июля 1915 г.

Благоволите довести до сведения правительства, при коем Вы аккредитованы, что отправка нашего экспедиционного отряда в Дарданеллы отменяется.

Сазонов.

III.

Отношение греческого правительства к вопросу о Константинополе, Проливах, островах Имбросе и Тенедосе и вопрос о выступлении Греции в связи с операциями союзников у Проливов.

22 октября/4 ноября 1914 г. — 12/25 октября 1917 г.

№ 94.

Российский посланник в Софии А. А. Савинский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 400. 22 октября/4 ноября 1914 г.

Ссылаюсь на мой № 394 [1]) и на телеграмму Демидова от 5 августа [2]).

Я до сих пор не знаю, считает ли ваше высокопревосходительство выступление Болгарии желательным, или нет. В утвердительном случае косвенным средством к тому могло бы послужить выступление Греции, выбор момента которого греческое правительство всецело предоставило нам. По сведениям французского посланника, Греция, будто бы, уже теперь замышляет высадку своих войск в Галлиполи [3]). Ревниво относясь к возможности

---

[1]) В телеграмме от 21 октября/3 ноября 1914 г. за № 394 Савинский высказывается за желательность скорейшего выступления Болгарии, которое, по его мнению, может быть достигнуто обещанием ей соответствующих компенсаций со стороны держав Согласия.

[2]) Повидимому, Савинский имеет в виду телеграмму Демидова от 5/18 августа 1914 г. за № 186, передающую заявление греческого правительства о готовности Греции выступить на стороне Тройственного Согласия.

[3]) Повидимому, имеются в виду переговоры от сентября 1914 г., которые, по инициативе Черчилля, было поручено вести начальнику британской морской миссии в Афинах адм. Керру с греческим генеральным штабом о занятии Галлиполийского полуострова греческими войсками. Проект этот был отклонен королем Константином, заявившим, что выход Греции из нейтралитета наступит только в случае нападения на нее Турции. Отказ короля заставил Венизелоса подать в отставку, но отставка его не была принята (см. также стр. 9).

новых завоеваний последней, особенно в тех местах, где в войну с Турцией действовали болгарские войска [1]), Болгария наверное не успокоится. Таким образом, мы получили бы против Турции сразу двух союзников. Продолжаю думать, что у Болгарии нет с Турцией формального договора, но спокойствие, с которым болгарское правительство относится к последним событиям, заставляет предполагать, что какой-нибудь уговор существует, по всей вероятности, сводящийся к тому, что если одна из них в войне, то другая остается нейтральной. На существование близких отношений указывают также частые и продолжительные свидания турецкого посланника с Радославовым и, особенно, с Фичевым. Наконец, некоторые неосторожные слова последнего в разговоре с нашим военным агентом также могли бы быть истолкованы в смысле существования каких-то взаимных обязательств; например, говоря с Татариновым о сравнительно большом количестве войск, оставляемых турками во Фракии, Фичев сказал: «не верят нам».

Савинский.

№ 95.

Российский посланник в Софии А. А. Савинский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 572. 20 декабря 1914 г./2 января 1915 г.

Английский посланник, посвятив меня в свою переписку последних дней с Лондоном и Афинами о желательности скорейшего выступления Греции, сообщил мне, что, судя по телеграммам из Афин, на это выступление надеяться не приходится и что есть указания на разговоры греков с турками. Айронсайд очень смущен этим обстоятельством и просил меня поддержать перед Вами его мысль о необходимости во что бы то ни стало вывести греков из этого положения упорства, указав им, что высадка греков в Галлиполи имела бы решающее значение для прорыва Дарданелл и для быстрого исхода войны с Турцией. Сообщаю Вам вышеизложенное совершенно лично, зная, как императорское правительство оценивает своевременность выступления Греции.

Савинский.

---

[1]) Главные силы болгарских войск во время балканской войны 1912—1913 г.г. действовали в районе Фракии. В районе Македонии оперировала одна болгарская дивизия.

№ 96.

Памятная записка великобританского посольства в Петрограде российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову [1]).

Г. Сазонов сообщил в недавней беседе г. О'Бейрну, что он не будет ставить никаких препятствий военной оккупации Галлиполи Грецией, при условии, что французское и великобританское правительства примут меры к тому, чтобы Греция ни в чем не противодействовала русской политике и русским интересам в вопросе о Проливах.

Посольству его величества поручено заявить, что сэр Эд. Грэй согласен с условием, поставленным г. Сазоновым.

27 января 1915 г.

№ 97.

Российский посланник в Афинах Э. П. Демидов министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 72. 14/27 февраля 1915 г.

Копия в Софию.

Греческое правительство получило сведение, будто Болгария намеревается в скором времени мобилизовать три дивизии: филиппопольскую, гюмюлджинскую и дубницкую с целью прервать железнодорожное сообщение Салоники—Ниш и напасть на Грецию. Под прикрытием этой мобилизации должна, будто бы, произвестись другая, более общая. Не считая возможным допустить подобную меру, правительство решило предупредить софийский кабинет: при первом признаке мобилизации оно тотчас откроет военные действия против Болгарии. Оно надеется таким способом устрашить болгар, а, быть может, и направить их в естественное русло против Турции, особенно при выяснении благоприятных к тому времени результатов действий союзных сил против Проливов. Здесь вообще ощущается более чем наблюдательный интерес к этим действиям, и все заметнее становится желание так или иначе приобщить Грецию, на-ряду с Тройственным Согласием, к завершению великого исторического дела.

Демидов.

---

[1]) Перев. с англ.

№ 98.

Председатель греческого совета министров и министр иностранных дел Э. Венизелос посланнику в Петрограде И. Драгумису.

Шифрованная телеграмма [1].

15/28 февраля 1915 г.

В связи с интересной беседой, которую Вы имели с советником великобританского посольства и которую Вы вкратце изложили в Вашем донесении от 30 января, за №..., прошу Вас вызвать на новый разговор то же лицо, чтобы внести поправку в высказанное Вами частным образом мнение в нижеследующем направлении, в духе коего и благоволите высказываться во всех других беседах, которые Вы могли бы иметь по тому же самому вопросу.

Если державы Тройственного Согласия принципиально договорятся принять в отношении будущей судьбы Константинополя принцип интернационализации, мы должны, будучи заинтересованы в осуществлении подобного проекта, ни высказывать каких-либо притязаний, ни давать возможности предполагать намерения, которые могли бы повредить его успеху. Напротив, мы должны поддерживать ту мысль, что, за исключением вопроса о местной администрации, — разрешение которого может быть предоставлено султанам, контролируемым державами, но направляться и руководиться последними, — необходимо действовать таким образом, чтобы крупные политические интересы, сосредоточенные на его территории, административным режимом, вполне соответствующим принципу интернационализации, могли бы быть обеспечены от изолированного действия какой-либо одной державы. Принимая в соображение сложность вопроса и чрезвычайную трудность найти практическую формулу для интернационализации целого государства, для нас было бы крайне выгодно иметь на всякий случай готовый проект, который мы могли бы предложить вниманию держав. К тому же мы приступаем к изучению вопроса, и я прошу Вас обдумать, имея в виду аналогичные прецеденты на Крите [2]) по тому же поводу, и при случае сообщить нам Вашу точку зрения.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II (черта и две точки).

---

[1]) Перев. с фр.

[2]) После греко-турецкой войны 1897 г. в связи с беспорядками на Крите четырьмя великими державами: Россией, Англией, Францией и Италией был высажен на острове десант. Вследствие этого, турецкое правительство было вынуждено увести свои войска с острова, и последний перешел под управление четырех держав. По предложению России верховным комиссаром Крита был назначен принц Георг греческий, который прибыл на остров в январе 1899 г. Полномочия его простирались на 3 года, при чем он должен был признавать сюзеренитет султана, действуя первое время под военной защитой держав. В 1901 и 1904 г.г. срок его полномочий был продлен, но в 1906 г., вследствие обострившихся отношений

№ 99.

Греческий посланник в Петрограде И. Драгумис председателю совета министров и министру иностранных дел Э. Венизелосу.

Шифрованная телеграмма [1]).

15/28 февраля 1915 г.

Речь Грэя [2]) по вопросу о Константинополе вызвала некоторое беспокойство в здешнем общественном мнении, которое равным образом насторожилось, в виду удачных операций англичан и французов по форсированию Дарданелл. Я передаю Вам следующие сведения, не ручаясь за их достоверность: российское правительство поставило, будто-бы, в известность великобританское и французское правительства, что нет необходимости прибегать к военному содействию какого-либо другого государства, так как Россия в состоянии предоставить в их распоряжение армию в 500.000 чел. для занятия Константинополя и Дарданелл.

По другому сообщению, есть и еще соображение финансового характера, заставляющее русских торопиться с действиями против Константинополя: Англия для улучшения валютного русского курса предложила, будто бы, российскому правительству вывезти в Англию русский хлеб. Кроме же пути через Архангельск, который представляет большие неудобства, не существует другого пути, приспособленного к нуждам вывоза русских продуктов, если не считать путь через Проливы, которые для этого и должны быть форсированы как можно скорее.

между ним и оппозицией, во главе которой стоял Венизелос, Георг отказался от своих полномочий. Верховным комиссаром Крита был назначен Займис, полномочия которого должны были окончиться в 1911 г., но фактически остававшийся у власти до 1908 г., когда на Крите было образовано временное правительство. Во время балканской войны 1912—13 г.г. критское народное собрание провозгласило присоединение Крита к Греции, и греческий король назначил туда генерал-губернатора. По Лондонскому договору 30 мая 1913 г. и греко-турецкому мирному договору от 14 ноября 1913 г. остров был закреплен за Грецией.

[1]) Перев. с фр.

[2]) Речь Грэя в палате общин 12/25 февраля 1915 г., см. т. I, стр. 242.

№ 100.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов посланнику в Афинах Э. П. Демидову.

Телеграмма.

№ 878. 17 февраля/2 марта 1915 г.

Сообщается в Париж и Лондон.

Ссылаюсь на Вашу телеграмму № 72 [1]).

Т.-е. на последнее ее предложение.

Ни при каких условиях мы не можем допустить участие греческих войск во вступлении союзных войск в Константинополь.

Сазонов.

№ 101.

Российский посланник в Афинах Э. П. Демидов министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 79. 18 февраля/3 марта 1915 г.

Срочная.

Копия в Лондон, Париж, Ниш, Софию и Букарест.

Ссылаюсь на мой № 72 [1]).

Весьма доверительно. Сегодня на чрезвычайном совете под председательством короля [2]) будет обсуждаться и, вероятно, решится вопрос об активном выступлении Греции против Турции в виде безотлагательного содействия англо-французским силам производством десанта значительного греческого отряда на Галлиполи. Упорные настояния ... а в этом направлении тем более вероятно увенчаются успехом, что печать и общественное мнение крайне резко и почти единогласно стали требовать участия Греции в действиях против турок и Константинополя. Король, повидимому, склоняется в сто-

---

[1]) См. стр. 186.

[2]) В связи с началом дарданелльской операции Венизелос настаивал на немедленном выступлении Греции. Предложение его встретило сопротивление со стороны греческого генерального штаба, в виду чего по инициативе Венизелоса 3 марта 1915 г. был созван коронный совет из прежних премьеров. Участники совещания пожелали выслушать мнение начальника штаба полк. Метаксаса, для чего был назначен новый коронный совет 5 марта. На этом совете Венизелос выступил с новым проектом, сократив численность греческих войск, предназначенных к операции на Галлиполийском полуострове, с 1 корпуса до 1 дивизии. Несмотря на то, что совещанием был принят проект Венизелоса, король отказался его утвердить. Венизелос подал в отставку 6 марта 1915 г.

рону выступления; о Венизелосе нет сомнения. Что же касается штаба, то он все опасается болгар и готовит записку, доказывающую, с военной точки зрения, весь риск, связанный с отвлечением частей греческих войск от македонского фронта. Не следует, на мой взгляд, терять из виду, что намеченное выступление, с одной стороны, ослабит на время защиту Сербии от болгар, а с другой, — способно усилить греческие национальные вожделения в нежелательном для нас направлении.

Демидов.

№ 102.

Российский посланник в Афинах Э. П. Демидов министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 80. 18 февраля/3 марта 1915 г.

Срочная.

Ссылаюсь на мой № 69 [1]) и на Ваш № 878.

На состоявшемся коронном совете Венизелос изложил политическое положение в связи с выступлением Греции. Члены потребовали перед принятием столь важного решения некоторого времени для обсуждения вопроса. Совет соберется снова в пятницу. На улицах царит чрезвычайное волнение. Толпы демонстрантов, большею частью студенты, приветствуют союзные миссии восторженными кликами. По мере приближения союзников к Константинополю греческое национальное чувство все больше требует участия в войне, при чем, очевидно, совместное с союзниками действие имеет, главным образом, в виду удовлетворить разыгравшееся греческое самолюбие вступлением греческого отряда в оттоманскую столицу. Вполне сознавая нежелательность для нас такого события, мне кажется, надлежало бы, во избежание недоразумений, предупредить греческое правительство, непременно сообща, что, в случае участия Греции в войне с Турцией, предположенный к десанту греческий корпус всецело должен подчиниться требованиям союзников. Разочарование, по всей вероятности, будет не малое, с соответственным охлаждением к выступлению. Лично возлагаю надежду на сопротивление греческого штаба, ибо полагаю, что если бы англо-французы могли обойтись без содействия греков, оно было бы лучшим, с нашей точки зрения, исходом. Опасаюсь все же, что дело здесь настолько подвинуто, что всякое движение назад вредно отразится как на положении Тройственного Согласия в Греции, так и на популярности правительства. Можно было (бы) восполь-

[1]) В подлиннике, повидимому, ошибка, так как телеграмма Демидова от 12/25 февраля 1915 г. за № 69 сообщает об удовлетворении греческим правительством претензий русского экспортного общества за реквизицию части груза на пароходе «Эвангилистрия». Вероятно, имеется в виду телеграмма Демидова № 79.

зоваться, в случае если Вы находите участие греков в десанте недопустимым, весьма веским, казалось бы, доводом, а именно, что отвлечение греческих сил от их главного назначения — удержать болгар — может скомпрометировать безопасность Сербии.

Демидов.

№ 103.

Греческий посланник в Петрограде И. Драгумис председателю совета министров и министру иностранных дел Э. Венизелосу.

Шифрованная телеграмма [1]).

18 февраля/3 марта 1915 г.

Доверительно.

Вчера английский посол, обратившись ко мне, сказал: «Я считаю мало вероятным, чтобы Греция в столь критический момент оставалась в стороне, имея возможность самостоятельно выполнить дарданелльскую операцию».

Советник французского посольства высказался следующим образом: «Счастлив, что англичане и французы вступают в Константинополь, чтобы тем самым покончить с турками; германцы, направляя турок против Тройственного Согласия, имели в виду поднять весь ислам против нас. План не удался, но тем не менее они прилагают усилия, чтобы пожар продолжался; Англия и Франция должны затушить его как можно скорее, чтобы отвратить всякую опасность его распространения в мусульманских странах, а именно в Египте, в Индии, в Аравии, в Марокко и в Персии.

Кроме английских войск, уже отправленных в Дарданеллы, будут посланы еще другие в Египет, и готовится также экспедиция из французских войск [2]). Греческая помощь была бы желательна, но действия будут продолжаться и без нее. Россия примет участие в определенный момент. Таким образом, вопрос о Константинополе будет решен без балканских государств и не принимая в расчет их точку зрения.

Генерал По [3]) сказал, что операция флота у Дарданелл закончится в течение 3-х недель, а военные операции потребуют еще одного месяца, так что есть надежда вступить в Константинополь самое позднее через два месяца».

На подлиннике собственноручная пометка Николая II (черта и две точки).

---

[1]) Перев. с фр.

[2]) См. прим. 1 на стр. 149.

[3]) Ген. По приехал в Петроград 16 февраля/1 марта 1915 г. во главе специальной французской миссии для вручения французских знаков отличия верховному главнокомандующему и русским генералам. Приезд его был вызван опасениями союзного командования за положение на восточном театре войны.

№ 104.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 116. 19 февраля/4 марта 1915 г.

Копии в Лондон и Афины.

Получил Вашу телеграмму № 878 [1]) и телеграммы Демидова № 72 [2]) и 79 [3]).

По поводу Вашего ответа Демидову, что ни при каких условиях мы не можем допустить участия греческих войск во вступлении союзных войск в Константинополь, Делькассэ сказал мне, что, насколько он понимает, Вы делаете различие между подобным участием и кооперациею сказанных войск вообще в союзнических действиях против Турции — Ваша телеграмма № 137 [4]). Не предрешая этого последнего вопроса, подлежащего обсуждению 3 союзниками, Делькассэ лично того мнения, что если Греция предложит свою кооперацию, ей следует напомнить, что если Греция желает действовать сообща с союзниками в предпринятой ими великой борьбе, она должна нести соответственные труды и обязанности, что поэтому союзники имели основание ожидать, что Греция выступит на помощь Сербии, и что они продолжают думать, что Греция окажет большую услугу общему делу именно в этом направлении. Делькассэ прибавил, что он не имеет указаний на то, что лондонский кабинет поощряет желание Греции послать свои войска на Галлиполи.

Извольский.

---

[1]) См. стр. 189.

[2]) См. стр. 186.

[3]) См. стр. 189.

[4]) Телеграммой от 7/20 января 1915 г. за № 137 Сазонов поручает посланнику в Афинах Демидову, по получении соответствующих инструкций его коллегами, сделать греческому правительству заявление о согласии держав предоставить Греции территориальные компенсации в Малой Азии, в случае выступления ее против Турции, при чем «цель и характер военных и морских операций, которые на нее будут возложены», будут определены державами Согласия (опубл. в «Разделе Азиатской Турции», стр. 108).

№ 105.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [1].

№ 153. 19 февраля/4 марта 1915 г.

Копия Париж.

Получил Вашу телеграмму № 878 [2].

Грэй сказал мне, что, на основании некоторых признаков, Греция, по-видимому, более склонна вступить в войну. Я ему тотчас же ответил, что императорское правительство могло бы выдвинуть весьма крупные возражения против соучастия греческого флота в Дарданеллах. Я ему подробно изложил те затруднения, которые, с русской точки зрения, заключаются в возможном появлении греческого флага в Константинополе прежде нашего. Он мне ответил, что если бы Греция выдвинула условия своего вступления в войну, необходимо ей немедленно ответить, что условия эти должны быть рассмотрены тремя союзными державами. Тем не менее, по его словам, адмиралтейство, в силу технических соображений, придает большое значение греческому флоту, и к тому же не имеется затруднений в предоставлении ему возможности действовать в районе Смирны, которую, как ему [Грэю] кажется, все державы намерены уступить Греции [3]. Грэй мне указал на огромные преимущества от вступления в войну всех балканских государств, которые, по его словам, должны быть в нее вовлечены закреплением наших успехов в Польше [4] и форсированием Дарданелл. Он сильно настаивал на этом пункте. Румыния может увлечь за собой Италию — результат, имеющий непосредственное значение для более близкого окончания войны; к этому он добавил, что ставить препятствия Греции означало бы сильно замедлять события. Он мне сказал, что адмиралтейство нуждается для борьбы с минными заграждениями в мелкосидящих греческих судах, ибо в судах такого рода союзный флот ощущает недостаток, и что греческие силы предполагают употребить также для оккупации Галлиполийского полуострова. Я сказал Грэю, что мне представляется невозможным, чтобы Вы когда-либо согласились предоставить Греции подобного рода залог. Он мне ответил, что он сознает всю трудность этого, но что ее можно обойти, как это и было сделано по отношению к Японии, которая принуждена была согласиться с тем, что всякая оккупация германских островов [5] ею или колониальными

---

[1]) Перев. с фр.

[2]) См. стр. 189.

[3]) См. т. I, прим. 2 на стр. 260.

[4]) См. т. I, прим. 2 на стр. 247.

[5]) Из островов Тихого океана, принадлежавших до мировой войны Германии, Каролинские и Маршальские были заняты японцами в сентябре 1914 г.; остальные

английскими войсками считается временной, раздел же должен совершиться при заключении мира и независимо от [национальности] оккупационных войск. Я повторил Грэю, что, по моему мнению, Ваши возражения против вмешательства Греции в вопрос о Проливах и, особенно, в вопрос о Константинополе будут крайне настойчивыми, особенно [в виду того], что русское соучастие мне представляется отдаленным. Грэй мне ответил, что им только что получена новая телеграмма от Бьюкенена, сообщающая, что, кроме морского соучастия, мы, будто бы, приготовляем армейский корпус для десанта.

Бенкендорф.

№ 106.

Российский посланник в Сербии кн. Г. Н. Трубецкой министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 231. 19 февраля/4 марта 1915 г.

Копия в Софию и Афины.

Ссылаюсь на телеграмму Демидова № 79 [1]). Не могу не разделить опасения, в случае участия Греции в действиях против Проливов. При нынешнем состоянии умов Болгария может решиться на опасную авантюру, пока яснее не определится успех союзников на Проливах. Против них она, конечно, не отважится, но если, вызвав инцидент, она двинется в сторону Македонии, это будет серьезной помощью туркам, которые в этом случае могут спокойно располагать гарнизоном Адрианополя и частью войск, ныне отвлеченных в виду еще неизвестного образа действий Болгарии. С другой стороны, участие греков в действиях против Константинополя, несомненно, повысит их притязания. Они во всяком случае потребовали бы предварительного точного письменного заявления, что Греция не может рассчитывать на компенсации в районе Проливов и против Мраморного моря, ибо заявление, заключающееся в памятной записке английского посла в Петрограде от 14 января [2]), едва ли может быть признано достаточным. Между тем, всякая недомолвка может иметь последствием обманутые надежды и порчу наших отношений с Грецией, что желательно избежать, особенно в виду владения этой державой Лемноса, могущего в будущем стать базою враждебных нам действий. Опасаюсь, что даже письменное условие не вполне обеспечит от возможности обострений на почве греческих притязаний.

Трубецкой.

острова были захвачены австралийскими войсками. Постановлением Лиги Наций бывшие германские владения Тихого океана, расположенные к северу от экватора, переданы Японии, которой предоставлен мандат на управление ими. Острова же, лежащие к югу от экватора, частью отошли к Австралии, частью—к Новой Зеландии.

[1]) См. стр. 189.

[2]) См. стр. 186.

№ 107.

Российский посланник в Афинах Э. П. Демидов министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 83. 20 февраля/5 марта 1915 г.

Срочная.

Копии в Париж, Лондон и балканские миссии.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 80 [1]).

После сегодняшнего чрезвычайного совета [2]) Венизелос созвал моих двух коллег и меня и заявил нам, что, хотя король просил обдумать вопрос до завтрашнего утра, он все же пожелал сейчас официозно сообщить решение правительства предложить державам Тройственного Согласия кооперацию Греции против Проливов в виде предоставления в распоряжение союзников одной полной дивизии — 15.000 человек — и всего греческого флота. Он счел нужным нас при этом не впервые категорически заверить, что никаких политических видов в Константинополе Греция не имеет и что греческие войска, вступившие в оттоманскую столицу, тотчас ее покинут, ограничившись посещением храма Св. Софии. В случае, едва ли вероятном, отрицательного решения короля, Венизелос подаст в отставку со всем кабинетом. Если же предложение его не будет принято тремя державами, то он уйдет один, так как лично ему невозможно оставаться, столь резко скомпрометировав себя перед здешними представителями Австрии, Германии и Турции, кабинет же сохранит прежнее свое политическое направление. Министр надеется, что выступление Греции способно содействовать и выступлению Болгарии против Турции. Во всяком случае, македонский фронт останется обеспеченным сформированием резервной дивизии для замены отправляемой в Галлиполи. Я не счел целесообразным, отдельно от своих товарищей, что-либо заявить в смысле Вашей телеграммы № 878 [3]).

Демидов.

№ 108.

Российский посланник в Софии А. А. Савинский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 109. 21 февраля/6 марта 1915 г.

Ссылаюсь на телеграмму Демидова № 79 [4]) и Трубецкого № 231 [5]).

Получив телеграмму Демидова, не мог не разделить его опасений насчет Болгарии. Одним из способов страховки против авантюры с ее стороны

---

[1]) См. стр. 190.

[2]) См. прим. 2 на стр. 189.

[3]) См. стр. 189.

[4]) См. стр. 189.

[5]) См. стр. 194.

могло бы быть решение Румынии дать ясно понять здесь, что она не потерпит никаких выступлений против Сербии. С этой целью, в совершенно дружеском разговоре с румынским посланником, я спросил его вчера же, как, он думает, поступило бы его правительство в случае активного выступления Греции, каковым воспользовались бы также болгары для нападения на сербов. Деруссп ответил, что поставит сейчас же от себя этот вопрос пред своим правительством, полагая лично, что оно без сомнения поддержит греков. Я думаю, что если бы такая острастка была сделана, то она бесспорно произвела бы действие, тем более, что успехи союзников на Проливах и наши против германцев и австрийцев сильно смущают короля и правительство. Есть указания на большую нервность дворца, который с досадой и огорчением видит, что придется отказаться от австро-германского курса. Я думаю, что под сильным давлением общественного мнения на авантюру здесь не решатся, но при отмеченном выше нервном состоянии есть, конечно, известная доля опасности, особенно если к другим соображениям присоединится зависть к Греции. Поэтому обуздание вожделений греков и точное определение, на что они могут рассчитывать, конечно, имело бы благотворное значение во всех отношениях, избавив нас в будущем от неприятностей с греками, которые по свойственной им мегаломании, быть может, думают, что вход их войск в Царьград вместе с союзными может оправдать их претензии остаться в Константинополе или на Мраморном море.

Савинский.

№ 109.

Российский посланник в Афинах Э. П. Демидов министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 84. 21 февраля/6 марта 1915 г.

Срочно.

Копии в Париж, Лондон и балканские миссии.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 83 [1]).

Король, вопреки ожиданиям, не согласился с мнением правительства относительно выступления Греции и настоял на продолжении прежней политики нейтралитета. Вследствие сего, Венизелос подал в отставку со всем кабинетом [2]). Уход Венизелоса в такую минуту и на таком популярном вопросе, как кооперация с Тройственным Согласием против Константинополя, создает королю крупные затруднения, в особенности при подавляющем в палате большинстве венизелистов. Город в волнении, беспорядки не исключены.

Демидов.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II: «Временное невмешательство Греции для России выгодно». Царское Село, 23/II. 1915 г.

---

[1]) См. стр. 195.

[2]) См. прим. 2 на стр. 189

№ 110.

Всеподданнейшая записка российского министра иностранных дел С. Д. Сазонова.

Приемлю смелость повергнуть на благовоззрение вашего императорского величества памятную записку великобританского посла [1]), излагающую точку зрения сэра Эдуарда Грэя на желательность привлечения эллинских войск для обеспечения успеха прорыва союзников через Проливы, а также составленный великобританским послом, совместно со мною, проект ответа лондонскому кабинету.

Если вашему императорскому величеству угодно будет одобрить содержащиеся в четырѐх пунктах условия, которыми я считал бы необходимым оговорить участие эллинских войск в военных действиях против Турции, сэр Джордж Бьюкенен отправит телеграмму по назначению.

Сазонов.

Петроград, 21 февраля/6 марта 1915 г.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II: «Согласен». Царское Село, 21 февраля 1915 г.

№ 111.

Проект телеграммы великобританскому статс-секретарю по иностранным делам сэру Эд. Грэю, составленный послом в Петрограде сэром Дж. Бьюкененом совместно с российским министром иностранных дел С. Д. Сазоновым [2]).

21 февраля/6 марта 1915 г.

Г. Сазонов ответил, что вопреки всему тому, что я говорил, он все же продолжает держаться высказанного им с исчерпывающей полнотой мнения о том, что участие греческих морских и сухопутных сил в операциях на Проливах и в их районе поведет к бесконечным осложнениям и повлечет за собой серьезные последствия. Если бы мы допустили греков, то было бы почти невозможно исключить итальянцев и болгар, и в результате мы оказались бы перед целым рядом затруднительных для нас претензий. Помимо этого, согласно тем сведениям, которые он получил о греческой армии, правительство его величества [по его мнению] придает весьма преувеличенное значение военной помощи, которую может оказать нам Греция.

Но, с другой стороны, он не решался особенно настаивать на положении, лишающем флоты союзников той помощи, которую, — как полагает правительство его величества, — были бы в состоянии оказать им греческий флот и армия. Он отнюдь не преуменьшал опасностей и трудностей операций, предпринятых британским флотом, и он уверял меня, что Россия

[1]) См. т. I, стр. 259.

[2]) Перев. с англ.

оценивает в полной мере тот дух бескорыстия, с которым Англия предприняла опасную работу по форсированию Дарданелл. Он не мог, однако, принять какого-либо решения по этому вопросу, не получив приказаний от императора, а, как мне было известно, его императорское величество уже заявил в самых решительных выражениях, что он, ни при каких обстоятельствах, не даст своего согласия на какие-либо морские или сухопутные действия Греции в районе Проливов. Если бы Греция действовала совместно с нами против Турции, надлежащая сфера ее операций была бы в направлении Смирны. Тем не менее, идя навстречу желаниям правительства его величества, он мог предложить императору, чтобы его императорское величество изъявил согласие на совместные действия Греции на следующих условиях:

1) чтобы греческое правительство добровольно предложило свое содействие, а не было к тому приглашено союзными державами;

2) чтобы Греции было дано ясно понять, что каковы бы ни были результаты операций в Проливах, она не получит территориальных вознаграждений ни в южной Фракии, ни вблизи Проливов;

3) чтобы ее действия были ограничены теми местностями, каковые будут предуказаны начальниками союзных сил;

4) чтобы греческая армия ни при каких обстоятельствах не вступала в Константинополь.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II (черта и две точки).

№ 112.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послу в Лондоне гр. А. К. Бенкендорфу.

Телеграмма.

№ 990. 22 февраля/7 марта 1915 г.
(8 ч. веч.).

Сообщается в Париж.

Мною отвечено великобританскому послу на его запрос, что участие Греции в действиях союзных сил в Проливах и по их соседству может быть нами допущено лишь на следующих четырех условиях:

1) Греческое правительство должно добровольно предложить свое содействие, а не быть к тому приглашено союзными державами.

2) Необходимо ясно дать понять Греции, что каковы бы ни были результаты операций в Проливах, она не получит территориальных вознаграждений ни в южной Фракии, ни вблизи Проливов.

3) Действия Греции должны ограничиться теми местностями, каковые будут предуказаны начальниками союзных сил.

4) Греческая армия ни при каких обстоятельствах не должна вступать в Константинополь.

Сазонов.

№ 113.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов посланнику в Афинах Э. П. Демидову.

Телеграмма.

№ 994. 22 февраля/7 марта 1915 г.

Сообщается в Париж и Лондон.

Ваша телеграмма № 80 [1]) получена.

Осведомившись из весьма секретного источника, что греческое правительство занято выработкою проекта будущего международного устройства Константинополя на началах, применявшихся на Крите [2]), вполне разделяю Ваш взгляд на необходимость безотлагательного предупреждения афинского кабинета. Императорское правительство не может допустить, чтобы судьба Константинополя и Проливов была решена иначе, как в полном соответствии с жизненными стремлениями русского народа. За свое участие в войне против Турции Греция будет широко вознаграждена в Малой Азии, но отнюдь не в области, безраздельное господство над которой необходимо для обеспечения нашего права на выход к свободному морю. Прошу Вас воспользоваться первым удобным случаем, чтобы откровенно объясниться с министром-президентом в таком смысле, независимо от шагов, которые Вы предпримете совместно с Вашим французским и великобританским сотоварищами. Считаю, однако, неудобным ссылаться при этом на опасность, которая могла бы угрожать Сербии от Болгарии, что могло бы быть истолковано как возбуждение греков против болгар. Последнее же, как Вам известно, шло бы в разрез с нашей политикой, направленною к примирению всех балканских народов [3]).

Сазонов.

№ 114.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [4]).

№ 160. 22 февраля/7 марта 1915 г.

Копия в Париж.

Получил Ваш № 878 [5]).

Лично. — Вы могли заметить, что в беседе моей с Грэем по вопросу о соучастии я широко использовал Ваши инструкции Демидову. Тем не менее

---

[1]) См. стр. 190

[2]) См. прим. 2 на стр. 187.

[3]) Опубликовано в «Разделе Азиатской Турции», стр. 121.

[4]) Перев. с фр.

[5]) См. стр. 189.

мне хотелось бы указать Вам еще раз, что участие нейтральных балканских государств чрезвычайно важно для войны. Грэй полагает, что только операции в Проливах могут подать к этому сигнал и что Греция первая выскажется и увлечет за собой остальных. С другой стороны, адмиралтейство, повидимому, нуждается в соучастии греческого флота и даже греческих войск для Галлиполийского полуострова, само собой разумеется, не во вред для будущего. Я полагаю, что эта точка зрения, по преимуществу военная, должна быть принята во внимание.

Бенкендорф.

№ 115.

Сообщение греческого правительства, переданное посланником в Петрограде И. Драгумисом российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову 23 февраля/8 марта 1915 г. [1]).

После коронного совета, состоявшегося сегодня под председательством его величества короля, я встретился в английской миссии с посланниками Великобритании, Франции и России, которым я официозным образом, — чтобы выиграть время до того момента, когда официальное выступление станет возможным, — сделал следующее заявление [2]): «Следуя за естественной эволюцией своей политики солидарности с державами Тройственного Согласия, эллинское правительство считает, что операции, предпринятые в Дарданеллах, представляют для него благоприятный случай, чтобы действенно проявить чувства, одушевляющие его по отношению к союзникам, так как, не имея политических притязаний на Константинополь и Проливы, мы обладаем там такими моральными и экономическими интересами, что не можем занять позицию незаинтересованности в их режиме.

Таким образом, королевское правительство пришло к решению воспользоваться этим случаем, чтобы выйти из нейтралитета, предлагая союзникам свое соучастие с ними в этом предприятии всем своим флотом и посылкой одной дивизии своей армии. Эта дивизия будет заменена в настоящем кадровом составе армии резервной дивизией, так что наша армия останется нетронутой на болгарской границе.

Определив, таким образом, линию своего поведения, королевское правительство повергло свой план на одобрение его величества короля, который, прежде чем высказаться, созвал, по указанию правительства, бывших председателей [совета министров] на коронный совет, имевший два заседания.

Хотя его величество король не мог еще дать своего согласия на этот план, я Вам сообщаю вышеизложенное в порядке информации и прошу Вас поставить об этом строго доверительно в известность министра иностранных дел».

---

[1]) Перев. с фр.

[2]) См. телеграмму Демидова 20 февраля/5 марта 1915 г., № 83, стр. 195.

№ 116.

Российский посланник в Сербии кн. Г. Н. Трубецкой министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 272. 25 февраля/10 марта 1915 г.

. . . . . [1]) двойную игру и выразил надежду, что болгары не дадут грекам опередить себя и решительно перейдут на сторону России. Радославов до аудиенции у короля сказал сербскому посланнику, что считает переход на сторону держав Согласия неизбежным. По мнению Чолак Антича, у него не хватает силы для ответственного решения. Пашич считает вероятным, что в Софии также наступит министерский кризис. Несомненно, болгарам открывается неповторяемый случай разом загладить прошлое и рассчитывать в числе компенсаций на часть греческих владений Македонии [2]), кои могут быть обменены на малоазиатские. Это, в свою очередь, могло бы несколько уменьшить болгарские притязания в сторону Сербии. Из совокупности бесед с Пашичем вынес впечатление, что в душе он считает союз с Грецией [3]) несколько искусственным и лично предпочел бы ему (болгарский). Беседуя о министерском кризисе Греции [4]), Пашич отметил неоднократно обнаруживавшееся нежелание греческого правительства, под воздействием короля и генерального штаба, связать себя каким-либо действием против Австрии и Германии. Отказав сначала в просьбе о вооруженной помощи своей союзнице [5]), Греция не удовлетворила вслед за тем и просьбу Сербии

---

[1]) В подлиннике начало телеграммы не расшифровано.

[2]) Речь идет о возвращении Болгарии района Кавалы. Кавала—порт в западной Македонии—является естественным выходом к морю для всей прилежащей области. Представляя вместе с этим один из важнейших центров местного табаководства, Кавала в течение ряда лет была предметом спора балканских держав. Занятая в декабре 1912 г. болгарами, в 1913 г. в период междусоюзнической войны была захвачена греками, за которыми и осталась по Букарестскому договору, несмотря на стремление России сохранить город за Болгарией. Французы, заинтересованные в местных табачных плантациях, настаивали на предоставлении Кавалы Греции, указывая на то, что в руки болгар переходят два не менее важные прибрежные пункты—Дедеагач и Лагос. Вопрос о Кавале в период мировой войны являлся одним из весьма сложных, так как возвращение этого порта Болгарии составляло одно из существеннейших условий вступления ее в войну. Эта уступка за счет Греции вызывала сильное раздражение последней. Несмотря на это, в течение 1914 и 1915 г.г. державы Согласия неоднократно предлагали Болгарии вернуть Кавалу одновременно с предоставлением ей территории во Фракии и сербской Македонии (см. прим. 6 на стр. 176).

[3]) Имеется в виду греко-сербский союз от 19 мая/1 июня 1913 г.

[4]) Венизелос вышел в отставку 6 марта, новый кабинет Гунариса был сформирован 10 марта 1915 г.

[5]) В самом начале войны Сербия, основываясь на сербо-греческой военной конвенции от 19 мая/1 июня 1913 г., обратилась к греческому правительству за военной помощью. В ответ на это греческий министр иностранных дел кабинета Венизелоса, Стрейт, заявил 2/15 августа 1914 г., что греческое правительство

об артиллерии, разрешив лишь воспользоваться заказанными во Франции горными орудиями. Далее, Греция отклонила предложение наших союзников о совместной посылке в Сербию войск [1]) и, наконец, теперь уклоняется от совместных с ними действий на Проливах. Греция не сознает, что такими поступками она, в сущности, изолирует себя и лишается права рассчитывать, в свою очередь, на чью-либо особую поддержку. Переходя к Болгарии, он сказал, что Чапрашиков также был (у него) перед отъездом. Пашич высказал ему убеждение в невозможности сближения с Болгарией, если бы во главе ее стояли люди, (не) заслуживающие доверия. Пашич отметил также, между прочим, что передаваемые телеграфом отзывы союзной печати создают, очевидно, ошибочное, но опасное представление, будто в вопросе о Проливах нет точно договоренного между союзниками признания особых прав России и развивается мысль одинаковых интересов и прав всех держав.

Трубецкой.

№ 117.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [2]).

№ 173. 26 февраля/11 марта 1915 г.

Сербский посланник заявил мне, что его правительство телеграфировало ему, что, согласно достоверным сведениям, полученным из Афин, отставка Венизелоса и позиция короля, будто бы, частично были вызваны тяжелыми условиями, которые Россия выставила для участия Греции в войне.

Бенкендорф.

выполняет свой долг союзника, придерживаясь, до выступления Болгарии, политики благожелательного нейтралитета. Выступление Греции, по его мнению, могло только повредить Сербии: выставив незначительные, по сравнению с противником, силы, Греция тем самым подвергнет Салоники—единственный порт, через который Сербия может получить военные припасы,—опасности нападения со стороны Австрии. Кроме того, он указывал на необходимость сохранить нетронутой греческую армию к моменту выступления Болгарии. Такое заявление греческого правительства противоречило букве ст. 1 греко-сербской военной конвенции от 19 мая/1 июня 1913 г., которая предусматривала взаимную военную поддержку в случае войны со всякой третьей державой.

[1]) См. прим. 3 на стр. 142.

[2]) Перев. с фр.

№ 118.

Сообщение греческого правительства, переданное посланником в Петрограде И. Драгумисом российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову 1/14 марта 1915 г. [1]),

Развивая принципы, положенные в основу министерской декларации нового кабинета [2]), королевское правительство сочло своим долгом выступить перед представителями держав Согласия с заявлениями, которые могли бы успокоить их относительно чувств его испытанной дружбы. Приступая к этому шагу, оно хотело пресечь в корне начавшие распространяться плохо обоснованные толкования его истинных намерений и не дать созреть тем дипломатическим планам, осуществление которых могло бы повредить нашим интересам или затруднить нашу свободу действий. Руководясь этими соображениями, после обсуждения в совете министров и в полной мере уполномоченный его величеством королем, я встретился с посланниками трех держав Тройственного Согласия и сделал заявления, сущность которых следующая:

«Я был осведомлен, что державы Согласия, будто бы, намерены вступить в соглашение с Грецией в целях совместных действий. Со своей стороны, королевское правительство считает своим долгом заявить, что оно готово проявить те чувства дружбы и симпатии, которыми его страна всегда была одушевлена по отношению к державам-покровительницам Греции. В силу этого, королевское правительство готово было бы совместно действовать с ними, в тех размерах и при тех политических и военных условиях, которые, обеспечивая нам неприкосновенность нашей территории в защиту прав эллинизма, позволили бы нашему сотрудничеству достигнуть преследуемой сообща цели. То, что в настоящее время задерживает выступление Греции, это, с одной стороны, — болгарская опасность и риск подвергнуть греческое население в Малой Азии взрыву фанатизма и мести со стороны мусульман, а, с другой стороны, — убеждение, что наша помощь, уменьшенная вследствие этой двойной опасности, не будет иметь никакой практической пользы для держав Согласия. Итак, чтобы наше выступление стало возможным, необходимо, чтобы эта опасность была уменьшена, чтобы мы были в состоянии, в случае нужды, послать войска на помощь угрожаемому населению Малой Азии, а также оказать державам военное содействие, представляющее хотя бы какое-нибудь значение. По нашему мнению, это случилось бы, если бы, как об этом говорят, Болгария действовала на стороне Согласия против Турции. При наличии подобного рода возможности Греция могла бы сотрудничать для достижения той же цели. Она тем более была бы распо-

---

[1]) Перев. с фр.

[2]) Кабинет Гунариса, сформированный 10 марта 1915 г., в правительственной декларации заявил, что он намерен следовать политике, принятой греческим правительством в начале мировой войны, т.-е. политике нейтралитета, не нарушая обязательств, возложенных на него конвенцией с Сербией, а также, что он решил охранять интересы Греции, не подвергая опасности ее территориальную неприкосновенность.

ложена к этому, что, по ее мнению, двойное сотрудничество Греции и болгарской армии не представилось бы бесполезным для дружественных ей держав в том случае, если бы, желая добиться полного и быстрого успеха своих операций против Турции, они хотели бы ограничить размеры своих усилий и уменьшить число своих жертв».

На запрос российского посланника, намерены ли мы поставить условия и потребовать компенсации и расположены ли мы действовать совместно с Согласием в других местах, кроме Турции, я ответил, что мы, естественно, потребуем гарантий и уступок, но что мы не потребуем ничего такого, что не было бы во власти держав предоставить нам; что же касается способа нашей военной помощи, то вопрос этот подлежит еще обсуждению согласно с мнением нашего генерального штаба; на другой вопрос того же посланника и его английского коллеги, является ли предположение о болгарском сотрудничестве единственным обстоятельством, при наличии которого наше выступление могло бы состояться, я ответил, что оно единственное, о котором я могу официально говорить, так как оно одно до сих пор было предметом углубленного и окончательного рассмотрения со стороны королевского правительства, но что, совершенно лично, я мог бы к этому прибавить, что если бы нам была предложена *какая-либо другая комбинация, способная, так сказать, обеспечить нас от болгарской опасности, она была бы, несомненно, рассмотрена в самом благожелательном смысле.*

№ 119.

Российский посланник в Афинах Э. П. Демидов министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Письмо [1].

1/14 марта 1915 г.

Необходимость использовать остров Лемнос в качестве базы операций против Дарданелл [2]) побудила великобританское правительство обратиться через моего английского коллегу к бывшему председателю совета министров с соответствующей просьбой о допущении на названный остров союзных отрядов, предназначенных для десанта на Галлиполи.

Принимая во внимание очевидное нарушение этим греческого нейтралитета и в целях избежания протеста, г. Венизелос сговорился с сэром Ф. Эллиотом относительно следующего образа действий: греческое правительство обращает внимание английского правительства на нарушение подобным поступком нейтралитета Греции, на что лондонский кабинет возражает, что, так как Порта доселе отказалась признавать лондонские постановления, остров Лемнос все еще является в глазах Турции, т.-е. государства, наиболее заинтересованного в протесте против действий Англии, оттоманской территорией. Всякий же протест со стороны Турции был бы равносилен признанию острова греческим.

---

[1]) Печатается с копии, имеющейся в деле.

[2]) См. прим. 1 на стр. 143.

Эта ловкая натяжка была принята г. Венизелосом чуть ли не накануне министерского кризиса [1]); таким образом, новый кабинет очутился перед совершившимися событиями уговора и фактической высадкой на острове союзных отрядов.

До меня дошло, что нынешний председатель совета, г. Гунарис, узнав о произведенной на Лемносе высадке, намеревался было энергично возражать, но его, как кажется, отговорил от этого новый министр иностранных дел.

С другой стороны, сэр Фрэнсис [Эллиот] мне поведал, что его правительство непременно отказалось бы в настоящее время придать какое-либо значение запоздалому и при этом заявленному ad hoc признанию Турциею греческого суверенитета над островом. К тому же он здесь дал заверения в том, что остров Лемнос будет очищен по окончании войны.

Демидов.

№ 120.

Российский посланник в Афинах Э. П. Демидов министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [2]).

№ 101. 6/19 марта 1915 г.

Копия Париж и Лондон.

Стрейт, недавно, как известно, назначенный посланником в Константинополь, пришел ко мне сегодня утром, после аудиенции во дворце, и сказал мне, как сильно он был огорчен тем, что его несправедливо считают в Петрограде германофилом, и что если императорское правительство относится несочувственно, как он имеет основание полагать, к занятию им этого поста, то он заявляет, что он еще колеблется его принять. Вполне соглашаясь, что я вменил ему в вину германофильские симпатии, — от которых он снова сделал вид, что отказывается, — я обещал передать Вам его слова. Не исключается возможность, что король, который его весьма уважает, направил его ко мне, и я придерживаюсь мнения, что, узнав о приписываемой ему репутации [германофила], Стрейт еще более стремится добиться прощения. Впрочем, я прихожу к убеждению, что германофильство в Греции, судя по всему, не столько вопрос симпатии к Германии, сколько степень более или менее твердой уверенности в торжестве германцев. У большинства оно вполне закономерно претерпевает колебания в зависимости от положения дел. Стрейт мне признался в течение нашего разговора, что предложение интернационализации [Константинополя] встретило бы сочувствие в Греции, но что за отсутствием такового необходимо, чтобы константинопольские греки, обладатели вековых прав и привилегий, получили бы известные специальные гарантии автономии. Последнее, — добавил он, — является выражением его личного мнения.

Демидов.

---

[1]) См. прим. 2 на стр. 189.

[2]) Перев. с фр.

№ 121.

Японский посол в Петрограде бар. И. Мотоно министру иностранных дел бар. К. Ишии.

Шифрованная телеграмма [1]).

19 марта 1915 г.

Наш посол в Риме Хаяши телеграфирует:

«Я получил от первого секретаря барона Отори письмо, в котором он пишет следующее: когда он несколько дней тому назад посетил греческого министр-президента, последний ему заявил, что Англия и Франция дали свое согласие на то, чтобы Константинополь принадлежал России, и что Греция не может допустить этого».

№ 122.

Российский посланник в Афинах Э. П. Демидов министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 107. 16/29 марта 1915 г.

В некоторых официозных газетах появились известия, будто бы греческое правительство намерено в скором времени объявить присоединение островов Имброса, Тенедоса [2]) и Кастеллорицо [3]), которые, как известно, державами возвращены Турции, а равно и Северного Эпира [4]), принадлежность

---

[1]) Перевод с японского, сделанный в министерстве иностранных дел.

[2]) См. т. I, прим. 2 на стр. 230.

[3]) Остров Кастеллорицо был занят греками во время балканской войны 1912—1913 г.г. Нотой великих держав от 14 февраля 1914 г. остров был оставлен Турции, вместе с островами Имбросом и Тенедосом. До начала мировой войны он не был эвакуирован греками. О дальнейшей судьбе этого острова см. «Европейские державы и Греция в эпоху мировой войны», изд. Наркоминдела, Москва, 1922 г., стр. 55—58.

[4]) В состав Сев. Эпира входят 9 округов, крупнейшими из которых являются Аргирокастро, Корица и Кимарра. Вопрос о Сев. Эпире или южной Албании, как называют эту территорию албанцы, был выдвинут событиями 1912—1913 г.г., когда, в связи с образованием независимого албанского государства и оккупацией Сев. Эпира греческими войсками, явилась необходимость установить будущую греко-албанскую границу. Для этой цели лондонской конференцией послов 1913 г. была создана специальная международная комиссия, представители которой в декабре 1913 г. подписали во Флоренции протокол, передававший албанскому государству районы Аргирокастро, Кимарры и Корицы. Одновременно великие державы потребовали от Греции эвакуации Сев. Эпира. После предоставления ей части спорных турецких островов в феврале 1914 г. Греция приступила к уводу своих войск и закончила эвакуацию к апрелю. Вслед за этим, поддерживаемая греками часть населения Сев. Эпира образовала временное правительство, во главе с бывш. греческим министром Зографосом. Между албанским государ-

коего имеет быть установлена по окончании войны, — в видах производства на них выборов в новую палату. Этому решению придается, очевидно, значение победы над бывшей уступчивой политикой Венизелоса. Просил бы указаний на случай, если бы названное беззастенчивое мероприятие действительно имелось греческим правительством в виду.

Демидов.

№ 123.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов посланнику в Афинах Э. П. Демидову.

Телеграмма.

№ 1481. 18/31 марта 1915 г.

Ваша телеграмма № 107 получена.

Благоволите обратить самое серьезное внимание эллинского правительства на недопустимость появления в официозной печати сведений, о которых Вы упоминаете. Имброс и Тенедос были сохранены за Турцией лондонским собранием послов, в виду первостепенного их значения для обороны Дарданелл, и в виду этого участь их не может быть отделена от участи Пролива. Не менее несвоевременным считал бы поднятие вопроса об Эпире, который естественно разрешится согласно пожеланиям Греции, если эллинское правительство будет придерживаться в отношении держав Согласия более искренней политики.

Сазонов.

№ 124.

Российский посланник в Афинах Э. П. Демидов министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 111. 20 марта/2 апреля 1915 г.

Конфликт между Венизелосом и правительством обостряется. Вследствие официального сообщения последнего, намекавшего на намерения Венизелоса делать земельные уступки Болгарии, между бывшим и настоящим председателем совета министров произошел обмен писем, тотчас опубликованный [1]). Речь идет о предположениях Венизелоса, упомянутых мною

ством и правительством Сев. Эпира в мае 1914 г. было заключено особое соглашение на Корфу, поручавшее управление районами Аргирокастро и Корицы международной контрольной комиссии. Соглашение было утверждено великими державами в июле 1914 г. В эпоху мировой войны район Аргирокастро был занят греческими войсками, а в Корице было образовано временное управление под наблюдением французских военных властей.

[1]) В открытом письме Гунарису, опубликованном в греческой прессе, Венизелос заявлял, что он в период переговоров о выступлении Греции готов был,

в весьма доверительной телеграмме № 30 [1]) и предъявленных им в свое время в письме королю [2]), который не скрыл содержание этого письма от нового кабинета. В горячке внутренней борьбы на почве предстоящих выборов все решительно всплывает наружу, самые секретные документы предаются гласности. Венизелос пришел просить у моего английского коллеги разрешения Грэя открыто высказаться по поводу секретных его предложений в смысле моей телеграммы № 30. В тех же целях использовать всевозможные доводы против могучего противника, в газете «Хронос» было помещено содержание телеграммы Драгумиса по поводу Вашей с ним беседы относительно недопущения греческих войск в Константинополь, вследствие чего я счел нужным письменно заявить министру иностранных дел, что считаю недопустимым, с точки зрения международной куртуазии, оглашать без нашего разрешения подобные известия, затрагивающие личность министра иностранных дел дружественной державы, как бы ни были сильны мотивы внутреннего характера, побудившие правительство к таким разоблачениям.

Демидов.

№ 125.

Памятная записка французского посольства в Петрограде российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову [3]).

Представители трех союзных держав в Афинах обратили внимание своих правительств на тот факт, что ближайший декрет эллинского правительства, который установит выборные округа в новых территориях, уже сам

с согласия короля, вернуть Болгарии 2.000 кв. кил. македонской территории с Кавалой, в случае отказа Болгарии в пользу Греции от территории в районе Дойрана, а также от вмешательства ее в войну на стороне центральных держав. Греции, по словам Венизелоса, в качестве компенсации предоставлялись приобретения в Малой Азии. Утверждение Венизелоса, что король не возражал против предоставления Кавалы Болгарии, было официально опровергнуто Гунарисом от имени короля.

[1]) В телеграмме от 20 января/2 февраля 1915 г. за № 30 Демидов передает сообщенное ему великобританским посланником в Афинах заявление Венизелоса, с просьбой передать Грэю о готовности греческого правительства и о согласии короля уступить Кавалу Болгарии, при условии вмешательства последней в войну на стороне держав Согласия, а также получения Грецией соответственных компенсаций в Малой Азии.

[2]) 23 января 1915 г. державы Согласия, по инициативе Грэя, выступили с предложением перед греческим правительством о вмешательстве его в войну на помощь Сербии. Взамен этого, они согласны были предоставить Греции территориальные компенсации в Малой Азии. В связи с этим Венизелосом были представлены два меморандума королю Константину от 24 и 30 января 1915 г., где он настаивал на уступке Болгарии Кавалы, Драмы и Сереса для привлечения ее на сторону держав Согласия. Уступка эта, по мнению Венизелоса, с избытком вознаграждалась приобретениями в Малой Азии.

[3]) Перев. с фр.

по себе решит вопрос об аннексии всех островов, занимаемых Грецией, включая Имброс, Тенедос и Кастеллорицо, равно как и вопрос об аннексии Северного Эпира.

Г. Делькассэ желал бы знать точку зрения г. Сазонова по этому вопросу.

3 апреля 1915 г.

№ 126.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов посланнику в Афинах Э. П. Демидову.

Телеграмма.

№ 1531. 22 марта/4 апреля 1915 г. (11 ч. 15 м. веч.).

Сообщается в Париж и Лондон.

Великобританское правительство придает большое значение помощи греческого флота в прорыве через Дарданеллы. Считая необходимым итти навстречу желанию нашего союзника, прошу Вас, по получении тождественных указаний Вашими сотоварищами, сослаться на сделанные Вам королем и председателем совета министров заявления о продолжении новым кабинетом внешней политики предшествовавшего ему и сообщить Гунарису, что и союзники, со своей сотороны, попрежнему готовы предоставить Греции за ее участие в войне с Турцией земельные приращения в Айдинском вилайете [1]. Вы могли бы, однако, в осторожной форме дать понять Гунарису, что указанные земли будут даны Греции только при условии немедленного ее присоединения к державам Тройственного Согласия. В противном случае они будут считать себя свободными от всяких обязательств по отношению к Греции [2].

Сазонов.

№ 127.

Памятная записка российского министра иностранных дел С. Д. Сазонова великобританскому и французскому послам в Петрограде, сэру Дж. Бьюкенену и М. Палеологу [3].

Г. Сазонов поручил российскому посланнику в Афинах обратить самое серьезное внимание эллинского правительства на тот факт, что судьба островов Имброса и Тенедоса (и...), сохраненных за Турцией совещанием послов в Лондоне, не может быть отделена от судьбы Дарданелл.

---

[1]) См. прим. 2 на стр. 208.

[2]) Опубликовано в «Разделе Азиатской Турции», стр. 133.

[3]) Перев. с фр.

Г. Сазонов добавил, что вопрос об аннексии Эпира не может быть поднят в настоящий момент. Греция, естественно, может надеяться на его разрешение сообразно ее пожеланиям, в случае если она решится встать на сторону союзников.

24 марта/6 апреля 1915 г.

№ 128.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов посланнику в Афинах Э. П. Демидову.

Телеграмма.

№ 1574. 26 марта/8 апреля 1915 г. (5 ч. веч.).

Ссылаюсь на Вашу телеграмму № 116 [1]).

Вы уполномочены сделать Гунарису, совместно с Вашими великобританским и французским сотоварищами, предписанное сообщение в редакции, принятой нашими союзниками. При этом Вам надлежит дать понять Гунарису, что указанные земли будут даны Греции только при условии немедленного ее присоединения к державам Тройственного Согласия, а что в противном случае они будут считать себя свободными от всяких обязательств по отношению к Греции.

Сазонов.

№ 129.

Российский посланник в Афинах Э. П. Демидов министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 120. 27 марта/9 апреля 1915 г.

Ссылаюсь на Вашу телеграмму № 1574 и на мои телеграммы № 115 [2]) и 116 [3]).

Мой английский коллега и я ждем лишь получения нашим французским коллегою инструкций на предписанный нам шаг. Из осведомленных источников до меня дошло, что греческое правительство в ближайшее время предполагает обратиться к Тройственному Согласию с новым предложением кооперации при весьма определенных условиях, среди коих, по всей вероятности,

---

[1]) В телеграмме от 24 марта/6 апреля 1915 г. за № 116 Демидов высказывает опасение, что предполагаемое выступление держав в Афинах не достигнет поставленной им цели и только укрепит положение настоящего кабинета.

[2]) В телеграмме от 22 марта/4 апреля 1915 г за № 115 Демидов сообщает о предстоящей в ближайшем будущем декларации греческого кабинета и советует отложить выступление держав Согласия в Афинах до этой декларации.

[3]) См. прим. 1.

поставлены будут требования допущения греческой дивизии, а быть может, лишь представителей греческой армии, совместно с союзниками, в Константинополь, а также твердых гарантий и компенсаций. Относительно обеспечения от болгар мне сообщается, что греческий штаб предлагает сербскому установить общие военные меры безопасности. Мне известно, что прибывший сюда из Парижа королевич Георгий имеет известное поручение в связи с намеченным предложением греческого правительства и усердно действует в этом направлении. Полагаю, что условия выступления Греции будут тяжелее при нашей инициативе обращения.

Демидов.

№ 130.

Российский посланник в Афинах Э. П. Демидов министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 122. 27 марта/9 апреля 1915 г.

Ваша телеграмма № 1487 [1]) получена.

На мои представления по поводу проектированного производства выборов в греческую палату от трех островов и Северного Эпира министр иностранных дел ответил, что греческое правительство не имело намерения собственно приступить к выборам, а лишь допустить таковые в означенных местностях, но что международное их положение отнюдь не подвергнется какому-либо одностороннему изменению. Если же державы найдут к этому препятствия, то греческое правительство выражает готовность обсудить вопрос с точки зрения международного права. Мои английский и французский коллеги, сделав одинаковые возражения, получили такой же ответ. Министр присовокупил, что на Имбросе и Тенедосе, вероятно, вовсе не будут производиться выборы.

Демидов.

№ 131.

Российский посланник в Афинах Э. П. Демидов министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [2]).

№ 127. 30 марта/12 апреля 1915 г.

Копии Лондон и Париж.

Ссылаюсь на Ваши телеграммы за №№ 1531 [3]) и 1574 [4]).

Как только нашим французским коллегою были получены его инструкции, мы выступили с предписанным сообщением перед председателем грече-

---

[1]) Телеграмма за № 1487 в деле отсутствует; вероятно, следует читать: № 1481 (см. стр. 207).

[2]) Перев. с фр.

[3]) См. стр. 209.

[4]) См. стр. 210.

ского совета министров. Великобританский посланник, в качестве старшины дипломатического корпуса, прочел г. Гунарису и оставил ему копию следующего текста: «Три союзные державы с удовлетворением приняли к сведению декларацию, которой новый греческий кабинет уведомил их, что он будет продолжать внешнюю политику предшествовавшего кабинета. Союзные державы, со своей стороны, продолжают, как и прежде, быть готовыми обеспечить Греции, взамен ее соучастия в войне против Турции, территориальные приобретения, уже обещанные ей в Айдинском вилайете». Устно он прибавил: предложение этих территориальных уступок сохранит свою силу только в случае немедленного соучастия Греции, и три державы будут считать себя свободными от всякого обязательства, если соучастие Греции не будет обеспечено незамедлительно. Приняв к сведению наше сообщение, председатель совета министров сказал нам, что кабинет занят рассмотрением именно этого вопроса, и обещал дать нам ответ в течение ближайших дней. Он осведомился о размерах кооперации, но на этот вопрос великобританский посланник заявил, что он не в состоянии ответить. Он казался заинтересованным характером территориальных определений, формулированных его предшественником; великобританский посланник ответил, что по этому поводу не было официального обмена мнений. Что касается границ, которые... территорий, к которым Греция может стремиться, он имел основание полагать, что речь идет о Смирне с частью хинтерланда.

Демидов.

№ 132.

Российский посланник в Афинах Э. П. Демидов министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [1]).

№ 129. 1/14 апреля 1915 г.

Ссылаюсь на мой № 127.

За № 2 я передаю Вам существенную часть ответа [2]), полученного . . . . . от греческого правительства, на наше выступление, ставившее своей целью добиться сотрудничества Греции на стороне Согласия в войне против Турции. На мой вопрос относительно значения требования гарантии территориальной неприкосновенности Греции, континентальной и островной, включая Северный Эпир, мне было отвечено, что речь идет (исключительно) о «территории . . . . .» и, следовательно, допущенной державами. Что касается Северного Эпира, то английский посланник считался с возможностью возражений со стороны Италии. На нашу просьбу точнее определить «другие компенсации, требуемые от держав для охраны прав и интересов эллинизма»,

---

[1]) Перев. с фр.

[2]) Полный текст ответа греческого правительства содержится в памятной записке греческой миссии в Петрограде от 4/17 апреля 1915 г. (см. стр. 214). В виду этого, телеграмма Демидова за № 2 нами опускается.

мне было объяснено, что это требование имеет в виду религиозные и школьные привилегии греков, остающихся за пределами греческой территории; вероятно, этот намек касается прав патриархата. С другой стороны, я знаю из достоверного источника, что на принца Георга, прибывшего сюда недавно, возложена, по его словам, официальная миссия французским президентом или, по крайней мере, г. Брианом, с которым он близок, к его брату королю, с целью вывести Грецию из нейтралитета. Он заявил, под секретом, моему французскому коллеге, что, возвращаясь в скором времени в Париж, он приложит все усилия к тому, чтобы там восторжествовала идея интернационализации Константинополя, как существеннейшего условия соответствующего участия Греции в войне. Он, равным образом, намекнул на моральное удовлетворение, которое почувствовали бы здесь и которое должно быть дано Греции в вопросе о вступлении греческих войск в турецкую столицу. Текст сообщения Вам будет доставлен вализой.

Демидов.

№ 133.

Директор дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего кн. Н. А. Кудашев российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 174. 3/16 апреля 1915 г.

Военный агент в Греции телеграфирует генералу Данилову: «Мой агент, который в сношениях с младотурками и Талаатом, прибыл из Константинополя от группы военных, среди коих есть влиятельные, как сдается, с ведома Талаата и во всяком случае министра полиции, предложить тайно от немцев переговоры о мире [1]), исходя из убеждений, что немцы завлекли Турцию, которую хотят сохранить путем уступок. Я спросил, какие. Мне ответили, что с потерей Проливов, столицы и Аравии примирились; лицо предлагает привести из Константинополя сюда уполномоченного. В ответ на выступление держав Согласия, по слухам, греки приготовили свои требования, между ними участие войск во вступлении в Константинополь; намечен ничтожный в военном смысле ген. Милиоти Комнен, явно для политического эффекта, как носитель имени Комнен. Дусманис высказывался о необходимости привлечь для нападения на Турцию румын, болгар, сербов. Здесь замечается как-будто желание свести счеты с Болгарией, вероятно, в расчете раздела, получки Гюмюрджины, чтобы Грецию от Проливов не отделял болгарский барьер. Агенты доносят: одна дивизия 1 корпуса и часть, может быть и весь, второго корпуса в Булаире; войска из Пандермы — полагаю 11 дивизия — в Лампсаки, Бига-Чанак-Кале, Салиалески. 36 или 38 баталионов депо — первых

---

[1]) Документы, касающиеся переговоров держав Согласия о заключении сепаратного мира с Турцией, печатаются нами в соответствующем отделе настоящего тома.

4 корпусов сведены в 4 дивизии — три в Булаире, одна в Баликесри; вооружены переделанными мартини. Это подтверждает и агент Шелковникова. 1 апреля утром совет министров решил ответить [в] благоприятном смысле, послав согласие на представление участвовать в войне. Начнется выработка окончательных условий».

Получив такую телеграмму, великий князь приказал мне сообщить вашему высокопревосходительству. К этому великий князь приказал прибавить, что он считает, с военной точки зрения, крайне желательным избежать совместного с греческими военными силами вступления в Константинополь.

Кудашев.

№ 134.

Памятная записка греческой миссии в Петрограде российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову [1]).

4/17 апреля 1915 г.

С самого начала королевскому [греческому] правительству казалось, что операции, предпринятые державами Тройственного Согласия против Турции, представляют для Греции возможность сотрудничества с ними тем более что операции эти ведутся в естественной сфере ее национальных интересов. Принимая во внимание, что державы придали этой операции большую широту, королевское правительство уже заявило, что оно готово к совместным с ними действиям против Турции, если оно будет обеспечено от чрезвычайной опасности, созданной враждебной позицией Болгарии.

Руководясь этими соображениями, оно пришло к заключению, что оно могло бы выйти из нейтралитета, как только Болгария решится сотрудничать [с державами] для достижения той же цели. Это условие ему представлялось тем более осуществимым, что известия, почерпнутые из самых лучших источников, которые дошли до него из столиц держав Согласия, давали возможность предполагать близость болгарского выступления.

Тем не менее, события показали, что об этом не может быть и речи. Принимая во внимание постоянно двусмысленную позицию Болгарии, продолжать ставить выступление Греции в зависимость от выступления Болгарии означало бы предъявить условие, которое, не будучи неосуществимым, не зависит, однако, от воли держав.

Королевское правительство поэтому рассмотрело [вопрос о том], путем какой другой комбинации оно могло бы, не нарушая своих жизненных интересов, принять участие в войне против Турции, чтобы, таким образом, способствовать освобождению угнетаемых доселе греков, и оно стремилось найти эту комбинацию среди возможностей, зависящих исключительно от воли держав Согласия.

В результате этого рассмотрения оно пришло к выводу, что Греция снова получит полную свободу действия для сотрудничества в войне против

[1]) Перев. с фр.

Турции, если державы пожелают принять на себя формальное обязательство, обеспечивающее ей все выгоды полной солидарности со своими союзниками, т.-е. гарантирующее ей в течение войны и определенного периода, за ней следующего, неприкосновенность ее континентальной и островной территории, включая Северный Эпир. За эту гарантию королевское правительство примет на себя твердое обязательство сотрудничать с державами Согласия, как скоро они будут готовы, комбинируя свои силы с греческими, предпринять против Турции военные действия, окончательной целью которых было бы уничтожение Турецкой империи.

Различные частности этого предприятия и нашего военного соучастия составят предмет специальной конвенции, условия которой будут определены, с общего согласия, генеральными штабами соответствующих сухопутных и морских сил, с той единственной, заранее предусмотренной оговоркой, что, в случае если Болгария будет продолжать оставаться нейтральной, сфера действий греческой армии не может быть вынесена за пределы Европейской Турции.

Акт, долженствующий установить принципиальное соглашение, определит территориальные уступки, которые будут сделаны Греции в Малой Азии, территориальные и другие компенсации, которые державы были бы расположены ей предоставить для охраны прав и интересов эллинизма, а также льготы финансовые и льготы в отношении военного снабжения, которые они пожелали бы ей обеспечить, чтобы дать ей возможность реально выполнить те обязательства, которые она на себя примет.

Как в интересах греческого населения Турецкой империи, так и для успеха проектируемых операций следовало бы, чтобы соглашение, заключенное на вышеизложенных условиях, оставалось бы абсолютно секретным вплоть до своего проведения в жизнь.

Выступая с подобного рода сообщением, королевское правительство взвесило все условия таким образом, чтобы не требовать ничего такого, чего дружественные державы не могли бы принять.

№ 135.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [1]).

№ 255. **4/17 апреля 1915 г.**

Грэй только что получил телеграмму Эллиота относительно миссии принца Георга греческого в Париже, на успех которой надеются в Афинах. В число условий греческого соучастия входит интернационализация Константинополя, вступление короля во главе греческих войск в Константинополь,

[1]) Перев. с фр.

уступка Кипра [1]). Грэй телеграфировал Эллиоту о желательности рассеять всякие сомнения относительно судьбы, ожидающей эти предложения. Ни одно из них никоим образом не может быть принято в соображение.

Бенкендорф.

№ 136.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [2]).

№ 256. 4/17 апреля 1915 г.

Я был у Грэя после греческого посланника, вручившего ему греческую памятную записку. Грэй сказал мне, что он еще недостаточно ознакомился с этой запиской, чтобы высказать о ней определенное суждение. На первый взгляд, записка не произвела на него благоприятного впечатления, так как она выказывает явную враждебность к Болгарии, против которой Греция, повидимому, желает воспользоваться союзом с нами. С другой стороны, Греция определила целью войны разгром Турецкой империи слишком уже явным образом. Грэй сказал мне, что, по его мнению, следует настаивать в Софии на болгарском ответе, в котором Болгария формулировала бы свои взгляды. Он предпочитает этот способ действия предъявлению Болгарии строго установленных предложений, в виду того, что подобные предложения со стороны союзников имеют, по его мнению, те большие невыгоды, что могут скомпрометировать союзников в Афинах и Нише и восстановить греческое правительство против Сербии. Грэй повторил мне, что все, что он мне только что сказал, лишь его первое впечатление, сообщаемое им мне доверительно.

Бенкендорф.

№ 137.

Памятная записка великобританского посольства российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову [3]).

Посланник его британского величества в Афинах донес 16-го апреля, что принц Георг греческий выехал в этот день в Париж для продолжения своих переговоров, которые, как сообщил принц сэру Фр. Эллиоту, составляют основу для ответа греческого правительства трем державам. Принц Георг находился под впечатлением, что его предложения были приняты в Лондоне и Петрограде так же, как и в Париже, и что, вследствие этого, соглашение об условиях греческого сотрудничества является неизбежным. Одним из этих условий была интернационализация Константинополя, другим—уступка Кипра Греции.

---

[1]) См. т. I, прим. 3, на стр. 330.

[1]) См. т. I, прим. 3, на стр. 330.

[2]) Перев. с фр.

Принц Георг,—добавляет сэр Фр. Эллиот,—считает существенным, чтобы Константинополь был занят силами Англии, Франции и Греции до того момента, когда русские войска будут в состоянии вступить в него, так как он опасается, что последние не допустят туда других союзников, если они войдут первыми. По мнению принца Георга, греческие силы удвоились бы вступлением в ряды армии восторженно настроенных добровольцев, если бы греческий король появился среди союзных войск.

18 апреля 1915 г.

№ 138.

Российский посланник в Афинах Э. П. Демидов министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [1]).

№ 136. 5/18 апреля 1915 г.

Копии Париж и Лондон.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 129 [2]).

Лично. В беседе, которую король только что имел с английским посланником, он сказал, что, по его мнению, гарантия держав Согласия все еще не обеспечивает в желательной степени безопасность Греции со стороны Болгарии, сохраняющей нейтралитет и способной воспользоваться ее истощением, чтобы нанести ей роковой удар, — заявление, не вполне отвечающее, казалось бы, просьбе, заключающейся в греческой ноте. Равным образом, его величество считает, что для решительных операций против Контантинополя численность англо-французских войск должна быть увеличена, не считая греческих контингентов, до 200.000 человек минимум. С другой стороны, я узнаю, что греческий военный агент в Сербии отправляется в Ниш с проектом греко-сербского сотрудничества., предназначенного дать отпор возможному нападению Болгарии. Сверх того, до меня дошло, что министр иностранных дел в кругу своих друзей, будто бы, открыто провозглашал, что приобретение болгарской Фракии и распространение по восточному склону [гор] предпочтительнее получения Смирны, которая, по его мнению, явилась бы источником слабости для Греции. Греческий генеральный штаб, повидимому, придает исключительное значение плану продвижения на Константинополь через Фракию, с предъявлением требования свободного прохода армии через Болгарию, даже если бы последняя осталась нейтральной, что дало бы повод к предвиденному, чтобы не сказать желаемому, конфликту. Наконец, последняя возможность, которой принц Георг коснулся в разговоре с английским посланником, вырисовывается все с большей и большей очевидностью; предполагается, что король Константин лично станет во главе своей армии; эта возможность рас-

---

[1]) Перев. с фр.

[2]) См. стр. 212.

сматривается, как значительное увеличение сил в пользу союзников. Эти намерения и пожелания, очевидно, не составят предмета какого-либо договора. Тем не менее, я счел своим долгом отметить настроение, которое здесь определяется, чтобы избежать серьезных недоразумений и неприятных неожиданностей, так как легко может случиться, что события, если не отнестись к ним с достаточной осторожностью, приведут нас к такому положению вещей, перед которым слишком поздно будет отступать.

Демидов.

№ 139.

Памятная записка французского посольства в Петрограде российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову [1]).

№ 134.

Чтение греческой ноты вызвало у г. Делькассэ следующие замечания: продолжая все еще считать желательным вступление Греции в войну, он держится того мнения, что союзные правительства не могли бы:

1. Гарантировать Греции неприкосновенность ее территории в течение некоторого периода времени после войны, ибо это сделало бы невозможным известные уступки в пользу Болгарии, уступки, которые сам г. Венизелос находил необходимыми в своем письме к королю [2]) с целью добиться сотрудничества болгар в войне и которые должны найти широкое возмещение в обещанных в Малой Азии территориальных приобретениях.

2. Объявить теперь же, что уничтожение Оттоманской империи является конечной целью войны, в которой Греция приняла бы участие.

3. Допустить, чтобы Греция одна определила как территорию, где может быть использована ее армия, так и условия открытия ею действий.

19 апреля 1915 г.

№ 140.

Памятная записка российского министра иностранных дел С. Д. Сазонова французскому посольству в Петрограде [3]).

№ 435.

Г. Сазонов счастлив отметить, что чтение греческой ноты вызвало у г. Делькассэ замечания, тождественные с его собственными. Сверх того, г. Сазонов считает, что союзники не могут допустить, чтобы «территориальные компенсации для охраны прав и интересов эллинизма» могли послужить предметом переговоров между ними и Грецией, так как эта редакция слишком неопределенна и может дать повод к недоразумениям.

7/20 апреля 1915 г.

---

[1]) Перев. с фр.

[2]) См. прим. 2 на стр. 208.

[3]) Перев. с фр.

№ 141.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов посланнику в Афинах Э. П. Демидову.

Телеграмма.

№ 1764. 7/20 апреля 1915 г.

Сообщается в Париж, Лондон и Рим.

В виду полученных сведений об идущих приготовлениях к производству выборов в эллинский парламент на островах Имбросе, Тенедосе, Кастелорицо и в Северном Эпире, благоволите одновременно с Вашими французским и великобританским сотоварищами указать греческому правительству на недопустимость нарушения существующего положения до окончательного, после войны, определения участи названных местностей.

Сазонов.

№ 142.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послам в Париже и Лондоне А. П. Извольскому и гр. А. К. Бенкендорфу.

Телеграмма.

№ 1800. 8/21 апреля 1915 г. (2 ч. дня).

Великобританский посол передал мне доверительную записку, излагающую цель поездки принца Георга греческого в Париж. Ни одно из вожделений греческого правительства не может, вопреки создавшемуся у принца убеждению, рассчитывать на сочувствие императорского правительства. Судьба нынешней столицы Оттоманской империи окончательно решена союзниками, и никаких изменений в этом отношении не может последовать. Так же недопустимо вступление в Константинополь эллинского отряда и, тем более, во главе его короля Константина, ибо, как венценосцу, ему должно было бы быть отведено первое место среди союзных военначальников,— обстоятельство, которое грозило бы, принимая во внимание греческую мегаломанию, неисчислимыми осложнениями в будущем. Уступка Греции острова Кипра касается, конечно, прежде всего, Великобритании, но и мне такая уступка представляется нежелательной, ибо обеспечила бы Греции преобладающее положение в восточной части Средиземного моря.

Сазонов.

№ 143.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 233. 9/22 апреля 1915 г.

Копия в Лондон.

Получил Вашу телеграмму № 1800.

Ознакомил с ее содержанием Делькассэ, который сказал мне, что посетивший его вчера королевич Георгий греческий лишь мимоходом коснулся вопроса о Константинополе и не высказал по этому предмету никаких пожеланий. О вступлении в Константинополь греческого отряда под начальством короля Константина и об уступке Греции острова Кипра королевич вовсе не упоминает. По ходу разговора, королевич высказался приблизительно в смысле последней греческой ноты [1]), а именно, по его словам, греческое правительство исполнено твердой решимости присоединиться к державам Согласия, но, опасаясь Болгарии, со своей стороны ожидает от сказанных держав гарантий своей территориальной неприкосновенности как во время войны, так и в течение некоторого времени после ее окончания. На вопрос Делькассэ, как следует понимать это последнее требование, королевич разъяснил, что греческое правительство имеет в виду вступление Греции в союз с державами Согласия, например, на десятилетний срок. Далее королевич говорил о необходимости для Греции, в случае раздела Оттоманской империи, получить гарантии сохранения за ее церковными и школьными учреждениями принадлежащих им ныне прав и привилегий. В заключение он спросил, может ли Греция рассчитывать получить острова Додеканеза [2]), на что Делькассэ ответил, что с этим вопросом следует обратиться прежде всего к итальянскому правительству.

Извольский.

---

[1]) См. стр. 214.

[2]) Во время итало-турецкой войны 1911—12 г.г. Италией были оккупированы острова Родос, Кос и другие острова Додеканеза. По мирному договору в Лозанне от 10 октября 1912 г. Италия обязалась эвакуировать острова, как только Турция уведет свои войска из Триполи, но обязательства этого не выполнила. В марте 1914 г. между Италией и Турцией состоялось соглашение, в силу которого Италия соглашалась очистить «Двенадцатиостровье», но требовала уплаты оккупационных расходов и амнистии местному населению. Турция отказывалась уплатить издержки, но взамен предоставляла Италии железнодорожные концессии в Малой Азии. К моменту вступления Италии в войну в 1915 г. острова ею очищены не были. Ст. 122 Севрского договора 10 августа 1920 г. они были признаны за Италией, но в тот же день по итало-греческому соглашению были переуступлены ею Греции, при чем Италия оставляла за собой острова Родос и Кастеллорицо. По ст. 15 Лозаннского договора от 24 июля 1923 г. острова Додеканеза были предоставлены Италии.

№ 144.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [1]).

№ 277. 13/26 апреля 1915 г.

Получил Вашу телеграмму № 1798 [2]).

Никольсон сказал мне, что ни один из пунктов, которые, повидимому, составляют предмет миссии, яко бы возложенной на принца Георга греческого, не будет принят в соображение великобританским правительством. Эллиот получил предписание дать понять вышеуказанное греческому правительству самым категорическим образом. Я сказал Никольсону, что, повидимому, принц Георг совершенно напрасно надеется, что Россия сочувствует его проектам, что, напротив, Россия абсолютно противится им. Никольсон ответил мне, что, в силу таких же мало понятных причин, принц, повидимому, рассчитывает на симпатию Англии, что является совершенным заблуждением. В ответ на мой вопрос, Никольсон сказал мне, что он ничего не знает о приезде принца Георга в Лондон.

Бенкендорф.

№ 145.

Памятная записка великобританского посольства в Петрограде российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову [3]).

В разговоре с британским военным агентом 8/21 апреля начальник греческого генерального штаба указал, что наиболее действительным направлением операций, которые Греция могла бы предпринять против Турции, было бы направление через Дедеагач. Для этой цели и имея в виду враждебные действия со стороны Болгарии, которых начальник штаба, повидимому, ожидает, а возможно и желает, Греция потребовала 200.000 человек, сверх ее собственной армии.

Сообразно с этим, британский военный агент высказал правительству его величества мысль, что было бы желательно, имея в виду, что, даже в случае принятия союзниками греческого предложения, должна быть прежде всего заключена военная конвенция с Грецией, чтобы франко-британские силы высадились на азиатском берегу, предоставляя Греции задачу захвата полуострова, для которой она выработала детальный проект. С помощью подобного плана будет предотвращена возможность столкновения между Грецией и Болгарией, и главное наступательное движение греческой армии будет отклонено от Константинополя, что является желательным; между тем, союзные силы начнут одновременно свои операции, независимо

---

[1]) Перев. с фр.

[2]) Телеграмма за № 1798 в деле отсутствует.

[3]) Перев. с англ.

от их будущих действий, обусловленных военной конвенцией, подлежащей заключению с Грецией.

Получив телеграмму, доносившую о вышеизложенном, сэр Эдуард Грэй телеграфировал посланнику его величества в Афинах 9/22 о том, что британский военный агент в Афинах должен быть очень осторожным и не способствовать какому-либо проекту, направленному против Болгарии, так как желанием правительства его величества было обеспечить соглашение между балканскими государствами и избегнуть враждебных действий между Грецией и Болгарией. Посланник его величества ответил 11/24 апреля, что вышеприведенное сообщение было доложено правительству его величества с той целью, чтобы указать на опасность в связи с тем, что Греция может прельститься возможностью использовать настоящий благоприятный момент, чтобы свести счеты с Болгарией, желание, которое почти не скрывается начальником генерального штаба и даже министром иностранных дел.

В разговоре с сербским посланником начальник генерального штаба не упомянул о действиях против Турции, но, казалось, был занят исключительно мыслью о приготовлениях против Болгарии. Он сказал сербскому посланнику, что он предложил сербскому генеральному штабу послать две свои лучшие дивизии к Нишу, чтобы быть готовыми, в момент объявления болгарской мобилизации, действовать сообща с Грецией. Мнение начальника генерального штаба, повидимому, сводилось к тому, что, если бы Румыния присоединилась к союзникам, Болгария тотчас же вступит в Добруджу, и тогда наступит момент для Греции и Сербии сокрушить Болгарию.

В соответствии с этим, сэр Эдуард Грэй телеграфировал посланнику его величества в Афинах, предписав ему воспользоваться первым благоприятным случаем, чтобы убедить греческого министра иностранных дел в том, что всякое действие со стороны Греции, способное ухудшить ее отношения с Болгарией, будет рассматриваться, как весьма прискорбное сообщение, правительством его величества. Распри между балканскими государствами не только причинят вред им самим, но и отвратят от них симпатии и расположение Англии, которая всеми силами стремилась покровительствовать добрым отношениям между всеми ими.

Сэр Эдуард Грэй надеется, что г. Сазонов сделает греческому правительству подобное же предостережение.

26 апреля 1915 г.

№ 146.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов посланнику в Афинах Э. П. Демидову.

Телеграмма.

№ 1908. 14/27 апреля 1915 г.

Копии в Париж и Лондон.

Великобританский посол сообщил мне, что Грэем получены из Афин указания на твердое намерение эллинского начальника генерального штаба

и министра иностранных дел воспользоваться первым удобным случаем, чтобы свести счеты с Болгарией. Начальник генерального штаба предложил сербам прислать в Ниш две лучшие греческие дивизии, дабы броситься на болгар, как только последние объявят мобилизацию. В виду этого, великобританскому посланнику в Афинах предписано сделать возможно безотлагательно внушение министру иностранных дел, что великобританское правительство относится крайне отрицательно ко всякому выступлению эллинского правительства, способному вызвать трения его с Болгарией. Несогласия между балканскими государствами не только причинят им прямой вред, но и отвратят от них сочувствие и благоволение Великобритании, особенно озабоченной поддержанием между ними добрососедских отношений.

Благоволите высказаться перед Гунарисом в таком же смысле от имени императорского правительства.

Сазонов.

№ 147.

Памятная записка российского министра иностранных дел С. Д. Сазонова великобританскому послу в Петрограде сэру Дж. Бьюкенену [1]).

№ 456.

Г. Сазонов предложил российскому посланнику в Афинах сделать г. Зографосу заявление, аналогичное тому, которое сэр Эдуард Грэй поручил сделать сэру Фр. Эллиоту и которое составило предмет памятной записки посольства его британского величества от 13/26 апреля 1915 г.

14/27 апреля 1915 г.

№ 148.

Российский посланник в Афинах Э. П. Демидов министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 149. 16/29 апреля 1915 г.

Копии в Париж и Лондон.

Получил Ваш № 1908.

Сделал предписанное Вами внушение министру иностранных дел, который высказал мне недоумение по поводу столь незаслуженного, на его взгляд, подозрения великобританского и императорского правительств. Обвинение это, в связи с упорным воздержанием Тройственного Соглашения [2]) от ответа на греческие условия выступления, ставит министра в крайне затруд-

[1]) Перев. с фр.

[2]) Согласия?

нительное положение и побуждает его думать, что личность его вообще не приходится по душе державам, в каковом случае он готов был бы покинуть пост, на котором он полагал оставаться лишь до выборов. В английском и нашем образе действий он, не без некоторого, впрочем, основания, усматривает давление в пользу возвращения Венизелоса к власти, что, по его мнению, в настоящее время (несбыточно), вследствие отношения с королем, которого мы рискуем таким способом сильно скомпрометировать. Ни он—Зографос,—ни греческий генеральный штаб не имеют-де вызывающих намерений против Болгарии, вдохновляясь исключительно видами обороны от коварной соседки, столь недавно еще доказавшей четническими набегами [1]) свое стремление покуситься на жизненные интересы Тройственного Согласия, тогда как Греция предлагала союзнические свои услуги. Я возразил министру, что услуги эти, немалой ценой обусловленные, оказались бы абсолютно для нас непригодными с возгоранием греко-болгарского конфликта, который мы считаем по понятным причинам совершенно недопустимым; что императорское правительство озабочено, главным образом, сохранением между всеми балканскими государствами добрососедских отношений не только в видах дружественного их содействия общему делу, но и в целях их собственной выгоды; что настоящие переговоры носят характер дружественного, хотя и непоколебимого совета, безотносительно к личностям. Я указал, что удачно произведенная союзниками высадка в Дарданеллах [2]) уже является прямым и неоспоримым опровержением утверждений штаба о неосуществимости десанта иначе, как на болгарской территории, с чем министр не мог не согласиться.

Демидов.

---

[1]) 20 марта/2 апреля 1915 г. отряд из 600 болгарских четников атаковал сербские войска в районе Струмица—Валандово. Первоначально четникам удалось оттеснить сербов и захватить 2 сербских орудия, но затем прибывшим подкреплением прежнее положение было восстановлено. Повидимому, нападавшие стремились разрушить мост через р. Вардар у станции Струмица и находящийся вблизи туннель, чтобы прервать сообщение между Салониками и Нишем. В связи с нападением на Струмицу—Валандово Пашич решил запросить болгарское правительство о мерах, которые оно намерено принять для предотвращения подобного рода инцидентов, и вместе с тем указать державам Согласия, что «покушения на железнодорожное сообщение направлены против интересов не только Сербии, но и России и ее союзников, а также Румынии» (телеграмма Трубецкого от 21 марта/3 апреля 1915 г., № 359). В связи с этим державы Согласия предполагали сделать заявление болгарскому правительству, что в случае продолжения им благожелательной политики по отношению к центральным державам, они будут считать себя свободными от тех обещаний, которые они дали Болгарии (телеграмма Сазонова Савинскому от 1/14 апреля 1915 г., № 1666). Выступление это, однако, не состоялось, вследствие нежелания французского правительства.

[2]) 12/25 апреля 1915 г.

№ 149.

Памятная записка французского посольства в Петрограде российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову [1]).

Греческий посланник в Париже был уполномочен г. Зографосом сделать г. Делькассэ следующее заявление, в качестве выступления, предпринятого по исключительно личной его инициативе:

«Греция должна беречь все свои сухопутные силы для того, чтобы оградить себя от возможного нападения Болгарии. Но она могла бы теперь же предоставить свои морские силы в распоряжение союзников, предложив им наибольшие удобства в пользовании ее территорией и ее портами».

4 мая 1915 г.

№ 150.

Памятная записка великобританского посольства в Петрограде российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову [2]).

№ 9.

Правительством его величества была получена от военного атташе при миссии его величества в Афинах нижеследующая телеграмма касательно военного положения в Греции в настоящее время:

Если опасения греческого короля относительно угрозы, которая может явиться со стороны Болгарии после начала войны, могут быть рассеяны какой-либо формулой, которую возможно найти, хотя бы самого общего характера, греки немедленно двинут всю свою армию к Ксеросскому заливу и перережут сообщения турок у Булаирского перешейка. Это является желанием короля и одобрено генеральным штабом. Народ также примет это с энтузиазмом.

Если такая формула не может быть найдена, греки готовы предоставить пользование своим флотом, но они желают, однако, до выяснения позиции Болгарии, сохранить за собой право пользования своей армией. Они будут тогда действовать в зависимости от того, как мы предпочтем, или против Болгарии, или на азиатском побережьи Дарданелл. Греческий король, в том и другом случае, объявит войну Турции и согласится на меры, которые будут приняты для удаления германских и австрийских должностных лиц.

Весьма желательно, в виду официального решения Болгарии, оформить это дело немедленным принятием того или другого из вышеуказанных предложений, прежде чем решение Болгарии будет известно в Афинах, или во что бы то ни стало выяснить определенно, может ли быть привлечена Болгария к участию в войне ценою уступки ей Кавалы,—прежде чем мы снова отложим вступление Греции в войну и на неопределенное время затянем существующее на Балканах положение.

7 мая 1915 г.

---

[1]) Перев. с фр.
[2]) Перев. с англ.

№ 151.

Российский посланник в Афинах Э. П. Демидов министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 219 (?) [1]). 5/18 июня 1915 г.

Дополнение к моей телеграмме № 214 [2]).

Согласно неофициальным данным, жители островов Имброс и Тенедос, (считаем)ых ими неразрывной частью королевства, равным образом избрали депутатов в греческий парламент.

Демидов.

№ 152.

Российский посланник в Афинах Э. П. Демидов министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [3]).

№ 200 [4]). 5/18 июня 1915 г.

Лично. Копия в Париж и Лондон.

Вероятность перемены внешней политики Греции, в результате возможного возвращения Венизелоса к деятельности [5]), только что внушила моему великобританскому коллеге мысль обратиться заранее к командующему войсками в Галлиполи, генералу Гамильтону, с целью узнать его мнение о той форме, в которой с наибольшим успехом могло бы выразиться предполагаемое сотрудничество греческих сил, как, например, высадка в районе Смирны. С другой стороны, по моему мнению, союзным кабинетам следовало бы предварительно договориться об условиях и форме греческого вмешательства и иметь готовым наш ответ на тот весьма вероятный случай, если бы Венизелос, с момента своего появления у власти, предложил бы помощь Греции против Турции. Кроме того, я считаю своим долгом Вас пред-

---

[1]) Знак вопроса в подлиннике.

[2]) В телеграмме от 4/17 июня 1915 г. за № 214 Демидов сообщает о появившемся в греческих газетах списке лиц, избранных от округов Сев. Эпира.

[3]) Перев. с фр.

[4]) Повидимому, ошибка в номере. Телеграммы за №№ 200—210 относятся к последним числам мая и первым числам июня (ст.ст.). Вероятно, следует читать № 220, так как телеграммы №№ 217—221 датированы 4/17—6/19 июня 1915 г., а в сшитом подборе телеграмм Демидова за 1915 г. эта телеграмма помещена между № 219 (?) и № 221.

[5]) В результате выборов в греческое народное собрание 13 июня 1915 г. сторонники Венизелоса получили большинство; новый кабинет Венизелоса был сформирован 23 августа 1915 г.

упредить, что эти условия,—если, действительно, является желательным вмешательство этой страны в войну,—не должны заключать в себе требований каких-либо территориальных жертв с ее стороны, принимая во внимание, что после того, что произошло, никто здесь не будет в состоянии в настоящее время дать на это свое согласие. Не следует забывать, что король вряд ли будет в состоянии принять командование своими войсками и что сам по себе факт выхода из нейтралитета Греции отнимает у наших врагов последнюю точку опоры на Средиземном море и в то же время может побудить Болгарию решиться выступить на (нашей) стороне.

Демидов.

№ 153.

Российский посланник в Афинах Э. П. Демидов министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 245. 25 июня/8 июля 1915 г.

Весьма доверительно.

В виду более чем вероятного возвращения к власти Венизелоса и связанной с этим возможности возобновления переговоров относительно выхода Греции из нейтралитета, мне было бы крайне важно знать принципиальную на сей счет точку зрения императорского правительства. Мне доподлинно известно, что великобританское правительство вознамеривается снова поднять этот вопрос с свойственной ему настойчивостью. Затяжка военных операций у Дарданелл и мало надежный исход переговоров с Болгарией придает несколько большую цену греческому выступлению. При необходимости сохранения в будущих беседах с Венизелосом полной солидарности с видами моего английского коллеги, считал бы тем не менее полезным для... руководства быть поставленным заблаговременно в известность относительно взглядов императорского правительства на допускаемый, при создавшихся условиях, предел греческого содействия и формы его проявления в связи с военными потребностями союзников. По моим сведениям, греческий штаб все держится твердого, уже высказанного, взгляда, что единственный путь к Константинополю лежит по болгарской территории, при количестве войск, по крайней мере, 200.000 союзнических и всей греческой армии в 100.000 человек, достаточном не только для убеждения Болгарии в неизбежности согласиться на их пропуск, но, по всей вероятности, и присоединиться к ним в осуществлении общей задачи.

Демидов.

№ 154.

Российский посланник в Афинах Э. П. Демидов министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 251. 28 июня/11 июля 1915 г.

Лично.

Весьма доверительно.

Мой английский коллега мне сообщает, что им сейчас получен из Лондона запрос, какое произведет в Греции впечатление предположенное занятие для надобностей операций у Дарданелл находящегося, как известно, в одинаковом международном положении с Лемносом острова Митилены [1]), и не возбудит ли подобное действие негодования в Греции, в ущерб намеченному державами требованию уступки Кавалы Болгарии [2]). Английский посланник ответил, что последнее намерение не только в настоящую минуту абсолютно бесполезно, но прямо гибельно с точки зрения интересов Тройственного Согласия в Греции. Что же касается использования Митилены, то пусть к этому приступят, ставя здешнее правительство перед совершившимся фактом. Усердно просил бы считать это сообщение конфиденциальным, так как мой английский коллега взял с меня обещание его не телеграфировать.

Демидов.

№ 155.

Российский посланник в Афинах Э. П. Демидов министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 272. 14/27 июля 1915 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 251.

Мой английский коллега написал 13 июля министру иностранных дел записку, в которой указывает на принятое английским правительством решение использовать остров Митилену в качестве осуществления базы для операций против Дарданелл, а равно взять в свои руки и местное отделение почты и телеграфа. Посетив затем лично министра иностранных дел, английский посланник сказал ему, что названная мера вызвана необходимостью военно-морских действий и что остров будет очищен по миновании в нем надобности и что, ограничиваясь простым объявлением мероприятия, его правительство желало лишь избавить афинский кабинет от разрешения занятия острова. Греческий министр иностранных дел принял это к сведению и в беседе воздержался от протеста.

Демидов.

---

[1]) См. т. I, прим. 2 на стр. 361.

[2]) См прим. 2 на стр. 201.

№ 156.

Российский посланник в Афинах Э. П. Демидов министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 375. 2/15 сентября 1915 г.

Копии в Ниш и Букарест.

Мои союзные коллеги поведали мне, что императорское правительство не согласилось на назначение определенного срока болгарскому правительству для принятия окончательного решения по вопросу о выступлении [1]). Позволяю себе высказать по сему поводу следующие соображения: военные действия союзников на Галлиполи, к сожалению, не подают пока надежд на скорый успех. При отсутствии этого решающего фактора, болгарское правительство, на привлечение коего уже затрачено столько времени и напрасных усилий, убежденное при этом в конечной победе германцев, по всем данным, попытается еще выиграть время, уклоняясь от положительного ответа. Между тем, обстановка на Балканах настоятельно требует, чтобы мы опередили... подобное вторжение австро-германцев на полуостров [2]), ибо такое вторжение, буде оно обставлено достаточными силами, неминуемо увлечет за собой болгар, вероятно, устрашит румын и, наверное, обречет греков на бездействие по отношению к союзнице. При таких условиях союзникам придется очистить Галлиполи, потерпев громадный нравственный урон, не говоря о других последствиях, как, например, влиянии панисламизма. Время, на мой взгляд, не терпит для перемены дипломатического фронта на Балканах. В предвидении дальнейших затяжек со стороны Болгарии, а в случае назначения срока — ее отказа выступить, некоторые мои коллеги зонди-

---

[1]) В августе 1915 г. Англия, Франция, Россия и Италия добились от сербского правительства согласия на предоставление Болгарии определенных территориальных уступок в области Македонии, при условии, что спорная зона до окончания мировой войны будет занята союзными войсками. В связи с этим державы Согласия предприняли соответствующие шаги в Софии, гарантируя Болгарии, в случае ее выступления против Турции, Македонию по линии 1912 г. По тексту заявления болгарскому правительству, выработанному Грэем и одобренному державами, выступление Болгарии было назначено на 20 сентября/3 октября 1915 г. Сазонов считал, однако, назначение срока политически неблагоразумным, так как подобного рода шаг мог дать повод болгарскому правительству отклонить предложение держав. Поэтому он настаивал на предоставлении Болгарии свободы в выборе срока. (Телеграммы Сазонова №№ 4320, 4338, 4366 и 4378 от 24 и 25 августа/6—7 сентября 1915 г.).

[2]) Германо-австрийские войска вторглись в пределы Сербии 23 сентября/6 октября 1915 г. Сведения о готовящейся операции были получены в российском министерстве иностранных дел в августе, о чем Сазонов своевременно известил Ставку (телеграмма Сазонова от 1/14 августа 1915 г. за № 3918).

ровали почву относительно положения, которое в таком случае займет Греция. По мнению Венизелоса, король ни в коем случае не согласится на какое-либо выступление, могущее быть истолкованным, как направленное против Германии или Австрии. По мнению Венизелоса, надлежало бы незамедлительно создать новую балканскую конъюнктуру, способную прельстить короля и предоставить ему, Венизелосу, доводы в пользу выступления. Такую комбинацию он усматривает в содействии Румынии, в согласии сей последней с Сербией и быстром образовании оборонительного против Болгарии союза трех балканских государств. Благоприятный за последнее время поворот в румынской политике [1]) подает надежду, что обращение в этом смысле держав Согласия в Букаресте может иметь успех. Только под видом конфликта с Болгарией, при румынской гарантии, Грецию, думаю, удалось бы вовлечь в войну. Появление же на полуострове австро-германских сил, доныне удерживаемых нашими доблестными войсками, создаст опаснейшее положение, если к тому времени не будут приняты Согласием какие-либо меры, в роде предлагаемой. Нельзя упускать из виду и угрозы прекращения сообщений с Салониками. Венизелос убежден в отрицательном отношении Болгарии к нашим условиям, хотя он искренне желал бы ее выступления на нашей стороне. Он непременно возбудит 2-го сентября исчерпывающий разговор с королем [2]), чтобы выяснить взгляд последнего на надвигающиеся грозные события.

Демидов.

---

[1]) Демидов, вероятно, имеет в виду заявление, сделанное 26 августа/8 сентября 1915 г. Братиано сербскому посланнику в Букаресте Маринковичу по поводу отношения румынского правительства к возможному нападению Болгарии на Сербию. Хотя, по словам Братиано, Румыния и не могла принять на себя никаких обязательств насчет вооруженной помощи Сербии, тем не менее он указал, что в этом вопросе его правительство «будет всецело придерживаться взглядов держав Согласия». Вместе с тем Братиано упомянул, что Румыния выступит против Австрии, как только русская армия перейдет в наступление. (Телеграмма Поклевского 27 августа/9 сентября, № 521). Несмотря на это заявление, Братиано 10/23 и 11/24 сентября указал российскому, французскому и греческому посланникам, что, «глубоко сочувствуя Сербии и вполне сознавая солидарность ее интересов с румынскими, он ничего не может предпринять ей на помощь», так как мобилизация румынской армии при данных условиях может привести Румынию к «унижению» и не окажет влияния на Болгарию. Условием немедленного выступления Румынии Братиано ставил посылку на Балканский полуостров союзной армии в 400.000 чел. (Телеграммы Поклевского от 11/24 сентября за №№ 546, 549 и от 12/25 сентября за № 550).

[2]) Беседа Венизелоса с королем по вопросам внешней политики состоялась 5/18 сентября 1915 г. В ответ на заявление Венизелоса о желательности образования оборонительного против Болгарии союза трех балканских государств—Греции, Сербии и Румынии — король заверил его в твердом решении своем выполнить союзные обязательства по отношению к Сербии, особенно при наличии румынской гарантии. (Телеграмма Демидова от 6/19 сентября 1915 г. за № 387).

№ 157.

Российский посланник в Афинах Э. П. Демидов министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 394. 9/22 сентября 1915 г.

Срочно.

Копии в Париж, Лондон, Рим, Букарест и Софию.

Венизелос сейчас созвал французского, английского посланников и меня, не пригласив, однако, итальянского. Им только что получено из Софии известие, что болгарское правительство решило мобилизировать четыре дивизии, пока около 150.000, и что отряд кавалерии уже направлен к сербской границе для прикрытия этой мобилизации. Он не исключает возможности, что подписанный уже мобилизационный декрет, приведение коего в действие, будто бы, отложено, является лишь пробным в целях выяснения намерений Румынии и Греции, а равно средством воздействия на державы Согласия [1]). Тем не менее, положение считается (Венизелосом) крайне серьезным, и он тотчас посоветовался с королем и начальником штаба, который выразил мнение, что Сербия не в состоянии при германском на нее нападении выполнить союзные обязательства предоставлением предвиденных договором 150.000 войск [2]), вследствие чего Греция может вернуть (себе) свободу действий. С другой стороны, как король, так и начальник штаба и Венизелос признают, что Греция со своей 150.000-й армией не может бороться без внешней поддержки. При этих условиях, Венизелос просил моих коллег немедленно снестись с их правительствами с просьбой уведомить, может ли она рассчитывать на пополнение союзниками означенного числа войск из состава европейских, а не колониальных войск [3]). В случае, если бы Румыния

---

[1]) Всеобщая мобилизация в Болгарии была объявлена 9/22 сентября 1915 г.

[2]) Ст. 2 греко-сербской военной конвенции от 19 мая/1 июня 1913 г. читается: «В начале военных действий, в какой бы момент они ни начались, Греция обязуется выставить 90.000 человек, сосредоточенных в районе между горою Пангайон, Салониками и Гуменицей, а Сербия—армию в 150.000 человек, сосредоточенную в районе Гевгели, Велес (Кепрюлю), Куманово, Пирот. Кроме того, Греция обязуется держать в Эгейском море свой флот в боевой готовности».

[3]) В связи с невозможностью для Сербии выставить требуемые военной греко-сербской конвенцией 1913 г. 150.000 человек, Венизелос предложил королю Константину обратиться к союзникам с просьбою о присылке соответственного числа войск. Король дал свое согласие, но потребовал, чтобы экспедиционная армия состояла из европейских, а не колониальных войск. Когда был получен положительный ответ от посланников держав Согласия, король просил Венизелоса добиться отсрочки присылки войск до того момента, когда Болгария нападет на Сербию, считая, что только в таком случае Греция обязана будет выступить. Так как войска были уже отосланы, Венизелос 3 октября 1915 г. заявил предста-

решилась присоединиться к Греции, отправка союзных войск оказалась бы ненужной. Венизелос осведомляется, может ли он рассчитывать на помощь 150.000 союзных войск, не считая для себя возможным взять почин переговоров в Бухаресте. Он придает также большую цену получению ответа, если возможно, в 24 часа, ибо он полагает, что Греции надлежало бы немедленно ответить на болгарскую мобилизацию равносильной мобилизацией, главное условие которой он видит в содействии либо союзников, либо Румынии. Так как Франция и Англия являются державами, призванными к предоставлению этих войск, Венизелос просит, чтобы ответы из Парижа и Лондона были немедленно присланы в Афины без предварительного о том совещания между обоими правительствами, в виду снабжения его доводами пред королем, с которым он желал бы иметь возможно скорее решительный разговор. Если оба ответа согласны в принципе, он намерен предложить королю подписать указ о мобилизации, как только Болгария сама к таковой же приступит. Мы убеждены, что в случае отказа короля Венизелос подаст в отставку [1]. Он заявил нам, однако, что, если им будет получено обещание просимого им содействия, согласие короля, по его мнению, обеспечено. Мои коллеги телеграфируют в том же смысле своим правительствам. Должен прибавить, что лично я несколько скептически отношусь к возможности приобщить короля греческого к действиям, хотя бы косвенно направленным против Германии.

Демидов.

№ 158.

Российский посланник в Афинах Э. П. Демидов министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 395. 9/22 сентября 1915 г.

Продолжение моей телеграммы № 394.

Весьма доверительно. — На вчерашней, 8 сентября, беседе с Венизелосом последний заявил нам, между прочим, что раз выступившие против Болгарии греческие войска могли бы быть использованы, дабы покончить с турками, и для похода на Константинополь. Венизелос, очевидно, рассчитывает на сию важную в глазах короля приманку... греческой армии в оттоманскую столицу — для привлечения Греции к активным действиям на стороне держав Согласия.

Демидов.

вителям держав Согласия в Афинах формальный протест о нарушении греческого нейтралитета, яаверив их неофициальным образом, что союзным войскам будет предоставлен ряд льгот по высадке и размещению.

[1] В виду нежелания короля Константина отказаться от политики нейтралитета, Венизелос принужден был подать в отставку 5 октября 1915 г. 7 октября был сформирован кабинет Займиса.

№ 159.

Российский посланник в Афинах Э. П. Демидов министру иностранных дел М. И. Терещенко.

Телеграмма.

№ 424. 25 июня/8 июля 1917 г.

Греческая печать стала ныне весьма бесцветной. Соответственно приобрел значение французский орган «Progrês», имеющий связи с официальными кругами через сотрудника, директора здешнего агентства «Радио». В передовой статье от 6-го июля н. ст. нашла себе место фраза, на которую должен обратить Ваше внимание:

«Россия, покидая всякую надежду на завоевание, повидимому, намеревается предоставить Константинополь в удел более счастливому и более смелому» [1]).

Статья проникнута мыслью поднять греческий боевой дух для осуществления великой роли эллинизма. Такая постановка вопроса действует возбуждающим образом на здешнее умозрение. Полагая, что она едва ли соответствует нашим видам, просил бы Вас указать мне, считаете ли Вы желательным, и в каковом именно смысле, восстановление вопроса печатным путем в правильном его освещении.

Демидов.

№ 160.

Товарищ министра иностранных дел России А. А. Нератов посланнику в Афинах Э. П. Демидову.

Телеграмма.

№ 2992. 29 июня/12 июля 1917 г.

Ссылаюсь на Вашу телеграмму № 424.

Не признаем целесообразным реагировать на указываемую Вами фразу статьи газеты «Progrês». Наши разъяснения относительно будущей участи Константинополя при настоящих обстоятельствах могли бы только подать лишний повод к различным кривотолкам, отнюдь не способствуя умиротворению умов в Греции. По возможности, желательно было бы, чтобы вопрос о Константинополе не затрагивался в печати.

Нератов.

---

[1]) В подлиннике слова в кавычках на французском языке.

№ 161.

Товарищ министра иностранных дел России А. А. Нератов посланнику в Афинах Э. П. Демидову.

Телеграмма.

№ 4176. 7/20 сентября 1917 г.

Ваша депеша № 156 получена [1]).

Вполне одобряя действия, предпринимаемые Вами в целях ознакомления греческого общественного мнения с Россией, мы не можем, однако, не отметить в числе присланных Вами образчиков статей две, отнюдь не соответствующие видам нашего правительства. Одна из них—о парижской конференции в газете «Hora» от 8 июля, где сказано, что возвращение Греции земель, населенных греками и принадлежавших Византийской империи, в том числе Константинополя, не будет считаться аннексией. Другая — в газете «Nea Ellas» от 5 июля, гласящая, что уход русских войск с Афона [2]) составляет бескровное завоевание Венизелоса и имеет совершенно особое значение, так как Греция сможет отныне вмешиваться в дела этого Акрополя православия.

В виду коллизии греческих и русских интересов в вопросах об Афоне и Константинополе от греческой прессы трудно, конечно, ожидать такого освещения этих вопросов, которое отвечало бы вполне нашим целям. Тем не менее, основываясь на Вашем заявлении о возможности влиять на местную печать, министерство находит необходимым принятие Вами соответственных мер к тому, чтобы, по крайней мере, в субсидируемых миссией органах наши действия по этим вопросам не были истолковываемы, как поощрение нами панэллинских вождений.

Нератов.

---

[1]) В делах архива б. министерства иностранных дел депеша Демидова за № 156 отсутствует.

[2]) В январе 1917 г. на Афон был отправлен смешанный русско-французский отряд для «поддержания порядка и охраны весьма важных для русских интересов русских учреждений и многочисленных русских монахов, живущих на св. горе». Весной 1917 г. этот отряд был отозван командующим союзными войсками на балканском фронте, ген. Саррайлем. Российское правительство требовало обратной его посылки, ссылаясь на то, что по общесоюзному соглашению 1916 г. Афон решено было считать не входящим в состав греческой территории, а занимающим особое положение. (Исходящие и входящие телеграммы архива б. министерства иностранных дел за 1917 г.).

№ 162.

Российский посланник в Афинах Э. П. Демидов министру иностранных дел М. И. Терещенко.

Телеграмма

№ 642. 12/25 октября 1917 г.

Копия в Париж.

Ссылаюсь на мой № 637 [1]).

Под заглавием «Константинополь — столица греческой черноморской республики», газета «Hora» сообщает «из дипломатического источника», что вопрос будет обсуждаться на будущей союзнической конференции в Париже. Во Франции образовано, будто бы, общество, под председательством некоего Константинидиса, в целях осуществления пожеланий 800.000 греков; французские официальные круги деятельно поддерживают проект. Одна великая держава предполагает возбудить вопрос на совещании, с тем, будто бы, вариантом, что Константинополь, сделавшись свободным городом с дарданелльским своим оземельем, станет столицей новой республики, которая будет поставлена под покровительство великих держав и Греции. Этот пробный шар в связи с начавшейся пропагандой может только окрылить надежды греческого общественного мнения.

Демидов.

---

[1]) В телеграмме за № 637 от 10/23 октября 1917 г. Демидов сообщает о состоявшемся в Афинах в первых числах октября собрании представителей греческого населения «городов черноморского побережья» и о наметившемся на этом собрании стремлении «воспользоваться всемирным настроением и сочувствием российских советов, чтобы соединить, в виду благоприятных условий, черноморских греков в одно независимое государство».

IV.

Отношение болгарского правительства к вопросу о Константинополе и Проливах.

18/31 июля 1914 г.—29 августа/11 сентября 1915 г.

№ 163.

Российский посланник в Софии А. А. Савинский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 153. 18/31 июля 1914 г.

Известие о мобилизации [1]) произвело здесь огромное впечатление, причем ей придают двоякое значение: ответного на австрийское выступления и нашего желания раз навсегда покончить с вопросом о Проливах и Константинополе. Думаю, наша решимость заставит Болгарию быть на первых порах осмотрительнее в вопросе сохранения нейтралитета; впоследствии она решит, смотря по обстоятельствам, к какой примкнуть комбинации. Из румынских источников утверждают о существовании уговора между Болгарией и Австрией, во исполнение которого Австрия и Германия доставили за последние месяцы Болгарии такое количество воинских припасов, что она теперь более подготовлена, чем пред последней войной. Взамен за эту услугу и за обещание поддержки в македонском вопросе Болгария, мол, и была так непримирима в вопросе о займе [2]). В злобе против Сербии и в надежде полу-

---

[1]) Частичная мобилизация русской армии была объявлена 16/29 июля 1914 г., 18/31 июля русские армия и флот были приведены на военное положение.

[2]) Савинский имеет в виду внешний заем, заключенный Болгарией в Германии в июле 1914 г. С просьбой о займе болгарское правительство обращалось до этого к державам Тройственного Согласия, но выдвинутые последними условия были признаны им неприемлемыми. Заем был предоставлен германским обществом «Disconto Gesellschaft» в размере 500.000.000 фр. Взамен этого общество получало в свои руки контроль над государственными угольными копями, строившейся железной дорогой между центральной Болгарией и портом Лагосом и над самим этим пунктом. Кроме того, «Disconto Gesellschaft» добивалось предоставления ему контроля над экспортом табака, но правительство на это не согласилось.

чить Македонию, возможно, что Болгария чрез комитаджей будет стараться перерезать железнодорожный путь Салоники—Ниш, чтобы лишить Сербию единственного средства сообщения с внешним миром. Предупредил об этой опасности сербского и греческого посланников. Не найдете ли нужным, с своей стороны, обратить внимание Афин и Белграда.

Савинский.

№ 164.

Российский посланник в Софии А. А. Савинский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 205. 8/21 августа 1914 г.

Копия в Константинополь.

Лично.

Не зная, в чем состояло Ваше решение по отношению к Турции, и узнав впервые его из переданных мне Вами телеграмм Гирса №№ 751 [1]) и 753 [2]) о существовании конкретных переговоров с Портою, позволяю себе высказать следующие соображения: теперешняя мировая борьба должна на долгое будущее устранить возможность новых потрясений; поэтому каждый из участников будет и должен стараться, при ее ликвидации, осуществить возможно более широко свои национальные задачи и закрепить за собою возможно большие выгоды. Если таковыми для себя мы не будем считать завладение Проливами, то, конечно, нам желательно удержать Турцию от активного выступления, хотя последнее, может быть, и не было бы для нас особенно страшно, в виду царящей там сумятицы и нашей малой уязвимости со стороны Турции, сравнительно с тем вредом, который мы можем ей нанести. Если, в целях удержания Турции, императорское правительство признает желательным заручиться ее нейтралитетом и согласится за это не только гарантировать ей территориальную неприкосновенность, но, сверх того, обеспечить хотя бы территориальные приобретения, то, мне кажется, их следует ограничить лишь островами, так как одно возбуждение вопроса об уступке части западной Фракии вызовет в Болгарии общее самое сильное негодование. Когда здесь шли переговоры о займе, то главным аргументом

---

[1]) В телеграмме от 5/18 августа 1914 г. за № 751 российский посол в Константинополе Гирс сообщает, что под влиянием партии Энвера великий визирь Саид-Халим указал на острова и части западной Фракии, населенные магометанами, как на территории, которые «по праву должны принадлежать Турции».

[2]) Телеграммой от 5/18 августа 1914 г. за № 753 Гирс сообщает о сделанном им совместно с французским и великобританским послами в Константинополе заявлении великому визирю, что, «в случае сохранения Турцией строгого нейтралитета, державы гарантируют территориальную неприкосновенность Турции и защитят ее от посягательств».

против заключения его в Германии было требование немцами, в качестве обеспечения, отдачи в их пользование естественных богатств вновь приобретенных фракийских земель, — этой единственной «жемчужины», доставшейся Болгарии после Букарестского мира [1]). Одно принципиальное согласие наше на эту уступку, о чем турки вновь осведомят болгар, оттолкнет от нас даже наших друзей, разве мы формально пообещаем и гарантируем Болгарии другие компенсации, возбуждать вопрос о которых в настоящую минуту, как я вижу из переписки Вашей с Букарестом, Афинами и даже с Нишем, преждевременно и опасно.

Савинский.

№ 165.

Российский посланник в Софии А. А. Савинский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 233. 18/31 августа 1914 г.

Копии Париж и Лондон.

Прошу снабдить меня теперь же указаниями, не должен ли я в момент ожидаемого выступления Турции, и если до того нам не удастся заставить болгарское правительство переменить свою политику, — предъявить ему, совместно с французским и английским посланниками, совершенно категоричное, с определением времени ответа, требование: очистить Варну и Бургас от мин; не только не препятствовать, но содействовать высадке и проходу наших войск через болгарскую территорию, если того потребуют наши военные операции; допустить пользование Дедеагачем для наших союзников; отразить вооруженной силой турок при вступлении их на болгарскую территорию, независимо от их намерений. Если до тех пор не было сделано шагов, предписанных Вашим № 2273 [2]), то можно было бы сказать, что, в случае успешной войны, Болгария получит, кроме указанных мною уже ранее компенсаций [3]), приобретения во Фракии. Отсутствие совершенно

---

[1]) По турецко-болгарскому мирному договору от 16/29 сентября 1913 г., последовавшему за Букарестским миром от 28 июля/10 августа 1913 г., Болгария получила часть Фракии и выход к Эгейскому морю в Дедеагаче. За Турцией был признан Адрианополь и оба берега нижнего течения р. Марицы с проходящей по правому берегу ее железной дорогой от Адрианополя на Дедеагач.

[2]) В телеграмме от 17/30 августа 1914 г. № 2273 Сазонов сообщает Савинскому о предложении Делькассэ заявить болгарскому правительству, что, «в случае, если Болгария окажет сопротивление наступательным действиям Турции», державы согласны, независимо от компенсаций, которые она получит от Сербии и Греции, признать ее права на часть Фракии до линии Энос—Мидия.

[3]) Повидимому, имеется в виду заявление Савинского болгарскому правительству от 29 июля/11 августа 1914 г., что, в случае сохранения Болгарией благожелательного нейтралитета, союзные державы соглашались обеспечить ей территориальные приобретения с Иштибом и Радовиште. (Телеграммы Сазонова №№ 1768 и 1771 и ответная телеграмма Савинского № 184).

категоричного ответа — «да или нет» — в назначенный срок будет для России и ее союзников признанием, что Болгария во враждебном нам лагере, и сигналом к нашему отъезду из Софии. Французский и английский посланники телеграфируют своим правительствам в том же смысле.

Савинский.

№ 166.

Российский посланник в Софии А. А. Савинский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 273. 9/22 сентября 1914 г.

Личная.

Получил № 2787 [1]).

Моя беседа с Радославовым, о которой Вы запрашиваете подробности, изложена в № 241 [2]). Так как в то время болгарские порты были уже минированы, и мера эта была направлена против нас, и так как я знал, что накануне в министерском совете обсуждался вопрос о возможности нашей войны с Турцией и нашей высадки в Болгарии, то, понятно, в течение полуторачасового разговора мною был затронут вопрос, какое положение заняла бы тогда Болгария. Я оговорился при этом, что говорю по личной инициативе, под свежим впечатлением шага, сделанного послами Тройственного Согласия в Константинополе [3]). Коснуться этого вопроса я считал вполне необходимым, так как тогда шла деятельная работа немцев увлечь Болгарию в союзе с Турцией, конечно, не прямо против России, а против

---

[1]) Телеграммой от 8/21 сентября 1914 г. № 2787 Сазонов запрашивал Савинского о характере беседы, которую он имел с Радославовым. По имевшимся у Сазонова сведениям, Савинский, будто бы, настаивал во время этой беседы на необходимости высадки русских войск в Болгарии и указывал на сочувствие к России болгарского общественного мнения. В ответ на это Радославов, будто бы, заявил, что Болгария окажет сопротивление всякой попытке со стороны России произвести высадку на болгарской территории.

[2]) В телеграмме от 20 августа/2 сентября 1914 г. № 241 Савинский, между прочим, передает содержание своей беседы с Радославовым от 19 августа/1 сентября 1914 г. относительно позиции, которую займет Болгария в случае выступления Турции. Радославов уверял посланника в отсутствии у Болгарии враждебных намерений по отношению к России и заявил, что, «в случае нападения Турции или ее желания пройти через болгарскую территорию, Болгария выступит активно и что против России во всяком случае он не пойдет».

[3]) Имеется в виду выступление держав Согласия в Константинополе от 17/30 августа 1914 г.: державы заявили великому визирю, что они согласны дать Турции гарантию ее территориальной неприкосновенности и рассмотреть в благожелательном для нее смысле ее пожелания экономического и юридического характера. Взамен этого Турция должна была дать обязательство сохранять строжайший нейтралитет в течение всей войны.

Сербии. В то же время я считал нужным разъяснять чуть не ежедневно Радославову гибельность политики, на которую его толкали наши враги. Беседа эта имела свое действие, которое сейчас же старались парализовать австрийский и германский посланники и сочувствующие им болгарские министры. Кроме указания на гибельность для Болгарии итти по пути, указываемому ее врагами, я ни в какие подробности не входил и, в частности, на высадке наших войск в Болгарии не настаивал, а заметил только чисто академически, что даже если бы нам нужно было бы высадиться в Болгарии, то болгарский солдат не стрелял бы в русского. Радославов, вполне согласившись с этим, сказал, что правительство еще не обсуждало вопроса о возможности нашей высадки. Я тут же уличил его в неправде, так как знал, что министерский совет не только занимался этим вопросом, но и решил, во внимание к вышеизложенным соображениям, силою не противиться, а только протестовать перед Европой; при этом я заметил, что протестовать перед Европой трудно, так как теперь она вся делится на два враждебных лагеря; тогда Радославов с живостью возразил: «Будем протестовать перед историей» и, выдав себя этими словами, был смущен. На сочувствие же к России болгарского общественного мнения я, конечно, указывал, так как это истинная правда. Ко мне по нескольку раз в день поступали и поступают письменные и устные заявления учреждений, групп и отдельных лиц с выражением самых горячих чувств государю императору и России, с предложением услуг добровольцев и т. д. Я указал Радославову, что правительство систематически подавляет эти чувства, что мне тоже документально известно, и что, таким образом, оно ведет политику в разрез с общественным настроением. В ответ на мои замечания Радославов, фактически делавший против России всякие гадости, утверждал 19-го, впрочем, как и ранее, что против нас никогда не пойдет и что он «скоро докажет, что он друг России». В разговоре 24 августа, происходившем уже после наших побед над австрийцами [1]), он пошел дальше и сказал, что Болгария не пойдет не только против России, но и против славянства. Резюмирую: на необходимости высадки наших войск отнюдь не настаивал; на сочувствие к России болгарского общественного мнения указывал; Радославов о сопротивлении нашей высадке не говорил, но сказал, что на нее последовал бы, во имя нейтралитета, платонический протест перед Европой. С тех пор здешние настроения переменились, и тот же Радославов не только болгарам, но и дипломатам говорил, что, в случае выступления Румынии, Болгария пойдет с Тройственным Согласием. Не имея указаний вступать в официальные разговоры по этому поводу, воздерживаюсь затрагивать этот вопрос.

Савинский.

---

[1]) Вероятно, имеется в виду взятие русскими войсками Львова 21 августа/3 сентября 1914 г. и последующее отступление австрийской армии.

№ 167.

Российский посланник в Софии А. А. Савинский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 390. 19 октября/1 ноября 1914 г.

№ 2 [1]).

В виду оборота, принимаемого событиями [2]), почитаю долгом несколько подробнее остановиться на характеристике общественно-политического настроения в Болгарии в связи с русско-турецкой войной. Все без исключения партии и органы печати указывают на чрезвычайную важность Турции для всех балканских государств, а особенно для Болгарии, при чем органы демократов-народняков и радикалов, а равно и лидеры их, открыто высказывают необходимость для Болгарии примкнуть к России, Франции и Англии. Правительство, в лице Радославова и Фичева, в заверениях своих не делать ни малейшего жеста, неугодного России, кажется мне теперь, несомненно, искренним, и думаю, что при вероятной дальнейшей эволюции ему не трудно будет перейти от этого отрицательного благожелательства к активной с нами солидарности. Даже так называемые «руссофобские» круги начинают признавать, что вне России нет будущего благоденствия Болгарии. Мне говорили, что такие заявления делали Геннадиев и Радев, посланник в Букаресте, на-днях побывавший в Софии, а бывший помощник главнокомандующего Савов прислал доверительное лицо сказать Тодорову, что, по его мнению, пришел момент активного выступления Болгарии при условии, если Россия гарантирует ей: 1) Македонию, согласно договора 1912 года [3]), и границу

---

[1]) Под № 1 Савинским была отправлена телеграмма от 19 октября/1 ноября 1914 г. за № 389, в которой он сообщал, что болгарское общественное мнение высказывается за активное участие в войне, выставляя одним из главных условий обеспечение тыла со стороны Румынии.

[2]) Имеется в виду выступление Турции на стороне центральных держав 16/29 октября 1914 г.

[3]) По ст. 2 секретного дополнения к болгаро-сербскому соглашению от 29 февраля 1912 г., Сербия признавала за Болгарией право на территорию, расположенную к востоку от Родопских гор и Струмицы, а Болгария—право Сербии на территории к северу и западу от Шар-Планины. В территории, заключенной между Шар-Планиной, Родопскими горами, Эгейским морем и Охридским озером, устанавливался болгаро-сербский кондоминиум. В случае невозможности образовать из Македонии автономную область, Сербия обязывалась при разделе ее не предъявлять притязаний на территорию за линией, имеющей свою отправную точку на турецко-болгарской границе у горы Голем, к северу от Паланки, и идущей до Охридского озера. Область, расположенная к северу от указанной линии до Шар-Планины, признавалась болгарами «спорной»; сербы относили к спорной зоне также часть территории к югу от упомянутой в ст. 2 зоны, на которую они предъявляли притязания при переговорах, предшествовавших заключению договора. Когда после подписания Лондонского договора 17/30 мая 1913 г. выяснилось, что Сербия, в виду образования независимого Албанского государства, лишается

Мидия—Энос [1]), 2) безопасность тыла со стороны Румынии, 3) безопасность черноморских берегов и 4) свободу командования над болгарскими войсками. По слухам, которые я еще не успел проверить, в этом же смысле Радославов высказался сегодня перед популярным в Болгарии корреспондентом «Times» Баучером. Условия эти Савов желает обсудить с Тодоровым; для этого между ними уговорена встреча на этой неделе, после чего Савов будет добиваться аудиенции у короля, дабы воздействовать на него в этом смысле. Сам король, повидимому, тоже склоняется перед очевидностью и, в сознании решающей роли России в судьбах балканских народов, спросил через Фичева мнение Тодорова о политическом моменте. Тодоров, так же как и Малинов, решивший испросить на-днях аудиенцию в виду серьезности минуты, изложил Фичеву единственно спасительную, по его мнению, политическую программу Болгарии в смысле единения с Россией. Лично я думаю, что два факта—преобладание наше на Черном море и благожелательное нам поведение Румынии — устранят последние колебания правящих сфер в Софии, которые ожидали и ожидают нашего предложения об активном выступлении. Радославов при последнем свидании со мною, повидимому, ожидал от меня именно подобного требования, и когда я сообщил ему о Вашем предложении лишь воздерживаться от всякого враждебного выступления против Сербии, то он, как я телеграфировал за № 381 [2]), тотчас же поспешил дать мне усердные уверения в этом смысле. Шефы же оппозиции, узнав об этом требовании, столь по их мнению невинном, объясняли воздержание Ваше от предложения актив-

---

выхода к Адриатике, сербское правительство потребовало пересмотра ст. 2 секретного дополнения к договору 1912 г. и предоставления Сербии выхода к Эгейскому морю в Салониках. Болгария настаивала на точном собюдении ст. 2. Вспыхнувшая 2-ая балканская война, приведшая к полному поражению Болгарии, закончилась Букарестским миром от 10 августа 1913 г. По ст. 3 этого мира, граница между Сербией и Болгарией была проведена от вершины горы Патарики по прежней болгаро-турецкой границе и водоразделу Вардара и Струмицы до горы Белашицы. Иными словами, к Сербии отходила старая Сербия, Монастырь и долина Вардара до Гевгели. Греция получила южн. и зап. часть Македонии с Салониками и Кавалой. Болгария должна была удовлетвориться территорией к северу от горы Белашицы и к востоку от р. Месты.

[1]) В результате 1-ой балканской войны 1912—1913 г.г. сербские войска заняли большую часть Македонии, а болгарские—всю Фракию с Адрианополем. На основании этой военной карты Болгария и Сербия формулировали свои требования, при чем болгары предъявили притязания на занятые ими территории Фракии. По ст. 2 Лондонского договора от 17/30 мая 1913 г., Турция отказывалась в пользу балканских государств от своих европейских владений, лежащих за линией Энос—Мидия. Как известно, Лондонский договор ратифицирован не был, и в результате 2-ой балканской войны Болгария потеряла большую часть своих завоеваний во Фракии.

[2]) В телеграмме от 18/31 октября 1914 г. за № 381 Савинский сообщает, что Радославов в ответ на высказанную ему Савинским, от имени Сазонова, уверенность, «что Болгария ясно определит свое положение в настоящую минуту безусловным воздержанием от какого-либо враждебного выступления против союзной нам (России) Сербии» (телеграмма Сазонова от 16/29 октября 1915 г. за № 3532), поспешил дать уверения, что «при данных обстоятельствах Болгария ничего не предпримет против Сербии и будет стремиться сохранить нейтралитет».

ного выступления тем недоверием к настоящему кабинету, которое естественно должно было укрепиться в Вас на основании всего его предыдущего поведения. Не имея инструкций, я, конечно, воздерживаюсь от настояний в смысле активного выступления Болгарии и ограничиваюсь разъяснением того, насколько в интересах будущности болгарского государства было бы необходимым, чтобы болгары попросили нас о допущении их к совместным с нами действиям против Турции. Конечно, с течением времени мы и одни справимся с турками, но содействие Болгарии значительно ускорило бы развязку турецкой агонии. Помимо чисто военного значения помощи болгарских войск и полного соответствия выступления Болгарии тем политическим видам, которые мы всегда возлагали на нее, вмешательство ее в военные действия теперь же, по моему крайнему разумению, весьма желательно также и потому, что в противном случае, сохранив нетронутой свою военную мощь до момента ликвидации больших проблем, Болгария — непослушная и злопамятная — служила бы немаловажной угрозой сама по себе и предметом интриг даже со стороны наших нынешних союзников англичан, которые, в случае могущих возникнуть с нами разногласий, могли бы поощрять неумеренные притязания болгар в сторону Проливов. Только что получил телеграммы Штрандтмана №№ 803 [1]) и 821 [2]), по содержанию коих я не успел еще обменяться мыслями с Радославовым. Признавая нравственное значение жеста Пашича, сомневаюсь, чтобы практически Болгария придала ему особое значение.

Савинский.

№ 168.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов посланнику в Софии А. А. Савинскому.

Телеграмма.

№ 3622. 22 октября/4 ноября 1914 г.
(7 ч. 30 м. веч.).

Ваша телеграмма № 390 получена.

Узнав о нападении на нас Турции, я ограничился на первых порах предложением Болгарии не выступать против Сербии. Я не счел возможным пойти дальше, потому что предыдущие наши предложения нашли так мало сочувствия у болгарского правительства.

Воспользовавшись последующим свиданием с Маджаровым, который сам заговорил о возможности совместного с нами выступления Болгарии, я не

---

[1]) Телеграмма Штрандтмана № 803 в деле архива б. министерства иностранных дел отсутствует.

[2]) В телеграмме от 18/31 октября 1914 г. за № 821 российский поверенный в делах в Сербии Штрандтман сообщает о том, что председатель сербского совета министров Пашич осведомил его, а также его французского и английского коллег о сделанном им дружеском заявлении в Софии.

скрыл от него причин моей сдержанности и уполномочил его лично от себя запросить инструкций для переговоров на следующих двух основаниях:

Содействие Болгарии нам в войне с Турцией обеспечивает ей наше согласие на приобретение Фракии по линию Энос—Мидия. Содействие нам же на австрийском фронте в районе действий сербских войск обеспечило бы Болгарии в случае победоносной войны компенсации на базе договора 1912 года.

Узнаем секретно, что Маджаров запросил инструкции, повидимому, почтой, что может замедлить ответ. Во всяком случае, соблюдая должную осторожность и не придавая Вашим словам характера официальных предложений, пока мы не уверимся в действительном намерении правительства пойти нам навстречу, можете пользоваться изложенной беседой в Ваших обменах мнений.

Если бы здешний посланник получил инструкции на основе четырех пунктов, передаваемых Вами, то дело нашего соглашения могло бы значительно подвинуться. Безопасность болгарского побережья могла бы быть достигнута разрешением нашему флоту пользоваться Бургасом, как базой для действий против Турции. Компенсации за счет Сербии потребовали бы указанного выше содействия Болгарии против Австрии. Безопасность тыла со стороны Румынии может быть легко нами оговорена. Свобода командования войсками должна быть предметом переговоров между военными в целях согласования.

Сазонов.

№ 169.

Российский посланник в Софии А. А. Савинский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [1]).

№ 520. 26 ноября/9 декабря 1914 г.

Копия в Париж, Лондон, Афины и Букарест.

Текст тождественного заявления, сделанного сегодня тремя посланниками Радославову: «По распоряжению своего правительства и ссылаясь на сообщение от 11 ноября [2]), российский посланник имеет честь уведомить королевское правительство, что три союзные державы дали Греции гарантию против возможного нападения со стороны Болгарии. В дополнение к выше-

---

[1]) Перев. с фр.

[2]) 11/24 ноября Савинский, совместно с французским и великобританским посланниками, сделал следующее заявление Радославову: «В случае сохранения Болгарией строгого нейтралитета по отношению к Румынии, Греции и Сербии, державы Согласия гарантируют ей, что в момент установления окончательных мирных условий они примут в расчет позицию Болгарии, обеспечив ей значительные территориальные преимущества» (телеграмма Сазонова от 7/20 ноября 1914 г., № 3894).

упомянутому сообщению три союзные державы гарантируют Болгарии, что если она будет строго и лойяльно сохранять нейтралитет, то получит после войны соответственные исправления своей границы в Македонии и расширение территории во Фракии до линии Энос—Мидия».

Савинский.

№ 170.

Российский посланник в Вашингтоне Г. П. Бахметев министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 242. 1/14 декабря 1914 г.

Первый болгарский посланник, профессор Панаретов, прибыл в Америку и тотчас же выяснил в разговоре с репортерами следующим образом политику Болгарии. Болгария, пока ей выгодно, остается нейтральной, но могут возникнуть условия, которые заставят ее воевать, несмотря на сильное враждебное Сербии чувство; если бы Сербия предложила возвратить земли, которые она отняла во время второй балканской войны, то Болгария будет с ними против Австрии воевать, но Болгария не хочет войны и надеется достигнуть эту цель мирными путями, так как она уже заручилась обещанием держав Тройственного Согласия повлиять в этом смысле на Сербию, чтобы она отдала эти земли за нейтралитет Болгарии [1]). Посланник очень любит турок, среди которых прожил сорок три года в Константинополе учителем в американской там школе, но полагает, что они имеют мало шансов против России и Англии. Вопрос о Константинополе весьма трудный. Болгарии он не нужен, так как в нем может держаться только великая держава, и если бы Болгария этого и желала и вся Европа согласилась, то Россия никогда не дозволила бы этого ни нам, ни Греции. Россия сама хочет взять Константинополь, но вместе с тем «немыслимо», чтобы Англия и Франция согласились на это, так что единственное разрешение, ежели он будет отнят у турок, сделать его свободным городом под европейским контролем.

[1]) В 1914 г. между державами Согласия и Болгарией шли переговоры о компенсации ее за счет Сербии не за сохранение ею нейтралитета, а за выступление ее на стороне анти-германской коалиции. 17/30 августа 1914 г. союзными представителями в Нише было сделано тождественное заявление сербскому правительству о необходимости для него согласиться на территориальные уступки в пользу Болгарии. В ответной декларации от 19 августа/1 сентября Пашич указал, что Сербия согласна пожертвовать частью своей территории, в случае выступления Болгарии на стороне союзников, но что для этого необходимо гарантировать Сербии присоединение «сербско-кроатских земель с прилегающим к ним побережьем». В ноябре 1914 г., в связи с военными неудачами Сербии, союзниками были начаты новые переговоры с сербским правительством о территориальных уступках Болгарии, при чем на этот раз определялась и область уступок—сербская Македония. Пашич решительно отклонил подобное предложение, указав на неприемлемость его для Сербии и Греции (входящие и исходящие телеграммы архива б. министерства иностранных дел за август—ноябрь 1914 г.).

Главная задача Болгарии—увеличение своего благосостояния. Россия всегда была к ней близка, но есть главы в истории наших сношений с Россией, которые неприятно вспомнить [1]). Англия также всегда была нашим другом, и единственно слабой для нас стороной в Тройственном Согласии является Франция, которая после второй балканской войны так жестоко нападала на нас в печати, сочувствуя грекам, что в народе осталось к ней враждебное чувство. К Австрии есть некоторое влечение, но это только из ненависти к Сербии из-за ее поведения после балканской войны. Вообще Болгария дорожит только своими собственными интересами, и отношения ее к другим державам не так существенны, и выражения «руссофоб» и «австрофил» ничего не значат. Болгария ничего (не) имеет против того, чтобы Сербия увеличилась за счет Боснии-Герцеговины и Далмации, но не может простить ей захвата болгарской Македонии. Враждебное чувство против греков далеко не так сильно, хотя мы и желаем получить обратно Кавалу и долину Вардара, а также и Добруджу [2]), что увеличило бы наше население до 6-ти с половиною миллионов, и тогда мы были бы довольны. Он заключил восторженным отзывом о С.-А. С. Штатах, которых вся Болгария, с царем во главе, считает «своим великим, но отдаленным другом», и он надеется также заинтересовать американцев Болгарией, чтобы капиталисты приняли участие в ее финансах и промышленности, не требуя за займы тех же условий, на которых настаивает Франция, а именно обязательства делать громадные (заказы) орудий и снарядов на заводе Крезо. Болгария хочет только мирного развития, и в настоящую минуту, несмотря на ее недавние несчастия, все-таки же остается самой могущественной страной и господствующим фактором на юге Карпат. Этот профессор-дипломат еще не появился в Вашингтоне, и я никогда даже не слышал о нем в мою бытность в Болгарии.

Бахметев.

---

[1]) Очевидно, имеется в виду русско-болгарский конфликт во второй половине 80-х г.г. XIX в.

[2]) После первой балканской войны 1912—1913 г. Румыния потребовала предоставления ей Силистрии для укрепления ее границы между Дунаем и Черным морем. Болгарское правительство в январе 1913 г. согласилось разоружить укрепления Силистрии и допустить некоторые изменения границы в пользу Румынии. Решение было предоставлено конференции послов, собранной в Петербурге, под председательством Сазонова. 17 апреля 1913 г. конференция эта постановила передать Силистрию Румынии, при чем новая граница должна была пройти в 3-х километрах к западу от города (Петербургский протокол). Решение это, однако, не удовлетворило Румынию. Во время 2-ой балканской войны румынские войска вторглись в Добруджу. По ст. 2 Букарестского договора от 10 августа 1913 г. Румыния получила сев. часть болгарской Добруджи с пограничной линией от Туртукая на Дунае до Балчика на Черном море.

№ 171.

Сербский посланник в Афинах И. Балугжич председателю совета министров и министру иностранных дел Н. Пашичу [1]).

Телеграмма.

14/27 декабря 1914 г.

Начальник греческого генерального штаба сказал, что известия о перемещении турецких войск из Фракии еще не подтвердились, но что он имеет положительные сведения, что все орудия-мерзеры перенесены из Адрианополя на Чаталджу или поблизости к Константинополю. Он говорит, что это, во всяком случае, служит доказательством того, что между турками и болгарами существует соглашение о сохранении Болгарией нейтралитета. Видно, — говорит он, — что в Константинополе опасаются вторжения русских через Деркос в Чаталджу, потому что турецкий флот начал ощущать недостаток угля. Это опасение, по положительным данным, разделяется германцами в Константинополе. В непосредственных окрестностях Константинополя и на острове Принкипо поставлены орудия и воздвигаются укрепления. Начальник генерального штаба думает, что турки не будут спешить с посылкой своих войск из Фракии на другой фронт, которые им нужны именно там, в виду опасения, что русские могут ворваться через Чаталджу. По сведениям из другого источника, турки опасаются, что Болгария, несмотря на все обещания о сохранении нейтралитета, пропустит русские войска через свою территорию, быть может, вместе с ними займет Адрианополь и пойдет на Константинополь, чем тоже можно объяснить перемещение орудий в Чаталджу.

Балугжич.

№ 172.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 734. 25 декабря 1914 г./7 января 1915 г.

В виду вероятия, что Геннадиев, Савов, Тончев и некоторые другие болгарские деятели находят личную материальную выгоду в поддержке австро-германской политики, — указывают, например, на предоставление брату Геннадиева казенных поставок для Турции,—здесь возникло в финансовых кругах, хорошо знакомых с положением дел в Болгарии, предложение о привлечении этих же деятелей на сторону союзников, прибегнув к такому

---

[1]) Эта телеграмма была передана сербской миссией в Петрограде Сазонову памятной запиской от 15/28 декабря 1914 г.

же средству, лишая тем наших врагов последней опоры в Болгарии. На основании заключенного Болгариею с немецкой группою незадолго до войны займа, финансирование и постройка железной дороги до порта Лагоса были предоставлены германской группе, вследствие чего эта важная для Болгарии линия попала бы в германские руки, и местные строители, в числе коих много политических деятелей, лишились бы заработка. В виду невыполнения немцами условий займового договора [1]), последний остается мертвой буквой, и можно было бы вступить в переговоры с Болгарией о сооружении упомянутой линии при финансовом содействии союзников, но посредством болгарских строителей; попутно окажется возможным принять необходимые в указанном смысле меры по отношению к тем болгарским деятелям, для коих это будет признано желательным, с точки зрения союзных правительств. Здесь думают, что было бы неосторожно полагаться при этом на обещания этих лиц и что следует найти формулу, благодаря коей денежные жертвы последовали бы лишь после вступления Болгарии, в пределах известного срока, в ряды союзников. Это можно было бы достигнуть путем обещания болгарским деятелям учредительских паев будущего железнодорожного общества с обязательством выкупа оных за определенную цену после выступления Болгарии. Последнее должно вообще являться непременным условием осуществления всей сделки, при чем таковая должна быть проведена с крайней осмотрительностью чрез доверенных лиц. Я слышал, что те французские банки, которые постоянно вели дело с Болгарией, взялись бы за выполнение такого поручения, считая существенно важным для себя окончательное привлечение Болгарии на нашу сторону, при условии служить лишь посредниками и не связывая выполнение этого поручения ни с прибылью, ни с затратами для себя. Если эта мысль получит Ваше одобрение, я мог бы переговорить о ней с Делькассэ. В таком случае следует привлечь к этому и Англию и совместно приступить к разработке соответственных мер.

Извольский.

---

[1]) До февраля 1915 г. условия займа, предоставленного Болгарии германским обществом «Disconto Gesellschaft» (см. прим. 2 на стр. 236), не выполнялись последним. В феврале 1915 г. в Берлине были начаты новые переговоры между «Disconto Gesellschaft» и представителями Болгарии о выполнении германским обществом принятых им на себя обязательств. В результате переговоров было заключено соглашение, вступившее в силу 6 февраля 1915 г., по которому «Disconto Gesellschaft» в счет июльского займа обязалось выплатить болгарскому правительству аванс в 150.000.000 фр., при чем погашение его должно было состояться через год после заключения мира.

№ 173.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послу в Париже А. П. Извольскому.

Телеграмма.

№ 4931. 27 декабря 1914 г./9 января 1915 г. (7 ч. 30 м. в.).

Сообщается в Лондон.

Сочувствую выдвигаемому Вами предложению и считаю его осуществление весьма желательным. Дело это, однако, должно быть проведено с большой осторожностью и отнюдь не при участии представителей держав Согласия в Софии. Последнее обнаружило бы только настоящий смысл предложения. В виду этого, поручение ведения переговоров французским банкам, поддерживающим сношения с Болгарией, было бы особенно целесообразно.

Сазонов.

№ 174.

Итальянский посол в Петрограде марк. А. Карлотти министру иностранных дел бар. С. Соннино.

Шифрованная телеграмма [1]).

13 января 1915 г.

Телеграмма — кабинет — № 8.

Ответ на Вашу телеграмму — кабинет — № 31.

В результате личной моей информации из разнообразных источников, я склонен считать, что переговоры между державами Тройственного Согласия о компенсациях Сербии и Греции, взамен их уступок Болгарии, еще не закончились [2]) и не привели ни к какому определенному концу. До сих пор, будто бы, не сделано никаких предложений ни Греции, ни Сербии, но обе эти державы, будто бы, знают, что Россия хочет поделить между ними Албанию [3]), при условии, что Македония в пределах договора 1912 г. будет усту-

---

[1]) Перев. с итал.

[2]) Имеются в виду переговоры между державами Согласия о предоставлении Сербии и Греции территориальных компенсаций взамен уступки части сербской Македонии и Кавалы Болгарии. В качестве компенсаций намечались: для Сербии— Босния и Герцеговина, часть Албании, южная часть Далмации до Спалато, часть Баната и Сирмии; для Греции—земельные приобретения в Малой Азии (Смирна) (входящие и исходящие телеграммы архива б. министерства иностранных дел за январь 1915 г.).

[3]) Проект раздела Албании между Грецией и Сербией, предложенный Сазоновым, сводился к следующему: Сербия должна была получить северную часть

плена Болгарии. Ясно, что для Греции никакая компенсация не может устранить опасность, проистекающую от того, что ее граница почти совершенно окружена болгарами, и для Сербии также потеря Македонии и почти свободного сообщения с Эгейским морем не могут быть компенсированы приобретением территории, для сохранения которой она должна будет держать наготове немалые силы. Поэтому, мне кажется, что, поскольку это касается ее единственного желания получить порт на Адриатическом побережьи, эта последняя держава смогла бы удовлетвориться... [1]) Далмации с известным портом... [2]), уже связанным железнодорожным сообщением с внутренними областями Сербии, на что, повидимому, и позволяет рассчитывать ей Россия. Особенно же обе стороны не могут не признать безусловную необходимость поддерживать дружеские отношения с Италией, что было бы очень трудно, если бы обе эти страны решились нарушить, таким образом, равновесие в Адриатике своей оккупацией Албании.

Что касается России, то она поддерживает иллюзию, что ее проект мог бы сделать возможным мирный переход Македонии к Болгарии и ликвидировать сербо-болгарскую антипатию. В конечном счете, мне кажется также, что намерения России сводятся к тому, чтобы, удовлетворив болгарские вожделения в Македонии, ограничить их во Фракии линией Энос — Мидия, иначе Болгария может достичь нежелательной близости к Босфору и Дарданеллам. Но Россия также и в этой своей политике должна принять во внимание точку зрения, что между Италией и Сербией существует известная гармония, и вполне возможно, что в результате этих соображений Россия, в конце концов, оставит свой мало удобный проект. Но прежде чем решиться на это, кажется вероятным, что Россия пожелает использовать положение... [3]) территории, которые она хочет предоставить Сербии и Греции и которые поэтому могут быть уступлены... [4]) без... [4]) опасности для... [4]).

Что касается побережья Эгейского моря, которое Россия хотела бы предоставить Сербии, я могу только сказать, что, вероятно, будет... [5]), что северные пределы... [5]) между... [5]) и... [5]).

Албании, а Греция—южную, так назыв. Сев. Эпир, за исключением Валоны, которая отходила по проекту к Италии. Позднее судьба Албании была определена ст.ст. 6 и 7 Лондонского соглашения с Италией от 13/26 апреля 1915 г. По ст. 6 Италия получала «в полное владение Валону, остров Сасено и территорию, достаточно обширную, чтобы обеспечить защиту этих пунктов между Воюссой на севере и на востоке и приблизительно до северной границы округа Кимарра на юге». Ст. 7 Италия, в случае предоставления ей Трентино, областей Истрии и Далмации, отдельных островов Адриатики, Валонской бухты, а также образования независимого Албанского государства, находящегося под протекторатом Италии, соглашалась на раздел северных и южных частей Албании между Черногорией, Сербией и Грецией. Общая граница между Сербией и Грецией должна была пройти к западу от Охридского озера.

[1]) В подлиннике пропуск одного слова.

[2]) В подлиннике пропуск трех слов.

[3]) В подлиннике пропуск двух слов.

[4]) В подлиннике пропуск одного слова.

[5]) В подлиннике пропуск трех слов.

Что касается уступок Греции в Додеканезе, на которые ваше превосходительство указывает, то здесь этот вопрос рассматривается, как вопрос специально английский, и о нем избегают говорить. Но одно официальное лицо дважды намекнуло мне, что возможна комбинация, при которой Родос остался бы за Италией. Оно не скрыло от меня, что это предполагаемое отношение России является последней уступкой с ее стороны Италии в вопросе о Додеканезе.

№ 175.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 2. 2/15 января 1915 г.

Получил Вашу телеграмму № 4931 [1]).

В виду высказанного Вами одобрения, сообщил Делькассэ изложенное в моей телеграмме № 734 предположение, к которому он со своей стороны вполне готов присоединиться, при чем он также считает, что ведение переговоров должно быть поручено французским банкам, поддерживающим сношения с Болгарией. Он обещал мне снестись по настоящему вопросу с лондонским кабинетом и озаботиться о том, чтобы дать ему практический ход.

Извольский.

№ 176.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [2]).

№ 75. 26 января/8 февраля 1915 г.

«Для председателя совета министров: Считаю своим долгом Вам сообщить о впечатлении, вынесенном при общении с деловыми кругами Парижа [3]), которые считают, что выступление балканских государств имело бы весьма важное значение и представляется совершенно неотложным. Самое существенное — заставить Болгарию выступить против Турции, что решило бы без промедления вопрос о Проливах, крайне важный для всей торговли и особенно для нашего экспорта. Способ действия — дать искусным образом взятки членам болгарского правительства. Если принять во внимание огромную стоимость войны для трех союзников — около 50.000.000 руб. ежедневно, — то даже большие издержки для вышеуказанной цели, которые

---

[1]) См. стр. 249.

[2]) Перев. с фр.

[3]) О поездке Барка за границу, см. прим. 1 на стр. 136.

могли бы, очевидно, выразиться в цифре в несколько миллионов рублей maximum, если бы они содействовали прекращению войны, были бы, безусловно, весьма выгодны даже с финансовой точки зрения. Барк».

Бенкендорф.

№ 177.

Российский министр финансов П. Л. Барк главноуправляющему землеустройством и земледелием А. В. Кривошеину.

Телеграмма.

Крейсер «Аскольд» [1]), 1/14 февраля 1915 г.

Перед отъездом в Лондон телеграфировал Ивану Логиновичу о том значении, которое придают деловые круги Парижа активному выступлению Болгарии. Побывав в Лондоне и проверив вновь впечатления в Париже, прихожу к убеждению, что это выступление имело бы самые серьезные реальные последствия: 1) ускорение окончания войны, т.-е. огромное сокращение расходов, 2) открытие Проливов, т.-е. возможность нашего беспрепятственного экспорта и единственный правильный способ укрепления курса нашей валюты. В Париже полагают, что болгарское правительство можно купить и чем скорее, тем лучше, но предпочтительнее действовать через умелых посредников частного характера. Если разделяете это мнение, которое мне представляется правильным, могу Вам указать на лицо, очень подходящее для выполнения такого поручения, — это Грубе, председатель правления Сибирского банка и вместе с тем чиновник особых поручений министерства финансов. Он имеет большой опыт по исполнению деликатных поручений по прежней своей деятельности и по службе в Персии.

Барк.

№ 178.

Болгарский посланник в Петрограде М. Маджаров председателю совета министров и министру иностранных дел В. Радославову.

Секретное донесение [3]).

№ 134. 2/15 февраля 1915 г.

Господин министр,

Третьего дня меня посетил в миссии итальянский посол, маркиз Карлотти, с которым я имел длинный разговор. Он мне сообщил, что д-р Генна-

---

[1]) См. прим. 1 на стр. 154.

[2]) И. Л. Горемыкину.

[3]) При документе имеется сопроводительное письмо начальника генерального штаба ген. Беляева Нератову от 18 февраля/3 марта 1915 г. за № 4256, сообщающее, что документ этот получен «совершенно секретным путем». Повидимому, перевод с болгарского, сделанный в русском ген. штабе.

диев был принят в Риме хорошо [1]) и что его посещением там остались довольны. Италии приятно, когда другие державы, хотя бы и незначительные, высказывают желание советоваться с нею и слушать ее советов. Я заметил, что итальянцев беспокоит значительное усиление Сербии на Адриатическом море [2]), но что они не пойдут против Тройственного Соглашения [3]), так как ожидают от него компенсаций по окончании войны. Они желали бы, чтобы мы и там выступили соперниками Сербии. Насколько такое выступление было бы в наших интересах, я не знаю, но маркиз Карлотти мне сказал, что, ради соблюдения равновесия на Адриатическом море, Италия готова содействовать Болгарии приблизиться к нему. Я поддержал мысль, что в интересах Италии способствовать созданию великой Болгарии, так как только при этом условии можно сохранить экономическое и политическое равновесие на Балканском полуострове. Разумеется, эта беседа имела преимущественно теоретический характер, но, по крайней мере, она обнаружила тенденции итальянской дипломатии. Хотя маркиз Карлотти и называл Германию и Австро-Венгрию «союзницами», но в словах его просвечивало не только желание, но и решение Италии воспользоваться территориальным разделом Австро-Венгрии. Он очень интересовался судьбой Константинополя и Малой Азии. Я сказал ему, что, насколько мне известно, Россия еще не заключила каких-либо условий со своими союзницами, но что этот вопрос не может остаться в прежнем положении. Как Франция, так и Англия пойдут на уступки, в виду больших жертв, которые Россия понесла в эту войну, и в виду сознания необходимости для нее добиться свободного пропуска через Дарданеллы. В Малой Азии создастся армянская автономия под протекторатом России, сирийская автономия—под протекторатом Франции и месопотамская или арабская — под протекторатом Англии. В данную минуту существует такой план; он может и перемениться, так как Тройственное Соглашение все еще надеется, что Турция опомнится и заключит сепаратный мир.

Когда зашел разговор о наших отношениях к Румынии, маркиз Карлотти сказал мне, что месяц назад Румыния была весьма склонна обещать нам территориальные уступки [4]), но что с тех пор настроение в Букаресте изменилось. Следует помнить, что как в этом вопросе, так и в других, Румынией руководит желание угодить России, и я бы не удивился, если бы завтра узнал, что Румыния изменила свою политику, потому что Россия перестала уже настаивать на ее пользе. Если вникнуть в смысл речи Сазонова, произнесенной в думе, можно заметить, что как Греция, так и Румыния находятся у России на поводу [5]). Вы лучше меня осведомлены в румынских делах, но

---

[1]) Н. Геннадиев ездил в Рим в январе 1915 г. Целью его поездки было выяснить отношение Италии к вопросу о вмешательстве в мировую войну.

[2]) См. прим. 2 на стр. 249.

[3]) Соглашения, вместо Согласия; написание подлинника.

[4]) См. т. I. прим. 3 на стр. 367.

[5]) Приводим следующий отрывок из речи, произнесенной Сазоновым в государственной думе 27 января/9 февраля 1915 г.: «Отношения наши к Греции, испытанному другу нашей союзницы Сербии, носят самый сердечный характер. Стремления эллинского народа положить конец страданиям своих соплеменников,

я как в 1913—14 г., так и теперь утверждаю, что Румыния не заключит с нами политического соглашения без поддержки и одобрения со стороны России. И румыны это делают не из любви к России, а из страха. Румыния не является союзницей Сербии и Греции, но, если мы нападем на одну из этих держав, румыны станут на их сторону. Я не могу представить Вам письменные доказательства этого, но мне это положение совершенно ясно. Маркиз Карлотти не указывает на Россию, как на причину такого положения, но я вынес это впечатление из его слов. Так как это факт, я могу считать вышеприведенное объяснение, как за весьма близкое к истине.

Относительно оккупации Валоны [1]) он мне сказал, что она является «временной», потому что Италия дала слово, что она пользуется ей только как средством для усмирения Албании, но и этот вопрос, как и вопрос о группе 12 островов [2]), будет зависеть от исхода великой войны. Италия желала бы приобрести сферу влияния в Малой Азии, если там будет принята система деления на сферы. Экспедиция турок к Суэзскому каналу [3]), по его мнению, является нелепой авантюрой. Он слышал, что Турцию побудила к этому Германия, но это только создаст новые причины негодования турок при поражении.

Заявление в государственной думе министров и лидеров разных фракций [4]), что войну необходимо вести до конца, — до уничтожения германского милитаризма, — встречено столичной и провинциальной печатью с единодушным одобрением. Либеральные газеты с явным патриотическим *воодушевлением* объясняют разницу между маньчжурской и настоящей войной, называя последнюю отечественной, как войну за существование России и за высшие принципы права и свободы. Видно на каждом шагу, что не только простой народ ненавидит немцев и желает их поражения. Интеллигенция видит в лице Германии организованную и утонченную тиранию. Те, которые до вчерашнего дня устраивали в России революцию, которые в глазах консервативных элементов представлялись людьми без отечества, теперь находятся в первых рядах борцов за родину. Нет сомнения, что участие в этой войне Англии вызвало в психологии либеральных элементов коренную перемену; они уверены, что союз с либеральной державой и впредь будет оказывать влияние на внутреннее управление Россией. Что, однако, нам необходимо знать, это то, что настоящая война поддерживается всеми русскими, а, в осо-

---

находящихся еще под игом Турции, не могут не вызвать сочувствия императорского правительства. Отношения с румынским королевством сохранили тот же дружественный характер, который они приобрели после посещения государем императором в минувшем июне Констанцы. Не прекращавшиеся в течение всей осени сочувственные по адресу России манифестации, как в самой столице Румынии, так и в различных частях страны, подчеркивают в то же время враждебные чувства румынского народа по отношению к Австро-Венгрии».

[1]) См. т. I, прим. 1 на стр. 320.

[2]) См. прим. 2 на стр. 220.

[3]) Имеется в виду сухопутная операция, предпринятая под руководством Джемаля-паши и окончившаяся полным неуспехом.

[4]) См. т. I, прим. 1 на стр. 240.

бенности, интеллигенцией и свободолюбивыми элементами, и что в таком случае Болгария не может рассчитывать на сочувствие, даже и тайное, со стороны какого-нибудь русского.

После рождества американский посол г. Мэри ездил в Варшаву и некоторые другие польские города. При свидании со мной он мне сказал, что поражен тем, что видел и слышал. Некоторые из наиболее видных поляков являлись к нему и рассказывали о потрясающих результатах произведенного немцами опустошения и о их варварстве. Из того, что г. Мэри видел и слышал, он вынес впечатление, что ужасы в Польше не менее совершенных в Бельгии. В этом смысле он и написал своему правительству. Страдания Польши описывались и в государственной думе такими депутатами, которые слыли прежде за противников польской народности и которые теперь сами настаивают на оказании правительством помощи несчастному населению... После манифеста великого князя Николая Николаевича [1]) замечается значительное улучшение в отношениях между русскими и поляками. В Петрограде и провинциальных городах часто устраиваются сборы в пользу пострадавших в Польше, и население охотно отзывается на этот призыв.

Я забыл Вам сообщить в начале, что маркиз Карлотти смотрит довольно мрачно на положение Турции. Он опасается даже, что возможны неожиданности. Извинения, представленные великим визирем представителю Греции в Константинополе по поводу оскорбления греческого морского агента [2]), являются, по его мнению, новым доказательством, что Турция находится в затруднительном положении и боится лишней участницы в войне против нее. В русских официальных кругах не имеется каких-либо особых сведений, но наблюдается спокойствие и уверенность, что Турция уже не опасна. Я лично не думаю, чтобы Турция могла выдержать до конца великой войны между двумя группами европейских держав. Никто не может положительно сказать, когда он наступит,—по моему мнению, в конце этого года,—но Турция и теперь уже ощущает недостаток в припасах. Во время балканской войны она господствовала в Черном море и провозила все свои военные припасы через Румынию, теперь же этот путь закрыт. С другой стороны, Турция выступила в разных местах: на Кавказе, в Персии, на Персидском заливе и в Суэзском канале, что истощает ее силы, а, главным образом, огнестрельные припасы ее армии. Обращаю Ваше внимание на это обстоятельство, потому что я очень боюсь, чтобы турецкий вопрос не решили без нашего участия, что поставило бы нас в самое невыгодное положение. Мне

---

[1]) Манифест от 1/14 августа 1914 г.

[2]) Речь идет о греко-турецком конфликте от февраля 1915 г. из-за оскорбления турецким полицейским чиновником греческого морского агента. Греческий посланник требовал удовлетворения в 24 часа. Так как турецкое правительство, соглашаясь принципиально на удовлетворение, требовало отсрочки, посланник выехал из Константинополя. 5/18 февраля конфликт был улажен: главный директор полиции в Константинополе принес извинения греческому поверенному в делах.

известно, что греки, которые категорически отказываются помогать своим союзникам — сербам, охотно бы приняли участие в войне против Турции. Особенно они желали бы вступить в Константинополь одновременно с войсками Тройственного Соглашения. Я не сомневаюсь, что в этом заключается их историческая мечта, их настоящий триумф, но мне кажется, что это не входит в соображения России.

Примите, господин министр, уверение в моем отличном уважении.

М. Ив. Маджаров.

№ 179.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послу в Париже А. П. Извольскому.

Телеграмма.

№ 719. 10/23 февраля 1915 г. (3 ч. дня).

Сообщается в Лондон.

Ваша телеграмма № 2 [1]) получена.

Благоволите телеграфировать, что было предпринято Делькассэ по упомянутому делу и как он относится к предположениям Барка, изложенным в телеграмме № 75 [2]) из Лондона. Политические соображения говорят, казалось бы, в пользу этой сделки.

Сазонов.

№ 180.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 89. 11/24 февраля 1915 г.

Ссылаюсь на телеграмму посла в Лондоне № 75.

Делькассэ сказал мне, что он не преминул зондировать почву в Софии и пришел к убеждению, что Радославов и Тончев слишком связали себя с австро-германцами, чтобы поддаться указанным в телеграмме Барка способам воздействия; генерал Савов, повидимому, более доступен такому воздействию, и Делькассэ намерен предпринять по отношению к нему дальнейшие шаги. Впрочем, по убеждению Делькассэ, решительное влияние на болгарское правительство, положение которого весьма непрочно, будет иметь исход союзных операций против Проливов и Константинополя.

Извольский.

---

[1]) См. стр. 251.
[2]) См. стр. 251.

№ 181.

Итальянский министр иностранных дел бар. С. Соннино послу з Петрограде марк. А. Карлотти.

Шифрованная телеграмма [1]).

№ 774. 2 марта 1915 г.

Королевский посланник в Софии телеграфирует:

Действия у Дарданелл произвели глубокое впечатление, так как затрагивают жизненные интересы Болгарии и решение восточного вопроса. Газеты проявляют большое беспокойство.

№ 182.

Российский посланник в Афинах Э. П. Демидов министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 81. 18 февраля/3 марта 1915 г.

Копия София.

Венизелос сообщил моему английскому коллеге, что им получена телеграмма от греческого посланника в Софии, в коей последний передает, что Радославов защищал перед ним мысль о сближении Болгарии с Грециею и Румынией против русской опасности на почве вопроса о Константинополе и Проливах. То же самое было сказано болгарским посланником в Вене греческому [2]).

Демидов.

№ 183.

Болгарский посланник в Лондоне П. Хаджемишев председателю совета министров и министру иностранных дел В. Радославову.

Шифрованная телеграмма [3]).

№ 111. 19 февраля/4 марта 1915 г.

Вчера вечером я имел продолжительный разговор с английским министром финансов [4]), который сказал мне, что Тройственное Согласие решило во что бы то ни стало покончить с Турцией.

В этих целях решено сделать десант с двух сторон. На первое время будет отправлена стотысячная армия, по всей вероятности, под командою

[1]) Перев. с итал.

[2]) См. также т. I, №№ CLXXI, CLXXII, CLXXIII, CLXXVII.

[3]) Перевод с болгарского, сделанный в министерстве иностранных дел.

[4]) Ллойд Джорджем.

генерала Гамильтона, который несколько лет тому назад посетил Болгарию. Через 6 недель Тройственное Согласие будет в состоянии отправить в Турцию даже 500.000 солдат, если сочтет это необходимым.

По мнению министра финансов, Болгария может ныне оказать помощь союзникам, и за это Тройственное Согласие гарантирует ей Македонию в пределах, указанных в сербско-болгарском договоре 1912 года [1]), со включением... [2]) Битоли, Охриды и утраченной в 1913 году части Добруджи [3]), а также восстановление границы Энос — Мидия [4]).

Вопрос об уступке Болгарии Кавалы [5]), по словам министра финансов, встречает большие затруднения, так как Тройственное Согласие убеждено, что, если оно будет на этом настаивать, то Венизелос не останется у власти, а без него возможно, что Греция выступит вместе с Германией. Тройственное Согласие, разумеется, не дало Греции обязательства не настаивать на уступке нам Кавалы, но эта местность могла бы отойти к Болгарии, если бы вопрос о Битоли был решен в пользу Греции и если бы ей за Кавалу была обещана Смирна с окрестностями.

Ллойд-Джордж добавил, что, если мы выступим против Турции вместе с Тройственным Согласием, то нам нечего опасаться Румынии и Греции. Италия, несомненно, выступит вместе с союзниками, дабы обеспечить себе приобретения в Малой Азии в области Адалии, и в Риме прекрасно понимают, что без вмешательства Италия ничего не получит.

Греция также вмешается в войну, и через три недели начнется бомбардировка Смирны. Есть основания полагать, что Румыния последует ее примеру и также окажет содействие Тройственному Согласию.

Болгария, по словам министра финансов, должна вмешаться ныне, так как позднее ее выступление будет лишено всякого значения. Союзные державы и сами будут в состоянии выставить против Турции пол-миллионную армию, и тогда Тройственное Согласие не даст того, что обещает ныне.

Из слов министра финансов я вынес впечатление, что Тройственное Согласие, хотя и неохотно, но все-таки согласно удовлетворить румынские аспирации по отношению к Проливам. Что же касается Турции, то с ней решено покончить, и, как государство, она обречена на гибель.

По заявлению министра финансов, Тройственное Согласие непременно исполнит все, что обещает, и окажет нам не только моральное содействие, но и помощь своими войсками, которые будут находиться на Балканах. По его мнению, Болгарии нечего опасаться, так как болгарская стотысячная армия, при совместных действиях с союзной, окажется вполне достаточной для операции в восточной Фракии.

Из этого разговора, длившегося три часа, я вынес впечатление, что ныне настал момент, к которому царское правительство должно отнестись в высшей степени серьезно. Совместные действия союзников против Дарда-

---

[1]) См. прим. 3 на стр. 241.

[2]) В подлиннике пропуск трех слсв.

[3]) См. прим. 2 на стр. 246.

[4]) См. прим. 1 на стр. 242.

[5]) См. прим. 2 на стр. 201.

нелл создали на Балканах новое положение, и нам необходимо принять более определенное решение, так как всякое колебание и промедление может иметь неприятные для Болгарии последствия. Прошу инструкций.

Из слов министра финансов явствует, что английский посланник в Софии больше не пользуется полным доверием кабинета и что английское правительство полагает, что он не мог занять надлежащее положение перед болгарским правительством. Если царское правительство пожелало бы, чтобы он оставил Софию, то английское правительство, наверное, назначило бы в Софию другого посланника [1]).

№ 184.

Итальянский министр иностранных дел бар. С. Соннино послу в Петрограде марк. А. Карлотти.

Шифрованная телеграмма [2]).

6 марта 1915 г.

Телеграмма — кабинет — № 170.

Королевский посланник в Софии телеграфирует:

Сведения, идущие из Константинополя, рисуют в общем положение в крайне плачевном виде. Генеральный штаб и германские офицеры, будто бы, готовятся бежать на германских судах, находящихся в константинопольском порту, в болгарский порт. Вопрос об их высадке на болгарской территории и об их возможном проезде через болгарскую территорию уже рассматривается миссиями Тройственного Согласия, запросившими инструкций у своих правительств.

В результате операций у Дарданелл положение в Болгарии ухудшается. Все вожди оппозиции считают, что современный курс политики, повидимому, вдохновляемый королем, очевидно, боящимся возможного вторжения соседей и, особенно, Румынии, может привести страну к новой катастрофе. Финансовые круги также в достаточной мере обеспокоены тем, что правительство еще не отдает себе отчета в новом положении, способном поставить Болгарию — в случае ложного шага — в сильную оппозицию державам Согласия, Сербии, Румынии и Греции, тем более, если две последние, как я думаю, вероятно, решатся оказать свое сотрудничество в операциях против Дарданелл. Для меня ясно, что оппозиция будет изыскивать средства для того, чтобы помешать правительству сохранять линию поведения, способную скомпрометировать будущее Болгарии.

---

[1]) Бакс-Айронсайд был уволен от занимаемой им должности в июне 1915 г. На его место был назначен советник великобританского посольства в Петрограде, О'Бейрн.

[2]) Перев. с итал.

№ 185.

Российский посланник в Сербии кн. Г. Н. Трубецкой министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 257. 22 февраля/7 марта 1915 г.

Копия в Софию.

Уехавший вчера в Софию болгарский посланник выразил желание поговорить до отъезда. Я сказал Чапрашикову, что не имею (указаний) и мне неизвестны основания согласованного плана действий союзников на Проливах. На замечание его, что было бы лучше, если бы Болгария помогла России войти в Константинополь, вместо канадцев [1]) и греков, я ответил, что это мнение он должен высказать в Софии, а не мне. От себя я высказал лишь убеждение, что вся будущность отношений Болгарии с Россией решается в эту минуту и что, если в Софии не поймут необходимости в настоящий последний час решительно повернуться в нашу сторону, у нас этого никогда не простят. Болгарский посланник впервые сказал мне, что он отказывается понять свое правительство и надеется, что оно поймет необходимость поворота в нашу сторону.

Трубецкой.

№ 186.

Российский посланник в Софии А. А. Савинский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

24 февраля/9 марта 1915 г. [2]).

Личная.

Первое впечатление от бомбардировки Дарданелл, о котором я упоминал в моем № 109 [3]), несколько улеглось в виду сознания, что форсирование всего пролива потребует много времени и усилий и, особенно, под влиянием известия о падении кабинета Венизелоса [4]). Тем не менее, общественное мнение, — как то видно из телеграммы Трубецкого № 257, — понимает все яснее, что может быть упущен момент, и голоса в пользу выступления против Турции раздаются все громче и громче, при чем указывается на значительность той помощи, которую Болгария может нам оказать для окончательного совладания с Турцией. Вследствие этого ждут предложений и обещаний с нашей стороны. Особенно волнуются македонцы, присылавшие ко мне узнать взгляд

---

[1]) В экспедиции у Дарданелл канадские войска участия не принимали.
[2]) Номер в подлиннике отсутствует.
[3]) См. стр. 195.
[4]) См. прим. 3 на стр. 189.

императорского правительства и предлагающие заставить короля и правительство немедленно выставить против Турции 200.000-ную армию, если Болгарии будет позволено ввести под каким угодно предлогом в Македонию хотя бы 30.000. Отвечаю, что у меня нет инструкций, но что я боюсь, что Болгария уже упустила наиболее благоприятный момент и что поэтому единственно правильным, по моему личному мнению, в настоящий момент ее жестом было бы поставить свои вооруженные силы в полное распоряжение России без всяких условий, заявив, что вполне рассчитывает на обычную заботливость, справедливость и великодушие России. Не зная решения императорского правительства в связи с последними важными событиями и боясь сделать что-нибудь в разрез с его планами, воздерживаюсь не только от более определенных разговоров, но и от свиданий с Радославовым, которого со времени начала действий в Дарданеллах видел всего раз мельком в церкви 19 февраля. Прошу указаний, в каком смысле следует направлять здесь правительство и общественное мнение.

Савинский.

№ 187.

Румынский посланник в Петрограде К. Диаманди министру иностранных дел Э. Порумбаро.

Шифрованная телеграмма [1].

№ 353. 10 марта 1915 г.

Мне сообщают, что болгарское правительство готово было бы предложить Тройственному Согласию свою помощь для наступательных действий против Турции и Константинополя. Болгария надеется, что Тройственное Согласие не откажет компенсировать ее в сербской Македонии.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II (черта и две точки).

№ 188.

Итальянский министр иностранных дел бар. С. Соннино послу в Петрограде марк. А. Карлотти.

Шифрованная телеграмма [2].

11 марта 1915 г.

Телеграмма — кабинет — № 186.

Действия Германии и Австро-Венгрии, направленные к спасению Турции.

Королевский посланник в Софии телеграфирует:

«Экс-генералиссимус Савов, большое влияние которого на болгарскую армию известно, заявил одному доверенному лицу, что, по его мнению, англо-французы встретили неожиданные затруднения при форсировании прохода

---

[1]) Перев. с фр.

[2]) Перев. с итал.

через Дарданеллы. На замечание моего осведомителя, что англо-французы все-таки скоро достигнут Константинополя, генерал ответил, что австро-германцы, стремясь помешать успехам Тройственного Согласия, изыскивают теперь средства для соединения своего с турками, для чего воспользуются более удобным путем через Румынию и Болгарию, заставив таким образом обе эти страны высказаться в пользу того или другого из воюющих. Против Сербии австро-германцы в таком случае оставят один только корпус, и исход великой войны, по словам генерала Савова, решится во Фракии. Генерал, будто бы, не высказал своего взгляда на положение, которое должна занять Болгария в связи с подобными австро-германскими действиями, которые представляются неосуществимыми без болгарского содействия».

№ 189.

Российский посланник в Софии А. А. Савинский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 137. 3/16 марта 1915 г.

Вчера во время приема у короля, английский генерал Пэджет [1]) изложил ему все виденное в России: непоколебимое решение довести войну до конца, непреклонность военноначальников и войск и бодрое настроение всей страны, а также указал на те значительные сухопутные силы, которые могут быть выставлены Англией и Францией у Проливов в подмогу флоту, действующему с полной уверенностью. На удивление короля он ответил, что если король действительно этого не знает, то потому, что его намеренно держат в неведении, и предложил лично осведомить болгарского посланника и военного агента в Лондоне с подробностями. В конце аудиенции король сказал, что позовет завтра же на совещание своего первого министра. Пэджет придает этому значение и говорил мне при отъезде, что уверен, что Болгария накануне новой ориентировки. Сегодня Радославов сказал мне, что после Пэджета не видел короля, а был принят до него, при чем разговор, будто, касался не общей политики, а болгаро-греческих отношений, о чем я говорю в следующей телеграмме. Радославов прибавил, что он замечает, однако, в короле желание сблизиться с нами и что он этому лично очень сочувствует. Я больше молчал и заметил только, что боюсь, не упущен ли уже момент.

Савинский.

---

[1]) См. т. I, прим. 3 на стр. 374.

№ 190.

Российский посланник в Софии А. А. Савинский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 138. 4/17 марта 1915 г.

Вчера, после завтрака у меня в честь генерала Пэджета, Радославов, стараясь придать своим словам характер доверия и добродушия, сказал мне, что еще до падения Венизелоса [1]) он как-то намекнул здешнему греческому посланнику на желательность найти почву для сближения двух стран, к которому могла бы примкнуть и Румыния. Наум передал это в Афины, откуда уже от нового правительства получил ответ, что оно готово вступить с болгарским в переговоры и спрашивает, на какой базе. Радославов говорит, что ответ поставил его в затруднение, так как серьезно он этого вопроса не обдумывал и не ожидал, что греческое правительство так охотно откликнется на его предложение, что он думает потребовать от греков уступки территории по течению Струмы, Кавалу и Серес. Сегодня, сообщая, что король не говорил с ним об обще-политических вопросах, он сказал, что в принципе король дал свое согласие на эту базу, если только она будет принята греками, и что генералу Фичеву будет поручена ее разработка. Я выслушал его заявление молча, прибавив только, что у меня были сведения — телеграмма Демидова № 81 [2]),—что он защищал перед греческим посланником мысль о сближении Болгарии с Грецией и Румынией, но против русской опасности на почве вопроса о Константинополе и Проливах. Он с жаром отрицал подобную подкладку своего разговора с Наумом.

Савинский.

№ 191.

Болгарский посланник в Петрограде М. Маджаров председателю совета министров и министру иностранных дел В. Радославову.

Шифрованная телеграмма [3]).

№ 225. 7/20 марта 1915 г.

Только что у меня был итальянский посол, который сказал мне, что, по сведениям итальянского военного агента, русские приготовили в одесском военном округе стотысячную армию для десанта в Турцию. Необходимое количество судов заготовлено. Между ними есть немало греческих, оставшихся в Черном море после закрытия Дарданелл. Он также сообщил мне, что официально известно, что германские офицеры покинули турецкую армию и что в Константинополе паника.

---

[1]) См. прим. 3 на стр. 189.

[2]) См. стр. 257.

[3]) Перевод с болгарского, сделанный в министерстве иностранных дел.

Я спросил итальянского посла, удовлетворила бы Италию поправка границы со стороны Австрии в таком виде, как это предлагают германские газеты [1]. На это посол категорически заявил, что такая поправка не может удовлетворить Италию и она не будет сохранять свой нейтралитет до конца.

По его мнению, Болгария потеряет все, если не использует настоящий момент, когда Турция на краю гибели.

Зная, что англичане не из тех, которые делают неосторожности или пускаются в авантюры, настоятельно прошу Вас обратить внимание на предыдущие мои рапорты и на сегодняшнюю мою телеграмму.

Решение вопроса о Дарданеллах без нашего участия закроет нам на будущее время путь в Турцию и заставит нас ограничиться тем, что осталось у нас по Букарестскому [2]) и Константинопольскому договорам [3]).

На подлиннике собственноручная пометка Николая II (черта и две точки) [4]).

---

[1]) См. т. I, прим. 1 на стр. 308.

[2]) 28 июля/10 августа 1913 г.

[3]) 16/29 сентября 1913 г.

[4]) В издании Центрархива: «Царская Россия в мировой войне», Ленинград, 1926 г., за № 86, стр. 109 опубликован перевод следующей шифрованной телеграммы Маджарова на имя царя Фердинанда от 12/25 марта 1915 г. № 256:

«Французский посол Палеолог, которого я видел вчера вечером, просил меня сообщить лично вашему величеству следующие его слова:

«Ныне Болгарии представляется самый удобный момент для восстановления своего народного единства. Для форсирования Дарданелл потребуется самое большее 2 месяца, но, может быть, это произойдет и ранее.

Если Болгария объявит, что выступит с Тройственным Согласием и назначит для этого определенный срок, то я гарантирую ей границы по линии Мидия—Энос, исполнение договора 1912 г., Петербургского протокола, Кавалу и все финансовые облегчения. Тройственное Согласие готово также обеспечить Болгарию от возможного выступления Румынии и Греции.

Для десанта в Турции у нас достаточно войска: со стороны России—100.000, Англии — 60.000 и Франции — 50.000. Численность войск может быть увеличена, если Болгария не пожелает вмешаться в войну.

Я говорю Вам об этом лишь, как друг Вашего царя и Болгарии, о которых храню самые лучшие воспоминания.

Ваше вмешательство необходимо ныне же, ибо впоследствии оно будет излишним.

История предопределила вам блестящую роль, и от вас самих зависит выполнить ее или нет.

Хотя вопрос о будущем Константинополя еще не решен, но союз трех держав останется незыблемым и после войны. Это будет могущественный фактор, и всякий, кто будет ему противиться, (пропуск) от безденежья.

После падения Венизелоса король Константин пригласил нашего посланника и заявил ему, что ни он, ни его страна не выступят с противниками Тройственного Согласия и что Греция будет держаться той же политики по отношению к Тройственному Согласию, как и при Венизелосе.

Вот почему Болгария должна поспешить занять место, которое подобает ей, как самой жизнеспособной из балканских держав».

В заключение Палеолог сказал: «Подобное сообщение, быть может, сделает Вам и Бьюкенен». В своем рапорте я донес вашему величеству, что и Сазонов сделал мне такое же заявление».

№ 192.

Великобританский статс-секретарь по иностранным делам сэр Эд. Грэй послу в Петрограде сэру Дж. Бьюкенену.

Шифрованная телеграмма [1]).

№ 402. 22 марта 1915 г.

Из Парижа № 125.

Греческий посланник заявил сегодня, что согласно телеграмме греческого посланника в Петрограде .... Россия сделала определенное предложение Болгарии послать 150.000 человек против Константинополя и приготовить свою армию для оказания помощи Сербии, обещая ей линию Энос—Мидия, границу 1912 г. в Македонии, а также...

Болгария отказалась помогать Сербии, но согласилась напасть на Турцию при условии, что в Нише ей будут обеспечены уступки в Македонии.

Директор политического департамента, только что видевший греческого посланника, сказал, что это до некоторой степени соответствует действительности.

№ 193.

Болгарский посланник в Петрограде М. Маджаров председателю совета министров и министру иностранных дел В. Радославову.

Секретное донесение [2]).

№ 314. 14/27 марта 1915 г.

Господин министр,

Из шифрованной телеграммы, которую я получил здесь 9 марта 1915 г., я понял, что болгарское правительство решило не оказывать Тройственному Соглашению, а особенно России, даже той помощи, которую Греция и до настоящего времени оказывает Франции и Англии, не оскорбляя этим ни Германии, ни Австро-Венгрии, ни Турции и не считая этого за нарушение нейтралитета. Не буду останавливаться на том, что наше правительство делало для Турции, когда эта последняя готовилась к войне с Тройственным Соглашением и когда она уже начала войну, потому что не располагаю никакими положительными данными из болгарских официальных источников, а выводить заключение из непроверенных фактов недобросовестно; но я не исполнил бы своего долга, если бы не напомнил Вам еще раз, что у Тройственного Соглашения существует убеждение, что наши власти помогали Турции и после

---

[1]) Перев. с англ.

[2]) При документе имеется сопроводительное письмо ген. Беляева Нератову от 30 марта/13 апреля 1915 г. за № 4481. Повидимому, перевод с болгарского, сделанный в русском ген. штабе.

того, как она стала воюющей стороной. Никакие наши заверения не в силах искоренить это убеждение. А для меня, который верит в торжество Тройственного Соглашения, подобные обвинения не могут не иметь значения, когда настанет время преобразования мировой карты.

В вышеупомянутой телеграмме Вы говорите, что так как весь болгарский народ поддерживает нейтралитет, то и болгарское правительство поддерживает его... Позвольте мне, господин министр, не с целью критики, но для выяснения, высказать несколько мыслей по этому вопросу. Я не помню, чтобы в истории войн было много случаев, где бы нация заранее решала, оставаться ли правительству нейтральным до конца, или же вступить в войну, однако, для государства, где происходило нечто подобное, результаты бывали весьма печальные. В 1897 г. греческое правительство начало войну против Турции по настоянию *народа* (по крайней мере, впоследствии греческий король и греческое правительство считали народ ответственным), но мы все знаем, какое несчастие постигло Грецию из-за этого народного движения [1]. В сущности, говоря теоретически, если существует нечто, для чего нужно *предварительное согласие народа,* то это война, так как война является самым важным мероприятием в государстве, ибо для благополучного ее окончания необходимы все силы народа — духовные и материальные. Но при всем том, даже и в республиканском государстве война начинается не народным собранием и предварительным объявлением. Для благополучного окончания войны не достаточно только доброй воли и желания народа. Война требует изучения и подготовления к ней без шума и без рекламы. Затем необходимо выбрать момент Не надо упускать из виду, что трудно определить, когда война является наступательной или же оборонительной. В одном из английских учебников международного права было сказано как-то, что война сперва решается, а потом мотивируется. По моему, однако, вопрос об оправдании или осуждении войны решается сообразно с той целью, которую она преследует, и результатами, которых она достигает. Народ мог бы быть лучшим судьей в этом вопросе, если бы ему сообщали все сведения, которыми располагает правительство; однако, много донесений и много телеграмм не видят света даже и после совершения факта. Как может народ заранее знать, каковы будут его отношения к соседям, если ему не известно о существовании ни одной официальной переписки. Если же сказать, что народ не желает войны ни при каких обстоятельствах, это значит произнести самый страшный приговор над его существованием. Всякий народ миролюбив, всякий народ жалеет своей крови до тех пор, пока не настанет время, когда мир будет постыднее всякой войны, тогда глава государства и правительство обязаны не только в силу светских, но и божеских законов бодрствовать и не пропускать ни одного решительного момента, который может принести славу и выгоду отечеству. Никакое правительство не может оправдать себя перед историей в том, что оно упустило благоприятный момент лишь потому, что народ был

---

[1]) Греко-турецкая война закончилась полным поражением Греции и Константинопольским миром от 4 декабря 1897 г., по которому Греция обязалась произвести исправление в пользу Турции своей границы в Фессалии и Эпире и уплатить контрибуцию в 4.000.000 тур. фунтов.

в то время миролюбиво настроен или что в газетах писали в пользу нейтралитета; надо будет доказать, что оно осталось пассивным, потому что мелкие выгоды требовали больших жертв. Когда факт свершится, сам народ упрекнет его и скажет, что правительство, которое оправдывает себя его миролюбием и его волей, не дало ему во-время всех разъяснений относительно внешней политики, а держало его в заблуждении по самым жизненным вопросам государства. Последняя война дала нам яркий пример того, что момент объявления войны определяет не народ, а его правительство; народ идет вслед за ним и выражает одобрение и энтузиазм. Я оставлю в стороне другие державы, участвующие в настоящей войне, и ограничусь только Англией, я это сделаю не только вследствие ее политического устройства, но и ее географического положения. У Англии не было официального союза ни с одной державой, а ее географическое положение давало ей возможность оставаться нейтральной. Германия думала до последней минуты, что она будет соблюдать нейтралитет, оставаясь расположенной к Франции. Россия и Франция не знали, какой политики будет держаться Англия. Английский же народ не проявлял никакой ненависти к Германии и никакой любви к России. Выступило, однако, правительство и сказало, что нейтралитет Бельгии нарушен Германией, что Англия должна ее защитить, что интересы империи в опасности, что она будет на стороне Соглашения и т. д., и т. д., и английский народ почти единодушно поддержал свое правительство. Если бы английское правительство явилось в парламент с декларацией, что, по его мнению, Германия может пройти через Бельгию и что Россия может не защищать Сербии, общественное мнение в этом государстве было бы совсем иным. И это не означает ни невежества, ни политического малодушия, а является естественным следствием самих обстоятельств. С годами внешняя политика Англии как бы ускользала из рук народа и парламента. Она не сосредоточена исключительно в руках неответственного фактора, но ею руководят представители двух партий, либеральной и консервативной, под контролем короля, и парламенту предлагают большей частью свершившиеся факты, при чем, если парламент их не одобрит, министерство выходит в отставку. Однако, значительная часть внешней политики, — предварительные переговоры, подготовка к событиям, — разрабатывается в архивах министерства иностранных дел, куда заглядывают иногда сами лидеры оппозиции. Я знаю наверное, что для того, чтобы в парламенте избегнуть многих неприятных и бесполезных рассуждений при решении важных политических вопросов, на заседаниях совета министров всегда присутствовали или лорд Лансдоун, или Бонар Лоу [1]). Понятно, эту систему многие критикуют, но ее продолжают одобрять обе руководящие партии, которые в Англии сменяются при всяком изменении в народном течении. Все это показывает, что даже в государстве, где издавна господствует конституционное управление, правительство не ждет, чтобы нация предписала ему вести войну, а считается с фактами и с интересами страны, как их понимают компетентные и руководящие круги: народ контролирует, народ одобряет или осуждает, народ хвалит или пори-

---

[1]) См. т. I, прим. 2 на стр. 281.

цает, но он не может предварительно высказаться по вопросам, с которыми само правительство его не ознакомило. При таких обстоятельствах теоретическое суждение может быть весьма вредным для государства.

Если Вы предложите болгарскому общественному мнению только телеграмму г. Чапрашикова из Ниша, пересланную мне циркулярно за № 321, относительно ответа г. Ивановича по македонскому вопросу, данного итальянскому посланнику в Нише, нет сомнения, что оно выскажется за соблюдение абсолютного нейтралитета до конца. Если же одновременно познакомить общественное мнение и с тем, что доношу я и что доносили мои коллеги, то-есть то, что узнается непосредственно от посланников в других государствах, я уверен, что его заключение было бы совершенно иным. В таком случае я бы прежде всего задал вопрос, почему министерство не обратится к своим представителям в Лондоне, Париже и Петрограде и не попытается узнать через них непосредственно от подлежащих правительств, *предпринимало ли Тройственное Соглашение перед сербским правительством меры к примирению его с Болгарией.* Или, если по каким-нибудь причинам оно признает это неудобным, почему не расспросит оно г. Пашича, который не все сообщает своим чиновникам, а если ответ его покажется не вполне верным, то можно прибегнуть и к косвенным источникам, как средствам для проверки. По моим сведениям, отношения между Италией и Сербией вовсе не так искренни, чтобы по такому щекотливому вопросу г. Иванович был настолько откровенен и категоричен с итальянским посланником и чтобы мы могли безусловно верить его словам. Тройственное Соглашение не раз говорило г. Пашичу относительно примирения Сербии с Болгарией, и, если бы г. Чапрашиков обратился к нему самому или к князю Трубецкому, быть может, он узнал бы всю истину; не следует, однако, упускать из виду, что до сих пор (кроме разве того, что было сделано помимо меня), мы не высказывали желания вести переговоры и достигать соглашения по этому вопросу. Если бы мы заявили притязания, если бы мы дали понять, что при удовлетворении наших законных требований мы заключим соглашение или с сербами, или с самим Тройственным Соглашением, мы имели бы право сердиться, что со стороны последнего ничего не сделано. До тех пор, пока мы будем держаться принципа не искать ни с кем соглашения, никто не обратится к нам с конкретными предложениями. Нация не должна выказывать себя ни особенно сильной и надменной, ни приниженной и слабой. Я боюсь, чтобы не имело вида, что мы, болгары, в различные периоды проявляли различные слабости. Поэтому я и позволяю себе в некоторых вопросах быть таким настойчивым, что, быть может, становлюсь неприятным. Я надеюсь, однако, что Вы простите мне эту слабость, зная, что она происходит от глубокого беспокойства, чтобы наша страна не осталась изолированной и обиженной.

Если я ни одной минуты не допускаю отсутствия патриотизма у болгарских деятелей, то все же я считаю, что различие во взглядах вызывается больше разницей в оценке событий, которая в настоящее время разделяет Европу. У нас есть люди, особенно среди офицерства, которые до сих пор еще не перестали верить в несокрушимую силу Австро-Венгрии и Германии. Есть и другие, которые говорят, что Германия действительно единственная

сильная держава, но что она не может устоять до конца против образовавшейся коалиции. С самого начала я держался того мнения, что все коалиции, в которых Англия участвовала уже почти в течение двух веков, были победоносны; так будет и в настоящем случае. Того же мнения я держался даже и тогда, когда верил в то, что германцы войдут в Париж и, пройдя через Варшаву, войдут в собственно Россию. После семи месяцев войны я имею, однако, все данные для того, чтобы быть твердо уверенным в этом успехе. Но я иду далее и утверждаю: Германия может продолжать войну еще год, но Австро-Венгрия и Турция будут принуждены капитулировать. Или обе эти державы будут искать сепаратного мира, или же большая часть их территории будет оккупирована, и они будут вести полунезависимую в политическом отношении жизнь. До тех пор создастся такое фактическое положение, которое может впоследствии измениться. То, что меня пугает больше всего, — это, что наша помощь станет лишней, и вместо переговоров мы будем принуждены просить. При всем моем уважении к военным, я не могу их считать непогрешимыми. Я знаю, что не все наше офицерство держится того мнения, что Германия победит, но, даже если предположить, что это будет так, все же считаю своим долгом напомнить Вам несколько фактов из недавнего прошлого. До начала балканской войны все военные агенты в Царьграде и все военные авторитеты Европы были того мнения, что турецкая армия побьет нашу. Перед второй балканской войной все наши генералы были уверены, что мы побьем и сербов, и греков. Несколько месяцев назад почти все наши офицеры держались того мнения, что австрийский экспедиционный корпус уничтожит сербскую армию. Все эти несбывшиеся предсказания указывают на то, что в войне, кроме военного элемента, участвуют и другие сильные факторы, которые не могут быть вполне предусмотрены нашими и иностранными офицерами или же которые умышленно игнорируются. Не знаю, насколько это верно, но мне сообщают, что наш главный штаб считает невозможным форсирование Дарданелл при помощи флота и морского десанта. Увидим, насколько это его пророчество будет верно. Но если мы будем еще раз обмануты, тяжело будет нашему отечеству... С нашей помощью, однако, Царьград был бы взят легко и без больших жертв. Тройственное Соглашение удовольствовалось бы болгарской армией около 100.000 человек, с подкреплением около 100.000 французов и англичан и более 100.000 русских. Какие реформы Турция ни ввела бы с 1912 года [1]), она не может сосредоточить около Царьграда более 200.000 человек. Не следует забывать, что турецкая армия разделена теперь на три части—на Кавказе, в Аравии и около Царьграда. Если в 1912 г. мы достигли Чаталджи в месяц, то теперь можем участвовать в этом походе с несравненно большей легкостью. Но раз мы хотим вступить в Царьград, требуется, чтобы мы участвовали вместе с другими в этом историческом походе. Было бы большой славой и большим уроком для нашей армии слиться с армиями трех великих держав, военные подвиги которых наполнят

[1]) Реформы, введенные Энвером-пашей в начале 1914 г., сводились к закону о всеобщей воинской повинности от 20 до 45 л., к реорганизации турецкой пехоты и кавалерии и преобразованию инспекторского надзора.

страницы целой новой истории. Одно время Румыния участвовала в освободительной войне [1]), не имея и четверти той перспективы, которая открывается нам в настоящее время. При всем этом она все-таки оставила светлую страницу в истории человечества и подняла свой национальный и военный престиж в глазах всех. Эта война не дала ей никакой обширной территории, но, сделавшись даже социалистической [!?], она не отказалась от участия в освободительной войне. А сравните нашу перспективу с румынской в 1878 году. Мы желаем, однако, войти вместе с другими в Царьград не только для большей славы, но и ради реальных интересов. Мое мнение, что, когда Россия получит право на свободный проход через Босфор и Дарданеллы и даже право держать большой гарнизон при входе в Дарданеллы, все-таки управление Царьградом и его окрестностями будет носить международный характер. Наша граница будет проходить так близко от Мраморного моря и самого Царьграда, что мы не можем не быть заинтересованы и не участвовать в управлении этой новой автономной областью. Содействие, которое мы окажем союзникам при взятии Царьграда, даст нам право взять обратно не только земли до Муратлия, а, может быть, и далее, но и земли западнее и южнее нашей теперешней границы. Не отрицаю, что при нашем вмешательстве для нас явится опасность со стороны Греции и Румынии, но у меня есть основания верить, что мы будем впредь ограждены от этих двух государств, и не только на словах, а действительными военными силами. Поверьте мне, г. министр, что если я настаиваю перед Вами на этой политике, то я делаю это не из сентиментализма, а по глубокому убеждению, что этим самым мероприятием мы можем поставить Болгарию в такое положение, которое она давно заслужила.

Перейдем, однако, к другой политике. Никогда я не предполагал, что его величество и Вы поведете болгарский народ против Англии, Франции и России, или же еще, чтобы этот народ *без принуждения* сражался против одной из вышеупомянутых держав. Поэтому-то еще в самом начале войны, как Вы помните, в одной из моих телеграмм на запрос сэра Эдуарда Грэя я заявил, не будучи предварительно уполномочен на это Вами, что Болгария не может совершить подобного исторического самоубийства, но что она ждет от Тройственного Соглашения справедливого возмездия за все то, что мы искупили нашими вековыми страданиями и пролитой кровью. Кроме этого вопроса, я упомянул мимоходом, что по истечении 7 месяцев он, ка-

---

[1]) Как известно, Румыния принимала участие в русско-турецкой войне 1877—1878 г.г. По ст. 45 Берлинского трактата от 1/13 июля 1878 г., румынское княжество уступало обратно «часть бессарабской территории, отошедшей от России по Парижскому трактату 1856 г., ограниченную с запада руслом Прута, с юга — руслом Килийского рукава и устьем Старого Стамбула». По ст. 46, к Румынии присоединялись «острова, составляющие дельту Дуная, а также остров Змеиный, Тульчинский санджак, вмещающий округа (казы) Килию, Сулину, Махмудие, Исакчу, Тульчу, Мачин, Бабадаг, Гирсово, Кюстендже и Меджидие». Кроме того, княжество получало «территорию, лежащую на юг от Добруджи до черты, начинающейся к востоку от Силистрии и оканчивающейся у Черного моря к югу от Мангалии». Окончательное очертание границы должна была установить европейская комиссия, учрежденная для разграничения с Болгарией.

залось бы, уже стал неуместным. О нем даже говорить нечего. Когда не выступали ни Сербия, ни Греция, пока Турция еще не приняла участия в общей войне, было бы большой дерзостью с нашей стороны думать итти по этому пути. Остается только знать, что обещали Болгарии Австро-Венгрия и Германия за ее участие в войне совместно с Турцией и в том случае, если Болгария сохранит до конца свой нейтралитет. По этому вопросу здесь еще ничего не известно ни из телеграмм, полученных окружным путем, ни из газет, что бы дало возможность сравнивать эти предложения с обещаниями других держав. Если нас будут обвинять, что мы делаем из политики коммерческую сделку, то для Ваших представителей за границей было бы весьма важно иметь, по крайней мере, общее представление о пользе той или иной дружбы. Не знаю, какие сведения Вы имеете из Лондона и Парижа, но мои телеграммы и донесения весьма ясны. Тройственное Соглашение заявило: «Если останетесь только нейтральными, то получите очень мало по окончании войны, если же хотите вернуть потерянное, если хотите осуществить национальное единство, войдите с нами в переговоры на основании Лондонского договора, договора 1912 г., Петербургского протокола и т. п., примкните к нам, и вы получите все, что вам обещано». Мне кажется, что яснее этого ничего не может быть. Если Вы думаете, что тех уступок недостаточно, укажите Ваши притязания, но молча или соблюдая нейтралитет, мы добьемся немногого. Это я должен Вам заявить откровенно, чтобы Вы знали отныне, что положение наше будет до того тяжело, что нам трудно будет отстаивать даже свои права. Моя задача, однако, стала слабой и бесполезной, раз болгарское правительство непоправимо убеждено в торжестве Двойственного Союза и если оно получило категорические заверения, что при соблюдении нейтралитета до конца Болгария получит выгоды. Вы меня извините, что я в последних моих донесениях часто ссылаюсь на историю, но я полагаю, что наше отечество и Вы, как министр-президент, а также и мы переживаем историческую эпоху, которая будет иметь громадные последствия. Нет сомнения, что после его величества на Вас будет лежать бо́льшая ответственность, чем на ком-нибудь другом. Эти действия и эту ответственность я считаю историческими. Для моей скромной личности достаточно знать, что я поступал правильно, и утешаться тем, что высказывал правильные суждения. Будущий историк станет разбирать, что дала Болгарии та или иная политика, и найдет — или что мы стали на ложный путь, уступая чувству мести, или что мы закоренели в устарелых убеждениях, или что по другим причинам мы заслуживаем тяжкого обвинения. Я признаю, что в социологии процессы гораздо сложнее, чем в молодом царстве, и потому предусмотреть что-либо в человеческом обществе гораздо труднее. Но так как историк ищет положительных фактов, которые всякий добрый гражданин может предвидеть, он откажется даже быть снисходительным к нам. Хорошо, если Болгария останется возможно дольше нейтральной, потому что она, действительно, нуждается в отдыхе и в сохранении своих сил — это признается и державами Тройственного Соглашения, — но Ваша шифрованная телеграмма за № 451 дала мне серьезный повод предполагать, что Вы решили не соблюдать до конца нейтралитет.

Вот, что меня смутило и побудило написать настоящее донесение. Если это неверно, то, быть может, Вы мне ответите не так, как я отвечаю русским, которые утверждают, что народ желает войны, а болгарский царь и его правительство его сдерживают, но дадите мне понять, что мы, освобожденные Россией болгары, даже когда попадем в затруднительное положение, если и не можем участвовать вместе с Россией в этой великой борьбе, что было бы нашим священным долгом, все же готовы содействовать ей во всех других отношениях, готовы сделать для нее то, что Россия, будучи нейтральной державой, делала для нас два года назад во время войны с Турцией. Несмотря на все эти глубокие огорчения, у меня еще остается надежда, что такой опытный болгарин, как Вы, не можете не волноваться теми же чувствами и не испытывать ту же боль, когда перед ним встает такой вопрос. Поэтому я представляю настоящее донесение с уверенностью, что оно своевременно и что Болгария не должна упустить исторический момент, чтобы исполнить свой долг и осуществить свои идеалы, ради которых она принесла такие громадные жертвы. Если Вы возьметесь за это дело, господин министр, то Вы поймете, насколько искренни были мои побуждения и насколько доброжелательны мои намерения.

Примите, господин министр, уверение в отличном моем к Вам уважении.

М. Ив. Маджаров.

№ 194.

Российский посланник в Сербии кн. Г. Н. Трубецкой министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ (3)48. 19 марта/1 апреля 1915 г.

Лично.

Престолонаследник доверительно поведал мне, что генерал Пэджет рассказал ему по возвращении из Болгарии о своем разговоре с королем Фердинандом. Когда последний сказал, между прочим, что линия Энос — Мидия не настолько интересует сама по себе Болгарию, чтобы она из-за этого пошла на войну с Турцией, генерал сказал: «А Константинополь?» — «Ну, что же Константинополь, мы туда придем, чтобы уйти», — возразил король. «Отчего?» — спросил Пэджет. «Может так случиться, что вы там и останетесь. Мы с Францией можем не всегда остаться союзниками России, и тогда для нас будет лучше, чтобы в Константинополе были вы». — Король ответил на это театральнм жестом. Престонаследник подчеркнул, что беседа Пэджета с ним была доверительного характера и что генерал Пэджет сам не придает своим заявлениям характера политического авторитета, однако, слова посланца английского короля могли глубоко запасть в воображение царя Фердинанда как в силу его мегаломании, так и в виду того, что в Болгарии все время рассчитывают на антагонизм английских интересов с нашими. Беседа эта лишний раз указывает, насколько необхо-

димы самые точные гарантии как наших прав, так и условий военного сотрудничества болгар, если бы оно состоялось. Не могу не добавить, что разговор, подобный указанному, не подвигает, а замедляет выступление Болгарии, раз самые фантастические ее притязания получают такого рода поощрения.

Трубецкой.

№ 195.

Памятная записка великобританского посольства в Петрограде российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову [1]).

Сэр Эдуард Грэй отправил следующие инструкции представителю его величества в Софии:

Союзные державы убедились в том, что болгарское правительство не желает высказаться до того момента, пока не будет явного перевеса в пользу Тройственного Согласия, и что поэтому оно желает выждать событий.

Тем не менее, мы полагаем, что в интересах как самой Болгарии, так и союзников желательно, чтобы болгарская политика определилась в настоящий момент или чтобы, по крайней мере, Болгарии была предоставлена возможность определить эту политику. Болгарское правительство должно сознавать, что ценность болгарского сотрудничества значительно понизится, когда Дарданеллы будут форсированы, и что тогда произойдет пропорциональное уменьшение болгарской программы компенсаций.

Поэтому, после того, как Ваш русский и французский коллеги получат подобные инструкции, Вы сообщите болгарскому министру иностранных дел, что, если на условии достижения Болгарией урегулирования положения на основе договора с Сербией 1912 г. (с включением Монастыря), а также получения ею линии Энос—Мидия болгарское правительство готово выступить на стороне союзников,—необходимо, чтобы оно тотчас же сделало заявление по этому поводу. Предполагаемое урегулирование положения на основе договора 1912 г. находится в зависимости, конечно, от соответствующих компенсаций, которые должна получить Сербия в других странах.

Сэр Г. Бакс-Айронсайд одновременно с этим получил секретную инструкцию принять меры к обеспечению того, чтобы вышеизложенный шаг был доведен до сведения болгарской оппозиции.

Уведомляя российского министра иностранных дел о вышеизложенных инструкциях, данных великобританскому посланнику в Софии, сэр Дж. Бьюкенен получил предписание добавить, что, имея в виду официальное отклонение болгарским правительством от себя всякой ответственности за набег, недавно произведенный болгарскими бандами на Македонию [2]), сэр Эдуард Грэй полагает целесообразным при заявлении по поводу болгарского сотрудничества не настаивать на вопросе о набеге.

8 апреля 1915 г.

---

[1]) Перев. с англ.

[2]) См. прим. 1 на стр. 224.

№ 196.

Российский посланник в Софии А. А. Савинский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 213. 3/16 апреля 1915 г.
(6 ч. 30 м. веч.).

Требует срочных распоряжений.

Ваша телеграмма 1666 [1]) получена.

Лично. Французский посланник сообщил мне несколько телеграмм Делькассэ, в которых последний, со слов английского посла, в Париже, передавал Ваши разговоры 28 и 29 марта с Бьюкененом по поводу проектируемых Вами угрожающих мер против Болгарии и поведения последней в валандовском инциденте [2]); инцидент этот, имевший место уже две недели тому назад и который в свое время признавался нежелательным оставить без внимания, теперь забыт, а главное, смею уверить, болгарское правительство в нем менее виновно, чем в других случаях, например, в нападении на мост при Демир-Капу [3]), уже не говоря о всех нарушениях нейтралитета по наущению Австрии. Инициаторами валандовского набега являются, без всякого сомнения, австрийцы; организаторами — здешний австрийский военный агент и министр финансов Тончев, находящийся у австрийцев на откупу; исполнителями—македонцы, турки, австрийцы, быть может, несколько болгар. Радославов скорее смущен: он призывал македонских вождей для убеждения и велел разоружить всех, вернувшихся со станции Струмицы, участников набега. Здешний сербский посланник, человек уравновешенный, не шовинист, как некоторые другие сербские представители за границей, говорил мне, что, во внимание к важности минуты, сербы готовы не поднимать истории, если бы только они были застрахованы в будущем от повторения подобных набегов.

Настроение Болгарии, как я доносил все последнее время, с каждым днем более и более высказывается за присоединение к Согласию; самые крайние элементы, вроде македонцев, готовы итти на уступки, отказываясь теперь от всяких территориальных изменений до окончания войны.

С другой стороны, если в начале войны положение Болгарии, с чисто-военной точки зрения, было для нас более или менее безразлично, то теперь,

[1]) В телеграмме от 1/14 апреля 1915 г. за № 1666 Сазонов передает Савинскому текст заявления, которое ему, совместно с французским и английским посланниками, поручается сделать болгарскому правительству (см. прим. 1 на стр. 224).

[2]) См. прим. 1 на стр. 224.

[3]) Железнодорожный мост между Демир-Капу и станцией Струмица был взорван в ночь на 16/29 ноября 1914 г. болгарскими четниками (телеграмма Штрандтмана от 17/30 ноября 1914 г., № 1048).

со времени начала действий на Проливах, мне кажется, что это не так. Болгарам, как Вы уже знаете, я без устали повторяю, что с ними или без них план держав будет неукоснительно приведен в исполнение, но помощь Болгарии теперь, конечно, нам нужна, и наша задача значительно усложнится, если мы будем иметь дело на Проливах и у Константинополя с соединенной турецко-болгарской армией.

В виду всех этих соображений мне казалось бы, что разрыв с Болгарией был бы теперь несвоевременным, но, конечно, императорскому правительству это виднее. Если оно своим сообщением, текст коего мне передан телеграммою № 1666, имеет в виду привлечь Болгарию на нашу сторону, то наперед можно безошибочно сказать, что сообщение это не только обречено на полнейший провал, но оно оттолкнет от нас даже самых преданных нам друзей. В самом деле, если Болгария до сих пор не определилась, то в значительной степени потому, что в предыдущих обращениях мы никогда точно не определяли тех выгод, на которые она могла бы рассчитывать: была упомянута линия Энос—Мидия; насчет же самого жгучего вопроса—македонского—было сказано лишь: «Elle obtiendra après la guerre d'équitables améliorations territoriales en Macédoine» [1]), но все-таки это было кое-что; последняя же фраза нового обращения [2]) возвращается к еще более туманным обращениям [3]), чем прежние, и без всякого сомнения вызовет недоумение и горчайшее разочарование даже в самых преданных нам лицах.

Я высказываю эти крайне озабочивающие меня мысли исключительно с местной точки зрения, не зная общего политического положения, но считаю нравственною обязанностью обратить внимание вашего высокопревосходительства, что сообщение в редакции телеграммы № 1666 оттолкнет от нас всю Болгарию; если мы хотим этого, результат обеспечен. Если же мы хотим ее присоединения, то, как я требовал неоднократно, нужно придать выступлению вполне категорический, почти ультимативный характер, но сохранить то содержание, которое было в Вашем № 498 [4]).

Савинский.

---

[1]) См. телеграмму Савинского от 26 ноября/9 декабря 1914 г., № 520, стр. 244.

[2]) Приводим в переводе с французского текст последней фразы предполагавшегося заявления болгарскому правительству (телеграмма Сазонова № 1666): «Если королевское правительство готово действовать совместно с союзниками, последние намерены изыскать средства для удовлетворения его пожеланий и употребить свое влияние и свои усилия, чтобы обеспечить их осуществление».

[3]) Обещаниям?

[4]) Телеграммой от 27 января/9 февраля 1915 г. за № 498 Сазонов сообщает Извольскому и Бенкендорфу текст памятной записки, переданной им французскому и великобританскому послам, о необходимости добиться от Болгарии определенного заявления о присоединении ее к державам Согласия и о готовности ее предоставить в их распоряжение свои военные силы. Державы в таком случае гарантируют ей уступку части Македонии, расположенной к югу от линии Эгри-Паланка—Кепрюлю—Охрида, включая эти пункты, как только Сербия получит территориальные компенсации, обещанные ей державами Согласия. Заявление это не было сделано болгарскому правительству.

№ 197.

Причисленный к итальянскому посольству в Константинополе Б. С. Серафимов российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 184. 5/18 апреля 1915 г.

(Через Дедеагач).

В виду газетных слухов о панике в Константинополе, считаю долгом донести, что настроение здесь сейчас более твердо и устойчиво, чем 6 месяцев тому назад.

Спокойствие на фронтах анатолийском, кавказском, багдадском и египетском дало туркам возможность сосредоточить все свое внимание и силы в районе Проливов, т.-е. в наиболее защищенном пункте империи, и создает здесь впечатление крупного успеха. Приостановка же англо-французских действий против Дарданелл, после неудачи 5 марта [1]), и выход турецкого флота в Черное море [2]), после появления нашей эскадры перед Босфором [3]), дает военной партии кажущееся основание говорить о неприступности столицы и непобедимости турецкого оружия. Вместе с тем, свобода подвоза к Проливам предметов первой необходимости и широкая денежная поддержка из Берлина делают тяготы войны почти нечувствительными для Порты и укрепляют в ней воинственный дух, смущаемый ныне лишь двумя серьезными обстоятельствами: первое — недостаток военных припасов, проникающих сюда за последнее время в минимальном количестве; второе же — неопределенность поведения Болгарии, которая, по мнению турок, является единственным путем, могущим привести нас к Константинополю.

Серафимов.

№ 198.

Причисленный к итальянскому посольству в Константинополе Б. С. Серафимов российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 191. 8/21 апреля 1915 г.

Недавний приезд в Константинополь посланника в Софии; последовавшее вслед за этим тайное свидание Талаата с болгарами на границе; трехдневное пребывание в Константинополе Морфова; его совещание с германскими и турецкими интендантскими чиновниками и директором фракийских

---

[1]) См. прим. 1 на стр. 161.
[2]) См. прим. 1 на стр. 144.
[3]) См. прим. 3 на стр. 165.

железных дорог; продолжающиеся совещания болгарских офицеров, повидимому, членов «Македонского Комитета», с местными патриотическими организациями «Национальной Обороны», «Адрианопольского Комитета» и «Комитета Единение и Прогресс»; вообще, участившиеся за последнее время болгаро-турецкие сношения, в связи с продолжающимся по временам пропуском Болгариею военных припасов, — породили здесь множество слухов, сущность коих заключается в следующем:

Неуверенная в поведении Болгарии, Порта под давлением германцев, постоянно мечтающих о соединении Берлина с Константинополем через Болгарию и Сербию, яко бы решила пожертвовать Адрианополем и предложила болгарам оккупировать территорию по линию Энос—Мидия с оставлением там Турциею лишь отряда жандармерии. Взамен этой уступки Болгария сохраняет, до поры, благожелательный Турции нейтралитет, всячески облегчая снабжение оттоманской армии необходимыми припасами и содействуя организации на сербской границе нового и притом более решительного восстания, имеющего ускорить в нужную минуту болгаро-сербский разрыв, при котором фракийская армия Гольц-паши отделит в помощь софийскому правительству довольно крупный отряд.

Подобные изложенным сведения имеются и у итальянского посла.

Серафимов.

№ 199.

Российский посланник в Софии А. А. Савинский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 227. 9/22 апреля 1915 г.

Передавая вчера Радославову ответ своего правительства на счет назначения Геннадиева в Париж, французский посланник имел с председателем совета министров весьма интересный политический разговор. На замечание последнего, что он хотел бы сблизиться с Тройственным Согласием и ищет для этого благоприятного момента. Панафье заметил, что он упускает этот момент и что после занятия союзниками Константинополя болгарская помощь будет обесценена, а что, наоборот, теперь за свое активное согласие действовать Болгария могла бы, по его мнению, получить и линию Энос—Мидия, и линию соглашения 1912 года; посланник прибавил, что, может быть, державы Согласия и решатся в скором времени сделать последнюю попытку привлечения Болгарии, но в таком случае они на этот раз потребуют совершенно определенного и категорического ответа. Панафье говорит, что Радославов отнесся очень сочувственно к этой перспективе.

Савинский

№ 200.

Российский посланник в Софии А. А. Савинский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 239. 15/28 апреля 1915 г.

Лично.

Из прибывшей сюда и отправляемой сегодня же в Петроград экспедиции Демидова я впервые ознакомился с подробностями последних переговоров между Афинами и державами Согласия. Главное требование греков — гарантии территориальной неприкосновенности Греции,—конечно, заключает в себе опаснейший залог болгаро-греческого конфликта в будущем. Не зная всей совокупности политических обстоятельств, обусловливающих вышеупомянутые переговоры, с местной точки зрения нахожу, что, может быть, было бы полезно, ранее принятия нами на себя требуемой греками гарантии, заявить болгарскому правительству, что если мы сговоримся с греками, то болгарам придется навсегда оставить всякие мечты о Кавале. Это могло бы послужить стимулом для выступления Болгарии. Кроме того, чем более будет у нас помощников при взятии Константинополя, тем нам будет легче справиться с претензиями каждого из них. Здесь имеются указания, что даже Англия не примирилась бы вполне с нашим будущим господством на Проливах.

Савинский.

№ 201.

Великобританский статс-секретарь по иностранным делам сэр Эд. Грэй послу в Петрограде сэру Дж. Бьюкенену.

Шифрованная телеграмма [1].

№ 764. 1 мая 1915 г.

Из Софии.

Лично. Король очень доволен неуспехом дарданелльских операций и придает большое значение отзывам наших генералов, мнение которых я уже передавал Вам по телеграфу. Они уведомили его величество, что, по их мнению, Великобритания и Франция не смогут взять Константинополь без сотрудничества Болгарии, и мнение их укрепит точку зрения его величества на большое значение, которое следует придавать болгарскому выступлению [2].

На подлиннике собственноручная пометка Николая II (черта и две точки).

---

[1]) Перев. с англ.

[2]) Телеграмма эта, — если она была правильно расшифрована в Петрограде,— повидимому, передает текст болгарской телеграммы, перехваченной великобританским министерством иностр. дел.

№ 202.

Российский посланник в Софии А. А. Савинский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

28 апреля/11 мая 1915 г. [1]).

Сегодня английский посланник сообщил французскому и мне, что, вследствие инструкций Грэя, он спросил в субботу у Радославова, на каких условиях Болгария согласилась бы выступить. После долгих уверток Радославов вынул карту и указал на спорную и бесспорную зону, Драму, Серес и Кавалу, на что после(дний) [2]) заметил ему, что, хотя это и чрезмерно, но все-же может составить базу для переговоров. Такое отдельное от нас выступление английского посланника, помимо того, что обречено по существу на неуспех, утверждает здесь все более и более впечатление, что между нами и англичанами нет полной согласованности. Передавая мне вышеизложенное, Айронсайд добавил в виде объяснения, что Англия форсирует Дарданеллы в интересах России, что цель этой тяжелой операции — предоставить нам Константинополь и что для уменьшения жертв нужно скорейшее выступление Болгарии. Шаг английского посланника имеет, впрочем, ту хорошую сторону, что вопреки прежним разговорам Аайронсайда, — смотри мою телеграмму № 256 [3]), — английское правительство солидарно с нами в желании выступления Болгарии. Мы с французским посланником сомневаемся только, чтобы прием, к которому прибегнул наш английский сотоварищ, достиг цели.

Савинский.

№ 203.

Памятная записка великобританского посольства в Петрограде российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову [4]).

№ 42.

Посольству его величества было предписано сэром Эдуардом Грэем уведомить императорское министерство иностранных дел, что посол его величества в Париже получил инструкцию настаивать перед г. Делькассэ на важности предоставления союзным представителям в Софии возможности выбрать подходящий момент для формального предложения Болгарии.

---

[1]) В подлиннике номер отсутствует.

[2]) Посланник?

[3]) В телеграмме от 24 апреля/7 мая 1915 г. за № 256 Савинский сообщает о деятельности великобританского посланника в Софии Айронсайда, высказывавшегося против выступления как Болгария, так и Румынии.

[4]) Перев. с англ.

Сэр Ф. Берти должен указать, что, даже если греческие выборы пройдут в благоприятном для Венизелоса смысле [1]), в чем нельзя быть вполне уверенным, конкретное сотрудничество Греции потребует неизбежно для своего подготовления нескольких недель. Положение в Дарданеллах, между тем, делает крайне важным, чтобы Болгария вступила в войну как можно скорее. Уже тот факт, что болгарскому правительству будут сделаны предложения, даже если бы они оказались недостаточными, придаст вес тем аргументам, которые могли бы быть использованы нашими сторонниками в Софии для того, чтобы произвести на него усиленное давление.

Должно пройти известное время, чтобы представился столь же благоприятный случай для переговоров, как тот, который дает нам вступление Италии в войну [2]), и, не делая никакого предложения, мы можем потерять почву.

Как только необходимые инструкции будут посланы его французскому коллеге, сэр Г. Бакс-Айронсайд должен сделать болгарскому правительству формальное сообщение или в качестве предложения трех союзных держав, или в виде предложения, исходящего от правительства его величества и поддержанного российским и французским правительствами, в зависимости от того, что покажется наиболее желательным ему и его коллегам.

Он должен прибавить, что сэр Эдуард Грэй не считает возможным для держав определенно взять на себя то, что указано г. Сазоновым [3]), но что державы приложат все усилия, чтобы добиться уступки Драмы, равно как и Кавалы.

Сэр Эдуард Грэй полагает, что наиболее подходящим моментом для сообщения может быть объявление Италией войны, и считает, что Фицморис или какое-либо другое подходящее лицо могли бы быть использованы для осведомления лидеров оппозиции и г. Владова относительно предложения, которое мы готовы сделать.

24 мая 1915 г.

---

[1]) См. прим. 5 на стр. 226.

[2]) Италия объявила войну Австрии 11/24 мая 1915 г.

[3]) 6/19 мая 1915 г. Сазонов сообщил Савинскому о сделанном ему Грэем предложении уполномочить великобританского посланника в Софии Айронсайда войти от имени союзников в переговоры с болгарским правительством о привлечении Болгарии на сторону держав Согласия. Со своей стороны, Сазонов поручил Савинскому поддержать великобританского посланника и передавал «приблизительный» текст обращения к болгарскому правительству. Текст, переданный Сазоновым Савинскому, в пункте о Кавале читается так: «Наконец, державы обязуются повлиять на эллинское правительство, дабы обеспечить Болгарии получение Кавалы. При этом, однако, державы будут вынуждены вознаградить Грецию в Малой Азии, и ради этой цели болгарская армия должна выступить во Фракии» (телеграмма Сазонова от 6/19 мая 1915 г., № 2319). Позднее Сазонов отказался от столь «решительных выражений» и 10/23 мая 1915 г. сообщал Савинскому, что пункт этот должен быть изложен следующим образом: «Наконец, державы обязуются приложить все усилия, дабы обеспечить Болгарии получение от Греции Кавалы» (телеграмма № 2396).

№ 204.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [1]).

№ 365. 13/26 мая 1915 г.

Камбон, вернувшийся из Парижа, строго доверительно сообщил мне, что Делькассэ, хотя и не желает стать в оппозицию петроградскому и лондонскому кабинетам, однако, не слишком сочувствует выступлению в Софии. В Париже, таково мнение Камбона, полагают, что Болгария ни в коем случае не выскажется раньше, чем союзники захватят весь Галлиполийский полуостров, и что остается сомнительным, что болгарская армия сможет форсировать линию Чаталджи; таким образом, точное определение и расширение в настоящий момент приобретений, предназначенных Болгарии, не могло бы быть оправдано уверенностью в немедленных военных выгодах,—к тому же недостаточно надежных, — тогда как Болгария может быть в ближайшем будущем вовлечена [в войну] ходом событий на условиях, менее тяжелых для Сербии. В виду того, что этот разговор носил совершенно личный характер, настоятельно прошу Вас ни в коем случае на него не ссылаться.

Бенкендорф.

№ 205.

Российский посланник в Софии А. А. Савинский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 308. 21 мая/3 июня 1915 г.

Ответ болгарского правительства на наше предложение еще не представлен [2]), и, по имеющимся у меня сведениям, не принято окончательного решения. Предложение признается весьма серьезным и не менее важным. Хотя официально секрет соблюдается, однако, все знают главные положения и усиленно обсуждают. Так как наши враги австро-венгры и враждебные болгары употребляют все усилия, чтобы дискредитировать наше предложение и представить его в ложном свете, старался... разъяснить самым разнообразным и наиболее влиятельным факторам значение нашего шага и важность для Болгарии, чтобы в ответе державы не увидели злой воли. Из многочислен-

---

[1]) Перев. с фр.

[2]) Ответ Болгарии на заявление держав Согласия от 16/29 мая 1915 г. (см. прим. 6 на стр. 176) последовал только 2/15 июня 1915 г. Выражая признательность державам за сделанные ими предложения, болгарское правительство указывало на ряд неясностей в заявлении держав, до выяснения которых оно считало невозможным принять окончательное решение.

ных разговоров с наиболее серьезными людьми из правительственных партий, македонцев и оппозиции, сознающими, что от ответа зависит будущее Болгарии, убедился, что наши враги стараются истолковать особенно неблагоприятно для нас, во-первых, обязательство выступить «со всеми вооруженными силами», указывая, что оставление границы без защиты до выступления Румынии и Греции было бы гибелью для Болгарии, и, во-вторых, подчинение болгарских компенсаций территориальному расширению Сербии, в чем усматривается укол болгарскому самолюбию и опасение, что в случае неполучения сербами совершенно определенных приращений и Болгария останется без компенсаций. Сообщившие мне это благожелательные и разумные лица — в том числе известный Вам Владов — не без основания указывают, во-первых, что если выступление Болгарии последовало бы до определения Румынии и Греции, то нужно было бы предоставить болгарам оставить часть войск для защиты границы, и, во-вторых, что раз державы-победительницы будут в конце войны устраивать распорядок, то они и дадут Сербии то, что признают нужным, без необходимости предварительного упоминания о том; что король, повидимому, понимает... что придется переменить политику, но, как мне сообщили из очень достоверного источника, открыто говорит, что предпочел бы, чтобы, если не «Румынский Гогенцоллерн» [1]), то, по крайней мере, муж сестры германского императора [2]) раньше его вынул шпагу против «старика Франца-Иосифа, которому-де он столь многим обязан». Во всех разговорах и всеми способами даю понять, что разные более мелкие подробности можно будет уладить путем переговоров, если только в ответе Болгарии державы усмотрят совершенно определенное принципиальное согласие. Возбуждался вопрос и о «спорной» зоне и указывалось, что, после того, что ее судьба была в свое время предоставлена решению государя императора [3]), для Болгарии обидно, что она теперь отдается без всяких оговорок сербам. Высказывались пожелания, чтобы державы взяли на себя решение вопроса о местностях спорной зоны с болгарским населением. Я советовал не касаться совсем этого вопроса и, в крайнем случае, высказать лишь пожелание, чтобы державы по окончании войны обещали рассмотреть его с точки зрения общей политической справедливости и целесообразности. Расположенные к нам болгарские патриоты — в их числе Владов — задавали мне вопрос и об участии наших войск в осаде Константинополя с суши. Это участие, с точки зрения подъема духа болгарского солдата, ими признается, как совершенно необходимое условие. По всей вероятности, это пожелание совпадает с нашими

---

[1]) Король Фердинанд румынский из дома Гогенцоллерн-Зигмаринен.

[2]) Король Константин греческий, женатый на сестре Вильгельма II, принцессе Софии Гогенцоллерн.

[3]) Ст. 2 секретного дополнения к сербо-болгарскому договору от 29 февраля 1912 г. решение вопроса о «спорной» зоне в Македонии передавалось на усмотрение русского императора, при чем обе стороны обязались признать окончательной границу, им указанную. По ст. 4 того же дополнения, всякое разногласие, которое могло возникнуть по вопросам, связанным с секретным дополнением и военной конвенцией, должно было также быть представленным на решение России в том случае, если одна из сторон убедилась бы, что она не может добиться решения спорного вопроса путем непосредственных переговоров.

(намерениями), так как кроме высказанного соображения есть еще и другое, более важное, — невозможность допустить ни с какой точки зрения, чтобы наши войска не приняли самого активного участия во взятии Царьграда, предоставив его другим. Я позволил себе высказать все вышеизложенное, во-первых, чтобы дать Вам отчет о здешних настроениях и, во-вторых, чтобы предупредить, что даже если принципиальное решение о выступлении Болгарии возьмет верх, то придется иметь дело с подробностями и отдельными пожеланиями, к которым для успеха дела нужно будет отнестись с внимательной снисходительностью, не отталкивая их в их целокупности. Военный и морской агенты возбуждают предо мной вопрос о координации военных распоряжений, действий и операций, в случае благоприятного отношения к нашему предложению.

Савинский.

№ 206.

Российский посланник в Софии А. А. Савинский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 309. 21 мая/3 июня 1915 г.

Дополнение к № 308.

В числе мест нашего предложения, которыми наши враги могут злоупотребить пред общественным мнением, мне указывают яко бы на отсутствие указания, что содействие болгарских войск кончается падением Константинополя и что им не потребуется итти ни в Малую Азию, ни на Кавказ. Хотя ответ на это замечание и (на) высказанные в предыдущем №, мне кажется, можно легко почерпнуть из общего духа предложения, тем не менее просил бы срочных указаний на случай запросов.

Савинский.

№ 207.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов посланнику в Софии А. А. Савинскому.

Телеграмма.

№ 2628. 23 мая/5 июня 1915 г. (3 ч. дня).

Условия выступления болгарской армии подлежали бы впоследствии определению военной конвенцией, выработанной нашим и болгарским штабами. Тем не менее, не подлежит сомнению, что державы имели в виду участие болгарской армии в военных действиях против Турции исключительно на европейском берегу и ближайшем районе Константинополя. Вы можете осторожно и лично от своего имени высказаться в этом смысле на случай предъявления Вам запросов.

Сазонов.

№ 208.

Великобританский статс-секретарь по иностранным делам сэр Эд. Грэй послу в Петрограде сэру Дж. Бьюкенену.

Шифрованная телеграмма [1]).

№ 1286. 27 июня 1915 г.

Из Софии.

Лично. Болгарский король . . . . . [2]) очень доволен отзывами болгарских генералов, которые, все до одного, указывали . . . . . [2]) успеха русского наступления. Его величество затребовал отчет о положении на Галлиполийском полуострове, который будет подвергнут . . . . . [2]) в королевском кабинете . . . . . [3]) стороны, и я не могу верить в его конечную . . . . . [2]).

№ 209.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [4]).

№ 440. 25 июня/8 июля 1915 г.

Копия Париж.

Асквит, Китченер, Бальфур и Крю возвратились из весьма секретного путешествия на побережье Франции [5]), где они встретились с соответствующими (французскими министрами). Достигнуто, будто бы, полное соглашение по военным вопросам. Я еще не знаю, какой оно носит характер. По вопросам дипломатическим Крю и Делькассэ, повидимому, сошлись во мнении, что в настоящий момент имеется больше шансов заставить Румынию вступить в войну, чем Болгарию, и что немедленные шаги должны быть предприняты не в Софии, а в Букаресте, что составляет поворот в политике. Скептицизм по отношению к Болгарии заметно усилился за последнее время, — настолько, что представляется сомнительным, возможно ли вообще принудить короля Фердинанда содействовать в занятии союзными державами Константинополя, что, может быть, совершенно не входит в намерения этого государя. В результате, предлагаемые Болгарии условия, еще более определенные, чем те, которые были уже сделаны, имея мало шансов быть полезными, представили бы весьма серьезные неудобства, вследствие впечатления, кото-

---

[1]) Перев. с англ.

[2]) В подлиннике пропуск одного слова.

[3]) В подлиннике пропуск трех слов.

[4]) Перев. с фр.

[5]) Имеется в виду совещание в Калэ, на котором присутствовали Крю, Китченер, Асквит, Бальфур, Вивиани, Делькассэ, Мильеран, Оганьер, Тома, Жоффр и Френч.

рое они произвели бы в Сербии и Греции. Этой мыслью, как я думаю, руководились при редакции нового текста ответа болгарскому правительству [1]), о котором Бьюкенену поручено с Вами переговорить. Я не вижу, на чем, в сущности, основаны более оптимистические взгляды относительно Румынии. Впрочем, один из симптомов имеет, на мой взгляд, некоторое значение: это — весьма решительная позиция, занятая румынским правительством при наличии энергичного и более чем угрожающего давления, произведенного германским посланником в Букаресте по поводу транзита военного снаряжения через Румынию в турецкие порты. Эта информация, полученная здесь сначала через французских дипломатов, была подтверждена телеграммой Барклая, полученной сегодня утром и являющейся более исчерпывающей, чем телеграмма французского посланника. Этот последний ссылается, повидимому, только на румынского министра торговли, Барклай упоминает председателя совета. Бьюкенену поручено Вам предложить проект выступления в Букаресте. Последние новости о Дарданеллах гораздо более благоприятны, чем предшествующие. Это могло способствовать установлению новой точки зрения английского правительства. Тем не менее, я не хотел бы этого утверждать, и по этому вопросу мне ничего не было сказано.

Бенкендорф.

№ 210.

Король Георг V императору Николаю II.

(Телеграмма, переданная великобританским послом сэром Дж. Бьюкененом на личном приеме в Царском Селе, 15/28 июля 1915 г.) [2]).

Ты наверно видел телеграммы, которые сэр Эд. Грэй послал российскому министру иностранных дел по поводу сообщения, которое предположено сделать Сербии и Болгарии [3]). Немедленные совместные действия с Бол-

---

[1]) Проект ответа болгарскому правительству, предложенный Грэем, был передан Бьюкененом Сазонову памятной запиской от 20 июня 1915 г. за № 72. Признавая законным пожелание Болгарии (см. прим. 2 на стр. 281) получить более определенные обещания, союзные державы, по мнению Грэя, не могут в настоящий момент дать точное определение границ будущих приобретений Болгарии и должны ограничиться повторением тех обещаний о сербской Македонии, Кавале и Добрудже, которые были сделаны болгарскому правительству 16/29 мая 1915 г. (см. прим. 6 на стр. 176). Кроме того, Грэй полагал, что державы могли бы заявить, что все их усилия направлены к тому, чтобы сохранить и укрепить равновесие на Балканах, но они считают себя в праве содействовать тем из балканских государств, которые выразили явное желание принять участие в войне в период, когда их сотрудничество представляло наибольшую ценность.

[2]) Перев. с англ.

[3]) По инициативе английского правительства державы Согласия решили предложить Болгарии, в июле 1915 г., в случае объявления ею войны Турции, немедленно оккупировать часть «бесспорной» зоны Македонии; вопрос о другой части ее, а также о «спорной» зоне должен был быть разрешен после заключения мира; кроме того, Болгарии предполагалось передать Фракию до линии Энос—Мидия и Серес и обещалось рассмотреть в благоприятном для нее смысле вопрос

гарией имели бы чрезвычайное значение для обеспечения успеха операций в Дарданеллах, и нужно приложить все усилия, чтобы его гарантировать. Я искренно надеюсь, что ты найдешь для себя возможным уполномочить свое правительство согласиться на предложенные шаги в Нише и Софии и что ты пошлешь письмо принцу-регенту Сербии [1]). Я уверен, что ты согласишься со мной, что чрезвычайно важно для нашего (общего) дела, чтобы союзные силы, оперирующие в районе Проливов, были бы способны закончить эту операцию в наикратчайший срок.

Я полон восхищения перед героическим поведением твоих доблестных войск.

№ 211.

Император Николай II королю Георгу V.

(Телеграмма, переданная через великобританского посла в Петрограде сэра Дж. Бьюкенена 17/30 июля 1915 г.) [2]).

Сердечно благодарю тебя за твою телеграмму. Я вполне признаю необходимость участия Болгарии. Но я не уверен, что мое письмо принцу-регенту Сербии могло бы иметь какой-либо результат. Поэтому я предлагаю, чтобы ты, король Италии, президент Французской республики и я одновременно обратились к нему письменно.

№ 212.

Великобританский посланник в Софии Г. О'Бейрн статс-секретарю по иностранным делам сэру Эд. Грэю [2]).

№ 427. 5 августа 1915 г.

Факт необъявления Италией войны Турции [3]) производит неблагоприятное впечатление здесь. Болгары задаются вопросом, как Италия может настаивать на присоединении Болгарии к операциям против Константинополя, если она сама не принимает никакого участия в этих операциях, и как Италия может ждать, чтобы болгары проливали свою кровь, нападая

о Кавале, в случае отказа ее от притязаний на Салоники, Касторию и Водену. Заявление в этом смысле представителей держав Согласия в Софии было сделано 21 июля/3 августа 1915 г. Одновременно с этим, державами были предприняты шаги в Нише и Афинах.

[1]) По этому поводу 18/31 июля 1915 г. Сазоновым была отправлена Трубецкому высочайшая телеграмма для передачи ее, по получении аналогичных обращений французским, великобританским и итальянским посланниками в Нише, Александру Сербскому. В телеграмме этой Николай II обращался с призывом к сербскому престолонаследнику принести необходимые жертвы для привлечения Болгарии на сторону держав Согласия. По совету Трубецкого, обращение это было передано 28 июля/10 августа не Александру, а королю Петру.

[2]) Перев. с англ.

[3]) Италия объявила войну Турции 8/21 августа 1915 г.

на Турцию для того, чтобы Италия, не вступая даже в войну с Турцией, смогла получить провинцию Адалию.

Несомненно, было бы хорошо, с точки зрения впечатления, которое это произведет на болгарское общественное мнение, чтобы Италия объявила войну, даже, если представляется для нее невозможным послать военно-морскую экспедицию против Турции; ее . . . . . . [1]) будет иметь крупнейшее влияние на позицию Болгарии.

№ 213.

Российский посланник в Софии А. А. Савинский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 498. 30 июля/12 августа 1915 г.

Французский посланник сообщил нам телеграмму из Парижа относительно целесообразности сообщения наших предрешений 21 июля [2]) шефам оппозиционных партий. Зная, что последние знакомы с ними в общих чертах и находят их шагом вперед, мы полагали бы дальнейшее их разглашение несвоевременным, покуда нельзя будет присоединить к ним положительный результат ведущихся ныне переговоров в Нише [3]). Заявление, сделанное английским посланником Радославову на словах в день передачи ноты — мой № 469 [4]). — дает болгарам надежды на благоприятный исход нишских переговоров. Надежда эта была бы разрушена оглашением содержания писанной части нашего предложения, и, таким образом, мы преждевременно ослабили бы здесь наши средства борьбы. Из вчерашнего разговора с Радославовым я убедился, что свой ответ на наши предложения он ставит в зависимость от исхода переговоров в Афинах и, особенно, в Нише и, ранее чем этот исход выяснится, ответа не последует. Возбуждение, вызванное в Греции ша-

---

[1]) В подлиннике пропуск двух слов.

[2]) См. прим. 3 на стр. 285.

[3]) Ответ сербского правительства на предложения держав Согласия был вручен Трубецкому 19 августа/1 сентября 1915 г. Сербия соглашалась признать в принципе осуществление сербо-болгарского договора 1912 г. с некоторыми ограничениями. Взамен этого Сербия требовала: 1) немедленного выступления Болгарии против Турции и оказания ею помощи в деле завоевания Константинополя и Дарданелл; 2) предоставления Сербии Хорватии с Фиумэ и западной части Баната и 3) признания права на самоопределение словенов. Кроме того, Сербия добивалась признания ее равноправия в момент заключения мира и финансовой помощи со стороны союзников во время войны.

[4]) В телеграмме от 22 июля/4 августа 1915 г. за № 469 Савинский сообщает о передаче представителями союзных держав идентичной ноты Радославову и о полученном великобританским посланником предписании заявить частным образом, что «в виду неполучения еще согласия Сербии, в ноте не упоминается об оккупации союзниками до-Вардарской части Македонии, но что, если предложения наши (держав) будут приняты, то они предпримут в Нише самые энергичные шаги».

гом союзников [1]), по его словам, ему скорее на руку; его переговоры с Турцией; как он мне сказал вчера, не имеют надежды на успех [2]). Я вновь советовал ему занять дорогу силою; он сказал, что сделает это, как только дела турок на Дарданеллах ухудшатся. Я указал на опасность для Болгарии явиться со своей помощью слишком поздно.

Савинский.

№ 214.

Российский посол в Риме М. Н. Гирс министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 314. 4/17 августа 1915 г.

Соннино высказал мне личное предположение, нисколько не настаивая на нем, о возможности удовлетворить Болгарию, расширив ее пределы за счет Турции и, может быть, предоставив ей Родосто [3]). Я ответил, как личное мнение, что не допускаю возможности такого исхода, так как Константинополь остался бы беззащитным.

Гирс.

№ 215.

Греческий поверенный в делах в Петрограде Д. Какламанос председателю совета министров Э. Венизелосу.

Шифрованная телеграмма [4]).

11 сентября 1915 г.

Радославов заявил еще вчера, что известие о заключении Болгарией соглашения не точно. Впрочем, Согласие придает этому факту второстепенное значение, в виду того, что оно все больше убеждается, что Болгария не намерена в настоящий момент изменить свою позицию в том или в другом направлении. Итальянский посол полагает, что только решительные результаты в Дарданеллах смогут принудить болгарское правительство к сотрудничеству с Согласием и он не ожидает этого результата ранее полутора месяцев. Посол высказал мысль, что Италия, может быть, будет привлечена к участию в дарданелльских операциях.

---

[1]) Выступление держав Согласия в Афинах об уступке Грецией Кавалы состоялось 21 июля/3 августа 1915 г. и произвело крайне неблагоприятное впечатление на греческое правительство, а также вызвало ряд протестов со стороны греческого населения Македонии. 30 июля/12 августа 1915 г. греческое правительство предъявило официальный протест державам Согласия, ссылаясь на заверения их о территориальной неприкосновенности Греции.

[2]) Болгаро-турецкие переговоры начались 4/17 августа 1915 г.

[3]) Родосто—порт, расположенный на берегу Мраморного моря; во время балканской войны был занят Болгарией.

[4]) Перев. с фр.

V.

Вопрос об использовании Бургаса в качестве базы русским флотом.

22 октября/4 ноября 1914 г.—14/27 августа 1915 г.

№ 216.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов посланнику в Софии А. А. Савинскому.

Телеграмма.

№ 3625. 22 октября/4 ноября 1914 г. (7 ч. 30 м. веч.).

Если б Болгария сохранила нейтралитет, желательно, чтобы она все-же не препятствовала заходу наших судов в Бургасский залив и стоянке их там в пределах времени, согласованных по возможности с нормами, обусловленными международным правом.

Стоянкою в Бургасском заливе наши суда и отдельные части флота могли бы воспользоваться для пополнения своих запасов с наших же транспортов, не прибегая к содействию Болгарии и не имея сношений с берегом.

Сазонов.

№ 217.

Верховный главнокомандующий вел. кн. Николай Николаевич российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 97. 17 февраля/2 марта 1915 г.

Весьма срочно. Весьма секретно.

Признавая крайне необходимым для обеспечения разрешения нашей операции овладения Босфором, чтобы наш флот имел возможность грузиться углем в Бургасе, посему прошу Вас употребить все безусловно возможные средства, дабы заставить Болгарию дать на это свое согласие.

Генерал-адъютант Николай.

№ 218.

Всеподданнейшая записка российского министра иностранных дел С. Д. Сазонова.

Приемлю смелость повергнуть у сего на высочайшее вашего императорского величества благовоззрение записку адмирала Григоровича, с изложением заключений совещания, состоявшегося вчера вечером между морским и военным министрами и мною по вопросу о погрузке нашим флотом угля вблизи Босфора.

Сазонов.

Петроград, 18 февраля/3 марта 1915 года.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II: «Надеюсь морской министр запросил уже мнение командующего черноморским флотом. Теперь минуты дороги». Царское Село, 18 февраля 1915 года.

№ 219.

Записка российского морского министра адм. И. К. Григоровича.

Срочно.
Секретно.

Верховный главнокомандующий признает крайне необходимым для обеспечения нашей операции овладения Босфором заручиться у Болгарии правом пользоваться рейдом Бургас для погрузки угля.

Министр иностранных дел считает, что обращение к Болгарии за разрешением пользоваться Бургасом крайне нежелательно, так как Болгария наверное потребует себе крупных компенсаций и будет настаивать, чтобы ей был отдан г. Родосто или предъявит иные непомерные требования. Несомненно, что наши переговоры с Болгарией были бы длительны и сделались бы вскоре известными неприятелю, что обнаружило бы ему наши планы и затянуло операцию. Поэтому является предпочтительным овладеть Бургасом даже без разрешения Болгарии, а прийти туда с флотом, протралить рейд и на нем расположиться.

Завладение Бургасом является, действительно, очень важным шагом для успеха операций нашего флота. Это совершенно укрытый, очень просторный рейд, находящийся в 100 милях от входа в Босфор.

Другого столь удобного рейда по близости от Босфора не существует, так как другой закрытый рейд, Синоп, находится от него на том же расстоянии, что и Севастополь, а именно в 280 милях.

Все же завладеть бургасским рейдом настолько невыгодно в политическом отношении, что было бы желательно, по возможности, обойтись без него.

Наш флот мог бы, с меньшими, конечно, удобствами, пользоваться, в зависимости от состояния погоды, стоянкой для погрузки угля и укрытия от штормов бухтами Эрегли, Зунгулдак и Инада.

Рейд Эрегли (Пендераклия) находится на Анатолийском берегу, в расстоянии 100 миль к востоку от Босфора; хорошо закрыт с севера, востока, удовлетворительно с юга, но совершенно открыт с запада. Погрузка угля возможна с пароходов или с барж, но для последних мало места в гавани. Баржи приходилось бы приводить из Зунгулдака, находящегося в 30 милях восточнее Эрегли, в 128 милях от Босфора.

Рейд Зунгулдак может доставить стоянку черноморской эскадре при условии, что на нем будут поставлены бочки, при ветрах восточных и южных. Он совершенно открыт с севера и запада. В гавани у мола, имеющего около 150 саженей длины, может стать один корабль и несколько миноносцев. Гавань укрыта от всех ветров. Погрузку угля можно производить, вводя крупные суда в гавань по очереди, или на рейде.

Бухта Инада расположена в 60 милях к северу от Босфора на европейском берегу. Это просторный рейд, закрытый с запада, с севера и с северо-востока и открытый с юга, через восток, до северо-востока. Несколько судов могут укрыться и с востока, если поставить бочки поближе к берегу. Погрузка угля возможна с пароходов и с барж.

По слухам, в Зунгулдаке, а может быть, и в Инаде, поставлено по несколько 6"-орудий. Есть непроверенные агентурные сведения, что в Зунгулдаке имеется до 25.000 войск.

Во всяком случае, перед завладением всеми этими тремя портами необходима рекогносцировка.

Для прочного овладения Эрегли и Зунгулдаком нужно до двух дивизий пехоты с артиллерией, так как можно ожидать подхода туда войск из Константинополя, на что потребуется полторы-две недели.

Возможно временное овладение этими пунктами войсками силою до одной дивизии с тем, чтобы транспорты не уходили, а были на-готове принять обратно войска, в случае подхода превосходных сил неприятеля, удерживая последние артиллерией флота. Овладение это должно тогда иметь вид набега, для отвлечения турецких войск от Проливов.

Инадой можно пользоваться, сняв турецкие батареи огнем флота и не овладевая самым берегом.

Во всяком случае, пока турецкий флот существует, следует во время погрузок угля и при движении наших транспортов с углем, войсками и прочим по морю держать Босфор частью нашего флота в тесной блокаде, дабы устранить опасность от набегов неприятельских судов.

По вопросу о том, что предпочтительнее, занять ли силою Бургас и тем вызвать осложнения с Болгарией, или же занять Зунгулдак, Эрегли и Инаду — было бы желательно запросить мнение командующего черноморским флотом.

Генерал-адъютант Григорович.

18 февраля/3 марта 1915 года.

№ 220.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов морскому министру адм. И. К. Григоровичу.

Письмо [1]).

№ 391. 18 февраля/3 марта 1915 г.

Милостивый государь

Иван Константинович,

Записка вашего высокопревосходительства с изложением заключений совещания, состоявшегося вчера вечером между Вами, военным министром и мною по вопросу о погрузке нашим флотом угля вблизи Босфора, была мною сего числа повергнута на благовоззрение его императорского величества.

Государю императору благоугодно было собственноручно начертать на всеподданнейшей записке моей по сему предмету: «Надеюсь, морской министр запросил уже мнение командующего черноморским флотом. Теперь минуты дороги».

О таковой высочайшей резолюции спешу уведомить ваше высокопревосходительство.

Примите, милостивый государь, уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности.

№ 221.

Командующий морскими силами Черного моря адм. А. А. Эбергард российскому морскому министру адм. И. К. Григоровичу.

Телеграмма.

№ 5380. 19 февраля/4 марта 1915 г.

На 1528 номер [2]).

Ссылаясь на изложенные в Вашей телеграмме 18 февраля соображения министра иностранных дел относительно Бургаса [3]), считаю, что суждение о том, какому способу занятия Бургаса должно отдать предпочтение, принадлежит правительству, от которого зависит также решение нарушить нейтралитет Болгарии. Мне важно знать, допускаются ли военные действия против Болгарии, в случае сопротивления силою (?) против нашего базирования в ее порте. Ожидая решения политической стороны вопроса, считаю долгом отметить, что Бургас, при некоторых своих морских неудобствах и под-

---

[1]) Печатается с копии, имеющейся в деле.

[2]) Телеграмма Григоровича № 1528 в деле отсутствует.

[3]) О соображениях Сазонова относительно Бургаса, см. № 223, стр. 293.

верженный удару неприятельского флота, может, однако, нам служить базою, пункты же Зунгулдак, Эрегли, Инада негодны, и действия против них флота должны иметь лишь демонстративную цель отвлечения турецких войск.

Эбергард.

№ 222.

Всеподданнейшая записка российского морского министра адм. И. К. Григоровича [1]).

Секретно.

Соглашаясь, по совещании с начальником морского генерального штаба, с мнением адмирала Эбергарда относительно того, что вопрос о том, возможно ли занять Бургас и как его занять — силою или путем переговоров — может быть разрешен только правительством, я не согласен с мнением адмирала Эбергарда о том, что серьезные операции против Босфора, опираясь на Эрегли, Зунгулдак и Инаду, невозможны. Вместе с тем, нельзя терять из виду, что вопрос о том, возможна ли данная операция или невозможна, подлежит компетенции того начальника, которому данная операция поручена, а потому приказывать адмиралу Эбергарду делать то, что он не признает возможным исполнить, не представляется допустимым.

Телеграмма адмирала Эбергарда, а равно мнение мое и начальника морского генерального штаба было сообщено мною лично министру иностранных дел, который и доложит вашему императорскому величеству сегодня же свое мнение.

Генерал-адъютант Григорович.
Вице-адмирал Русин.

20 февраля/5 марта 1915 года.

№ 223.

Всеподданнейшая записка российского министра иностранных дел С. Д. Сазонова [2]).

По поводу телеграммы верховного главнокомандующего [3]).

Приемлю смелость всеподданнейше доложить вашему императорскому величеству, что испрошение от болгарского правительства согласия на использование Бургаса, как базы для нашего флота, представляется затруднительным, ибо наше достоинство не позволяет нам подвергнуться возмож-

---

[1]) Печатается с копии, имеющейся в деле.

[2]) Текст этой всеподданнейшей записки, с пометкой Николая II, был передан Сазоновым директору дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего Кудашеву телеграммой от 21 февраля/6 марта 1915 г. за № 965, с просьбой вручить его начальнику штаба для передачи верховному главнокомандующему.

[3]) См. стр. 289.

ности получения от Болгарии даже уклончивого ответа, под предлогом необходимости для нее придерживаться и впредь нейтралитета.

Занятие же Бургаса без предварительного уговора связано с серьезными последствиями, потому что будет истолковано болгарским правительством, как посягательство на его независимость; помимо того, всегда возможные отдельные покушения на наш флот агентов воюющих с нами держав могут повести к пролитию крови и, укрепив неприязненное нам правительство царя Фердинанда, создать во всей стране враждебное нам настроение.

В виду этого осмеливаюсь высказать убеждение, что, при наличности вышеизложенных обстоятельств, было бы предпочтительнее, чтобы адмирал Эбергард нашел возможным грузиться углем в портах Анатолии, где стоянка в Зунгулдаке имела бы и то преимущество, что лишила бы турецкий флот, а также Константинополь единственного источника получения топлива.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II: «Согласен». Царское Село, 20 февраля 1915 г.

№ 224.

Директор дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего кн. Н. А. Кудашев российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 100. 21 февраля/6 марта 1915 г.

Получил телеграмму № 965 [1]). Передал ее содержание начальнику штаба.

С своей стороны покорнейше прошу меня уведомить для доклада штабу, каков срок, допущенный болгарскими правилами нейтралитета для стоянки в болгарских портах военных судов воюющих держав. Это необходимо знать на случай, если малые наши суда, вследствие бури, принуждены будут спрятаться в Бургасе. Быть может, в случае неимения в болгарском законе или декларации нейтралитета точного срока, было бы возможно добиться от болгарского правительства установления срока более продолжительного, нежели обычный, 24-часовой [2]). Это не противоречило бы международному праву и было бы, если не ошибаюсь, согласно с установленной Францией практикой в минувшую японскую войну [3]).

Кудашев.

---

[1]) См. прим. 2 на стр. 293.

[2]) Ст. 12 Гаагской конвенции «О правах и обязанностях нейтральных держав в случае морской войны» от 18/31 октября 1907 г.: «При отсутствии иных особых постановлений в законодательстве нейтральной державы, воспрещается военным судам воюющих оставаться в портах и на рейдах или в территориальных водах этой державы долее 24 часов, за исключением случаев, предусмотренных настоящей конвенцией». (Аварии или состояние моря—ст. 14).

[3]) Вероятно, имеется в виду практика, установленная во время русско-японской войны 1904—1905 г. для стоянки судов второй тихоокеанской эскадры

№ 225.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов посланнику в Софии А. А. Савинскому.

Телеграмма.

№ 992. 22 февраля/7 марта 1915 г.
(7 ч. веч.)

Срочная.

Благоволите срочно сообщить, не спрашивая ни у кого из болгар, имеются ли ныне специальные узаконения относительно стоянки военных судов в болгарских портах.

Сазонов.

№ 226.

Российский посланник в Софии А. А. Савинский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 115. 22 февраля/7 марта 1915 г.

Срочная.

Получил Ваш № 992.

По имеющимся у меня сведениям, никаких специальных узаконений относительно стоянки военных судов в болгарских портах со времени войны не последовало. В начале войны с Турцией в Варне и Бургасе были заложены в небольшом количестве мины [1]).

Савинский.

№ 227.

Отзыв юрисконсультской части российского министерства иностранных дел.

Статья 15-я 13-й Гаагской конвенции 1907 г. (о правах и обязанностях нейтральных держав в случае морской войны) гласит: «При отсутствии иных особых правил в законодательстве нейтральной державы, наибольшее

у остр. Носси-бе (вблизи Мадагаскара) и в Камранге (Индо-Китай). Хотя французское правительство во втором случае и протестовало против действий адм. Рождественского, однако, протест этот представлялся условным и, уходя на день в открытое море, к вечеру 2-ая тихоокеанская эскадра возвращалась на стоянку в бухту Камранг или в одну из соседних бухт. Благодаря такому благожелательному отношению французских властей, адм. Рождественский мог оставаться в Камранге в течение 1½ месяцев, в ожидании прихода 3-ей эскадры адмирала Небогатова.

[1]) См. телеграмму Савинского от 9/22 сентября 1914 г., № 273, стр. 239.

числю военных судов воюющего, могущих находиться одновременно в одном из его портов или рейдов, будет равняться трем».

Гаагские конвенции 1907 г. подписаны Болгарией, но не ратификованы. Сведения о ратификациях имеются в юрисконсультской части, сроком по 2-е декабря 1914 года. Так как Болгария ни одной конвенции Гаагской 1907 года, в том числе и 13-й, не ратификовала, то соблюдение их для нее необязательно и поэтому и для нас по отношению к Болгарии.

Петроград, 22 февраля/7 марта 1915 г.

№ 228.

Директор дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего кн. Н. А. Кудашев российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 103. 23 февраля/8 марта 1915 г.

Срочно.

Получил Ваш № 965 [1]). Ссылаюсь на мой № 100 [2]).

Великий князь лично поручил мне передать вашему высокопревосходительству: Примиряясь с невозможностью пользоваться Бургасом, как базой для нашего военного флота, его императорское высочество считает необходимым, по крайней мере, обеспечить за нашими судами возможность грузиться в названном порте углем, что вполне возможно, в виду предусмотренного международным правом 24-часового срока стоянки в нейтральном порте судов воюющих держав [3]). В этих видах великий князь полагал бы желательным ныне же предупредить болгарское правительство, что мы намерены воспользоваться предоставленным нам несомненным правом и рассчитываем на корректное отношение к нам болгар. Всякая их отговорка, например, ссылка на существование минного заграждения и на лоцманов для ввода судна в порт, будет сочтена нами за недружелюбный акт, который будет нами учтен впоследствии. Великий князь придает решающее значение вопросу о пользовании Бургасом, хотя бы только в строгих рамках Гаагской конвенции, для успешного действия нашего флота у Босфора. По мнению здешнего морского управления, пользоваться для нагрузки Зунгулдаком невозможно: порт этот, несомненно, минирован и укреплен.

Кудашев.

---

[1]) См. прим. 2 на стр. 293.

[2]) См. стр. 294.

[3]) См. прим. 2 на стр. 294.

№ 229.

Российский посланник в Софии А. А. Савинский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 121. 28 февраля/13 марта 1915 г.

Совершенно лично.

Ваша телеграмма № 992 [1]) заставляет предполагать, что у нас, по всей вероятности, обсуждается вопрос десанта в Константинополе. Я долго колебался и не решался высказаться по собственной инициативе по этому важнейшему вопросу, который, может быть, Вам угодно, по вполне понятным причинам, хранить в полнейшей тайне. Я надеюсь, однако, что Вы не осудите меня, если я выскажу некоторые соображения с чисто-местной точки зрения. Если вопрос десанта действительно обсуждается и если бы сей последний по тем или другим причинам нельзя было произвести на побережьи у самого Константинополя, и решено было бы воспользоваться болгарскими портами, то наиболее целесообразным приемом был бы не дипломатический шаг перед правительством для получения его согласия, а личное обращение государя императора к королю и народу болгарскому телеграммой с возвещением, что нужды и интересы славянства потребовали принятия такой-то меры, которая не может не вселить в сердца всех болгар и у их государя сердечного отклика, что вся будущность Болгарии решается в данную минуту и что Россия, верная своим заветам и традициям, позаботится о младшей сестре, которая должна отнестись к ней в этот решительный момент с полным доверием. Скрытое [2]) обращение в такой форме увлечет весь народ; ни король, ни правительство не будут в состоянии противостоять. Для наиболее верного успеха было бы все-таки полезно подготовить общественное мнение внутри страны, и в этом деле мог бы оказать большую услугу экзарх. Пользуясь огромной популярностью, экзарх выступает открыто лишь в редких, особо важных случаях, почему его выступления производят всегда в народе большое впечатление, как то было с его посланием против унии. Не говоря ни о каких решительно конкретных мероприятиях, экзарх мог бы лишь призвать народ к тесному единению с великой Россией в важнейший момент, когда решается судьба славянства вообще и Болгарии в частности. Обращение государя императора к народу болгарскому несколько дней после такого послания, в которое, смею утверждать, экзарх положит всю свою душу и всю свою преданность родине, не может не произвести должного впечатления. Если бы десант был решен на константинопольском побережьи, а в болгарские порты предполагался бы только заход наших военных судов, то и в таком случае вышеуказанный прием, мне кажется, обеспечивал бы полный успех нашего начинания [3]).

Савинский.

[1]) См. стр. 295.

[2]) Открытое?

[3]) На подлиннике имеется пометка карандашем:

«Записка для министра от 2-го марта 1915 г.: «Вопрос, возбужденный посланником в Софии в телеграмме от 28 февраля за № 121 о личном обращении его

№ 230.

Российский посланник в Софии А. А. Савинский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 122. 28 февраля/13 марта 1915 г.

Ссылаюсь на Вашу телеграмму № 992 [1]).

Если условия плавания по Черному морю позволяют, то не считали ли бы ваше высокопревосходительство целесообразным заход в болгарский порт нашего торгового судна под каким-нибудь предлогом, например, для нагрузки той медной руды, которую, согласно телеграмме товарища министра № 1033 [2]), наше военное министерство решило приобрести. Морским офицерам и техникам, которые могли бы находиться на таком судне, было бы легко путем разговоров с пилотами и личного наведения [справок] ознакомиться со всеми необходимыми подробностями. Конечно, им должна была бы быть предписана величайшая осторожность.

Савинский.

№ 231.

Начальник штаба верховного главнокомандующего ген. Н. Н. Янушкевич министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Письмо.

№ 367. 6/19 марта 1915 г.

С. секретно.

Милостивый государь, Сергей Дмитриевич!

Адмирал Эбергард представил свои соображения об условиях совершения десантной экспедиции у Босфора, из коих безусловно вытекает заключение о невозможности выполнить эту операцию, не базируясь на Бургас. Боевые свойства нашего черноморского флота и условия плавания в этом море, при удалении нашей постоянной базы флота—Севастополя—от Бос-

---

императорского величества к царю Фердинанду, казалось бы, не требует движения». Нератов.

На подлиннике собственною его величества рукою начертано: «Верно». 4 марта 1915 г.

[1]) См. стр. 295.

[2]) Телеграммой от 18 февраля/3 марта 1915 г. за № 103, Савинский предлагал российскому правительству принять срочные меры по закупке медной руды в Болгарии, чтобы она не попала в руки Германии. В ответ на это Нератов телеграммой от 24 февраля/9 марта 1915 г., № 1033, сообщил, что русское военное ведомство считает закупку руды вопросом неотложной важности, и предложил Савинскому приступить к закупке совместно с французским и английским посланниками.

фора на 300 миль, требуют совершения всей десантной экспедиции в 3—4 дня, что невозможно. Базирование же на Бургас, удаленный от места высадки лишь на 100 миль, облегчает эту операцию и делает ее вполне возможной.

Так как участие России в столь важной исторической задаче, как освобождение Константинополя от мусульманского ига, является для нас безусловно необходимым, то желательно изыскать все способы для облегчения этой операции.

По докладе верховным главнокомандующим его императорскому величеству вышеприведенных соображений, государю императору благоугодно было указать на необходимость вновь обсудить вопрос о Бургасе. Его величество находит крайне желательным поставить вопрос нашим союзникам, что, так как они признают необходимым наше одновременное содействие в овладении Босфором и Константинополем, то как бы они посмотрели на занятие нами Бургаса, как промежуточной базы для флота и десанта, даже вопреки согласию Болгарии [1]). В этом отношении мы бы могли действовать лишь в согласии с нашими союзниками, т.-е. при совместном дипломатическом выступлении. Скорейшее выяснение точки зрения союзных правительств на этот вопрос крайне необходимо, дабы не задержать развивающегося успеха союзников.

Сегодняшние агентские телеграммы о решении болгарского коронного совета [2]) дают основание думать, что обстановка изменяется в нашу пользу и задача занятия Бургаса как бы облегчается. Благоволите не отказать поставить меня в известность о последующем для доклада его императорскому высочеству.

Прошу принять уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности.

Янушкевич.

№ 232.

Директор дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего кн. Н. А. Кудашев начальнику штаба ген. Н. Н. Янушкевичу.

Телеграмма.

№ 1257 [3]). Петроград, 7/20 марта 1915 г.

Исполнил поручение. Министр сегодня же обсудит вопрос с французским и английским послами. Последние, несомненно, запросят свои правительства, ранее получения ответа коих никакое решение принято быть не мо-

---

[1]) Но без всякого вооруженного с нею столкновения. (Прим. подлинника).

[2]) Янушкевич, вероятно, имеет в виду сведения, переданные П. Т. А. из румынских источников, о коронном совете в Софии, на котором, по газетным известиям, обсуждался вопрос о вступлении Болгарии в войну на стороне держав Согласия в связи с возможностью прорыва союзного флота через Дарданеллы.

[3]) Кудашев пользуется нумерацией исходящих телеграмм министерства иностранных дел.

жет. Настроение в правительственных кругах Болгарии за последнее время, действительно, начало изменяться в нашу пользу, в значительной степени под влиянием благоприятных событий в Дарданеллах. Министр только надеется, что последние неудачи союзников не отзовутся на переговорах с Болгарией о Бургасе, если бы наши союзники согласились на таковые переговоры. В виду затяжного характера операций в Проливах, мы, во всяком случае, сможем выждать благоприятный момент для совместного выступления в Софии.

Кудашев.

№ 233.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов директору дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего кн. Н. А. Кудашеву.

Телеграмма.

№ 1318. 10/23 марта 1915 г.

Благоволите передать начальнику штаба для доклада верховному главнокомандующему нижеследующий текст памятной записки, только что переданной мне великобританским послом:

«Сэр Эдуард Грэй полагает, что занятие Бургаса без согласия Болгарии было бы, в особенности в настоящее время, весьма серьезной политической ошибкой, которая даже может повести к гибельным последствиям. Он поэтому поручил великобританскому послу повторить г. Сазонову все возражения правительства его величества против такого образа действий».

Сазонов.

№ 234.

Великобританский посол в Петрограде сэр Дж. Бьюкенен статс-секретарю по иностранным делам сэру Эд. Грэю.

Шифрованная телеграмма [1]).

№ 367. 24 марта 1915 г.

Г. Сазонов искренно благодарит Вас за Ваше согласие на предложенный им образ действий по отношению к Румынии [2]). Он очень рад, что ваше превосходительство столь решительно высказались по поводу насильственного нарушения болгарского нейтралитета, так как это усилило его позицию в отказе на просьбу военных властей о занятии... Мысль эта, как мне известно, теперь оставлена.

---

[1]) Перев. с англ.

[2]) Имеется в виду согласие Грэя на предложенное Сазоновым выступление в Букаресте о «недопустимости продолжающейся контрабанды через Румынию в Турцию» (телеграмма Сазонова от 5/18 марта 1915 г., № 1233).

№ 235.

Начальник штаба верховного главнокомандующего ген. Н. Н. Янушкевич российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 133. 11/24 марта 1915 г.

Верховный главнокомандующий поручил мне передать вашему высокопревосходительству, что вполне соглашается с мнением сэра Э. Грэя [1]), что и полагал бы довести до его сведения. Соответствующие распоряжения сделаны.

Янушкевич.

№ 236.

Болгарский посланник в Петрограде М. Маджаров председателю совета министров и министру иностранных дел В. Радославову.

Шифрованная телеграмма [2]).

№ 254. 11/24 марта 1915 г.

Через несколько времени, быть может, начнется бомбардировка Босфора с целью форсировать пролив со стороны Черного моря. Если какое-либо русское судно зайдет в Бургас, чтобы запастись углем, и, вследствие дальности расстояния и дурной погоды, не успеет сделать это в срок и согласно правилам, предусмотренным международной конференцией, то это обстоятельство произведет сильное впечатление и будет сочтено за наше вмешательство в войну.

Вследствие вышеизложенного, было бы очень желательно узнать, по возможности скорее, мнение болгарского правительства по этому поводу.

Прошу иметь в виду то, что было сделано нейтральной Россией во время нашей войны против Турции [3]).

№ 237.

Советник II политического отдела российского министерства иностранных дел К. Н. Гулькевич директору дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего кн. Н. А. Кудашеву.

Телеграмма.

№ 86. 14/27 марта 1915 г.

Содержание телеграммы № 133 начальника штаба доведено до сведения сэра Э. Грэя через великобританского посла.

Гулькевич.

---

[1]) Согласно телеграмме Кудашева от 13/26 марта 1915 г., за № 139, телеграмма ген. Янушкевича № 133 является ответом на телеграмму Сазонова № 1318.

[2]) Перевод с болгарского, сделанный в министерстве иностранных дел.

[3]) Во время 2-ой балканской войны болгарский флот укрылся в Севастополе и, благодаря этому, не был захвачен неприятелем.

№ 238.

Великобританский посол в Петрограде сэр Дж. Бьюкенен статс-секретарю по иностранным делам сэру Эд. Грэю.

Шифрованная телеграмма [1]).

№ 388. 28 марта 1915 г.

Согласно памятной записке российского правительства, великий князь Николай всецело разделяет наши возражения политического характера против занятия Бургаса без согласия на то Болгарии, и им сделаны соответствующие распоряжения.

№ 239.

Российский посланник в Афинах Э. П. Демидов министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [2]).

№ 114. 21 марта/3 апреля 1915 г.

Срочно.

Копия в Париж и Лондон.

Английский военный агент, вернувшись из Египта и Лемноса, объяснил моим двум коллегам и мне, что из всех планов десанта высадка в Дедеагаче представляет самые благоприятные условия и позволит избежать десанта на Галлиполийском полуострове, который натолкнулся бы на грозную по своей организации оборону. Поэтому, по его мнению, следует обратиться к Болгарии за разрешением на пропуск 150.000 англо-французов, число которых может быть доведено до 250.000 человек, для совместных действий с русскими войсками, которые высадятся со своей стороны. Так как положение было представлено нам крайне серьезным с военной точки зрения и в виду того, что недавнее нападение болгарских комитаджиев на Сербию [3]) является признаком опасного политического положения,—мы склонны думать, что Тройственное Согласие должно было бы действовать в Софии с наибольшей твердостью, заявив, в случае надобности, о своем решении считать отказ или предложение неприемлемых условий за акт недружелюбия. Это выступление представляется нам тем более неотложным, что перерыв, хотя бы временный, дарданелльских операций произвел бы здесь неблагоприятное впечатление, которое было бы использовано нашими противниками; в случае же принятия Болгарией наших требований, греческое правительство сочтет себя вынужденным выполнить свои обещания и оказать нам поддержку в Малой Азии. Мои два коллеги посылают тождественные телеграммы своим правительствам.

Демидов.

---

[1]) Перев. с англ.

[2]) Перев. с фр.

[3]) См. прим. 1 на стр. 224.

№ 240.

Великобританский статс-секретарь по иностранным делам сэр Эд. Грэй послу в Петрограде сэру Дж. Бьюкенену.

Шифрованная телеграмма [1].

№ 554. 9 апреля 1915 г.

Прошу уведомить министра иностранных дел, что правительство его величества твердо держится своей точки зрения о том, что не следует нарушать болгарский нейтралитет.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II (черта и две точки).

№ 241.

Российский посланник в Софии А. А. Савинский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 198. 27 марта/9 апреля 1915 г.

Лично.

Сегодня, после некоторого перерыва, снова долго беседовал с Радославовым. На его замечание, что он только ждет удобного момента, чтобы выступить с Россией, и что он полагает, что помощь Болгарии будет иметь свое значение даже после падения Константинополя, я сказал, что, по моему мнению, она рискует упустить психологический момент, навлекает своею нерешительностью неудовольствие и недоверие союзников и переоценивает важность той помощи, которая может быть оказана Болгарией после того, что все будет кончено. В дальнейшем разговоре он дал мне понять, что был бы рад, если бы болгарам форсировали руку, если бы правительство было поставлено перед совершившимися фактами. Видя, на что он намекает, я спросил его во-первых, что бы ответило болгарское правительство, если бы ему теперь был поставлен союзниками категорический вопрос—да, или нет; на это он сказал, что он ответил бы: «да»; во-вторых, я спросил, верны ли переданные мне слова его зятя, о которых я телеграфировал за № 180 [2], и соответствуют ли они истине? На это он ответил: «Не нужно двух десантов, довольно одного выхода; так как мы будем уверены, что он не будет нам враждебен, то мы его и примем охотно и тогда решим детали». Установив совершенно определенно, что у меня не только нет указаний императорского правительства, но что я не знаю даже, обсуждался ли им вопрос десанта, я воспользовался, однако, оборотом, принятым нашим разговором, чтобы спросить его мнение

---

[1]) Перев. с англ.

[2]) В телеграмме от 20 марта/2 апреля 1915 г., за № 180, Савинский сообщает, что, по полученным им сведениям, зять Радославова открыто заявил, что Болгария не протестовала бы против высадки русских войск в Бургасе и англо-французских— в Дедеагаче. На подлиннике этой телеграммы имеется пометка Николая II: «Следовало бы проверить».

насчет формы, в которую, с местной точки зрения, лучше всего было бы облечь решение высадки, если ход событий заставит его принять. Не колеблясь, он указал на обращение королю, отметив, что таковое избавит в глазах последнего от всякого упрека правительство, задача которого, в свою очередь, будет таким образом облегчена. По поводу недавних аудиенций оппозиционных шефов [1]) он сказал, что королю было интересно узнать их мнение и что весьма возможно обновление кабинета в ближайшем будущем, на что я заметил, что коалиционный кабинет в такую важную минуту внушал бы более доверия и стране, и за границей. Хотя словам Радославова и нельзя придавать полного значения, однако, мне кажется, что на этот раз они являются отражением действительного настроения, которое ожидает с нашей стороны решительного, но не задевающего его самолюбия шага.

Савинский.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II: «К докладу». Царское Село, 29 марта 1915 г.

№ 242.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 207. 28 марта/10 апреля 1915 г.

Копия в Лондон.

Получил Ваши телеграммы №№ 1561 [2]) и 1562 [3]).

Делькассэ получил вчера от Палеолога текст ноты, которую Вы предлагаете вручить болгарскому правительству от имени трех держав [4]). Вполне

---

[1]) В марте 1915 г., после взятия Перемышля русскими войсками, в болгарских правительственных кругах наметился сдвиг в пользу России. В связи с этим Радославов принял шефов оппозиционных партий народного собрания, а Фердинанд имел беседу с наиболее крупным представителем руссофильского течения в Болгарии Малиновым. В беседе с ним король подчеркнул чрезвычайную трудность своего положения и спросил, «какими средствами можно было бы произвести перемену политики». Малинов посоветовал вступить, как можно скорее, в конкретные переговоры с державами Тройственного Согласия.

[2]) Телеграммой за № 1561 от 25 марта/7 апреля 1915 г. Сазонов сообщает Извольскому и Бенкендорфу, что он принял предложение Грэя «пригласить болгарское правительство высказаться окончательно, согласно ли оно присоединиться к союзным державам на условиях получения Македонии в границах 1912 г. с Монастырем включительно, а также Фракии до линии Энос—Мидия». Вместе с тем Сазонов считает необходимым заявить болгарскому правительству, что оно может рассчитывать на благожелательное отношение союзников только в том случае, если им будут приняты немедленно меры к прекращению действий комитаджиев. (См. также памятную записку великобританского посольства от 8 апреля 1915 г., стр. 273).

[3]) В телеграмме от 25 марта/7 апреля 1915 г., за № 1562, Сазонов просит Савинского не предпринимать никаких шагов в связи с телеграммой № 1561 (см. прим. 2).

[4]) Имеется в виду проект заявления болгарскому правительству, переданный Сазоновым Палеологу 27 марта/9 апреля 1915 г. и сообщенный Извольскому

разделяя Вашу мысль о необходимости ныне же серьезно предостеречь Болгарию против дальнейшего потворства покушениям македонских банд, он готов принять Ваше предложение с некоторыми редакционными поправками, а именно: ему кажется, что предложенные Вами советы, с одной стороны, содержат некоторые выражения, могущие показаться в Софии обидными [1]), а с другой—лишены надлежащей твердости. По его мнению, следует категорически предупредить болгарское правительство, что всякое нападение на Сербию будет сочтено союзниками, как нападение на них самих. В виду (только-что) полученного им из Лондона известия, что Асквит продолжает настаивать на том, что следует начать с сообщения, изложенного в Вашей телеграмме № 1561, Делькассэ высказал мне вышеизложенное лишь в виде личного мнения и будет ожидать Вашего дальнейшего отзыва. Он сказал мне, между прочим, что из Софии ему телеграфируют, что во многих болгарских кругах убеждены, что лишь появление русских войск может положить конец настоящему положению (в Болгарии) и что высадка в Варне одной русской дивизии тотчас вызовет перемену правительства и всеобщее движение в пользу кооперации с союзниками.

Извольский.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II: «Я склоняюсь к мнению Делькассэ». Царское Село, 30 марта 1915 г.

№ 243.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 212. 30 марта/12 апреля 1915 г.

Копия в Лондон.

Получил Ваши телеграммы №№ 1621 [2]) и 1625 [3]).

Сообщил их содержание Делькассэ, который был уже знаком с текстом Вашего предложения через Палеолога. Подтвердив мне соображения, высказанные им третьего дня и изложенные в моей телеграмме № 207, он прочел мне телеграмму из Софии, в которой французский посланник сообщает, что в Болгарии все более и более берет верх течение в пользу коопера-

---

и Бенкендорфу телеграммой от 29 марта/11 апреля 1915 г. за № 1625. В измененном виде проект этот был сообщен Савинскому телеграммой от 1/14 апреля 1915 г. за № 1666 (См. прим. 1 на стр. 224).

[1]) Повидимому, Делькассэ имеет в виду следующую фразу проекта заявления: «Болгарскому народу грозит опасность, что его вовлекут, без его ведома и против его воли, в конфликт, последствия которого могут быть для него столь же гибельны, как и последствия катастрофы 1913 г.» (перевод с французского).

[2]) В телеграмме от 29 марта/11 апреля 1915 г., № 1621, Сазонов высказывает свои соображения Извольскому и Бенкендорфу по поводу предполагаемого заявления болгарскому правительству.

[3]) См. прим. 4 на стр. 304.

ции с державами Согласия, что король Фердинанд все еще колеблется, ожидая исхода операций против Дарданелл и Константинополя, но что Радославов не скрывает qu'il serait content d'avoir la main forcée [1]. При таких условиях, Панафье высказывает мнение, что следовало бы, не теряя времени, сделать болгарскому правительству заявление, предложенное Асквитом; в случае же неполучения удовлетворительного ответа, государь император мог бы обратиться к королю Фердинанду с телеграммой, предупреждающей его о предстоящей высадке в Бургасе русских войск, появление коих тотчас положит конец колебаниям Болгарии. Одновременно с этой высадкой, англо-французские войска могли бы высадиться в Дедеагаче. Предполагая, что Савинский телеграфировал Вам в том же смысле, Делькассэ, прежде нежели окончательно высказаться о предложенном Вами тексте сообщения, будет ожидать дальнейших Ваших решений. На мой вопрос, что он думает о телеграмме Панафье, он ответил, что, лично, высказанные в ней соображения кажутся ему вполне убедительными, но, что, разумеется, в этом вопросе компетентна главным образом Россия, к решению коей он заранее готов присоединиться.

Извольский.

№ 244.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [2].

№ 244 1/14 апреля 1915 г.

Копия в Париж.

Получил телеграммы №№ 1621 [3] и 1625 [4].

Когда я пришел к Грэю переговорить с ним об этих телеграммах, Никольсон сказал мне, что Грэй уже ответил по этому поводу Бьюкенену и телеграфировал в том же смысле в Париж. Грэй принимает, за исключением небольших изменений, формулу, предложенную Вами, для выступления в Софии, но полагает необходимым к ней прибавить, что, в случае активного выступления болгарского правительства, три державы примут в соображение национальные стремления Болгарии. Грэй тем более настаивает на нежелательности пренебрегать этим выступлением, что, по его сведениям, за последнее время настроение болгар улучшилось. К тому же он убежден в необходимости подчеркнуть важность событий на Струмице [5]. Никольсон добавил, что английское правительство было бы решительно против проекта нарушающей нейтралитет высадки наших войск в Бургасе, даже если бы эта крайняя мера принудила болгарское правительство к выступлению. Грэй сказал, что

---

[1] «Что он был бы доволен, если бы у него вырвали решение».
[2] Перев. с фр.
[3] См. прим. 2 на стр. 305.
[4] См. прим. 4 на стр. 304.
[5] См. прим. 1 на стр. 224.

английское правительство было бы поставлено в противоречие с принятой им позицией по отношению к нарушению бельгийского нейтралитета, что он считает невозможным. Никольсон сказал мне, что Грэй сильно надеется, что мы не примем этот проект.

Бенкендорф.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II: «Бургас нужен, как последний наш этап к Босфору, а вовсе не для десанта».

№ 245.

Командующий морскими силами Черного моря адм. А. А. Эбергард российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 5996. 23 апреля/6 мая 1915 г.

Записка (sic!)

Копия в Ставку, генералу Янушкевичу.

Для выработки плана операций на ближайшее время, целью которых ставится оказание самой энергичной помощи союзникам при их операции у Дарданелл, мне крайне необходимо знать, можно ли рассчитывать на право использовать Бургас, как базу. Вследствие того, прошу ваше высокопревосходительство уведомить меня о настоящем положении этого вопроса.

Адмирал Эбергард.

№ 246.

Директор дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего кн. Н. А. Кудашев российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 223. 23 апреля/6 мая 1915 г.

Ссылаюсь на телеграмму адмирала Эбергарда № 5996 касательно желательности использования Бургаса, как базы для нашего флота.

Начальник штаба просит выяснить настоящее положение этого вопроса. Прошу уведомить, нет ли чего-либо в нем нового.

Кудашев.

№ 247.

Советник II политического отдела российского министерства иностранных дел К. Н. Гулькевич директору дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего кн. Н. А. Кудашеву.

Телеграмма.

№ 165. 24 апреля/7 мая 1915 г.

Получил Вашу телеграмму № 223.

Никакого еще изменения в положении не произошло.

Гулькевич.

№ 248.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов командующему морскими силами Черного моря адм. А. А. Эбергарду.

Телеграмма.

№ 2105. 24 апреля/7 мая 1915 г. (2 ч. 30 м. дня).

Сообщается директору дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего.

Ваша телеграмма № 5996 получена.

Никаких событий не произошло за последнее время, которые позволили бы считать положение в отношении Бургаса изменившимся. В виду этого еще не представляется возможным использовать Бургас, как базу.

Сазонов.

№ 249.

Германский посланник в Афинах гр. В. Мирбах статс-секретарю по иностранным делам Г. ф.-Ягову.

Шифрованная телеграмма [1]).

26 июня 1915 г,

Из достоверного источника.

Греческий посланник в Петрограде телеграфирует.... [2]) июня следующее:

«Россия еще не отказалась от плана высадки на болгарской территории. В случае присоединения Румынии к Согласию, очень вероятен проход через Румынию в Болгарию».

№ 250.

Российский посланник в Софии А. А. Савинский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 371. 18 июня/1 июля 1915 г.

Совершенно лично.

Военный агент получил от генерала Каульбарса из Одессы весьма секретную телеграмму с просьбой дать сведения о путях сообщения между Бургасом и Константинополем, так как ему поручена подготовительная работа по десанту. Считаю долгом совершенно секретно доложить Вам о сем на случай, если бы явилась мысль поручить и самую десантную операцию Каульбарсу, одно имя которого слишком непопулярно в Болгарии [3]).

Савинский.

---

[1]) Перев. с немецк.

[2]) В подлиннике пропуск одного слова.

[3]) Ген. Каульбарс занимал должность военного министра княжества болгарского в 1882—1883 г.г.

№ 251.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов начальнику штаба верховного главнокомандующего ген. Н. Н. Янушкевичу.

Письмо [1]).

№ 699. 20 июня/3 июля 1915 г.

Согласно полученному мною от посланника нашего в Софии доверительному известию, генерал Каульбарс по телеграфу обратился из России к военному агенту в Болгарии с секретным запросом дать сведения о путях сообщения между Бургасом и Константинополем, в виду поручения ему подготовительных работ по десанту.

Вследствие сего почитаю долгом привлечь особенное внимание вашего высокопревосходительства на то обстоятельство, что телеграмма, исходящая от барона Каульбарса, который, по словам д. с. с. Савинского, в высшей степени непопулярен в Болгарии, может возбудить усиленное подозрение заинтересованных болгарских военных и правительственных лиц. Таким путем легко может быть обнаружено содержание телеграмм названного генерала и намерение наше воспользоваться болгарской территорией для военных операций, тогда как в то же время мы и болгары находимся еще на пути длительных переговоров с целью сдвинуть Болгарию с занимаемой ею позиции.

Передавая Вам сказанные соображения в силу необходимости предотвратить впечатление на болгар, могущее послужить во вред нашим переговорам, имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство не отказать уведомить меня о последующем.

Сазонов.

№ 252.

Российский посланник в Софии А. А. Савинский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 405. 2/15 июля 1915 г.

Первого июля в длинном разговоре с Радославовым я постарался разбить мысль, что столь раздуваемая немцами «победа» в Галиции ничего не стоит, что красноречиво доказывается в появляющихся все чаще и чаще — и уже официально — известиях о желании немцев не расширять свои владения, а лишь заключить почетный мир на основе «status quo ante bellum». Я процитировал ему официальное сообщение, появившееся в «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» по поводу манифеста немецких социалистов, и интервью австрийского наследника с д-ром Рохом в австрийской главной квартире. Затем я еще раз в обоснованном разговоре обратил его внимание на гибельность для Болгарии сближения с немцами в обоих случаях — «их победы или поражения» — и на непопулярность его политики в стране. Попутно я ему указал с недоумением и на появившуюся на днях в официальных «Народных

---

[1]) Печатается с копии, имеющейся в деле.

Правах» длинную статью-программу, явно обличающую симпатии к центральным державам, называющую желание помочь Соглашению [1]) величайшим политическим самоубийством и призывающую в конце Болгарию сохранить нейтралитет. Радославов ответил мне, что в принципе он не хочет войны, но сознает, что есть обстоятельства, перед которыми Болгарии не устоять от вмешательства в вооруженное столкновение. Он напомнил свой разговор в весьма секретном моем письме от 24 сентября 1914 г. о немедленной готовности Болгарии выступить в момент, когда она, с разрешения России, будет в состоянии занять Македонию. Продолжая настаивать на возможности такого разрешения до окончания войны, я тем не менее спросил его, в виде личного осведомления, действительно ли Болгария выступила бы, если бы ей был дан, так сказать, задаток в виде оккупации небольшой македонской территории. «Это нас застало бы врасплох,—сказал Радославов, не оценивая действительного значения моих слов, и добавил,—так как тогда Болгария не могла бы не выступить». В дополнение к моим последним телеграммам, считаю долгом указать, что мысль о выступлении Болгарии при условии «реальных гарантий» высказывается все настойчивее и настойчивее в самых разнообразных слоях. Ясно, если бы было найдено средство привести ее в исполнение..., Болгария не могла бы не решиться на выступление. Начальник генерального штаба, бывший военный министр, Бояджиев, спрашивал на днях у морского агента, когда последует наш десант и где. Когда последний отозвался полным незнанием, то генерал сказал, что берег возле Мидии не удобен, а что лучше всего был бы Бургас, на что Болгария с радостью согласилась, если бы ей были даны те же «реальные гарантии».

Савинский.

№ 253.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

14/27 августа 1915 г. [2]).

Телеграмма за № 4137 [3]) получена.

Делькассэ сказал мне, что он очень сожалеет, что среди союзных войск, долженствующих занять линию Вардара, не будет русского отряда; по его мнению, разделяемому Грэем, было бы весьма желательно, чтобы в занятии участвовали все союзники; ему кажется также, что высадка хотя бы небольшого русского отряда в Бургасе произвела бы благоприятное (впечатление) в Болгарии.

Извольский.

---

[1]) Согласию?

[2]) В подлиннике номер отсутствует.

[3]) Телеграммой от 12/25 августа 1915 г., за № 4137, Сазонов предписывает посланнику в Сербии Трубецкому присоединиться к заявлению великобританского посланника Пашичу о занятии линии Вардара союзными войсками и при этом сообщает, что русский отряд не войдет в состав союзных сил. (См. также т. I, прим. 1 на стр. 336).

VI.

Предложения о перемирии и о сепаратном мире с Турцией

12/25 февраля 1915 г. — 3/16 мая 1917 г.

№ 254.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 91. 12/25 февраля 1915 г.

Копия в Лондон.

Некоторые здешние финансовые деятели, из числа самых почтенных и преданных России, обратили мое внимание на проживающего в Лондоне бывшего советника младотурецкого правительства армянина Гульбенкиана, как на человека, который охотно взялся бы осуществить дело подкупа турецких деятелей с целью вызвать в Константинополе переворот в пользу держав Согласия. Гульбенкиан обладает состоянием в 25 миллионов фунтов и состоит главным акционером нидерландского нефтяного общества. Он состоит в близких отношениях с богатыми соплеменниками в России. Передавшие мне об этом финансовые деятели присовокупляют, что сами они по своему положению не могут завязать переговоры с Гульбенкианом по столь щекотливому делу.

Извольский.

№ 255.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послу в Лондоне гр. А. К. Бенкендорфу.

Телеграмма.

№ 840. 14/27 февраля [1]) 1915 г.

Сообщается в Париж.

Ссылаюсь на телеграмму посла в Париже № 91.

Быть может, великобританское правительство пожелает воспользоваться мыслью французских финансистов. Всякие беспорядки в Константинополе могут только облегчить намеченную цель.

Сазонов.

---

[1]) В подлиннике по ошибке вместо: «февраля» стоит: «декабря».

№ 256.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послам в Париже и Лондоне А. П. Извольскому и гр. А. К. Бенкендорфу.

Телеграмма.

№ 850. 15/28 февраля 1915 г.

Мною выработана, совместно с французским и великобританским послами, программа действий союзных правительств на случай обращения Порты с просьбой о мире под влиянием прорыва союзного флота через Дарданеллы. Союзные правительства ответят, что они не заключат отдельного мира с Турцией, пока Австро-Венгрия и Германия не положат оружия. Союзники согласятся только на перемирие на нижеследующих условиях:

1) Немедленная сдача германских судов.

2) Немедленная выдача всех германских офицеров, унтер-офицеров, солдат, моряков и инженеров на турецкой службе.

3) Немедленное разоружение всех батарей, которые уцелели бы на берегах Дарданелл и Босфора.

4) Немедленное удаление мин, оставшихся в Дарданеллах, Мраморном море и Босфоре.

5) Согласие Порты на стоянку союзных эскадр перед Константинополем.

6) Сдача тех укрепленных пунктов, занятие коих начальниками союзных эскадр было бы сочтено необходимым для безопасности их эскадр и для поддержания порядка в Константинополе.

В случае необходимости, может быть заключено отдельное перемирие и для других театров военных действий [1]).

Сазонов.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II: «5-ое условие лишнее». Ц. С., 18 февраля 1915 г.

№ 257.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 106. 16 февраля/1 марта 1915 г.

Получил Вашу телеграмму № 850.

Делькассэ, не успевший еще обсудить предлагаемую в ней программу действий, сказал мне, что, на первый взгляд, выработанные нами пункты эвентуального перемирия с Турцией не вызывают никаких возражений. Но, по его мнению, необходимо предвидеть еще другие случайности, а именно: весьма возможно, что, когда союзники подойдут к Константинополю, они уже не найдут там турецкого правительства, и тогда может возникнуть во-

---

[1]) Опубликовано в «Разделе Азиатской Турции», стр. 113.

прос о совместной оккупации города и его окрестностей. Это, во всяком случае, положит конец существованию Европейской Турции. Но этим еще не разрешится дальнейшая судьба азиатских владений Турции. Делькассэ думает, что следовало бы заранее сговориться относительно всех этих вопросов. Он высказал мне также сожаление, что до сих пор ему ничего в точности не известно о наших предположениях насчет участия наших морских и сухопутных сил в общих действиях против Проливов и Константинополя [1]).

Извольский.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II: «Весьма возможно», Царское Село, 18 февраля 1915 г.

№ 258.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послам в Париже и Лондоне А. П. Извольскому и гр. А. К. Бенкендорфу.

Телеграмма.

№ 873. 16 февраля/1 марта 1915 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 850.

К указанным в ней 6-ти пунктам считаю необходимым добавить седьмой, следующего содержания: «Немедленное удаление всех оттоманских войск из европейской части Турции, а также вывод их на анатолийском берегу за линию, которая будет указана начальниками союзных войск».

Сазонов.

№ 259.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послам в Париже и Лондоне А. П. Извольскому и гр. А. К. Бенкендорфу.

Телеграмма.

№ 888. 17 февраля/2 марта 1915 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 873.

Прошу Вас не предпринимать никаких шагов по содержанию этой телеграммы.

Сазонов.

№ 260.

Начальник штаба верховного главнокомандующего ген. Н. Н. Янушкевич российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 98. 17 февраля/2 марта 1915 г.

Лично.

Прошу расшифровать лично.

Верховный главнокомандующий, ознакомившись с содержанием Вашей депеши послам в Париже и Лондоне за № 850, повелел мне передать вашему

---

[1]) Опубликовано в «Разделе Азиатской Турции», стр. 114

высокопревосходительству, что по закону заключение перемирия входит в круг прав верховного главнокомандующего—статья 25-я положения о полевом управлении. В силу этого великий князь просит Вас иметь в виду следующее: заключение перемирия будет существенно, если освободит с Кавказа, где сейчас до 150-ти батальонов, от боевых действий с турками значительную часть наших войск. Для уверенности в возможности снять большую часть сил с Кавказа и направить таковые по соглашению с союзниками на Балканский полуостров или на западный фронт нужна достаточная гарантия. Таковой является, по мнению его императорского высочества, по пункту 6-му № 850, сдача чаталджинской укрепленной позиции и тех укрепленных пунктов, занятие коих начальниками союзных эскадр было бы сочтено необходимым для безопасности их эскадр и для поддержания порядка в Константинополе. Кроме того, обезоружение Адрианополя. Перемирие должно касаться и малоазиатского фронта с обезоружения верков Эрзерума и отхода турецких войск к юго-западу от этой крепости [1]). Ожидаю ответа.

Янушкевич.

№ 261.

Всеподданнейшая телеграмма верховного главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича.

№ 8455. 17 февраля/2 марта 1915 г.

Министр иностранных дел сообщил мне текст проекта условий перемирия с Турцией в случае успешного форсирования Дарданелл и Босфора. Я указал ему на те изменения и дополнения, которые считал необходимыми. Условия перемирия должны быть таковы, чтобы они обеспечивали нам во всех отношениях возможность перебросить большую часть кавказской армии для действия против Австрии и Германии, и это последнее может быть сделано, по соглашению с союзниками, в смысле совместной операции в Сербии или, если эпидемии тому воспрепятствуют, действиями со стороны Рагузы или иного пункта Адриатического моря. Со своей стороны считаю, что нам совместно с союзниками следует настаивать на заключении мира с Турцией, так как только подобное решение даст возможность без риска все освободившиеся силы наши и союзников направить против Австрии и Германии. Подобное решение вопроса дает полное основание рассчитывать наискорейшим образом довести всю войну до победоносного конца.

Генерал-адъютант Николай.

№ 262.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов начальнику штаба верховного главнокомандующего ген. Н. Н. Янушкевичу.

Телеграмма.

№ 911. 18 февраля/3 марта 1915 г.
(9 ч. веч.).

Телеграмма моя послам в Париже и Лондоне явилась результатом предварительного обмена мнений между мною и французским и великобри-

---

[1]) В подлиннике фраза плохо расшифрована.

танским послами в Петрограде. Она вызвана была желанием избегнуть разногласия между нами и нашими союзниками, озабоченными не заключать отдельного мира с Турцией, ибо таковой до победы над Германией не будет прочным. К тому же намеченные в общих чертах пункты перемирия столь тяжки, что турки добровольно не согласятся принять их. Источник, из которого исходили слухи о намерении турок обратиться к союзникам [1]), мне не внушает доверия. Если бы вопрос приобрел более серьезное основание, он будет представлен на благоусмотрение верховного главнокомандующего для получения указаний относительно условий, желательных для нас. Сдача чаталджинской позиции и Адрианополя предусмотрена пунктом шестым программы, последнее предложение телеграммы № 850 имело в виду как малоазиатский фронт, так и сирийский.

Сазонов.

№ 263.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 117. 19 февраля/4 марта 1915 г.

Копия Лондон.

Получил Вашу телеграмму № 850.

Делькассэ подтвердил мне сегодня, что он, само собой разумеется, согласен с выработанными Вами 6-ю пунктами условий эвентуального перемирия с турками. Это, однако, по его мнению, не исключает, в случае надобности, введения в перемирие еще других условий сообразно с обстоятельствами [2]).

Извольский.

№ 264.

Российский посланник в Берне В. Р. Бахерахт министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 139. 27 марта/9 апреля 1915 г.

Много толков возбудило в здешней печати присутствие на днях в Женеве проездом бывшего турецкого министра финансов Джавид-бея. В имевшихся у него с некоторыми журналистами свиданиях Джавид, конечно, высказывался крайне оптимистически о положении вещей в Турции и о полной удаче его финансовой миссии в Берлине. По сведениям же французского генерального консула в Женеве, сообщенным здешнему французскому послу, Джавид в интимном кругу находившихся в Женеве младотурок не скрыл

[1]) См. т. I, стр. 237 и сл.

[2]) Ответ Бенкендорфа по тому же поводу см. т. I, XLIV.

будто бы, что берлинский заем не удался и что положение Турции во всех отношениях отчаянное. По этим же сведениям, Джавид, будто бы, ждал, что со стороны Тройственного Согласия кто-нибудь воспользуется его присутствием в Швейцарии, чтобы завязать с ним переговоры. Это последнее известие, воспроизведенное и печатно, Джавид категорически опровергает.

Бахерахт.

№ 265.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послу в Париже А. П. Извольскому.

Телеграмма.

№ 2365. 8/21 мая 1915 г.
(8 ч. 45 м. веч.).

Из доверительного источника узнаю, что австрийский посол в Константинополе телеграфировал своему правительству о каких-то переговорах, которые Джавид-бей, будто бы, вел в Лозанне «с французскими государственными деятелями»; переговоры эти касались, будто бы, между прочим, вопроса о признании отмены капитуляций. Было бы весьма интересно знать, кто были эти «государственные деятели» и о чем они могли совещаться с Джавидом.

Сазонов.

№ 266.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 332. 10/23 мая 1915 г.

Получил Вашу телеграмму № 2365.

Ознакомил с ее содержанием Делькассэ, который сказал мне, что Джавид-бей до проезда своего через Швейцарию дал знать о своем желании встретиться там с кем-либо из состава французского министерства иностранных дел, но что он, Делькассэ, решительно этому воспротивился и что, поэтому, сведения, будто Джавид-бей вел в Швейцарии переговоры с французскими государственными деятелями,—чистейшая выдумка.

Извольский.

№ 267.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 344. 15/28 мая 1915 г.

Делькассэ сказал мне весьма доверительно, что недавняя попытка турок завязать переговоры с французским правительством была на-днях возобновлена, при чем на этот раз она исходила от еще более авторитетного лица.

Как Вам известно, предложение Джавида встретиться в Швейцарии с кем-либо из чинов французского министерства иностранных дел было безусловно отклонено. Ныне Делькассэ, оговорившись, что он твердо намерен довести дело до конца и не допускает иного исхода, кроме совершенного удаления турок из Европы, высказал мнение, что, может быть, следовало бы осторожным образом пойти навстречу этому новому турецкому предложению, хотя бы с целью удостовериться о господствующем в Константинополе настроении. Делькассэ просит меня довести о вышеизложенном до Вашего сведения и осведомиться о том, как Вы отнеслись бы к осуществлению этой мысли.

Извольский.

№ 268.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послу в Париже А. П. Извольскому.

Телеграмма.

№ 2513. 17/30 мая 1915 г.

Сообщается в Лондон.

Ваша телеграмма № 344 получена.

Сожалею, что Делькассэ не счел возможным даже в «весьма доверительном» с Вами разговоре назвать «еще более авторитетное лицо», чем Джавид. При условии, что в предполагаемой беседе с турками им будет объявлено бесповоротное решение союзников предоставить России Константинополь и Проливы с прилегающими островами, я не видел бы препятствий к осторожному ознакомлению с новым турецким предложением.

Сазонов.

№ 269.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [1]).

№ 381. 18/31 мая 1915 г.

Копия в Париж.

Получил Ваши телеграммы №№ 2513, 2522 [2]).

Сообщил Никольсону доверительно содержание телеграммы Извольского № 344 и выдвинутое Вами условие для принятия проекта Делькассэ. Никольсон сказал мне, что он ничего не знает об этом деле и что вполне понимает Ваш ответ.

Бенкендорф.

---

[1]) Перев. с фр.

[2]) Телеграмма № 2522 в деле отсутствует.

№ 270.

Российский посланник в Афинах Э. П. Демидов министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 328. 14/27 августа 1915 г.

Копия в Париж.

Только что прибывший сюда новый французский посланник [1]) уже нескольким лицам успел высказаться в пользу заключения отдельного мира с Турцией. Хотя его слова носили пока частный личный характер, все же можно думать, что они являются отголосками мнения некоторых из французских заведующих [2]) кругов.

Демидов.

№ 271.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 173. 1/14 марта 1916 г.

Получил Вашу телеграмму № 980 [3]).

Переговорил по ее содержанию с Брианом, который сказал мне, что он не придает серьезного значения Шерифу-паше и избегает всяких с ним сношений. Но он подтвердил мне, что за последнее время со стороны нескольких влиятельных лиц, близких к нынешнему турецкому правительству, были действительно сделаны попытки завязать здесь негласные переговоры о сепаратном мире. Попытки эти были им безусловно отклонены. Бриан присовокупил, что, по имеющимся у него сведениям, некоторые турецкие министры были бы готовы устранить Энвера и Талаата и просить о мире и что, если бы союзники полагали пойти навстречу им, по его убеждению, момент для этого вполне благоприятен. Но это, прежде всего, касается интересов России, во-первых, в виду наших военных действий в Азиатской Турции, а во-вторых, потому что при этом будет неминуемо затронут вопрос о Константинополе и Проливах. Поэтому он ни в каком случае не вступит в переговоры с турками, иначе как с нашего ведома и согласия. Навожу справки о настоящем местопребывании Шерифа-паши.

Извольский.

---

[1]) Ж. Гильмэн, вручивший свои верительные грамоты греческому правительству 30 августа 1915 г. О деятельности его см. «Европейские державы и Греция».

[2]) руководящих?

[3]) Телеграммой за № 980 от 25 февраля/9 марта 1916 г. Нератов запросил Бенкендорфа и Извольского, насколько основательны слухи о том, что «Шериф-паша и несколько влиятельных турок готовятся выступить в Лондоне и Париже с негласными предложениями о сепаратном мире с Турцией». В ответной телеграмме от 29 февраля/13 марта 1916 г., за № 111, Бенкендорф сообщил, со слов Никольсона, что Шериф-паша только «передал Грэю информационные сведения относительно положения вещей в Турции».

№ 272.

Российский консул в Ливерпуле К. И. Джакели директору II департамента министерства иностранных дел А. К. Бентковскому.

Телеграмма.

№ 308. 5/18 марта 1916 г.

Телеграфирую послу в Лондоне.

Слышал в местных деловых кругах, будто английские газеты получили внушение усвоить умеренный тон в отзывах о Турции. Слух этот, если он верен, может быть поставлен в связь со слухами о сепаратном мире с Портой.

Джакели.

№ 273.

Румынский посланник в Петрограде К. Диаманди министру иностранных дел Э. Порумбаро.

Шифрованная телеграмма [1].

№ 523. 20 марта 1916 г.

Согласно сведениям дипломатического характера, полученным от одного нейтрального лица в Константинополе, там царит большое волнение. Если положение не улучшится, идея сепаратного мира с Турцией привлечет к себе там сторонников. При обсуждении этого вопроса с г. Сазоновым, до получения этих сведений, он заявил мне, что было бы очень трудно заключить сепаратный мир с Турцией. Несомненно, оппозиция, особенно в России, будет значительной. Насколько я мог судить об этом, державы Согласия не легко примирятся с идеей сепаратного мира с Турцией.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II (черта и две точки).

№ 274.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма [2].

№ 129. 12/25 марта 1916 г.

Ссылаюсь на телеграмму консула в Ливерпуле № 308.

Насколько мне известно, Press Bureau не распространяло в прессе никакого специального извещения по этому вопросу [3]. Может быть, речь идет о запрещении нескольких телеграмм. Никольсон мне повторил, что он относится крайне скептически к слухам о турецких предложениях сепаратного мира, не подтверждаемым ничем более серьезным.

Бенкендорф.

---

[1]) Перев. с фр.

[2]) Перев. с фр.

[3]) В подлиннике: «nouvelle spéciale à ce sujet».

№ 275.

Российский посланник в Берне В. Р. Бахерахт министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 379. 14/27 июня 1916 г.

Мандельштам просит передать [1]: — Узнаю из хорошего источника, что Джавид-бей, находящийся в Берлине, добивается там заключения займа в 300 миллионов марок и посылки в Турцию съестных и военных припасов, а также отправки новых германских войск на кавказский фронт. На случай отказа Джавид грозит, будто бы, заключением сепаратного мира, то-есть прибегает к шантажу, благодаря которому ему удалось уже в марте [2] получить в Берлине большой аванс в счет ежемесячной субсидии, уплачиваемой Германией Турции.

Бахерахт.

№ 276.

Российский посланник в Берне В. Р. Бахерахт министру иностранных дел Б. В. Штюрмеру.

Телеграмма.

№ 442. 16/29 июля 1916 г.

Мандельштам просит передать: «Узнаю от Кемаля Мидхата: Некто Хуссейн Ширин прибыл из Константинополя в Швейцарию с секретной миссией. Согласно сведениям, исходящим от Ширина и дошедшим до Кемаля, в Константинополе господствует огромное возбуждение против немцев. Это анти-немецкое течение проникло уже в комитет, расколовшийся на две партии, при чем во главе сторонников Германии продолжает стоять Энвер, тогда как Талаат представляет оппозицию, старающуюся свалить на Энвера всю вину за грядущую гибель Турции. Не исключена возможность переворота, который сделает Талаата диктатором. Хуссейн Ширин прислан сюда партией Талаата для того, чтобы войти в сношения с турецкой оппозицией. Ширин пока еще к представителям последней не являлся. Тем не менее члены оппозиции уже устроили собрание для обсуждения своего отношения к предложениям, имеющим им быть сделанными и о которых они узнали стороною. Принято решение отказать сторонникам Талаата, продолжающего

---

[1]) В марте месяце 1916 г. б. 1 драгоман российского посольства в Константинополе Мандельштам был командирован в Берн «для осведомления о происходящем в Турции и наблюдения за деятельностью турецких эмиссаров в Швейцарии». Официально ему было присвоено наименование уполномоченного по делам военнопленных (телеграмма Сазонова послам в Париже и Лондоне Извольскому и Бенкендорфу от 13/26 мая, № 1251).

[2]) Переговоры Джавида об авансе совпадали по времени с переговорами, упоминаемыми в четырех предшествующих телеграммах.

быть членом турецкого правительства, не признаваемого оппозицией, в просьбе вести от их имени переговоры с державами Согласия, но от этих держав оппозиция с готовностью примет миссию вступить в доверительные переговоры с Хуссейном Ширином и партией Талаата.

Бахерахт.

№ 277.

Российский посланник в Берне В. Р. Бахерахт министру иностранных дел Б. В. Штюрмеру.

Телеграмма.

№ 510. 13/26 августа 1916 г.

Мандельштам просит передать: Члены турецкой оппозиции в Швейцарии, Кемаль Мидхат и Али (Гаиб), представили нашей, французской и английской миссиям секретный мемуар, содержащий план ниспровержения младотурецкого правительства. План этот предусматривает полное преобразование оппозиционной партии, во главе которой станет временный комитет в Париже. В Женеве будет действовать осведомительный отдел, поддерживающий с Турцией постоянную связь посредством особых тайных курьеров. В Салониках будет организован другой отдел. служащий главным образом агитационным целям. Наконец, план предвидит поднятие открытого восстания в Турции, где, будто-бы, народ и армия только ждут случая свергнуть младотурецкое иго. С этою целью предлагается снаряжение экспедиционного корпуса из турецких эмигрантов и пленных, находящихся в Англии и Франции. Если этому корпусу удастся высадиться, в Турции будет провозглашено временное правительство, с принцем Османской династии во главе, к которому примкнут некоторые сочувствующие оппозиции губернаторы. Утвердившись, это новое правительство поспешило бы заключить мир с державами Согласия. Снаряжение такой экспедиции, а равно создание правильно действующих органов осведомления и пропаганды потребует, конечно, расходов, которые оппозиция, в случае принятия ее плана, возлагает на союзников. Тотчас после обмена мнений с французской и английской миссиями, сообщу их мнение по возбужденным оппозициею вопросам. Покамест считаю долгом почтительнейше обратить внимание министерства на желательность использовать оппозицию, хотя бы только в деле правильной постановки осведомления. Оказывается, что турецкое правительство уже несколько времени тому назад подчинило строжайшему контролю поездки частных лиц из Турции в Швейцарию, вследствие чего получение сведений о турецких делах крайне затруднено. Решаюсь поэтому ходатайствовать о скорейшем отпуске миссии фондов на поездку тайных агентов из Швейцарии в Турцию [1]).

Бахерахт.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II: «С Турцией надо покончить. Во всяком случае в Европе ей больше не место. Поэтому нам входить в сношения с оппозицией не следует». Царская Ставка, 20 августа 1916 г.

---

[1]) Опубликовано в «Разделе Азиатской Турции», стр. 219.

№ 278.

Российский поверенный в делах в Берне А. М. Ону министру иностранных дел П. Н. Милюкову.

Телеграмма.

№ 252. 20 марта/2 апреля 1917 г.

От Мандельштама: Ссылаюсь на Вашу телеграмму № 1106 [1]). Согласно собранным мною сведениям, в Швейцарии в настоящее время нет эмиссара турецкого правительства, которому было бы поручено войти в переговоры о мире с Россией. Что же касается турецкой оппозиции, то, как указано в моем донесении 28 [2]), она охладела к идее соглашения с нами после заявлений бывшего нашего правительства о судьбе Константинополя [3]), а в особенности после ноты держав Согласия президенту Вильсону, содержащей параграф об изгнании турок из Европы [4]). Однако, в последнее время под влиянием падения Багдада [5]), нашего наступления в Персии и разорения страны, признанного самим министром финансов, в рядах оппозиции замечается новый поворот в сторону держав Согласия и высказывается мнение, что если не оправдается надежда на русских социалистов, то туркам нужно будет непременно покончить с нынешним младо-турецким правительством и затем постараться заключить мир на наиболее выгодных условиях.

Ону.

№ 279.

Российский поверенный в делах в Берне А. М. Ону министру иностранных дел П. Н. Милюкову.

Телеграмма.

№ 333. 21 апреля/4 мая 1917 г.

От Мандельштама: Путешествие Талаата-паши в Берлин [6]). Мне сообщают со слов турецкого консула в Цюрихе: Талаат-паша убедил, будто бы, императора Вильгельма в критическом положении турецкой армии в Сирии

---

[1]) Телеграмма Милюкова № 1106 в деле отсутствует.

[2]) Донесение Мандельштама № 28 в деле отсутствует.

[3]) См. т. I, стр. 445.

[4]) В ответной ноте держав Согласия от 28 декабря 1916 г./10 января 1917 г. на мирные предложения Вильсона среди условий, необходимых для всеобщего мира, имеется следующее: «освобождение народов, подчиненных кровавой тирании турок, и изгнание «за пределы Европы» Оттоманской империи, решительно чуждой западной цивилизации».

[5]) Багдад был взят английскими войсками 26 февраля/11 марта 1917 г. Одновременно с этим русский отряд ген. Баратова занял Керманшах и Хамадан на персидской территории. 20 марта/2 апреля английские и русские войска соединились в Кизиль-Рабате.

[6]) В феврале 1917 г. турецкий министр внутренних дел Талаат-паша был назначен великим визирем. Путешествие его в Германию относится к апрелю 1917 г.

и Палестине [1]) и добился от него обещания прислать две пехотные и две артиллерийские германские дивизии. Австрийцы точно так же обещали две дивизии: император, будто бы, согласился, чтобы в турецких частях, жаловавшихся на германское начальство,—моя телеграмма № 312 [2]),—немцы сложили командование и перешли на положение технических советников. По вопросу о Проливах происходили, будто бы, недавно переговоры между русскими социалистами и германским правительством [3]), при чем первые предложили учредить над Константинополем русский контроль, в роде бывшего английского протектората над Египтом. Немцы в этом отказали, но взялись уговорить турок открыть Проливы для одной России. Император вел, будто бы, на эту тему с Талаатом переговоры, который сначала противился этой идее, но потом взялся защищать ее перед комитетом «Единение и Прогресс». По армянскому вопросу Талаат согласился на автономию Армении, но лишь в пределах русско-турецкого акта 1914 года [4]).

Ону.

№ 280.

Российский поверенный в делах в Берне А. М. Ону министру иностранных дел П. Н. Милюкову.

Телеграмма.

№ 335. 21 апреля/4 мая 1917 г.

От Мандельштама: Турецкий посланник в Берне, признавая тяжелое внутреннее положение Турции, заявляет в то же время, что надежды на быстрое заключение сепаратного мира с нами уменьшились, так как Россия пока «в состоянии анархии и не имеет еще окончательного правительства». Селим Фуад надеется зато на фактическое прекращение военных действий на русско-турецком фронте, в виду того, что, во-первых, согласно деклара-

---

[1]) Операции в Сирии и Палестине в марте—апреле 1917 г. были удачными для турок. После успеха при Газе, где турецкому командованию удалось отбить атаки войск ген. Муррея, английский штаб вынужден был приостановить наступление. Тем не менее, положение в мае месяце продолжало оставаться критическим. Германские руководители советовали турецкому командованию сократить линию фронта, оттянув войска от линии Газы. Осенью 1917 г. было решено попытаться прорвать английский фронт в Палестине. Однако, назначенный вместо ген. Муррея командующим английскими силами в этом районе ген. Алленби не дал турецким войскам начать атаку. Перейдя в наступление в октябре 1917 г., он прорвал фронт противника и, преследуя отступающие турецкие войска, 7 ноября занял Газу, 16—Яффу и 8 декабря—Иерусалим. В своих неудачах турецкие генералы обвиняли германских военных руководителей и, главным образом, фельдмаршала ф. Фалькенгайна.

[2]) Телеграммой за № 312 от 12/25 апреля 1917 г. Мандельштам передает Милюкову полученные им от итальянского разведчика сведения о разложении турецкой армии и о сильном недовольстве в Турции германскими военными руководителями.

[3]) Никаких документов, касающихся этих переговоров, в деле, конечно, не имеется.

[4]) См. т. I, стр. 83—84.

ции временного правительства [1]), Россия не преследует более завоевательных целей. Во-вторых, по сведениям германского генерального штаба, дисциплина в русской армии сильно пошатнулась. По словам Селим Фуада, известный член «Единения и Прогресса», ближайший друг Талаата-паши, Измаил-Джамболат-бей, назначен посланником в Стокгольм. Ему поручено следить за развитием русской революции и, «в случае установления в России прочного и сильного правительства», стараться заключить с ним соглашение или предварительный сепаратный мир.

Ону.

№ 281.

Временно-управляющий великобританским министерством иностранных дел, министр блокады лорд Р. Сесиль послу в Петрограде сэру Дж. Бьюкенену.

Шифрованная телеграмма [2]).

№ 928. 10 мая 1917 г.

Из Берна № 352.

Сообщают, что вчера в беседе с представителем германофильской газеты «Berner Tageblatt» здешний турецкий посланник заявил, что Турция вполне готова выполнить русские пожелания в отношении нейтрализации Дарданелл, поскольку эти требования не противоречат ее независимости. Вышесказанное, повидимому, совпадает с тем, что наш военный агент узнал относительно недавнего посещения великим визирем Берлина, когда Талаат, по этим сведениям, высказал мнение, что Россия согласна отказаться от идеи занятия Константинополя и удовлетворилась бы соглашением об открытии Проливов для всех наций.

№ 282.

Российский поверенный в делах в Берне А. М. Ону министру иностранных дел П. Н. Милюкову.

Телеграмма.

№ 361. 3/16 мая 1917 г.

От Мандельштама: Турецкий посланник в Берне в беседах с близкими ему лицами высказывает уверенность, что Россия скоро будет принуждена сговориться со своими врагами, так как, по сведениям германского генерального штаба, анархия в русской армии достигла, будто бы, крайних пределов и солдаты массами покидают фронт. Эти заявления посланника кажутся мне не вполне искренними, так как на ряду с ними он не перестает обсуждать возможность заключения сепаратного мира одной Турции с Россией, против чего, по его словам, не протестовала бы Германия.

Ону.

---

[1]) См. т. I, стр. 476.
[2]) Перев. с англ.

VII.

Предложения и переговоры об оккупации и временном управлении Константинополем

20 февраля/5 марта — 17/30 сентября 1915 г.

№ 283.

Российский посол в Лондоне гр. А. К. Бенкендорф министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 157. 20 февраля/5 марта 1915 г.

Директору петроградского телеграфного агентства Ламкерту: «В разговоре со мной члены правления Рейтера сообщили, что тотчас же после занятия Константинополя союзниками Рейтер откроет там отделение для обслуживания местной и соседней печати. Заведующим будет (там) константинопольский корреспондент Верндль, ожидающий в Афинах результата военных операций. Права «Корбюро» и «Agence de Constantinople» будут считаться бездейственными впредь до пересмотра контрактных отношений после заключения мира. Мои собеседники намекнули, что возможность кооперации нашего агентства для распространения исключительно русских известий в этом районе допустима. Считаю долгом обратить серьезное внимание на то, что раз это дело попадет в руки Рейтера, будет очень трудно монополизировать его впоследствии, что, как я всегда указывал, нам в политическом отношении необходимо упрочить за собой право распространения известий в этом районе, что устранение препятствия в лице «Корбюро» делает настоящий момент вполне подходящим для открытия нами самостоятельных операций и что, помимо политического значения, Константинополь далеко не безвыгодный центр для распространения телеграмм по обилию газетных и торговых абонентов.—Духовецкий».

Бенкендорф.

№ 284.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов директору дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего кн. Н. А. Кудашеву.

Телеграмма.

№ 986. 22 февраля/7 марта 1915 г.
(3 ч. дня).

Прошу Вас представить на утверждение верховного главнокомандующего проект временного, на первых порах, занятия Константинополя, выработанный в министерстве по соглашению с генеральным и морским штабами.

По этому проекту русские войска занимают оба берега Босфора от Черного моря до Ортакейя и Кускунджука включительно, а также части города к югу от Золотого Рога (включая Стамбул и Фанар) и прилегающие предместья.

Французские войска занимают европейский берег Босфора от Ортакейя до Золотого Рога (включая кварталы Таксим, Перу, Галату и Хасской).

Английские войска занимают весь азиатский берег Босфора, начиная от Кускунджука и включая предместья Скутари, Хайдар-Паша, Кади-Кей, Мода, Картал и проч.

Прошу срочно ответить.

Сазонов.

№ 285.

Директор дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего кн. Н. А. Кудашев российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 102. 23 февраля/8 марта 1915 г.

Доложил лично верховному главнокомандующему телеграмму вашего высокопревосходительства № 986. Со стороны его императорского высочества никаких возражений нет на проектируемое Вами временное распределение части Босфора и Константинополя между союзниками.

Кудашев.

№ 286.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 130. 25 февраля/10 марта 1915 г.

Н. Рафалович просит сообщить: Занятие Константинополя союзниками и наша роль в этом должны быть подготовлены не только с военной и

административной, но и с финансовой и экономической стороны. Прежде всего, следует озаботиться о разработке временных мероприятий, которые должны быть введены в действие немедленно, каково бы ни было дальнейшее решение вопроса. Необходимо обеспечить заранее деятельность тех органов, которые занимают важное место в жизни Константинополя и в которых сосредоточены крупные интересы. Таковыми являются, прежде всего, совет оттоманского долга [1]), управление табачной монополией [2]) и оттоманского банка [3]); с деятельностью последнего, как учреждения, выпускающего кредитные билеты, связаны денежное обращение и вся повседневная финансовая жизнь Константинополя. Кроме того, необходимо установить надзор над вражескими учреждениями и секвестр. У немцев для занятия Брюсселя заранее были разработаны соответствующие правила и намечены лица для их применения. Будучи недовольны бельгийским национальным банком, немцы передали печатание кредитных билетов бельгийскому генеральному обществу. С точки зрения русских интересов, следовало бы теперь же взять на себя почин разработки порядка действия вышеупомянутых учреждений и организацию надзора за ними. Только этим путем возможно с первых же шагов занять и в этом отношении подобающее нам место и вместе с тем избежать трений. Принятие нами на себя почина в этих вопросах покажет нашим союзникам, с каким вниманием и с какой заботливостью мы относимся к сложным интересам, сплетающимся в Константинополе. За наисрочными вопросами, связанными с самым фактом занятия Константинополя, последует ряд других, которые либо уже назревают, как то вопрос о Гераклейских копях [4]), либо требуют заблаговременной подготовки и обсуждения, как то (вопрос о беспрепятственно ......) [5]) о других концессиях в Турции и о дальнейшей судьбе оттоманского долга.

Извольский.

---

[1]) Совет оттоманского долга—постоянная международная комиссия иностранных кредиторов Турции, учрежденная 8/20 ноября 1881 г., фактически существовавшая с 1879 г. в силу 18-го протокола Берлинского конгресса. По состоявшемуся между комиссией и оттоманским правительством в 1881 г. соглашению, взамен предоставленных Турции льгот (общая сумма долга была значительно уменьшена), султан передал в распоряжение комиссии доходы с 6 важнейших статей косвенного обложения.

[2]) Управление табачной монополией было основано в 1883 г. группой иностранных банков (Оттоманский банк, австрийский «Kreditanstalt» и германская банкирская фирма «Bleichröder»), с капиталом в 4.000.000 ф. Компании была предоставлена монополия по торговле табаком на 30 лет, на условии уплаты денег совету оттоманского долга ежегодно 750.000 тур. ф. В 1913—14 г.г. права компании были возобновлены, но ежегодный взнос был повышен до 800.000 тур. ф.

[3]) Оттоманский банк образован англо-французской группой с капиталом в 10.000.000 ф. и утвержден фирманом султана в 1863 г. Срок привилегии оттоманского банка истекал в 1925 г. Центральное управление банка помещается в Константинополе.

[4]) См. прим. 1 на стр. 157.

[5]) В подлиннике пропуск 2 слов.

№ 287.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 131. 25 февраля/10 марта 1915 г.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 130.

По имеющимся у меня сведениям, английский и французский директора оттоманского банка, высланные турками, собираются вернуться в Константинополь вместе с десантом. Также поступят, вероятно, и делегаты в совете долга. Таким образом, я опасаюсь, что наши союзники окажутся в чрезвычайно благоприятных условиях по сравнению с нами. Поэтому, сознавая всю трудность предстоящей нам задачи и необходимость для нас играть соответствующую роль во время переходного периода занятия Константинополя союзниками, позволяю себе указать на Рафаловича, как на лицо, на которое могла бы быть возложена подготовка в Париже и Петрограде и который мог бы явиться одним из исполнителей необходимых мероприятий в самом Константинополе, куда он уже предназначался, как русский делегат в совете оттоманского долга. Он готов для этой цели покинуть русско-азиатский банк и ожидает Ваших указаний, хотя для меня отъезд его из Парижа будет весьма чувствительной потерей.

Извольский.

№ 288

Управляющий отделом печати российского министерства иностранных дел Г. А. Нелидов послу в Лондоне гр. А. К. Бенкендорфу.

Телеграмма.

№ 1086. 26 февраля/11 марта 1915 г.

Просим передать Духовецкому: «Выезжайте немедленно в Петроград, чтобы, в случае занятия Константинополя, устроить там отделение агентства. Причиной внезапного отъезда выставляйте личные дела. О получении этой телеграммы сообщите. Буду просить Рейтера выдать Вам 100 фунтов. Ламкерт».

Нелидов.

№ 289.

Памятная записка французского посольства в Петрограде российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову [1]).

Факт занятия столицы Оттоманской империи войсками трех союзных держав поставит на очередь ряд проблем дипломатического характера. Это

---

[1]) Перев. с фр.

новое положение вещей потребует столь важных и специальных политических, административных и финансовых мероприятий, что в деле их разрешения нельзя положиться на усмотрение военного начальника одной национальности, каковы бы ни были его личные достоинства.

В ожидании момента заключения мира, который сделает возможным установление окончательного режима, приходится считаться с интересами каждой из держав Тройственного Согласия и допустить с этой целью все три державы к участию на равных основаниях во временном управлении Константинополем и территориями, на которые распространится их оккупация.

С этой целью и до окончательного урегулирования будущей судьбы Оттоманской империи, верховное руководство административными органами будет возложено на трех верховных гражданских комиссаров, представляющих каждый свое правительство.

Эти комиссары будут действовать по соглашению с военным командованием: прежде всего они должны будут озаботиться восстановлением в их довоенных должностях чиновников, советников министерств и офицеров своей национальности, поставленных во главе государственных учреждений, как-то: оттоманского долга (с немедленным включением одного русского представителя), оттоманского банка, таможни, жандармерии и т. п. Для установления правильно функционирующего управления, необходимого до заключения мира, верховные комиссары могут опираться на компетенцию и авторитет, которыми пользуются эти агенты.

Приняв во внимание три миллиарда французских капиталов, помещенных в Турции, и значительные предприятия и общества, которые французы здесь основали, правительство республики обязано восстановить и обеспечить все эти крупные интересы, нарушенные турецким правительством, воспользовавшимся для этого войною.

Благодаря оккупации и переходу в руки [союзников] администрации столицы, где имеют свое местопребывание главные иностранные предприятия, выпадающая на долю правительства республики задача восстановить в правах владения заинтересованных лиц и держателей оттоманских бумаг, а также предписать секвестр имущества подданных неприятельских держав будет весьма облегчена.

Французское посольство просит императорское правительство срочно сообщить ему свою точку зрения на вышерассмотренные мероприятия, так как быстрота текущих военных операций и срок, предоставленный трем державам для окончательного определения формы деятельности верховных комиссаров, а также для установления порядка их следования в Константинополь, где они должны находиться в день оккупации,—требуют немедленного решения.

12 марта 1915 г.

№ 290.

Памятная записка российского министра иностранных дел С. Д. Сазонова французскому и великобританскому послам в Петрограде М. Палеологу и сэру Дж. Бьюкенену [1]).

Г. Сазонов был бы крайне признателен его превосходительству $\frac{\text{сэру Эд. Грэю}}{\text{г. Делькассэ}}$, если бы он соблаговолил познакомить его со своим мнением по поводу временного управления, которое следует установить в Константинополе с момента занятия его союзниками и до заключения мира.

Не думает ли его превосходительство $\frac{\text{сэр Эд. Грэй}}{\text{г. Делькассэ}}$, что, приняв в соображение взаимные интересы каждого из трех союзников, разграничение зон военной оккупации Константинополя могло бы быть произведено следующим образом:

Английские войска займут весь азиатский берег Босфора, начиная от Кускунджука, включая предместья Скутари, Хайдар-Паша, Кади-Кой, Мода, Картал и др., — предместья, где имеется значительная английская колония.

Французские войска займут европейский берег Босфора, начиная от Ортакейя до Золотого Рога, включая кварталы: Таксим, Перу, Галату и Хасской, где сосредоточены весьма крупные французские религиозные и экономические интересы.

Наконец, русские силы займут оба берега Босфора, Черного моря до Ортакейя и Кускунджука включительно, а также кварталы: Стамбул, где находится святая София, Фанар, резиденция вселенского патриарха, и прилежащие предместья.

Вместе с тем г. Сазонов предлагает, чтобы военная власть в городе Константинополе была временно вверена старшему в чине из командующих оккупационными армиями трех союзников. Кроме того, г. Сазонову представляется необходимым учредить при военном коменданте временный совет, состоящий из комиссаров трех союзных держав, которому было бы поручено гражданское управление городом. Этому совету должна быть вверена, под верховным руководством военного коменданта, охрана многочисленных религиозных, национальных, финансовых, экономических и др. интересов, имеющихся в Константинополе.

В случае, если это предложение, как надеется г. Сазонов, будет в принципе принято $\frac{\text{сэром Эд. Грэем}}{\text{г. Делькассэ}}$, г. Сазонов готов приступить к обмену мнениями о подробностях проектируемой временной организации, которая, само собой разумеется, ни в чем не предрешит окончательной судьбы города Константинополя; последняя будет решена согласно обязательствам союзников.

28 февраля/13 марта 1915 г.

[1]) Перев. с фр.

№ 291.

Посол С.-А. Соед. Штатов в Лондоне В. Пэдж послу в Петрограде Д. Мэри.

Шифрованная телеграмма [1]).

13 марта 1915 г.

Повторено на основании инструкций департамента.

Посол в Константинополе предлагает установить нейтральные зоны в Пере, Стамбуле и Скутари, так как ясно, что турецкие войска, конечно, не оставят [эти кварталы] без боя, и наступающие силы, сосредоточенные для атаки Константинополя, должны согласиться не обстреливать их и не пользоваться ими как местом для высадки; эти зоны будут использованы мирным населением в целях его личной безопасности. Посол отмечает, что турецкий министр внутренних дел одобряет этот план.

Прошу Вас представить изложенное российскому правительству и запросить у него, благоприятно ли оно расположено к установлению таких нейтральных зон, а также повлиять на российское правительство в смысле желательности подобного плана в интересах безопасности нейтральных. Изложенное также представлено французскому и великобританскому правительствам.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II (черта и две точки).

№ 292.

Памятная записка посольства С.-А. С. Штатов в Петрограде российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову [2]).

В целях обеспечения безопасности мирного населения, американский посол в Константинополе предложил установить нейтральные зоны в Пере, Стамбуле и Скутари. Турецкие власти оставят эти зоны не укрепленными, а наступающие силы, при атаке Константинополя, согласятся не обстреливать их и не пользоваться ими для высадки войск. По словам американского посла, этот план одобрен турецким военным министром [3]). Он представлен также французскому и великобританскому правительствам.

15 марта 1915 г.

№ 293

Великобританский статс-секретарь по иностранным делам сэр Эд. Грэй послу в Петрограде сэру Дж. Бьюкенену.

Шифрованная телеграмма [4]).

№ 350. 16 марта 1915 г.

Я получил от американского посла предложение установить нейтральные зоны в Пере, Стамбуле и Скутари для охраны мирного населения. Ана-

---

[1]) Перев. с англ.

[2]) Перев. с англ.

[3]) В предшествующем документе: «министром внутренних дел».

[4]) Перев. с англ.

логичное предложение сделано французскому и российскому правительствам. Каково мнение министра иностранных дел?

На подлиннике собственноручная пометка Николая II (черта и две точки).

№ 294.

Памятная записка великобританского посольства в Петрограде российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову [1]).

Правительство его величества получило от посла Соединенных Штатов предложение установить нейтральные зоны в Пере, Стамбуле и Скутари для охраны мирного населения.

Так как аналогичное предложение сделано французскому и российскому правительствам, посольству его величества поручено запросить мнение г. Сазонова по этому вопросу.

17 марта 1915 г.

№ 295.

Памятная записка российского министра иностранных дел С. Д. Сазонова французскому и великобританскому послам в Петрограде М. Палеологу и сэру Дж. Бьюкенену [2]).

Только для великобританского посольства: «В дополнение к его памятной записке от 5/18 марта № 300....» [3]).

Для обоих посольств: «Г. Сазонов имеет честь довести до сведения его превосходительства $\frac{\text{г. Мориса Палеолога}}{\text{сэра Джорджа Бьюкенена}}$, что штаб верховного главнокомандующего полагает установление нейтральных зон в Пере, Стамбуле и Скутари неосуществимым с точки зрения военных требований».

7/20 марта 1915 г.

№ 296.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послам в Париже и Лондоне А. П. Извольскому и гр. А. К. Бенкендорфу.

Телеграмма.

№ 1284. 8/21 марта 1915 г.
(6 ч 35 м. веч.).

Штаб верховного главнокомандующего признал установление нейтральных зон в Пере, Стамбуле и Скутари, о чем просили американцы, безусловно невыполнимым с военной точки зрения.

Сазонов.

---

[1]) Перев. с англ.

[2]) Перев. с фр.

[3]) Памятная записка Сазонова от 5/18 марта 1915 г. за № 300 в деле отсутствует.

№ 297.

Великобританский посол в Петрограде сэр Дж. Бьюкенен статс-секретарю по иностранным делам сэру Эд. Грэю.

Шифрованная телеграмма [1]).

№ 341. 21 марта 1915 г.

Моя телеграмма № 329.

Согласно памятной записке, полученной сегодня от российского правительства, императорское правительство считает невозможным, с военной точки зрения, установление нейтральных зон в Пере... и Скутари.

№ 298.

Памятная записка французского посольства в Петрограде российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову [2]).

Копия телеграммы, отправленной его превосходительством министром иностранных дел, г. Делькассэ, на имя французского посла в России, г. Палеолога:

«Вы знаете мотивы, заставившие меня предложить назначение трех верховных гражданских комиссаров в Константинополе, как только город этот будет занят союзными войсками. Охрана французских интересов в Турции, а также решение важных задач, которые возникнут в области административной, дипломатической, политической и финансовой, потребуют установления и соблюдения равенства между тремя державами в течение всего периода времени с момента оккупации до заключения мирного договора.

Подчинение верховных гражданских комиссаров генералу, принадлежащему к той или другой союзной национальности, противоречило бы самому принципу моего предложения. К тому же, этот вопрос отличен от вопроса о военной оккупации Константинополя и его ближайших предместий. Что касается этого последнего вопроса, г. Сазонов предлагает установить три зоны: 1) французская зона, включая Перу и Галату, 2) русская зона, включая Стамбул и европейский берег Босфора, 3) английская зона, включая азиатский берег, противоположный столице. Мне кажется, что соглашение на этой основе было бы легко осуществимо между тремя державами.

Но занятие Константинополя выдвигает, в первую же очередь, принципиальные вопросы, по которым правительствам Тройственного Согласия следует немедленно договориться; с ними теснейшим образом связано уважение к французским правам и интересам, которые Россия обязалась ставить на первое место. Константинополь—место пребывания администрации, деятельность которой распространяется на всю Оттоманскую империю, административный центр всех предприятий общего значения, действующих в Турции, наконец, местопребывание правлений всех больших частных

---

[1]) Перев. с англ.

[2]) Перев. с фр.

обществ, ведущих здесь свои дела. Признание Константинополя за Россией не могло бы предоставить ей, без ущерба для союзников и особенно для Франции, которая обладает интересами первостепенной важности во всех этих предприятиях, контроль над всей деловой жизнью Оттоманской империи (une hypothèque sur toutes les affaires de l'Empire Ottoman).

Вот важнейший принцип, который должен руководить действиями временного управления Константинополем и делом упразднения его положения, как столицы, преобразуемой в провинциальный город Российской империи. Само это упразднение, очевидно, может иметь место только по заключении мира, так как оно зависит от судьбы Оттоманской империи.

Временное управление Константинополем и всеми частями Турецкой империи, которые будут подвластны трем державам, должно, следовательно, руководиться принципом, в силу которого подданные трех держав будут пользоваться всеми теми правами, которые они имели при турецком владычестве, или будут всецело в них восстановлены, если они их лишились в результате военных событий. Изменения, которые, может быть, придется внести в эти права, чтобы их приспособить к новому статуту Константинополя и Оттоманской империи, должны позднее подвергнуться обсуждению с заинтересованными сторонами.

В силу этого принципа администрация государственного оттоманского долга [1]) должна будет функционировать до заключения мира в том виде, как она сейчас организована, со включением в совет долга одного русского делегата, сообразно с обязательством России взять на себя долю государственного долга, соответствующую доходам, получаемым администрацией долга с Константинополя и его окрестностей.

Точно так же французские учреждения (учреждения религиозные, школьные, больничные и др.) должны быть немедленно восстановлены во всех своих правах на имущество движимое и недвижимое и допущены к деятельности на прежних условиях. Специальным постановлением будет признана действительность контрактов, заключенных между французским правительством и теми или иными французскими обществами, с одной стороны, и оттоманским правительством и теми или иными властями империи, с другой,—контрактов и договоров, санкционированных ирадэ султана 24 апреля 1914 г. [2]) и оплаченных уже со стороны Франции 500 миллионным займом, предоставленным ею Турции.

---

[1]) См. прим. 1 на стр. 327.

[2]) 8 и 9 апреля 1914 г. между французским министром иностранных дел Думергом и турецким министром финансов Джавидом-беем были подписаны соглашения, по которым французской компании был предоставлен ряд железнодорожных концессий: а) в Армении: Самсун—Сивас, Сивас—Харпут—Аргана, Аргана—Битлис—Ван, Самсун—Кастамуни—Гераклея—Болу и Эрзерум—Эрзинджан—Сивас; b) Сирийская сеть: Райак—Рамлех, Смирна—Дарданеллы и Ходейда—Сенаа, при чем оттоманское правительство давало обязательство способствовать тому, чтобы линия Кайфа—Дераа не составляла опасной конкуренции французской линии Дамаск—Хама. Кроме того, французская компания получала концессию на сооружение портов в Гераклее, Инеболи, Яффе, Кайфе и Триполи Сирийском. Взамен этого Франция обеспечивала Турции осуществление займа в 800 милл.

Кроме того, необходимо оговорить, что эти же принципы применяются к обществам и учреждениям фактически французским, хотя бы носящим турецкое имя и имеющим турецкое правление (как, например, оттоманский банк, табачная монополия, общество маяков, железнодорожная сеть Салоники—Смирна—Кассаба, Дамаск—Хама, Мудания—Брусса, Яффа—Иерусалим, константинопольские и смирнские набережные, доки Стении, копи Гераклеи, земельный банк Турции и т. п.).

Предварительное соглашение должно, наконец, урегулировать вопрос о неприятельской собственности: само собой разумеется, что секвестр, наложенный на французские учреждения, будет снят и собственники восстановлены в своих правах.

Секвестры, утвержденные для германских и австро-венгерских обществ, должны считаться со специальными правами, принадлежащими французским держателям (напр., для восточных ж. д.): общества турецкие по имени, но фактически французские, не будут подведены под секвестр. Наблюдение над секвестром, наложенным на оттоманские общества (как железные дороги багдадская, мерсина-аданская, геджасская, дераа-кайфская, порт Александретта и др.), предприятия которых развиваются в зоне, которая нам будет предоставлена, должно быть поручено французам. Это вдвойне справедливо для багдадской ж. д., не расположенной в зоне оккупации и в которой мы все время участвовали в 30%» [1]).

21 марта 1915 г.

№ 299.

Великобританский статс-секретарь по иностранным делам сэр Эд. Грэй послу в Петрограде сэру Дж. Бьюкенену.

Шифрованная телеграмма [2]).

№ 397. 21 марта 1915 г.

Из Парижа 117.

Ваша телеграмма № 539.

Нейтральная зона в Пере и т. д.

Министр иностранных дел [3]) полагает, что, так как занятие Константинополя является целью военных операций, условия оккупации должны зависеть от военных событий и не могут быть определены заранее.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II (черта и две точки).

франков у отдельных французских банков, при условии, чтобы никакая часть этого займа не пошла на покрытие военных расходов, а также соглашалась на 4% таможенную надбавку, в случае согласия на это других держав. Соглашения эти были санкционированы ирадэ султана от 24 апреля 1914 г.

[1]) Оттоманский банк принимал участие во втором и третьем багдадском займе (1903 и 1908 г.г.) на 30%. Переговоры об отказе Франции в пользу Германии от ее доли участия в багдадской дороге начались еще в 1912 г. Окончательно вопрос был решен в феврале 1914 г. (франко-германское соглашение от 15 февраля 1914 г.).

[2]) Перев. с англ.

[3]) Делькассэ.

№ 300.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 163. 10/23 марта 1915 г.

Копия в Лондон.

Получил Вашу телеграмму № 1284 [1]).

По поводу ее содержания Делькассэ сказал, что он вполне разделяет мнение о безусловной невыполнимости американского предложения об установлении нейтральных зон в Пере, Стамбуле и Скутари; он не преминет ответить в этом смысле, в возможно более вежливой форме, американскому правительству.

Извольский.

№ 301.

Памятная записка российского министра иностранных дел С. Д. Сазонова французскому послу в Петрограде М. Палеологу [2]).

№ 327.

Г. Сазонов разделяет мнение его превосходительства г. Делькассэ, что для решения важных задач, которые возникнут в области административной, дипломатической, политической и финансовой после занятия Константинополя союзниками, необходимо соблюдение равенства между тремя державами в течение всего периода времени с момента оккупации до заключения мирного договора.

Г. Сазонов равным образом признает справедливость выдвинутого его превосходительством г. Делькассэ принципа, в силу которого подданные трех держав будут пользоваться, при временном управлении, всеми теми правами, которые они имели при турецком владычестве. Таким образом следует считать установленным, что администрация государственного оттоманского долга будет функционировать до заключения мира в том виде, как она сейчас организована, со включением в совет долга одного русского делегата; что французские учреждения будут немедленно восстановлены во всех своих имущественных правах и допущены к деятельности на прежних условиях; что контракты и соглашения, заключенные между французским правительством и французскими обществами, с одной стороны, и оттоманским правительством и управлениями империи, с другой, будут признаны имеющими силу. Равным образом, установлено, что эти условия касаются и обществ и учреждений фактически французских, хотя бы и носящих турецкое имя и подчиненных оттоманскому режиму. Секвестр, наложенный на французские учреждения, будет снят, секвестры же, утвержденные для германских и австро-

[1]) См. стр. 332.

[2]) Перев. с фр.

венгерских обществ, должны считаться со специальными правами, принадлежащими французским держателям. Общества турецкие по имени, но фактически французские, не будут подведены под секвестр. Наблюдение за секвестром, наложенным на оттоманские общества, предприятия которых действуют в зоне, которая будет предоставлена Франции, должно быть поручено французам.

Вместе с тем, г. Сазонов полагает необходимым прийти к соглашению относительно общего характера судебной организации, в обязанность которой входила бы временная защита иностранных интересов в Константинополе, впредь до полной отмены капитуляций мирным договором, безотносительно к возможности применения законов военного времени.

Г. Сазонов, таким образом, вполне согласен с точкой зрения его превосходительства г. Делькассэ по всем пунктам памятной французской записки относительно временного управления [Константинополем].

11/24 марта 1915 г.

№ 302.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 173. 13/26 марта 1915 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 131 [1]).

Мною получены из достойного доверия источника весьма конфиденциальные сведения о том, что в последние дни чины французского министерства иностранных дел занялись, совместно с Бомпаром и заинтересованными кругами, подготовкой некоторых мероприятий касательно оттоманского долга и банка, монополии, порта, железных дорог, банков и других финансовых и промышленных учреждений Царьграда. Эти мероприятия имеют в виду ограждение французских финансовых интересов, а также обеспечение ряда государственных функций, которые в цивилизованных странах принадлежат правительству, в Турции же находились до сих пор в руках иностранных капиталистов, при чем фикция турецкого суверенитета поддерживалась лишь присутствием в названных учреждениях особых оттоманских комиссаров. Повидимому, в основу проектированных французами мероприятий положен тот взгляд, что, по вступлении союзников в Царьград, указанные учреждения должны возобновить свою деятельность попрежнему под руководством французских финансовых кругов с оттоманским банком во главе, на немецкую же и австрийскую доли участия в различных учреждениях, равно как на австро-германские банки и предприятия, предположено наложить секвестр. Бомпаром составлен в целях надлежащего выполнения этого плана список французских финансовых и промышленных деятелей, которые будут сопровождать французские войска и которым будут даны заранее определенные инструкции. Мне кажется, что и нам следовало бы в виду вышеизло-

---

[1]) См. стр. 328.

женного заранее выработать нашу программу действий по сказанным вопросам, на случай смешанной оккупации Константинополя, а также назначить тех лиц, которым будет поручено выполнение этой программы.

Извольский.

№ 303.

Посол С.-А. С. Штатов в Петрограде Д. Мэри статс-секретарю по иностранным делам В. Брайану.

Шифрованная телеграмма [1]).

29 марта 1915 г.

Ссылаюсь на телеграмму из Лондона от 15 марта.

Министр иностранных дел заявил, что по военным соображениям невозможно установить нейтральные зоны в Пере, Стамбуле и Скутари, но что Константинополю не будет нанесено вреда союзниками, если только турки не используют его или часть его для военных операций.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II (черта и две точки).

№ 304.

Памятная записка французского посольства в Петрограде российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову [2]).

№ 110.

Г. Делькассэ, ознакомившись с памятной запиской, переданной его превосходительством министром иностранных дел 11/24 марта с. г., был счастлив констатировать общность своих взглядов со взглядами г. Сазонова в вопросе о временном управлении Константинополем.

Что касается судебной организации, то г. Делькассэ считает достаточным для временного ограждения иностранных интересов до отмены капитуляций установить, в необходимых пределах, над туземными и смешанными трибуналами правомочный контроль, применимый при всяком положении дела, соответствующий гаагским постановлениям [3]) и обеспеченный военной оккупацией.

С этой оговоркой, судебный режим, предшествующий отмене капитуляций в Турции, мог бы быть установлен для всего переходного периода.

3 апреля 1915 г.

---

[1]) Перев. с англ.

[2]) Перев. с фр.

[3]) См. стр. 104.

№ 305.

Памятная записка российского министра иностранных дел С. Д. Сазонова французскому и великобританскому послам в Петрограде, М. Палеологу и сэру Дж. Бьюкенену [1]).

№ 385.

В ответ на сообщение французского посольства от 21 марта/3 апреля сего года № 110 относительно временной судебной организации в Константинополе, императорское правительство имеет честь засвидетельствовать, что, со своей стороны, оно считает необходимым учреждение контроля над туземными трибуналами, суду которых подлежат только дела между турецкими подданными.

Наоборот, г. Сазонов полагает, что было бы, пожалуй, более своевременным, с момента оккупации, изъять иностранцев из-под оттоманской юрисдикции, так мало отвечающей их обычаям, и перенести все смешанные процессы между турками и иностранцами в консульские трибуналы, по национальности заинтересованного иностранного лица.

Г. Сазонов пользуется случаем, чтобы высказать несколько общих мыслей по поводу временного управления.

Верховные комиссары учредят временные департаменты: внутренних дел, юстиции, финансов, народного просвещения и вакуфов [2]). Во главе этих департаментов будут поставлены директора, подчиненные совету верховных комиссаров, из числа иностранцев, служивших в Турции, или туземцев, внушающих необходимое доверие.

Муниципальный совет будет реорганизован на основе справедливого представительства христиан; его решения могут быть отсрочены или отменены во всякой стадии дела советом верховных комиссаров.

Налоги и пошлины будут взиматься, по мере возможности, сообразно с действующими правилами раскладки и распределения. Дефицит временного управления будет пополнен союзными державами, которые создадут для этой цели запасный фонд. Наконец, конфликты в области компетенции военных и гражданских властей будут немедленно доводиться до сведения союзных правительств и ими разрешаться.

26 марта/8 апреля 1915 г.

№ 306.

Великобританский посол в Петрограде сэр Дж. Бьюкенен статс-секретарю по иностранным делам сэру Эд. Грэю.

Шифрованная телеграмма [3]).

№ 479. 11 апреля 1915 г.

Во время вчерашней нашей беседы французский посол заявил, что в виду того, что англо-французские силы, вероятно, достигнут Константи-

[1]) Перев. с фр.

[2]) Министерство, ведающее доходами с имуществ, завещанных частными лицами на «богоугодные цели» (сооружение мечетей, школ и т. д.).

[3]) Перев. с англ.

нополя со стороны Дарданелл на несколько дней раньше, чем русские силы со стороны Черного моря, русские гражданские власти и чиновники, вероятно, прибудут туда позже нас, и он предложил, чтобы русские власти приняли меры к тому, чтобы вступить в Константинополь вместе с нами. Г. Сазонов не имеет к этому возражений, но он предпочитает просить нас, чтобы мы телеграфировали нашим правительствам. Французский посол предложил своему правительству договориться по этому поводу с генералом д'Амадом.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II (черта и две точки).

№ 307.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов посланнику в Сербии кн. Г. Н. Трубецкому.

Телеграмма.

№ 1635. 30 марта/12 апреля 1915 г.
(3 ч. 32 м. дня).

Предстоящее занятие союзными войсками Константинополя ставит на очередь вопрос о временном управлении бывшею оттоманскою столицею до окончательного после заключения мира присоединения ее к России. Ликвидация предприятий, принадлежащих нашим союзникам, делает эту задачу особенно сложной и щекотливой; по предложению Делькассэ, она будет возложена на генеральных комиссаров (Hauts Commissaires), по одному от каждой союзной державы. Выбор остановился на Вас, и я прошу Вас быть готовым к отъезду через Салоники в Царьград, как только этого потребуют обстоятельства, ибо я особенно дорожу присутствием представителя России среди союзных войск, на долю коих выпадет первыми вступить в Царьград [1].

Подробности почтой.

Сазонов.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II: «С-ъ». Царское Село, 29 марта 1915 г.

№ 308.

Великобританский посол в Петрограде сэр Дж. Бьюкенен статс-секретарю по иностранным делам сэру Эд. Грэю.

Шифрованная телеграмма [2]).

№ 486. 12 апреля 1915 г

Моя телеграмма № 479 [3]).

Г. Сазонов сказал, что император согласен послать в надлежащий момент князя Трубецкого, в настоящее время российского посланника в Сербии, в качестве верховного комиссара в Константинополь.

---

[1]) Трубецкой ответил Сазонову 31 марта/13 апреля 1915 г. телеграммой за № 397, в которой сообщил, что он «счастлив возможности положить все свои силы на служение делу, являющемуся заветной мечтой» его жизни. Вместе с тем он просил разрешения приехать в Петроград для личных переговоров.

[2]) Перев. с англ.

[3]) См. стр. 339.

№ 309.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов посланнику в Сербии кн. Г. Н. Трубецкому.

Письмо [1]).

№ 403. 31 марта/13 апреля 1915 г.

В виду последовавшего высочайшего соизволения на назначение Вас императорским генеральным комиссаром в Царьграде, считаю долгом препроводить к вашему сиятельству переписку по вопросу об устройстве временного управления Константинополем.

Как Вы изволите усмотреть из означенной переписки, в министерстве по соглашению с генеральным и морским штабами выработан проект временного занятия Константинополя, которым создаются три военных зоны, причем русские войска занимают Стамбул, Фанар и оба берега Босфора от Черного моря до Ортакейя и Кускунджука. Проект этот, получивший одобрение верховного главнокомандующего, сообщен французскому и английскому правительствам 28 февраля с. г. [2]) и признается г. Делькассэ удобной базой для достижения соглашения между союзниками (телегр. г. Делькассэ г. Палеологу от 8/21 марта 1915 года) [3]).

С своей стороны, французское посольство нотою от 27 февраля/12 марта с.г. [4]) обратило внимание императорского правительства на сложные задачи дипломатического, административного и финансового характера, которые придется решать союзникам по занятии их войсками Константинополя, и предложило поручить временное управление этим городом трем гражданским комиссарам (Hauts Commissaires Civils): русскому, французскому и английскому, которые действовали бы по соглашению (de concert) с военной властью.

Более подробно французские пожелания изложены в телеграмме г. Делькассэ г. Палеологу от 8/21 марта с. г.; они сводятся к признанию начала, в силу которого подданные всех союзных стран будут пользоваться в течение всего оккупационного периода всеми правами, которые принадлежали им во времена турецкого владычества. Императорское правительство мемуаром от 11/24 марта 1915 года [5]) признало это руководящее начало и вытекающие из него права французских учреждений в Турции.

В виду высказанного во французском мемуаре от 8/21 марта мнения о нежелательности подчинения гражданских генеральных комиссаров военной власти, первоначально [6]) нами предположенного, а также в виду соображений относительно устройства судебной части, содержащихся во французском сообщении от 21 марта/3 апреля № 110 [7]), императорское министер-

[1]) Печатается с копии, имеющейся в деле.

[2]) См. стр. 330.

[3]) См. памятную записку французского посольства от 21 марта 1915 г., стр. 333.

[4]) См. стр. 328.

[5]) См. стр. 336.

[6]) В подлиннике: «первоначального».

[7]) См. стр. 338.

ство сочло нужным обратиться к французскому и английскому правительствам 26 марта с памятной запиской [1]), в которой излагает в общих чертах свой план управления в Константинополе. Ответы на это сообщение нами еще не получены.

В дополнение к вышеизложенному считаю долгом довести до сведения вашего сиятельства, что, считая необходимым образовать состав русского генерального комиссариата из лиц, уже раньше служивших в Турции и обладающих специальными знаниями, я назначил нижепоименованных лиц:

Д. с. с. Мандельштама — юридическим советником генерального комиссариата.

К. с. Кутепова—начальником канцелярии генерального комиссариата.

Колл. асс. Серафимова и тит. сов. Рафальского и Голенищева-Кутузова—секретарями генерального комиссариата.

Сверх того, в Вашем распоряжении будет находиться советник по финансовой части, который в то же время будет представлять императорское правительство в совете оттоманского публичного долга.

Сазонов.

№ 310.

Российский посланник в Сербии кн. Г. Н. Трубецкой министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 400. 1/14 апреля 1915 г.

Срочно.

Прошу срочных указаний. Ссылаюсь на Вашу телеграмму № 1635 [2]).

Лично. Если вступление союзных войск в Константинополь ожидается не ранее пяти-шести недель, то нельзя ли послать через Владивосток хотя бы один наш полк. Это имело бы громадное значение не только для самого вступления в Константинополь, но и для немедленного затем несения караульной службы при церквах и учреждениях.

Трубецкой.

№ 311.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов посланнику в Сербии кн. Г. Н. Трубецкому.

Телеграмма.

№ 1761. 6/19 апреля 1915 г.
(7 ч. 30 м. веч.).

Ссылаюсь на письмо № 403 [3]).

Если имеете какие-либо заключения по поводу намеченных предположений, благоволите сообщить таковые по телеграфу или по почте, если бы

---

[1]) См. стр. 339.

[2]) См. стр. 340.

[3]) См. стр. 341.

они были пространны. Не считаю удобным Ваш приезд сюда, в виду всегда существующей возможности, что за время Вашего нахождения здесь прорыв через Дарданеллы состоится, и Вы были бы лишены возможности вступить в Царьград с первым эшелоном союзных войск. Я же особенно дорожу присутствием в эту минуту в Царьграде представителя России [1]).

Сазонов.

№ 312.

Российский посланник в Сербии кн. Г. Н. Трубецкой министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 436. 7/20 апреля 1915 г.

Получил Ваше письмо № 403.

Лично. Вчитываясь в присланные мне документы, считаю долгом прежде всего отметить одно обстоятельство, могущее послужить поводом самых серьезных осложнений. Временное управление Константинополем будет осуществляться тремя комиссарами. Равенство прав приведет, несомненно, к положению, при коем русский представитель будет постоянно в меньшинстве, и всем править будут союзники, объединенные интересами одинаковых финансовых выгод, зачастую вразрез с нашими видами. При таких условиях русский представитель будет поставлен в крайне трудное и, быть может, невозможное положение. Между тем, переходное состояние, по существу, должно быть подготовительным к окончательному, которое по необходимости должно будет воспринять многие черты временного положения. Последнее, следовательно, не может не осуществляться тою же самою властью, которой предназначено окончательно утвердиться, то-есть русскою властью. Союзники имеют бесспорное основание требовать полного обеспечения своих экономических и некоторых других интересов, но не более того. Признавать же в принципе равные с нами их права, а на практике решение дел двумя их голосами против русского, это значило бы подготовлять утверждение не России, а западных держав в Константинополе и работать на осуществление надежды, питаемой нашими противниками, что в Константинополе мы все перессоримся. Предварительный пересмотр этого вопроса с союзниками предпочтительнее крупным недоразумениям с самого приступа к работе. Быть может, он оправдался бы тем обстоятельством, что мысль о комиссарах возникла, когда представлялось, что Константинополь будет занят нашими союзниками без нашего содействия; теперь же, повидимому, можно надеяться, что мы сами себе будем в значительной степени обязаны

---

[1]) 7/20 апреля 1915 г. Трубецкой телеграммой за № 433 вторично просил разрешения приехать в Петроград, считая необходимым принять участие как в выработке основных положений своей будущей деятельности в Константинополе, так и в выборе сотрудников. До этого он просил Сазонова не извещать союзников о своем назначении.

его завладением [1]). Хотя я не достаточно знаком с историей постепенного утверждения Англии в Египте, но мне представляется, что мы должны воспользоваться опытом в этом деле, ибо Англия сумела на первых же порах удовлетворить финансовые и другие интересы той же Франции и других держав и в то же время неуклонно проводить там утверждение своей власти. В виду этого я признавал бы крайне желательным, чтобы кому-нибудь было поручено составить соответствующую справку о Египте. Франция, не менее Англии, знает фактическую невозможность проведения кондоминиума. Долговременная совместная оккупация может равным образом послужить источником бесчисленных опасных трений между союзниками, не говоря о необходимости предварительно ясно разграничить права и взаимоотношения гражданской и военной властей. Казалось бы, что район оккупации вне Константинополя должен быть всецело в руках военной власти. Начальники же гарнизонов в городе должны быть в известном подчинении комиссарам. По изложенным соображениям, русский представитель должен, на мой взгляд, один представлять на месте суверенную власть, заменившую турецкую. Англичанин и француз должны при нем представлять соответствующие интересы. Исходя из этих соображений, прихожу к заключению, что на пост русского представителя предпочтительно назначить государственного деятеля с крупным административным и финансовым опытом. Не притязая на это качество, я с полным убеждением должен сказать, что для пользы дела желательно остановить выбор на другом, более подходящем лице. Вместе с тем прошу простить меня, если на первую Вашу телеграмму ответил без оговорок готовностью отдать все свои силы. Из Вашей телеграммы я осведомился, что предназначаюсь на должность комиссара, но совершенно не мог судить об условиях, в кои предположено (меня) поставить. Отдать себя известному делу я могу лишь при сознании, что из этого может быть какая-нибудь польза. С предположенными же французами условиями, по моему убеждению, немыслимо мириться с точки зрения русских интересов.

Трубецкой.

№ 313.

Российский посланник в Сербии кн. Г. Н. Трубецкой министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 441. 7/20 апреля 1915 г.

Получил Ваш № 1761 [2]). Ссылаюсь на свой № 436.

Лично. В виду изложенных мною соображений, а также того обстоятельства, что приезд мой в Петроград не представляется возможным, считал бы, с своей стороны, невозможным браться за дело. Никакая переписка не может заменить личного обмена мнений по вопросам столь первостепенного

---

[1]) Об участии русского отряда в операциях против Проливов, см. «Отношение российского правительства к дарданелльской операции».

[2]) См. стр. 342.

значения. Надеясь, что Вы не поставите мне этого в вину, я вновь приношу самую искреннюю благодарность за чрезвычайно лестное ко мне доверие, полагая, что именно оно обязывает меня поступить так при данных условиях [1]).

Трубецкой.

№ 314.

Памятная записка агента министерства финансов при российском посольстве в Париже Н. Г. Рафаловича в министерство иностранных дел.

Вступление союзников в Царьград и временный строй совместного им управления требуют предварительной подготовки не только в отношении административного устройства, но и касательно весьма сложных финансовых и экономических проблем, с которыми союзники столкнутся с первого же дня.

Отличительной чертой этой стороны дела в Царьграде являлось сосредоточение в руках иностранных капиталистов почти всех отраслей жизни столицы Турции, даже таких, которые в более цивилизованных странах являются предметом ведения правительственных учреждений.

Вкладывая свои капиталы в турецкие ценности и предприятия, европейский финансовый мир не мог ограничиться обычными в правовых государствах гарантиями и вынужден был обеспечить свои интересы непосредственным заведыванием подлежащими источниками дохода.

Кроме того, в виду неспособности оттоманского правительства осуществить ряд важных для финансовой и экономической жизни мероприятий, мало по малу западно-европейские финансисты сделались хозяевами в этой области, при чем французы заняли первое место по сумме вложенных в Турцию капиталов, а германцы — по своей предприимчивости и энергии и по умению руководить турками.

Союзникам, вообще, и нам, в частности, придется считаться с таким положением вещей.

При всем уважении к праву частной собственности, союзники не смогут, однако, отрешиться от того общего надзора, который и в обычные времена не может не принадлежать государственной власти и который во время военной оккупации является настоятельно необходимым. В Царьграде находятся: центральное эмиссионное учреждение, обладающее в то же время монополией казначейских операций, — оттоманский банк; установление, ведающее соляной монополией и рядом государственных налогов, — совет оттоманского долга; общество порта, управление маяками, общество табачной монополии, правления железнодорожных компаний, общество водопровода и множество других; все эти установления управляются представителями европейского капитала, даже те, которые, как совет оттоманского долга, имеют характер международных учреждений. Часть их притом в руках германцев и австрийцев, которые участвуют также в ряде предприятий

[1]) Телеграммой от 8/21 апреля 1915 г. за № 448 Трубецкой предложил Сазонову назначить на пост русского генерального комиссара бывшего посла в Константинополе, Гирса.

совместно с французами и англичанами. Последние, а главным образом, французы, уже изучили ряд мер, направленных к охране своих интересов в Турции, наметили лиц для выполнения этих мер, исходящих из того общего плана, что вступление союзников в Царьград восстанавливает положение, существовавшее до начала войны с Турцией и отъезда французов из Царьграда, т.-е. руководство французскими финансистами большинством указанных учреждений. Подумали французы и о секвестре над австро-германским имуществом и для этого также наметили лиц.

Нет сомнения, что все эти меры должны быть проведены союзниками совместно. Было бы большой ошибкой отстранить себя от этих вопросов, ибо это значило бы добровольно отказаться от доброй половины жизни Царьграда и расписаться в собственной несостоятельности в этом отношении, не говоря уже о том затруднительном положении, в котором окажутся, вследствие этого, русский комиссар и русское военное начальство.

Ошибка эта отразится и на будущем, которое для нас имеет первенствующее значение, ибо, когда временная совместная оккупация должна будет уступить место тому историческому решению, которого жаждет вся Россия, мы вдруг пожелаем быть полными хозяевами в такой области, которую мы сами упустили из рук и которая в Царьграде, более чем где-либо, неотделима от политики и от высших государственных интересов. Тогда нам придется кого-то выживать и с кем-то торговаться, притом без всякой предварительной подготовки, т.-е. втемную.

Ясно, что этим мы только облегчим задачу всем нашим недоброжелателям, дадим широкий простор всяческим недоразумениям и трениям с нашими союзниками и только отдалим и затрудним достижение основной нашей цели. Между тем, в настоящее время союзники наши не могут отказаться ни от совместного предварительного установления общей программы действий, ни от осуществления этих задач путем совместной работы лиц, предназначенных к этому каждым из союзников в отдельности. Мы создадим, таким образом, действуя своевременно и планомерно, ячейку нашего будущего устройства и перейдем к последнему безболезненно и постепенно, не нарушив ничьих частных прав, но оберегая наши государственные интересы. Царьградские финансисты, французы и англичане, привыкли к туркам, к капитуляциям, к бесконтрольному хозяйничанью. Россия являлась для них, как и для самих турок, с которыми они ладили своеобразно, но прочно, пугалом, и их надо приучить к ней и приручить. Не может быть хуже способа, чем тот, который даст им возможность одним распоряжаться, распоряжаться даже больше, чем при турках, ибо правительственные комиссары все-таки состояли при частных предприятиях с государственным значением, распоряжаться, наконец, не только своими делами, но и австро-германскими, путем секвестров. Наоборот, общая программа, нами предложенная, позволит нам обойти эти подводные камни. К составлению этой программы желательно приступить теперь же, руководствуясь прежде всего нашими пожеланиями, устраняя с нашего пути все, что может затруднить достижение нами цели, и сообразуясь с законными интересами наших союзников. Обсуждение с ними этой программы явится вторым шагом. Ко времени взятия Царьграда, все должно

быть готово — и программа, и лица. Задачи союзников в Царьграде гораздо сложнее условий германской оккупации в Бельгии, для коей все было нашими врагами подготовлено заранее до мельчайших подробностей [1]). Тут мы будем не одни, а втроем, и чрезвычайное сплетение всевозможных интересов в Царьграде не может быть даже сравниваемо с относительно простыми вопросами, которые германцам пришлось разрешить в Брюсселе. Само собою разумеется, что нельзя предусмотреть всего, да и нечего к этому стремиться. Установление ясных, простых общих начал, с одной стороны, распределение заранее ролей, с другой,—в этом заключается в настоящее время наша задача, которая затрудняется полной нашей отчужденностью от финансовой и экономической жизни Турции, между тем как союзники наши имеют весьма многочисленный контингент лиц, знакомый с делом и способный обеспечить английские и французские интересы. Большинство этих лиц, однако, черезчур свыклось с прежними условиями и стремится сохранить их во что бы то ни стало и относится к нам с подозрительностью. Беспристрастное и серьезное отношение наше к делу должно рассеять предубеждения и подготовить почву для будущего, несмотря на малую нашу подготовку в прошлом. Автор настоящей записки указывал еще в 1909 г. в своем докладе о русских экономических интересах в Турции на вредные последствия этой отчужденности. Ныне история и доблесть нашей армии поставили перед нами задачу, которая не должна застать нас врасплох. Необходимы систематические и продуманные усилия, чтобы оказаться на высоте этой задачи, одной из составных частей коей является предмет настоящей записки.

На приведенных выше соображениях основаны проекты временного распорядка надзора над финансовой и торгово-промышленной деятельностью в Царьграде и правил о секвестрах вражеского имущества в Царьграде, к коим приложен список главнейших учреждений, затрагиваемых указанными проектами и разделенных на группы, что дает возможность наметить заранее лиц для выполнения предположенных мероприятий.

---

[1]) Вопрос о мерах, введенных германцами в оккупированных ими областях Франции и Бельгии, интересовал российское министерство иностранных дел. 28 апреля/11 мая 1915 г. советник II политического отдела Гулькевич запросил по этому поводу Извольского и посланника при бельгийском дворе И. Кудашева следующей телеграммой за № 2714: «Не откажите попросить французское (бельгийское) правительство доставить Вам подробные справки о порядке управления, введенном германцами в занятых ими частях Франции (Бельгии), в особенности же по вопросам: о военном и гражданском характере германского управления; о положении и правах, сохраненных немцами французских (бельгийских) органов администрации и самоуправления; о порядке отправления правосудия; о взимании налогов; о конфискации и секвестре движимой собственности государства и частных лиц, а также о пользовладении недвижимой собственностью; о реквизициях и контрибуциях; об отношении к собственности общин, учреждений церковных, благотворительных, образовательных, художественных и научных. Полученные сведения не откажите в возможно скорейший срок препроводить в ближневосточный отдел министерства. Гулькевич».

На основании последней фразы можно заключить, что справка эта нужна была в связи с проектом управления Константинополем.

Указанные проекты нуждаются в некоторых пояснениях, ранее изложения коих следует еще остановиться на одном учреждении, действующем в Турции и имеющем исключительное значение и особое устройство, а именно на совете оттоманского долга. Перед войной Россия добивалась включения в совет своего делегата [1]). Соображения, побудившие ее к этому, не утратят своей силы, покуда будет существовать, хотя бы и в значительно урезанном виде, Турецкая империя. Но в то время, как до войны приходилось убеждать наших союзников в общеполезности этой меры и бороться за нее с нынешними врагами, ныне союзники наши идут нам навстречу и сами предлагают нам ввести русского представителя в указанное учреждение. Поэтому необходимо остановиться на связанных с этим вопросах, несколько выходящих из круга ведения тех органов и лиц, кои будут надзирать за прочими имеющимися в Турции учреждениями.

Присоединение к России части турецкой территории поставит на очередь проблему, которую пришлось после балкано-турецкой войны разрешать балканским государствам, а затем международной финансовой комиссии в Париже [2]), в коей мы выступили в защиту интересов балканского союза. Однако, ни мы, ни сами балканские государства не смогли отрицать принципа принятия на себя последними известной доли турецкого государственного долга. Имея в виду, что в последнем преимущественно заинтересованы французы, мы едва ли будем в состоянии стать на иной путь, когда речь зайдет о нас, тем более, что мы в свое время формально обязались охранять права держателей турецких фондов наравне с прочими державами. (Нота императорского посла в Константинополе А. И. Нелидова от 23 декабря 1896 г.) [3]). Из этого следует, что включение ныне в совет долга русского делегата не явится опасным предрешением спорного вопроса, который будет заключаться не в принципиальном несогласии, а лишь в определении возлагаемой на нас доли. В этом последнем отношении, участие нашего представителя в совете долга явится обстоятельством благоприятным, ибо даст нам возможность отстаивать наши взгляды в среде того самого учреждения, которое предъявит

---

[1]) В 1913 г. между русским и турецким правительствами были начаты переговоры о замене русско-турецкого соглашения 1900 г. новым соглашением, при этом был поднят вопрос о введении русского делегата в совет оттоманского долга. Вопрос этот остался неразрешенным до мировой войны, и только в 1916 г. в текст соглашения о разделе Азиатской Турции была включена статья об участии России вместе с другими державами «в служебных органах оттоманского долга». (См. «Материалы по истории франко-русских отношений». Москва, 1922 г. и «Раздел Азиатской Турции», стр. 185).

[2]) В 1913 г. в Париже была созвана международная комиссия, которая ставила своей задачей ликвидацию финансовых последствий балканской войны 1912—1913 г.г.

[3]) В декабре 1896 г. российский посол в Константинополе Нелидов передал турецкому правительству ноту, в которой указывал, что, в случае нарушения прав совета оттоманского долга, Россия сочтет себя вынужденной, по примеру других держав, потребовать создания международной финансовой комиссии, предусмотренной 18 протоколом Берлинского конгресса 1878 г. Комиссия эта должна изучить финансовое положение Турции и определить, какие из ее доходов могли бы пойти на покрытие турецкого долга.

определенные притязания и примет участие в решении вопроса. Весьма возможно, что при этом возникнут предположения о замене непосредственной выплаты со стороны России какой-либо компенсацией в пользу совета долга, и тут присутствие нашего делегата также окажется весьма ценным. Некоторые сомнения может вызвать включение русского представителя в состав совета при помощи нескольких лишь союзных нам стран, ибо, разумеется, враги наши не будут иметь к этому никакого касательства. Тут следует заметить, что английские держатели вплоть до войны относились отрицательно к этой мере и что было бы не только не любезно, но и мало последовательно и далеко не целесообразно отказываться от ее проведения именно тогда, когда это мнение в силу совместной военной борьбы изменилось в нашу пользу. Что же касается врагов, то и этот вопрос, подобно многим другим, будет подлежать обсуждению при заключении договора о мире.

Переходя к проекту временных правил надзора над финансовой и торгово-промышленной деятельностью в Царьграде, равно как к проекту правил о секвестрах, надлежит заметить, что в основании этих правил лежат два положения. Первое имеет в виду переход суверенитета, хотя бы временный, к оккупирующим Царьград державам. Второе основано на тех чрезвычайных полномочиях, которые вытекают из условий военного времени. Как бы ни были законны права частных учреждений и лиц, они должны склониться перед высшей государственной необходимостью. Это обстоятельство лишний раз подчеркивает невозможность для нас остаться вдали от вопросов, с которыми и наш комиссар, и наше военно-морское начальство будут иметь дело на каждом шагу и которые они, конечно, не смогут передоверить директорам местных предприятий, хотя бы и принадлежащим к гражданам союзных с нами держав. Власть эта должна быть сосредоточена в руках самих комиссаров, которым предоставляется осуществлять ее при посредстве состоящих при них лиц (ст. I) [1]. Задачи, возлагаемые на комиссаров и их представителей, изложены в ст. II. Статья III имеет целью подчеркнуть особо важное значение некоторых существующих в Турции учреждений и предприятий, а также отметить, что на комиссаров и их представителей переходят, помимо вытекающих из военного положения прав, права и обязанности турецких правительственных комиссаров при означенных установлениях. Относительно других, менее важных, предприятий, статьею IV дается комиссарам возможность упростить надзор за ними путем отказа, буде сие будет признано ими желательным, от поручения этого непременно трем представителям всех трех союзников совместно, что представляло бы, несомненно, неудобства в виду множества существующих в Турции предприятий. Статья V и приложенные к ней правила [2]) касаются секвестров вражеского имущества. Невозможно подвергнуть оному всю собственность турецких подданных, ибо это противоречило бы понятию военной оккупации, более широкому, чем понятие секвестра. Особые меры по опеканию вражеского имущества могут быть применены лишь по отношению к тем оттоманским подданным, которые покинули

---

[1]) См. стр. 351.

[2]) Правила, приложенные к ст. 5, в деле отсутствуют.

Царьград, а также по особому постановлению комиссаров. Что касается имущества германского и австрийского, то по отношению к юридическим лицам, как, например, акционерным обществам, решающим является не национальность последних, почти поголовно турецкая, а преимущественное участие в них тех или иных капиталов, что в царьградских делах установить не трудно. На этот путь стало и французское правительство в принятых им во Франции мерах секвестра (циркуляр министра юстиции Бриана от 13 октября 1914 года) [1]. Самый секвестр должен проводиться в общем, как опека, согласно принципам, положенным в основание как английских, так и французских государственных мероприятий (Trading with the Enemy Amendment Act, 1914) [2]. Объем операций, которые могут быть разрешаемы, указан, в общем, согласно правилам, примененным германскими властями в Брюсселе (распоряжение генерал-губернатора фон-дер-Гольца от 5/18 сентября 1914 года) [3]. Статья VI имеет в виду необходимость издания и изменения, смотря по обстоятельствам и в соответствии с требованиями временного начальства, правил о финансовых и торговых сношениях с прочими местностями Турции и с другими государствами. Статья VII предусматривает образование особого совещания по экономическим и финансовым вопросам. При этом имелись в виду три соображения: 1) необычайная сложность вопросов в области жизни Царьграда требует постоянного обмена мнений и совещания со всеми компетентными лицами, 2) совещания эти должны содействовать вящшему укреплению солидарности союзников, 3) труды совещания могли бы подготовить и разработать некоторые положения, могущие оказаться полезными при выработке условий мира с Турцией.

Список учреждений, приложенный к ст. III, не имеет, конечно, исчерпывающего значения.

К вышеизложенному нужно добавить, что, кроме мер надзора и секвестра, необходимо также разработать другие мероприятия экономического характера, на первом месте среди коих стоят — организация продовольствия Царьграда и временные правила, касающиеся торгового мореходства в Проливах. Относительно первого нужно иметь в виду прекращение подвоза припасов из Малой Азии, относительно второго — желательность возможно более скорого открытия Проливов для торговых судов при обеспечении военно-морских интересов союзников.

Н. Рафалович.

8/21 апреля 1915 г.

---

[1]) Циркуляр французского министра юстиции Бриана от 13 октября 1914 г. подтверждает циркуляры от 8 октября (о запрещении французским подданным торговать с подданными Германии и Австрии) и от 11 октября (о сообщении судебных решений по применению декрета о запрещении торговых сношений) и предлагает местным властям «распорядиться наложением запрещений и секвестра на все товары, суммы, движимые и недвижимые ценности, принадлежащие германским и австро-венгерским предприятиям».

[2]) Имеется в виду акт о торговле с неприятелем от 9 сентября 1914 г., запрещающий великобританским подданным «торговать и иметь торговые и финансовые сношения с Австрией и Германией без дозволения английского правительства».

[3]) Текст получен от французских банков. (Прим. подлинника).

№ 315.

Временные правила надзора над финансовой и торгово-промышленной деятельностью в Царьграде.

I.

Надзор над финансовой и торгово-промышленной деятельностью в Царьграде принадлежит верховным комиссарам трех союзных держав, которые осуществляют его через особых лиц, назначенных каждым из них по принадлежности.

II.

Верховные комиссары в праве принимать по взаимному между собою соглашению все необходимые меры для осуществления указанного надзора, для ограждения интересов как союзных правительств, так и подданных союзных и нейтральных государств, и для ограничения деятельности подданных враждебных нам государств.

III.

В установления, имеющие особо важное значение, верховными комиссарами будут назначены, каждым по принадлежности, особо уполномоченные представители для выполнения указанных в ст. II задач. В тех установлениях и предприятиях, при коих на основании существующего в Турецкой империи порядка, либо в силу различных концессий и договоров, имелись особые комиссары оттоманского правительства, таковые будут заменены означенными уполномоченными, на коих перейдут также права и обязанности турецких комиссаров. Список установлений, которые имеются в виду настоящей статьей, при сем прилагается. Верховным комиссарам предоставляется пополнять оный по мере надобности.

IV.

Надзор за прочими установлениями и предприятиями осуществляется верховными комиссарами через состоящих при них лиц, по взаимному между верховными комиссарами соглашению.

V.

На германские, австрийские, оттоманские и прочие предприятия, в кои вложены преимущественно австро-германские капиталы, равно как на доли участия германских и австрийских капиталистов в предприятиях, находящихся в Царьграде или в оккупированной союзниками территории, и на находящиеся там же имущества германских и австрийских подданных налагается секвестр, имеющий характер опеки. Права и обязанности лиц, на коих будет возложено верховными комиссарами, по взаимному между последними соглашению, выполнение секвестра, изложены в особом прибавле-

нии к настоящим правилам [1]). В тех установлениях, в кои будут назначены, на основании ст. III, особые уполномоченные, на последних будет возложено и выполнение мер по секвестру указанного враждебного имущества. Имущество турецких подданных будет подвергнуто секвестру лишь по особому постановлению верховных комиссаров и в том случае, если означенные турецкие подданные покинули занятую союзниками территорию.

VI.

Воспрещение финансовых и торгово-промышленных сношений с прочими территориями Турецкой империи либо с другими государствами и надзор за осуществлением этих мероприятий возлагается на верховных комиссаров по соглашению с военным и морским начальством трех союзных держав.

VII.

Верховными комиссарами будет образовано под их руководством особое совещание по финансовым и экономическим вопросам, в состав коего будут приглашаться лица, участие коих будет признано полезным комиссарами, по принадлежности. Состоящие при комиссарах лица, на коих будут возложены различные поручения на основании настоящих правил, будут участвовать в совещании при обсуждении вопросов, связанных с выполнением возложенных на них поручений.

VIII.

Изменение и дополнение настоящих правил предоставляется совместно верховным комиссарам.

Приложение к статье III.

	Капиталы (преимущественно)
1) Совет оттоманского государственного долга. .	(международный)
2) Управление табачной монополией	(тоже)
3) Оттоманский банк.	(франко-англ.)
4) Общество портовых набережных в Царьграде. . .	(французский)
5) Управление маяками.	(тоже)
6) Пароходные общества (по Босфору и Мраморному морю).	—
7) Железные дороги царьградского узла и бассейна Мраморного моря	—
Общество восточных дорог.	(германский)
Общество анатолийских дорог.	(тоже)
Брусская железная дорога	—
Железная дорога Пандерма-Сома	(французский)

[1]) См. прим. 2 на стр. 349.

8) Общество трамваев Царьграда. . . . . (германский)
9) Общество водопровода. . . . . (французский)
10) Общество гераклейских угольных копей. . . (франко-итал.)
11) Банки: Салоникский. . . . . (французский)
Национальный банк Турции. . . . . (английский)
Германский банк. . . . . (германский)
Германский Восточный банк. . . . . (тоже)
Венский Союз банков. . . . . (австрийский)
Лионский Кредит. . . . . (французский)
Русский для внешней торговли банк. . . . (русский)
Торговое общество Востока. . . . . (итальянский)

8/21 апреля 1915 г.

Н. Рафалович.

№ 316.

Российский посланник в Сербии кн. Г. Н. Трубецкой начальнику канцелярии министерства иностранных дел бар. М. Ф. Шиллингу.

Телеграмма.

№ 474. 12/25 апреля 1915 г.

Расшифруй лично. Сердечно благодарю за дружбу [1]. Зная меня, поверишь, что мое решение было для меня тягостно. Считая необходимою полную откровенность, сообщу главные мотивы: 1) Невозможное положение русского представителя, обреченного оставаться в меньшинстве в решении вопросов, связанных с учреждением русской власти в Константинополе. Можно и должно жертвовать собой ради блага России, но трудно верить, чтобы этот путь мог привести к благу. 2) Нельзя возлагать таких ответственных задач на человека, не привлекши его предварительно к их разработке. Как могу я ехать в Константинополь, не чувствуя там никакой почвы, не спевшись с министерством нашим, всеми другими, особенно с военным и синодом, расходясь в основных заданиях, при чем назначают, даже не спрашивая меня, сотрудников не по моему выбору. Вместе с тем, меня далеко не полно осведомляют об общих политических основах соглашения на счет Константинополя и Проливов, о коем я знаю только из краткого частного письма Сергея Дмитриевича. Между тем, это может совершенно иначе осветить вопрос. Я не критикую, знаю, как все это трудно и приходится спешно решать. Сам я только теперь вижу, как мало подго-

[1] Телеграмма № 474 является ответом на телеграмму Шиллинга от 10/23 апреля 1915 г. за № 1858, в которой он советует Трубецкому не отказываться от предложенного ему Сазоновым назначения в Константинополь.

товлен к задаче, о которой все время думал. Болею душой, что приходится огорчать Сергея Дмитриевича, которого так сердечно люблю, но пусть и он меня поймет и не осудит. Особенно озадачило меня неразрешение приехать в Петроград, ибо я убежден, — хотя могу ошибиться, — что Константинополь не может внезапно пасть. При личном свидании многие вопросы могут, конечно, иначе представиться, чем при ознакомлении только на бумаге. Продолжение менее личного свойства следует.

Трубецкой.

№ 317.

Российский посланник в Сербии кн. Г. Н. Трубецкой министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 475. 12/25 апреля 1915 г.

Лично [1]).

Стараясь найти выход из положения русского комиссара, на которое мы согласились, представляю себе следующее. С формальной стороны нельзя ли сослаться на то, что условия взятия Константинополя изменились, и мы принимаем в нем большее участие, вследствие чего главнокомандующий не нашел возможным согласиться с французским предложением. По существу же дела нельзя ли найти следующий компромисс: выделить все вопросы, затрагивающие общие интересы, преимущественно финансовые и отчасти юридические, в обсуждении (которых) признать равное представительство держав, с представлением, однако, разногласий на окончательное разрешение правительств. Что касается вопросов управления, то объединение их в общем органе не целесообразно, потому что разные части Турции ожидает различная судьба. Если бы между державами установилось соглашение по размежеванию областей присоединения или занятия, то не естественно ли в каждой из них признать первенство представителя данной державы с аккредитованием при нем представителей интересов других держав. Так разрешился бы в нашу пользу и константинопольский вопрос. Церковный вопрос требует особого внимания. Убедительно советую во всяком случае запросить отзыва Мансурова.

Трубецкой.

---

[1]) В подлиннике телеграмма начинается словами: «Продолжение телеграммы № 474», зачеркнутыми карандашем.

№ 318.

Российский посланник в Сербии кн. Г. Н. Трубецкой товарищу министра иностранных дел А. А. Нератову.

Телеграмма.

№ 554. 28 апреля/11 мая 1915 г.

Лично.

Срочно.

Из бесед с Штрандтманом [1]) понял, что состоявшееся между державами соглашение признается невозможным изменить. Готов считаться с этим фактом. Приезд в Петроград признаю совершенно необходимым для обмена мнений с министерством и различными ведомствами и получения уверенности во всецелой поддержке с их стороны предстоящей мне деятельности. Если соображения эти удостоятся одобрения, ходатайствую о скорейшем испрошении высочайшего разрешения приехать в Петроград, при чем приезд можно объяснить кратким отпуском для устройства личных дел [2]).

Прошу телеграфного ответа.

Трубецкой.

№ 319.

Временное положение об управлении Константинополем и примыкающими к нему областями Турции, занятыми по праву войны [3]).

§ 1.

Управление Константинополем, его районом и примыкающими к нему областями Турции осуществляется от имени оккупирующих держав, назначенными ими главноуполномоченными.

---

[1]) 1-й секретарь миссии в Сербии Штрандтман находился с 22 марта/4 апреля 1915 г. в отпуску в Петрограде. Обратно в Сербию он выехал 24 апреля/7 мая 1915 г.

[2]) 1/14 мая 1915 г. Сазонов телеграммой известил Трубецкого, что «испрашиваемый им отпуск ему предоставлен». В первых числах мая (н. ст.) Трубецкой выехал из Ниша, возложив временное управление миссией на 1 секретаря ее Штрандтмана. Трубецкой пробыл в Петрограде до июля месяца. На обратном пути в Ниш он посетил Ставку верховного главнокомандующего (см. письмо Кудашева от 5/18 июля 1915 г.). Во время пребывания Трубецкого в Петрограде он, повидимому, принимал участие в разработке положения о временном управлении Константинополем. (См. след. документ).

[3]) На подлиннике имеется пометка карандашем: «Редакция, выработанная князем Трубецким и бароном Нольде, 20 мая 1915».

§ 2.

Главноуполномоченным принадлежит право издавать указы по всем частям гражданского управления.

Они назначают и увольняют всех высших должностных лиц гражданского управления, руководят их деятельностью и, в частности, осуществляют высший надзор за оттоманскими властями и установлениями, сохранение коих на время оккупации они признают возможным.

§ 3.

Решения главноуполномоченных принимаются единогласно. В случае разделения голосов, дело передается на разрешение правительств трех оккупирующих держав.

§ 4.

При главноуполномоченных состоит совет гражданского управления.

В совет гражданского управления входят: начальники управлений внутренних дел, юстиции и финансов.

Председательство в совете принадлежит начальнику управления внутренних дел.

§ 5.

Распределение дел между начальниками управлений определяется указами главноуполномоченных.

§ 6.

Все меры управления, кои имеют общее значение или касаются двух или нескольких министерств или управлений, предварительно доклада главноуполномоченным, обсуждаются в совете гражданского управления. Могущие последовать в совете разногласия разрешаются главноуполномоченными.

§ 7.

Константинополь и его район разделяются на три сектора, из коих каждый занимается войсками одной из оккупирующих держав.

Во главе местного гражданского управления каждого сектора стоит военный губернатор, назначаемый главноуполномоченным того правительства, войска коего занимают сектор, по соглашению с начальником отряда оккупирующих войск.

По делам гражданского управления военные губернаторы секторов подчиняются начальнику управления внутренних дел и через его посредство главноуполномоченным держав.

§ 8.

Права и обязанности военных губернаторов секторов определяются указами главноуполномоченных держав.

§ 9.

Ведению военных судов каждой из оккупирующих держав подлежат совершаемые в пределах ее сектора нижеследующие преступные деяния:

1) бунт против верховной власти, преступные деяния против глав союзных государств, государственная измена и противодействие правосудию;

2) сопротивление властям и нападение на чинов армии и флота союзных держав или сопротивление им, или оскорбление их при исполнении или по поводу исполнения ими обязанностей службы;

3) составление злонамеренных шаек;

4) убийство, покушение на убийство, нанесение ран и увечий и тяжких побоев должностным лицам, а равно чинам войска и полиции, при исполнении ими или по поводу исполнения ими обязанностей службы;

5) совершенные по политическим убеждениям убийства, разбои, поджоги, а равно истребление и повреждение чужого имущества взрывом пороха, газа или легко воспламеняющихся веществ, или покушения на сии преступления;

6) учинение скопищем нападений или вторжений, сопровождавшихся убийством, нанесением ран, побоев или поджогами;

7) умышленное повреждение железных дорог, телеграфов или телефонов, а также покушения на сии преступления;

8) изготовление, приобретение, хранение, ношение и сбыт, без надлежащего разрешения, оружия, взрывчатых веществ и снарядов.

Главноуполномоченным предоставляется, по соглашению с начальниками отрядов, распространять ведомство военных судов и на иные, кроме перечисленных в пунктах 1 — 8 сего параграфа, преступные деяния.

Военным судам сектора принадлежит разбирательство всех означенных в предыдущих частях сего параграфа преступных деяний, независимо от подданства обвиняемого. Однако, подданные одной из оккупирующих держав, совершившие преступные деяния в пределах сектора, занимаемого чужими войсками, по производстве предварительного следствия или дознания передаются для суда военным властям своей национальности.

§ 10.

Губернаторы секторов обязаны содействием всеми предоставленными в распоряжение их средствами к удовлетворению потребностей оккупирующих войск и к облегчению сношений между войсками и местными властями и населением.

№ 320.

Директор дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего кн. Н. А. Кудашев российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Письмо.

5/18 июля 1915 г.

Личное.

Глубокоуважаемый

Сергей Дмитриевич,

Трубецкой вчера выехал в Ниш, пробыв в Ставке сутки. Так как он едва ли успеет Вам написать с дороги о своих впечатлениях здесь, то я решаюсь доложить Вам о них. В общем он остался очень доволен оказанным ему приемом и всем тем, что ему пришлось услышать от высшего военного начальства. Он имел три разговора: с начальником штаба, с генералом Даниловым и с великим князем. На последнем я не присутствовал. Относительно положения русского комиссара в Константинополе ему было сказано, что, само собою разумеется, так как наше участие во взятии Константинополя будет скорее политическим актом, а не военным (военное дело сделают союзники), то военной власти придется подчиниться комиссару. Иначе дело могло бы обстоять лишь, если бы наши войска преимущественно участвовали во взятии Босфора. Относительно лица, поставленного во главе нашего экспедиционного отряда, генерал Янушкевич сказал следующее. Великий князь отлично сознавал, назначая генерала Каульбарса в Одессу на подготовление десанта [1]), что в *данном случае* лучше не иметь во главе наших сухопутных сил генерала с немецкой фамилией. Но выбора пока не было, так как для подготовительных работ в Одессе, на которые Каульбарс, несмотря на свой возраст и высокое положение, пошел с восторгом, было нежелательно брать с западного фронта кого-либо из лучших генералов с русской фамилией. Генерал Янушкевич прибавил, что назначение Каульбарса вовсе не исключает возможности его замены другим лицом, когда дело дойдет до фактического осуществления плана десанта. В зависимости от того, когда случится десант и какими силами (нашими), — будет оставлен или заменен Каульбарс: если наш десант явится лишь, — как это, вероятно, будет, — только теоретическим участником занятия Константинополя, тогда будет послан генерал с русской фамилией. Если же обстоятельства так сложатся, что, в конце концов, не союзники, а мы сами окажемся завоевателями Константинополя, тогда имя генерала не так уже важно, особенно не важно впечатление этого имени на болгар. Трубецкой был несколько удивлен и приятно поражен таким отношением к этому делу Ставки. Косвенным образом я отчасти способствовал принятию ею такой точки зрения. Найдя не так давно в литографиях телеграмму Савинского о непопулярности имени Каульбарса в Болгарии, я ее показал генералу Данилову (не докладывая ее на-

---

[1]) См. также телеграмму Савинского от 18 июня/1 июля 1915 г., № 371, стр. 308, и телеграмму Сазонова от 20 июня/3 июля 1915 г., № 699, стр. 309.

чальнику штаба) и не спрашивал потом о результатах моей indiscrétion. Дело это во всяком случае налажено, ибо, считаясь с патриотизмом и благородством характера Каульбарса, здесь не побоятся при случае принести его самого в жертву необходимости. Что касается Сербии, то Трубецкому было сказано следующее. Великий князь дал знать королевичу Александру, что мы в настоящее время не требуем наступления сербов в сторону Лайбаха или куда бы то ни было [1]). Но что мы рассчитываем на их готовность наступать в Сирмию, как только мы о том подадим им знак. Такие указания им даны в соответствии не только с нашим положением, но и главным образом с пассивностью итальянцев.

Трубецкой привез с собой нотку бодрости и оптимизма, которая нас несколько приободрила. Но, в сущности, настроение наше далеко не радостное. Дела на театре войны идут плохо. Со всех сторон на нас наступают и, хотя войск у нас достаточно — приблизительно столько же, сколько и у немцев, — дух у них несколько упал. Пехота, недостаточно поддержанная артиллерией (которой мало), не выдерживает стремительных натисков, отступает, а иногда сдается... С другой стороны, германцы, даже плохие ландштурмисты, воодушевлены верою в успех, в защитницу-артиллерию и работают, как старые солдаты. Не думайте, что это измышления моего пропитанного пессимизмом воображения: мне это говорил один из наиболее толковых здешних офицеров, притом не из числа пессимистов. В разговоре с генералом Даниловым Трубецкой его спросил, имеются ли серьезные основания опасаться за участь Варшавы и Риги. На это Данилов не пожелал дать прямого ответа. Он только заметил, что в настоящее время немцы напрягают все свои силы, чтобы достигнуть тут успеха; к этому он прибавил, что, будь он немецким генералом, то ни одного солдата не переводил бы на западный фронт, а все стягивал бы против нас. Этим он как бы косвенно признал, что на нашем фронте имеются все данные для успеха, в то время как на западном фронте всякое наступление — дело рискованное. Дело, в общем, обстоит так, что на *свой* успех мы пока не рассчитываем, но надеемся устоять напору германцев, прилагая к тому все усилия. Вчера была послана телеграмма Жоффру и Китченеру, в которой указана опасность нашего положения. В ней великий князь просил наших союзников указать итальянцам на своевременность развития ими более активного наступления.

Вопрос о заказах снарядов в Америке чрез посредство англичан [2]), насколько мне известно, находится в следующем положении. Мы заказали

---

[1]) В апреле 1915 г. верховный главнокомандующий потребовал от королевича Александра перехода сербских армий в наступление против Австрии в направлении на Любляны (Лайбах). Переговоры об этом шли в течение лета 1915 г., при чем сербы, не отказываясь от предложенного наступления, затягивали его выполнение, ожидая результатов переговоров держав Согласия с Болгарией. (Исходящие и входящие телеграммы архива б. министерства иностранных дел за 1915 г.).

[2]) Заказы по поставке снарядов, сданные иностранным заводам в первую половину 1915 г., сводились к следующему: заводу Виккерса было заказано 2.000.000 снарядов и 1.000.000 трубок; 5.000.000 были заказаны через посредство английского правительства в Канаде. Кроме того, в апреле 1915 г. Китченер предложил генерал-

12.000.000 снарядов на общую сумму около 400.000.000 рублей. К сожалению, снаряды будут поступать не так быстро, как бы мы того желали. Первая партия — всего только 50.000 — в октябре; в ноябре — 270.000, в декабре, — кажется, около 500.000 и так далее. Самые же крупные партии будут получены лишь во второй половине 1916 года. Янушкевич страшно негодует на Китченера, находя, что он недобросовестно исполняет свою роль «честного маклера», даже заподозревает его в намеренных промахах ради корыстных целей. Я не имею основания верить этим обвинениям; признаю также, что некоторые критики англичан на нашу медлительность основательны. Но я разделяю мнение Янушкевича о том, что англичане нам навязали невыгодную сделку, заменив ею, под очень «хромым» предлогом, более выгодную, которая была *своевременно* принята Янушкевичем. Я это говорю после того, как подробно ознакомился у помощника здешнего английского военного агента с перепиской его по этому делу. Злого умысла, конечно, не было, но *услуги* особенной нам Китченер не оказал.

Прошу Вас, глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич, верить чувствам искреннего моего почтения и преданности.

Н. Кудашев.

№ 321.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послу в Париже А. П. Извольскому.

Телеграмма.

№ 4139. 13/26 августа 1915 г.

Сообщается в Лондон.

Последние письменные сообщения французского и великобританского правительств 29 июня и 6 июля [1]) по вопросу о временном управлении Константинополем расходятся между собою в некоторых основных пунктах, причем мы в существенных частях склоняемся на сторону французов. Благоволите предложить Делькассэ образовать под его председательством совещание, в котором приняли бы участие Вы и английский посол. Совещание это могло бы обсудить в кратчайший срок как разногласия между французскими и аглийскими нотами, так и наш последний проект. Проект и инструкции будут Вам переданы по телеграфу.

Сазонов.

инспектору артиллерии вел. кн. Сергею Михайловичу заключить контракт с американским заводом «American Locomotive Combine». Вел. князь отказался, указав в частной беседе с английским военным агентом в России Ноксом на недобросовестное отношение к заказу Виккерса. Это не помешало Китченеру повторить предложение в мае того же 1915 г. (Knox, «With the Russian Army», 1922, I. p.p. 273 и сл.).

[1]) Памятные записки великобританского и французского посольств в Петрограде от 29 июня и 6 июля 1915 г. в деле отсутствуют.

№ 322.

Великобританский посол в Петрограде сэр Дж. Бьюкенен статс-секретарю по иностранным делам сэру Эд. Грэю.

Шифрованная телеграмма [1]).

№ 1254. 28 августа 1915 г.

Я получил памятную записку российского правительства, содержащую встречный проект схемы... [2]) управления Константинополем, в ответ на представленный мной ... [2]). Российское правительство предписало российскому послу в Париже обратиться с просьбой к французскому министру иностранных дел присутствовать при свидании великобританского и российского послов в Париже и рассмотреть вместе с ними проекты великобританского и французского правительств. Г. Сазонов полагает, что этот способ приведет к быстрому соглашению трех союзников по вопросу об установлении формы управления.

№ 323.

Великобританский статс-секретарь по иностранным делам сэр Эд. Грэй послу в Петрограде сэру Дж. Бьюкенену.

Шифрованная телеграмма [3]).

№ 1956. 30 августа 1915 г.

Ваша телеграмма № 1254.

Когда могу я ждать текст русского проекта схемы по управлению Константинополем.

№ 324.

Великобританский посол в Петрограде сэр Дж. Бьюкенен статс-секретарю по иностранным делам сэру Эд. Грэю.

Шифрованная телеграмма [4]).

№ 1269. 31 августа 1915 г.

Ваша телеграмма № 1956.

Проект схемы по управлению Константинополем отправлен вчера и должен быть в Лондоне 7-го сентября.

---

[1]) Перев. с англ.

[2]) В подлиннике пропуск одного слова.

[3]) Перев. с англ.

[4]) Перев. с англ.

№ 325.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 548. 22 августа/4 сентября 1915 г.

Копия в Лондон.

Получил телеграмму № 12654 [1]).

Делькассэ сказал мне, что со своей стороны он готов согласиться на предложенное Вами совещание в Париже о временном управлении Константинополем. Он телеграфировал об этом в Лондон, но не получил еще ответа.

Извольский.

№ 326.

Товарищ министра иностранных дел России А. А. Нератов послу в Париже А. П. Извольскому.

Телеграмма.

№ 4332. 24 августа/6 сентября 1915 г.

Ваша телеграмма № 548 получена. Ссылаюсь на мою телеграмму № 4139.

Если Вы полагаете, что переговоры будут длительны и что Вам может быть полезен Мандельштам, занимавшийся здесь проектом устройства Константинополя, то он может выехать немедленно.

Нератов.

№ 327.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 557 26 августа/8 сентября 1915 г.

Ваша телеграмма № 4332 получена.

Затрудняюсь высказать предположение о длительности предстоящих здесь переговоров, ибо это будет зависеть от характера Ваших поправок к французскому проекту. В здешнем министерстве уверяют, будто бы у нас согласны с Францией почти по всем пунктам и что, поэтому, совещание сведется к простой формальности. Во всяком случае, буду очень рад приезду Мандельштама.

Извольский.

---

[1]) № 12654 в деле отсутствует; нумерация эта принадлежит некоторым телеграммам товарища министра и заведующих политическими отделами; возможно, что за № 12654 министерство повторило телеграмму Сазонова № 4139 (см. стр. 360).

№ 328.

Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов послу в Париже А. П. Извольскому.

Телеграмма.

№ 4481. 31 августа/13 сентября 1915 г.

Ссылаюсь на Вашу телеграмму № 557.

№1. — Ниже следует точка зрения министерства:

Ссылаюсь на проект, передаваемый за № 2 [1]), и французскую ноту 6/19 июля и английский мемуар 29 июня, копии коих вместе с предшествующей перепиской благоволите затребовать у Делькассэ и Бертье [2]):

1. По вопросу о разделении Константинополя в порядке оккупации на три военные зоны полагаем целесообразным сохранить редакцию 8 статьи нашего проекта, которая не предрешает вопроса о размерах этих зон, т.-е. идет навстречу желанию 3-го пункта английской ноты.

(Для Вашего личного руководства: Но мы не желали бы допустить увеличения числа военных зон и занятия их другими государствами).

2. В вопросе об отношениях между гражданской и военной властью разделяем французскую точку зрения. На военной власти должна лежать лишь забота о защите занятой территории и обеспечение внутреннего порядка. Контроль главнокомандующего над верховными комиссарами держав и всей гражданской администрацией, как то предлагает английский мемуар,

---

[1]) Телеграмма Сазонова за № 2 в деле архива б. министерства иностранных дел отсутствует. В делах имеется два варианта «Положения о временном управлении Константинополем»: 1) французский текст с пометкой: «отправлено в Париж по телегр. 29 авг. 1915 года, № 4455»—в подборе исходящих телеграмм МИД за 1915 г. и 2) русский текст без даты, находящийся в подобранном мин. ин. дел деле «Константинополь и Проливы 1915 г.—С». Оба текста почти дословно совпадают и можно предположить, что один из них является переводом другого с некоторыми неточностями. Основное различие заключается в пункте 5, где перечислены шесть директоров департаментов. Во французском тексте перечисленные департаменты совпадают с теми, о которых говорит Сазонов в своей телеграмме № 4481, что дает возможность предполагать, что именно этот проект Сазонов имеет в виду. Что касается русского текста, то в нем вместо указанного у Сазонова департамента вакуфов упоминается департамент общественных работ и путей сообщения. Позже в русский текст проекта были министерством внесены изменения, и число директоров было сведено до 3-х (слово «шесть» в двух местах вычеркнуто карандашем, а слова: «4) директора департамента народного просвещения, 5) директора департамента общественных работ и путей сообщения и 6) директора департамента торговли и промышленности» заклеены). В нашем издании мы приводим русский текст в его первоначальном виде с указанием всех различий с французским текстом. (См. след. документ).

[2]) Берти?

нам представляется недопустимым. Зато круг ведения военных властей, определенный в 8 статье нашего проекта, может быть расширен, если англичане найдут это необходимым.

3. Общие начала временного гражданского управления, изложенные в статьях 1—7 нашего проекта, не встретили принципиальных возражений со стороны союзников. Предлагая шесть директоров департаментов, мы, согласно желанию французов, готовы предоставить комиссарам право учреждения новых управлений по мере надобности; при этом мы предполагаем предоставить всем союзникам одинаковое число мест начальников управлений, оставляя за собой департаменты внутренних дел и юстиции; финансы и народное просвещение могут быть предоставлены французам, торговля и таможни англичанам, а вакуфы [1]) мусульманину.

4. Наш проект следует дополнить статьями касательно юрисдикции. В этой области наши пожелания сводятся к следующему:

а) туземные суды разбирают все дела между одними турецкими подданными, под наблюдением директора юстиции.

б) дела между подданными союзных и нейтральных держав остаются в ведении консульских судов;

в) относительно смешанных дел между турецко-подданными и всеми иностранцами, включая нейтральных, мы принимаем последнее французское предложение об учреждении смешанного суда из русского, французского, английского и двух туземных судей. Компетенция этого суда распространялась бы также на подданных воюющих с нами держав. Однако, совету верховных комиссаров должно быть предоставлено право, в случае необходимости, изменить весь порядок судоговорения, не касаясь только компетенции консульских судов. Что касается военных судов, то мы не встречаем препятствий к пополнению или изменению десятой статьи нашего проекта, в смысле французской ноты. Но мы возражаем против 13 статьи английского предложения, передающей военным судам все важнейшие уголовные дела, так как, согласно 5 статьи той же английской ноты, введение гражданского управления предполагает восстановление порядка и делает излишним такое расширение военной юрисдикции.

5. Наш проект может быть дополнен статьями о городском самоуправлении и о налогах и пошлинах, согласно 9 и 10 ст.ст. английской ноты. Другие финансовые и экономические вопросы не подлежат включению в регламент об управлении.

Сазонов.

---

[1]) См. прим. 2 на стр. 339.

№ 329.

Положение о временном управлении Константинополем и прилегающими к нему областями [1]).

I.

Управление Константинополем и прилегающими к нему областями осуществляется от имени трех держав (России, Франции и Великобритании) назначенными ими главноуполномоченными [2]).

II.

Совету главноуполномоченных принадлежит право издавать указы по всем частям гражданского управления.

Совет назначает и увольняет всех высших должностных лиц гражданского управления, определяет круг их деятельности и руководит таковою; в частности, он осуществляет высший надзор за оттоманскими властями и установлениями, сохранение коих на время оккупации он признает возможным.

III.

Совет главноуполномоченных утверждает бюджет управления; возможный дефицит покрывается в равных долях тремя правительствами.

IV.

Решения главноуполномоченных [3]) принимаются единогласно. В случае разделения голосов, дело передается на разрешение правительств трех держав.

V.

Совет главноуполномоченных управляет Константинополем и прилегающими областями при посредстве шести директоров департаментов: 1) директора департамента внутренних дел, 2) директора департамента юстиции, 3) директора департамента финансов, 4) директора департамента народного просвещения, 5) директора департамента общественных работ и путей сообщения и 6) директора департамента торговли и промышленности [4]).

Компетенция этих шести директоров департаментов, обнимающая компетенции прежних турецких министерств [5]), определяется указами совета главноуполномоченных.

Директора департаментов образуют совет.

---

[1]) Сохраняем заголовок подлинника.

[2]) Во французском тексте: «Hauts Commissaires».

[3]) Во французском тексте: «Les décisions du Conseil des Hauts Commissaires».

[4]) См. прим. 1 на стр. 363.

[5]) Слова: «обнимающая компетенции прежних турецких министерств» во французском тексте отсутствуют.

VI.

Все меры управления, кои имеют общее значение или касаются двух или нескольких департаментов, обсуждаются в совете директоров департаментов.

Все дела, обсуждавшиеся в совете директоров департаментов, представляются совету главноуполномоченных.

VII.

В порядке гражданского управления Константинополь и прилегающие к нему области разделяются на секторы, количество коих определяется указом совета главноуполномоченных.

Во главе секторов стоят их начальники, назначаемые советом главноуполномоченных, по представлению директора департамента внутренних дел, коему они и подчиняются [1]).

VIII.

В порядке военной оккупации Константинополь и прилегающие к нему области разделяются на три военных зоны, из коих каждая занимается войсками одной из союзных держав.

Командующим оккупационными силами каждой военной зоны предоставляется:

1) назначать реквизиции;

2) воспрещать вывоз из зоны всех материалов, необходимых для войны, и предметов питания;

3) запрещать удаляться из зоны лицам, которых присутствие они признают необходимым в целях войны.

IX.

Начальники секторов обязаны содействием командующим военными зонами в пределах компетенции последних.

X.

В каждой из военных зон, занятых тремя державами, учреждаются военные суды, ведению их подлежат нижеследующие преступные деяния:

1) бунт против власти главноуполномоченных, посягательства на жизнь главноуполномоченных, государственная измена и противодействие правосудию;

2) сопротивление установленным властям и посягательства на жизнь, здоровье и честь чинов армии и флота [2]), а равно и гражданских чинов трех держав;

---

[1]) Во французском тексте второй абзац ст. VII отсутствует; первый абзац его соответствует русскому тексту, но с добавлением следующей фразы: «sur la proposition du Directeur du Département de l'Intérieur».

[2]) Во французском тексте вместо: «чинов армии и флота», имеется: «des généraux, officiers et soldats des armées et des flottes».

3) совершенные с политической целью убийства, разбои, поджоги, а равно истребление и повреждение чужого имущества;

4) составление мятежных или преступных шаек;

5) повреждение железных дорог, телеграфов или телефонов;

6) изготовление, приобретение, хранение, ношение и сбыт, без надлежащего разрешения, оружия, взрывчатых веществ и снарядов.

При применении предшествующих постановлений настоящей статьи, военные суды каждой державы будут руководствоваться своими военными уставами

Главноуполномоченным предоставляется, по соглашению с начальником военных сил держав [1]), распространять ведомство военных судов и на иные, кроме указанных, преступные деяния.

Военным судам зоны принадлежит разбирательство всех означенных в предыдущих частях сего параграфа преступных деяний, независимо от подданства обвиняемого. Однако, подданные одной из оккупирующих держав, совершившие преступные деяния в пределах зоны, занимаемой чужими войсками [2]) передаются для суда своим военным властям.

№ 330.

Российский посол в Париже А. П. Извольский министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 608. 17/30 сентября 1915 г.

Копия в Лондон.

Ваши телеграммы №№ 4181 и (1451) [3]).

Временный режим Константинополя. — Я неоднократно обращался по сему делу в здешнее министерство иностранных дел и каждый раз получал заверение, что дело не теряется из виду, что министерство приступило к выработке программы с целью согласовать высказанные тремя союзниками пожелания, но что дело задерживается другими более спешными заботами. С другой стороны, английское посольство не получило еще никаких инструкций об обсуждении сего дела в Париже. По существу дела до сих пор выяснилось, что французы будут вполне на нашей стороне в вопросе о невозможно-

---

[1]) Во французском тексте: «après entente avec le Haut Commandement Militaire de Constantinople».

[2]) Во французском тексте: «qui auront commis des crimes ou délits en dehors de la zone militaire, occupée par les troupes de leur gouvernement»,

[3]) В подлиннике номера телеграмм плохо расшифрованы и № 1451 заключен в скобки. Телеграмма за № 4181 от 14/27 августа 1915 г. адресована управляющим III политическим отделом Клеммом и. о. чиновника пограничных сношений при наместнике на Кавказе и говорит о содержании казачьей бригады в Персии. Повидимому, следует читать № 4481 (см. стр. 363).

сти подчинения комиссаров военному начальству, но что они будут очень настаивать на включении в соглашение: 1) формулы, хотя бы в общих выражениях, ограждающей экономические их интересы, и 2) формулы, обеспечивающей сохранение на время оккупации комиссии турецкого долга, с введением, конечно, в оную нашего делегата. Есть также предположение заранее разграничить зоны оккупации каждого из союзников, при чем здесь уверяют, что наше министерство в принципе не возражает против этого.

Извольский.

VIII.

Вопрос о Константинополе и Проливах в связи с пожеланиями сепаратного мира между Россией и Германией

25 февраля/10 марта 1915 . — 28 января/10 февраля 1917 г.

№ 331.

Частное письмо кн. М. А. Васильчиковой на имя Николая II [1]).

Клейн-Вартенштейн, Глоггнитц
(Нижняя Австрия).
25 февраля/10 марта 1915 г.

Ваше величество,

Сознаю всю смелость моего поступка писать вашему императорскому величеству, — но только беспредельная любовь к Вам, государь, и к моему отечеству побуждает меня это сделать, — и умоляю ваше величество соблаговолить прочесть эти нескладные, но вылившиеся из души строки.

В настоящее грустное время я, кажется, единственная русская, имеющая доступ к Вам, ваше величество, которая находится во враждебной нам стране, и к тому же, ради пребывания здесь летом семьи моего племянника Скоропадского и анонимных доносов, что я скрываю русских шпионов, нахожусь в плену, т.-е. не смею выходить из моего сада, и ко мне сюда приехали трое: два немца и один австриец, — все трое более или менее влиятельные люди, — и просили меня, если возможно, донести вашему величеству, «что теперь все в мире убедились в храбрости русских и что, пока все воюющие стоят почти в одинаковом положении, не будете ли Вы, государь, властитель величайшего царства в мире, не только царем победоносной рати, но и царем *мира*. У Вас у первого явилась мысль о международном мире, и по инициативе вашего величества созван был в Гааге мирный конгресс [2]). Теперь одно ваше могучее слово, и потоки, реки крови остановят свое ужасное течение. Ни здесь в Австрии, ни в Германии нет *никакой ненависти* против России, против русских; в Пруссии император, армия, флот сознают храбрость и качества нашей армии, и в этих обеих

---

[1]) Печатается с копии, имеющейся в деле.
[2]) Гаагский мирный конгресс 1899 г.

странах большая партия за мир, за прочный мир с Россией. Теперь все гибнет: гибнут люди, гибнет богатство страны, гибнет торговля, гибнет благосостояние, — а там и страшная желтая раса; против нее стена одна — Россия, имея во главе Вас, государь. Одно Ваше слово, и Вы к Вашим многочисленным венцам прибавите венец бессмертия».

Я была совсем изумлена, когда мне все это высказали. На мое возражение, — что могу я, — мне отвечали: — «Теперь дипломатическим путем это невозможно, поэтому доведите Вы до сведения русского царя наш разговор, и тогда стоит лишь сильнейшему из властителей, не побежденному, сказать слово и, конечно, ему пойдут всячески навстречу». Я спросила — «а Дарданеллы?» — Тут тоже сказали: — «Стоит русскому царю пожелать, и проход будет свободен».

Люди, которые со мной говорили, не дипломаты, но люди с положением и которые лично знакомы и в сношениях с царственными правителями Австрии и Германии. Вспоминаю князя Лобанова, так искренно преданного вашему величеству и России, он всегда стоял за дружбу трех императоров — «l'Alliance des trois Empereurs» [1]).

Здесь, повторяю, нет не только ненависти, но даже настоящего враждебного чувства к России, и трое со мной говорившие бывали в России, ее знают и любят. Тоже к Франции и к Японии нет ожесточенности, — но, правда, ненависть *огромная* к Англии.

Ваше величество, я себя чувствовала не в праве не передать все вышеизложенное, которое теперь, что ни в Германии, ни в Австрии нет Вашего представителя, мне пришли высказать. Молю меня простить, если ваше величество найдет, что я неправильно поступила.

Конечно, если бы Вы, государь, зная Вашу любовь к миру, желали бы через поверенное, близкое лицо убедиться в справедливости изложенного, эти трое говорившие со мной могли бы лично все высказать в одном из нейтральных государств, но *эти трое* не дипломаты, а, так сказать, *эхо* обеих враждующих стран.

Вашего императорского величества
глубоко преданная подданная

Мария Васильчикова.

№ 332.

Частное письмо кн. М. А. Васильчиковой на имя Николая II.

Берлин, 14/27 мая 1915 г.

Ваше величество,

Осмеливаюсь еще раз писать Вам, государь, и этот раз из Берлина, куда меня просили приехать, или вернее за мной приехали в Клейн-Вартенштейн под *предлогом,* что я могу в Германии видеть моего племянника, который находится здесь в плену, а в *сущности,* чтобы я могла передать вашему

[1]) «Союз трех императоров».

величеству разговоры, которые тут имела. Вашему величеству известно, что с августа месяца я в Клейн-Вартенштейне более или менее в плену — мне запрещено выходить из моего сада. Здесь же в Берлине я пользуюсь полной свободой, и мне даны всяческие права, которыми никто из иностранцев, теперь живущих в Берлине и Германии, не пользуется, и это с ведома императора Вильгельма, который знает благосклонное и милостивое отношение вашего величества и государыни императрицы ко мне. Я горько раскаиваюсь, что покинула Россию, и теперь в эти тяжелые времена не могу быть полезной, но, может, воля всевышнего так решила, и далеко от родины я все же могу ей служить, поэтому и дерзаю передать все слышанное. Уже с конца февраля ко мне в Клейн-Вартенштейн приезжали говорить о мире, — как писала вашему величеству. Теперь, хотя, конечно, не официально, но из всех разговоров можно ясно понять, что желание мира с Россией *очень* усилилось. Тут многие ко мне приезжали, и министр иностранных дел фон-Ягов, которого давно знаю, был у меня несколько раз и долго говорил о теперешнем положении, скажу больше, с его желания и ведома передаю наши разговоры. Так как они велись на французском языке, стараюсь дословно их передать на том же языке, и Вы усмотрите, что Германия *искренно* желает прекратить войну, как можно скорее, и сделаться не врагом, а другом и союзником России.

Все [1]) здесь согласны в том, что мир между Германией и Россией является вопросом жизни для обеих стран, которые соединяет столько торговых интересов и которых, в сущности, не разделяют никакие политические разногласия. Конечно, Австрия должна быть в него включена, так как Германия не может и не хочет выпускать из своих рук Австрию, которая во всяком случае выйдет из этой войны ослабленной. Следует прекратить бойню именно теперь, когда, несмотря на большие потери с той и с другой стороны, ни одно из государств, участвующих в войне, не является побежденным. Россия выиграет гораздо больше, если она заключит благоприятный мир с Германией, даже в вопросе о Дарданеллах, которые, — признает Германия, — представляют вопрос первостепенной важности для России. Здесь убеждены, что Англия пожелает и будет настаивать на том, чтобы иметь свободу действий на Черном море; другими словами, что она пожелает там господствовать, так как она называет себя «владычицей морей». Это представило бы большую опасность, если Россия когда-нибудь будет воевать с Англией. Мне было указано, что Англия никогда не была истинным другом своих союзниц, — *она любит чужими руками жар загребать.* Англия стремится добиться преобладающего влияния в Константинополе и, несмотря на все ее обещания, она никогда не позволит России захватить этот город или сохранить его за собой, если последняя его займет.

В Германии нуждаются в сильной и монархической России, и два царствующих соседних дома должны поддерживать прежние монархические и дружественные традиции. Продолжение войны рассматривается, как опас-

---

[1]) Текст, начиная со слов: «Все здесь согласны»... и до слов: «Германия хочет прочного мира с Россией» — в подлиннике на французском языке.

ность для династии. Здесь прекрасно сознают, что Россия не желает покинуть Францию, но Германия понимает, что это для России вопрос чести, и она не выставит никаких препятствий к справедливому соглашению.

Здесь не предполагают создавать новое королевство Польское, которое будет источником разногласий, и, кроме того, оно очень скоро погибнет, не имея свободного выхода к морю, так как ни Россия, ни Германия не подумают пожертвовать для Польши одним из своих портов на Северном море.

Также понимают здесь, что для безопасности Европы от желтой расы необходима сильная Россия. Кроме того, по заветам Бисмарка следовало предоставить России свободу действий в Азии.

Война с Италией никого не пугает. С осени весь юг Тироля полон австрийскими войсками, и немцы не так давно равным образом направили туда силы. Согласно точным сведениям, война [с Италией] была устроена на английские деньги, и политические вожди, франк-масоны, радикалы и tutti quanti, истинной целью которых является низвержение тронов, получили несколько миллионов лир. К тому же здесь полагают, что ваше величество были против вмешательства Италии в эту войну. И самым решительным образом мне повторяли несколько раз, что в стране нет никакой ненависти по отношению к России.

Мне также говорили о плохом обращении с германскими гражданскими пленными в России и мне рассказали, что ваше величество, узнав об этом, соблаговолили собственноручно предписать улучшить обращение, а что в военном министерстве добавили: «только для лиц славянского происхождения». В Петрограде гражданские пленные не жалуются в такой степени, но один секретарь американского посольства писал сюда, что в провинции обращение «скандальное», при чем с гражданскими пленными еще более, чем с военными. Также здесь крайне взволнованы судьбой германского консула в Ковно, барона Лерхенфельда [1]), который уже девять месяцев находится в Петропавловской крепости, будучи обвинен за нахождение у него военных топографических карт. И еще, что не могут понять, — это приговор к смертной казни двух офицеров-летчиков г.г. де-Кнобельсдорф и де-Рувилль, который, по милости вашего величества, был заменен осуждением на принудительные работы. Они, будто бы, бросали прокламации, — простой военный прием, которым, кажется, пользуются во всех армиях. В общем, из всех этих разговоров можно было понять, что Англия не истинный друг России и что Германия не удивится, если через несколько лет она предложит свои силы Германии против России, — *но Германия хочет прочного мира с Россией.*

Из вышеизложенного ваше величество усмотрите, что первая попытка о сближении с Россией, хотя не официальная, но все же исходит из Германии. Здесь говорят, что в последнее время в. к. Николай Николаевич делает

---

[1]) Германский консул в Ковно бар. Лерхенфельд в начале мировой войны был задержан русскими военными властями и заключен в Петропавловскую крепость. Попытки германского правительства добиться через министерство иностранных дел его освобождения встречали сопротивление со стороны Ставки. (Письмо Кудашева от 30 октября/12 ноября 1914 г.).

ошибку за ошибкой и что он совсем не жалеет солдат, — это говорят и раненые русские и пленные. «Жизнь солдата ему ни по чем». По 2-е или 3-е мая нового стиля в Германии числилось пленных русских:

офицеров	5500
солдат	520000

Теперь после последних сражений в Карпатах число значительно увеличилось. Офицеры находятся в 25 лагерях, а солдаты в 90. (Точные сведения из военного министерства). В Австрии за последнее время было перевезено по железным дорогам 194000, а сколько вообще находится русских пленных в Австрии, мне неизвестно.

Чтобы я могла видеть и судить, как содержатся русские военнопленные здесь, мне прислали военный автомобиль с молодым адъютантом фон-Притвиц и, как огромное изъятие (женщины не допускаются в военные лагеря, где находятся военнопленные), позволено было показать мне весь лагерь в Дёбериц, около Берлина, и свободно говорить, с кем хочу, из пленных. Конечно, очень грустно было видеть наших солдат в плену, но, слава богу, у них вид бодрый, здоровый и, казалось, рады были, что могли со мной говорить. Почти все говорят: «Грех сказать, чтобы нас обижали, только страсть скука, так и тянет на родину, куда жизнь дома лучше; а что слыхать, скоро мир?». Конечно, ваше величество, говорила с ними о Вас и смела сказать, что напишу Вам, что их видела, у всех глаза засверкали, лица оживились и один фельдфебель просил сказать: «Земной поклон нашему царю, мы все у его ног».

В Дёбериц около пяти тысяч пленных, живут они в более, чем сорока бараках, везде очень чисто, везде канализация и воздух чистый. Наши солдаты, столяры, сапожники, портные, занимаются своим мастерством в светлых мастерских. Повара готовили ужин в больших кухнях. Хлеб хороший, напоминает наш черный. Я спросила, что бы они желали иметь. Все просят русские книги для чтения, — учебники русско-немецкие, некоторые — молитвенники, евангелия, святцы, тоже польские книги. Может быть ее величество соблаговолит приказать послать книги в Дёбериц (около Берлина). Вообще наши солдаты жалуются, что так мало получают из России, и начальник лагеря, обер-лейтенант Альберти, мне это подтвердил и удивлялся, что, в сравнении с англичанами, русские почти ничего не получают; я сама видела, в отделении для посылок более половины большой комнаты заставлена английскими посылками, а русских лежало только несколько на полке. Альберти мне сказал, что часто означенное на посылке (в русских) не находится там, или же иногда съестные припасы до того испорчены, что ради гигиены приходится их уничтожать. Все лагери для пленных построены, как лагерь в Дёбериц. В настоящее время в Дёбериц 2000 человек русских, остальные находятся на полевых работах у помещиков артелями по 30 — 50 человек. Им положена ежедневная плата, которую они получат на руки по заключении мира. Каждые пятнадцать дней приезжает в лагерь русский священник. В Дёбериц, кроме врачей, нет офицеров. Я говорила с одним доктором, который сказал, что больных очень мало, есть некоторые с больными глазами,

но и те все выбежали, даже добрый хохол, у которого горло болело, посмотреть на свою землячку.

Мой племянник Милорадович, сын моей сестры, переведен теперь со всеми офицерами, которые были в Burg в Mainz, и я получила позволение его видеть в Франкфурте, куда его перевезли на автомобиле в General Commando,—где я его два часа видела без свидетелей. Конечно, он очень скучает, и ему больно, что именно теперь он не может служить своему дорогому отечеству. Вместе с ним в Mainz много англичан, французов, бельгийцев. Он говорит, что англичане симпатичнее других, но прямо, не стесняясь, говорят — как только будет мир, *мы немедленно заключим союз с Германией, чтобы напасть на Россию!!!* Да, не даром Хомяков говорил про Англию: «Коварный Альбион».

Великий герцог Гессенский, узнав, что я в Франкфурте, не медля телефонировал приехать завтракать в Вольфсгартен. Лишнее говорить, с какою любовью он говорил про Вас и императрицу и как искренно он желает мира и как радовался, что ф.-Ягов решился со мной высказаться.

Это письмо будет доставлено в Царское Село и передано дежурному флигель-адъютанту для передачи в собственные руки вашего величества. Смею просить приказать мне дать ответ, который могу передать ф.-Ягову. Я буду его здесь ждать, — а потом, увы, должна вернуться в Клейн-Вартенштейн, который до окончания войны не имею права покинуть. Если ваше величество решите с высоты Вашего престола произнести слово мир, Вы решите судьбу народов всего мира, и если Вы пришлете доверенное лицо, единовременно такое же лицо будет послано отсюда для первых переговоров.

Вашего императорского величества

с чувством глубочайшей преданности верноподданная

Мария Васильчикова.

Если бы ваше величество пожелали, чтобы я лично передала все слышанное и все, что видела здесь и в Германии, мне всячески облегчат путешествие в Царское Село, — но я должна все же вернуться в Австрию до окончания войны [1]).

[1]) В декабре 1915 г. Васильчикова приезжала в Петроград с письмами от Эрнста Гессенского к Николаю II и Александре Федоровне. Предпринятые ею шаги были встречены несочувственно. Васильчикова была лишена придворного звания и выслана в Черниговскую губернию. (Эпизод этот подробно рассказан в мемуарах Неклюдова, с которым Васильчикова имела продолжительную беседу при проезде через Стокгольм,—«Dipl. Reminiscences», London 1920, c. XX p.p. 372—375, а также в воспоминаниях Палеолога «La Russie des Tsars pendant la Grande Guerre», Paris, 11 ed. 1923, p.p. 141—144, и Бьюкенена—«My mission to Russia», London, 1923, v. I, p. 252).

№ 333.

Российский посланник в Стокгольме А. В. Неклюдов министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 234. 7/20 июля 1915 г.

Сюда приехал на-днях из Берлина директор Deutsche Bank Монкевиц. В разговоре с одним русским, коему, очевидно, поручено было мне это передать, директор упомянутого банка высказал горячее пожелание берлинских правительственных кругов добиваться отдельного мира с Россией. Во всей Германии чувствуется-де бесцельность борьбы с восточной соседкой, против которой, яко бы, не питают никакой злобы; Германия готова была бы предложить России для замирения то, что издавна составляло историческую нашу цель, а именно Константинополь и Проливы, вознаградить Турцию Египтом, кроме того, можно было бы разграничиться удобнее, отдав Германии восточную часть (.....сувки), а России часть восточной Галиции. Сопоставляя эти предложения Монкевица, хорошо известные и Луциусу, с недавними хвалебными отзывами Свен Гедина о русской армии, очевидно, навеянными из германской главной квартиры, можно заключить, что, несмотря на повсеместное движение германских войск вперед на восточном фронте, в Берлине сильно озабочены дальнейшим течением войны и конечными ее последствиями.

Неклюдов.

№ 334.

Российский посланник в Стокгольме А. В. Неклюдов министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 241. 10/23 июля 1915 г.

Ссылаюсь на мой № 234.

В настоящую минуту германская пресса и германский здешний агент распространяют, что в ближайшем времени после ожидаемого решительного боя в районе Вислы и, разумеется, победы германских войск, Россия немедленно склонится на переговоры о сепаратном мире, по которому она получит Проливы, а Германия — Польшу. Телеграмма петроградского агентства от 22 июля, передающая мнение наших военных авторитетов о неминуемом бое, который для нас решит всю кампанию, рассматривается здесь в биржевых и политических кругах, как полное подтверждение германских ожиданий. Здесь выставляют телеграмму, как заблаговременное извещение о неминуемом русском поражении, после которого нам не останется иного выхода, как заключить не безвыгодный мир. Это тем неприятнее, что все германские происки, очевидно, рассчитаны на возбуждение недоверия между союзниками.

Неклюдов.

№ 335.

Российский посланник в Стокгольме А. В. Неклюдов министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 260. 15/28 июля 1915 г.

№ 1.

Ссылаюсь на свой № 234.

То же лицо, вызванное Монкевицем в Мальмэ, передало мне следующий разговор, имеющий уже характер прямого предложения. М. начал с того, что в Германии существуют, яко бы, 2 партии сепаратного мира, одна стоит за уступки в пользу Англии, другая — за уступки России. Первая партия представлена, главным образом, в Гамбурге; к ней принадлежит Дернбург, ее поддерживают американцы и сам Вильсон. Вторую составляет большинство германского народа, который решительно не понимает смысла ожесточенной (борьбы) с Россией, и правительство, понимающее, что в вопросах войны, которая ведется всем народом, нужно считаться с народными чувствами и симпатиями. М. продолжает: 1) Война началась с (того), что Россия вступилась за Сербию, а Германия за Австрию: если оба клиента сговорятся и помирятся, — а это весьма возможно, — то какой смысл будет в продолжении войны между патронами. 2) Россия доверяет Англии, как верному союзнику, а между тем из Англии делались нам за последние недели предложения о примирении; условиями ставилось — полное освобождение Бельгии и, взамен того, возвращение наших колоний. Англия видит теперь, что ей придется делать огромные денежные пожертвования для поддержки союзников, и начинает понимать, что результаты могут далеко не оплатить издержек. Английская партия в Германии желает, чтобы Россия была отброшена, как можно далее, на восток, при чем Польша, Литва и Балтийский край образовали [бы] буфер-штаты. (Германские) министерства этим воззрениям не сочувствуют, привыкнув издавна к тому, чтобы Россия и Германия экономически дополняли друг друга. 3) Германия понимает, что России нужна полная и обеспеченная свобода Проливов. Взять их силой невозможно; но допустимо, что англо-французы их все-таки возьмут; едва ли они и Италия отдадут их когда-либо в полную собственность России; между тем Россия на это твердо рассчитывает и потому именно так держится своих союзников. Мы же готовы и можем устроить так, чтобы Проливы сделались русско-турецко-германской территорией при совершенно срытых укреплениях. Турция очень неохотно пошла бы на разрешение (вопроса) в англо-германском объяснении и, напротив того, горячо бы желала соглашения с Россией через Германию.

Неклюдов.

№ 336.

Российский посланник в Стокгольме А. В. Неклюдов министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Телеграмма.

№ 260. 15/28 июля 1915 г.

№ 2.

В 4-х, побочным условием явилось бы некоторое исправление и испрямление границы в царстве Польском и в Галиции. В 5-х, в Германии поняли, какую ошибку сделали в 80-х годах, отказавшись от участия в русских займах и даже запретив одно время их котировку в Берлине. Россия именно таким образом была брошена в объятия Франции, а потом и Англии. При заключении предстоящего сепаратного мира, Германия могла бы обеспечить России заем от 5-ти до 10-ти миллиардов марок, зная, что они пойдут на развитие русских богатств. В 6-х, в настоящее время ожидается движение германских войск вперед и занятие... городов. Весьма важно, чтобы негласные переговоры начались и привели к начальному результату ранее этого занятия. Тогда наша армия могла бы приостановить свое движение. Между тем как, в случае занятия нами Варшавы и Риги [1]), соглашение на вышеизложенных условиях будет уже трудно, ибо общественное мнение Германии, вздутое победой и взятыми залогами, не поймет столь больших уступок в пользу России. В 7-х, Монкевиц закончил предложением, чтобы в Мальмэ или Копенгагене встретились, как можно скорее и самым секретным образом: с германской стороны лица, в роде Бедельсона или Варбурга, с русской стороны....выдающийся финансист, не компрометируя, таким образом, официальной дипломатии обеих стран. Помимо германских опасений за исход войны, эти новые предложения Монкевица указывают на усиленные старания немцев внести рознь среди союзников. Я уверен, что все вышеизложенное уже передано англичанам, как, яко бы, русские предложения сепаратного мира с Германией. Позволяю себе выразить мнение, что подобные маневры немцев должны бы быть немедленно сообщаемы союзниками друг другу. Русский собеседник Монкевица — коммерсант, состоятельный русско-польский полу-еврей, воспитанник берлинского политехникума... коммерческие связи и знакомства в Берлине. Здесь он ведет себя безупречно, много и толково помогая нашей транзитной и экспортной торговле. Я ответил ему лишь, что едва ли из планов Монкевица что-либо выйдет.

Неклюдов.

---

[1]) Варшава была эвакуирована русскими войсками и занята германцами 23 июля/5 августа 1915 г. Что касается Риги, то она была занята только в 1917 г.

№ 337.

Российский посланник в Стокгольме А. В. Неклюдов министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Письмо.

Частное и весьма доверительное.

18/31 июля 1915 г.

Милостивый государь Сергей Дмитриевич,

Секретными телеграммами моими от 10 и 14 сего месяца, за №№ 241 и 260, я имел честь донести о тех предложениях замирения, которые делаются нам с германской стороны.

Предложения эти носят довольно серьезный отпечаток, ибо такое лицо, как директор «Deutsche Bank» Монкевиц, не стало бы действовать по собственному почину.

Доказывая, несомненно, известное переутомление Германии и боязнь ее за конечный исход войны, — несмотря на недавние удачи, — они в этом отношении представляют признак для нас благоприятный.

Но, на ряду с этим, в них заключается и значительная доля не только политической, но и военной хитрости.

Пытаясь завязать какие бы то ни было переговоры с любым из воюющих против нее государств, Германия, несомненно, прежде всего желает посеять подозрения и рознь между этими государствами и побудить каждое из них к начатию подобных же, хотя бы и не гласных, переговоров, — что всегда является первым, хотя бы даже и бессознательным, шагом к ослаблению энергии и непреклонной воли сопротивления.

Я не скрываю нисколько от себя, что с начала летней кампании текущего года мы и наши союзники терпим последовательный ряд неудач. Проливы не взяты и не могут быть взяты, пока с русской стороны не явится возможным высадить значительные десанты и на севере от Чаталджи, и с азиатской стороны Босфора и, таким образом, отрезать Константинополь и Дарданеллы от сообщений с внешним миром. Между тем, непреоборимое наступление превосходного силами неприятеля вытеснило нас из Галиции, из Самогитии и Курляндии, вытесняет ныне и из Царства Польского. Дальнейшее и возможное движение вражеских сил на севере — на Вильну и на Лифляндию — может послужить вяшшим и опасным искушением для шведского шовинизма, а успехи австрийцев в Бессарабии могут иметь последствием даже выступление против нас Румынии. Попытки французов прорвать немецкие линии у Арраса или инде, — попытки в высшей степени серьезные, — кончились неудачей, а английская армия, при всей ее храбрости и стойкости, и даже когда оборудование ее достигнет желаемых пределов, может все-таки оказаться неспособною к активным действиям и к искусному маневрированию.

Таким образом немцы, повидимому, недурно выбрали минуту для заманивающих предложений.

Но допустим, что мы пойдем, или принуждены будем пойти, на эту приманку, и даже что нам удалось бы заключить при таких условиях мир не только почетный, но даже и до известной степени выгодный; каковы были бы дальнейшие последствия подобного образа действия?

Эти последствия были бы — потеря нами навсегда наших нынешних союзников, а вслед затем,—либо вынужденное и окончательное порабощение нашей политики внешней, внутренней и экономической германскому главенству, германскому ревнивому надзору и германскому безграничному использованию, либо новое нападение на нас Германии, но тогда уже безусловно непреодолимое и для нас гибельное...

Я никогда не скрывал моих опасений перед слишком активною политикою нашею на Ближнем Востоке, пока наши военные силы и снаряжение не были доведены еще до должной высоты и мощи; я не увлекался теми «бескровными победами», о которых так часто говорили в наших редакциях и канцеляриях и одним из образчиков коих считался букарестский мирный договор 1913 года; я не увлекался ими, ибо предвидел, что для удержания этих «бескровных» успехов потребуются потоки русской крови; я даже склонен был, — если бы от меня зависело, — к известным уступкам, дабы, через посредство Берлина, установить *временный* modus vivendi между нами и Австрией (подобный тому, который установлен был в Мюрцштеге [1]) и несколько раньше). Но раз дело к тому не подошло, и грозные события, которых свыше тридцати лет с трепетом ждала вся Европа, разразились раньше удобного для нас времени и разразились по предумышленному почину Германии, мы назад итти уже не можем и должны не только «постоять за правду до последнего», но и оградить последующие поколения наши от самого низкого вида рабства и Россию — от безмерного ослабления и неминуемого развала.

Иного исхода, как продолжение борьбы, перед нами нет и быть не может.

Мы надеемся и рассчитываем на неминуемое истощение «людского материала» у германцев. Эти расчеты кажутся мне основательными; но более всего должны мы рассчитывать на подъем и усиление нашей собственной организации, во всех видах и направлениях; и я уверен, что твердо выражен-

---

[1]) 20 сентября/3 октября 1903 г. в Мюрцштегском охотничьем замке состоялось свидание между Николаем II и Франц-Иосифом, во время которого была выработана программа реформ, необходимых для Македонии, являвшаяся продолжением и развитием австро-русского соглашения 1897 г. Программа эта была предложена турецкому правительству, которое было вынуждено ее принять. Она предусматривала создание особой жандармерии под начальством назначенных державами офицеров, допущение христиан в администрацию и некоторые другие реформы. Мюрцштегское соглашение было последней фазой сотрудничества русского и австро-венгерского правительств в Македонии. Впоследствии, как известно, в области македонских реформ (начиная с 1909 г.) Россия искала сотрудничества Англии.

ная в этом смысле воля царя и народа и твердо предпринятая в этом направлении работа обеспечат нам конечное торжество и, прежде всего, усугубят уважение к нам и союзников, и колеблющихся нейтральных.

С глубоким почтением и совершенной преданностью имею честь быть вашего высокопревосходительства покорный слуга

Неклюдов.

№ 338.

Греческий поверенный в делах в Петрограде Д. Какламанос председателю совета министров Д. Гунарису.

Шифрованная телеграмма [1]).

20 июля/2 августа 1915 г.

Доверительно. Я узнаю, что директор «Deutsche Bank» обратился две недели тому назад через посредство одного нейтрального правительства к русскому правительству с предложениями о сепаратном мире, уверяя, что Германия могла бы предоставить русским даже Проливы и Константинополь. Никаких последствий это предложение не имело.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II (черта и две точки).

№ 339.

Греческий поверенный в делах в Петрограде Д. Какламанос министру иностранных дел С. Скулудису.

Шифрованная телеграмма [2]).

20 ноября/3 декабря 1915 г.

Доверительно. Французский посол уполномочил меня использовать, в моих доверительных сообщениях вашему превосходительству, следующую информацию, о которой он телеграфировал в Париж. Почти дословно он телеграфирует в своей депеше:

«Один нейтральный влиятельный член крупного синдиката германских промышленников, действующих в Стокгольме, несколько дней тому назад был проездом в Москве и при свидании с крупным французским промышленником, обосновавшимся там уже 40 лет тому назад, сделал ему следующее сообщение:

Германские промышленники, имея в виду усиление оппозиции против военной партии в Германии, которая толкает цивилизованные нации [на войну], ручаются за принятие рейхстагом сепаратного мира с Россией на следующих условиях:

---

[1]) Перев. с фр.

[2]) Перев. с фр

1) Принятие проекта таможенного тарифа, выработанного промышленниками Москвы.

2) Нейтрализация Проливов.

3) Создание Великой Польши, которая будет служить буферным государством между Россией и Германией.

4) Уступка... [1]) России.

5) Исправление границ в Восточной Пруссии в благоприятном для России смысле.

6) Полная эвакуация русских территорий, занятых германцами.

... [1]) защищает идею русско-германского союза, направленного против Англии, являющейся их общим врагом.

Посол, не придавая официального характера этим предложениям, рассматривает их, тем не менее, как симптоматические.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II (черта и две точки)

№ 340.

Великобританский статс-секретарь по иностранным делам сэр Эд. Грэй послу в Петрограде сэру Дж. Бьюкенену.

Шифрованная телеграмма [2]).

№ 2552. 2 ноября 1916 г.

Из Копенгагена 1834.

Я узнаю из одного ответственного источника, который, однако, не хочет быть указанным, что один крупный германский дипломат на пути в Стокгольм проехал через Копенгаген.

Полагают, что целью его является воспрепятствовать англо-шведским переговорам [3]). Из того же источника я узнаю, что недавно начались в Швеции переговоры (при чем князь Вреде служил в качестве посредника) между германским государственным деятелем и русским, возвращающимся из Лон-

---

[1]) В подлиннике пропуск одного слова.

[2]) Перев. с англ.

[3]) Англо-шведские переговоры 1915 г. касались пропуска военной контрабанды через Швецию в Германию и мер пресечения, которые применяло в этом случае английское правительство. Переговоры эти осложнялись тем, что английские мероприятия наносили ущерб заказам русского военного ведомства за границей, частью шедшим через Швецию, на что русское верховное командование неоднократно обращало внимание Англии. Англо-шведские переговоры 1916 г. ставили своей непосредственной целью нормировать ввоз товаров в Швецию. Для России эти переговоры представляли особый интерес, так как в результате их между Англией и Швецией должно было состояться соглашение о беспрепятственном транзите в Россию товаров, внесенных до этого английским правительством в запретительные списки. (Исходящие и входящие телеграммы архива б. министерства иностранных дел за 1915—1916 г.г.).

дона [1]). Мой осведомитель указал, что он слышал, будто в условия сепаратного мира с Россией входит пожертвование европейской Турцией, нейтрализация Дарданелл, уступка Галиции и заем в 1.500 миллионов марок для России; Австрия останется независимой при жизни императора Франц-Иосифа, но после должна быть поделена на... [2]).

№ 341.

Российский поверенный в делах в Берне М. М. Бибиков товарищу министра иностранных дел А. А. Нератову.

Телеграмма.

№ 716. 26 октября/8 ноября 1916 г.

Сватковский сообщает из кругов, близких германской миссии: Решение польского вопроса предпринято экстренно, вследствие требования Гинденбурга, три недели тому назад, принять план, выработанный кружком Лемпицкого в сотрудничестве с бароном Фридрихом Рооп. Последний, вместе с другим балтийским бароном, другом кронпринца, играет в Берлине видную роль в планах разложения России. После Польши на очереди отделение Литвы, которое подготовляется с лихорадочной поспешностью. Она войдет, в качестве автономной государственной единицы, в состав германского союза. За Познань и Галицию полякам будут сулить вознаграждения в сторону Белоруссии. Три-четыре уезда уже обещаны им. Дальнейшие перспективы оставлены в тумане, чтобы не потерять шансов на мир с Россией. Южная часть Сувалкской губернии отойдет к Польше, также и Холмщина, однако, если неприятелю удалось бы продвинуться дальше в Волыни, восточная Холмщина будет соединена с западной Волынью, где будет создан украинский Пьемонт для агитации в Малороссии. Королевство польское должно будет стать центром и деятельным органом агитации национальностей в России. Полякам будет предложено агитировать в нейтральных странах в пользу мира на основе польского государства. С этой целью Рооп организовал польскую депутацию, которая уже направилась в Америку. Германия считает, что решение польского вопроса приближает мир с Россией, ибо упрощает положение. Решительное нападение на Румынию с целью ее ликвидации было произведено, главным образом, чтобы выяснить России, что она потеряла балканский путь к Константинополю. Проход через Проливы вместе с восточной Галицией и Арменией она может получить в обмен на Польшу и Литву только от Германии, продолжая безнадежную . . . ., с которой будет воевать только для Англии.

Бибиков.

---

[1]) Предшествовавшие этим переговорам, переговоры Протопопова с Варбургом в июле 1916 г., опубликованы нами в I томе настоящего издания (см. стр. 405), так как они представляются существенно необходимыми для понимания политической обстановки, приведшей к переговорам об опубликовании соглашения о Константинополе и Проливах.

[2]) В подлиннике пропуск одного слова.

№ 342.

Председатель российского совета министров и министр иностранных дел Б. В. Штюрмер представителям России при союзных державах.

Циркулярная телеграмма.

3/16 ноября 1916 г.

Распространенные за последнее время печатью некоторых стран слухи о секретных переговорах, которые, будто бы, ведутся между Россией и Германией о заключении сепаратного мира, не могут, в виду их настойчивости, быть обойдены молчанием со стороны русского правительства. Императорское правительство считает долгом заявить самым категорическим образом, что эти нелепые слухи играют лишь в руку враждебным государствам. Россия сохранит неприкосновенным тесное единение, связующее ее с ее доблестными союзниками, и, далекая от мысли о заключении сепаратного мира, будет биться рука об руку с ними против общего врага, без малейшего колебания, до часа конечной победы. Никакие враждебные происки не окажутся в состоянии поколебать неизменное решение России. Вам поручается дать вышеизложенному самую широкую огласку и довести содержание настоящей телеграммы до сведения правительства, при коем Вы аккредитованы.

Штюрмер.

№ 343.

Российский поверенный в делах в Берне М. М. Бибиков министру иностранных дел Н. Н. Покровскому.

Телеграмма.

№ 867. 6/19 декабря 1916 г.

Телеграмма Мандельштама: По сведениям из местных австро-германских кругов бывший албанский посланник в Вене, Сурея-бей, утверждает в интимных беседах, что ему известны условия, на которых Германия готова заключить мир, а именно: 1) Восстановление Бельгии и возвращение занятых французских провинций. 2) Образование независимого польского королевства из Царства, Галиции и частей германской Польши. 3) Уступка Болгарии Добруджи, а также полосы сербской территории, в целях обеспечения связи между Берлином и Константинополем. 4) Восстановление Сербии, которая за уступленный Болгарии кулуар получила бы земельные приращения в Боснии и Албании. 5) Часть Албании послужила бы также для удовлетворения Италии, с которой Австрия вступила бы в непосредственные переговоры. 6) Россия сохранила бы занятые ею части Армении, в качестве автономной провинции, а Турция была бы вознаграждена занимаемыми ею персидскими землями, что приблизило бы ее к центральной Азии. Констатинополь и Про-

ливы остались бы под властью Турции, но были бы нейтрализованы и укрепления срыты. 7) Египет остался бы под властью Англии, но стал бы к халифату в отношения, установленные уже для Триполиса. 8) Германия получила бы обратно свои колонии. Эти условия, по словам Суреи, выставляются Германией под влиянием одной главной заботы: обеспечить себе во что бы то ни стало преобладание на Ближнем Востоке.

Бибиков.

№ 344.

Российский посланник в Христиании К. Н. Гулькевич министру иностранных дел Н. Н. Покровскому.

Телеграмма.

№ 27. 22 января/4 февраля 1917 г.

Личная.

Сегодня утром нежданно явился в миссию болгарский посланник Ризов, с которым я был в дружеских отношениях во время моей службы в Риме и который афишировал безграничную преданность России. Я высказал ему удивление, что он решился войти ко мне после того, что продался Германии. Он возразил, (что) как личные его чувства, так и чувства Болгарии к России не изменились и что будущее это подтвердит. Он добавил, что нарочито приехал из Берлина, чтобы просить меня телеграфировать вашему высокопревосходительству о желании Германии на чрезвычайно выгодных условиях заключить сепаратный с Россией мир. Я не полюбопытствовал узнать, каковы эти условия, но он поспешил выдвинуть решение Германии обеспечить выход из Черного моря не только нашей торговле, но и военным и морским силам. При этом он говорил, что не имеет полномочий ни от германского, ни от своего правительства, что действует на свой страх, дабы оберечь нас от бедствий, которые могут угрожать нам, ибо немцы, будто бы, в мае удивят мир чудовищными вооружениями, но не оставил во мне малейшего сомнения, что действовал по поручению немцев. Я ответил, что не могу передать его слов в Петроград, так как не имею права выслушивать предложения наших врагов. К тому же мы взаимно связаны с союзниками не заключать сепаратного мира, и никакие выгоды не смогут склонить Россию к нарушению принятого на себя обязательства. Он старался убедить меня все же телеграфировать Вам, но я решительно отказался и (мы) расстались. Посещение посланника, полагаю, является новым доказательством отчаянного положения Германии, вынужденной одновременно с объявлением блокады прибегать к посредничеству Ризовых [1]).

Гулькевич.

[1]) Первоначально Ризов обратился с аналогичным предложением к Неклюдову. (См. воспоминания его «Dipl. Reminiscences», с. XXIII, р. 459 и сл.). Последний, по совету французского, английского и итальянского посланников, решился принять его еще до получения инструкций из Петрограда. Ризов указал Неклю-

№ 345.

Российский посланник в Христиании К. Н. Гулькевич министру иностранных дел Н. Н. Покровскому.

Телеграмма.

№ 33. 23 января/5 февраля 1917 г.

Лично.

Ризов, уезжая, предупредил меня по телефону, что он отречется от посещения, если я кому-либо, кроме императорского правительства, сообщу о нем. Он добавил, что приезжал сюда под чужим именем.

Гулькевич.

№ 346.

Российский посланник в Христиании К. Н. Гулькевич министру иностранных дел Н. Н. Покровскому.

Телеграмма.

№ 34. 24 января/6 февраля 1917 г.

Поделился доверительно с союзными посланниками содержанием моих телеграмм №№ 27, 28 [1]) и 33. Коллеги единогласно сходятся со мною в оценке факта, как чрезвычайно благоприятного для Согласия.

Гулькевич.

дову, что он действует по личной инициативе и о его шаге не осведомлены ни в Берлине, ни в Софии. Официальной целью своего приезда в Стокгольм он выставлял необходимость установить более близкие отношения между скандинавскими странами и Болгарией. Не дождавшись ответа из Петрограда на сделанное им Неклюдову предложение, Ризов выехал в Христианию, где вступил в переговоры с Гулькевичем. Общая инструкция по этому поводу, данная Покровским Неклюдову и Гулькевичу, сводилась к тому, чтобы, в случае новых попыток со стороны Ризова, добиться от него более точной формулировки условий. (О дальнейшем ходе этих переговоров см. т. I, прим. 1 на стр. 483).

[1]) Телеграммой за № 28 от 22 января/4 февраля Гулькевич просит восстановить пропуск в тексте телеграммы № 27; после слов: «чудовищными вооружениями» в телеграмме этой следует читать: «но не оставил во мне малейшего сомнения, что действовал по поручению немцев». Это исправление нами внесено в текст телеграммы № 27 (см. стр. 384).

№ 347.

Великобританский посланник в Копенгагене сэр Р. Пэджет статс-секретарю по иностранным делам сэру Эд. Грэю.

Шифрованная телеграмма [1]).

10 февраля 1917 г.

Секретно.

Г. Андерсен [2]) уведомил меня конфиденциальным образом, что, по сведениям, полученным им от одного шведского банкира, между чинами русского и германского минстерств иностранных дел начаты переговоры о заключении сепаратного мира. Посредниками в этих переговорах являются шведско-немецкие банкиры и банкиры германского происхождения в России. Условия следующие: признание уступки Константинополя и ...... [3]) N. N. вполне осведомлен об этих ...... [3]). Датский посланник в Петрограде сообщил, что есть план ...... [3]) N. N. и-или возвести на престол великого князя Александра, или создать ...... [3]) регентство.

На подлиннике собственноручная пометка Николая II (черта и две точки).

---

[1]) Перев. с англ.

[2]) Вероятно, Пэджет имеет в виду датского государственного советника Андерсена. По воспоминаниям Буриана «Drei Jahre», 1923, Berlin, S. 139., Андерсен в 1915 г. дважды приезжал в Петроград, где пробовал добиться от русского правительства согласия на сепаратный мир с центральными державами. По чьему поручению действовал Андерсен, Буриан не указывает. Лично известный Николаю II, Андерсен встретил в Петрограде любезный прием. По поводу цели его путешествия ему, однако, было указано, что Россия отвергает всякую мысль о сепаратном мире. Вторичный приезд Андерсена в Петроград состоялся в июле 1915 г. и по времени совпал с поражением русской армии в Польше и Курляндии. Но и на этот раз Андерсен не добился благоприятных результатов. Принятый, будто бы, Николаем II, он узнал, что царь рассчитывает на осеннее одновременное наступление на западном и восточном фронтах. Андерсен, однако, отметил, что, по сравнению с первым его приездом в Петроград, в России обнаруживалась меньшая враждебность по отношению к Германии, но чувствовалось опасение поссориться с Англией.

[3]) В подлиннике пропуск одного слова.

IX.

Проект босфорской экспедиции

21 февраля/6 марта — 11/24 апреля 1917 г.

№ 348.

Всеподданнейшая записка российского министра иностранных дел Н. Н. Покровского.

Весьма секретно.

Ход военных событий, ныне развертывающихся на европейском театре войны, может еще в течение этого года поставить нас лицом к лицу с вопросом о ликвидации войны и началом переговоров о мире. В предвидении этого момента Россия, целым рядом дипломатических соглашений со своими союзниками, более или менее наметила направление новых государственных границ, со включением разных земельных приобретений, среди которых первое место занимает, конечно, обладание Константинополем и Проливами. Нисколько не преуменьшая политического значения этих документов, тем не менее было бы ошибочно думать, что мы только ими осуществим наши главные стремления и при каких бы то ни было обстоятельствах получим все то, что в них предусмотрено. Надо иметь в виду, что важнейшее для нас соглашение о Константинополе и Проливах является, в сущности, лишь векселем, выданным нам Великобританией, Францией и Италией, но платеж по нему должен быть произведен третьим лицом — Турцией, которая в соглашении не участвовала и, в зависимости от обстановки на интересующем ее театре войны, может отказаться удовлетворить наши требования. Несомненно, что состояние географической карты войны к моменту открытия мирных переговоров будет иметь решающее значение для проведения в жизнь политических проектов.

Отсюда для нас вытекает необходимость ко времени заключения мира овладеть Проливами, или же, во всяком случае, настолько к ним приблизиться, чтобы при решении этого вопроса быть в силах оказать должное давление на Турцию. Без этого мы едва ли когда-нибудь получим Констан-

тинополь и Проливы, и самое соглашение о них превратится в простой клочок бумаги.

Своими заявлениями urbi et orbi о предоставлении нам Царьграда с Босфором и Дарданеллами, мы, как ни одна держава в эту войну, с полной ясностью и откровенностью развернули перед нашими врагами и друзьями нашу политическую программу, на выполнении которой зиждется будущее политическое значение России на Ближнем Востоке. Настоящая политическая обстановка представляется исключительно благоприятной для разрешения наших вековых задач и, если мы ею не воспользуемся, то момент, вероятно, будет упущен надолго, и после войны мы очутимся в положении худшем, чем оно было раньше. Конечно, трудно предугадать, каковы будут итоги мировой борьбы, но во всяком случае нельзя ручаться за то, что среди теперешних союзников не произойдет переоценки политических отношений и не возникнет новая группировка держав, могущая помешать нашему водворению на Проливах. Тогда нам пришлось бы снова ожидать вспышки европейского пожара для осуществления задачи, которая, как показывает наша 1000-летняя история, не может быть разрешена в рамках повседневной политической жизни. Если мы теперь не добьемся обладания Проливами, то легко можем оказаться в чрезвычайно невыгодном положении по отношению к Турции, в которой мы возбудили вечное недоверие к нашей политике и будем наталкиваться на ее постоянное противодействие всем нашим начинаниям на Ближнем Востоке. Ни наши теперешние союзники, ни противники никогда не забудут и не простят того, что мы хотели Царьграда и Проливов. Причины, сыгравшие роль при выступлении Болгарии, и более чем сдержанное отношение нашей старой союзницы, Франции, к вопросу о предоставлении нам Константинополя должны послужить нам уроком и предостеречь от опасных в этом деле иллюзий.

Эти соображения приводят к заключению, что в этом вопросе мы должны исключительно полагаться на свои собственные силы и теперь же приступить к практическому осуществлению нашей задачи движения к Проливам и на Константинополь, если к этому, с точки зрения чисто военной, не представляется в настоящих условиях препятствий, грозящих конечному успеху наших военных операций. Для этого важного дела необходимо было бы образовать особую экспедицию, которой должно быть поставлено задание произвести высадку на одном из пунктов вблизи Босфора. Повидимому, наиболее удобным местом для этого является побережье Черного моря около устьев реки Сакарии. Если нам удастся завладеть высотами азиатского берега Босфора, то этой операцией будет в то же самое время предрешена судьба и его европейского берега. Овладение нами Босфором передаст в наши руки и Константинополь. Но если бы даже нам удалось только высадиться и продвинуться на небольшое расстояние на Вифинийском полуострове и овладеть только частью позиции на Босфоре, то и тогда это бы имело огромное военное и политическое значение при открытии мирных переговоров. Самый факт нахождения нашего у Босфора и закрепления за нами хотя бы незначительной части территории поставит нас в исключительно выгодное положение во время переговоров об обеспечении наших интересов.

Окончившаяся «блестящей неудачей» англо-французская экспедиция в Галлиполи представляет собою удивительный пример того, что подобного рода предприятия, несмотря на все технические трудности, дальность расстояния, отсутствие удобных баз, небезопасность морского пути и пр., все же сами по себе оказываются осуществимыми. Англичане и французы оставили Галлиполи не потому, что были вынуждены к этому германо-турками, а потому, что дальнейшее пребывание их там казалось бесцельным, но если бы это входило в их стратегический план, то, вероятно, они могли бы оставаться беспрепятственно до конца войны [1].

Мы находимся в этом отношении в ином, лучшем положении. Близость наших морских баз, удобство сообщений и обеспеченное за нами в последнее время полное господство на Черном море дают, повидимому, перевозку десантного отряда сравнительно безопасной и легко исполнимой. Несмотря на первоначальное недоверчивое отношение к плану высадки около Трапезонда, последний, в конце концов, был выполнен блестяще и совершенно без потерь [2]. Двухлетний опыт черноморского флота и принятые в течение последнего времени меры предосторожности против действий неприятельских судов могли бы явиться гарантией того, что намечаемая экспедиция к берегам Босфора имеет много шансов на успех.

По мнению сведущих лиц, для выполнения высадки на какой-либо пункт азиатского берега Босфора потребуется от 200.000 до 250.000 человек. При существовании одной железной дороги во Фракии и Малой Азии турки не могут сосредоточить для противодействия нашей операции более двух корпусов. По последним военно-морским сведениям, в настоящее время, по совету немцев, турки перенесли свою базу в Малой Азии из Сиваса на юг, к линии Диарбекир-Алеппо, считаясь именно с угрозой нашей высадки. Для приведения в исполнение намечаемого плана необходимо, чтобы была образована совершенно особая военно-морская экспедиция, во главе которой должен быть поставлен ответственный начальник. При нем следует назначить для руководства морскими операциями высшего морского офицера. Задание флота будет заключаться в обеспечении перевозки десантного отряда и снабжении его всем необходимым. Предварительно выполнения десантной операции должна быть произведена тщательная военно-морская разведка того района, который будет предназначен для высадки. Прежде отправления для исполнения возложенной на нее задачи, экспедиция должна быть в полной мере обеспечена совершенно достаточным количеством провианта и военного снаряжения для того, чтобы не пришлось решать этих вопросов и не терять времени на это тогда, когда наши войска уже будут

---

[1]) Галлиполийская операция была ликвидирована союзниками в связи с вмешательством Болгарии в войну и необходимостью перебросить войска галлиполийского фронта в Салоники на помощь отступающей сербской армии.

[2]) Трапезонд был занят русским десантом 5/18 апреля 1916 г. Операция эта сопровождалась сравнительно небольшими потерями русских войск, в виду деятельной поддержки черноморского флота.

находиться по ту сторону Черного моря. Эти три элемента: выделение экспедиции в отдельную часть, с предоставлением в ее распоряжение до 250.000 людей, соответствующее артиллерийское и интендантское оборудование и производство тщательной разведки, повидимому, являются существенными условиями для ее успеха. На снаряжение и оборудование такой экспедиции потребуется не менее 6—7 месяцев. Вследствие сего, к этому надо было бы приступить немедленно с таким расчетом, чтобы все было готово не позже октября, т. е. к моменту, когда может наступить решительный перелом в ведении военных операций у наших союзников.

Таково мнение специалистов.

Но настоятельная необходимость в организации подобной экспедиции для того, чтобы утвердиться у Босфора, подсказывается нам и политическим положением, которое может создаться к началу мирных переговоров. Мы не должны упускать из виду, что понятие полной победы, о которой много раз союзные правительства заявляли, на практике представляется не всем союзникам одинаковым. Очевидно, с практической точки зрения, каждое союзное правительство будет считать победу полной постольку, поскольку оно достигнет осуществления своих притязаний. Поэтому, если по ходу военных событий окажется, что военные успехи французов и англичан на западном фронте дадут удовлетворительные, по их понятию, результаты, то очень мало надежды рассчитывать на то, чтобы они продолжали войну для отвоевывания в пользу России Константинополя и Проливов. Вследствие сего, мы должны сами принять меры к тому, чтобы обеспечить себе благоприятное решение интересующих нас вопросов.

В заключение дерзаю привести по этому поводу высочайшую резолюцию в бозе почивающего родителя вашего императорского величества на всеподданнейшей записке бывшего посла в Константинополе Нелидова о необходимости занятия нами Проливов, представленной в декабре 1882 года: «Все это весьма дельно и толково. — Дай бог нам дожить до этой отрадной и задушевной для нас минуты. Я не теряю надежды, что рано или поздно, а это будет и так должно быть. Главное, — не терять времени и удобного момента».

О вышеизложенном приемлю смелость доложить вашему императорскому величеству [1]).

21 февраля/6 марта 1917 г.

Покровский.

---

[1]) Опубликовано приложением № 5 к статье М. Н. Покровского «Три Совещания» в «Вестнике НКИД», 1919 г., № 1, стр. 42—44.

№ 349.

Директор дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего Н. А. Базили российскому министру иностранных дел Н. Н. Покровскому.

Письмо.

26 февраля/11 марта 1917 г.

Весьма секретно.

Милостивый государь

Николай Николаевич,

Согласно данному мне поручению, я по приезде в Ставку представил генерал-адъютанту Алексееву копию всеподданнейшей записки вашего высокопревосходительства по вопросу о Проливах. При этом я подчеркнул все значение политической части записки, в которой изложены соображения, по которым необходимо ради осуществления наших целей войны ко времени заключения мира фактически овладеть Проливами. В отношении более технической части записки я обратил внимание начальника штаба, что она имеет лишь субсидиарное значение.

Как я и опасался, внесенные в означенную записку технические подробности вызвали со стороны генерала Алексеева решительные возражения.

Начальник штаба поручил мне довести до сведения вашего высокопревосходительства следующие соображения по содержанию вышеупомянутой записки. В разговорах с С. Д. Сазоновым, так и особенно с Б. В. Штюрмером, генерал высказывал определенное мнение, что объявлять «urbi et orbi» о предоставлении нам Константинополя и Проливов не следует. По твердому его убеждению, надо сначала подойти к выполнению столь крупной военной задачи, обеспечить ее успех, а потом уже говорить о ней. На это Б. В. Штюрмер возражал, указывая, будто оглашение признания нашими союзниками наших прав на Проливы необходимо для успокоения общественного мнения России, и, к сожалению, эта точка зрения возобладала [1]. Переходя к вопросу о практическом осуществлении наших задач на Проливах, начальник штаба подчеркнул, что разработка плана такой операции и, в частности, определение срока ее выполнения возможны лишь при самом полном осведомлении как о наличных средствах, так и о требуемых средствах для намеченного предприятия. В настоящее время наш фронт, не считая Кавказа, представляет непрерывную линию окопов и укреплений, на протяжении 1.650 верст. В среднем на каждую версту приходится 1.500 человек бойцов, при скромном числе орудий, числе, значительно уступающем техническим средствам противника. Поэтому генерал Алексеев считает решительно

---

[1]) См. т. I, «Переговоры об опубликовании соглашения».

невозможным до существенного поражения противника на нашем западном фронте уменьшить там число войск. Судьба настоящей войны зависит от нанесения решительного удара немцам или от приведения их к убеждению, что они долее вести борьбу не могут. Без этого немцы сами находятся в положении, угрожающем нашим жизненным направлениям — на Петроград, Москву и юг России. Ответственные исполнители не могут поэтому снять с западного фронта, до решения там участи войны, 200 — 250 тысяч человек для босфорской экспедиции. Генерал Алексеев отметил затем крайнюю ограниченность наших транспортных средств в Черном море и полную невозможность увеличить эти средства сверх имеемых. Необходимо помнить, что на этих транспортных средствах лежит питание нашей кавказской армии. Эти же транспорты должны будут одновременно с переброской войск на Вифинейский полуостров начать туда же перевозку войскам продовольствия, артиллерийских запасов, укомплектования. При ограниченности наших транспортных средств, генерал Алексеев считает весьма трудной переброску с северного побережья Черного моря на Вифинейский полуостров хотя бы в три рейса 250.000 бойцов, т.-е. почти 25 дивизий, с артиллерией, обозами, необходимыми тыловыми запасами. Начальник штаба возражает против ссылки на трапезондскую операцию. У Трапезонда в боевых условиях высадилось всего 2 — 3 батальона, тогда как главные силы наступали по сухому пути, и лишь потом уже в мирных условиях в Трапезонд перевезено было морем около одной дивизии. Десант в 2 — 3 батальона нельзя приводить в пример грандиозного предприятия переброски армии в 200 — 250 тысяч человек, в пример предприятия, подобного которому еще не было в военной истории. Босфорскую экспедицию нельзя также сравнивать с галлиполийской операцией. Англо-французы, владея островом Мудросом, располагали базою в 30 милях от Галлиполийского полуострова, тогда как Вифинейский полуостров отстоит от Севастополя на 230 миль.

Указав на неправильность технических данных, использованных министерством при составлении вышеуказанной записки, начальник штаба высказал пожелание, чтобы ранее представления его императорскому величеству докладов, содержащих предположения о военных операциях, таковые сообщались на заключение ответственных исполнителей, которые поневоле имеют дело с ограниченными средствами.

В заключение генерал Алексеев вернулся к своей основной мысли, что только после поражения нашего главного и сильного врага можно предпринять поход на Константинополь и что при этом обстановка укажет, как это можно будет сделать.

К изложенному почитаю долгом присовокупить, что по весьма доверительным сведениям, сообщенным мне в штабе, подготовительные работы по выполнению десантной операции к тому времени, когда для нее наступит час, энергично продолжаются. Для того, чтобы вполне закончить эту подготовку, морскому ведомству нужно три месяца. Но при существующих транспортных средствах не может быть речи о том, чтобы перевезти и потом питать экспедиционную армию в 200 — 250 тысяч человек. Максимальное количество войск, до которого можно было бы довести такую армию (при

перевозке, конечно, в несколько рейсов), достигало бы, примерно, 9 дивизий или 130.000 человек. И при этом пришлось бы прекратить на Черном море всякие морские перевозки, не связанные с этой экспедицией.

Прошу ваше высокопревосходительство верить в глубокое уважение искренне преданного

Н. Базили.

№ 350.

Директор дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего Н. А. Базили российскому министру иностранных дел П. Н. Милюкову.

Письмо.

23 марта/5 апреля 1917 г.

Весьма секретно.

Лично.

Милостивый государь

Павел Николаевич,

Со времени поездки вашей в Ставку и беседы, при которой капитан 1-го ранга Бубнов и я имели честь доложить Вам о предположениях касательно десантной операции в районе Проливов, последовали распоряжения, коренным образом расстраивающие эти предположения.

Как Вы изволите усмотреть из прилагаемой при сем в копии телеграммы военного и морского министра, А. И. Гучкова, начальнику морского штаба [1]), в виду кризиса наших железнодорожных перевозок признано было необходимым приостановить подготовительные работы по оборудованию транспортных средств для предположенной десантной операции с целью захвата Проливов. Генералом Алексеевым прилагаемой при сем в копии телеграммой даны соответствующие указания штабу черноморского флота [2]).

В пояснение изложенного имею честь доложить нижеследующее.

1-го августа 1916 года штабом верховного главнокомандующего преподаны были штабу черноморского флота директивы касательно планомерной подготовки помянутой десантной операции. Пунктом 6-м этих директив подтверждено было сделанное еще в начале войны распоряжение о том, что в Черном море всегда должны быть готовы транспортные средства для перевозки одной дивизии, именно в количестве 19 больших пароходов. Снабженные необходимым оборудованием для перевозки войск, суда эти постоянно служат для перевозки укомплектований и подкреплений в районе Черного моря. Пунктом 7-м помянутых директив предусмотрено оборудование транспортов для перевозки еще двух дивизий, для чего необходимо, кроме вышеуказанных 19 транспортов, приспособить еще 90 пароходов, из общего числа имеющихся в нашем распоряжении на Черном море 148 пароходов.

---

[1]) Телеграмма Гучкова от 19 марта/1 апреля 1917 г.

[2]) Телеграмма ген. Алексеева от 21 марта/3 апреля 1917 г.

На оборудование этих 90 транспортов необходимо от полутора до двух месяцев. К нему приступлено было в самое последнее время с расчетом, чтобы транспорты были готовы к 1-му мая, как мы Вам докладывали. Вследствие телеграммы А. И. Гучкова, работы по приспособлению означенных 90 транспортов отменены и отложены до новых распоряжений, пока же у нас попрежнему будут транспортные средства лишь для одной дивизии.

С точки зрения осуществления наших целей на Проливах, принятая по предложению А. И. Гучкова мера весьма прискорбна. Для выполнения десантной операции остался весьма ограниченный срок: от 1-го июня до 1-го августа, так как в сентябре начинается неустойчивая погода, а в октябре штормы. Согласно вышеизложенному, для приведения в готовность транспортных средств для перевозки трех дивизий, т.-е. минимальных сил, необходимых для начала такой операции, нужно два месяца. Следовательно, если до начала июня нами будет приступлено к оборудованию еще неприспособленных 90 пароходов, то никакой операции против Проливов нам в этом году и, вероятно, никогда выполнить не удастся.

Между тем, по поступающим сведениям, обстановка для удара на Константинополь рисуется в благоприятном свете. Из прилагаемой при сем в копии телеграммы, отправленной отсюда капитану 1-го ранга Смирнову в Севастополь [1]), Вы изволите усмотреть о предстоящей, повидимому, в ближайшем будущем переброске на азиатские театры турецких дивизий, находящихся на европейских театрах, и, примерно, через два месяца туркам будет еще труднее, чем теперь, сосредоточить значительные силы для обороны Константинополя.

С точки зрения облегчения деятельности наших железных дорог, сделанное по желанию А. И. Гучкова распоряжение, несомненно, в значительной степени способствует улучшению нашего грузооборота. Приспособление пароходов к перевозке войск уменьшает приблизительно на 75% их грузоподъемность и, кроме того, их приходится снимать с линии на время производства работ по оборудованию. Пока на Черном море лишь упомянутые 19 больших пароходов были оборудованы для транспортных целей, грузооборот на этом море равнялся 12 миллионам пудов в месяц; с оборудованием же еще намеченных 90 судов он упадет до 1½ миллионов пудов.

Имеющиеся у нас на Черном море морские перевозочные средства выполняют в настоящее время следующие задачи: 1) они поддерживают подвоз из Одессы к устью Дуная (пока до Килии) к армии, 2) они перевозят из Николаева в Одессу зерно, 3) они служат для доставки угля из Мариуполя в Одессу, чему теперь придается А. И. Гучковым особенное значение и, наконец, 4) они поддерживают подвоз из кавказских портов в Трапезонд для кавказской армии.

По мнению здешнего морского штаба, перевозки эти могли бы быть в известной мере обеспечены без ущерба подготовке десантной операции, если бы оказалось возможным добиться от румын предоставления нам стоя-

[1]) Телеграмма кап. I ранга Бубнова кап. I ранга Смирнову от 23 марта/5 апреля 1917 г.

щих без дела в Дунае принадлежащих им значительных речных перевозочных средств. Наш дунайский караван справился бы с перевозками из Одессы на Дунай. Линии Николаев — Одесса и Кавказ — Трапезонд могли бы обслуживаться с помощью румынских пловучих средств. Для линии же Мариуполь — Одесса у нас осталось бы достаточно пароходов сверх приспособленных для транспорта войск. Прилагаемой при сем в копии телеграммой генералу Сахарову [1]) поручено настоять перед румынской главной квартирой на передаче нам румынских пловучих средств. В том же смысле адмирал Колчак сегодня обращается к морскому министру телеграммою, также в копии прилагаемой [2]). Настояние перед румынами могли бы быть мотивированы необходимостью для нас поставить в ремонт часть наших морских перевозочных средств и наступлением тихой погоды, при которой дунайские буксиры и баржи могут быть использованы для более коротких морских рейсов.

Зная, какое значение Вы придаете босфорской операции, я счел долгом изложить Вам опасения, которые вызывает у Бубнова и у меня отсрочка приготовлений, являющихся необходимым условием ее выполнения. Позволяю себе, вместе с тем, высказать предположение, что личные переговоры Ваши с А. И. Гучковым могли бы, быть может, привести к изменению его решения и к возобновлению, пока время еще не будет окончательно упущено, подготовительных работ к этой важнейшей операции. Вместе с тем, казалось бы, могло бы быть полезным поддержать дипломатическим путем обращенную к румынской главной квартире просьбу о временном предоставлении нам принадлежащих Румынии дунайских пловучих средств.

Письмо это составлено мною по соглашению с капитаном Бубновым.

Прошу Вас, милостивый государь, верить в глубокое мое уважение и преданность.

Н. Базили.

№ 351.

Директор дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего Н. А. Базили министру иностранных дел П. Н. Милюкову.

Письмо.

8/21 апреля 1917 г.

Совершенно секретно.

Милостивый государь
Павел Николаевич,

Письмом от 23-го марта с. г. я имел честь сообщить Вам о положении вопроса о подготовительных мерах к выполнению предполагаемой босфорской операции.

Я воспользовался вчера беседою в новым начальником штаба верховного главнокомандующего, генералом Деникиным, чтобы выяснить отноше-

[1]) Телеграмма ген. Клембовского ген. Сахарову от 20 марта/2 апреля 1917 г.
[2]) Телеграмма адм. Колчака Гучкову от 23 марта/5 апреля 1917 г.

ние его к этому вопросу и, в частности, к подготовке необходимых для означенной операции транспортных средств. Генерал Деникин сказал мне, что уже оборудованные транспорты останутся приспособленными к десантным целям, приготовления же к оборудованию остальных транспортных средств будут продолжаться, однако, лишь в той мере, в какой окажется возможным это сделать одновременно с использованием этих транспортных средств для грузовых перевозок, согласно указаниям военного и морского министра, изложенным в телеграмме его, приложенной к вышеуказанному письму моему. Таким образом, положение, о котором я Вам писал, остается неизменным: с момента, когда решено будет предпринять босфорскую операцию необходимо будет два месяца для окончания подготовки к ней. В этом смысле на-днях отправлена была начальнику штаба черноморского флота, по распоряжению генерала Алексеева, телеграмма, в копии при сем прилагаемая [1]). Как Вы изволите усмотреть из этой телеграммы, предлагается по очереди снимать наши транспортные средства с рейсов для оборудования и замещать их соответствующим тоннажем из числа румынских пловучих средств, на передачу коих в наше распоряжение последовало принципиальное согласие румынского правительства.

К сему считаю долгом присовокупить, что генерал Деникин отдает себе вполне отчет в политическом значении босфорской операции и что с его стороны можно ожидать вполне сочувственного отношения к этому предположению, даже более сочувственного, чем со стороны генерала Алексеева.

Прошу Вас, милостивый государь, верить в глубокое мое уважение.

Н. Базили.

№ 352.

Директор дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего Н. А. Базили товарищу министра иностранных дел А. А. Нератову.

Письмо.

11/24 апреля 1917 г.

Весьма секретно.

Глубокоуважаемый Анатолий Анатолиевич,

Как я уже имел честь докладывать Вам, приходится все более серьезно считаться с тем, что нам, быть может, не удастся как по обстоятельствам внутренним, так и, в особенности, по причинам техническим до конца войны фактически завладеть Проливами.

Для выполнения босфорской операции и закрепления десантных войск на берегу нужно не менее двух месяцев и, следовательно, операцию эту нельзя начать позже июля, так как после середины сентября начинаются на Черном море штормовые погоды, и десантная армия, не закрепившаяся до этого времени на берегу, может быть лишена подвоза за неимением

[1]) Телеграмма адм. Русина адм. Колчаку от 3/16 апреля 1917 г., № 841.

портов выгрузки. А так как для подготовки всех необходимых средств, — как я уже имел честь Вам писать, — нужно еще два месяца с момента получения о том приказания, то, значит, последний срок принятия решения — середина мая месяца или, в самом крайнем случае, начало июня месяца. Сведения эти сообщаю Вам на основании слов генерала Деникина.

Есть ли надежда, что мы в самом начале лета сможем отвлечь наше внимание от западного фронта, приступить к окончательной подготовке босфорской операции и выделить необходимые для нее войска? Согласно поступающим из разных источников сведениям, немцы решили перейти в энергичное наступление на нашем фронте именно в середине мая месяца, рассчитывая, что к этому времени в достаточной степени скажется на нашей армии влияние внутренних событий, а также транспортные и продовольственные затруднения. Можно поэтому весьма опасаться, что, начавшись в середине мая, операции на главном театре продолжатся не менее двух месяцев, то-есть не менее, как до конца июля — последнего срока начала на Черном море босфорской операции. А затем неизвестно, в каком положении мы будем после предстоящего неприятельского наступления и сможем ли мы тогда предпринять новую операцию. Если же мы не завладеем Проливами в течение предстоящих месяцев, то есть все основания предполагать, что война кончится без того, чтобы мы их приобрели.

Все это невольно приводит меня к мысли, не следует ли, — отнюдь не отказываясь от намерения осуществить босфорскую операцию и, наоборот, продолжая всячески настаивать на ее необходимости, — все же иметь в виду и иное решение вопроса о Проливах. Позволяю себе по этому поводу, в качестве чисто личного мнения, высказать нижеследующие соображения.

Если бы нам удалось до конца войны добиться перехода Болгарии на нашу сторону [1]), то, быть может, еще возможно было бы надеяться с ее помощью завладеть Проливами. В частности, в таком случае отпала бы невозможность выполнить операцию против Проливов позже известного срока. Прекращение же связи между Турцией и ее союзниками положило бы предел ее сопротивлению. Но на это, повидимому, рассчитывать трудно. Единственным же, как мне кажется, сколько-нибудь приемлемым для нас способом решить вопрос о Проливах без завладения ими должно быть признано соглашение с Турцией на условиях оставления за ней суверенитета над Константинополем и его районом, но с предоставлением нам необходимых фактических гарантий — «военного контроля» — в отношении Проливов, т.-е. решение, приближающееся к попытке, сделанной заключением Ункиар-Скелессийского договора [2]). Очевидно, что такое решение легче вырвать до мирной конференции. Все более выясняющееся критическое положение Турции дает основание предполагать, что отпадение ее от наших противников на известных условиях, вероятно, могло бы быть достигнуто. Мне поэтому представляется, что если только, — чего, я хотел бы надеяться, не будет, — выяснилась бы невозможность для нас осуществить этим летом босфорскую

---

[1]) См. т. I, прим. 1 на стр. 483.

[2]) От 8/20 июля 1833 г.

операцию, надлежало бы тотчас после этого всемерно стремиться к достижению сепаратного мира с Турцией на основании признания ею нашего «контроля» на Босфоре и Дарданеллах. Действительно, если мы придем к заключению, что не можем силою достигнуть господства над Проливами, то продолжение борьбы с Турцией, которая нам не угрожает, может иметь, с точки зрения наших интересов, один только смысл: заставить ее отвернуться от наших врагов и предоставить нам «контроль» над Проливами.

Что подобное решение для нас неизмеримо выгоднее «нейтрализации» Проливов, к которой имеют такую неосновательную склонность наши крайне левые круги, указывалось неоднократно [1]). Стоит только заметить, что при нейтрализации захват Проливов как с моря, так и с суши только облегчается, благодаря срытию укреплений. Свобода плавания из Черного моря в Средиземное гарантируется ею совершенно фиктивно. Затем нейтрализация не только совершенно не разрешает задачи обороны нашего черноморского побережья, но и не освобождает нас от необходимости содержать значительные силы на Черном море, без которых она обратилась бы против нас же. Необходимость располагать внушительной силой на Черном море существует, впрочем, хотя, быть может, и в меньшей степени, и в случае «контроля», который имеет цену лишь, поскольку он подкреплен реальной угрозой. Наконец, формальным признанием международного значения константинопольских Проливов создаются новые преграды к достижению в дальнейшем решения, более отвечающего нашим исключительным интересам на Босфоре и Дарданеллах.

Все перечисленные невыгоды, связанные с нейтрализацией Проливов, должны, как мне кажется, побудить нас принять все меры, чтобы до мирной конференции создать совершившийся факт, который устранил бы опасность такого решения вопроса на конференции. А этого приходится серьезно опасаться после мнимого нашего отказа от Константинополя и проявления склонности нашего общественного мнения к нейтрализации. Если нам не удастся создать такой совершившийся факт путем завладения Проливами, то ставится вопрос, не следует ли создать его путем конвенции с Турцией.

Прошу Вас верить в глубокое уважение искренне преданного Вам

Н. Базили.

---

[1]) См. т. I главу XI.

Перечень документов.

I. Общие соображения царского правительства по вопросу о завладении Проливами.

1. Письмо С. Д. Сазонова—Н. Н. Янушкевичу, № 863. Стр. 115.	Петроград, 8/21 декабря 1914 г.	Просьба сообщить, к каким военным операциям решено прибегнуть для овладения Проливами.
2. Письмо Н. Н. Янушкевича—С. Д. Сазонову, № 1064. Стр. 116.	Ставка, 12/25 декабря 1914 г	Вопрос о выделении особых сил для овладения Проливами не может быть поднят ранее достижения Россией решительного успеха на австро-германском фронте.
3. Письмо Н. А. Базили—С. Д. Сазонову. Стр. 116.	Ставка, 14/27 декабря 1914 г.	По мнению Ставки, операция завладения Проливами не может быть осуществлена без содействия Болгарии и Румынии.
4. Письмо Н. А. Базили—С. Д. Сазонову. Стр. 118.	Ставка, 15/28 декабря 1914 г.	О том же.
5. Письмо С. Д. Сазонова—Н. Н. Янушкевичу, № 902. Стр. 121.	Петроград, 16/29 декабря 1914 г.	Следует ли вступить в переговоры с отдельными государствами для подготовки военной операции у Проливов?
6. Памятная записка Н. А. Кудашева. Стр. 122.	Ставка, 18/31 декабря 1914 г.	По мнению верх. главнокомандующего, Россия одна «захватить Проливы не может ни под каким видом»; дальнейшие переговоры с союзниками должны вестись «исключительно главнокомандующими между собой».
7. Письмо Н. А. Кудашева—С. Д. Сазонову. Стр. 123.	Ставка, 1/14 февраля 1915 г.	Николай II приказал сосредоточить дело о завладении Проливами в Ставке, при чем единственным приемлемым для России решением признает: присоединение обоих Проливов.

8. Рескрипт в. кн. Николая Николаевича— И. Л. Горемыкину, № 1468. Стр. 124.	Ставка, 1/14 февраля 1915 г.	О том же.
9. Письмо С. Д. Сазонова—И. Л. Горемыкину, № 179. Стр. 126.	Петроград, 19 февраля/4 марта 1915 г.	Просьба прислать копию рескрипта Николая Николаевича.
10. Памятная записка, составленная в мин. ин. дел. Стр. 126.	Петроград, 8/21 февраля 1915 г.	Соображения ген. Куропаткина по вопросу о завладении Проливами.

II. Отношение российского правительства к Дарданелльской операции.

11. Памятная записка Н. А. Кудашева — С. Д. Сазонову. Стр. 128.	Ставка, 18/31 декабря 1914 г	В беседе с ген. Вилльямсом верх. главнокомандующий высказал пожелание, чтобы союзники оказали «воздействие на Турцию в наиболее уязвимых ее местах», в связи с положением русской армии на Кавказе.
12. Памятная записка великобританского посольства—С. Д. Сазонову. Стр. 129.	Петроград, 20 января 1915 г.	План морской операции, предложенный английским адмиралтейством с целью форсировать проход через Дарданеллы.
13. Письмо С. Д. Сазонова—Н. А. Кудашеву, № 12. Стр. 131.	Петроград, 8/21 января 1915 г.	Если Россия не сможет сыграть «подобающую ей роль» при завладении Проливами, желательно просить союзников, в виду изменившегося положения на Кавказе, «повременить с предположенными действиями против Дарданелл».
14. Письмо Н. А. Кудашева—С. Д. Сазонову. Стр. 132.	Петроград, 12/25 января 1915 г.	Мнение Ставки о желательности союзной операции против Дарданелл и о невозможности для России в настоящий момент принять участие в этой операции.
15. Проект ответа в. кн. Николая Николаевича — Г. Китченеру. Стр. 134.	Ставка (без даты).	О том же.
16. Телеграмма А. П. Извольского—С. Д. Сазонову, № 29. Стр. 136.	Париж, 20 января / 2 февраля 1915 г.	Телеграмма Барка на имя Горемыкина: на ряду с финансовыми вопросами, поставленными на межсоюзнической конференции в Париже, Ллойд Джордж предложил на обсуждение вопрос о немедленной посылке объединенного союзного корпуса на Балканы.

17. Телеграмма А. П. Извольского—С. Д. Сазонову, № 30. Стр. 137.	Париж, 20 января/2 февраля 1915 г.	В беседе с Барком Пуанкарэ высказался за посылку союзного корпуса на Балканы.
18. Телеграмма А. П. Извольского—С. Д. Сазонову, № 32. Стр. 137.	Париж, 21 января / 3 февраля 1915 г.	Отношение членов французского правительства (Делькассэ, Мильерана) к проекту посылки союзного корпуса на Балканы.
19. Телеграмма А. П. Извольского—С. Д. Сазонову, № 34. Стр. 138.	Париж, 22 января / 4 февраля 1915 г.	Французский совет министров высказался за посылку союзного корпуса на Балканы, при чем Франция готова предоставить для этой цели одну дивизию.
20. Телеграмма А. К. Бенкендорфа—С. Д. Сазонову, № 72. Стр. 139.	Лондон, 24 января / 5 февраля 1915 г.	По мнению Бенкендорфа, «в Париже произошло недоразумение»: проектируемая союзниками операция предположена на весну и должна иметь более значительные размеры.
21. Телеграмма С. Д. Сазонова—Н. А. Кудашеву, № 29. Стр. 139.	Петроград, 29 января/11 февраля 1915 г.	Сообщая о принятом Францией и Англией решении послать по одной дивизии в Салоники, Сазонов указывает на крайнюю нежелательность, чтобы союзники оказали без России помощь Сербии.
22. Телеграмма Эд. Грэя—Дж. Бьюкенену (дешифрант). Стр. 140.	Лондон, 12 февраля 1915 г.	Бьюкенен уполномачивается заявить Сазонову, что операция против Дарданелл начнется через две недели.
23. Телеграмма С. Д. Сазонова—Н. А. Кудашеву, № 30. Стр. 140.	Петроград, 30 января/12 февраля 1915 г.	О чрезвычайной рискованности предполагаемой операции союзного флота у Дарданелл.
24. Телеграмма А. П. Извольского—С. Д. Сазонову, № 67. Стр. 141.	Париж, 3/16 февраля 1915 г.	Делькассэ желает отложить выступление в Софии и Нише до выяснения результатов операции союзного флота у Дарданелл.
25. Телеграмма А. К. Бенкендорфа—С. Д. Сазонову, № 103. Стр. 142.	Лондон, 4/17 февраля 1915 г.	Точка зрения Грэя по тому же вопросу.
26. Телеграмма С. Д. Сазонова—А. П. Извольскому и А. К. Бенкендорфу, № 659. Стр. 142.	Петроград, 6/19 февраля 1915 г.	Сохранили-ли английское и французское правительства намерение послать по одной дивизии на Балканы, несмотря на позицию, занятую Грецией?

27 Телеграмма А. П. Извольского—С. Д. Сазонову, № 79. Стр. 143.	Париж, 6/19 февраля 1915 г.	Франция намерена послать дивизию на Балканы; Англия предложила высадить войска на Лемносе, чтобы «комбинировать их действия с операцией в Дарданеллах».
28. Телеграмма А. К. Бенкендорфа—С. Д. Сазонову, № 113. Стр. 143.	Лондон, 6/19 февраля 1915 г.	Отказ Англии от посылки союзного корпуса в Салоники; англо-французские переговоры о посылке войск на Лемнос.
29. Телеграмма А. П. Извольского—С. Д. Сазонову, № 80. Стр. 144.	Париж, 7/20 февраля 1915 г.	Заявление Делькассэ о желательности действий черноморского флота у Босфора одновременно с операцией союзников против Дарданелл.
30. Письмо Н. А. Кудашева—С. Д. Сазонову, № 334. Стр. 145.	Ставка, 10/23 февраля 1915 г.	Завладение Константинополем «не соответствует ни нравственной, ни военной мощи» России и неосуществимо в ближайшем будущем.
31. Письмо Н. А. Кудашева—С. Д. Сазонову. Стр. 146.	Ставка, 11/24 февраля 1915 г.	О том же.—Ген. Данилов согласен послать один из кавказских корпусов к Босфору, на случай удачного прорыва союзного флота через Дарданеллы.
32. Телеграмма А. П. Извольского—С. Д. Сазонову, № 88. Стр. 147.	Париж, 11/24 февраля 1915 г.	Делькассэ о посылке французской дивизии к Дарданеллам и о желательности участия России в операциях у Проливов «не только флотом, но и сухопутными войсками».
33. Телеграмма Н. А. Кудашева—С. Д. Сазонову, № 83. Стр. 148.	Ставка, 11/24 февраля 1915 г.	Вопрос о посылке десанта на Босфор обсуждается.
34. Телеграмма А. К. Бенкендорфа—С. Д. Сазонову, № 125. Стр. 148.	Лондон, 12/25 февраля 1915 г.	Грэй о приготовлениях Англии в связи с дарданелльской операцией и о желательности, одновременного с союзническим, русского десанта.
35. Телеграмма А. П. Извольского—С. Д. Сазонову, № 100. Стр. 149.	Париж, 14/27 февраля 1915 г.	Заявление Делькассэ о том же.
36. Телеграмма С. Д. Сазонова—Н. А. Кудашеву, № 845. Стр. 150.	Петроград, 15/28 февраля 1915 г.	Текст английской памятной записки, выражающей пожелание о подготовке русского флота и десанта к операции у Босфора.

37. Телеграмма С. Д. Сазонова—В. Н. Муравьеву, № 861. Стр. 150.	Петроград, 15/28 февраля 1915 г.	В виду необходимости участия русских войск при вступлении союзников в Константинополь, желательно направить к Босфору, «по крайней мере, ополченские бригады, предназначавшиеся для Сербии».
38. Телеграмма С. Д. Сазонова—Н. А. Кудашеву, № 45. Стр. 151.	Петроград, 16 февраля/1 марта 1915 г.	Текст всеподданнейшей записки о том же.
39. Телеграмма В. Н. Муравьева—С. Д. Сазонову, № 92. Стр. 152.	Ставка, 16 февраля / 1 марта 1915 г.	О решении Ставки послать к Босфору черноморский флот и войска с кавказского фронта.
40. Телеграмма В. Н. Муравьева—С. Д. Сазонову, № 94. Стр. 152.	Ставка, 16 февраля / 1 марта 1915 г.	О данном черноморскому флоту распоряжении относительно посадки войск, сосредоточенных в Батуме.
41. Телеграмма В. Н. Муравьева—С. Д. Сазонову, № 96. Стр. 152.	Ставка, 16 февраля / 1 марта 1915 г.	О распоряжении верх. главнокомандующего подготовить «достаточное число войск на Кавказе для совместных действий с союзниками в Проливах».
42. Телеграмма А. П. Извольского—С. Д. Сазонову, № 108. Стр. 153.	Париж, 17 февраля / 2 марта 1915 г.	В связи с операциями союзников у Проливов, во французской печати и обществе «обсуждаются различные международные комбинации для Константинополя и Проливов».
43. Телеграмма С. Д. Сазонова—А. П. Извольскому, № 912. Стр. 153.	Петроград, 18 февраля/3 марта 1915 г.	О подготовке русского десанта на Проливах.
44. Телеграмма С. Д. Сазонова—Н. А. Кудашеву, № 954. Стр. 154.	Петроград, 20 февраля/5 марта 1915 г.	Текст английской памятной записки о желательности совместных действий русского и союзного флотов у Проливов.
45. Телеграмма Н. А. Кудашева—С. Д. Сазонову, № 99. Стр. 155.	Ставка, 21 февраля / 6 марта 1915 г.	О включении 53-го казачьего полка в состав экспедиционного корпуса у Проливов и об отсрочке посылки русского отряда в Сербию.
46. Телеграмма С. Д. Сазонова—Н. А. Кудашеву, № 1000. Стр. 155.	Петроград, 23 февраля/8 марта 1915 г.	Текст английской памятной записки о количестве союзных войск, предназначенных для операций против Проливов, и о времени предполагаемой высадки их.

47. Телеграмма Н. А. Кудашева—С. Д. Сазонову, № 106. Стр. 156.	Ставка, 24 февраля / 9 марта 1915 г.	Запрос Ставки о том, кто будет поставлен во главе морских и сухопутных сил, оперирующих у Проливов.
48. Телеграмма С. Д. Сазонова—Н. А. Кудашеву, № 1053. Стр. 156.	Петроград, 25 февраля/10 марта 1915 г.	Текст английской памятной записки, запрашивающей об операции русского флота у Зунгулдака и о времени, когда русские флот и войска смогут начать действия против Босфора.
49. Телеграмма Н. А. Кудашева—С. Д. Сазонову, № 109. Стр. 157.	Ставка, 25 февраля/10 марта 1915 г.	Ответ Ставки на запрос английского правительства, — см. № 48.
50. Телеграмма Н. А. Кудашева—С. Д. Сазонову, № 110. Стр. 158.	Ставка, 26 февраля / 11 марта 1915 г.	План действий черноморского флота против Проливов.
51. Телеграмма Г. Н. Трубецкого—С. Д. Сазонову, № 280. Стр. 158.	Ниш, 28 февраля / 13 марта 1915 г.	По мнению капитана Смирнова, русский флот мог бы начать бомбардировку Босфора, не дожидаясь прохода союзной эскадры в Мраморное море.
52. Телеграмма А. А. Нератова—Н. А. Кудашеву, № 1154. Стр. 159.	Петроград, 2/15 марта 1915 г.	Текст английской памятной записки по поводу готовности русского флота начать операцию у Босфора и о положении в Дарданеллах.
53. Телеграмма А. А. Нератова—Н. А. Кудашеву, № 1155. Стр. 159.	Петроград, 2/15 марта 1915 г.	Текст английской памятной записки о необходимости привлечь греческий флот к немедленному участию в операциях у Проливов.
54. Телеграмма А. П. Извольского—С. Д. Сазонову, № 149. Стр. 160.	Париж, 6 / 19 марта 1915 г.	Запрос Делькассэ о численности и предположенных действиях русского экспедиционного корпуса.
55. Телеграмма Н. Н. Янушкевича—С. Д. Сазонову, № 124. Стр. 160.	Ставка, 8 / 21 марта 1915 г.	О мерах к прекращению пропуска военной контрабанды через Румынию в связи с предполагаемыми операциями у Босфора.
56. Телеграмма С. Д. Сазонова—Н. А. Кудашеву, № 71. Стр. 161.	Петроград, 9/22 марта 1915 г.	О результатах атаки Дарданелл союзным флотом 5/18 марта 1915 г.
57. Телеграмма А. П. Извольского—С. Д. Сазонову, № 160. Стр. 162.	Париж, 9 / 22 марта 1915 г.	О пожелании правления «Compagnie générale des eaux», относительно способов лишения Константинополя воды без нарушения интересов французской компании.

58. Телеграмма А. К. Бенкендорфа—С. Д. Сазонову, № 197. Стр. 162.	Лондон, 9/22 марта 1915 г.	О меморандуме Никольсона, выражающем надежду, что командующий русским экспедиционным корпусом будет подчинен английскому генералу.
59 Письмо Н. А. Кудашева—С. Д. Сазонову, № 389. Стр. 163.	Ставка, 15/28 марта 1915 г.	О предписании адм. Эбергарду сообразоваться с пожеланиями командующего союзным флотом при операции у Босфора.
60. Телеграмма Н. Н. Янушкевича — А. А. Эбергарду. Стр. 163.	Ставка, 15/28 марта 1915 г.	Текст инструкции адм. Эбергарду.
61. Телеграмма С. Д. Сазонова—Н. А. Кудашеву, № 1425. Стр. 164.	Петроград, 16/29 марта 1915 г.	Просьба Китченера сообщить точные сведения о русском десанте на Босфоре.
62. Телеграмма С. Д. Сазонова—А. К. Бенкендорфу, № 1443. Стр. 164.	Петроград, 16/29 марта 1915 г.	О предписании адм. Эбергарду руководствоваться пожеланиями английского адмирала в действиях против Босфора.
63. Телеграмма С. Д. Сазонова—А. К. Бенкендорфу, № 1466. Стр. 164.	Петроград, 18/31 марта 1915 г.	Ответ Ставки на запрос Китченера о русском десанте на Босфоре.
64. Телеграмма И. Драгумиса—Х. Зографосу (дешифрант). Стр. 165.	Петроград, 18/31 марта 1915 г.	Бомбардировка Босфора носила характер демонстрации.
65. Телеграмма С. Д. Сазонова—Н. А. Кудашеву и А. А. Эбергарду, № 1563. Стр. 165.	Петроград, 25 марта / 7 апреля 1915 г.	Текст телеграммы адм. де-Робека о том, чтобы черноморская эскадра была готова приступить к операциям против Босфора к 12 апреля 1915 г.
66. Телеграмма А. П. Извольского—С. Д. Сазонову, № 209. Стр. 166.	Париж, 29 марта / 11 апреля 1915 г.	Делькассэ о необходимости безотлагательно выработать план совместных действий русских и англо-французских сил.
67. Телеграмма Г. Н. Трубецкого—С. Д. Сазонову, № 402. Стр. 166.	Ниш, 1/14 апреля 1915 г.	Мнение французских морских кругов, что операции союзников у Проливов в лучшем случае закончатся в начале июня 1915 г.
68. Телеграмма С. Д. Сазонова—Н. А. Кудашеву, № 1743. Стр. 167.	Петроград, 5/18 апреля 1915 г.	Адм. де-Робек просит адм. Эбергарда произвести демонстративную посадку войск на транспорты.

69. Телеграмма С. Д. Сазонова—Н. А. Кудашеву. Стр. 167.	Петроград, 7/20 апреля 1915 г.	Адм. де-Робек просит сообщить адм. Эбергарду о предполагаемом начале операций 10/23 апреля 1915 года.
70. Телеграмма А. П. Извольского—С. Д. Сазонову, № 236. Стр. 167.	Париж, 10/23 апреля 1915 г.	Адм. де-Робек закончил все приготовления для новой операции против Дарданелл.
71. Телеграмма Б. С. Серафимова—С. Д. Сазонову, № 197. Стр. 168.	Константинополь, 12/25 апреля 1915 г.	О результатах бомбардировки Босфора русским флотом 12/25 апреля 1915 г.
72. Телеграмма Н. С. Маньковского—И. К. Григоровичу, № 637. Стр. 168.	Севастополь, 20 апреля / 3 мая 1915 г.	Об обстреле Босфора русским флотом 20 апреля/3 мая 1915 г.
73. Телеграмма А. П. Извольского—С. Д. Сазонову, № 290. Стр. 169.	Париж, 24 апреля/7 мая 1915 г.	О действиях союзных войск на Галлиполийском полуострове и о временном прекращении обстрела Босфора, вследствие шторма.
74. Телеграмма С. Д. Сазонова—Н. А. Кудашеву, № 2226. Стр. 169.	Петроград, 30 апреля / 13 мая 1915 г.	С политической точки зрения крайне нежелательно направить на австро-германский фронт экспедиционный корпус, предназначенный для операций у Босфора.
75. Телеграмма Н. А. Кудашева—С. Д. Сазонову, № 237. Стр. 170.	Ставка, 1/14 мая 1915 г.	Намеченный для операций у Босфора корпус переведен в Галицию, но заменен в Одессе другим.
76. Письмо Н. А. Кудашева—С. Д. Сазонову. Стр. 170.	Ставка, 1/14 мая 1915 г.	О том же, а также о положении на фронте.
77. Телеграмма С. Д. Сазонова—Н. А. Кудашеву, № 2252. Стр. 173.	Петроград, 2/15 мая 1915 г.	Запрос о составе русского экспедиционного отряда.
78. Телеграмма Н. А. Кудашева—С. Д. Сазонову, № 241. Стр. 173.	Ставка, 2/15 мая 1915 г.	Ответ на предыдущий документ.
79. Телеграмма С. Д. Сазонова—Н. А. Кудашеву. Стр. 173.	Петроград, 16/29 мая 1915 г.	Просьба обратить внимание на снаряжение ополченских бригад, направляемых к Проливам.
80. Телеграмма вел. кн. Николая Николаевича — Николаю II, № 736. Стр. 174.	Ставка, 17/30 мая 1915 г.	Верховным главнокомандующим отдано распоряжение о подготовке во Владивостоке экспедиционного отряда для посылки к Дарданеллам, на что им испрашивается одобрение Николая II.

81. Телеграмма Николая II—вел. кн. Николаю Николаевичу, № 2090. Стр. 174.	Царское Село, 18/31 мая 1915 г.	Николай II высказывает сомнение в целесообразности посылки отряда через Владивосток, считая необходимым усилить экспедиционный корпус для действий против Босфора.
82. Телеграмма вел. кн. Николая Николаевича — Николаю II, № 763. Стр. 175.	Ставка, 19 мая/1 июня 1915 г.	Посылка русского отряда к Дарданеллам имеет моральное значение, в смысле участия России в занятии Константинополя одновременно с союзниками.
83. Телеграмма С. Д. Сазонова—Н. А. Кудашеву, № 2583. Стр. 175.	Петроград, 20 мая/2 июня 1915 г.	Посылка русского отряда к Дарданеллам желательна с политической точки зрения при условии, что «отряд не будет слишком незначительным».
84. Письмо Н. А. Кудашева—С. Д. Сазонову. Стр. 176.	Ставка, 21 мая/3 июня 1915 г.	Несмотря на тяжелое положение на фронте, в Одессе будет постоянно находиться столько войск, сколько было обещано англичанам.
85. Телеграмма Н. Н. Янушкевича—С. Д. Сазонову, № 1108. Стр. 177.	Ставка, 30 мая/12 июня 1915 г.	Верх. главнокомандующий просит Сазонова войти в сношения с правительствами союзных держав о включении русского отряда, направляемого из Владивостока, в состав экспедиционного корпуса у Дарданелл.
86. Телеграмма С. Д. Сазонова—А. П. Извольскому и А. К. Бенкендорфу, № 2791. Стр. 178.	Петроград, 1/14 июня 1915 г.	Инструкция Сазонова послам по тому же поводу.
87. Письмо Н. А. Кудашева—С. Д. Сазонову. Стр. 178.	Ставка, 9/22 июня 1915 г.	Ставка настаивает на посылке русского отряда к Дарданеллам, несмотря на высказанное Китченером недовольство по этому поводу.
88. Письмо С. Д. Сазонова—Н. А. Кудашеву, № 670. Стр. 180.	Петроград, 12/25 июня 1915 г.	В виду незначительности направляемого из Владивостока к Дарданеллам русского отряда и высказанного Китченером недовольства по этому поводу, Сазонов считает желательным воздержаться от посылки указанного отряда.
89. Телеграмма Н. А. Малевского-Малевича—С. Д. Сазонову, № 210. Стр. 181.	Токио, 21 июня/4 июля 1915 г.	О выходе транспорта «Атлантик», из Иокогамы во Владивосток для перевозки русских войск к Дарданеллам.

90. Телеграмма Н. Н. Янушкевича—С. Д. Сазонову, № 1835. Стр. 182.	Ставка, 24 июня/7 июля 1915 г.	Об отмене отправки русского экспедиционного отряда в Дарданеллы.
91. Телеграмма Д. В. Ненюкова—С. Д. Сазонову, № 554. Стр. 182.	Ставка, 24 июня/7 июля 1915 г.	О том же.
92. Телеграмма А. И. Русина—А. Н. Воскресенскому, № 5055. Стр. 182.	Ставка, 24 июня/7 июля 1915 г.	О том же.
93. Телеграмма С. Д. Сазонова—А. П. Извольскому и А. К. Бенкендорфу, № 3284. Стр. 183.	Петроград, 26 июня / 9 июля 1915 г.	О том же.

III. Отношение греческого правительства к вопросу о Константинополе, Проливах, островах Имбросе и Тенедосе и вопрос о выступлении Греции в связи с операциями союзников у Проливов.

94. Телеграмма А. А. Савинского—С. Д. Сазонову, № 400. Стр. 184.	София, 22 октября/4 ноября 1914 г.	В связи с предполагаемым участием Греции в десантной операции,—каково отношение русского правительства к возможному выступлению Болгарии на стороне держав Согласия?
95. Телеграмма А. А. Савинского—С. Д. Сазонову, № 572. Стр. 185.	София, 20 декабря 1914 г./2 января 1915 г.	Айронсайд предлагает указать грекам, что высадка их в Галлиполи имела бы решающее значение для исхода дарданелльской операции.
96. Памятная записка великобританского посольства—С. Д. Сазонову. Стр. 186.	Петроград, 27 января 1915 г.	Грэй высказал согласие на условие, поставленное Сазоновым для военной оккупации Галлиполи Грецией.
97. Телеграмма Э. П. Демидова—С. Д. Сазонову, № 72., Стр. 186.	Афины, 14/27 февраля 1915 г.	О намечающемся желании Греции принять участие в операции у Проливов.
98. Телеграмма Э. Венизелоса—И. Драгумису (дешифрант). Стр. 187.	Афины, 15/28 февраля 1915 г.	В случае принятия державами Согласия решения об интернационализации Константинополя, Греция должна поддерживать это решение.
99. Телеграмма И. Драгумиса — Э. Венизелосу (дешифрант). Стр 188.	Петроград, 15/28 февраля 1915 г.	Россия против привлечения к операциям у Проливов третьей державы.

100. Телеграмма С. Д. Сазонова—Э. П. Демидову, № 878. Стр. 189.	Петроград, 17 февраля/2 марта 1915 г.	Россия ни при каких условиях не может допустить участия греческих войск во вступлении союзников в Константинополь.
101. Телеграмма Э. П. Демидова—С. Д. Сазонову, № 79. Стр. 189.	Афины, 18 февраля / 3 марта 1915 г.	О выступлении Греции против Турции, в связи с операциями союзников у Проливов.
102. Телеграмма Э. П. Демидова—С. Д. Сазонову, № 80. Стр. 190.	Афины, 18 февраля / 3 марта 1915 г.	Необходимо предупредить греческое правительство, что предположенный к десанту греческий корпус должен подчиняться требованиям союзников.
103. Телеграмма И. Драгумиса—Э. Венизелосу (дешифрант). Стр. 191.	Петроград, 3 марта 1915 г.	Беседа с членами союзных посольств в Петрограде об участии Греции в дарданелльской операции.
104. Телеграмма А. П. Извольского—С. Д. Сазонову, № 116. Стр. 192.	Париж, 19 февраля / 4 марта 1915 г.	В виду отрицательного отношения русского правительства к участию Греции в операциях на Проливах, Делькассэ заявил, что Греция могла бы оказать большую услугу союзникам, выступив на помощь Сербии.
105. Телеграмма А. К. Бенкендорфа—С. Д. Сазонову, № 153. Стр. 193.	Лондон, 19 февраля / 4 марта 1915 г.	Заявление Грэя о необходимости указать Греции, что условия вступления ее в войну должны быть рассмотрены 3 союзными державами; английское адмиралтейство придает большое значение участию греческого флота в операциях против Турции.
106. Телеграмма Г. Н. Трубецкого—С. Д. Сазонову, № 231. Стр. 194.	Ниш, 19 февраля/4 марта 1915 г.	Необходимо добиться заявления, что Греция не получит компенсаций в районе Проливов.
107. Телеграмма Э. П. Демидова—С. Д. Сазонову, № 83. Стр. 195.	Афины, 20 февраля / 5 марта 1915 г.	Заявление Венизелоса о решении коронного совета предложить державам Согласия помощь Греции в операциях против Проливов и заверение его, что Греция не имеет притязаний на Константинополь.
108. Телеграмма А. А. Савинского—С. Д. Сазонову, № 109. Стр. 195.	София, 21 февраля / 6 марта 1915 г.	Необходимо точно определить размеры компенсаций Греции за участие ее в дарданелльской операции.
109. Телеграмма Э. П. Демидова—С. Д. Сазонову, № 84. Стр. 196.	Афины, 21 февраля / 6 марта 1915 г.	Решение греческого короля о сохранении Грецией нейтралитета и вызванная этим отставка Венизелоса.

110. Всеподданнейшая записка С. Д. Сазонова. Стр. 197.	Петроград, 21 февраля/6 марта 1915 г.	Ответ на английскую памятную записку об участии Греции в операции на Проливах. (См. след. №).
111. Проект телеграммы, составленной великобританским послом совместно с С. Д. Сазоновым — Эд. Грэю. Стр. 197.	Петроград, 21 февраля/6 марта 1915 г.	Условия, выставленные Россией для допущения Греции к операциям против Проливов.
112. Телеграмма С. Д. Сазонова—А. К. Бенкендорфу, № 990. Стр. 198.	Петроград, 22 февраля/7 марта 1915 г.	О том же.
113. Телеграмма С. Д. Сазонова—Э. П. Демидову, № 994. Стр. 199.	Петроград, 22 февраля/7 марта 1915 г.	Россия не допустит, чтобы вопрос о Константинополе был решен иначе, как в соответствии с русскими интересами; Греция же получит компенсации в Малой Азии.
114. Телеграмма А. К. Бенкендорфа—С. Д. Сазонову, № 160. Стр. 199.	Лондон, 22 февраля / 7 марта 1915 г.	По мнению Грэя, участие Греции в операциях на Проливах может повлечь за собою выступление других балканских государств.
115. Сообщение греческого правительства. Стр. 200.	Петроград, 23 февраля/8 марта 1915 г.	Текст заявления Венизелоса союзным державам о решении коронного совета относительно вступления Греции в войну.
116. Телеграмма Г. Н. Трубецкого—С. Д. Сазонову, № 272. Стр. 201.	Ниш, 25 февраля / 10 марта 1915 г.	Пашич об уклончивой греческой политике.
117. Телеграмма А. К. Бенкендорфа—С. Д. Сазонову, № 173. Стр. 202.	Лондон, 26 февраля / 11 марта 1915 г.	Отставка Венизелоса и позиция греческого короля частично вызваны условиями, поставленными Россией для участия Греции в войне.
118. Сообщение греческого правительства. Стр. 203.	Петроград, 1/14 марта 1915 г.	Заявление Гунариса об условиях выступления Греции на стороне держав Согласия.
119. Письмо Э. П. Демидова — С. Д. Сазонову. Стр. 204.	Афины, 1 / 14 марта 1915 г.	Переговоры Венизелоса с английским правительством о занятии Лемноса союзными войсками и отношение к этому вопросу правительства Гунариса.
120. Телеграмма Э. П. Демидова—С. Д. Сазонову, № 101. Стр. 205.	Афины, 6/19 марта 1915 г.	Заявление Стрейта, что интернационализация Константинополя встретила бы сочувствие в Греции.

121. Телеграмма И. Мотоно—К. Ишии (дешифрант). Стр. 206.	Петроград, 19 марта 1915 г.	По сведениям японского посольства в Риме, Гунарис заявил, что Греция не допустит перехода Константинополя в руки России.
122. Телеграмма Э. П. Демидова—С. Д. Сазонову, № 107. Стр. 206.	Афины, 16/29 марта 1915 г.	Намерение Греции объявить о присоединении к ней островов Имброса, Тенедоса и Кастеллорицо и Сев. Эпира.
123. Телеграмма С. Д. Сазонова—Э. П. Демидову, № 1481. Стр. 207.	Петроград, 18/31 марта 1915 г.	Протест Сазонова по тому же поводу.
124. Телеграмма Э. П. Демидова—С. Д. Сазонову, № 111. Стр. 207.	Афины, 20 марта/2 апреля 1915 г.	В греческой печати появились нежелательные для союзников разоблачения.
125. Памятная записка французского посольства—С. Д. Сазонову. Стр. 208.	Петроград, 3 апреля 1915 г.	Делькассэ запрашивает мнение Сазонова о намерении Греции присоединить острова Имброс, Тенедос и Кастеллорицо, а также Сев. Эпир.
126. Телеграмма С. Д. Сазонова—Э. П. Демидову, № 1531. Стр. 209.	Петроград, 22 марта/4 апреля 1915 г.	Инструкция Демидову сделать, совместно с французским и английским посланниками, заявление, что, в случае немедленного вступления Греции в войну, державы готовы предоставить ей земельные приращения в Айдинском вилайете.
127. Памятная записка С. Д. Сазонова—английскому и французскому послам. Стр. 209.	Петроград, 24 марта/6 апреля 1915 г.	Демидову поручено указать греческому правительству, что вопрос об Имбросе и Тенедосе неотделим от вопроса о Дарданеллах.
128. Телеграмма С. Д. Сазонова—Э. П. Демидову, № 1574. Стр. 210.	Петроград, 26 марта/8 апреля 1915 г.	Инструкция Демидову сделать заявление Гунарису в редакции, выработанной союзниками.
129. Телеграмма Э. П. Демидова—С. Д. Сазонову, № 120. Стр. 210.	Афины, 27 марта/9 апреля 1915 г.	Греческое правительство среди условий своего выступления намерено выставить требование о допущении греческих войск в Константинополь.
130. Телеграмма Э. П. Демидова—С. Д. Сазонову, № 122. Стр. 211.	Афины, 27 марта/9 апреля 1915 г.	Заявление греческого министра иностр. дел, что выборы в палату на островах Имбросе, Тенедосе и Кастеллорицо и в Сев. Эпире не меняют международного положения означенных местностей.
131. Телеграмма Э. П. Демидова—С. Д. Сазонову, № 127. Стр. 211.	Афины, 30 марта / 12 апреля 1915 г.	Текст заявления союзных держав о компенсациях Греции за ее участие в войне против Турции.

132. Телеграмма Э. П. Демидова—С. Д. Сазонову, № 129. Стр. 212.	Афины, 1/14 апреля 1915 г.	Георг греческий заявил о своем намерении поддерживать в Париже идею интернационализации Константинополя, как существенного условия вступления Греции в войну.
133. Телеграмма Н. А. Кудашева—С. Д. Сазонову, № 174. Стр. 213.	Ставка, 3/16 апреля 1915 г.	Среди условий вмешательства Греции в войну содержится пункт о вступлении греческих войск в Константинополь.
134. Памятная записка греческой миссии — С. Д. Сазонову. Стр. 214.	Петроград, 4/17 апреля 1915 г.	Текст ответа греческого правительства об условиях вступления Греции в войну.
135. Телеграмма А. К. Бенкендорфа—С. Д. Сазонову, № 255. Стр. 215.	Лондон, 4/17 апреля 1915 г.	По мнению Грэя, ни одно из условий вступления Греции в войну, формулированных Георгом греческим, не может быть принято в соображение.
136. Телеграмма А. К. Бенкендорфа—С. Д. Сазонову, № 256. Стр. 216.	Лондон, 4/17 апреля 1915 г.	Ответ греческого правительства произвел неблагоприятное впечатление на Грэя.
137. Памятная записка великобританского посольства—С. Д. Сазонову. Стр. 216.	Петроград, 18 апреля 1915 г.	Георг греческий считает существенным, чтобы Константинополь был занят силами Англии, Франции и Греции до момента вступления в него русских войск.
138. Телеграмма Э. П. Демидова—С. Д. Сазонову, № 136. Стр. 217.	Афины, 5/18 апреля 1915 г.	Соображения греческого правительства о военных операциях Греции против Константинополя.
139. Памятная записка французского посольства—С. Д. Сазонову, № 134. Стр. 218.	Петроград, 19 апреля 1915 г.	Делькассэ об условиях вступления Греции в войну, формулированных греческим правительством.
140. Памятная записка С. Д. Сазонова — французскому посольству, № 435. Стр. 218.	Петроград, 7/20 апреля 1915 г.	Соображения Сазонова по тому же поводу.
141. Телеграмма С. Д. Сазонова—Э. П. Демидову, № 1764. Стр. 219.	Петроград, 7/20 апреля 1915 г.	Инструкция Демидову выразить протест, совместно с английским и французским посланниками, греческому правительству по поводу производства выборов в палату на островах Имбросе, Тенедосе, Кастеллорицо, а также в Сев. Эпире.

142. Телеграмма С. Д. Сазонова—А. П. Извольскому и А. К. Бенкендорфу, № 1800. Стр. 219.	Петроград, 8/21 апреля 1915 г.	Неприемлемость условий вступления Греции в войну на стороне держав Согласия, формулированных Георгом греческим.
143. Телеграмма А. П. Извольского—С. Д. Сазонову, № 233. Стр. 220.	Париж, 9/22 апреля 1915 г.	О беседе Делькассэ с Георгом греческим относительно условий вступления Греции в войну на стороне держав Согласия.
144. Телеграмма А. К. Бенкендорфа—С. Д. Сазонову, № 277. Стр. 221.	Лондон, 13/26 апреля 1915 г.	Отношение английского и русского правительств к миссии Георга греческого.
145. Памятная записка великобританского посольства—С. Д. Сазонову. Стр. 221.	Петроград, 26 апреля 1915 г.	Грэй предписал Эллиоту указать греческому правительству на нежелательность столкновения между Грецией и Болгарией.
146. Телеграмма С. Д. Сазонова—Э. П. Демидову, № 1908. Стр. 222.	Петроград, 14/27 апреля 1915 г.	Инструкция Демидову по тому же поводу.
147. Памятная записка С. Д. Сазонова—великобританскому послу. Стр. 223.	Петроград, 14/27 апреля 1915 г.	О том же.
148. Телеграмма Э. П. Демидова—С. Д. Сазонову, № 149. Стр. 223.	Афины, 16/29 апреля 1915 г.	Беседа с Зографосом по поводу приписываемых Греции враждебных намерений против Болгарии.
149. Памятная записка французского посольства—С. Д. Сазонову. Стр. 225.	Петроград, 4 мая 1915 г.	Заявление греческого посланника в Париже о готовности Греции немедленно предоставить свои морские силы в распоряжение союзников.
150. Памятная записка великобританского посольства—С. Д. Сазонову, № 9. Стр. 225.	Петроград, 7 мая 1915 г.	В случае обеспечения Греции от нападения со стороны Болгарии, Греция немедленно двинет свою армию к Ксеросскому заливу; в противном случае предоставит в распоряжение союзников только свой флот.
151. Телеграмма Э. П. Демидова—С. Д. Сазонову, № 219. Стр. 226.	Афины, 5 / 18 июня 1915 г.	О выборах на островах Имбросе и Тенедосе.

152. Телеграмма Э. П. Демидова—С. Д. Сазонову, № 220. Стр. 226.	Афины, 5/18 июня 1915 г.	О необходимости предварительно договориться относительно условий и формы вмешательства Греции в войну.
153. Телеграмма Э. П. Демидова—С. Д. Сазонову, № 245. Стр. 227.	Афины, 25 июня/8 июля 1915 г.	«О пределе греческого содействия и форме его проявления».
154. Телеграмма Э. П. Демидова—С. Д. Сазонову, № 251. Стр. 228.	Афины, 28 июня/11 июля 1915 г.	О занятии Митилены союзными войсками, в качестве базы для действий против Дарданелл.
155. Телеграмма Э. П. Демидова—С. Д. Сазонову, № 272. Стр. 228.	Афины, 14/27 июля 1915 г.	Заявление английского посланника о занятии Митилены.
156. Телеграмма Э. П. Демидова—С. Д. Сазонову, № 375. Стр. 229.	Афины, 2/15 сентября 1915 г.	По мнению Венизелоса, для привлечения Греции на сторону держав Согласия необходимо «образование оборонительного против Болгарии союза трех балканских государств».
157. Телеграмма Э. П. Демидова—С. Д. Сазонову, № 394. Стр. 231.	Афины, 9/22 сентября 1915 г.	Может ли Греция рассчитывать на военную помощь держав Согласия в случае ее выступления?
158. Телеграмма Э. П. Демидова—С. Д. Сазонову, № 395. Стр. 232.	Афины, 9/22 сентября 1915 г.	Заявление Венизелоса, что, в случае выступления Греции против Болгарии, греческие войска могли бы быть использованы и для похода на Константинополь.
159. Телеграмма Э. П. Демидова—М. И. Терещенко, № 424. Стр. 233.	Афины, 25 июня/8 июля 1917 г.	О появившейся во французском органе в Афинах статье по поводу отказа России от Константинополя.
160. Телеграмма А. А. Нератова—Э. П. Демидову, № 2992. Стр. 233.	Петроград, 29 июня/12 июля 1917 г.	Нежелательно, чтобы вопрос о Константинополе затрагивался в греческой печати.
161. Телеграмма А. А. Нератова—Э. П. Демидову, № 4176. Стр. 234.	Петроград, 7/20 сентября 1917 г.	Хотя бы в субсидируемых русской миссией в Афинах органах греческой печати не должны появляться нежелательные для России статьи по вопросу о Константинополе и Афоне.
162. Телеграмма Э. П. Демидова—М. И. Терещенко, № 642. Стр. 235.	Афины, 12/25 октября 1917 г.	По поводу газетной статьи, озаглавленной «Константинополь—столица греческой черноморской республики».

IV. Отношение болгарского правительства к вопросу о Константинополе и Проливах.

163. Телеграмма А. А. Савинского—С. Д. Сазонову, № 153. Стр. 236.	София, 18/31 июля 1914 г.	В Софии в русской мобилизации усматривают, кроме ответа на австрийское выступление, желание России покончить с вопросом о Константинополе и Проливах.
164. Телеграмма А. А. Савинского—С. Д. Сазонову, № 205. Стр. 237.	София, 8/21 августа 1914 г.	Если Россия согласится предоставить Турции за нейтралитет территориальные компенсации, последние должны быть сообразованы с притязаниями Болгарии.
165. Телеграмма А. А. Савинского—С. Д. Сазонову, № 233. Стр. 238.	София, 18/31 августа 1914 г.	Сделать ли заявление, в момент выступления Турции, болгарскому правительству о содействии высадке союзных войск на болгарской территории?
166. Телеграмма А. А. Савинского—С. Д. Сазонову, № 273. Стр. 239.	София, 9/22 сентября 1914 г.	Беседа с Радославовым о возможной высадке русских войск на болгарской территории.
167. Телеграмма А. А. Савинского—С. Д. Сазонову, № 390. Стр. 241.	София, 19 октября/1 ноября 1914 г.	Желательно привлечение Болгарии на сторону держав Согласия в настоящий момент, так как, сохранив нетронутыми свои военные силы, Болгария может явиться препятствием осуществлению русских стремлений на Проливах.
168. Телеграмма С. Д. Сазонова—А. А. Савинскому, № 3622. Стр. 243.	Петроград, 22 октября/4 ноября 1914 г.	Безопасность болгарского побережья могла бы быть достигнута разрешением русскому флоту пользоваться Бургасом, как базой для действий против Турции.
169. Телеграмма А. А. Савинского—С. Д. Сазонову, № 520. Стр. 244.	София, 26 ноября / 9 декабря 1914 года.	Текст заявления посланников союзных держав Радославову о компенсациях Болгарии за ее вступление в войну.
170. Телеграмма Г. П. Бахметева—С. Д. Сазонову, № 242. Стр. 245.	Вашингтон, 1/14 декабря 1914 г.	По мнению Панаретова, единственным правильным решением вопроса о Константинополе является превращение его в «свободный город под европейским контролем».
171. Телеграмма И. Балугжича—Н. Пашичу. Стр. 247.	Афины, 14/27 декабря 1914 г.	Об опасениях турецкого правительства, что Болгария пропустит русские войска через свою территорию и вместе с ними «пойдет на Константинополь».

172. Телеграмма А. П. Извольского—С. Д. Сазонову, № 734. Стр. 247.	Париж, 25 декабря 1914 г. /7 января 1915 г.	О подкупе болгарских политических деятелей с целью привлечения Болгарии на сторону держав Согласия.
173. Телеграмма С. Д. Сазонова—А. П. Извольскому, № 4931. Стр. 249.	Петроград, 27 декабря 1914 г. /9 января 1915 г.	Точка зрения Сазонова по тому же вопросу.
174. Телеграмма А. Карлотти—С. Соннино (дешифрант). Стр. 249.	Петроград, 13 января 1915 г.	Россия, соглашаясь на уступку части Македонии Болгарии, стремится ограничить владения последней в районе, прилегающем к Проливам.
175. Телеграмма А. П. Извольского—С. Д. Сазонову, № 2. Стр. 251.	Париж, 2/15 января 1915 г.	О согласии Делькассэ на подкуп болгарских политических деятелей.
176. Телеграмма А. К. Бенкендорфа—С. Д. Сазонову, № 75. Стр. 251.	Лондон, 26 января/8 февраля, 1915 г.	Барк считает весьма желательным подкуп болгарских политических деятелей, так как выступление Болрии против Турции способствовало бы незамедлительному решению вопроса о Проливах.
177. Телеграмма П. Л. Барка—А. В. Кривошеину. Стр. 252.	Крейсер «Аскольд», 1/14 февраля 1915 г.	О том же.
178. Донесение М. Маджарова — В. Радославову, № 134. Стр 252.	Петроград, 2/15 февраля 1915 г.	Решение турецкого вопроса без участия Болгарии было бы крайне для нее невыгодно.
179. Телеграмма С. Д. Сазонова — А. П. Извольскому, № 719. Стр. 256.	Петроград, 10/23 февраля 1915 г.	Запрос Сазонова о том, что сделано Делькассэ по делу о подкупе болгарских политических деятелей.
180. Телеграмма А. П. Извольского—С. Д. Сазонову, № 89. Стр. 256.	Париж, 11/24 февраля 1915 г.	Делькассэ намерен предпринять шаги для подкупа болгарских министров, но считает, что решительное влияние на болгарское правительство будет иметь исход союзных операций у Проливов.
181. Телеграмма С. Соннино—А. Карлотти, № 774 (дешифрант). Стр. 257.	Рим, 2 марта 1915 г.	О впечатлении, произведенном на болгарское общественное мнение действиями союзников у Дарданелл.

182. Телеграмма Э. П. Демидова—С. Д. Сазонову, № 81. Стр. 257.	Афины, 18 февраля/3 марта 1915 г.	Радославов настаивает на сближении Болгарии с Грецией и Румынией «против русской опасности на почве вопроса о Константинополе и Проливах».
183. Телеграмма П. Хаджемишева — В. Радославову, № 111 (дешифрант). Стр. 257.	Лондон, 19 февраля / 4 марта 1915 г.	Беседа с Ллойд Джорджем о желательности выступления Болгарии в связи с операциями союзников у Проливов.
184. Телеграмма С. Соннино — А. Карлотти (дешифрант). Стр. 259.	Рим, 6 марта 1915 г.	О стремлении болгарской оппозиции заставить правительство выступить на стороне держав Согласия.
185. Телеграмма Г. Н. Трубецкого—С. Д. Сазонову, № 257. Стр. 260.	Ниш, 22 февраля / 7 марта 1915 г.	На заявление болгарского посланника о желательности участия Болгарии в операциях у Проливов, Трубецкой указал, что «будущность отношений Болгарии с Россией решается» в настоящий момент.
186. Телеграмма А. А. Савинского—С. Д. Сазонову. Стр. 260.	София, 24 февраля / 9 марта 1915 г.	О настроении в Болгарии в пользу выступления ее против Турции.
187. Телеграмма К. Диаманди — Э. Порумбаро, № 353 (дешифрант). Стр. 261.	Петроград, 10 марта 1915 г.	Болгария готова предложить свое содействие Тройственному Согласию против Турции, в случае предоставления ей компенсаций в сербской Македонии.
188. Телеграмма С. Соннино — А. Карлотти (дешифрант). Стр. 261.	Рим, 11 марта 1915 г.	Мнение ген. Савова о положении у Дарданелл.
189. Телеграмма А. А. Савинского — С. Д. Сазонову, № 137. Стр. 262.	София, 3/16 марта 1915 г.	Заключение ген. Пэджета о том, что «Болгария накануне новой ориентировки».
190. Телеграмма А. А. Савинского — С. Д. Сазонову, № 138. Стр. 263.	София, 4/17 марта 1915 г.	Радославов отрицает приписываемое ему намерение способствовать сближению Греции, Болгарии и Румынии «против русской опасности».
191. Телеграмма М. Маджарова — В. Радославову, № 225 (дешифрант). Стр. 263.	Петроград, 7/20 марта 1915 г.	Решение вопроса о Дарданеллах без участия Болгарии закроет ей «путь в Турцию».
192. Телеграмма Э. Грэя—Дж. Бьюкенену, № 402 (дешифрант). Стр. 265.	Лондон, 22 марта 1915 г.	По сведениям греческого посланника в Париже, Болгария отказалась помогать Сербии, но согласилась напасть на Турцию при условии компенсаций в Македонии.

193. Донесение М. Маджарова — В. Радославову, № 314. Стр. 265.	Петроград, 14/27 марта 1915 г.	Соображения Маджарова о желательности выступления Болгарии на стороне Тройственного Согласия.
194. Телеграмма Г. Н. Трубецкого—С. Д. Сазонову, № 348. Стр. 272.	Ниш, 19 марта/ 1 апреля 1915 г.	В беседе с королем Фердинандом ген. Пэджет указал на возможность предоставления Константинополя Болгарии.
195. Памятная записка великобританского посольства — С. Д. Сазонову. Стр. 273.	Петроград, 8 апреля 1915 г.	Текст инструкции английскому посланнику в Софии о желательности немедленного выступления Болгарии, при условии компенсаций в Македонии и во Фракии.
196. Телеграмма А. А. Савинского — С. Д. Сазонову, № 213. Стр. 274.	София, 3/16 апреля 1915 г.	По поводу предполагаемого выступления держав Согласия в Софии в связи с валандовским инцидентом.
197. Телеграмма Б. С. Серафимова—С. Д. Сазонову, № 184. Стр. 276.	Константинополь 5/18 апреля 1915 г.	Турецкие политические круги считают Болгарию единственным путем, могущим привести Россию к Константинополю.
198. Телеграмма Б. С. Серафимова—С. Д. Сазонову, № 191. Стр. 276.	Константинополь, 8/21 апреля 1915 г.	По слухам, Турция, взамен благожелательного нейтралитета Болгарии, готова предоставить последней Фракию по линии Энос—Мидия.
199. Телеграмма А. А. Савинского — С. Д. Сазонову, № 227. Стр. 277.	София, 9/22 апреля 1915 г.	Французский посланник заявил Радославову, что «после занятия союзниками Константинополя болгарская помощь будет обесценена».
200. Телеграмма А. А. Савинского—С. Д. Сазонову, № 239. Стр. 278.	София, 15/28 апреля 1915 г.	Чем больше у России будет помощников при взятии Константинополя, тем легче ей «справиться с претензиями каждого из них».
201. Телеграмма Э. Грэя — Дж. Бьюкенену, № 764 (дешифрант). Стр. 278.	Лондон, 1 мая 1915 г.	Мнение военных кругов о значении болгарской помощи в операциях у Дарданелл.
202. Телеграмма А. А. Савинского—С. Д. Сазонову. Стр. 279.	София, 28 апреля/11 мая 1915 г.	Заявление Айронсайда, что Англия форсирует Проливы в интересах России и что для этой цели ей необходимо привлечь Болгарию.
203. Памятная записка великобританского посольства—С. Д. Сазонову, № 42. Стр. 279.	Петроград, 24 мая 1915 г.	О намерении английского правительства в ближайшем будущем выступить с новым предложением перед болгарским правительством.

215. Телеграмма Д. Какламаноса—Э. Венизелосу (дешифрант). Стр. 288.	Петроград, 11 сентября 1915 г.	По мнению Карлотти, только успех союзников в Дарданеллах может оказать решающее влияние на позицию Болгарии.

V. Вопрос об использовании Бургаса, в качестве базы, русским флотом.

216. Телеграмма С. Д. Сазонова — А. А. Савинскому, № 3625. Стр. 289.	Петроград, 22 октября/4 ноября 1914 г.	В случае сохранения Болгарией нейтралитета желательно, чтобы Болгария не препятствовала стоянке русских судов в Бургасе.
217. Телеграмма вел. кн. Николая Николаевича — С. Д. Сазонову, № 97. Стр. 289.	Ставка, 17 февраля/2 марта 1915 г.	О необходимости добиться согласия Болгарии на погрузку русским флотом угля в Бургасе.
218. Всеподданнейшая записка С. Д. Сазонова. Стр. 290.	Петроград, 18 февраля/3 марта 1915 г.	Сопроводительная к записке адм. Григоровича (см. сл. №).
219. Записка И. К. Григоровича. Стр. 290.	Петроград, 18 февраля/3 марта 1915 г.	По вопросу о погрузке русским флотом угля вблизи Босфора.
220. Письмо С. Д. Сазонова—И. К. Григоровичу, № 391. Стр. 292.	Петроград, 18 февраля/3 марта 1915 г.	Текст резолюции Николая II на записке адм. Григоровича.
221. Телеграмма А. А. Эбергарда — И. К. Григоровичу, № 5380. Стр. 292.	Севастополь, 19 февраля/4 марта 1915 г.	Против использования, в качестве базы, Зунгулдака, Эрегли и Инады.
222. Всеподданнейшая записка И. К. Григоровича и А. И. Русина. Стр. 293.	Петроград, 20 февраля/5 марта 1915 г.	По поводу мнения адм. Эбергарда (см. № 221).
223. Всеподданнейшая записка С. Д. Сазонова. Стр. 293.	Петроград, 20 февраля/5 марта 1915 г.	О предпочтительности использования, в качестве базы, одного из анатолийских портов.
224. Телеграмма Н. А. Кудашева—С. Д. Сазонову, № 100. Стр. 294.	Ставка, 21 февраля/6 марта 1915 г.	Желательно добиться от болгарского правительства установления более продолжительного срока для стоянки русских судов в Бургасе.
225. Телеграмма С. Д. Сазонова—А. А. Савинскому, № 992. Стр. 295.	Петроград, 22 февраля/7 марта 1915 г.	Имеются ли в Болгарии специальные узаконения о стоянке военных судов в болгарских портах?
226. Телеграмма А. А. Савинского — С. Д. Сазонову, № 115. Стр. 295.	София, 22 февраля/7 марта 1915 г	Ответ на запрос Сазонова (см. № 225).

227. Отзыв юрисконсультской части министерства иностранных дел. Стр. 295.	Петроград, 22 февраля/7 марта 1915 г.	По поводу 15-ой статьи 13-ой Гаагской конвенции 1907 г.
228. Телеграмма Н. А. Кудашева—С. Д. Сазонову, № 103. Стр. 296.	Ставка, 23 февраля/8 марта 1915 г.	Желательно предупредить Болгарию о том, что Россия намерена воспользоваться для погрузки угля правом стоянки военных судов в нейтральных портах.
229. Телеграмма А. А. Савинского—С. Д. Сазонову, № 121. Стр. 297.	София, 28 февраля/13 марта 1915 г.	Желательно личное обращение Николая II к Фердинанду болгарскому.
230. Телеграмма А. А. Савинского — С. Д. Сазонову, № 122. Стр. 298.	София, 28 февраля/13 марта 1915 г.	О необходимости и способе ознакомления на месте с условиями использования Бургаса.
231. Письмо Н. Н. Янушкевича—С. Д. Сазонову, № 367. Стр. 298.	Ставка, 6/19 марта 1915 г.	Николай II находит нужным снова поставить на обсуждение вопрос о Бургасе и запросить союзников, как они отнесутся к занятию Бургаса Россией, «даже вопреки согласию Болгарии».
232. Телеграмма Н. А. Кудашева—Н. Н. Янушкевичу, № 1257. Стр. 299.	Петроград. 7/20 марта 1915 г.	Сазонов обсудит с союзниками вопрос о Бургасе.
233. Телеграмма С. Д. Сазонова—Н. А. Кудашеву, № 1318. Стр. 300.	Петроград, 10/23 марта 1915 г.	Грэй считает крайне нежелательным занятие Бургаса без согласия Болгарии.
234. Телеграмма Дж. Бьюкенена — Э. Грэю, № 367 (дешифрант). Стр. 300.	Петроград, 24 марта 1915 г.	Отрицательное отношение Грэя к вопросу о нарушении болгарского нейтралитета усилило позицию Сазонова «в отказе на просьбу военных властей о занятии Бургаса».
235. Телеграмма Н. Н. Янушкевича—С. Д. Сазонову, № 133. Стр. 301.	Ставка, 11/24 марта 1915 г.	Верховный главнокомандующий согласен с мнением Грэя.
236. Телеграмма М. Маджарова — В. Радославову, № 254 (дешифрант). Стр. 301.	Петроград, 11/24 марта 1915 г.	Возможен ли заход и стоянка русских военных судов в болгарских портах?
237. Телеграмма К. Н. Гулькевича — Н. А. Кудашеву, № 86. Стр. 301.	Петроград, 14/27 марта 1915 г.	Содержание телеграммы Янушкевича, № 133, передано Грэю.

238. Телеграмма Дж. Бьюкенена — Э. Грэю, № 388 (дешифрант). Стр. 302.	Петроград, 28 марта 1915 г.	Верховный главнокомандующий разделяет возражения Грэя против занятия Бургаса без согласия Болгарии.
239. Телеграмма Э. П Демидова—С. Д. Сазонову, № 114. Стр. 302.	Афины, 21 марта / 3 апреля 1915 г.	По мнению английского военного агента в Афинах, следует обратиться к Болгарии за разрешением на высадку англо-французских и русских войск на болгарской территории.
240. Телеграмма Э. Грэя—Дж. Бьюкенену, № 554 (дешифрант). Стр. 303.	Лондон, 9 апреля 1915 г.	Английское правительство продолжает настаивать на ненарушении болгарского нейтралитета.
241. Телеграмма А. А. Савинского—С. Д. Сазонову, № 198. Стр. 303.	София, 27 марта / 9 апреля 1915 г.	Радославов заявил Савинскому, что высадка русских войск на болгарской территории не встретит возражений со стороны болгарского правительства.
242. Телеграмма А. П. Извольского—С. Д. Сазонову, № 207. Стр. 304.	Париж, 28 марта / 10 апреля 1915 г.	Заявление Делькассэ, что, по имеющимся у него из болгарских кругов сведениям, высадка русских войск в Варне вызовет присоединение Болгарии к антигерманской коалиции.
243. Телеграмма А. П. Извольского—С. Д. Сазонову, № 212. Стр. 305.	Париж, 30 марта / 12 апреля 1915 г.	По мнению французского посланника в Софии, Николаю II следует обратиться к Фердинанду с телеграммой о предстоящей высадке русских войск в Бургасе, одновременно с чем должен быть произведен союзный десант в Дедеагаче.
244. Телеграмма А. К. Бенкендорфа — С. Д. Сазонову, № 244. Стр. 306.	Лондон, 1/14 апреля 1915 г.	Заявление Никольсона, что Англия решительно возражает против высадки русских войск в Бургасе, даже если бы это вызвало выступление Болгарии.
245. Телеграмма А. А. Эбергарда—С. Д. Сазонову, № 5996. Стр. 307.	Севастополь, 23 апреля / 6 мая 1915 г.	Можно ли использовать Бургас в качестве базы для операций против Проливов?
246. Телеграмма Н. А Кудашева—С. Д. Сазонову, № 223. Стр. 307.	Ставка, 23 апреля/6 мая 1915 г.	Запрос о том же.
247. Телеграмма К. Н. Гулькевича—Н. А. Кудашеву, № 165. Стр. 307.	Петроград, 24 апреля/7 мая 1915 г.	Ответ на запрос Кудашева (см. № 246).

248. Телеграмма С. Д. Сазонова—А. А. Эбергарду, № 2105. Стр. 308.	Петроград, 24 апреля/7 мая 1915 г.	Ответ на запрос Эбергарда (см. № 245).
249. Телеграмма В Мирбаха — Г. Ягову. Стр. 308.	Афины, 26 июня 1915 г.	По сведениям греческого посланника в Петрограде, Россия не отказалась от плана высадки на болгарской территории.
250. Телеграмма А. А. Савинского—С. Д. Сазонову, № 371. Стр. 308.	София, 18 июня/1 июля 1915 г.	По поводу запроса ген. Каульбарса о путях сообщения между Бургасом и Константинополем.
251. Письмо С. Д. Сазонова—Н. Н. Янушкевичу, № 699. Стр. 309.	Петроград, 20 июня/3 июля 1915 г.	Опасения Сазонова, что переписка ген. Каульбарса возбудит подозрения в Болгарии.
252. Телеграмма А. А. Савинского—С. Д. Сазонову, № 405. Стр. 309.	София, 2/15 июля 1915 г.	Заявление Радославова о вступлении Болгарии в войну, в случае разрешения ей занять часть Македонии, и заявление ген. Бояджиева, что Болгария согласилась бы на высадку русских войск в Бургасе.
253. Телеграмма А. П. Извольского—С. Д. Сазонову. Стр. 310.	Париж, 14/27 августа 1915 г.	По заявлению Делькассэ, высадка хотя бы небольшого русского отряда в Бургасе произвела бы благоприятное впечатление в Болгарии.

VI. Предположения о перемирии и о сепаратном мире с Турцией.

254. Телеграмма А. П. Извольского — С. Д. Сазонову, № 91. Стр. 311.	Париж, 12/25 февраля 1915 г.	Французский проект «подкупа турецких деятелей», с целью вызвать в Константинополе переворот.
255. Телеграмма С. Д. Сазонова—А. К. Бенкендорфу, № 840. Стр. 311.	Петроград, 14/27 февраля 1915 г.	О том же.
256. Телеграмма С. Д. Сазонова — А. П. Извольскому и А. К. Бенкендорфу, № 850. Стр. 312.	Петроград, 15/28 февраля 1915 г.	Условия перемирия с Турцией, выработанные Сазоновым совместно с французским и английским послами.
257. Телеграмма А. П. Извольского—С. Д. Сазонову, № 106. Стр. 312.	Париж, 16 февраля/1 марта 1915 г.	Условия перемирия не встретили принципиальных возражений со стороны Делькассэ.
258. Телеграмма С. Д. Сазонова — А. П. Извольскому и А. К. Бенкендорфу, № 873. Стр. 313.	Петроград, 16 февраля/1 марта 1915 г.	Дополнительное условие: немедленное удаление турецких войск из европейской Турции.

259. Телеграмма С. Д. Сазонова — А. П. Извольскому и А. К. Бенкендорфу, № 888. Стр. 313.	Петроград, 17 февраля/2 марта 1915 г.	Просьба не предпринимать шагов по содержанию предшествующей телеграммы.
260. Телеграмма Н. Н. Янушкевича—С. Д. Сазонову, № 98. Стр. 313.	Ставка, 17 февраля/2 марта 1915 г.	Верховный главнокомандующий указывает, что заключение перемирия—его прерогатива, и формулирует свои условия перемирия.
261. Всеподданнейшая телеграмма вел. кн. Николая Николаевича, № 8455. Стр. 314.	Ставка, 17 февраля/2 марта 1915 г.	Только мир с Турцией даст возможность направить все освободившиеся силы против Австрии и Германии.
262. Телеграмма С. Д. Сазонова—Н. Н. Янушкевичу, № 911. Стр. 314.	Петроград, 18 февраля/3 марта 1915 г.	Мотивы вступления в переговоры с союзниками относительно условий перемирия.
263. Телеграмма А. П. Извольского—С. Д. Сазонову, № 117. Стр. 315.	Париж, 19 февраля/4 марта 1915 г.	Согласие Делькассэ на 6 пунктов условий перемирия.
264. Телеграмма В. Р. Бахерахта—С. Д. Сазонову, № 139. Стр. 315.	Берн, 27 марта/9 апреля 1915 г.	Слухи о намерении Джавида-бея вступить в переговоры о заключении сепаратного мира с державами Согласия.
265. Телеграмма С. Д. Сазонова — А. П. Извольскому, № 2365. Стр. 316.	Петроград, 8/21 мая 1915 г.	С какими «французскими государственными деятелями» вел переговоры Джавид-бей в Лозанне?
266. Телеграмма А. П. Извольского—С. Д. Сазонову, № 332. Стр. 316.	Париж, 10/23 мая 1915 г.	По словам Делькассэ, попытка Джавида была отклонена французским правительством.
267. Телеграмма А. П. Извольского—С. Д. Сазонову, № 344. Стр. 316.	Париж, 15/28 мая 1915 г.	Делькассэ высказался за желательность «пойти навстречу новому турецкому предложению».
268. Телеграмма С. Д. Сазонова — А. П. Извольскому, № 2513. Стр. 317.	Петроград, 17/30 мая 1915 г.	Сазонов не возражает против ознакомления с новым турецким предложением при условии, что Турции будет объявлено решение союзников предоставить России Константинополь.
269. Телеграмма А. К. Бенкендорфа—С. Д. Сазонову, № 381. Стр. 317.	Лондон, 18/31 мая 1915 г.	Никольсон отозвался незнанием по этому вопросу.
270. Телеграмма Э. П. Демидова—С. Д. Сазонову, № 328. Стр. 318.	Афины, 14/27 августа 1915 г.	Гильмэн высказывается в пользу заключения сепаратного мира с Турцией.

271. Телеграмма А. П. Извольского—С. Д. Сазонову, № 173. Стр. 318.	Париж, 1/14 марта 1916 г.	Бриан не начнет переговоров с турками без ведома и согласия России.
272. Телеграмма К. И. Джакели — А. К. Бентковскому, № 308. Стр. 319.	Ливерпуль, 5/18 марта 1916 г.	По сведениям Джакели, английской печати предписано «усвоить умеренный тон в отзывах о Турции».
273. Телеграмма К. Диаманди — Э. Порумбаро, № 523 (дешифрант). Стр. 319.	Петроград, 20 марта 1916 г.	Сазонов заявил, что сепаратный мир с Турцией встретил бы оппозицию в русских политических кругах.
274. Телеграмма А. К. Бенкендорфа — С. Д. Сазонову, № 129. Стр. 319.	Лондон, 12/25 марта 1916 г.	Никольсон относится скептически к слухам о турецких предложениях сепаратного мира.
275. Телеграмма В. Р. Бахерахта—С. Д. Сазонову, № 379. Стр. 320.	Берн, 14/27 июня 1916 г.	Джавид-бей в переговорах о займе с германским правительством угрожал заключением сепаратного мира.
276. Телеграмма В. Р. Бахерахта—Б. В. Штюрмеру, № 442. Стр. 320.	Берн, 16/29 июля 1916 г.	О переговорах представителей турецкой оппозиции с агентами Талаата-паши относительно заключения сепаратного мира.
277. Телеграмма В. Р. Бахерахта—Б. В. Штюрмеру, № 510. Стр. 321.	Берн, 13/26 августа 1916 г.	Сведения Мандельштама о плане ниспровержения младотурецкого правительства.
278. Телеграмма А. М. Ону—П. Н. Милюкову, № 252. Стр. 322.	Берн, 20 марта/2 апреля 1917 г.	Об охлаждении турецкой оппозиции к идее сепаратного мира с Россией.
279. Телеграмма А. М. Ону—П. Н. Милюкову, № 333. Стр. 322.	Берн, 21 апреля/4 мая 1917 г.	По сведениям Мандельштама, между Вильгельмом II и Талаатом-пашей происходили переговоры об открытии Проливов для одной России.
280. Телеграмма А. М. Ону—П. Н. Милюкову, № 335. Стр. 323.	Берн, 21 апреля/4 мая 1917 г.	Сведения Мандельштама об отношении турецкого правительства к сепаратному миру с Россией, в связи с отказом последней от завоевательных целей.
281. Телеграмма Р. Сесиля — Дж. Бьюкенену, № 928 (дешифрант). Стр. 324.	Лондон, 10 мая 1917 г.	По словам турецкого посланника в Берне, Турция готова выполнить русские пожелания в отношении нейтрализации Дарданелл.

282. Телеграмма А. М. Ону—П. Н. Милюкову, № 361. Стр. 324.	Берн, 3/16 мая 1917 г.	Турецкий посланник в Берне продолжает говорить о возможности заключения сепаратного мира между Россией и Турцией.

VII. Предположения и переговоры об оккупации и временном управлении Константинополем.

283. Телеграмма А. К. Бенкендорфа—С. Д. Сазонову, № 157. Стр. 325.	Лондон, 20 февраля/5 марта 1915 г.	О желательности открытия в Константинополе, после занятия его союзниками, отделения П. Т. А.
284. Телеграмма С. Д. Сазонова—Н. А. Кудашеву, № 986. Стр. 326.	Петроград, 22 февраля/7 марта 1915 г.	Проект М. И. Д. деления Константинополя на зоны оккупации.
285. Телеграмма Н. А. Кудашева—С. Д. Сазонову, № 102. Стр. 326.	Ставка, 23 февраля/8 марта 1915 г.	Согласие верховного главнокомандующего на проект М. И. Д.
286. Телеграмма А. П. Извольского—С. Д. Сазонову, № 130. Стр. 326.	Париж, 25 февраля/10 марта 1915 г.	Соображения Рафаловича о мероприятиях финансового и экономического характера на случай занятия Константинополя союзными войсками.
287. Телеграмма А. П. Извольского—С. Д. Сазонову, № 131. Стр. 328.	Париж, 25 февраля /10 марта 1915 г.	О командировке Рафаловича в Константинополь, по занятии последнего союзниками.
288. Телеграмма Г. А. Нелидова — А. К. Бенкендорфу, № 1086. Стр. 328.	Петроград, 26 февраля/11 марта 1915 г.	По вопросу об учреждении телеграфного агентства в Константинополе, в случае занятия его союзными войсками.
289. Памятная записка французского посольства — С. Д. Сазонову. Стр. 328.	Петроград, 12 марта 1915 г.	Французское правительство предлагает возложить временное управление на трех гражданских комиссаров.
290. Памятная записка С. Д. Сазонова — М. Палеологу и Дж. Бьюкенену. Стр. 330.	Петроград, 28 февраля/13 марта 1915 г.	Русский проект временного управления Константинополем и деления его на зоны оккупации.
291. Телеграмма В. Пэджа — Д. Мэри (дешифрант). Стр. 331.	Лондон, 13 марта 1915 г.	Согласно ли русское правительство на установление нейтральных зон в Пере, Стамбуле и Скутари?
292. Памятная записка посольства С.-А. С. Штатов—С. Д. Сазонову. Стр. 331.	Петроград, 15 марта 1915 г.	Запрос о том же.

293. Телеграмма Э. Грэя — Дж. Бьюкенену, № 350 (дешифрант). Стр. 331.	Лондон, 16 марта 1915 г.	О том же.
294. Памятная записка великобританского посольства—С. Д. Сазонову. Стр. 332.	Петроград, 17 марта 1915 г.	О том же.
295. Памятная записка С. Д. Сазонова—М. Палеологу и Дж. Бьюкенену. Стр. 332.	Петроград, 7/20 марта 1915 г.	Верх. главнокомандующий считает установление нейтральных зон в Пере, Стамбуле и Скутари неосуществимым с военной точки зрения.
296. Телеграмма С. Д. Сазонова—А. П. Извольскому и А. К. Бенкендорфу, № 1284. Стр. 332.	Петроград, 8/21 марта 1915 г.	О том же.
297. Телеграмма Дж. Бьюкенена — Э. Грэю, № 341 (дешифрант). Стр. 333.	Петроград, 21 марта 1915 г.	О том же.
298. Памятная записка французского посольства—С. Д. Сазонову. Стр. 333.	Петроград, 21 марта 1915 г.	Соображения Делькассэ по поводу проекта временного управления Константинополем, выработанного Сазоновым.
299. Телеграмма Э. Грэя — Дж. Бьюкенену, № 397 (дешифрант). Стр. 335.	Лондон, 21 марта 1915 г.	По мнению Делькассэ, условия оккупации Константинополя не могут быть определены заранее.
300. Телеграмма А. П. Извольского—С. Д. Сазонову, № 163. Стр. 336.	Париж, 10 / 23 марта 1915 г.	Делькассэ считает невыполнимым установление нейтральных зон в Пере, Стамбуле и Скутари.
301. Памятная записка С. Д. Сазонова—М. Палеологу, № 327. Стр. 336.	Петроград, 11/24 марта 1915 г.	Сазонов согласен с французской памятной запиской о временном управлении Константинополем, выделяя вопрос о судебной организации.
302. Телеграмма А. П. Извольского—С. Д. Сазонову, № 173. Стр. 337.	Париж, 13/26 марта 1915 г.	Русскому правительству необходимо установить программу действий на случай смешанной оккупации Константинополя, по примеру французского М. И. Д.
303. Телеграмма Д. Мэри—В. Брайану (дешифрант). Стр. 338.	Петроград, 29 марта 1915 г.	Сазонов считает невозможным, по соображениям военного характера, установление нейтральных зон в Пере, Стамбуле и Скутари.

304. Памятная записка французского посольства—С. Д. Сазонову, № 110. Стр. 338.	Петроград, 3 апреля 1915 г.	О судебной организации Константинополя на время смешанной оккупации его союзниками.
305. Памятная записка С. Д. Сазонова—М. Палеологу и Дж. Бьюкенену, № 385. Стр. 339.	Петроград, 26 марта/8 апреля 1915 г.	Ответ на предшествующий документ.
306. Телеграмма Дж. Бьюкенена — Э. Грэю, № 479 (дешифрант). Стр. 339.	Петроград, 11 апреля 1915 г.	Беседа с Сазоновым о желательности одновременного с союзниками прибытия русских гражданских властей в Константинополь.
307. Телеграмма С. Д. Сазонова—Г. Н. Трубецкому, № 1635. Стр. 340.	Петроград, 30 марта/12 апреля 1915 г.	О назначении Трубецкого русским генеральным комиссаром в Константинополь.
308. Телеграмма Дж. Бьюкенена — Э. Грэю, № 486 (дешифрант). Стр. 340.	Петроград, 12 апреля 1915 г.	О том же.
309. Письмо С. Д. Сазонова — Г. Н. Трубецкому, № 403. Стр. 341.	Петроград, 31 марта/13 апреля 1915 г.	Содержание переговоров с союзниками по вопросу о временном управлении Константинополем.
310. Телеграмма Г. Н. Трубецкого — С. Д. Сазонову, № 400. Стр. 342.	Ниш, 1/14 апреля 1915 г.	О желательности послать через Владивосток хотя бы один полк для участия в оккупации.
311. Телеграмма С. Д. Сазонова — Г. Н. Трубецкому, № 1761. Стр. 342.	Петроград, 6/19 апреля 1915 г	Отказ на просьбу Трубецкого разрешить ему приехать в Петроград.
312. Телеграмма Г. Н. Трубецкого—С. Д. Сазонову, № 436. Стр. 343.	Ниш, 7/20 апреля 1915 г.	Отрицательное отношение Трубецкого к проекту, выработанному французским М. И. Д., о временном управлении Константинополем.
313. Телеграмма Г. Н. Трубецкого—С. Д. Сазонову, № 441. Стр. 344.	Ниш, 7/20 апреля 1915 г.	Отказ Трубецкого от поста генерального комиссара.
314. Памятная записка Н. Рафаловича в министерство иностранных дел. Стр. 345.	Париж, 8/21 апреля 1915 г.	О финансовых и экономических мероприятиях, необходимых на случай занятия Константинополя союзными войсками.
315. Приложение к записке Н. Рафаловича. Стр. 351.	Париж, 8/21 апреля 1915 г.	«Временные правила надзора над финансовой и торгово-промышленной деятельностью в Царьграде».

316. Телеграмма Г. Н. Трубецкого — М. Ф. Шиллингу, № 474. Стр. 353.	Ниш, 12/25 апреля 1915 г.	Мотивы отказа Трубецкого от поста генерального комиссара.
317. Телеграмма Г. Н. Трубецкого—С. Д. Сазонову, № 475. Стр. 354.	Ниш, 12/25 апреля 1915 г.	О неприемлемости французского проекта управления.
318. Телеграмма Г. Н. Трубецкого—А. А. Нератову, № 554. Стр. 355.	Ниш, 28 апреля/11 мая 1915 г.	Трубецкой считает поездку в Петроград крайне необходимой.
319. Проект, выработанный Трубецким и Нольде. Стр. 355.	Петроград, 20 мая/2 июня 1915 г	«Временное положение об управлении Константинополем и примыкающими к нему областями Турции, занятыми по праву войны».
320. Письмо Н. А. Кудашева—С. Д. Сазонову. Стр. 358.	Ставка, 5/18 июля 1915 г.	Содержание бесед Трубецкого в Ставке по тому-же вопросу.
321. Телеграмма С. Д. Сазонова — А. П. Извольскому, № 4139. Стр. 360.	Петроград, 13/26 августа 1915 г.	Извольскому поручается предложить Делькассэ созвать совещание, с участием русского и английского послов, по вопросу о временном управлении.
322. Телеграмма Дж. Бьюкенена — Э. Грэю, № 1254 (дешифрант). Стр. 361.	Петроград, 28 августа 1915 г.	О том же.
323. Телеграмма Э. Грэя—Дж. Бьюкенену, № 1956 (дешифрант). Стр. 361.	Лондон, 30 августа 1915 г.	Просьба прислать текст русского проекта временного управления.
324. Телеграмма Дж. Бьюкенена — Э. Грэю, № 1269 (дешифрант). Стр. 361.	Петроград, 31 августа 1915 г.	Ответ на предшествующий документ.
325. Телеграмма А. П. Извольского—С. Д. Сазонову, № 548. Стр. 362.	Париж, 22 августа/4 сентября 1915 г.	Согласие Делькассэ на созыв в Париже совещания.
326. Телеграмма А. А. Нератова — А. П. Извольскому, № 4332. Стр. 362.	Петроград, 24 августа/6 сентября 1915 г.	Нератов предлагает командировать в Париж для участия в переговорах Мандельштама.
327. Телеграмма А. П. Извольского—С. Д. Сазонову, № 557. Стр. 362.	Париж, 26 августа/8 сентября 1915 г.	Ответ на предшествующий документ.

328. Телеграмма С. Д. Сазонова — А. П. Извольскому, № 4481. Стр. 363.	Петроград, 31 августа/13 сентября 1915 г.	Замечания на французский и английский проекты.
329. Проект, выработанный в русском министерстве иностранных дел. Стр. 365.	Без даты.	Положение о временном управлении Константинополем и прилегающими к нему областями.
330. Телеграмма А. П. Извольского—С. Д. Сазонову, № 608. Стр. 367.	Париж, 17/30 сентября 1915 г.	Заверение французского министерства, что согласование проектов Франции, Англии и России «задерживается более спешными заботами».

VIII. Вопрос о Константинополе и Проливах в связи с пожеланиями сепаратного мира между Россией и Германией.

331. Письмо М. А. Васильчиковой — Николаю II. Стр. 369.	Клейн-Вартенштейн, 25 февраля / 10 марта 1915 г.	«Влиятельные лица» просили довести до сведения Николая II о желании центральных держав заключить мир с Россией.
332. Письмо М. А. Васильчиковой — Николаю II. Стр. 370.	Берлин, 14/27 мая 1915 г.	В беседе с Васильчиковой Ягов указал, что сепаратный мир с Германией будет выгодным для России, даже в вопросе о Дарданеллах.
333. Телеграмма А. В. Неклюдова—С. Д. Сазонову, № 234. Стр. 375.	Стокгольм, 7/20 июля 1915 г.	О заявлении Монкевица, что германские правительственные круги стремятся к сепаратному миру с Россией.
334. Телеграмма А. В. Неклюдова—С. Д. Сазонову, № 241. Стр. 375.	Стокгольм, 10/23 июля 1915 г.	О слухах, что в виду военных неудач Россия согласится заключить сепаратный мир, по которому «она получит Проливы, а Германия — Польшу».
335. Телеграмма А. В. Неклюдова — С. Д. Сазонову, № 260 (1). Стр. 376.	Стокгольм, 15/28 июля 1915 г.	Заявление Монкевица, что союзники вряд-ли отдадут Проливы в полную собственность России, тогда как Германия согласилась бы на то, чтобы «Проливы сделались русско-турецко-германской территорией, при совершенно срытых укреплениях».
336. Телеграмма А. В. Неклюдова — С. Д. Сазонову, № 260 (2). Стр. 377.	Стокгольм, 15/28 июля 1915 г.	Продолжение предшествующей телеграммы: условия сепаратного мира между Россией и Германией, выдвигаемые Монкевицем.

337. Письмо А. В. Неклюдова—С. Д. Сазонову. Стр. 378.	Стокгольм, 18/31 июля 1915 г.	Соображения Неклюдова по поводу предложения Монкевица.
338. Телеграмма Д. Какламаноса—Д. Гунарису (дешифрант). Стр. 380.	Петроград, 20 июля / 2 августа 1915 г.	Сообщение по поводу предложения Монкевица.
339. Телеграмма Д. Какламаноса — С. Скулудису (дешифрант). Стр. 380.	Петроград, 20 ноября/3 декабря 1915 г.	Условия сепаратного мира между Россией и Германией, выдвигаемые германскими промышленными кругами.
340. Телеграмма Э. Грэя — Дж. Бьюкенену, № 2552 (дешифрант). Стр. 381.	Лондон, 2 ноября 1916 г.	Слухи о начавшихся в Швеции русско-германских переговорах о сепаратном мире; среди условий мира имеется пункт о нейтрализации Дарданелл.
341. Телеграмма М. М. Бибикова—А. А. Нератову, № 716. Стр. 382.	Берн, 26 октября/8 ноября 1916 г.	В германских политических кругах распространено мнение, что Россия может получить «проход через Проливы», вместе с восточной Галицией и Арменией, только от Германии, в обмен на Польшу и Литву.
342. Телеграмма Б. В. Штюрмера — представителям России при союзных державах. Стр. 383.	Петроград, 3/16 ноября 1916 г.	Опровержение слухов о переговорах между Россией и Германией о сепаратном мире.
343. Телеграмма М. М. Бибикова — Н. Н. Покровскому, № 867. Стр. 383.	Берн, 6/19 декабря 1916 г.	По словам б. албанского посланника в Вене, среди условий, на которых Германия готова заключить мир с Россией, имеется пункт о нейтрализации Проливов.
344. Телеграмма К. Н. Гулькевича—Н. Н. Покровскому, № 27. Стр. 384.	Христиания, 22 января/4 февраля 1917 г.	Заявление Ризова о желании Германии заключить мир с Россией, обеспечив ей выход из Черного моря.
345. Телеграмма К. Н. Гулькевича—Н. Н. Покровскому, № 33. Стр. 385.	Христиания, 23 января/5 февраля 1917 г.	Просьба Ризова не сообщать никому, кроме русского правительства, о предпринятом им шаге.
346. Телеграмма К. Н. Гулькевича—Н. Н. Покровскому, № 34. Стр. 385.	Христиания, 24 января/6 февраля 1917 г.	О сделанном Гулькевичем представителям союзных держав сообщении относительно беседы его с Ризовым.

347. Телеграмма Р. Пэджета—Э. Грэю (дешифрант). Стр. 386.	Копенгаген, 10 февраля 1917 г.	Слухи о новых русско-германских переговорах о сепаратном мире; среди условий—уступка Константинополя России.

IX. Проект босфорской экспедиции 1917 г.

348. Всеподданнейшая записка Н. Н. Покровского. Стр. 387.	Петроград, 21 февраля/6 марта 1917 г.	О необходимости для России организовать специальную экспедицию для захвата Босфора.
349. Письмо Н. А. Базили—Н. Н. Покровскому. Стр. 391.	Ставка, 26 февраля/11 марта 1917 г.	Начальник штаба верх. главнокомандующего считает, что поход на Константинополь может быть предпринят только после поражения центральных держав.
350. Письмо Н. А. Базили—П. Н. Милюкову. Стр. 393.	Ставка, 23 марта/5 апреля 1917 г.	О приостановке подготовительных работ для десантной операции у Проливов.
351. Письмо Н. А. Базили — А. А. Нератову. Стр. 395.	Ставка, 8 / 21 апреля 1917 г.	Беседа с начальником штаба верх. главнокомандующего по тому же поводу.
352. Письмо Н. А. Базили — А. А. Нератову. Стр. 396.	Ставка, 11 / 24 апреля 1917 г.	Необходимо стремиться к заключению сепаратного мира с Турцией на основе признания «контроля» России на Босфоре и Дарданеллах.

Предметный указатель к дипломатической переписке I и II томов [1]).

[1]) Римские цыфры обозначают документы I тома, арабские—II тома.

Личный указатель к дипломатической переписке I и II томов[1]).

---

[1]) Даты приводятся по нов. ст.

1908—12 г.; 1 секр. миссии в Брюсселе 1912—16 г.; в.-дир. дипл. канц. при штабе верх. главнок. 1916—17 г. — Т. I, стр. 438, 439.

Берти, лорд Фрэнсис — англ. дипл., род. в 1844 г.; в составе мин. ин. дел млад., а затем старш. чиновником 1880—94 г.; пом. ст.-секр. по ин. дел. 1894—1903 г.; посол в Риме 1903—05 г. и Париже 1905—18 г.; ум. в 1919 г.—Т. I, стр. 268, 274, 332, т. II, стр. 280, 360, 363.

Бибиков, Мих. Мих. — рус. дипл.; в мин. ин. дел с 1898 г.; 2 секр. пос-ства в Вене 1910—11 г.; 1 секр. миссии в Белграде в 1911 г., в Афинах 1911—12 г., в Мюнхене 1912—14 г. и в Берне 1916—17 г.; при врем. прав-ве был вынужден подать в отставку — Т. II, стр. 382—384.

Блондель, Камиль — франц. дипл., род. в 1854 г.; в мин. ин. дел с 1878 г.; в Лондоне, Берлине, Мадриде и Танжере и при деп-те полит. дел 1885—89 г.; 1 секр. миссии в Рио-де-Жанейро 1889—92 г., Тунисе 1892—93 г., Лиссабоне 1893—95 г., Берне 1895—98 г. и Риме 1898—1900 г.; посланник в Мексике 1900—05 г. и Букаресте 1907—16 г. — Т. I, стр. 374.

Бозелли, Паоло — итал. госуд. деят., род. в 1838 г., проф., сенатор; неоднократно министр; пред. сов. мин. июль 1916 г. — окт. 1917 г. — Т. I, стр. 441.

Бомпар, Морис — франц. дипл., род. в 1854 г.; секр. префект. Сев. деп-та, секр. пос.-ства в Тунисе, а затем ген. секр. тунисского прав-ва 1882—89 г.; и. о ген.-резид. в Тенерифе 1889—92 г. и в Цетинье 1892—93 г.; и. о. пом. дир. консульского, а затем торг. деп-та мин. ин. дел 1893—94 г.; дир. конс. деп. 1894—1902 г.; посол в Петербурге 1902—08 г. и в Константинополе 1909—14 г.; представитель Франции на 2-й Лозаннской конференции 1923 г. — Т. I, стр. 226, 289, т. II, стр. 337.

Бонар Лоу, Эндрю — англ. госуд. деят., консерват., род. в 1858 г.; чл. пал. общ. от Глазго с 1900 г.; вождь консерват. партии с 1911 г.; мин. колоний и член воен. сов. в коал. каб. Асквита 1915—16 г.; лорд казнач. и лидер пал. общ. 1916—19 г.; лорд хранитель печати ноябрь 1919 г.—март 1920 г.; премьер-мин. окт. 1922 г.—май 1923 г.; ум. в 1923 г.; в своей политике стремился к сближению с Францией — Т. I, стр. 281, т. II, стр. 267.

Бояджиев, Кл. — болг. ген.; воен. мин. в каб. Радославова 1913—14 г.; нач. ген. штаба 1914—15 г.; позднее ком. 1 арм. — Т. II, стр. 310.

Боэреско, М. — румын. дипл., юрист, род. в 1875 г.; 2 и 1 секр. миссии в Берлине 1904—12 г.; участв. в работах Гаагской мирной конференции 1907 г.; 1 секр., советн. пос-ства и повер. в делах миссии в Лондоне 1912—22 г.—Т. I, стр. 375, 377.

Брайан, Вилльям — сев.-америк. госуд. деят., член демокр. партии, род. в 1860 г.; адвокат; член конгресса 1891—95 г.; кандидат в президенты в 1896, 1900 и 1908 г.; мин. ин. дел при през. Вильсоне март 1913 г.—июнь 1915 г.; ум. в 1925 г. — Т. II, стр. 338.

Братиано, Ион — румын. госуд. деят., род. 1822 г.; получил образование во Франции; по возвращении на родину принял участие в румын. революц. движении 1848 г. и вынужден был бежать; вернулся в 1857 г. и в скором времени стал во главе либер. партии, одним из основателей которой являлся; пред. сов. мин. 1867—68 г.; позднее стал в оппозицию консерв. мин-ствам; мин. фин. в 1876 г.; пред. сов. мин. 1876—81 г. и с июля 1881 г. по 1888 г.; руководил деятельностью мин-ства во время войны 1877—78 г. и способствовал признанию державами независимого румын. королевства; ум. в 1891 г. — Т. I, стр. 296.

Братиано, Ион К. — румын. госуд. деят., инженер, сын предшествующего, род. в 1864 г.; получил образование во Франции; член партии нац.-либер. с 1895 г.; депут. с того же года; мин. общ. раб. 1897—99 г. и 1901—04 г.; мин. внутр. дел 1907—09 г.; пред. сов. мин. и мин. внутр. дел 1909—11 г.; пред. сов. мин. и воен. мин. 1914—18 г. и 1919—20 г.; представитель Румынии на мирном

в Австрии, откуда обращалась дважды к Николаю II с письмами, прося его заключить сепаратный мир с Германией; в дек. 1915 г. явилась в Россию с письмами от вел. герц. Эрнеста Гессенского к Николаю II и Александре Фед.; в янв. 1916 г. была лишена придворн. звания и выслана в Черниговск. губ.—Т. II, стр. 369, 370, 374.

Венизелос, Элефтериос—греч. госуд. деят., род. в 1864 г.; пред. крит. нац. собр., мин. юст. и ин. дел крит. прав-ва в 1898 г.; премьер-мин. крит. прав-ва в 1909 г.; греч. премьер-мин. 1910 г.—март 1915 г. и авг.—ноябрь 1915 г.; одновременно занимал другие минист. посты; в сент. 1916 г. стал во главе салоникского прав-ва; призван к власти кор. Александром в 1917 г., в качестве премьер-мин.; на этом посту оставался до 1920 г., когда возвращение на престол Константина вынудило его покинуть Грецию; после разгрома греч. арм., осенью 1922 г., снова вернулся к полит. деят.; представитель Греции на Лозаннской конференции 1923 г.; пред. сов. мин. янв.—февр. 1924 г.—Т. I, стр. 239, 273, 358, 361, 365, 366, т. II, стр. 187, 188, 190, 191, 195, 196, 202, 204, 205, 207, 208, 218, 224, 226, 227, 230—232, 234, 257, 260, 263, 264, 280, 288.

Веселкин, Мих. Мих.—к.-адм. свиты; во время мировой войны стоял во главе спец. дунайской экспед.—Т. II, стр. 124.

Вивиани, Рене—франц. полит. деят., член республ.-социал. партии, род. в 1863 г.; мин. труда и соц. обесп. 1906—10 г.; мин. нар. просв. дек. 1913 г.—июль 1914 г.; пред. сов. мин. и мин. ин. дел в июне 1914 г.; сопровождал Пуанкарэ в июле того же года в Россию; в авг. 1914 г. отказался от портфеля мин. ин. дел и передал его Думергу; в окт. 1915 г. подал в отставку и в каб. Бриана занял пост в.-пред. сов. мин. и мин. юст.; последний портфель сохранил и в каб. Рибо; в мае 1916 г. ездил в Россию, а в апр. 1917 г. входил в состав союз. делегации, посетившей Вашингтон; после войны участв. в работах Лиги Наций; ум. в 1925 г.—Т. II, стр. 136.

Вид, принц Вильгельм—род. в 1867 г.; майор прусск. службы; князь албанский в 1914 г.; в сент. 1914 г. бежал из Албании—Т. I, стр. 358.

Вильгельм II—германский император 1888—1918 г.—Т. I, стр. 357, 358, 381, т. II, стр. 282, 322, 323, 371.

Вильсон, Вудро—проф., президент С.-А. С. Штатов 1912—21 г.; ум. в 1924 г.—Т. I, стр. 303, 398, 400, 401, 475, 491, 497, 499, т. II, стр. 322, 376.

Вилльямс, Гарольд—англ. журналист; во время мировой войны корресп. газ. «Daily Chronicle» на вост. театре войны.—Т. I, стр. 468.

Вилльямс (Хенбюри-Вилльямс), сэр Джон—англ. ген.; глава англ. воен. миссии в России 1914—17 г.—Т. I, стр. 438, 439, т. II, стр. 117, 128, 129, 131, 132, 179.

Витте, гр. Серг. Юл.—рус. госуд. деят. (1849—1915 г.); пред. сов. мин. 1905—06 г.; член госуд. сов.; не у дел с 1906 г.—Т. I, стр. 236, т. II, стр. 137.

Владов—болг. полит. деят.; во время мировой войны пред. македон. комитета в Софии; руссофил—Т. II, стр. 280, 282.

Воскресенский, Аполл. Ник.—кап. 2 ранга; морской агент в Японии с 1905 г. и в Китае с 1906 г. по 1917 г.—Т. II, стр. 182.

Гамильтон, сэр Ян—англ. ген.; главноком. средиземн. силами 1910—15 г.; во главе средиземн. экспед. корп. март—окт. 1915 г.—Т. II, стр. 163, 226.

Гардинг, лорд Чарльз—англ. дипл., род. в 1858 г.; в мин. ин. дел с 1880 г.; служил в Константинополе, Берлине, Вашингтоне, Софии, Букаресте, Париже и Тегеране; секр. пос-ства в Петербурге 1898—1903 г.; пом. ст.-секр. по ин. дел. 1903—04 г.; посол в Петербурге 1904—06 г.; пом. ст.-секр. по ин. дел. 1906—10 г.; ген.-губ. Индии ноябрь 1910 г.—апр. 1916 г.; ст. пом. ст.-секр. по ин. дел. июль 1916 г.—ноябрь 1920 г.; посол в Париже 1920—22 г.; личн. друг Эдуарда VII; участв. во всех переговорах последн. лет его царств., а также в работах мирной конференции 1919—20 г.—Т. I, стр. 417, 418, 420, 422, 429, 443, 471, 499.

Гарибальди, Риччиотти — 2-й сын Джузеппе Гарибальди, ген. итал. службы, род. в 1847 г.; участв. в воен. предприятиях отца; член парлам.; принадл. к крайн. радикал.; участв. добровольцем в греко-тур. войне 1897 г.; в 1916 г. ездил в Париж и Лондон; ум. в 1924 г.—Т. I, стр. 305, 306.

Гедин, Свен — швед. путешественник, род. в 1865 г.; посетил Персию и Месопотамию в 1885—86 г., Туркестан и Хорасан 1890—91 г.; пересек Азию до Пекина 1893—97 г.; совершил путешествие в Гоби и Тибет 1899—1902 г.; во время мировой войны ездил в герм. главн. квартиру — Т. II, стр. 375.

Гендерсон, Артур — англ. полит. деят., социалист 2-го интернационала, род. в 1863 г.; лидер парл. фрак. раб. партии 1908—10 г.; секр. раб. партии 1914—17 г.; во время мировой войны оборонец; мин. нар. просв. в коал. каб. Асквита с мая 1915 г.; мин. общ. раб. в каб. Ллойда Джорджа дек. 1916 г. — авг. 1917 г.; весной 1917 г. ездил со спец. миссией в Петроград; подал в отставку в связи с вопросом о соц. стокгол. конференции; мин. внутр. дел в каб. Макдональда янв.—ноябрь 1924 г.—Т. I, стр. 498.

Геннадиев, Н.—болг., полит. деят., стамбуловец, макед. по происх.; мин. юст., а затем землед. в каб. Петрова 1903—06 г.; землед. и торг.—в каб. Петкова 1906—07 г. и Гудева 1907—08 г.; ин. дел—в каб. Радославова в 1913 г.; убит в Париже македонцами в 1923 г.—Т. II, стр. 241, 247, 252, 277.

Георг V — англ. король с 1910 г. — Т. I, стр. 231, 232, 414, 415, т. II, стр. 285, 286.

Георг — принц греческий, брат кор. Константина, род. в 1869 г.; верхов комиссар Крита 1898—1906 г.—Т. II, стр. 211, 213, 215—217, 219—221.

Георгий Михайлович — 3-й сын в. кн. Михаила Николаевича; во время мировой войны дежурный ген. при Ставке верх. главнок.; в янв. 1916 г. ездил в Японию —Т. I, стр. 392.

Гермониус, Э К.—рус. ген., во время войны завед. артилл. приемками за границей. — Т. I, стр. 480.

Гильмен, Ж. — франц. дипл., посланник в Афинах 1910—17 г.; в отставке с 1919 г.— Т. II, стр. 318.

Гинденбург (Бенекендорф-и-Гинденбург), Пауль — герм. фельдм., род. в 1847 г; в начале мировой войны, после неудачи герм. войск в В. Пруссии, назначен ком. 8 арм.; одержал победу при Танненберге—Сольдау и Мазурских оз.; ком. вост. фронтом и ген.-фельдм. с сент. 1914 г.; ком. герм. силами и нач. ген. штаба в 1916 г.; в 1918 г. руковод. эвакуац. герм. войск; вышел в отставку в 1919 г.; президент герм. республики с апр. 1925 г.—Т. II, стр. 382.

Гирс, Мих. Ник. — рус. дипл., род. в 1853 г.; в мин. ин. дел с 1878 г.; служил в Белграде, Константинополе и Тегеране; чин. особ. поруч. при мин. в 1888 г.; мл. советн. мин-ства 1888—95 г.; посланник в Рио-де-Жанейро и Буэнос-Айресе 1895 — 98 г., в Пекине 1898 — 1901 г., в Мюнхене 1901 — 02 г., в Букаресте 1902—12 г.; посол в Константинополе 1912—14 г. и в Риме 1915—17 г.—Т. I, стр. 155, 337, 343, 350, 352—355, 431, 432, 437, 439—442, 467, 470, 471, 499, 502, 503, — т. II, стр. 126, 127, 237, 288.

Голенищев-Кутузов, Влад. Викт.—рус. дипл., в мин. ин. дел с 1907 г.; служил при I деп. и в Константинополе; секр. конс-ства в Битоли 1911—15 г. и в Маку 1915—17 г.—Т. II, стр. 342.

Гольц ф.-дер, Кольмар (Гольц-паша) — герм. ген., фельдм., род. в 1843 г.; с 1908 г. служил в Константинополе, где реорганиз. турецк. арм.; в 1911 г. вернулся в Германию и был произведен в ген.-фельдм.; во время мировой войны ген.-губ. Бельгии и главноком. турец. арм.; ум. в 1916 г. — Т. I, стр. 377, т. II, стр. 277, 350.

Горемыкин, Ив. Логгин. — рус. госуд. деят., род. в 1839 г.; пред. сов. мин. май — июль 1906 г. и с февр. 1914 г. по февр. 1916 г.; ум. в 1917 г.—Т. II, стр. 124, 126, 136, 137, 251, 252.

Гото, Ш., виконт — япон. госуд. деят., род. в 1856 г.; член пал. пэров; во время японо-кит. войны уполном. по санит. части; позднее нач. санит. бюро мин-ства

внутр. дел; нач. гражд. адм. бюро ген.-губ. Формозы; предс. правл. ю.-маньчж. ж. д. 1906—09 г.; мин путей сооб. 1908—11 г. и в 3-м каб. Кацуры в 1913 г.; мин. внутр. дел, а затем мин. ин. дел в каб. Тераучи 1916—18 г.; мин. внутр. дел в каб. Ямамото 1922—24 г.—Т. I, стр. 384, 385.

Григорович, Ив. Конст. — рус. адм.; тов. морск. мин. 1909—11 г.; морск. мин. 1911—17 г.—Т. II, стр. 125, 168, 290—293.

Гримм, Роберт — швейц. социалист., род. в 1881 г.; секр. швейц. соц. партии; во время мировой войны интернационалист; участник Циммервальда и Кинталя; один из вождей 2½ интернационала; приезжал в Россию летом 1917 г. и был выслан по распоряжению врем. прав-ва. — Т. I, стр. 400.

Грубе, Эрн. Карл. — чин особ. поруч. при мин. фин. и пред. правл. Сибирского банка; до мировой войны ездил с секрет. поручением министра фин. в Персию.—Т. II, стр. 252.

Грэй, лорд, Эдуард — англ. госуд. деят., либер., род. в 1862 г.; пом. ст.-секр. по ин. дел. 1892—1905 г.; ст.-секр. по ин. дел. 1905 г.—дек. 1916 г.; посол в Вашингтоне 1919 — 20 г.; один из главн. инициаторов Тройств. Согласия — Т. I, стр. 202, 226—242, 244, 246—249, 251, 253, 255, 259, 260, 264, 266, 268, 270, 271, 273—277, 280—282, 284—287, 289, 291, 297, 310—313, 319, 321, 322, 324, 325, 327 — 329, 331, 332, 334, 335, 339 — 345, 347, 349, 351, 352, 370, 371, 376, 377, 385, 388 — 390, 405, 406, 412, 413, 415—425, 428, 429, 432, 433, 438 — 440, 444, 446, 447, т. II, стр. 140, 142—144, 148, 186, 188, 193, 194, 197, 199, 200, 208, 216, 222, 223, 265, 273, 278—280, 284—286, 300—303, 306, 307, 310, 330, 331, 333, 335, 339, 340, 361, 381, 386.

Гудим-Левкович, Пав. Пав.—полк.; военный агент в Греции 1909—17 г. — Т. I, стр. 181, 365.

Гульбенкиан — турец. полит. деят., армянин; во время мировой войны жил в Лондоне; один из главн. акцион. нидерланд. нефтяного о-ва—Т. II, стр. 311.

Гулькевич, Конст. Ник.—рус. дипл.; в мин. ин. дел с 1886 г.; служил в Мюнхене; чин. особ. поруч. при мин. 1906—08 г.; 1 секр. пос-ства в Риме 1908—12 г.; советн. пос-ства в Константинополе 1912—14 г.; советн. II полит. отд. мин-ства 1915—16 г.; посланник в Христиании 1916—17 г. и в Стокгольме в 1917 г.; признавался чехо-словацким прав-вом представителем России после окт. револ.—Т. II, стр. 126, 307, 347, 384, 385.

Гунарис, Д.—греч. госуд. деят., адвокат, консерв., род. в 1864 г.; получил образование в Германии; пред. сов. мин. март—авг. 1915 г.; мин. внутр. дел в каб. Займиса в 1915 г.; после отречения Константина стал во главе партии, требовавшей его возвращения; с ноября 1920 г. воен. мин. в каб. Раллиса и Карагелопулоса; с апр. 1921 г. пред. сов. мин. и мин. ин. дел; после катастрофы 1922 г. и отречения Константина был приговорен к расстрелу и казнен 28 ноября 1922 г. по обвинению в госуд. измене—Т. II, стр. 205, 209, 210, 212, 223, 380.

Гурко (Ромейко-Гурко), Вас. Иосиф — рус. ген.; во время мировой войны ком. свод. кавал. отр., оперир. в В. Пруссии, 6 арм. корп., 5 арм., арм. особ. назн.; врем. и. о. нач. шт. верх. главноком. осенью 1916 г.; позднее главнок. войск. зап. фр.; после февр. револ., за неподчинение распоряж. врем. прав-ва был разжалован в дивиз. ген.; в настоящее время эмигрант—Т. I, стр. 438, 439.

Гуссейн-Ибн-Али — араб. госуд. деят., род. в 1856 г. в Константинополе; начал полит. карьеру, помогая своим родственникам, шерифам Абдулу и Гуссейну; в оппозиции Ауну-эр-Рафику, фавориту сул. Абдула-Гамида, и эмиру, 1882—1905 г.; член оттом. сов.; в 1908 г. был признан шерифом Мекки и сначала выдавал себя за сторонника турок; во время мировой войны вступил в сношения с англичанами и в июне 1916 г. поднял восстание против турок, провозгласив себя «королем арабов»; позднее, по соглашению с союзниками, стал титуловаться «королем Геджаса»; способствовал победе англичан в Палестине и Сирии в 1918 г.; на версальском конгрессе требовал

Джакели, Конст. Ив.—рус. дипл.; в мин. ин. дел с 1902 г.; консул в Янине 1904—07 г.; в.-консул в Варне 1907—10 г. и в Софии 1910—15 г.; состоящ. при миссии в Софии 1911—15 г.; консул в Ливерпуле 1915—16 г.—Т. II, стр. 319.

Джамбулат, Измаил—турец. полит. деят., младотурок; посланник в Стокгольме в 1917 г.; мин. внутр. дел в каб. Талаата-паши июль — окт. 1918 г. — Т. II, стр. 324.

Джемаль-паша, Ахмед — турецк. полит. деят., младотурок, род. в 1875 г.; до мировой войны считался франкофилом; начал службу в армии; перед младотур. переворотом служил в Салониках; в 1909 г. губ. Аданы, а в 1911 г. Багдада; во время 2-й балкан. войны ком. див. и воен. губ. Константинополя; стоял во главе 1 констан. корп.; мин. общ. раб. и морской мин. в 1914 г.; летом 1914 г. ездил со спец. миссией во Францию; в начале 1915 г. руковод. действ. тур. войск против Суэзского кан.; затем ком. 4 арм., опериров. в Сирии; в окт. 1917 г., после поездки в Германию, был устранен от команд. и в дек. 1917 г. вернулся к упр. морским вед.; в 1918 г. намечался послом в Берлин; после Мудросского перемирия бежал за границу и был заочно приговорен к смертной казни; позднее жил в Кабуле при афган. эмире; убит армянами в 1922 г.—Т. I, стр. 297, 358.

Джолитти, Джованни—итал. госуд. деят., либер., род. в 1842 г.; предс. сов. мин. и мин. внутр. дел 1892—93 г.; мин. внутр. дел в каб. Цанарделли 1901—03 г.; пред. сов. мин. и мин. внутр. дел 1903—05 г., 1906—09 г., 1911—14 г. и 1920—21 г.—Т. I, стр. 308—310, 315.

Диаманди, Константин—румын. дипл.; дир. полит. отд. мин-ства ин. дел 1907—09 г.; посланник в Софии 1909—11 г., в Риме 1911—13 г. и в Петербурге 1913—18 г.; представитель Румынии на Лозаннской конференции 1923 г.; посол в Париже с дек. 1924 г.—Т. I, стр. 243, 266, 368, 372, 373, 384, 390, 443, т. II, стр. 261, 319.

Дизраэли (лорд Биконсфильд), Бенжамэн—англ. госуд. деят. (1804—81 г.)—Т. II, стр. 256.

Драгомиров, Вл. Мих.—рус. ген.; в начале мировой войны нач. штаба 3 арм.; после Алексеева нач. штаба юго-зап. фр.; отстранен от ком. в связи с галицийской катастрофой 1915 г.; позднее к-дир 8 арм. корп.; в 1917 г. вышел в отставку — Т. II, стр. 171, 172.

Драгумис, И.—греч. дипл.; в течение ряда лет зав. отд. печати мин. ин. дел (4 отд.); зав. 2 полит. (восточ.) отд. 1912—14 г.; посланник в Петрограде 1914—15 г.— Т. I, стр. 266, т. II, стр. 165, 187, 188, 191, 200, 203, 208.

Думерг, Гастон—франц. полит. деят., рад.-соц., род. в 1863 г.; член пал. депут. 1893—1910 г.; сенатор с 1910 г.; мин. колоний в каб. Комба 1902—05 г.; торг. и общ. раб. в каб. Сарриена в 1906 г.; торг. и нар. просв. в каб. Бриана 1909—10 г.; пред. сов. мин. и мин. ин. дел 1913—14 г.; мин. колоний в каб. Вивиани и Бриана авг. 1914 г.—март 1917 г.: пред. сената в 1923 г.; президент респ. с 1924 г.—Т. I, стр. 449—452, 459, 460, 506.

Дусманис, В.—греч. ген.; с 1914—17 г. нач. ген. штаба; занимал ту же должн. апр.—окт. 1921 г.; в связи с неудачами на малоаз. фр. был отстранен от должн., но не захотел подчиниться и пробовал установить воен. диктатуру — Т. II, стр. 213, 221—223, 231.

Духовецкий—рус. журналист, представитель ПТА в Лондоне — Т. II, стр. 325, 328.

Жоффр, Жак—маршал; главноком. франц. арм. 1914—16 г.; в дек. 1916 г. был заменен ген. Нивелем и назн. технич. советн. при прав-ве; весной 1917 г., вместе с Вивиани, ездил со спец. миссией в С.-А. С. Штаты —Т. I, стр. 210, т. II, стр. 129, 359.

Зографос, Хр.—греч. полит. деят., урож. Эпира; мин. ин. дел в каб. Раллиса июнь—авг. 1909 г. и в каб. Гунариса март—авг. 1915 г.; ген.-губ. Эпира в 1913 г.; глава врем. прав-ва сев. Эпира в 1914 г.—Т. II, стр. 165, 223—225.

Извольский, Ал-др Петр.—рус. госуд. деят., род. в 1856 г.; мин.-резид. при Свят. Престоле 1894—97 г.; посланник в Белграде в 1897 г., в Мюнхене 1897—99 г.,

Токио 1900—02 г., в Копенгагене 1902—06 г.; мин. ин. дел 1906—10 г.; посол в Париже 1910—17 г.; ум. в 1919 г.—Т. I, стр. 237, 240—242, 244, 245, 252, 254, 255, 261—264, 268—272, 277, 281—283, 286—292, 294—299, 303, 304, 311, 314, 317, 333, 335, 336, 343—346, 348, 349, 352, 370, 371, 418, 424—428, 430, 437, 439—441, 443—446, 450, 452—454, 456—462, 467, 470—474, 476, 479, 481, 483, 484, 493—495, т. II, стр. 136—139, 141—144, 147—149, 153, 160, 162, 166, 167, 169, 178, 183, 191, 192, 219, 220, 247—249, 251, 256, 304—306, 310—313, 315—318, 326—328, 332, 336—338, 347, 360, 362, 363, 367, 368.

Империали, марк. Гульельмо — итал. дипл., род. в 1858 г.; в мин. ин. дел с 1882 г.; служил в Берлине, Париже, Вашингтоне и Брюсселе; дипл. агент и ген.-консул в Софии 1903—04 г., в том же году переведен в Белград; посол в Константинополе 1904—10 г.; и в Лондоне 1910—20 г.; участв. в работах мирной конференции 1919—20 г.—Т. I, стр. 285, 343—345, 347, 413, 443.

Иноуэ, граф Каору — япон. госуд. деят., член генро (1835—1915 г.); после револ. 1868 г. тов. мин. фин до 1873 г.; занимал посты мин. внутр. дел, ин. дел, фин., землед.; представитель в Корее после японо-кит. войны 1894—95 г.—Т. I, стр. 385.

Иноуэ, марк. Кацуносуке—япон. дипл., род. в 1860 г., в мин. ин. дел с 1885 г.; секр. миссии в Берлине 1886—92 г.; секр. и совет. мин-ства 1892—98 г.; посланник в Берлине 1898—1907 г. и в Чили 1910—13 г.; посол в Лондоне 1913—16 г.—Т. I, стр. 385.

Иованович, Любомир — серб. полит. деят.; влият. член рад. партии; презид. скупщины 1906—09 г.; мин. внутр. дел в каб. Новаковича июнь—окт. 1909 г. и в каб. Пашича 1909—11 г.; вероисп. в каб. Миловановича 1911—12 г.; нар. просв. и вероисп. в каб. Пашича 1912—14 г.; внутр. дел во время мировой войны; член гос. сов.; мин. вероисп. югослав. прав-ва в каб. Пашича 1922—24 г.; до войны в.-пред. тайной лиги «Словенский Юг», пропаганд. идею объединения ю. славян и вел деят. агитацию в слав. обл. Австрии; один из главн. создателей Югославского государства — Т. II, стр. 268.

Ишии, вик. Кикуиро — япон. дипломат, род. в 1866 г.; член пал. пэров; причислен к миссии в Париже 1891—93 г.; 3 секр. там же 1893—96 г.; консул в Нинсене 1896—97 г.; 2 и 1 секр. миссии в Пекине 1897—1900 г.; нач. телегр. упр. мин. ин. дел 1900—04 г.; дир. торг. бюро 1904—07 г.; в связи с анти-япон. движением в Сан-Франциско в 1907 г. был послан туда; тов. мин. ин. дел 1908—12 г.; посол в Париже 1912—15 г.; мин. ин. дел 1915 — 16 г.; чрезв. посланник в С.-А. С. Штатах в 1917 г.; посол в Париже с 1920 г.; делегат Японии в Лиге Наций—Т. I, стр. 393, т. II, стр. 206.

Истомин, Ник. Мих.—рус. ген.; во время мировой войны к-дир 5 кавказ. корп., намеченного к десан. операции у Босфора; участник кампаний 1877—78 1904—05 и 1914—18 г.—Т. II, стр. 165, 172.

Ито, кн. Хиробуми — япон. госуд. деят. (1841—1909 г.); участв. в перевороте 1868 г.; гос. советн. и губ. Хиого-Кэн; с 1869 г. занимал посты тов. мин. фин., общ. раб. и стоял во главе отд. колонизации; в 1872 г. ст. тов. мин. общ. раб.; в 1882—83 г. ездил в Америку и Россию; в 1885 г. заключил договор с Китаем о Корее; премьер-мин. 1886—88, 1892—96, 1898, 1900—1901 г.г.; один из создателей конституции 1889 г., руковод. японо-кит. войны 1895 г.; в 1901 г. вел переговоры с Россией и Англией о союзе с Японией; ген.-резид. в Корее в 1905 г.; князь с 1907 г.; убит корейцами в 1909 г.—Т. I, стр. 385.

Какламанос, Деметриос—греч. дипл., журналист, род. в 1872 г.; издат. «Asty» и «Neon Asty» 1892—1901 г.; в мин. ин. дел завед. бюро печати с 1907 г., 1 секр. миссии в Париже 1910—12 г.; повер. в дел. в Риме 1912—14 г.; дир. полит. деп. мин-ства 1914—15 г.; повер. в дел. в Петрограде 1915—16 г.; советн. миссии в Париже в 1916 г.; посланник в Вашингтоне в 1916 г., посланник в Петрограде в 1917 г., в Стокгольме с окт. 1917 г. и в Лондоне 1918—20 г. и с 1922 г.—Т. II, стр. 288, 380.

Камбон, Жюль—франц. дипл., род. в 1845 г.; служил в мин-стве нар. просв. и внутр. дел; ген.-губ. Алжира 1891—97 г.; посол в Вашингтоне 1897—1902 г., Мадриде 1902—07 г. и Берлине 1907—14 г.; ген. секр. мин-ства ин. дел 1915—17 г.; участвов. в работах мирной конференции 1919—20 г.; в настоящее время пред. сов. послов.—Т. I, стр. 342. 352, 424, 437, 444 454, 457, 471, 472, 508, 510, 512.

Камбон, Поль—франц. дипл., род. в 1843 г.; лич. секр. Жюля Ферри; ген.-резид. в Тунисе 1882—86 г.; посол в Мадриде 1886—91 г., в Константинополе 1891—98 г. и в Лондоне 1898—1920 г.; ум. в 1924 г.—Т. I, стр. 263, 267, 274, 324, 327, 328, 332, 334, 344, 347, 377, 418, 443, т. II, стр. 144, 281.

Карден, сэр Секвиль—англ. адм.; ком. союз. средизем. эск. сент. 1914 г.—март 1915 г.; руковод. наступ. действ. англо-франц. флота против Дарданелл — Т. I, стр. 276, т. II, стр. 148, 156, 158, 162, 163.

Карл—король румынский 1881—1914 г.; прежде князь румынск. 1866—81 г.—Т. I стр. 356, 357, 360.

Карлотти, марк. Андреа—итал. дипл., род. в 1864 г.; в мин. ин. дел с 1889 г.; служил в Петербурге, Константинополе и Вене; лич. секр. мин. ин. дел бар. Бланка 1893—96 г.; секр. и советн. пос-ства в Константинополе 1896—1903 г. и в Вене 1903—06 г.; посланник в Цетинье 1906—08 г. и в Афинах 1908—13 г.; посол в Петербурге 1913—17 г.—Т. I, стр. 265, 306, 313, 318, 342 347, 348, 351, 371, 373, 408, 442, 448, 469, т. II, стр. 249, 252—255, 257, 259, 261, 283.

Кароль (Карл)—ст. сын принца (короля) Фердинанда румынского. С окт. 1914 г. наследник румын. престола; в настоящее время отказался от прав на престолонаследие.—Т. I, стр. 357.

Карп, П.—румын. госуд. деят., консерв., род. в 1837 г.; получил образование в Германии; мин. ин. дел рум. княж. 1870—71 г.; посланник в Вене 1878—85 г.; мин. ин. дел 1888—89 г.; пред. сов. мин. 1900—01 г. и 1911—12 г.; на корон. сов. в Синайе 5 авг. 1914 г. высказался за выступление Румынии на стороне центр. держав; ум. в 1919 г.—Т. I, стр. 380, 382, 437.

Като, вик. Такаакира—япон. госуд. деят., род. в 1859 г.; в мин. ин. дел с 1887 г.; в 1888 г. личн. секр. мин. ин. дел Окумы; посланник в Лондоне 1894—99 г.; мин. ин. дел 1900—01 г. и 1906—07 г.; посол в Лондоне 1909—12 г.; мин. ин. дел 1912—13 г. и 1914—15 г.; с 1915 г. член пал. пэров; пред. сов. мин. 1924—26 г.; ум в 1926 г. — Т. I, стр. 326, 384, 385, 388.

Каульбарс, бар. Ал-др Вас.—рус. ген., род. в 1837 г.; воен. мин. княж. болгарского 1882—83 г.; ком. войск. одесс. воен. окр. 1905—09 г.; член воен. сов. с 1909 г.; во время мировой войны был командирован в союз. страны —Т. II, стр. 308, 309, 358, 359.

Кемаль-Мидхат—турец. эмигрант, в оппозиции к младотурецкому прав-ву—Т. II, стр. 320, 321.

Керенский, Ал-др Фед.—адвокат, род. в 1881 г.; член гос. думы 4-го созыва; трудовик и с.-р.; мин. юст. врем. прав-ва март—май 1917 г.; воен. мин. май—авг. 1917 г.; пред. сов. мин. июль—окт. 1917 г.; верх. главноком. авг.—окт. 1917 г.; в настоящее время эмигрант —Т. I стр. 468, 474, 478, 484.

Китченер, Горацио—англ. ген., род. в 1850 г.; ком. войсками в Судане, Египте и Индии; в 1909 г. фельдм. и главноком. в средиземн. районе со званием верх. комиссара; с 1910 г. член комитета национ. обороны; ген.-резид. Англии в Египте 1911—14 г.; воен. мин. в каб. Асквита авг. 1914 г. — июнь 1916 г.; погиб во время путешествия в Россию в июне 1916 г.—Т. II, стр. 117, 118, 129, 131—134, 164, 170, 173, 176, 179, 180, 181, 284, 359, 360.

Клемм, ф. Вас. Оск.—рус. дипл., род. в 1861 г.; в мин. ин. дел с 1883 г.; служил при азиат. деп.; драгоман, а затем секр. полит. агентства в Бухаре 1886—93 г., чин. для погран. снош. при нач. Закаспийск. обл. 1893—1900 г.; ген. консул в Бомбее 1900—05 г. и Мешхеде 1905—08 г.; чин. особ. поруч. при министре 1908—10 г.; в.-дир. 1 деп. 1910—11 г.; непрем. член сов. мин-ства 1911—14 г.; советн. III полит. отд. мин-ства 1914—17 г.—Т. II, стр. 126.

Клюк, ф. Александр—герм. ген., фельдм.; в 1906 г. к-дир 5 арм. корп.; в 1907 г. к-дир 1 арм. корп.; в 1913 г. ген.-инсп. 8 арм. инспекции; во время мировой войны ком. 1 арм.; в 1916 г. был ранен и вышел в отставку.—Т. I, стр. 300.

Кнобельсдорф—германский офицер, летчик —Т. II, стр. 372.

Колчак, Ал-др Вас.—рус. адм., род. в 1874 г.; к-дир эск. мин. «Уссуриец» 1912—13 г. и «Пограничник» 1913—14 г.; ком. мин. дивиз. балт. флота и фл.-кап. по опер. части 1915—16 г.; нач. мин. дивиз. балт. флота апр.—июль 1916 г.; ком. морск. сил Черного м. июль 1916 г.—июнь 1917 г., когда был отправлен со спец. миссией в С.-А. С. Штаты; во время гражд. войны воен. и морск. мин. сибирск. директории; после воен. переворота в ноябре 1918 г. пред. сов. мин., а затем «верховный правитель»; ум. в 1920 г.—Т. II, стр. 395.

Комнен, Милиоти—греч. ген.—Т. II, стр. 213.

Константин—король греческий, род. в 1868 г.; вступил на престол в 1913 г.; зять имп. Вильгельма II; в 1917 г. был вынужден, под давлением союзников, покинуть Грецию; осенью 1920 г. снова греч. король до 1922 г., когда, в связи с разгромом греч. армии в М. Азии, отрекся от престола; ум. в 1923 г.— Т. II, стр. 189, 195, 196, 202, 205, 208, 209, 217, 218, 220, 224, 225, 230—232, 264, 282.

Константинидис—Т. II, стр. 235.

Крайничиано Гр.—румын. ген.; воен. мин. в каб. Братиано 1909—11 г.; к-дир 2 букар. корп. 1911—14 г.—Т. I, стр. 296.

Кривошеин, Ал-др Влад.—рус. госуд. деят., род. в 1858 г.; тов. упр. землеустройст. и землед. 1905—08 г.; упр. землеустр. и землед. 1908—ноябрь 1915 г.; «премьер.-мин.» прав-ва Врангеля в 1920 г.; ум. в 1921 г.—Т. I, стр. 221—223, т. II, стр. 252.

Крупенский, Анат. Ник.—рус. дипл.; в мин. ин. дел с 1874 г.; 2 и 1 секр. пос-ства в Лондоне; советн. пос-ства в Риме 1895—1905 г.; посланник в Христиании 1905—12 г.; посол в Риме 1912—15 г.—Т. I, стр. 307, 310, 315, 316, 373.

Крупенский, Вас. Ник.—рус. дипл., род. в 1868 г.; в мин. ин. дел с 1889 г.; пом. секр. пос-ства в Константинополе 1893—97 г.; 2 секр. там же 1897—98 г.; 1 секр. миссии в Пекине 1898—1902 г. и пос-ства в Берлине 1902—06 г.; советн. пос-ства в Вашингтоне 1906—10 г. и в Вене 1910—12 г.; посланник в Пекине 1912—16 г.; посол в Токио 1916—17 г.; признавался таковым японским прав-ством и после окт. рев.—Т. I, стр. 391, 394, 434, 440, 442, 467.

Крю, марк. Роберт—англ. госуд. деят., род. в 1858 г.; лич. секр. лорда Гренвиля 1883—84 г.; ген.-губ. Ирландии 1892—95 г.; лорд-пред. совета 1905—08 г. и 1915—16 г.; лорд-хранитель печати 1908—11 г. и 1912—15 г.; мин. колоний 1908—10 г.; мин. по делам Индии 1910—15 г.; мин. нар. просв. в 1916 г.; посол в Париже с 1922 г.—Т. II, стр. 284.

Кудашев Ив. Ал-др.—рус. дипл., род. в 1859 г.; в мин. ин. дел с 1883 г.; при канц. мин-ства 1883—86 г.; 2 секр. миссии в Копенгагене 1886—93 г.; 1 секр. там же 1893—97 г. и в Брюсселе 1897—1900 г.; посланник при Гессен-Дармштадтском и Саксен-Кобургском дворах 1900—06 г., в Копенгагене 1906—10 г. и Брюсселе и Люксембурге 1910—16 г.; посол в Мадриде 1916—17 г.—Т. I, стр. 369, т. II, стр. 347.

Кудашев, Ник. Ал-др.—рус. дипл.; в мин. ин. дел с 1888 г.; служил в Константинополе и Токио; 1 секр. и советн. пос-ства в Вашингтоне 1906—12 г. и в Вене 1912—14 г.; дир. дипл. канц. при штабе верх. главноком. 1914—16 г.; посланник в Пекине 1916—17 г.; признавался таковым китайским прав-ством и после окт. револ.—Т. I, стр. 205, 206, 208, 210, 212, 215, т. II, стр. 121, 122, 124, 129, 131, 132, 134, 139, 140, 145—148, 150, 151, 154—159, 161, 163—165, 167, 169, 170, 172, 173, 175—178, 180, 213, 214, 294, 296, 299, 300, 301, 307, 308, 326, 358, 360.

Куропаткин Алек. Ник.—рус. ген., род. в 1848 г.; нач. Закаспийск. обл. 1890—98 г.; упр. воен. мин-ством, а затем министр 1898—1904 г.; ком. маньчж. арм. февр.—окт. 1904 г.; главноком. сухоп. и морск. силами, действ. против Япо-

нии окт. 1904 г. — март 1905 г.; ком. 1 маньчж. арм. 1905—06 г.; к-дир гренад. корп. и ком. 5 арм. 1915—16 г.; главноком. арм. сев. фр. в 1916 г.; туркест. ген.-губ. 1916—17 г.; ум. в 1925 г. — Т. II, стр. 126—128.

Кутепов, Георг. Ник.—рус. дипл.; в мин. ин. дел с 1902 г.; секр.-драгоман консульства в Сараеве в 1905 г.; пом. секр., а затем 2 секр. пос-ства в Константинополе 1905—12 г.; секр. миссии в Карлсруэ 1912—14 г.—Т. II, стр. 342.

Лагиш, марк. Пьер—франц. ген.; воен. агент в Петербурге 1912—17 г.; с сент. 1914 г. по май 1916 г. состоял при Ставке верх. главнок. в качестве главы франц. воен. миссии; заменен в этой должности ген. Жаненом; в настоящее время в отставке —Т. II, стр. 117, 129, 172.

Ламкерт Оск. Иос.—член глав. упр. по делам печати; во время войны дир. петр. тел. агентства —Т. II, стр. 325, 328.

Лансдоун, лорд Генри—англ. госуд. деят., род. в 1845 г.; сначала примыкал к либер., а затем к консерв.; лорд казнач. 1869—72 г.; пом. ст.-секр. по воен. дел 1872—74 г. и по делам Индии 1880—82 г.; ген.-губ. Канады 1883—88 г.; в.-король Индии 1888—94 г.; воен. мин. 1895—1900 г.; ст.-секр. по ин. дел. 1900—1905 г.; вел анти-русскую политику; при нем заключено англо-японское соглашение 1902 г.; в 1905 г. стал во главе оппозиции в пал. лордов; мин. без портфеля в коал. каб. Асквита май 1915 г.—авг. 1916 г.—Т. I, стр. 281, т. II, стр. 267.

Лансинг, Роберт—сев.-амер. дипл., род. в 1864 г.; советн. мин-ства ин. дел март 1914 г.—июль 1915 г., мин. ин. дел при през. Вильсоне июнь 1915 г.—февр. 1920 г.; член америк. делегации на мирном конгрессе 1919—20 г.—Т. I, стр. 397.

Лемпицкий, М.—польский деятель, род. в 1856 г.; Член госуд. думы третьего созыва; нац.-либерал; во время мировой войны германофил; член делегации, посетившей Вену и Берлин в окт. — ноябре 1916 г.—Т. II, стр. 382.

Леонтьев, М. Н.—руск. ген.; пом. воен. агента в Константинополе в 1901 г.; воен. агент в Румынии 1901—03 г. и Болгарии 1905—11 г.; к-дир 85 пех. выборг. п. 1911—13 г.; воен. агент в Турции 1913—14 г.; и. д. ген.-кварт. главн. упр. ген. штаба 1915—16 г.—Т. I, стр. 365.

Лерхенфельд бар.—герман. консул в Ковно 1907—14 г.; во время войны был задержан русскими воен. властями —Т. II, стр. 372.

Лиман, ф.-Сандерс, Отто—герм. ген.; глава герм. воен. миссии в Турции с 1913 г.; к-дир I констан. корп., а затем ген.-инсп. тур. арм.; во время мировой войны один из глав. руковод. тур. войск.—Т. I, стр. 358.

Линдлей, Фрэнсис — англ. дипл., род. в 1872 г.; в мин. ин. дел с 1896 г.; 3 секр. пос-ства в Вене в 1899 г. и в Тегеране 1900—01 г.; при египет. прав-ве 1902—1904 г.; в представительстве в Каире 1904—06 г.; 2 секр. пос-ства в Токио 1906—08 г.; в составе ведомства 1908—09 г.; 1 секр. миссии в Софии 1909—1911 г. и в Христиании 1912—15 г.; совет. пос-ства в Петрограде с ноября 1915 г.; с июня 1918 г. комиссар в России, генер. консул в России в 1919 г.; англ. представитель в Вене 1919—20 г.; посланник там же 1920—22 г. и в Афинах с 1922 г.—Т. I, стр. 297, 405.

Литвинов-Фалинский, Вл. Пет. — рус. чиновник и публицист; фабрич. инспектор 1905 — 15 г.; упр. отд. промыш. мин-ства торг. и пром.; в 1915 г. был привлечен к делу воен. снабжения—Т. II, стр. 177.

Ллойд Джордж, Давид—англ. полит. деят., либер., род. в 1863 г.; мин. торг. и пром. 1905—08 г.; канцлер казнач. 1908—15 г.; мин. снабжения май 1915 г. — июнь 1916 г.; после смерти Китченера в июне 1916 г. воен. мин.; премьер-мин. дек. 1916 г.—окт. 1922 г.—Т. I, стр. 257, 399, 497, 500, 501, т. II, стр. 136—138, 257—259.

Лобанов-Ростовский, кн. Алек. Бор.—рус. дипл., род. в 1824 г.; служил в Париже и Берлине; посланник в Константинополе 1859—63 г.; орлов. губернатор 1863 — 67 г.; тов. мин. внутр. дел 1867—78 г.; в 1878 г. был назначен послом в Константинополь; посол в Лондоне 1879—82 г. и в Вене 1882—95 г.; был

переведен в Берлин, но вслед за этим назначен мин. ин. дел; ум. в 1896 г. — Т. II, стр. 370.

Луциус ф.-Штедтен, бар. Гельмут — герм. дипл., род. в 1869 г., служил в Лиссабоне и Гамбурге; советн. пос-ства в Петербурге 1909—14 г.; посланник в Стокгольме 1915—21 г.; с 1921 г. посланник в Гааге—т. II, стр. 375.

Львов, кн. Георг. Евг.—род. в 1861 г.; член I гос. думы; во время мировой войны главноупол. всеросс. земск. союза; пред. сов. мин. врем. прав-ства март—июль 1917 г.; ум. в 1925 г.—Т. I, стр. 469, 477, 478, 489.

Маджаров, М.—болг. дипл.; посланник в Лондоне 1912—14 г. и в Петрограде 1914—15 г.—Т. I, стр. 265, 266, т. II, стр. 243, 244, 252, 256, 263—265, 272, 301.

Майореско, Т.—румын. полит. деят., консерв., род. в 1840 г.; мин. нар. просв. в каб. Розетти 1888—89 г.; юст. в каб. Карпа 1900—01 г.; ин. дел в каб. Карпа 1911—12 г.; пред. сов. мин. и мин. ин. дел 1912—13 г.; ум. в 1917 г. — Т. I, стр. 382.

Мак-Аду, Вилльям—сев.-америк. полит. деят.; род. в 1863 г.; секр. фин. деп-та при през. Вильсоне 1913—18 г.; 1917—19 г. заведывал железн. дорогами — Т. I, стр. 404.

Маккоу—кап. англ. службы; во время мировой войны причислен к англ. воен. миссии при Ставке верх. главнок.—Т. II, стр. 179.

Малевский-Малевич, Ник. Анд.—рус. дипл., род. в 1856 г.; в мин. ин. дел с 1886 г.; делопроизв. деп-та внутр. снош. 1886—88 г.; в.-дир. того же деп. 1888—97 г.; дир. его же 1897—1905 г.; сенатор и состоящий в ведомстве в 1905 г.; посол в Токио 1908—15 г.; ум. в 1920 г.—Т. I, стр. 384, 387, 388, т. II, стр. 181, 182.

Малинов, Александр—болг. полит. деят., род. в 1867 г.; получил образование в России; служил доброволь. в рус. арм.; в 1892 г. переселился в Болгарию, где сначала был судьей, а затем прокурором; вместе с Каравеловым организ. демократ. партию; член нар. собр. с 1901 г.; после смерти Каравелова лидер демократ. партии; пред. сов. мин. 1908—11 г.; во время мировой войны в оппозиции; после падения каб. Радославова пред. сов. мин. июнь—ноябрь 1918 г.— Т. II, стр. 242.

Мандельштам, Андр. Ник.—рус. дипл.; в мин. ин. дел с 1893 г.; служил при канц. мин-ства, 3 и 2 драгоман пос-ства в Константинополе 1898—1911 г.; 1 драгоман там же 1911—14 г.; в марте 1916 г. командирован в Берн для ведения негласных переговоров с турец. оппозицией; дир. правового деп-та мин. ин. дел с апр. 1917 г.; в настоящее время эмигрант — Т. II, стр. 320, 322—324, 342, 362, 383.

Мансуров, Пав. Бор.—рус. дипл.; в мин. ин. дел с 1883 г.; чин. особ. поруч. при мин.; дир. главн. моск. архива мин. ин. дел 1913—16 г.—Т. II, стр. 355.

Маньковский, Ник. Степ.—рус. адм.; нач. бриг. лин. кор. эск. Балтийского моря 1911—13 г.; главн. к-дир севаст. порта 1913—16 г.; нач. штаба ком. черномор. фл. 1914—16 г.; член адмир. совета с 1916 г.—Т. II, стр. 168, 169.

Маргиломан, Александр—румын. полит. деят., род. в 1854 г.; юрист; первоначально примыкал к нац.-либер., а затем перешел к консерв.; германофил; депут с 1884 г.; гос. прокурор 1883 г.; мин. юст. в каб. Розетти 1888—89 г. и в каб. Катарджи 1892—95 г.; общ. раб. в каб. Мано 1889—91 г.; ин. дел в каб. Карпа 1900—01 г.; внутр. дел в 2-м каб. Карпа 1911—12 г.; фин. в каб. Майореско 1912—13 г.; во время мировой войны вместе с Карпом возглавлял германоф. часть консерв. партии; в марте 1918 г. образовал мин-ство, подписавшее букарестский мир с Германией; оставался у власти до ноября 1918 г., когда был заменен ген. Коанда; ум. в 1925 г. Т. I, стр. 380, 382, 437.

Маржери, Брюно, Жакен-де—франц. дипл., род. в 1861 г.; в мин. ин. дел с 1883 г.; служил в Константинополе, Пекине, Вашингтоне и Мадриде; участв. в работах алжезирасской конференции 1906 г.; посланник в Банкоке 1907—09 г. и в Пекине 1909—12 г.; дир. полит. деп-та 1912—19 г.; посланник в Брюсселе 1919—23 г.; в настоящее время посол в Берлине—Т. II, стр. 143.

Масутаро Ниида—япон. журналист—Т. I, стр. 386.

Мацуи, Кешииро—япон. дипл., род. в 1868 г.; служил в Сеуле и Вашингтоне; 1 секр. пос-ства в Лондоне 1897—1902 г. и в Пекине 1902—06 г.; советн. пос-ства в Париже 1906—08 г. и в Вашингтоне 1908—1912 г.; тов. мин. ин. дел 1913—15 г.; посол в Париже 1915—20 г.; участв. в работах мирной конференции 1919—20 г.; с 1925 г. посол в Лондоне — Т. I, стр. 385.

Милльеран, Александр—франц. полит. деят., род. в 1859 г.; б. социал. и респ.-социал.; в настоящее время глава франц. фашизма; депут. от Парижа с 1885 г.; мин. торг. 1899—1902 г.; общ. раб. 1909—10 г.; воен. 1912—13 г. и авг. 1914—ноябрь 1915 г.; ген. комиссар Эльзас-Лотарингии 1919—20 г.; пред. сов. мин. янв.—сент. 1920 г.; президент франц. респ. 1920—24 г.— Т. II, стр. 136—138, 166.

Милорадович — т. II, стр. 374.

Милюков, Пав. Ник.—проф., род. в 1859 г.; лидер кадет. партии; член гос. думы 3 и 4 созыва; мин. ин. дел врем. прав-ва март—май 1917 г.; в настоящее время эмигрант — Т. I, стр. 306, 344, 395, 407, 412, 413, 466—481, 484, 485, 487, т. II, стр. 322—324, 393, 395.

Мирбах Харф, В.—герм. дипл. род. в 1871 г.; посланник в Афинах 1915—17 г. и в Москве в 1918 г.; убит в том же году—Т. II, стр. 308.

Мистраль, Поль—франц. полит. деят., род. в 1872 г.; ген. советник и депут. от деп-та Изер —Т. I, стр. 300.

Михаил Александрович—3-й сын Александра III; наследник с 1899 г. по 1904 г.; ком. кавказ. тузем. див. 1914—16 г.; ком. 2 кавал. корп. 1916—17 г.; отрекся от престола в 1917 г.; ум. в 1918 г.—Т. I, стр. 466, 469.

Михаэлис, Георг—герм. госуд. деят., род. в 1857 г.; на службе с 1879 г.; занимал админ. должности в Трире, Аренсберге и Лигнице 1889—1900 г.; обер-презид. Бреславля 1900—09 г.; пом. ст.-секр. фин. 1909—17 г.; мин. продовол. февр.—июль 1917 г.; импер. канцлер и пред. прус. сов. мин. июль—ноябрь 1917 г.; обер-презид. в Померании в 1918 г.; в отставке с 1919 г.—Т. I, стр. 506.

Монкевиц—директор Deutche Bank в 1915 г.—Т. II, стр. 375—378, 380.

Морфов, Богдан—болг. полит. деят.; получил образование в Бельгии; инженер; с 1908 г. во главе железнодор. дела в Болгарии; дир. деп-та ж. д., а затем министр путей сообщ.; в 1919 г. участв. в работах мирной конференции; в 1922 г. совет. делегации, а затем 1 представитель Болгарии на конференции в Лозанне; с 1923 г. посланник в Париже —Т. II, стр. 276.

Мотоно, Ихиро, вик.—япон. дипл., род. в 1862 г.; в мин. ин. дел с 1890 г.; советн. мин-ства в 1893 г.; секр. миссии в Петрограде в 1896 г.; посланник в Брюсселе 1898—1901 г. и в Париже 1901—06 г.; посол в Петербурге 1906—16 г.; мин. ин. дел в каб. Тераучи 1916—18 г.; ум. в 1918 г. — Т. I, стр. 236, 385, 391, 442, т. II, стр. 206.

Муравьев, Вал. Ник.—рус. дипл.; в мин. ин. дел с 1905 г.; состоял при пос-стве в Париже; 2 секр. миссии в Белграде 1910—11 г.; при 1 деп-те 1912—14 г.; секр. ближне-вост. отд. 1914—16 г.; и д. в.-дир. дипл. канц. при штабе верх. главнок. 1914—16 г. — Т. II, стр. 150, 152.

Мухтар-паша, Махмут—турец. ген.; видный член партии «Единение и Прогресс», после переворота 1908 г. входил в состав верх. воен. сов. и ком. 1 констан. корп.; в апр. 1909 г. вынужден был бежать; во время 1 балк. войны ком. 3 корп.; посол в Берлине 1913—15 г.—Т. I, стр. 224.

Мэ, сэр Вилльям—англ. адм.; лорд адмир. и инспектор флота 1901—05 г.; ком. флотом Атлантич. ок. 1905—07 г.; 2 лорд адмир. 1907—09 г.; ком. флотом Северного м. 1909—11 г.; ком. в Плимуте 1911—13 г.; в отставке с 1919 г.—Т. II, стр. 161.

Мэри, Джордж—сев.-америк. финансист и дипл., род. в 1849 г.; посол в Петрограде 1914—16 г.,—Т. II, стр. 255, 331, 338.

в Пекине 1903—04 г., в Каире в 1905 г.; советн. пос-ства в Петербурге 1907—1912 г.; посланник в Софии 1912—15 г.; с 1920 г. посланник, а затем посол в Варшаве—Т. II, стр. 277, 287, 305, 306.

Пачелли, Еудженио—секр. конгрегации чрезвыч. дел при Свят. Престоле—Т. I, стр. 338.

Пашич, Никола—серб. (юго-славский) госуд. деят., род. в 1846 г.; получил образование за границей; инженер; в 1881 г. основ. радик. партию; в 1883 г. руков. револ. движением против кор. Милана; был приговорен к смертн. казни и бежал за границу; помилован кор. Александром; мэр г. Белграда и пред. скупщины 1889—91 г.; пред. сов. мин. 1891—92 г.; посланник в Петербурге 1893—94 г.; в 1899 г. замешан в заговоре против кор. Александра и приговорен к тюремн. заключ., но почти тотчас же помилован; по вступлении на престол Петра Карагеоргиевича, его ближайший пом. и сторонник русско-серб. сближения; мин. ин. дел 1904—06 г.; пред. сов. мин. и мин. ин. дел 1906—08 г., 1909—11 г., 1913—18 г.; участв. в работах мирного конгресса 1919—20 г.; юго-славский пред. сов. мин. в 1921, 1922, 1923 г. и с 1924 по 1926 г. Т. I, стр. 335, 336, 378, 383, т. II, стр. 141, 201, 202, 243, 247, 268.

Петрово-Соловово, Бор. Мих.—ген. для поруч. при верх. главноком. 1914—17 г.—Т. I, стр. 211.

Петряев, Ал-др Мих.—рус. дипл.; в мин. ин. дел с 1897 г.; служил при 1 деп-те мин-ства, в Константинополе и Харпуте; 1 драгоман и секр. ген. конс-ства в Константинополе 1902—06 г.; ген.-консул в Константинополе 1906—10 г. и в Битоли 1910—13 г.; ген. консул и комиссар европ. контрольн. комис. в Албании 1914—16 г.; советн. II полит. отд. мин-ства ин. дел март 1916 г.—июль 1917 г.; тов. мин. ин. дел июль—окт. 1917 г.; во время гражд. войны признавался болг. прав-вом представителем России.—Т. I, стр. 219.

По, Поль Мари—франц. ген., член воен. сов.; во время мировой войны с 1915 г. по 1916 г. руков. деят. франц. воен. миссии при Ставке верх. главноком.—Т. II, стр. 191.

Поклевский-Козелл, Стан. Альфон.—рус. дипл., род. в 1865 г.; юрист; в мин. ин. дел с 1886 г.; 3 и 2 секр. мин-ства 1893—95 г.; 2 и 1 секр. миссии в Токио 1897—1901 г. и пос-ства в Лондоне 1901—06 г.; советн. пос-ства там же 1906—09 г.; посланник в Тегеране 1909—13 г. и в Букаресте 1913—16 г.; осенью 1916 г. был заменен ген. Мосоловым; вновь назначен посланником в Букаресте при врем. прав-ве; признавался таковым румын. прав-вом и после окт. револ.—Т. I, стр. 208, 317, 318, 367, 369—371, 374—380, 382, 436, 442, т. II, стр. 123, 124, 160.

Покровский, Ник. Ник.—род. в 1865 г.; юрист; в 1889 г. в деп-те окл. сб. мин-ства фин.; пом. нач. отд. канц. комит. мин. с 1893 г.; и. д. нач. отд. той же канц. с 1894 г.; утвержден в должности в 1896 г.; вр. исп. об. пом. упр. дел. комит. мин. в 1897 г. и в 1898 г.; в.-дир. деп-та окл. сб. мин-ства фин. с 1899 г.; ст.-секр. деп-та пром., наук и торг. гос. сов. в 1903 г.; и. об. ст.-секр. деп-та экон. гос. сов. в 1904 г.; дир. деп-та окл. сбор. в 1904 г.; тов. мин. фин. в 1906 г.; член гос. сов. в 1914 г.; госуд. контролер янв.—ноябрь 1916 г.; представитель России на эконом. конфер. союз. госуд. в Париже февр.—март 1916 г.; мин. ин. дел. декабрь 1916 г.—март 1917 г.—Т. I, стр. 303, 409, 449, 450, 452—462, т. II, стр. 383—385, 387, 390, 391.

Политис, Н.—греч. дипл.; получил образование во Франции; юрист; дир. полит. деп-та мин-ства ин. дел 1914—16 г.; мин. ин. дел 1917—20 г. и 1922—23 г.; принимал деят. участие в работ. Лиги Наций и мирного конгресса; в настоящее время посол в Париже—Т. I, ст. 366.

Поляк—агент рус. прав-ва, посланный в 1915 г. в Софию с торг.-политич. миссией по закупке болг. пшеницы для России; в 1916 г. присутствовал, вместе с женой при свидании Варбурга с Протопоповым—Т. I, стр. 408, 410.

Порумбаро, Э.—румын. полит. деят.; национ.-либер.; в.-пред. палаты деп. 1901—04 г.

и 1907—09 г.; мин. общ. раб. в каб. Стурдзы 1904—05 г.; мин. ин. дел в каб. Братиано 1914—18 г.; ум. в 1921 г.—Т. I, стр. 243, 363, 368, 372, 373, 375, 377, 384, 390, 442, т. II, стр. 261, 319.

Притвиц—Т. II, стр. 373.

Протопопов, Ал-др Дм.—род. в 1864 г.; октябрист; начал службу в армии, позднее работал по земству и состоял симбирск. уездн. предвод. двор.; тов. пред. гос. думы 4 созыва; управ. мин-ством внутр. дел 1916—17 г.; ум. в 1918 г.—Т. I, стр. 405—411.

Пуанкарэ, Раймонд—франц. госуд. деят., род. в 1866 г.; один из руковод. нац. блока; адвокат; депутат 1887—1903 г.; сенатор 1903—13 г.; мин. нар. просв., изящ. искус. и вероисп. в 1 каб. Дюпюи в 1893 г.; фин. во 2 и 3 каб. Дюпюи 1894—95 г.; нар. просв. в каб. Рибо 1895 г.; в.-президю пал. деп. 1895—98 г.; мин. фин. в каб. Сарриена в 1906 г.; пред. сов. мин. и мин. ин. дел 1912—13 г.; президент респ. 1913—20 г.; пред. сов. мин. и мин. ин. дел 1922—24 г.—Т. I стр. 289, 301, 326, 333, 334, 494, т. II, стр. 137—139.

Пэдж, Вальтер—сев.-америк. полит. деят. и дипл.; издатель журн. «The Atlantic Monthly» и «The World's Work» 1896—1913 г.; посол в Лондоне 1913—17 г.; ум. в 1918 г.—Т. II, стр. 331.

Пэджет, сэр Артур—англ. ген.; ком. воен. силами в Ирландии 1911—17 г.; ездил в 1915 г. со спец. миссией в Россию и балк. страны—Т. I, стр. 374, т. II, стр. 262, 263, 272.

Пэджет, сэр Ральф—англ. дипл., род. в 1864 г.; в мин. ин. дел с 1888 г.; служил в Вене, Каире; 3 секр. миссии в Занзибаре 1891—92 г., в Вашингтоне в 1892 г., в Токио в 1893 г.; 2 секр. в Каире 1899—1900 г., в Мюнхене 1900 г., в Константинополе 1901 г., в Гватемале 1901 г., в Банкоке 1902—09 г., в Мюнхене в 1909 г.; посланник в Белграде 1910—13 г.; пом. ст.-секр. по ин. дел. 1913—1916 г.; посланник в Копенгагене 1916—18 г., в Рио-де-Жанейро 1918—20 г.; вышел в отставку в 1920 г.—Т. II, стр. 386.

Радев, С.—болг. дипл., публицист; стамбуловец, руссофоб; посланник в Букаресте 1913—16 г.; позднее посланник в Берне—Т. II, стр. 241.

Радко-Дмитриев—болг. ген.; нач. ген. штаба 1902—07 г.; инсп. 3 воен. окр. 1907—1912 г.; во время балк. войны 1912—13 г. ком. 3 арм.; посланник в Петербурге 1913—14 г.; во время мировой войны вступил в рус. арм. и получил в команд. 3 корп., а затем 3 арм.; после прорыва фронта у Горлицы в мае 1915 г. был врем. устранен от должн., но затем снова получил корп. (2 сибирск.) и 12 арм., расположенную на сев. фр. у Риги; после февр. революции ком. той же арм. по июль 1917 г.; ум. в 1918 г.—Т. I, стр. 215, т. II, стр. 171, 172.

Радославов, Василь—болг. полит. деят., род. в 1858 г.; получил образование в Австрии и Германии; начал свою полит. деят., как приверженец Стамбулова; позднее основал свою «либеральную» партию; мин. юст. в каб. Каравелова 1884—86 г.; пред. сов. мин. и мин. внутр. дел 1886—87 г.; мин. нар. просв. в каб. Стоилова 1894—95 г. и внутр. дел в каб. Иванчова 1899—1901 г.; премьер-мин. в 1913 г.; заключил Букарестский и Константинопольский миры; подал в отставку в 1918 г., когда был заменен Малиновым; приговорен к тюремн. закл. в 1923 г.; ум. в том же году.—Т. II, стр. 185, 201, 239—244, 252, 256, 257, 261—263, 265, 274, 277, 279, 287, 301, 303, 304, 309, 310.

Рафалович, Ник. Льв.—рус. финансист; служил при госуд. канц.; член правления Русско-Азиатского банка—Т. II, стр. 326, 328, 345, 350, 353.

Рафальский, Влад. Тр.—рус. дипл.; в мин. ин. дел с 1908 г.; служил в I деп. и в Константинополе; и. д. секр. и драгомана кон-ства в Трапезонде 1913—1914 г.—Т. II, стр. 342.

Рейнак—франц. полит. деят., публицист и финансист; член пал. деп.—Т. I, стр. 479.

Рибо, Александр—франц. госуд. деят., род. в 1842 г.; мин. ин. дел 1890—93 г.; пред. сов. мин. 1893 и 1895 г.; мин. фин. 1914—17 г.; пред. сов. мин. и мин. ин. дел

зелоса в ноябре 1915 г. образовал кабинет, остававшийся у власти до июня 1916 г.—Т. II, стр. 380.

Смирнов, Мих. Ив.—кап. I ранга; прикоманд. в качестве офиц. связи к штабу союз. флота в Дарданеллах в 1915 г.; в 1916 г. флаг-кап. операт. части черномор. фл. при Колчаке; летом 1917 г. покинул этот пост; в настоящее время эмигрант—Т. I, стр. 241, т. II, стр. 158, 394.

Солдатенков, Вас. Вас.—чиновн. особ. поруч. при мин. ин. дел 1913—15 г.—Т. I, стр. 318, 319.

Сольсбери, лорд Р.—англ. дипл. и госуд. деятель (1830—1903 г.)—Т. I, стр. 256.

Соннино, бар. Сидней—итал. госуд. деят., род. в 1847 г.; консерв.; член палаты с 1880 г.; пом. ст.-секр. по фин. дел. 1889—93 г.; мин. фин. в каб. Криспи 1893—96 г.; пред. сов. мин. в 1906 г. и 1909—10 г.; мин. ин. дел окт. 1914 г.—июнь 1919 г. в каб. Саландры, Бозелли и Орландо; сторонник вступления Италии в войну; 2-й делегат Италии на Версальской конференции 1919 г.; ум. в 1922 г.—Т. I, стр. 265, 296, 306, 308, 309, 313, 318—321, 337, 342, 351—353, 355, 371, 408, 437, 441, 442, 446, 447, 448, 470, 487, 495, 500, 502, 503, т. II, стр. 249, 257, 259, 261.

Стрейт, Г.—греч. дипл., посланник в Вене 1910—14 г.; участв. в работах лондонск. конференции 1913 г.; в 1914 г. мин. ин. дел в каб. Венизелоса; в 1915 г. намечался на пост посланника в Константинополь—Т. II, стр. 205.

Сурея-бей—албанск. полит. деят.; начал службу в турец. мин-стве ин. дел; секр. миссии в Софии; во время мировой войны представитель Албании в Вене—Т. II, стр. 383, 384.

Сухомлинов, Влад. Ал-др.—рус. ген., род. в 1843 г.; воен. мин. март 1909 г.—июнь 1915 г.; после катастрофы в Галиции устранен от должн., отдан под суд и заключен в Петропавл. креп.; позднее освобожден царским прав-вом; после февр. рев. снова предан суду и приговорен к заключению в креп.; ум. в Берлине в 1926 г.—Т. II, стр. 146, 177.

Таке-Ионеско—румын. полит. деят.; род. в 1858 г.; получил образование во Франции; первоначально примыкал к нац.-либер., но затем перешел к консерв.; мин. вероисп. и просв. в каб. Катарджи 1892—95 г. и в каб. Кантакузена 1899—1901 г.; фин. в каб. Кантакузена 1903—07 г.; внутр. дел в каб. Майореско 1912—14 г.; иностр. дел в каб. Братиано 1916—18 г. и Авереско 1920—21 г.; пред. сов. мин. и мин. фин. дек. 1921—янв. 1922 г.; ум. в 1922 г.; вместе с Братиано во время мировой войны сторонник держав Согласия—Т. I стр. 380, 382.

Талаат-паша—турец. госуд. деят.; младотурок, род. в 1874 г.; один из главн. членов партии «Единение и Прогресс»; мин. внутр. дел 1909—11 г. и 1913—17 г.; мин. фин. 1913—14 г.; с февр. 1917 г. вел. визирь; после поражения Турции в 1918 г. бежал в Германию; в 1919 г. приговорен заочно к смертн. казни; убит в Берлине в 1921 г.—Т. I, стр. 358, т. II, стр. 213, 276, 318, 320—324.

Татаринов, Ал-др Ал-др.—полковник; пом. воен. агента в Китае 1914—15 г.; агент в Румынии 1915—17 г.—Т. II, стр. 185.

Тераучи, гр. Масаката—япон. ген.; занимал должн.: секр. воен. мин.; пом. нач. воен. школы в Тойяме; нач. кавал. школы; офиц. для поруч. 1 арм. див.; управ. отд. ген. штаба; во время японо-кит. войны 1894—95 г. во главе отд. воен. сообщ.; с 1897 г. ген.-исп. воен. школ; позднее пом. нач. ген. штаба; воен. мин. 1902—11 г.; ген.-губ. Кореи 1911—16 г.; пред. сов. мин. 1916—18 г.; член верх. воен. сов.—Т. I, стр. 393.

Терещенко, Мих. Ив.—рус. полит. деят.; мин. фин. врем. прав-ва март—май 1917 г. и мин. ин. дел май—окт. 1917 г.; в настоящее время эмигрант—Т. I, стр. 396—398, 400, 402—404, 489, 491, 493—503, 506—513, т. II, стр. 233, 235.

Тодоров, Т.—болг. полит. деят., народняк, ближ. сподвижник Гешова; предс. нар. собр. 1894—96 г.; мин. юст. 1896—97 г., фин. 1897—99 г. в каб. Стоилова

и в каб. Гешова 1911—13 г.; образов. коалиц. мин-ство после падения каб. Малинова в 1918 г. (с ноября 1918 г. по окт. 1919 г.) — Т. II, стр. 241, 242.

Тома, Альбер—франц. полит. деят., социалист 2-го интернационала; род. в 1878 г.; ген. совет., мэр в Шантильи и депутат; во время мировой войны тов. воен. мин. по снабжению арм.; в 1917 г. приезжал в Россию; пред. междунар. бюро труда при Лиге Наций — Т. I, стр. 300, 398, 399, 484, 493, 501.

Томашевский—повидимому **Георг. Леонт.**—рус. дипл., бывш. секр. миссии в Дрездене до 1914 г. и отозванный в мин-ство в связи с началом войны с Германией—Т. I, стр. 316.

Тончев, Д.—болг. полит. деят., сторонник Радославова; мин. фин. в каб. Радославова 1913—18 г.; заключил заем в Германии в 1915 г.; подозревался в подкупе герм. прав-вом — Т. II, стр. 247, 256, 274.

Трепов, Ал-др Фед.—рус. госуд. деят., род. в 1863 г.; член госуд. сов., сенатор; управ. мин-ством путей сообщ. ноябрь 1915 г.—янв. 1917 г.; пред. сов. мин. ноябрь 1916 г.—янв. 1917 г.—Т. I, стр. 443, 445.

Трубецкой, кн. Григ. Ник.—рус. дипл.; в мин. ин. дел с 1896 г.; в Константинополе до 1905 г.; в.-дир. 1 деп-та мин-ства и нач. ближневост. отд. 1912—14 г., посланник в Сербии 1914—17 г.; дир. дипл. канц. при штабе верх. главноком. в 1917 г.; в окт. 1917 г. назначен послом в Лондон; управ. отд. вероисп. при Деникине; в настоящее время эмигрант — Т. I, стр. 155, 199, 200, 201, 204, 335, 336, 383, т. II, стр. 141, 158, 166, 194, 195, 201, 202, 260, 268, 272, 273, 340, 341—345, 353—355, 358, 359.

Трубецкой, кн. Евг. Ник.—проф. энциклопедии и философии права, публицист, род. в 1863 г.; один из лидеров партии «мирного обновления»; ум. в 1920 г.—Т. I, стр. 283.

Турн-и-Вальсасина, гр. Дуглас — австро-венг. дипл.; род. в 1864 г.; в мин. ин. дел с 1888 г.; в Берлине и Париже 1888—92 г.; в Мюнхене 1892—94 г.; секр. миссии в Букаресте 1894—98 г.; 1 секр. и совет. пос-ства в Берлине 1898—1904 г.; позднее состоял в составе ведомства; посол в Петербурге 1911—13 г.—Т. I, стр. 202.

Уэшберн, Стенлей—америк. офицер и журналист; в авг. 1914 г. отправился на русский фронт в качестве воен. корресп., где оставался в течение первых 26 мес. войны; в апр. 1916 г. находился при франц. арм., оборонявшей Верден; осенью 1916 г. воен. корресп. на румын. театре войны; после вступления С.-А. С. Штатов в войну—в составе сев.-амер. арм.; в мае 1917 г. в миссии Рута, посетив. Россию,—Т. I, стр. 428.

Фашотти, бар. Карло—итал. дипл., род. в 1870 г.; в мин. ин. дел с 1896 г.; служил в Вене и Афинах; и. д. ген. консула в Канее 1905—06 г.; 1 секр. пос-ства в Вене 1906—08 г. нач. 1 отд. 4 отдела мин-ства ин. дел. 1908—11 г.; посланник в Букаресте 1911—19 г.—Т. I, стр. 296, 371, 448, 495.

Фердинанд I—болг. царь, род. в 1861 г.; избран князем болг. в 1887 г.; признан державами в 1896 г.; с 1908 г. независимый царь болгарский; отрекся от престола в 1918 г.—Т. I, стр. 202, 203, 358, т. II, стр. 242, 259, 262, 264, 272, 278, 282, 284, 294, 304, 306.

Фердинанд—румын. король, род. в 1865 г.; на престоле с окт. 1914 г. — Т. I, стр. 380, 382, т. II, стр. 282.

Филипеско, Н.—румын. полит. деят., консерват., род. в 1861 г.; неоднокр. мэр Букареста и в.-пред. пал. деп.; мин. землед., торг., пром. и гос. имущ. в 1 каб. Карпа 1900—01 г.; вероисп. во 2 каб. Карпа 1912—14 г.; во время мировой войны сторонник держав Согласия; после смерти Лаховари в июле 1915 г. во главе консерв. партии; ум. в 1916 г.—Т. I, стр. 380, 382.

Фицморис, Джеральд Генри—англ. дипл., род. в 1865 г.; в мин. ин. дел с 1883 г.; и об. ген. консула в Триполи 1912—14 г.; причислен к посольству в Париже 1914—15 г., и к миссии в Софии в 1915 г. на правах 1 секр.; в составе адмиралт. 1915—19 г. и мин. ин. дел 1919—21 г.; в отставке с 1921 г.—Т. II, стр. 280.

Фичев, Ив.—болг. ген.; нач. ген. штаба 1911—14 г.; воен. мин. в каб. Радославова с 1914 г.; в авг. 1915 г. подал в отставку и заменен ген. Жековым, а затем ген. Найденовым; ум. от ран, полученных при взрыве в Софийском соборе в 1925 г.—Т. II, стр. 185, 241, 242, 263.

Флева, Н.—румын. полит. деят., германофил; неоднократно мэр Букареста; мин. землед., пром., торг. и гос. имущ., в каб. Кантакузена 1899—1900 г.—Т. I, стр. 296.

Франц-Иосиф—австрийский император 1848—1916 г.—Т. I, стр. 381, т. II, стр. 282, 382.

Фредерикс, гр. Влад. Бор.—ген.-адъют.; пом. мин. имп. двора 1893—97 г.; управ. мин-ством двора и уделов 1897—98 г.; мин. двора и ком. имп. главн. кварт. 1898—1917 г.—Т. I, стр. 205, 206.

Фуад, Селим—турец. дипл., посланник в Берне 1915—18 г.—Т. II, стр. 323, 324.

Хаджемишев П.—болг. дипл., посланник в Афинах 1910—13 г. и в Лондоне 1914—15 г. и с 1924 г.—Т. II, стр. 257.

Хайаши, бар. Гонсуке—япон. дипл., род. в 1860 г.; в мин. ин. дел с 1886 г., консул в Шанхае и Лондоне; секр. миссии в Лондоне 1896—98 г.; дир. торг. бюро мин. ин. дел 1898—99 г.; посланник в Сеуле 1899—1906 г., в Пекине 1906—08 г., в Риме 1908—16 г. и снова в Пекине 1916—18 г.; губ. Квантунской обл. 1919—20 г.; посол в Лондоне 1920—25 г. — Т. II, стр. 206.

Хасегава, Иошимиши—япон. марш.; член верх. воен. сов.; нач. ген. штаба 1912—16 г.; ген.-губ. Кореи 1916—19 г.—Т. I, стр. 251.

Хвощинский, Вас. Гермог.—рус. дипл.; служил при деп-те личных и хозяйственных дел мин-ства ин. дел; состоящий при пос-стве в Риме 1908—17 г.—Т. I, стр. 310.

Хольмсен, Ив. Ал-др.—рус. ген.; воен. агент в Афинах 1906—13 г.; к-дир 1 бриг. 1 гренад. див. с 1913 г.; взят в плен в 1915 г.—Т. I, стр. 181.

Чапрашиков, Ст.—болг. дипл.; посланник в Белграде 1914—15 г.; до этого личн. секр. Фердинанда.—Т. I, стр. 203, т. II, стр. 202, 260, 268.

Чернов, Викт. Мих.—рус. полит. деят., род. в 1876 г.; соц.-рев.; начал полит. деят. в 1893 г.; во время мировой войны занимал колеблющуюся позицию между интернац. и оборончеством; после февр. револ. оборонец; мин. землед. врем. прав-ва май—июль 1917 г.; после окт. револ. вел активную борьбу с советской властью, руководя эс-эрами —Т. I, стр. 484.

Черчилль, Винстон—англ. полит. деят., консерв., род. в 1874 г.; депутат с 1906 г., тов. мин. по делам колоний 1906—08 г.; пред. деп-та торг. 1908—10 г.; мин. внутр. дел 1910—11 г.; 1 лорд адмирал. 1911—15 г.; мин. воен. снабжения в 1917 г. воен мин. и мин. воздухоплав. 1918—21 г.; мин. колоний 1921—22 г.; лорд-хранитель печати 1922—23 г.; мин. фин. в каб. Болдуина с ноября 1924 г.—Т. I, стр. 319, т. II, стр. 129, 140, 150, 154—156, 158—161.

Чолак-Антич, Б. — серб. дипл.; посланник в Софии 1914—15 г.; в настоящее время посланник в Букаресте—Т. II, стр. 207.

Шейдеман, Филипп—герм. полит. деят., соц.-демокр., род. в 1865 г.; по профессии печатник; в соц.-дем. партии с 1890 г.; 1895—1902 г. руковод. рядом парт. орган.; депутат с 1903 г.; секр. центр. комитета партии с 1911 г.; в 1912 г. в течение нескольких недель в.-президент. рейхстага; во время мировой войны поддерживал политику герм. империалистов; в 1918 г. высказался за немедленный мир с державами Согласия; ст.-секр. в каб. Макса Баденского; в составе совета народ. уполномоч.; пред. сов. мин. февр.—июнь 1919 г., когда отказался принять мирные условия; с дек. 1919 г. бургомистр г. Касселя.—Т. I, стр. 400.

Шелковников, Борис—рус. дипл.; в.-консул в Хаме 1906—14 г.; во время мировой войны находился в Александрии для связи с военной агентурой в Сирии — Т. II, стр. 214.

Шериф-паша—турец. полит. деят., ген.; зять принца Саида-Халима; получил образование во Франции; во время младотурец. движения 1908 г. примкнул к младотуркам, но затем разошелся с ними и жил за границей, где присоеди-

нился к оппозиционным эмигрантским кругам и стал одним из руковод. партии либер.; один из организат. убийства вел. виз. Махмута-Шефкета-паши — Т. II, стр. 318.

Шиллинг, бар. Мавр. Фаб.—рус. дипл., род. в 1872 г.; в мин. ин. дел с 1894 г.; 2 секр. пос-ства в Вене 1899—1904 г.; секр. миссии при Свят. Престоле 1904—09 г. и в Париже 1909—11 г.; нач. канц. мин-ства ин. дел 1911—17 г.,—Т. II, стр. 126, 353.

Штрандтман, Вас. Ник.—рус. дипл.; в мин. ин. дел с 1901 г.; 2 секр. пос-ства в Константинополе 1909—11 г.; I секр. миссии в Белграде 1911—15 г. и в Риме 1915—17 г.; признавался юго-славским прав-вом представителем России после окт. революц.—Т. II, стр. 243, 355.

Штремпель—майор герм. службы; воен. агент в Константинополе 1906—14 г.— Т. I, стр. 225.

Штюрмер, Бор. Влад.—рус., госуд. деят., род. в 1854 г.; ярослав. губернатор; член госуд. сов.; пред. сов. мин. февр.—ноябрь 1916 г.; мин. внутр. дел март—июль 1916 г.; мин. ин. дел июль—ноябрь 1916 г.; ум. в 1918 г.—Т. I, стр. 299, 345—350, 380, 416—428, т. II, стр. 320, 321, 383, 391.

Щеглов, Ал-др Ник.—кап. I ранга; морской агент в Турции 1910—14 г. и в Румынии 1915—17 г.—Т. I, стр. 225.

Ягов, ф. Готтлиб—герм. дипл., род. в 1863 г.; в мин. ин. дел с 1895 г.; служил в Риме, Мюнхене, Гамбурге и снова в Риме; посланник в Люксембурге 1907—09 г.; посол в Риме 1909—13 г.; преемник Кидерлен-Вехтера на посту ст.-секр. по ин. дел. янв. 1913 г.—ноябрь 1916 г.—Т. II, стр. 308, 371, 374.

Ямагата, кн. Аритомо—япон. госуд. деят., марш., род. в 1838 г.; член генро; консерв.; участвов. в междоусоб. войне 1868 г. на стороне микадо, а также в усмирении ряда восстаний и в войне с Китаем 1894—95 г. и с Россией 1904—05 г.; пред. сов. мин. 1889—91 г., 1898—1900 г.; неоднократно воен. мин. и нач. ген. штаба; пред. тайного совета 1906—15 г.; ум. в 1922 г.—Т. I стр. 385.

Янушкевич, Ник. Ник.—рус. ген., род. в 1868 г.; во время мировой войны нач. штаба верх. главнокоманд. авг. 1914 г.—сент. 1915 г.; советн. по воен. делам при наместнике на Кавказе в. кн. Ник. Ник. 1915—17 г.; ум. в 1918 г.—Т. I, стр. 291, 294, т. II, стр. 115—118, 121, 123, 124, 132, 139, 146, 152, 156, 160, 161, 163, 171, 177, 179, 182, 298, 299, 301, 307, 309, 313, 314, 358, 360.

Эбергард, Андр. Авг.—рус. адм.; нач. морск. ген. штаба 1908—11 г.; ком. флотом Черного м. 1911 г.—авг. 1916 г.; позднее член адмиралт.-совета 1916—17 г.—Т. II, стр. 145, 157, 158, 163—165, 167, 168, 292—294, 298, 307, 308.

Эдуард VII—англ. король 1901—1910 г.—Т. I, стр. 203.

Эллиот, сэр Фрэнсис—англ. дипл., род. в 1851 г.; в мин. ин. дел с 1874 г.; служил в Константинополе, Вене, Риме, Стокгольме, Лиссабоне и Каире; дипл. агент в Софии 1895—1903 г.; посланник в Афинах 1903—17 г.; в составе деп-та внешн. торг. 1917—19 г.; вышел в отставку в 1919 г.—Т. I, стр. 238, 335, т. II, стр. 204, 205, 210, 212, 215—217, 221—223, 226, 228.

Энвер-паша—турец. госуд. деят., младотурок, род. в 1881 г.; зять султ. Мехмеда-Решада V; один из главн. руковод. младотур. переворота; воен. агент в Берлине 1909—13 г.; руковод. операц. турецк. войск в Триполи 1911—12 г.; во время балк. войны 1912—13 г. нач. шт. 10 корп.; с янв. 1914 г. воен. мин.; во время мировой войны главноком. турец. арм.; в 1918 г. после поражения Турции бежал в Германию, а затем в Россию; в 1919 г. приговорен заочно к смертн. казни; в 1922 г. принял участие в басмаческом восстании в Туркестане во время которого был убит— Т. I, стр. 358, т. II, стр. 149, 318.

Эрбетт, Жан — известный франц. журналист и дипл., род. в 1878 г.; в течение долгого времени сотрудничал в «Figaro», «Echo de Paris» и «Temps»; вышел из состава ред. «Temps» по соображениям принцип. характера; позднее сотрудничал в «Information»; после признания СССР Францией 28 октября 1924 г., был назначен послом в Москве. — Т. I, стр. 479.

Эрвэ, Гюстав—франц. журналист и полит. деят.; род. в 1871 г.; педагог; позднее адвокат; в 1906 г. основ. социал. орган «La Guerre Sociale» и выдвинулся, как пацифист; во время мировой войны переименовал свой орган в «La Victoire» и стал поддерживать шовинистов—Т. I, стр. 283, 302, 479.

Эрнест—вел. герцог Гессен-Дармштадтский; брат имп. Александры Фед.; вступил на престол в 1892 г.; отрекся в 1919 г. — Т. II, стр. 374.

Эттер, Ник. Сев.—рус. дипл.; в мин. ин. дел с 1886 г.; служил при канц. мин-ства в Копенгагене, Париже, в дипл. агентстве в Болгарии и в Мадриде; 1 секр. пос-ства в Париже 1906—08 г.; советн. пос-ства в Лондоне 1909—15 г.; посланник в Тегеране 1915—17 г.—Т. I, стр. 235.

ОГЛАВЛЕНИЕ II ТОМА.

КАРТА К ИЗДАНИЮ "КОНСТАНТИНОПОЛЬ И ПРОЛИВЫ"

Тип. «Красной Газеты». Зак. № 2802.